This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ARY
ITY OF

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ
БІОГРАФІИ кн. В. А. ЧЕРКАССКАГО

СОСТАВИЛА
кн. О. Трубецкая.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и проч. изъ архива кн. Черкасскаго.

Книга 1-я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1824—1858 гг.). Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Кн. В. А. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ.

(Группа гг. членовъ „меньшинства“ тульск. губ. комитета.)

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
прежн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1901.

6253-8500

HD 715
T75
v. 1:1
MAIN

Группа „Меньшинства“ Тульск. Губернск. Комитета.

1) П. Ѳ. Самаринъ. 2) М. А. Тихменевъ. 3). Кн. В. А. Черкасскій. 4) И. А. Пушкинъ. 5) Н. А. Елагинъ. 10) Л. Л. Карбоньеръ.
6) Бар. И. И. Черкасовъ. 7) Бар. В. М. Менгденъ. 8) М. Д. Бибиковъ. 9). А. А. Ушаковъ.

Отъ издательницы.

Матеріалы, заключающіеся въ архивѣ князя Владиміра Александровича Черкасскаго, собранные княгиней Екатериной Алексѣевной Черкасской, согласно ея духовному завѣщанію, были переданы П. Ѳ. Самарину и П. А. Васильчикову, со смертью же послѣдняго поступили всецѣло въ распоряженіе П. Ѳ. Самарина.

Работа по регистраціи всѣхъ бумагъ архива кн. Черкасскаго и приведеніе его въ порядокъ для сдачи въ Московскій Публичный и Румянцовскій музеи была начата мною еще при жизни П. Ѳ. Самарина и подъ его руководствомъ; одновременно съ этимъ, съ его разрѣшенія, я предприняла настоящій трудъ, который при его жизни не успѣла завершить и представить на его судъ и усмотрѣніе.

Получивъ права изданія, я приняла вмѣстѣ съ тѣмъ на свой страхъ всю сопряженную съ нимъ отвѣтственность. Не могу не выразить при этомъ своей искренней и глубокой признательности В. О. Ключевскому, въ цѣнныхъ указаніяхъ котораго я нашла поддержку, придавшую мнѣ смѣлость, не взирая на мою неумѣлость и неопытность, предложить читателямъ „Матеріалы для біографіи кн. Владиміра Александровича Черкасскаго".

Цѣль моя была дать въ нихъ каждому читателю возможность возсозданія доблестнаго и благороднаго облика одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Александра II.

Четыре части перваго тома выйдутъ въ двухъ выпускахъ или книгахъ, по 2 части въ каждой книгѣ.

Книга 1-я, *часть первая* (1824—1858 гг.)—„Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность князя"; *часть вторая*—„Кн. В. А. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ

комитетахъ, переписка кн. Черкасскаго съ П. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ“ и пр. (1858—59 гг.)[1]).

Книга 2-я, *часть третья* — „Кн. В. А. Черкасскій и редакціонныя комиссіи“ (1859—1861 гг.); *часть четвертая* — „Введеніе въ дѣйствіе новаго Положенія. Кн. В. А. Черкасскій — мировой посредникъ“ (1861—63 гг.).

Такимъ образомъ первый томъ обнимаетъ всю дѣятельность князя въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Въ архивѣ имѣются богатые матеріалы и для исторіи его дальнѣйшей дѣятельности: въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ министромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ (1863—67 гг.), — въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ городскимъ головою и, наконецъ,— въ Болгаріи, гдѣ во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 гг. онъ завѣдывалъ гражданской частью и былъ главноуправляющимъ Краснаго Креста. Здѣсь, въ знаменательный для него день 19-го февраля, день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, въ 1878 году, князь Владиміръ Александровичъ кончилъ свой жизненный подвигъ, весь исполненный истиннаго, горячаго патріотизма.

По выходѣ изъ должности городского головы, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія и отклоняя отъ себя слишкомъ лестные отзывы, кн. Черкасскій сказалъ: „Единственная заслуга моя заключается, быть можетъ, лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно вѣренъ нѣкоторымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, насажденнымъ въ меня сызмала, взращеннымъ во мнѣ Московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи внесеннымъ мною въ общественную дѣятельность, — убѣжденіямъ, которымъ я надѣюсь остаться вѣрнымъ до конца...“ И въ хвалу кн. Черкасскаго да будетъ сказано, что никто съ большимъ правомъ не могъ бы про себя это сказать. Проникнутый убѣжденіемъ въ неотложной необходимости покончить со старыми, обветшалыми порядками, при ясномъ сознаніи великихъ государственныхъ задачъ, предлежавшихъ Россіи, онъ всего себя отдавалъ на служеніе государству и обществу. На уклоненіе отъ службы и практической дѣятельности онъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, далеко не всѣ письма сохранились въ подлинникахъ и многія имѣются лишь въ не всегда исправныхъ копіяхъ (см. указатель въ концѣ книги), по сличеніи которыхъ съ подлинниками, сообщенными уже по напечатаніи писемъ, пришлось значительно увеличить графу опечатокъ и поправокъ.

смотрѣлъ, какъ на непозволительную поблажку себѣ. Высокое понятіе, которое онъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ о долгѣ службы, его глубокая любовь и вѣра въ Россію, — та вѣра, которую Тютчевъ такъ прочувствованно выразилъ въ своемъ четверостишіи:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить—

таковы были двигатели, направлявшіе всю его жизнь и дѣятельность.

Удастся ли намъ довести до конца предпринятое изданіе, покажетъ время. Чтобы взять на себя столь смѣлое рѣшеніе, нужно твердое убѣжденіе, что настоящая форма біографіи встрѣтитъ сочувствіе читателей и что эпоха царствованія Александра II настолько отошла въ область исторіи, что обнародованіе относящихся къ ней документовъ не явится преждевременнымъ.

Кн. О. Трубецкая.

3 октября 1901 г.
Меньшово.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Стран.

Глава I. I. Дѣтство и воспитаніе. — II. Студенческія воспоминанія, сочиненія и работы. Состязаніе на золотую медаль. „Очеркъ исторіи сельскаго сословія“ 3

Глава II. I. Планы кн. Черкасскаго по окончаніи курса. Зима въ Москвѣ 1845—46 гг. Водвореніе въ деревнѣ. Первый проектъ кн. Черкасскаго освобожденія крестьянъ, въ связи съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Николая I. — II. Попытка къ осуществленію освобожденія своихъ крестьянъ. — III. Тульскій кружокъ 1847 г. и второй проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ . . 8

Глава III. I. Жизнь въ деревнѣ 1847—50 гг. Женитьба. Зима въ Москвѣ.— II. Сближеніе съ московскими славянофилами. Участіе въ „Сборникѣ“. „Юрьевъ день“, Цензурныя запрещенія. — III. Занятія дѣлами Васильчиковыхъ. Поѣздки по имѣніямъ. — IV. Зимы 1852—55 гг. . . 32

Глава IV. I. Переговоры объ изданіи журнала. О новыхъ вѣяніяхъ. Уныніе князя и увѣщанія Кошелева. Князь томится бездѣйствіемъ. Желаніе его служить въ Крыму. — II. Разрѣшеніе „Бесѣды“. Согласіе князя на сотрудничество. Снятіе цензурнаго запрещенія. Князь принимается за обозрѣніе. — III. Толки объ уничтоженіи крѣпостного права. Кошелевъ пишетъ проектъ. Проектъ князя Черкасскаго: „О постепенномъ исходѣ изъ крѣпостного состоянія“. Ложно приписываемый ему проектъ 55

Глава V. I. Сотрудничество кн. Черкасскаго въ „Русской Бесѣдѣ“. Успѣхъ его статей. Цензурныя стѣсненія. — II. Поѣздка за границу. Совѣты Кошелеву измѣнить направленіе „Бесѣды“, расширить программу — III. Неожиданный поворотъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Рескрипты Назимову и Игнатьеву. Ликованія Кошелева; онъ торопитъ возвращеніе князя. Двѣ записки князя о новомъ положеніи крестьянскаго вопроса. Бесѣда съ Пальмеромъ. — IV. Допущеніе гласности въ обсужденіе крестьянскаго вопроса 71

Часть вторая.

Стран.

Глава I. I. Возвращеніе въ Россію. Первыя впечатлѣнія. — II. Начало тройственной переписки. Обмѣнъ мнѣній по вопросамъ объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій при переселеніи. О соблюденіи 3-дневной барщины. О будущемъ Главномъ Комитетѣ.— III. О программѣ занятій. О смѣшеніи усадебной и полевой земли и дарованіи права выкупа на всю землю. О безвозмездномъ освобожденіи личности. О томъ, какой тактики держаться въ комитетахъ. — IV. Цензурныя стѣсненія. Статьи князя о биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ. Аксаковъ редакторъ „Бесѣды“ и „Благоустройства“; онъ старается оживить славянскій отдѣлъ. Нападки журналистики на Кошелева и „Сельское Благоустройство“. О смерти Иванова. О барщинѣ. 103

Глава II. I. Статья кн. Черкасскаго: „Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія“. — II. Открытіе комитетовъ въ Рязани и Тулѣ.— III. Обмѣнъ писемъ по вопросамъ объ устройствѣ дворовыхъ, административной единицѣ и общинномъ землевладѣніи. Извѣстія о тульскомъ и рязанскомъ комитетѣ. Уѣздный съѣздъ въ Веневѣ. Свѣдѣнія собираются туго. 130

Глава III. I. Открытіе самарскаго комитета. Первое бурное засѣданіе. Левшинъ въ Нижнемъ. Рязанскій комитетъ. Разсужденія о 1-й главѣ закончены. Царскія слова въ Москвѣ. Тульскій комитетъ. Пріѣздъ Левшина. Князь подаетъ ему записку о депутатскомъ комитетѣ въ Петербургѣ. — II. Составъ тульскаго комитета. Дѣла идутъ туго. 4 засѣданія объ уставѣ. Кн. Черкасскій хочетъ подать мнѣніе объ единовременномъ выкупѣ усадебъ обществами. Онъ держится программы. О принятіи тайной подачи голосовъ. Объ „Обозрѣніи“. О спорѣ объ общемъ землевладѣніи. — III. Рязанскій комитетъ. Пораженіе главы оппозиціи. Трудность ладить съ меньшинствомъ. Самарскій комитетъ. „Драматическій отрывокъ“. Покушеніе уничтожить статистическія свѣдѣнія. Приступлено къ 1-й главѣ. Вся работа на плечахъ Самарина. Взглядъ его на большинство. Надежда, что меньшинство найдетъ поддержку въ Петербургѣ. Проекты меньшинства. 169

Глава IV. I. Переписка съ И. Аксаковымъ по поводу статьи о сельскомъ управленіи. Нападки журналистики. Отвѣтъ Аксакова. Кн. Черкасскій отказывается печатать свой отвѣтъ. Впечатлѣніе статьи Аксакова въ комитетѣ. Принятіе тайной подачи голосовъ. Кн. Черкасскій объ аристократизмѣ. — II. Рязанскій комитетъ; разногласія въ большинствѣ. Самарскій комитетъ. Первая глава проекта. Аргументація Самарина въ пользу дешевой оцѣнки усадебъ. Кошелевъ думаетъ добиться ея путемъ хитрости. Пораженіе главы оппозиціи въ самарскомъ комитетѣ. Глава 2-я. — III. Тульскій комитетъ. Запрещеніе подавать отдѣльныя мнѣнія. Къ 1-й главѣ еще не приступали. Предложенія изъ Петербурга о поступленіи на службу. Статья Кошелева противъ Каткова. — IV. Самарскій комитетъ.

Стран.

Пренія о выкупѣ; скандалъ и 2 недѣли бездѣйствія; гл. 3-я — признаніе недѣлимости общественной единицы. — V. Мнѣніе Кошелева и Самарина о поступленіи на службу. Временное примиреніе въ рязанскомъ комитетѣ. Симбирскій комитетъ о выкупѣ личности. . 186

Глава V. I. Скандалъ въ рязанскомъ комитетѣ вслѣдствіе замѣтки Аксакова. Черкасскій совѣтуетъ Кошелеву не уходить и отмолчаться. Выходъ Кошелева изъ комитета и поѣздка въ Петербургъ. Проектъ отвѣта „Вѣстнику“ отъ редакціи. Интриги въ Москвѣ противъ Черкасскаго. Грустныя размышленія князя о положеніи дѣла. Письмо кн. Черкасской къ бар. Раденъ.—II. Успѣхъ Кошелева въ Петербургѣ. Высочайшее неудовольствіе рязанскимъ комитетомъ. Разговоры о выкупѣ. Отвѣтъ Черкасскаго на журнальныя нападки. Недовольство противъ Аксакова въ министерствѣ за циркулярное письмо къ славянамъ. Выговоръ Крузе за пропускъ объявленія о „Парусѣ“. Запретъ писать о славянахъ. — III. Озлобленіе противъ Черкасскаго за статью Аксакова. Рѣчь князя въ комитетѣ. Разногласіе въ меньшинствѣ по вопросу о надѣлѣ. Замѣтка князя на статью Кошелева въ отвѣтъ Каткову. — IV. Кошелевъ предупреждаетъ князя о готовящемся ему скандалѣ на выборахъ. Сходство рязанскаго скандала съ самарскимъ. Самаринъ все-таки доволенъ результатами работы. Переписка его съ Булгаковымъ объ обязательномъ выкупѣ. О замѣткѣ Аксакова. Пренія объ усадьбахъ. Разногласія въ меньшинствѣ рязанскаго комитета. Мнѣніе Самарина о положеніи Кошелева; его положеніе улучшается. 221

Глава VI. I. Рязанскій комитетъ по возвращеніи Кошелева; недостатокъ единодушія въ меньшинствѣ. Мнѣніе Самарина о положеніи Кошелева; его положеніе улучшается; онъ негодуетъ на полемику противъ Черкасскаго — опасается, что Черкасскій дразнитъ дворянъ.— II. Положеніе дѣлъ въ Тулѣ хуже, чѣмъ въ Рязани и Самарѣ. Аксаковъ о впечатлѣніи, которое производитъ кн. Черкасскій въ комитетѣ. Засѣданіе 2-го и 3-го декабря. Особое мнѣніе кн. Черкасскаго. Онъ хочетъ представить на выборахъ проектъ земельнаго банка. Въ Рязани дѣло налаживается: допущеніи полной гласности. — III. Открытіе дворянскихъ выборовъ, надежда на мирное окончаніе ихъ. Успѣхъ отвѣта кн. Черкасскаго на журнальную полемику. Поднятіе вопроса о преданіи кн. Черкасскаго суду дворянства. Скандалъ длится три дня. Друзья отстаиваютъ князя, и исторія кончается ничѣмъ. — IV. Обѣдъ въ честь кн. Черкасскаго: чествованіе его, какъ представителя извѣстныхъ принциповъ. Рѣчь Хомякова и др. Рѣчь кн. Черкасскаго въ собраніи. Губернскіе выборы 250

Глава VII. I. Тульскій комитетъ: приступлено къ 1-й гл. — Самарскій комитетъ: о надѣлѣ. — Рязанскій — переходитъ къ системѣ выкупа. Дѣла въ Тулѣ идутъ по-старому: меньшинство подаетъ главу проекта въ видѣ особаго мнѣнія. — Арсеньевъ отказывается предсѣдательствовать. — Въ Рязани: исключеніе 2 членовъ; вопросъ о надѣлѣ, повинностяхъ, оцѣнка усадебъ. — II. Цензурныя стѣсненія.

Стран.

Запрещеніе „Паруса“, статей Черкасскаго; Кошелевъ ѣдетъ въ Петербургъ. — Черкасскій пишетъ Великой Княгинѣ и министрамъ.— Совѣты его Аксакову. — Уступки меньшинству въ вопросѣ о надѣлѣ; разсужденіе о 4-й главѣ; объ усадьбахъ. — Борьба партій въ Петербургѣ. Учрежденіе редакціонной комиссіи. — Новыя цензурныя строгости. — Ш. Кн. Черкасскій о надѣлѣ, оцѣнкѣ повинностей, о проектѣ большинства; составленіе свода свѣдѣній. — Самаринъ о надѣлѣ, объ обезпеченіи повинностей; составленіе свода свѣдѣній — вся работа на немъ; переутомленіе; возбужденіе противъ него растетъ. — Грустныя мысли объ общемъ положеніи дѣла. — IV. Исторія кн. Черкасскаго съ В. — Отзывы его друзей по этому поводу. — Черкасскаго мучаютъ разногласія въ меньшинствѣ. — Его тактика съ большинствомъ: наступательная война.— Приглашеніе его и Самарина въ члены-эксперты въ Главный Комитетъ. — Кошелевъ оставленъ въ сторонѣ. — Исторія Ю. Ѳ. Самарина въ самарскомъ комитетѣ 278

Приложенія.

№ 1. 1-й проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ 1
№ 2. Записка кн. В. А. Черкасскаго: „О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія“ (въ концѣ 1856 г.) . 7
№ 3. О главныхъ и существеннѣйшихъ условіяхъ успѣха новаго положенія 67
№ 4. Программа занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ 93
№ 5. Рапортъ А. И. Кошелева 102
№ 6. Письмо А. Эшмана[1]) къ Ю. Ѳ. Самарину 104
№ 7. Письмо къ Левшину 106
№ 8. Мнѣніе чл. Кирѣева 109
№ 9. Письма отъ Унковскаго къ А. И. Кошелеву 111
№ 10. Протестъ меньшинства противъ тайной балотировки 114
№ 11. Отвѣтъ кн. Черкасскаго на полемику, направленную противъ него . 117
№ 12. Мнѣніе кн. В. А. Черкасскаго, поданное въ засѣданіи 2-го декабря и съ которымъ согласились гг. члены комитета Н. А. Елагинъ, баронъ И. И. Черкасовъ, М. А. Тихменевъ, П. Ѳ. Самаринъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. А. Ушаковъ, М. Д. Бибиковъ, И. А. Пушкинъ 120
№ 13 а. Объяснительная таблица къ проекту Вольнаго земскаго кредитнаго общества 125
№ 13 б. Письмо кн. В. А. Черкасскаго къ Великой Княгинѣ Елены Павловнѣ 126
№ 13 в. Отвѣтъ А. Абазы по порученію Великой Княгини Еленѣ Павловны 128

[1]) Ошибочно на стр. 104 и 106 вмѣсто Эшманъ напечатано Эсмондъ.

Стран.

№ 13 г. Письмо кн. Черкасскаго къ Ланскому 131
№ 13 д. Отвѣтъ С. Ланского. Письмо кн. Черкасскаго къ Ковалевскому . 133
№ 14 а. 135
№ 14 б. 136
№ 15. Преніе кн. Черкасскаго съ чл. Чижовымъ . . . . . —
№ 16. Мнѣніе князя Черкасскаго объ оцѣнкѣ усадебъ и пренія съ членомъ Новосельскимъ 146
№ 17. Мнѣніе кн. В. А. Черкасскаго о надѣлѣ 152
№ 18. Письмо И. С. Аксакова къ Ковалевскому 167
Указатель писемъ 171

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1824—1858).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Дѣтство и воспитаніе. — II. Студенческія воспоминанія, сочиненія и работы. Состязаніе на золотую медаль. „Очеркъ исторіи сельскаго сословія".

I.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, родился 5-го февраля 1824 года, въ деревнѣ Журавлевкѣ, Одинцово-тожъ, Тульской губ., Чернскаго уѣзда. О дѣтствѣ его и воспитаніи сохранились лишь неясныя воспоминанія у немногихъ его современниковъ и товарищей; по словамъ ихъ, кн. Черкасскій какъ-то не любилъ говорить о своемъ дѣтствѣ, поминая лишь изрѣдка и не особенно лестно многочисленныхъ своихъ гувернеровъ, благодаря которымъ, однако, онъ свободно и прекрасно владѣлъ французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками.

Объ отцѣ князя, Александрѣ Александровичѣ Черкасскомъ, извѣстно, что онъ служилъ сначала въ Преображенскомъ полку, а затѣмъ приписавшись въ Мин. Ин. Дѣлъ, въ 1803 г. былъ прикомандированъ въ качествѣ attaché къ нашему посольству въ Лондонѣ. О немъ упоминается въ письмахъ кн. Воронцова[1]). За его живой и веселый нравъ его любили какъ въ полку, такъ и въ Лондонѣ, но онъ, повидимому, скучалъ своей новой службой и скоро ее оставилъ[2]).

---

[1]) См. „Архивъ кн. Воронцова" т. X., стр. 222—232.

[2]) Арх. кн. Воронцова, т. XV, стр. 260—277; XIX, 119; въ т. XXVII письмо бар. Николаи къ Воронцову отъ октября 1804 г. „C'est avec regret que je vois partir Черкасскій. C'est vraiment un bien bon et aimable garçon et d'un commerce extrêmment agréable et bien sûr. Que de farces nous avons fait ensemble avec lui. Faites le bien jaser sur ce chapitre, et vous verrez combien nous étions sages et réservés dans les rues, toutes les fois que nous marchions ensemble". Т. XXXV, стр. 427. Письмо Маріани къ Воронцову: „Черкасскій отмѣнно скучаетъ въ Лондонѣ".

Женившись на Варварѣ Семеновнѣ Окуневой, онъ переселился въ Москву, гдѣ и проживалъ зимой (въ собственномъ домѣ, на углу Фуркасовскаго пер. и Мясницкой), а лѣтомъ съ семьей переѣзжалъ въ тульскую деревню. Съ годами характеръ кн. Александра Александровича, повидимому, совершенно измѣнился и по преданіямъ, семья много терпѣла отъ его крутого, тяжелаго нрава.

Кромѣ Владиміра Александровича, у князя были еще три сына: Константинъ, Евгеній, Ипполитъ и дочь Софія[1]). Кто занимался и руководилъ воспитаніемъ ихъ, князь ли Александръ Александровичъ или мать, княгиня Варвара Семеновна? — На этотъ вопросъ имѣется лишь указаніе П. Безсонова, составившаго біографическій очеркъ: „Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій“ (см. „Русскій Арх.“ № 6). По его словамъ „мать“, занимавшаяся *безъ отца* воспитаніемъ сына, поручила обученіе извѣстному О. М. Бодянскому и онъ же готовилъ князя къ университетскому экзамену. Но на повѣрку выходитъ, что кн. А. А. Черкасскій скончался лишь весной 1844 г.[2]), а что касается О. М. Бодянскаго, то онъ никакъ не могъ готовить кн. Вл. Ал. къ университетскому экзамену, такъ какъ съ 1837 по 1842 г. пребывалъ за границей[3]). Когда онъ вернулся, кн. Вл. Ал. былъ уже студентомъ 3-го курса.

II.

Драгоцѣнное свидѣтельство о студенческихъ годахъ кн. Черкасскаго, о тѣхъ ближайшихъ вліяніяхъ, которыя способство-

---

[1]) Впослѣдствіи замужемъ за А. Андр. Рябининымъ. Кн. Софія род. въ 1817, † 1854 г.; кн. Константинъ род. въ 1818, † 1853; кн. Евгеній р. 1820, † 1898 г.; кн. Ипполитъ род. въ 1822 г. и былъ убитъ на Кавказѣ въ 1844 г.

[2]) „Русскій. Арх.“ 1897 г., № 12, стр. 556. Записки гр. Бутурлина.

[3]) См. „Жизнь и труды Погодина“ т. V. Бодянскій, кончивъ курсъ въ университетѣ, получилъ предложеніе отъ начальства — отправиться въ путешествіе по заграничнымъ славянскимъ землямъ и, по возвращеніи, занять каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. 28 іюля 1837 г. онъ далъ подписку, обязывавшую его служить въ Моск. университетѣ 12 лѣтъ (см. т. X). Вмѣсто двухъ лѣтъ Бодянскій пробылъ за границей пять лѣтъ и вернувшись немедленно занялъ предназначавшуюся ему каѳедру (при отчисленіи его изъ университета въ 1848 г. ему оставалось дослужить еще 6 лѣтъ). Изъ отчета Моск. университета за 1843—1844 г. видимъ, что Бодянскій читалъ студентамъ 3-го и 4-го курса (на 1-мъ отд. философскаго факульт.) исторію чешскаго народа.

вали его развитію въ ту пору, мы имѣемъ въ его личныхъ о томъ воспоминаніяхъ, прочитанныхъ имъ въ день столѣтняго юбилея Моск. университета (12 янв. 1855 г.) въ кругу товарищей и бывшихъ студентовъ, собравшихся, для празднованія этого дня, на вечерѣ у Ю. Ѳ. Самарина.

Мы не станемъ приводить ихъ здѣсь, такъ такъ воспоминанія эти уже напечатаны въ сборникѣ статей и разныхъ рѣчей кн. Черкасскаго. Ограничимся лишь указаніемъ на то, что князь признавалъ надъ собою особенное вліяніе лекцій М. П. Погодина и Н. И. Крылова[1]).

Вступивъ на юридическій факультетъ Моск. университета всего 16 лѣтъ отъ роду, кн. Черкасскій первое время жилъ вмѣстѣ со своими родителями, но вскорѣ послѣ смерти отца, мать его кн. Варвара Семеновна переѣхала на постоянное жительство въ свою тульскую деревню Горбатовку (Веневск. у.) и кн. Вл. Ал. съ той поры сталъ жить совсѣмъ одинъ въ меблированныхъ комнатахъ или пансіонѣ Миссъ-Говардъ, отлично содержавшемся хозяйкой-англичанкой.

Прилежный и даровитый студентъ рано былъ замѣченъ, какъ профессорами, такъ и студентами. Въ отчетахъ Моск. универс. 1840—41 г. встрѣчается имя кн. Черкасскаго въ спискѣ студентовъ юристовъ, подавшихъ наилучшія письменныя работы, при чемъ приведено и заглавіе его труда: „*О древнихъ чинахъ въ Россіи и извлеченіе изъ сочиненія Котошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*“.

---

[1]) См. „Кн. Черкасскій, его рѣчи, политическія статьи воспоминанія о немъ“. Москва, изд. 1879 г.

„Господствующее направленіе въ университетѣ, сказалъ я, было историческое. Русская исторія, въ особенности, была въ то время любимымъ предметомъ большинства дѣльныхъ студентовъ. До сихъ поръ вспоминаю я съ наслажденіемъ лекціи М. П. Погодина, слушанныя мною годъ ex officio и два года добровольно на посторонних курсахъ... Не одаренный могучимъ или живымъ словомъ, но вполнѣ проникнутый горячей любовью къ отечеству и къ его исторіи, каждый годъ разнообразя эпохи, входящія въ программу его преподаванія, и въ основу послѣдняго кладя всегда подлинное чтеніе на лекціяхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, онъ невольно вселялъ въ слушателяхъ своихъ сочувствіе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣятельность умовъ ихъ и радушно привѣтствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успѣвалъ онъ посвятить въ тайныя наслажденія науки.

„Другое преподаваніе, не менѣе имѣвшее на меня вліяніе и, конечно, не оставшееся чуждымъ образованію склада ума многихъ товарищей, было преподаваніе тогдашняго декана нашего, Никиты Ивановича Крылова.

О необыкновенномъ прилежаніи князя свидѣтельствуетъ большое количество, сохранившихся въ его архивѣ записанныхъ имъ лекцій[1]) и груда выписокъ изъ историческихъ актовъ и древнихъ грамотъ, которыми онъ пользовался для своихъ студенческихъ работъ. Изъ нихъ въ арх. кн. Черкасскаго сохранились: „*Разсужденіе о тарханныхъ или жалованныхъ церкви грамотахъ*“ (студентомъ 2-го курса юрид. фак.), „*Разсужденіе объ укрѣпленіи крестьянъ*“[2]) и, наконецъ, „*Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи*“, написанный въ 1844 г. на заданную факультетомъ тему, для состязанія на полученіе золотой медали (соч. напечатано въ „Русск. Арх.“, 1880 г. кн. III).

Трудъ этотъ, не утратившій и доселѣ своего научнаго значенія, не былъ однако удостоенъ факультетомъ золотой медали[3]). Онъ представляетъ для насъ еще особый интересъ потому, что знакомитъ съ точкой зрѣнія кн. Черкасскаго на крестьянскій вопросъ, въ то время еще мало занимавшій и волновавшій то общество, въ которомъ князь вращался въ Москвѣ.

Представивъ очеркъ политическаго развитія русской волости, князь Черкасскій приходитъ къ убѣжденію, что для нея есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостного состоянія — „*общинный политическій бытъ волости, основанный на твердой поземельной собственности*“[4]).

---

[1]) Нынѣ переданныя въ библіотеку Московск. университета.

[2]) См. арх. кн. Черкасскаго, № 1. На послѣдней страницѣ этого разсужденія читаемъ слѣдующую отмѣтку, сдѣланную рукою Погодина: „Оканчивая чтеніе Вашего труда, только жалѣю объ одномъ, почему оно не доведено до конца? Предметъ Вашего разсужденія важностью своею равняется съ Вашимъ прилежаніемъ и Вашими дарованіями“.

[3]) Золотая медаль была присуждена Лакіеру, серебряная — кн. Черкасскому.

[4]) Рѣчь идетъ объ административной, не поземельной общинѣ. Не желая оправдывать крѣпостное право отъ взводимыхъ на него обвиненій, сознавая всѣ злоупотребленія, которыя оно за собою повлекло и „то страшное немилосердное насиліе, съ которымъ переворотъ совершился“, князь указываетъ однако, что „крѣпость внесла въ волостную жизнь новое, благодѣтельное начало: живое сознаніе *общиннаго единства*“; она создала для бездомнаго крестьянина-бродяги твердую осѣдлость, влила въ него твердое сознаніе единства интересовъ всего крестьянскаго міра, „словомъ, крѣпость возвысила общину на степень общины гражданской и политической съ опредѣленной политической цѣлію и твердостію сознательнаго единодушія“ (стр. 141).

„Но когда же настанетъ для Россіи вожделѣнный день?“ спрашиваетъ себя князь. „Жатва быстро зрѣетъ, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкѣ; исторія уже, кажется, произнесла свой судъ, фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященія. Пусть казна, согласившись крестьянъ своихъ назвать свободными, согласится еще на послѣднюю жертву, и оброкъ ихъ назоветъ просто поземельной податью; пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиною, наконецъ отъ нея откажутся и, въ видѣ вознагражденія, согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣніе полною отчинною собственностью. Тогда снова процвѣтетъ славянская волость временъ доваряжскихъ, процвѣтетъ возвышенная и облагороженная тысячелѣтнимъ развитіемъ гражданственности. О, какъ блистательно разовьется тогда привольная русская жизнь, русскій эпосъ!...“ (стр. 143—144).

Одиночество и усиленныя занятія на послѣднемъ году пребыванія князя въ университетѣ, повидимому, наложили на него свой отпечатокъ, и П. Безсоновъ, слѣдующимъ образомъ рисуетъ намъ наружность молодого князя, съ которымъ ему, какъ разъ въ это время, пришлось познакомиться.

„Въ первый разъ я встрѣтилъ князя на публичныхъ лекціяхъ „сельскаго хозяйства“, у профессора *Линовскаго*[1]). Помню какъ сейчасъ, минуты за двѣ до чтенія, когда зала была почти полна, вошелъ студентъ, обратившій на себя вниманіе многихъ, въ томъ числѣ и мое, и вызвавшій вокругъ шопотъ. Онъ былъ въ довольно бѣдномъ вицмундирѣ, какого не нашивали тогдашніе студенты-аристократы, наглухо застегнутомъ, въ очкахъ, плотно надвинутыхъ на глаза, съ гордою осанкою и весьма ученымъ видомъ, не совсѣмъ обычнымъ у сотоварищей. Ни съ кѣмъ не поклонившись, прямо протѣснился онъ къ каѳедрѣ, остановился и, когда сѣлъ профессоръ, приковался къ нему взорами, а къ лекціямъ вниманіемъ, ни разу ни на кого и ни на что не обернувшись въ теченіе цѣлаго часа. И это самое и наружность какъ-то замѣтно отличали его, выдѣляли изъ прочихъ, тѣмъ болѣе, что самъ профессоръ, напротивъ, былъ очень живъ и подвиженъ и шутилъ и смѣялся.

---

[1]) Линовскій читалъ публичныя лекціи въ 1844 г., когда кн. Черкасскій былъ уже на 4-мъ курсѣ. (См. отч. Моск. Импер. универс. за 1843.—44 академич. годъ).

Кончилась лекція, и Черкасскаго, столь же поспѣшно и ходко удалявшагося, сопровождалъ вокругъ тотъ же шопотъ. Спросивши о причинѣ, я услыхалъ отъ сосѣдей, что это „*первый* студентъ, *извѣстный* Черкасскій". Заинтересовавшись, на слѣдующихъ чтеніяхъ я успѣлъ уже познакомиться ближе съ серіознымъ юношей, столь извѣстнымъ въ университетскомъ мірѣ" („Русскій Арх." 1876 г. № 6, стр. 203—204).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Планы кн. Черкасскаго по окончаніи курса. Зима въ Москвѣ 1845—46 гг. Водвореніе въ деревнѣ. Первый проектъ кн. Черкасскаго освобожденія крестьянъ, въ связи съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Николая I. — II. Попытка къ осуществленію освобожденія своихъ крестьянъ. — III. Тульскій кружокъ 1847 г. и второй проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ.

I.

По выходѣ изъ университета кн. Владиміръ Александровичъ долгое время думалъ продолжать свои научныя занятія и искать каѳедры русскаго права. Онъ готовился къ магистерскому экзамену и собирался писать диссертацію о „цѣловальникахъ", т.-е. о древнемъ судѣ присяжныхъ[1]). Зиму съ 1845—46 гг. онъ проводилъ въ Москвѣ, гдѣ занятія не мѣшали ему много выѣзжать въ свѣтъ. Но обстоятельства скоро заставили его покинуть Москву и заняться дѣлами и хозяйствомъ въ деревнѣ. Еще въ декабрѣ 1843 г. князь получилъ по дарственной отъ матери своей имѣніе въ Веневскомъ уѣздѣ — Ивановское, Пригори тожъ. Остальными, не раздѣленными еще послѣ смерти отца, имѣніями управлялъ старшій въ семьѣ кн. Константинъ Александровичъ. Способный, умный, замѣчательно красивый, бле-

[1]) Въ архивѣ кн. Черкасскаго (№ 1) находится мелко-исписанная тетрадь, заключающая въ себѣ изслѣдованіе о древнемъ судѣ присяжныхъ по Бинеру и Реппу, а также письмо О. М. Бодянскаго, обѣщающаго ему дать всякія справки для его работы. И. С. Аксаковъ (см. рѣчь на публичн. засѣданіи Славянскаго благотворит. общ. въ Сборникѣ „Кн. Черкасскій" Москва 1879 г.), очевидно, путаетъ, разсказывая, что кн. Черкасскій писалъ о „цѣловальникахъ" на золотую медаль, а что кандидатомъ онъ изготовилъ магистерскую диссертацію „Юрьевъ день", объ ней см. наши разъясненія стр. 39 и 40.

стящій въ полномъ смыслѣ этого слова и всѣми любимый за свой открытый, веселый нравъ, кн. Константинъ Алекс. имѣлъ несчастную страсть къ игрѣ, которая его совершенно сгубила. Въ 1845 г., благодаря московскимъ игрокамъ, онъ вынужденъ былъ къ совершенію семейнаго раздѣла, при чемъ, выдавъ братьямъ и матери слѣдуемыя имъ части безъ копѣйки долга, онъ о себѣ заявилъ, что свою часть онъ спустилъ въ карты, а какіе остались еще на немъ долги, то онъ того никому въ счетъ не ставитъ[1]). Князь Владиміръ Алекс. былъ особенно нѣжно привязанъ къ этому брату и не разъ выручалъ его въ трудныя минуты, отчего и собственныя дѣла его не мало потерпѣли, и ему пришлось заложить свое имѣніе)[2].

По раздѣлу кн. Владиміръ Алекс. получилъ теперь еще имѣніе въ Веневскомъ уѣздѣ — с. Клинъ, въ 12—15 верстахъ отъ Горбатовки, и съ той поры онъ бо́льшую часть года проводилъ между Клиномъ и Горбатовкой, занимаясь хозяйствомъ и въ то же время не бросая своей науки. Но какъ по своему характеру, такъ и по самому существу интересовавшихъ его вопросовъ онъ не могъ удовлетвориться одними теоретическими разрѣшеніями ихъ и замкнуться навсегда и исключительно въ кабинетныя занятія. Работая надъ изученіемъ исторіи сельскаго сословія, онъ живо чувствовалъ въ себѣ недостатокъ практическаго знанія дѣйствительности, необходимаго, по его мнѣнію, и для историка.

„Безъ близкаго и глубокаго изученія и пониманія настоящей дѣйствительной жизни, быта,— писалъ онъ,— безъ, такъ сказать, свычки съ самимъ народомъ, невозможно вѣрно описать его прошедшее, возсоздать живую картину временъ минувшихъ... Я живо испыталъ на себѣ всѣ эти невыгоды, ощущалъ ихъ притомъ тѣмъ сильнѣе, что ясно сознавалъ невозможность пособить дѣлу иначе, какъ опытомъ и временемъ". („Очеркъ ист. сельск. сословія", „Р. Арх." 1880, кн. 3, № 1, стр. 34—35.

Теперь онъ могъ восполнить въ себѣ этотъ пробѣлъ и притомъ ему здѣсь открывалась перспектива поработать надъ

---

[1]) „Русскій Арх." 1897 г., № 12, Записки Бутурлина.

[2]) См. „Историческій Вѣстникъ" 1893 г., № 12, „Наброски изъ прошлаго", кн. Оболенскаго.

улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, мысль объ освобожденіи которыхъ ни на минуту его не покидала. Побужденія, заставлявшія его интересоваться этимъ, всегда жгучимъ для него, вопросомъ, были не только этическаго свойства: освѣщенный для него историческимъ изученіемъ, вопросъ занималъ его и съ государственной и съ экономической точки зрѣнія, что проглядываетъ уже въ первомъ, черновомъ наброскѣ проекта „постепеннаго освобожденія крестьянъ", написаннаго имъ еще въ 1846 г. (См. прилож. № 1).

Съ напряженнымъ вниманіемъ кн. Черкасскій слѣдилъ за ходомъ вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ (2 апр. 1842 г.), предоставлявшій дѣло освобожденія произвольному соглашенію землевладѣльцевъ и крестьянъ и заключавшій въ себѣ призывъ къ участію частныхъ лицъ въ разрѣшеніи вопроса, возбуждалъ его надежды и подкрѣплялъ вѣру въ твердую волю правительства привести дѣло къ желанному концу, но къ сожалѣнію, оно все болѣе и болѣе запутывалось въ боязливыхъ колебаніяхъ между противорѣчащими другъ другу желаніями: сохранить за дворянствомъ исключительное право на землевладѣніе и страхомъ, освободивъ крестьянъ безъ земли, — создать пролетаріатъ. Усилія какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ разбивались безплодно отъ такихъ непримиримыхъ условій въ постановкѣ земельнаго вопроса. Характернымъ въ этомъ отношеніи является отвѣтъ, данный правительствомъ тульскимъ дворянамъ, о которомъ мы узнаемъ изъ проекта кн. Черкасскаго слѣдующее:

На выборахъ 1843—44 гг. нѣсколько человѣкъ тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ проектомъ — отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по 1 десятинѣ на ревизскую душу, и освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ изъ долга Опекунск. Сов. 45 руб. с. На это предложеніе свое гг. дворяне получили отвѣтъ: что, правительство принять его не можетъ, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ поземельную собственность[1]).

[1]) См. прилож. 1, стр. 4, а также „В. П. Аненковъ и его друзья". Письмо Бѣлинскаго отъ декабря 1847 г. стр. 559.

Неудача этой попытки, какъ увидимъ далѣе, не обезкуражила молодого кн. Черкасскаго, и въ концѣ 1846 г. у него зародилась мысль учредить новый кружокъ среди тульскихъ помѣщиковъ для представленія новаго проекта. Планъ освобожденія крестьянъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ имъ набросанъ, быть можетъ, съ цѣлью предложить его на обсужденіе этого кружка. Чтобы надлежащимъ образомъ понять и судить о немъ, такъ же какъ и о всѣхъ планахъ и проектахъ, вызванныхъ къ жизни указомъ 1842 г., нужно вспомнить о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Николая Павловича и не забывать настроеніе правительства въ данный моментъ.

Первый секретный комитетъ 1826 г., состоявшій подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ самого государя, еще не вѣдалъ тѣхъ колебаній, о которыхъ мы упоминали выше. Вопросъ о землѣ нисколько не смущалъ его при составленіи имъ Положенія „о новомъ устройствѣ всѣхъ состояній въ государствѣ“, которое внесено было уже въ проектъ манифеста. Оно хотя и подтверждало прежнія права помѣщика на владѣніе крестьянами, но воспрещало всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли (кромѣ случаевъ увольненія, когда оно разрѣшалось, но не иначе какъ по взаимному соглашенію) и продажу на свозъ, и облегчало и распространяло всѣ способы увольненія изъ крѣпостного состоянія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ селеній; за каждаго уволеннаго владѣльцамъ обѣщались облегченія въ податяхъ и даже рекрутской повинности.

Утвержденное Государственнымъ Совѣтомъ новое Положеніе передано было на разсмотрѣніе вел. князя Константина Павловича, не раздѣлявшаго убѣжденій государя въ необходимости и своевременности реформъ. Своими возраженіями онъ пріостановилъ Высочайшее утвержденіе его, а іюльская революція и вспыхнувшій затѣмъ польскій мятежъ совсѣмъ затормозили дѣло[1]). Пять лѣтъ прошло до открытія новаго секретнаго комитета (1835 г.) „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій“. Робко и боязливо приступилъ онъ къ вопросу, считая уже теперь, что всякая поспѣшность и рано произнесенное слово сво-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I. стр. 37 – 45. (Berlin. 1860).

боды могутъ имѣть гибельныя послѣдствія, почему должно наблюдать, чтобы переходъ отъ крѣпостного состоянія къ свободному совершался съ *незамѣтною постепенностію*. Главное препятствіе и затрудненіе къ осуществленію освобожденія заключалось, по мнѣнію этого комитета, въ несчастной мысли, распространенной между помѣщичьими крестьянами, что сами они хотя и принадлежатъ господину, но что земля принадлежитъ имъ, тогда какъ *она есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помьщика*, и крестьяне могутъ пользоваться ею не иначе, какъ съ его согласія и взамѣнъ опредѣленной за нее работы, размѣръ которой предполагалось установить закономъ и, такимъ образомъ, подготовить крестьянъ къ условіямъ остзейскихъ губерній, гдѣ они пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому, обрабатывая ихъ землю на основаніи договоровъ[1]). Работы этого комитета, продолжавшіяся до 1836 г., не привели ни къ какимъ законодательнымъ результатамъ, но онъ какъ бы внесъ два новыя требованія, обусловившія впредь всякую дальнѣйшую разработку вопроса: 1) соблюденіе *постепенности* въ переходѣ отъ крѣпостного состоянія къ свободному, 2) признаніе за помѣщикомъ *неотъемлемаго и неприкосновеннаго права на владѣніе землею*.

Тѣмъ временемъ законъ 1803 г. оставался въ дѣйствіи и, при измѣнившемся настроеніи и взглядѣ на крестьянское дѣло, сталъ внушать опасеніе, что землевладѣніе изъ рукъ дворянства перейдетъ въ руки крестьянъ[2]). Созванъ былъ „третій секретный комитетъ“ (1839 г.), которому предложено было пересмотрѣть законъ 1803 года, при чемъ были указаны и дѣйствительные недостатки его: многосложныя формальности, которыми обусловливалось его примѣненіе, и потребность въ большомъ капиталѣ на выкупъ личный и на

---

[1]) *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 22. Въ *Матер. для исторіи упраздн. крѣпостного состоянія* вовсе не упомянуто о комитетѣ 1835 г. „Вторымъ“ комитетомъ названъ комитетъ 1839—42 гг.

[2]) См. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 210. Семевскій насчитываетъ при имп. Александрѣ I—161 случай освобожденія по закону 1803 г., при чемъ въ вольные хлѣбопашцы поступило 47.153 души муж. п.; въ царствованіе Николая I — 251 случай освобожденія и всего 67.149 душъ муж. п. вольныхъ хлѣбопашцевъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ имъ передавалась *вся земля*, находившаяся въ вотчинѣ.

Неудача этой попытки, какъ увидимъ далѣе, не обезкуражила молодого кн. Черкасскаго, и въ концѣ 1846 г. у него зародилась мысль учредить новый кружокъ среди тульскихъ помѣщиковъ для представленія новаго проекта. Планъ освобожденія крестьянъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ имъ набросанъ, быть можетъ, съ цѣлью предложить его на обсужденіе этого кружка. Чтобы надлежащимъ образомъ понять и судить о немъ, такъ же какъ и о всѣхъ планахъ и проектахъ, вызванныхъ къ жизни указомъ 1842 г., нужно вспомнить о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Николая Павловича и не забывать настроеніе правительства въ данный моментъ.

Первый секретный комитетъ 1826 г., состоявшій подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ самого государя, еще не вѣдалъ тѣхъ колебаній, о которыхъ мы упоминали выше. Вопросъ о землѣ нисколько не смущалъ его при составленіи имъ Положенія „о новомъ устройствѣ всѣхъ состояній въ государствѣ“, которое внесено было уже въ проектъ манифеста. Оно хотя и подтверждало прежнія права помѣщика на владѣніе крестьянами, но воспрещало всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли (кромѣ случаевъ увольненія, когда оно разрѣшалось, но не иначе какъ по взаимному соглашенію) и продажу на свозъ, и облегчало и распространяло всѣ способы увольненія изъ крѣпостного состоянія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ селеній; за каждаго уволеннаго владѣльцамъ обѣщались облегченія въ податяхъ и даже рекрутской повинности.

Утвержденное Государственнымъ Совѣтомъ новое Положеніе передано было на разсмотрѣніе вел. князя Константина Павловича, не раздѣлявшаго убѣжденій государя въ необходимости и своевременности реформъ. Своими возраженіями онъ пріостановилъ Высочайшее утвержденіе его, а іюльская революція и вспыхнувшій затѣмъ польскій мятежъ совсѣмъ затормозили дѣло[1]). Пять лѣтъ прошло до открытія новаго секретнаго комитета (1835 г.) „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій“. Робко и боязливо приступилъ онъ къ вопросу, считая уже теперь, что всякая поспѣшность и рано произнесенное слово сво-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I. стр. 37 - 45. (Berlin. 1860).

въ случаѣ притѣсненій, жалобы въ общія судебныя мѣста, и, какъ свободные люди, могутъ, по выполненіи помѣщику обязанностей, переходить въ другое состояніе или переселяться на другія свободныя земли" (не иначе какъ получивъ увольненіе отъ общества).

Исполненіе повинностей обезпечивалось *круговою порукою* и содѣйствіемъ правительства. Установленіе общей нормы какъ надѣловъ, такъ и повинностей за нихъ было отвергнуто большинствомъ голосовъ: назначеніе надѣла предоставлено было добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами, общинное же устройство гр. Киселеву удалось отстоять противъ горячихъ нападокъ князя Меньшикова[1]) какъ мѣру, по его мнѣнію, одинаково обезпечивающую интересы обѣихъ сторонъ. Проектъ гр. Киселева съ поправками былъ представленъ государю при особой запискѣ, гдѣ подчеркивалось еще, что, *сохраняя за помѣщиками полное право вотчинной собственности* на землю, комитетъ предлагаетъ предоставить имъ право, *не стѣсняясь* закономъ 1803 г., заключать съ своими крестьянами условія по обоюдному соглашенію, при чемъ въ указѣ намѣтить лишь главныя статьи Положенія объ *обязанныхъ крестьянахъ*. Въ этомъ духѣ и былъ окончательно составленъ и утвержденъ указъ 2 апрѣля 1842 г.[2]) Практическіе результаты его оказались совершенно ничтожными, такъ какъ за все время своего существованія онъ имѣлъ всего пять случаевъ примѣненія. Но онъ далъ сильный толчокъ общественному мнѣнію своимъ призывомъ къ участію частныхъ лицъ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и вызвалъ къ жизни появленіе многочисленныхъ плановъ, предложеній, проектовъ, которые посылались въ Петербургъ на разсмотрѣніе правительства и ходили секретно по рукамъ, возбуждая страстныя пренія. Очевидно, однако, что при этомъ должно было руководствоваться намѣченными правительствомъ рамками. Возможность осуществленія реформы въ томъ видѣ, какъ она состоялась въ царствованіе Александра II, не могла и сниться кому-либо въ царствованіе Николая Павловича. Предписаніе какихъ-либо обязательныхъ для помѣщика измѣненій въ его правахъ въ принципѣ отвергалось правитель-

---

[1]) См. „Русская Старина" 1881 г., № 2, Записки Соловьева, стр. 217.
[2]) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II, стр. 63.

ствомъ, какъ опасное, революціонное начало, которое неизбѣжно должно было повлечь за собою общую ломку всего стараго, существующаго строя.

Чтобы новое вино не порвало старые мѣхи, всѣ старанія направлены были къ тому, чтобы переходъ отъ стараго къ новому сдѣлать какъ можно незамѣтнѣе, избѣгая всякаго насилія. Лучшимъ путемъ для достиженія этого казалось предоставить дѣло освобожденія доброй волѣ помѣщика и положиться на обоюдное полюбовное соглашеніе[1]). Но указъ „объ обязанныхъ крестьянахъ", имѣвшій главнымъ образомъ въ виду поощрить и умножить число такихъ частныхъ сдѣлокъ, не достигалъ своей цѣли, потому что и для него не было почвы въ законахъ и никакого обезпеченія, чтобы заключаемыя условія соблюдались крестьянами. Князь Черкасскій въ своемъ проектѣ 1846 г. указывалъ на это, а также и на то, что учрежденіе это не можетъ быть принято какъ послѣднее слово законодательства, потому что, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ не менѣе крѣпостного состоянія, оно какъ бы „навѣки освящаетъ въ крестьянскомъ быту общинное владѣніе землею, эту самую первообразную и несовершенную форму поземельной собственности... Зато разсматриваемое, какъ степень переходная между крѣпостнымъ состояніемъ и полной свободой, учрежденіе обязанныхъ крестьянъ представляетъ ту огромную выгоду, что значительно облегчаетъ этотъ переходъ и постепенно воспитываетъ крестьянъ для этого новаго состоянія, мало-по-малу замѣняя для него власть помѣщика властію общины". Рѣзко высказываясь противъ безземельнаго освобожденія на остзейскій образецъ, князь, очевидно, наиболѣе симпатизировалъ закону 1803 года въ томъ способѣ его примѣненія, который дѣлалъ крестьянъ свободными вотчинниками,

---

[1]) При обсужденіи проекта объ обязанныхъ крестьянахъ кн. Д. В. Голицынъ замѣтилъ, что если договоры оставить на волю владѣльцевъ, то едва ли они будутъ кѣмъ-либо заключены, а потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ основаніе указъ имп. Павла объ ограниченіи работъ на помѣщиковъ тремя днями. Но государь возразилъ: „Я конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь и на то, чтобы приказывать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному. См. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II, стр. 62.

закрѣплялъ за ними право личнаго владѣнія землею. Но, идя навстрѣчу новой точкѣ зрѣнія правительства, онъ, для начертанія новаго проекта, предлагалъ избрать „срединный путь между свободными хлѣбопашцами и обязанными крестьянами, стараясь совмѣстить выгоды тѣхъ и другихъ и избѣгнуть ихъ недостатковъ“. Надѣливъ крестьянъ землею по $5^1/_2$ казенныхъ десятинъ на тягло, князь предлагалъ, взамѣнъ того, перевести на нихъ долгъ Опек. Совѣта въ размѣрѣ 50 руб. такъ, чтобы каждое тягло, внося туда ежегодно по 9 руб., по истеченіи 37 лѣтъ освобождалось бы отъ казеннаго долга. Остальной частью надѣла, остававшейся на выкупѣ, крестьяне пользовались на условіяхъ обязанныхъ за годовой оброкъ въ 1 четв. ржи и 2 четв. овса съ тягла, который по расчету ложился бы на нихъ легче существующаго[1]). Освободившись отъ казеннаго долга, но не ранѣе какъ черезъ 37 лѣтъ, крестьяне могли окончательно откупиться и отъ помѣщика за заранѣе опредѣленную для того цѣну, послѣ чего наконецъ они могли приступить и къ внутреннему межеванію отдѣльныхъ участковъ волостной земли. (См. прилож. № 1.)

Мы остаемся въ полной неизвѣстности, былъ ли этотъ планъ когда-нибудь предложенъ княземъ на обсужденіе „кружка“, который окончательно составился только въ апрѣлѣ 1847 г. Очень можетъ быть, что и самъ онъ забраковалъ его раньше, но онъ интересенъ самъ по себѣ, характеризуя взгляды князя въ то время на всѣ существовавшіе способы увольненія.

II.

Осуждая, какъ мы сейчасъ видѣли, безземельное освобожденіе крестьянъ, князь однако допускалъ цѣлесообразность и возможность его для дворовыхъ и мастеровыхъ крестьянъ, что онъ проводилъ въ своихъ послѣдующихъ проектахъ и что затѣялъ вскорѣ предложить у себя въ имѣніи.

---

[1]) Гр. Киселевъ въ вышеупомянутой запискѣ предлагалъ: „плата за личное освобожденіе устанавливается по обоюдному согласію помѣщика и крестьянъ, смотря по большей или меньшей возможности обезпечить доходы помѣщика на землѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ доходъ сей не вознаградитъ нынѣшнихъ выгодъ, получаемыхъ помѣщикомъ въ совокупности отъ земли и отъ промысловъ, плата за личное освобожденіе можетъ простираться до суммы, равняющейся банковскимъ ссудамъ, по установленному на каждую ревизскую душу, по разрядамъ губерній, размѣру.

Имѣніе князя было заложено въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и по существовшимъ тогда законамъ помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни единой десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты *всего долга*, что служило такимъ образомъ непреодолимой преградой къ освобожденію крестьянъ съ землею[1]).

У кн. Черкасскаго въ Пригоряхъ былъ сахарный заводъ и было не мало мастеровыхъ и состоятельныхъ крестьянъ; желая скорѣе открыть возможность для таковыхъ выхода изъ крѣпостной зависимости, онъ рѣшился дозволить всѣмъ желающимъ выкупаться на волю за опредѣленную плату.

26 октября 1846 г. онъ писалъ брату[2]):

„Je t'écris deux mots, cher et bon Eugène, de mon noble chateau de Clin, ou je me morfonds depuis deux jours, à attendre Constantin, parti pour visiter une fabrique de fer du pr. Biborsoff, entre Toula et Kalouga. Du reste, n'ayant pas été chez moi depuis six semaines, j'ai trouvé beaucoup à faire et à dire, d'autant plus, que j'ai fait une grande innovation par rapport à la libération des paysans. Ce matin j'ai signé un „всемилостивѣйшій манифестъ“ о постоянной таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au Comptoir en le faisant proclamer. — Vogue la galère! Что будетъ, не знаю...“

Шагъ этотъ, предпринятый сгоряча и недостаточно обдуманный, причинилъ князю массу хлопотъ и непріятностей, и долго служилъ предметомъ нареканій и ложныхъ толкованій среди нерасположенной къ князю части тульскаго дворянства[3]).

---

[1]) Св. зак. т. X, стр. 1622, 1625. — При написаніи проекта 1847 г. составители его ходатайствовали объ уничтоженіи этого стѣснительнаго правила. См. ниже стр. 24 и Прилож. стр. 25.

[2]) Пишу тебѣ два слова, дорогой и добрый Евгеній, изъ благороднаго зáмка моего Клина, гдѣ изнываю уже два дня, поджидая Константина, отправившагося осматривать желѣзный заводъ Биборсова, между Тулой и Калугой. Впрочемъ, послѣ моего шестинедѣльнаго отсутствія, нашлось много, что сдѣлать и что сказать, тѣмъ болѣе, что я сдѣлалъ великое нововведеніе относительно освобожденія крестьянъ. Сегодня утромъ я подписалъ „всемилостивѣйшій манифестъ“ о постоянной таксѣ, для желающихъ откупиться крестьянъ и отдалъ его въ контору, приказавъ огласить его. Будь что будетъ! Что будетъ, не знаю!

[3]) См. „Русскій Арх.“ 1896 г., № 2, „Изъ воспоминаній Раевской“ (стр. 240). „Не только сосѣдніе помѣщики, но и дворянство другихъ имѣній вознегодовало на кн. Черкасскаго. Говорили, что правительство (сущая клевета!) его тайно поддерживало деньгами и будто обѣщаны ему чины, отличія и мѣста, если

Пресловутый манифестъ пропалъ безслѣдно, но по уцѣлѣвшимъ документамъ ясно видно, что̀ вышло изъ него на дѣлѣ. Мастеровые, а также состоятельные крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать, немедленно откупились[1]). Выкупная цѣна за душу была отъ 60 до 100 руб. глядя по числу взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ (повидимому, выкупъ дозволялся лишь въ полномъ составѣ двора)[2]), при чемъ уплата выкупной суммы разсрочивалась на 2—3 года для облегченія крестьянъ, а прежнія угодья оставались въ ихъ пользованіи за половинный оброкъ[3]). По сохранившейся въ архивѣ князя копіи съ купчей видно, что въ маѣ 1858 года, онъ, по просьбѣ крестьянъ, продалъ вольно-отпущеннымъ изъ села Пригорей 122½ десят. земли въ полную собственность по 40 руб. за десятину, при чемъ, такъ какъ крестьяне не могли уплатить всей слѣдовавшей съ нихъ суммы вдругъ, уплата также была имъ разсрочена на нѣсколько лѣтъ.

привьется его мѣра освобожденія. Помѣщики кричали, что онъ волнуетъ весь край; что будто бы въ крестьянахъ, а въ особенности въ дворовыхъ людяхъ, глядя на примѣръ людей Черкасскаго, проявляется непослушаніе, строптивость и т. п. Но когда, наконецъ, появился Высочайшій рескриптъ, образовались крестьянскія коммисіи, и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ рѣшенъ, тогда пошли совершенно иные толки. Стали говорить, что князь Черкасскій, какъ весьма умный и хитрый человѣкъ, все предвидѣлъ и отпустилъ болѣе половины своихъ крестьянъ безъ надѣла земли и этимъ, во время всеобщаго освобожденія, пріобрѣлъ большія выгоды. То была вторая и усугубленная ложь, такъ какъ дворяне Тульской губерніи, и въ особенности того же уѣзда, или сосѣднихъ съ нимъ, очень хорошо знали, что онъ не только выгодъ не получилъ, но разстроилъ свое состояніе преждевременнымъ отпускомъ на волю большей части своихъ крестьянъ".

[1]) См. „Русскій Арх." 1896 г., № 2, стр. 239, „Изъ воспоминаній Раевской". „Первый явившійся съ просьбой объ освобожденіи былъ молодой, отличный поваръ, изъ дворовыхъ, только что прибывшій изъ Москвы, гдѣ ученіе его стоило кн. Черкасскому 250 руб. с. Внеся 80 руб., поваръ получилъ вольную и не медля укатилъ обратно въ Москву. Затѣмъ явились двое изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ одной деревни; какъ многосемейные, они внесли выкупа сравнительно не много и также получили вольныя.

[2]) Дѣйствіе „всемилостивѣйшаго манифеста", какъ видно по проекту кн. Черкасскаго 1857 г., (гдѣ есть на то ссылка), было распространено и на одно изъ имѣній, принадлежавшихъ его матери. Къ началу 1857 г. въ одномъ изъ имѣній изъ 124 первоначальныхъ тяголъ откупилось до 70, въ другомъ изъ 90 выкупилось 40 тяголъ. См. прилож. стр. 30.

[3]) См. письмо князя къ губернатору, въ арх. кн. Ч—скаго, № 5, тамъ же и прочіе документы по этому дѣлу.

Тѣмъ временемъ крестьянская усадебная осѣдлость оставалась еще въ господскомъ владѣніи, такъ какъ на ней было еще нѣсколько бѣднѣйшихъ крестьянскихъ дворовъ, еще не вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Эти дворы, въ числѣ пяти или шести, были впослѣдствіи выселены въ смежную деревню Клинъ, послѣ чего вольно-отпущеннымъ крестьянамъ предполагалось продать дополнительно и постепенно усадебную землю и потребное количество полевой земли по мѣрѣ того, какъ они собрались бы на то съ силами и средствами. По наступленіи 10-й ревизіи Пригорскіе крестьяне записались въ сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, или казенныхъ крестьянъ, на собственныхъ земляхъ живущихъ, и образовали особое Пригорское общество числомъ въ 128 ревизскихъ душъ. Въ такомъ видѣ находилось дѣло это, когда въ 1861 г. обнародованы были новыя Положенія о крестьянахъ.

Положенія эти, доставившія существенныя облегченія крѣпостнымъ крестьянамъ, открывъ имъ щедрую помощь Главнаго Выкупного Учрежденія, для пріобрѣтенія въ собственность ихъ поземельныхъ надѣловъ, не распространяли той же льготы на крестьянъ, уже вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ, Пригорскіе крестьяне, уже употребившіе собственныя средства на покупку части своего прежняго надѣла, оказались послѣ 19 февраля 1861 г. въ сравнительно менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ крестьяне временно-обязанные, ибо были лишены казеннаго кредита и помощи для пріобрѣтенія остальной части надѣла. Въ 1868 г. кн. Черкасскій совмѣстно со своими крестьянами подалъ прошеніе о распространеніи на нихъ Положенія 19-го февраля для выкупа остальной части надѣла, при чемъ уступалъ имъ ее за прежнюю цѣну 40 руб. за десятину. Но въ просьбѣ этой имъ было отказано, и окончательное устройство Пригорскіе крестьне получили уже послѣ смерти князя, согласно его духовному завѣщанію[1]).

---

[1]) Когда въ тульскомъ земствѣ, уже послѣ смерти кн. Черкасскаго въ 1879 г., возникъ вопросъ о томъ, какъ почтить память покойнаго, между гласными стала циркулировать брошюра нѣкоего „В.“, представлявшая дѣло въ такомъ свѣтѣ, что князь Черкасскій до возрожденія крестьянскаго вопроса „удалялся отъ всякой общественной и государственной дѣятельности, а занятъ былъ въ своемъ кабинетѣ преимущественно хозяйствомъ, которое сумѣлъ приготовить у себя въ имѣніяхъ такъ, что тяжелый для землевладѣльцевъ переворотъ не засталъ

Такимъ образомъ кн. Черкасскому пришлось до конца своей жизни расхлебывать результаты юношеской затѣи, на которую онъ пустился наудачу — „vogue la galère!“... (что̀ будетъ, не знаю).

Съ первыхъ же шаговъ онъ долженъ былъ извѣдать всю трудность частнаго осуществленія дѣла, когда оно находится не въ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ жизни и не находитъ себѣ поддержки въ существующихъ законахъ. При этомъ убытки какъ въ хозяйствѣ князя, такъ и остального крѣпостного населенія были неизбѣжны. Подушныя подати, напримѣръ, платились по количеству душъ, числящихся по послѣдней ревизіи въ мірскомъ обществѣ, и за каждаго увольняемаго приходилось платить ихъ до новой ревизіи[1]). Также за каждаго уволеннаго нужно было вносить соотвѣтственную залогу сумму; но наибольшія трудности встрѣчались при исполненіи рекрутской повинности, которая особенно тяжело ложилась на сельское общество и должна была дать себя сильно почувствовать во время Крымской кампаніи.

III.

Всѣ эти помѣхи, препятствія и затрудненія, не устранимыя безъ содѣйствія правительства, по всей вѣроятности и навели

его врасплохъ, какъ всѣхъ помѣщиковъ“... Слова эти подали поводъ всякимъ комментаріямъ и толкамъ о томъ, что князь сдѣлалъ аферу, освободивъ своихъ крестьянъ безъ земли, что̀ и вызвало со стороны тульскаго губ. предводителя дворянства, П. Ѳ. Самарина, разъясненіе, представленное имъ на чрезвычайное губернское земское собраніе. Изложивъ дѣло въ его настоящемъ видѣ П. Ѳ. Самаринъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: „Вотъ голые факты, за которыми легко усмотрѣть массу затрудненій, которыя пришлось одолѣть какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ, а равно и недочеты обѣихъ сторонъ, для князя конечно меньшіе, ибо Пригори составляли только незначительную часть его состоянія, которое увеличилось наслѣдствами и состояніемъ его жены. Во всякомъ случаѣ, всякій безпристрастный человѣкъ можетъ изъ фактовъ вывести заключеніе о томъ, какое экономическое значеніе для князя имѣлъ этотъ опытъ освобожденія крестьянъ, предпринятый имъ со всѣмъ пыломъ юношескаго увлеченія“ (см. журналъ 12 мая 1879 г. тульск. губ. земск. собр.), въ арх. кн. Ч—скаго, № 5.

[1]) „Р. Арх.“ 1896 г., № 2, „Изъ воспоминаній Раевской,“ стр. 240. „Какихъ жертвъ это стоило владѣльцу! Онъ за вышедшихъ на волю крестьянъ платилъ изъ своего кармана слѣдуемые въ казну подушные сборы и соотвѣтственную сумму вносилъ въ Опекунскій Совѣтъ; доходы его уменьшились, такъ какъ запашку въ имѣніи онъ принужденъ былъ почти всю уничтожить, а болѣе бѣдные крестьяне, оставшіеся крѣпостными, плохо платили оброкъ“.

князя на мысль о составленіи новаго кружка для коллективнаго, всесторонняго обсужденія дѣла и представленія своихъ соображеній и ходатайствъ на утвержденіе правительства.

Въ то время губернаторомъ въ Тулѣ былъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), который весьма сочувственно отнесся къ мыслямъ кн. Черкасскаго и обѣщалъ ему свою поддержку въ Петербургѣ[1]). Вѣроятно вслѣдствіе его представленій, во время выборовъ 1846—47 гг., къ тульскимъ дворянамъ былъ обращенъ запросъ о томъ: отказались ли они отъ предположеній увольненія крестьянъ на представленныхъ ими условіяхъ, или ими приготовляются новые проекты[2]). Въ отвѣтъ на это послѣдовало ходатайство отъ девяти чел. дворянъ, подписавшихъ проектъ 1844 г. объ учрежденіи въ губерніи офиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу[3]). Просьба эта была отклонена, и въ циркулярномъ письмѣ, отъ 16 апрѣля 1847 г., губернаторъ возвѣстилъ Высочайшую волю, чтобы помѣщики ограничились составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ для ихъ собственныхъ имѣній[4]). Къ сожалѣнію, въ архивѣ кн. Черкасскаго не имѣется почти никакихъ документовъ, относящихся къ исторіи этого кружка, въ составъ котораго вошли: гр. Вас. Алекс. Бобринскій, Владим. Андр. Норовъ, Раевскій, Дм. Дм. Ошанинъ, Мих. Павл. Болотовъ и Пав. Ник. Мясновъ[5]), который въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что по полученіи циркулярнаго письма начались совѣщанія у губернатора, гдѣ при разсужденіи завязывались большіе и *безтолковые споры*[6]).

Въ архивѣ кн. Черкасскаго (№ 5) сохранился листъ съ вопросами, помѣченный 21 апрѣля 1847 г., и, по всей вѣроятности, редактированный самимъ Муравьевымъ.

„По соображеніи всего, — говорится въ заключеніи этого документа, — я буду имѣть честь представить Вашему усмотрѣнію мое

---

[1]) „Русскій Арх.“ 1896 г., № 2, стр. 236—237, „Изъ воспом. Раевской“.

[2]) См. „П. В. Анненковъ и его друзья“. Письмо Бѣлинскаго отъ декабря 1847 г., стр. 599.

[3]) „Семевскій крест. вопросъ въ Россіи“, т. II, стр. 242.

[4]) См. арх. кн. Черкасскаго, № 5, „отношеніе къ губернатору“ при проектѣ.

[5]) „Русскій Арх.“, 1896 № 2, стр. 236, „Изъ воспоминаній Раевской“.

[6]) П. Н. Мясновъ былъ во главѣ кружка 1844 г. *Семевскій* („Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ т. II, стр. 338—254) знакомитъ насъ только съ выдержками изъ его записокъ, которыя, къ сожалѣнію, не были изданы.

мнѣніе. Въ какихъ пунктахъ будетъ оно утверждено и въ какихъ отвергнуто, изъ тѣхъ положеній извлекутся мною и предложатся новые вопросы. Я смѣю думать, что такимъ ходомъ при терпѣніи и мужественномъ хладнокровіи, мы, съ помощью Божіею, достигнемъ до возможности разрѣшенія этой трудной задачи.

„NB. Прошу не забывать при отвѣтахъ и предложеніяхъ, что мы дѣйствуемъ относительно токмо *собственныхъ нашихъ имѣній въ Тульской губерніи*, слѣдовательно соображеніе объ оброчныхъ, фабричныхъ, торгующихъ и о прочихъ случайныхъ исключеніяхъ касаться нашихъ разсужденій и мѣшать имъ не должны".

Изъ упомянутаго выше письма Бѣлинскаго къ Анненкову (отъ декабря 1847 г.) мы узнаемъ, что „Перовскій выписалъ въ Питеръ Муравьева для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ"... „Роль, которую онъ теперь играетъ, — пишетъ Бѣлинскій, — забавляетъ его самолюбіе и даетъ пищу болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не любитъ. Онъ говоритъ, что въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по-его: это значитъ быть радикаломъ въ либерализмѣ)... Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія, радъ, что нашелъ въ Муравьевѣ человѣка, къ которому можно посылать всѣхъ *для переговоровъ*".

Происходили ли дальнѣйшія совѣщанія кружка у губернатора, до его отъѣзда въ Петербургъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, о томъ исторія молчитъ. Очевидно только, что члены кружка отъ времени до времени съѣзжались въ Тулу для переговоровъ, но съѣзды эти держались въ секретѣ, такъ что кромѣ ближайшихъ участниковъ, мало кто зналъ о существованіи кружка и его работахъ[1]). Кн. Владиміръ Александр. скоро занялъ здѣсь первенствующее мѣсто. По воспоминаніямъ лицъ, близко знавшихъ князя и слышавшихъ о томъ разсказы впослѣдствіи, разногласія при обсужденіи вопроса не замедлили

---

[1]) 28 окт. 1848 г. Хомяковъ писалъ Попову: „...Я не могу никакъ отыскать Тульскаго комитета: онъ, говорятъ, съ тѣмъ только и допущенъ, чтобы ему не собираться. Не думайте, чтобы я шутилъ, право, не только такъ говорятъ, но утверждаютъ, что объ этомъ было тратковано властями официально и положено: быть комитету по домамъ и сноситься письменно, а съѣздовъ не имѣть. Не знаю, правда ли это, но это вѣрно, что я не могъ сыскать комитетъ, а то бы вѣроятно попросился бы туда, хоть и безъ большой надежды на пользу". („Русскій Арх." 1884 г., стр. 303).

сказаться: особенно бурныя и ожесточенныя пренія происходили между гр. Бобринскимъ и кн. Черкасскимъ[1]).

Трудно опредѣлить, насколько эти совѣщанія и пренія имѣли значеніе въ составленіи проекта, несомнѣнно для насъ одно, что редакція „проекта 1847 г." (который подъ этимъ заглавіемъ изложенъ у Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II, стр. 243—249) вся принадлежитъ перу кн. Владиміра Алекс. Черкасскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ *многочисленныя черновыя, сохранившіяся въ его архивѣ* (№ 5 и 30)[2]).

Первые два параграфа проекта заключаютъ въ себѣ постановленія, ограничивающія помѣщичью власть: отреченіе 1) отъ права продажи и покупки крестьянъ на свозъ безъ земли, 2) отъ переселенія крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями въ другія губерніи, оставляя за собою право переселенія ихъ въ предѣлахъ того же уѣзда и даже другого, въ случаѣ смежности дачъ. Но главная мысль проекта заключалась *въ постепенномъ освобожденіи крестьянъ* не цѣлыми селеніями вдругъ, но посредствомъ предоставленія крестьянамъ права на *одиночный выкупъ*, съ установленнымъ за него maximum'омъ въ 100 р., при чемъ каждый крестьянинъ получалъ въ собственность по 1 десятинѣ удобной земли, а также все крестьянское строеніе вмѣстѣ съ движимостію, освобождаясь притомъ отъ всѣхъ обязательныхъ работъ крѣпостного состоянія. Выкупаться дозволялось не иначе какъ въ полномъ составѣ двора. (Женщины въ семьѣ освобождались отъ платы; для одинокихъ maximum равнялся 50 руб.). Дворовые же и мастеровые могли по желанію выкупаться и безъ земли, но за ту же цѣну maximum 100 руб.[3]) Непремѣннымъ усло-

---

[1]) См. „Воспоминанія Раевской", „Р. Арх." 1896 г., № 2, стр. 237.

[2]) Излагая этотъ проектъ, Г. Семевскій, повидимому, не подозрѣваетъ о степени участія въ немъ кн. Черкасскаго, предполагая опять „главнымъ запѣвалой дѣла" Мясова. О кн. Черкасскомъ на стр. 434-й мы находимъ лишь слѣдующее извѣстіе: „поселившись въ своемъ имѣніи, въ Веневскомъ уѣздѣ Тульской губ., кн. Черкасскій принималъ участіе въ предложеніяхъ тульскихъ дворянъ объ освобожденіи крестьянъ". Извѣстный намъ тульскій помѣщикъ Мясновъ, въ своихъ неизданныхъ запискахъ, говоритъ, что кн. Черкасскій составилъ въ 1847 г. проектъ, въ которомъ предлагалъ разрѣшеніе отъ правительства системы одиночнаго выкупа; съ этимъ проектомъ соглашались многіе тульскіе дворяне"...

[3]) Одновременно съ секретнымъ комитетомъ 1839—42 гг. былъ открытъ въ февралѣ 1840 г. еще другой комитетъ, спеціально посвященный вопросу *о дворовыхъ людяхъ*. Онъ имѣлъ всего три засѣданія и возобновился въ 1844 г. По именному указу Сената разрѣшено: 1) отпускать на волю дворовыхъ людей безъ земли, по обоюднымъ договорамъ, 2) Высоч. утверждено мнѣніе Госуд.

віемъ полагалось, чтобы крестьянскіе участки были не менѣе трехъ десятинъ; раздробленіе ихъ, при наслѣдствѣ, продажѣ и т. п., строго воспрещалось, и одинокимъ вмѣнялось въ обязанность пополнить свой надѣлъ до этого размѣра, при чемъ помѣщикъ долженъ былъ брать за землю не болѣе 45 руб. за десятину. Чтобы утвердить за крестьяниномъ удобную землю, предложены были всякія обезпечивающія мѣры. Въ продолженіе двухъ лѣтъ крестьянинъ пользуется безвозмездно прежней усадебной землею и выгономъ, затѣмъ помѣщикъ можетъ по желанію требовать его выселенія на его участокъ въ шестимѣсячный срокъ (считая всегда съ 1-го іюня), въ случаѣ особыхъ проступковъ помѣщикъ можетъ потребовать черезъ земскій судъ удаленія крестьянина и до истеченія двухъ лѣтъ. Откупившіеся безъ земли не имѣли права оставаться въ имѣніи ни единаго дня безъ разрѣшенія помѣщика. Порядокъ подачи просьбъ и выдачи увольнительныхъ грамотъ подробно установленъ. — Затѣмъ слѣдуютъ ходатайства къ правительству: 1) объ уменьшеніи, требуемаго закономъ ценза для службы по дворянскимъ выборамъ, 250 десятинъ вмѣсто прежнихъ 3000 дес., 2) о переводѣ на землю лежащихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ долговъ кредитныхъ учрежденій, доселѣ исчислявшихся по количеству ревизскихъ душъ, и объ отмѣнѣ стѣснительнаго для нихъ запрета — до окончательной уплаты всего долга отчуждать даже и малѣйшую часть изъ заложенной земли, хотя бы и со взносомъ за то соразмѣрной части долга, 3) объ освобожденіи мірскихъ обществъ отъ исправленія, за выбывающихъ на волю, всякихъ податей и повинностей, для чего предлагалось, чтобы окладъ помѣщичьяго имѣнія, уменьшался бы немедленно на столько ревизскихъ душъ, сколько выкупается, 4) о подчиненіи выкупившихся съ землею крестьянъ одинаковому земскому управленію съ помѣщиками, т.-е. министерству внутреннихъ дѣлъ, и о дарованіи новому сословію названія *„земскихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ“* въ отличіе отъ „обязанныхъ крестьянъ“ и отъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ, совершенно сходныхъ съ ними, но подчиненныхъ мин. государств. имуществъ“.

Князь Константинъ Александровичъ Черкасскій принималъ горячее участіе въ работахъ брата. Проводя бо́льшую часть года

Совѣта объ освобожденіи дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ безъ предварительнаго ихъ разрѣшенія. Обнародованы эти распоряженія: первое — 10-го іюля, второе — 4-го іюля. См. Семевскаго: „Кр. вопр. въ Россіи“ т. II, стр. 109—131.

въ Петербургѣ, онъ издали слѣдилъ за нимъ и, наблюдая за общимъ ходомъ дѣла въ высшихъ сферахъ, сообщалъ брату свои замѣчанія. Къ сожалѣнію, сохранилось лишь слѣдующее его письмо отъ этого времени, да и то не помѣченное числомъ[1]):

„Je t'écris un petit mot, mon cher ami Woldemar, par un ami à moi Ник. Вас. Путята; je suppose, qu'il te trouvera à Toula, occupé à notre comité. C'est un homme extrêmement distingué et surtout d'un très grand sens et qui s'interesse beaucoup aux questions que vous discutez. Aussi je te prie de le mettre au courant de vos affaires pour lui, et pour qu'il puisse m'en donner des nouvelles détaillées à son retour, car je suis dans la plus grande ignorance de ce que vous avez fait depuis mon départ. Je comprends, que vous craignez d'écrire par la poste, mais je voudrais bien en savoir au long par une occasion sûre. Si tu peux en trouver une profites-en, je t'en prie.

„J'ai deux observations à vous faire: 1) постановляя *одиночный* выкупъ, упомяните о возможности ему сдѣлаться и *общимъ, цѣлымъ имѣніемъ*, если бы то оказалось возможнымъ, ибо здѣсь, нѣкоторыхъ пугаетъ видъ дѣла слишкомъ частный, какъ не представляющій окончательнаго результата. 2) Старайтесь особенно обезпечить рекрутскую повинность натурой, въ случаѣ невозможности сдѣлать иначе, даже остающимися людьми въ крѣпости"...[2]) Въ концѣ этого письма находится еще слѣдующая приписка: „J'ai travaillé, depuis mon retour

---

[1]) „Пишу тебѣ словечко, любезный другъ Владимиръ, съ моимъ пріятелемъ Ник. Вас. Путятой; предполагаю, что онъ найдетъ тебя въ Тулѣ, занятаго нашимъ комитетомъ. Это человѣкъ въ высшей степени порядочный и, главное, съ большимъ смысломъ и весьма интересующійся обсуждаемыми вами вопросами. А потому прошу тебя посвятить его въ курсъ вашихъ дѣлъ, во-первыхъ для него, а затѣмъ чтобы, по возвращеніи своемъ, онъ могъ мнѣ дать о нихъ подробныя свѣдѣнія, такъ какъ я нахожусь въ полной неизвѣстности того, что вы сдѣлали съ моего отъѣзда. Я понимаю, что вы боитесь писать почтой, но мнѣ хотѣлось бы знать о томъ подробнѣе черезъ вѣрную оказію. Если ты можешь найти таковую, то прошу тебя воспользуйся ею. Я долженъ вамъ сдѣлать два замѣчанія: 1) постановляя одиночный выкупъ"... и т. д.

Приписка. „Съ моего возвращенія сюда я работалъ надъ *великимъ вопросомъ* съ Левшинымъ, Алекс. Иракл., котораго ты, можетъ-быть, еще увидишь въ Тулѣ. Намѣренія его весьма хорошія. Вообще, я нашелъ здѣсь умы очень хорошо расположенными къ нашему проекту, если бы не *конекъ*, который принялъ большую устойчивочть въ *нѣкоторыхъ* умахъ: это *необходимость общиннаго владѣнія землею*. Но я думаю, что онъ долженъ пасть передъ дѣйствительностью.

[2]) См. параграфъ 42-й проекта.

ici, sur la grande question avec Levchine Алекс. Иракл. que tu verras peut-être encore à Toula. Il est fort bien intentionné. En général, j'ai trouvé ici les esprits très bien disposés pour notre plan, excepté une marotte, qui a pris beaucoup de consistance dans l'esprit *de plusieurs*, c'est *la nécessité de la propriété communale*. Mais je crois qu'elle doit tomber devant les faits".

Замѣчанія кн. Константина Алекс., повидимому, были приняты во вниманіе, хотя и весьма своеобразно, при составленіи „проекта отношенія" къ губернатору. Въ числѣ причинъ, объясняющихъ, почему составители настоящаго проекта отступили отчасти отъ основныхъ началъ проекта 1844 г. (по которому выходъ крестьянъ на волю совершался *цѣлыми селеніями*), здѣсь указывается, что къ этому побудило ихъ какъ зрѣлое и всестороннее обсужденіе вопроса, такъ, „въ особенности желаніе удовлетворить высшимъ требованіямъ правительства, вслѣдствіе коихъ, проекту 1844 г. не было дано дальнѣйшаго хода..." Требованія эти, насколько можно судить по даннымъ на нихъ отвѣтамъ, сводились къ слѣдующимъ условіямъ: 1) чтобы соблюдена была *постепенность* въ переходѣ отъ крѣпостного состоянія къ свободному; 2) чтобы исправленіе повинностей было обезпечено; 3) чтобы былъ обезпеченъ долгъ кредитнымъ учрежденіямъ; 4) чтобы составители проекта руководствовались существующими законами, стараясь подводить вновь возникающіе вопросы и случаи подъ прежнія учрежденія и формы, избѣгая новыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ и юрисдикцій, и, наконецъ, 5) чтобы, при введеніи въ силу и дѣйствіе новаго положенія, помѣщики заручились согласіемъ своихъ крестьянъ, что требовалось непремѣннымъ условіемъ, какъ закономъ 1803 г., такъ и 1842 г., но было совершенно упущено изъ виду въ проектѣ 1844 г., (на что тогда было обращено вниманіе правительства и указано въ его отвѣтѣ тульскому дворянству). Въ отношеніи къ губернатору подробно объясняется, что принимая главное, основное начало настоящаго проекта: *разрѣшеніе одиночнаго выкупа* съ установленнымъ maximum'омъ, — легко удовлетворяются всѣ требованія правительства: освобожденіе будетъ совершаться *постепенно, безъ болѣзненнаго перелома;* къ тому же, открывая двери свободы наиболѣе трудолюбивымъ и достойнымъ крестьянамъ, это можетъ вообще поощрить и побудить

народъ къ работѣ „въ виду желанной вѣрной и легко достижимой цѣли“. „Согласіе предоставляется крестьянамъ изъявлять каждый разъ, при испрашиваніи себѣ отъ помѣщика увольненія“; долгъ кредитнымъ учрежденіямъ обезпечивается остающеюся за помѣщиками землею, *исполненіе же повинностей* и предотвращеніе накопленія недоимкъ — „*устраненіемъ отвѣтственности общества за неисправныхъ плательщиковъ*“. „О вредѣ же общиннаго владѣнія землею крестьянами, — читаемъ далѣе, — излишне было бы, кажется, распространяться; вредъ сей слишкомъ очевиденъ и уже надлежащимъ образомъ оцѣненъ какъ первоначальнымъ узаконеніемъ „о свободныхъ хлѣбопашцахъ“, такъ и управленіемъ министерства государств. имуществъ. Блистательное доказательство послѣднему находимъ мы въ Высочайше утвержденномъ 8 апрѣля 1843 г. мнѣніи Государств. Совѣта о назначеніи государственнымъ крестьянамъ семейныхъ участковъ, вмѣсто раздѣла земли по душамъ, и въ Высочайше одобренныхъ 9 декабря 1846 г., по докладу министерства государств. имущ. правилахъ для приведенія этой мѣры въ дѣйствіе“...

Работа кипѣла въ рукахъ князя: проектъ уже въ теченіе лѣта былъ почти законченъ и распространялся имъ между сочувствовавшими ему тульскими помѣщиками и друзьями, вызывая съ ихъ стороны замѣчанія[1]). Но окончательная редак-

---

[1]) Такъ князь Валеріанъ Голицынъ писалъ 26 августа 1847 г.:

„Je connais déjà votre projet, cher Woldemar, nous l'avons lu et commenté avec Dmitri. Je l'approuve en général, seulement j'y trouve quelques longueurs. Prenez garde: évitez de faire bailler l'Etat. C'est un point important pour la réussite, que de ne pas fatiguer les gens, surchargés de besogne, à ce que l'on dit du moins. — Je trouve même certaines comparaisons avec la France et l'Angleterre, sinon inutiles, du moins intempestives, voici mon avis, faites-en l'usage qu'il vous plaira.

„Quant aux „дворовые“, Dmitri vous a fait je crois la remarque, que s'ils peuvent se racheter avec, ou sans terrain, ils préféreront prendre du terrain, ne fut ce que pour le vendre: c'est un article qu'il faudrait retoucher.

„J'ai rompu jusqu'à présent beaucoup de lances, cher ami, pour la libération des paysans, personne, plus que moi, ne désire voir changer cet ordre de choses C'est une plaie infecte que l'esclavage, et il est difficile de nier les abus horribles, qui en sont la suite. Et pourtant, on les nie! — Que faire! — Un incurable égoïsme d'un coté, une insoucience, une paresse et une nonchalance inconcevable d'un autre, font que ce statu-quo plait et puis, l'on patauge dans cette boue.

„Comme je suis sur le point de vendre deux terres, j'attendrai cher ami d'opposer ma signature, mais vous pouvez compter sur moi, je ne reculerai devant

ція проекта и объяснительная къ нему записка были готовы, повидимому, лишь къ осени, судя по слѣдующему письму Болотова къ князю Черкасскому отъ *2 ноября 1847 г.* (Москва).

„Простите великодушно, вселюбезнѣйшій князь, что я оставляю на нѣсколько дней у себя бумаги. Два раза былъ я у гр. Бобринскаго и не заставалъ его дома; онъ обѣщался ко мнѣ пріѣхать, и я цѣлый день его дожидался. Присылка уже набѣло-переписаннаго проекта, была для меня неожиданностью; жалѣю крайне, что въ сентябрѣ я не засталъ Васъ въ Тулѣ; мнѣ желалось о многомъ съ Вами переговорить. Мясновa же здѣсь поджидаемъ; онъ долженъ пріѣхать изъ Питера на этихъ дняхъ. Во всякомъ случаѣ въ концѣ этой недѣли я пріѣду со Студзинскимъ въ Тулу и привезу съ собою проектъ, который вручу Маріи Дмитріевнѣ. Прощайте, вселюбезнѣйшій князь, отъ души, желаю Вамъ всего лучшаго и прошу вѣрить истинной преданности Вамъ покорнаго *Болотова*“.

Семевскій („Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. II, стр. 249—250) передалъ намъ, согласно съ записками Мясновa, слѣдующее: „Прежде чѣмъ представить правительству *второй* проектъ тульскихъ дворянъ, Мясновъ, въ ноябрѣ 1847 г. отправился въ Петербургъ; — „его разыскалъ одинъ изъ Смоленскихъ депутатовъ, рославльскій предводитель дворянства, Фонтонъ-де-Верраіонъ, и обратился къ нему съ просьбою сообщить ему, что̀ тульскіе дворяне думаютъ отвѣчать на новый запросъ правительства[1]). Мясновъ *отказался разоб-*

---

aucun sacrifice, car cet état d'abrutissement me soulève le cœur depuis bien longtemps“...

[1]) Одновременно съ движеніемъ тульскихъ дворянъ въ пользу разрѣшенія крестьянскаго вопроса, однородное движеніе происходило въ средѣ смоленскаго дворянства, вызванное притомъ самимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. — 18 мая 1847 г., при пріемѣ смоленскихъ депутатовъ, послѣ выборовъ (Фонтонъ-де-Верраіонъ заступалъ при этомъ мѣсто губ. предводителя, кн. Друцкого-Соколинскаго, вслѣдствіе болѣзни послѣдняго) государь обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобъ у насъ отняли. Крѣпостное право при-

начать весь ходъ этого дѣла въ Тульской губерніи, но изъявилъ готовность высказать письменно *свое личное мнѣніе* по этому предмету, изъ котораго оказывается, что Мясновъ предлагалъ надѣлить крестьянъ „по одной десятинѣ въ полную собственность, съ тѣмъ, чтобъ правительство уплатило бы помѣщикамъ по 100 руб. с. за каждую ревизскую душу и затѣмъ возложило бы на крестьянъ обязанность — въ извѣстное число лѣтъ, возвратить эти деньги въ казну“ и т. д. Планъ, который мало имѣлъ общаго съ проектомъ 1847 г.

Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ мѣстомъ изъ записокъ Мяснова (стр. 424), гдѣ онъ сообщаетъ, что „кн. Черкасскій составилъ въ 1847 г. проектъ, въ которомъ предлагалъ „разрѣшеніе отъ правительства системы одиночнаго выкупа“ „и что съ этимъ проектомъ соглашались многіе тульскіе дворяне“, мы склонны думать, что Мясновъ, несомнѣнно принимавшій участіе въ первыхъ совѣщаніяхъ у губернатора, потомъ разошелся съ составителями „проекта 1847 г.“ и едва ли подписалъ его впослѣдствіи, какъ утверждаетъ Е. И. Раевская въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Русскій Арх.“ 1896, № 2). По ея версіи, проектъ былъ подписанъ кн. Вл. Алекс. Черкасскимъ, А. А. Раевскимъ, М. Н. Болотовымъ, Д. Д. Ошанинымъ и П. Н. Мясновымъ. — „Гр. Бобринскій и В. А. Норовъ находили его неполнымъ, нецѣлесообразнымъ, а безъ содѣйствія правительства невозможнымъ къ исполненію, съ чѣмъ нельзя не согласиться“.

Далѣе, по версіи г. Семевскаго (243 стр.), мы читаемъ, что „къ концу ноября того же 1847 г. проектъ тульскихъ дворянъ былъ готовъ и уже подписанъ *тремя* помѣщиками изъ числа желавшихъ дать свободу своимъ крестьянамъ, прочіе же въ это время еще не подписали его, или за отсутствіемъ, или „за несовершеннымъ единомысліемъ въ порядкѣ освобожденія“, по словамъ *лица*, поспѣшившаго

чиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности“. Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа, это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. (См. „Анненковъ и его друзья“, стр. 599, письмо Бѣлинскаго, который добавляетъ еще: „въ рѣчи своей къ депутатамъ государь императоръ сказалъ, что онъ уже *намекалъ*“ (указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ) на необходимость освобожденія, да этого не поняли). О проектахъ смоленскихъ дворянъ, см. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. II, гл. VI.

конфиденціально сообщить копію этого проекта гр. Киселеву еще ранѣе его подачи тульскому губернатору[1]).

Но вопросъ — былъ ли еще когда-нибудь этотъ проектъ офиціально представленъ губернатору? По разсказамъ, слышаннымъ впослѣдствіи отъ самого кн. Черкасскаго, комитетъ, съѣхавшійся въ Тулѣ для подписанія проекта, по неожиданному требованію губернатора, долженъ былъ со срамомъ разъѣхаться: изъ Петербурга прискакалъ фельдъегерь съ Высочайшимъ приказаніемъ: „коммисіи распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса *остановить*“...

Этотъ рѣзкій поворотъ, вызванный вспыхнувшей французской революціей, былъ уже окончательнымъ для крестьянскаго дѣла въ царствованіе Николая Павловича. Въ Петербургѣ, такъ же какъ и въ Тулѣ, онъ наступилъ совершенно неожиданно. Мясновъ, который продолжая хлопотать о своемъ проектѣ до января засидѣлся въ Петербургѣ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды утромъ, когда онъ сидѣлъ въ кабинетѣ Киселева и бесѣдовалъ съ нимъ, Алекс. Иракл. Левшинъ неожиданно прервалъ ихъ вопросомъ: „Не пора ли кончить съ этимъ дѣломъ? — вотъ письмо, рѣшающее все разомъ“. Письмо это было отъ Олсуфьева, гофмаршала Наслѣдника Цесаревича, къ смоленскому помѣщику Оливье; содержаніе его было такою же неожиданностью для Киселева, какъ и для Мяснова; оно заключало слѣдующее:

„М. Г., Александръ Александровичъ! Я имѣлъ счастіе повергать на усмотрѣніе Е. И. В. Государя Наслѣдника письмо Ваше отъ 25-го минувшаго декабря мѣсяца и при ономъ записку подъ заглавіемъ: „Нѣсколько патріотическихъ мыслей“. Отдавая полную справедливость благонамѣренности содержанія оныхъ, Его Высочество повелѣть соизволилъ объявить Вамъ, М. Г., такъ какъ ему извѣстно, что Государь Императоръ отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣль-

---

[1]) Лицомъ этимъ, по всей вѣроятности, былъ кн. Конст. Александр. Черкасскій. При одномъ изъ экземпляровъ проекта находится слѣдующая записка:

„Статсъ-секретарь гр. Блудовъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Его С—ву кн. Конст. Александровичу, имѣетъ честь возвратить при семъ записку и проектъ о постепенномъ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, принося Его С—ву, за сообщеніе сихъ бумагъ, покорнѣйшую свою благодарность. 21 февраля 1848 г.“

цамъ, то и не находитъ нужнымъ представлять ее на воззрѣніе Его Величества. Вы можете, М. Г., *содержаніе сего письма сообщить всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что правительство имѣетъ подобныя намѣренія.* Возвращая у сего вышеупомянутую записку, имѣю честь быть, М. Г., и проч. Василій Олсуфьевъ".

Какъ видно, А. Оливье внялъ послѣднему указанію: письмо В. Олсуфьева сообщено было въ Тулу, копію отъ копіи съ него мы находимъ въ архивѣ кн. Черкасскаго; оно вклеено въ книгу, рядомъ съ черновой проекта 1847 г., — внизу примѣчаніе, что „письмо это адресовано 1848 г. въ генварѣ мѣсяцѣ смоленскому помѣщику А. Оливье". (Въ арх. кн. Ч—аго, № 30).

Мясновъ ухватился еще за послѣднюю соломинку. Вернувшись въ Москву, онъ нашелъ здѣсь почти всѣхъ тульскихъ помѣщиковъ, подписавшихъ проектъ 1844 г., и такъ какъ они не отвѣчали еще на вопросъ правительства: отказались ли они отъ предложенія освободить крестьянъ, онъ подбилъ ихъ немедленно приступить къ составленію отвѣта, гдѣ предлагался цѣлый новый планъ освобожденія.

Этотъ отвѣтъ, подписанный Мясновымъ, Болотовымъ, Бибиковымъ, Муравьевымъ, гр. Бобринскимъ и гр. Татищевымъ, былъ врученъ тульскому губернатору 24 марта 1848 г., и вслѣдъ за тѣмъ, Мясновъ написалъ Перовскому, что отвѣтъ ихъ былъ составленъ „подъ вліяніемъ убѣжденія, что воля государя императора о преобразованіи непреложна, но что письмо гр. Олсуфьева показываетъ, что не только тѣ мысли, которыя изложены въ нашемъ представленіи, но даже составленіе какихъ-либо обязательствъ съ крестьянами неумѣстны"...[1])

Не видно, чтобы кн. Черкасскій съ своей стороны сдѣлалъ бы какую-нибудь попытку въ этомъ родѣ. Письмо гр. Олсуфьева, хотя и получило значеніе почти офиціальнаго документа, еще можно было какъ-нибудь игнорировать, приказъ же губернатора разъѣхаться по домамъ былъ категоричнѣе и знаменательнѣе. Одинъ гр. Бобринскій пытался было протестовать, но Муравьевъ повторилъ повелѣніе, и онъ

---

[1]) См. объ этой новой попыткѣ Мяснова—„Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II, стр. 252—254. Тамъ же сказано, что „въ 1848 г. министерство внутр. дѣлъ нашло проектъ дворянъ Тульскаго уѣзда (т.-е., очевидно, ихъ отвѣтъ, поданный 24 марта 1848 г.) неудовлетворительнымъ".

долженъ былъ уѣхать изъ Тулы[1]). Е. И. Раевская („Русскій Арх.“, стр. 237) разсказываетъ даже, что будто при закрытіи кружка у всѣхъ участвовавшихъ въ немъ были отобраны подписки, что они освобожденіемъ крестьянъ болѣе заниматься не будутъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Жизнь въ деревнѣ 1847—50 гг. Женитьба. Зима въ Москвѣ. — II. Сближеніе съ московскими славянофилами. Участіе въ сборникѣ „Юрьевъ день“. Цензурныя запрещенія. — III. Занятія дѣлами Васильчиковыхъ. Поѣздки по имѣніямъ. IV. Зимы 1852—55 гг.

I.

Со времени закрытія „тульскаго кружка“ до наступленія новаго царствованія, съ 1848-го по 1855-й годъ, наступаетъ пробѣлъ въ общественной дѣятельности кн. Черкасскаго; то было время полнаго общественнаго застоя, пробѣла и въ исторіи русской жизни, завершившагося тяжкимъ севастопольскимъ погромомъ. Въ архивѣ князя Черкасскаго уцѣлѣло очень немного документовъ отъ этой эпохи, благодаря которымъ, съ трудомъ, какъ бы изъ кусочковъ, пришлось склеивать настоящую главу, чтобы возстановить эти словно утерявшіеся годы.

По разсѣяніи кружка, кн. Черкасскій вернулся къ себѣ въ деревню, гдѣ почти безвыѣздно жилъ до своей женитьбы. Дѣла его брата, Константина, шли все хуже и хуже, князь ему много помогалъ, надѣясь какъ-нибудь его выручить, но въ концѣ концовъ кн. Константину Александровичу пришлось переселиться въ деревню. Мать передала ему управленіе Горбатовкой, и братья съ той поры жили вмѣстѣ, дружно занимаясь хозяйствомъ, но жить имъ приходилось теперь болѣе чѣмъ скромно... по немногимъ письмамъ, уцѣлѣвшимъ отъ того времени, видно, что однообразіе деревенской жизни нарушалось иногда посѣщеніями сосѣдей и друзей, съ которыми они пересылались интересовавшими ихъ книгами. Времени для чтенія было много, и братья усердно слѣдили за литератур-

---

[1]) См. „Историч. Вѣстн.“ 1893 г., № 12, Записки Оболенскаго: „Наброски изъ прошлаго“.

нымъ движеніемъ; по нѣкоторымъ намекамъ видно, что и эмансипаціонные толки не забывались между ними[1]).

1850-й годъ внесъ важную перемѣну въ жизнь князя Вл. Александр. Черкасскаго: онъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой[2]). Сватовство его и жениховство живо и ярко возстаетъ передъ нами въ подробныхъ письмахъ А. И. Васильчиковой къ дочери ея гр. Барановой, которой она писала почти ежедневно. Къ сожалѣнію, слишкомъ интимный характеръ этихъ писемъ, дѣлаетъ ихъ исключительнымъ достояніемъ семейнаго архива и не дозволяетъ предавать ихъ печати. Письма А. И. Васильчиковой преисполнены самой горячей любви къ будущему зятю и восторженныхъ отзывовъ объ его умѣ и нравственныхъ качествахъ. Между прочимъ, мы узнаемъ изъ нихъ, что кн. Черкасскій и въ ту пору еще не оставлялъ мысли объ ученой карьерѣ: „Онъ желаетъ, писала А. И. Васильчикова (13-го апр. 1850 г.), получить степень магистра, потомъ доктора и потомъ служить“[3]).

---

[1]) Кн. Черкасскій пишетъ бар. Мейендену отъ іюня 1849 г.: „Je ne vous envoie pas aujourd'hui mes papiers d'émancipation vu, qu'ils sont dans une autre terre et que je n'en ai pas une copie sous la main. Mais avant huit jours je vous les envoie par poste“.

[2]) О семействѣ Васильчиковыхъ, въ которое кн. Черкасскій вступалъ, Безсоновъ („Князь Черкасскій“ „Р. Арх.“ 1878 г., № 6, стр. 210) разсказываетъ, что въ домѣ у нихъ „можно было встрѣтить и Хомякова, въ полу-русскомъ платьѣ и попошенномъ коричневомъ сюртучкѣ оригинальнаго покроя, и К. С. Аксакова, въ его неприхотливомъ нарядѣ, и Гоголя, съ нависшими прядями волосъ, въ яхонтовомъ бархатномъ жилетѣ, забрызганнаго снизу до колѣнъ грязью отъ калошъ, и Бодянскаго, въ допотопномъ фракѣ, споришаго ловкостью походки и пріемовъ съ Бѣляевымъ, и благообразнаго Шевырева съ изящнымъ Грановскимъ, смѣнившихъ петербургскія посѣщенія Плетнева, и скромныхъ тружениковъ всякой отрасли науки и искусства, и все это рядомъ съ особами или великосвѣтскими фигурами, невольно жавшимися и добровольно терпѣвшими подобное сообщество изъ уваженія къ хозяевамъ. Отецъ, знатный, уважаемый и свѣтски вѣжливый старикъ; представительная хозяйка-мать, кѣкогда любимица и фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, поглощенная заботами о домѣ, отлично ею веденномъ, и о дѣтяхъ, всѣмъ ей обязанныхъ, привѣтливая и ко всѣмъ расположенная на добро всякому; красавица дочь, вышедшая за графа Баранова: старшій сынъ отличный студентъ и кандидатъ университета, столько извѣстный впослѣдствіи своимъ самопожертвованіемъ на благо горячо полюбившихъ его черногорцевъ; наконецъ, младшая дочь Екатерина Алексѣевна...“

[3]) Еще въ февралѣ 1847 г. князь собирался держать магистерскій экзаменъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующ. 2 записки отъ проф. Крылова:

Послѣ свадьбы, весело отпразднованной (16-го августа) въ подмосковной Васильчиковыхъ, с. Васильевскомъ, молодые Черкасскіе первые три мѣсяца провели у себя въ Клину, а затѣмъ въ концѣ ноября водворились на зиму въ Москвѣ.— Жизнь мало-по-малу вошла въ московскую колею; начались визиты, выѣзды. Молодые охотно принимали у себя. А. И. Васильчикова хвалитъ ихъ гостепріимство и радушіе. „Катя,— пишетъ она,— даетъ иногда обѣды для очень умныхъ и любезныхъ гостей... У нихъ очень милое и пріятное общество, и что кажется очень весело — это предположенный спектакль у Ѳ. В. Самарина. Катя играетъ первую роль въ „Провинціалкѣ“, пьесѣ Тургенева. Петруша Самаринъ съ ней играетъ и другіе его братья и ея братья“.

II.

Эта первая зима въ Москвѣ послужила началомъ сближенія кн. Черкасскаго съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ. Хотя, еще будучи студентомъ, принадлежа къ одному кругу съ Кирѣевскими и Хомяковымъ, онъ былъ знакомъ съ ними, но знакомство это не оставило въ то время слѣда какихъ-либо серіозныхъ, личныхъ отношеній между ними.

Первая записка, безъ числа, помѣченная „Вторникъ“: „М. Г.! Влад. Ал., я постараюсь устроить Вашъ экзаменъ согласно Вашему желанію, если только будетъ возможно; съ моей стороны все будетъ сдѣлано къ Вашему удобству. О началѣ Вашего экзамена Вы мнѣ вчера говорили; я помню, и на случай забвенія даже записалъ. Ожидаю пріѣда г. Лакіера: тогда приступлю къ нужнымъ распоряженіямъ; впрочемъ долго ожидать не буду и съ слѣдующей недѣли начнемъ дѣло. Свидѣтельствуя Вамъ свое почтеніе и уваженіе, имѣю честь быть“ и проч.

Вторая записка отъ 19 февраля 1847 г. „Деканъ юридическаго факультета имѣетъ честь извѣстить г. кандидата правъ кн. Черкасскаго, что сего февраля 22-го дня, въ субботу, ровно въ 7 часовъ вечера, въ залѣ Университетскаго Правленія назначается словесное испытаніе въ россійскихъ государственныхъ законахъ. Къ каковому сроку, онъ деканъ, просятъ г. кн. Черкасскаго явиться на факультетское собраніе для испытанія въ вышеозначенномъ предметѣ. Деканъ Крыловъ“.

Въ отчетѣ Моск. Импер. университета за 1847—48 гг. встрѣчаемъ лишь имя Лакіера, державшаго экзаменъ на степень магистра; о князѣ Черкасскомъ не упоминается... Повидимому, князь отказался отъ экзамена въ самую послѣднюю минуту, быть можетъ, по неизвѣстнымъ намъ семейнымъ обстоятельствамъ, скорѣе же для того, чтобы всецѣло предаться подготовительнымъ работамъ къ проекту 1847 г.

Если строго держаться рамокъ, поставленныхъ студенческими годами кн. Черкасскаго, то о славянофильствѣ между 1840—44 гг. можно сказать, что направленіе это въ ту пору только еще начинало обозначаться[1]). Въ качествѣ товарища Николая Елагина, младшаго сына извѣстной А. П. Елагиной, кн. Черкасскій часто посѣщалъ ихъ домъ, бывшій главнымъ центромъ тѣхъ „вѣжливыхъ турнировъ между западниками и славянофилами", о которыхъ онъ говоритъ въ своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ, свидѣтельствуя о томъ благотворномъ вліяніи, которое имѣла на университетскую молодежь та тѣсная связь, то живое и постоянное взаимодѣйствіе, въ которомъ находились московское общество и Московскій университетъ. Въ то время часто бывало такъ, что споръ, завязавшійся вечеромъ въ гостиной, на слѣдующее утро получалъ отвѣтъ съ университетской каѳедры и въ свою очередь вызывалъ горячіе толки въ гостиныхъ[2]). Живые отголоски этихъ споровъ находимъ мы какъ въ дневникѣ Герцена, такъ и въ перепискѣ Грановскаго съ его друзьями. Споры велись здѣсь преимущественно о значеніи народности вообще и русской въ особенности, о сущности и отличіяхъ русскаго народа отъ западной Европы, объ отношеніяхъ философіи къ религіи, о Гегелѣ и православіи и проч.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Станкевичу (въ концѣ 1839 г.) Грановскій, жалуясь на воззрѣнія Кирѣевскаго и Хомякова, что Западъ сгнилъ, русская исторія испорчена Петромъ, что вся мудрость человѣческая истощена въ Твореніяхъ свят. отцовъ греческой церкви послѣ ея отдѣленія отъ западной и т. д., пишетъ между прочимъ: „Кирѣевскій проповѣдуетъ это все въ прозѣ, Хомяковъ въ стихахъ. Досадно то, что они портятъ студентовъ, вокругъ нихъ собирается много хорошей молодежи и впиваютъ эти прекрасныя идеи..." Князь Черкасскій не принадлежалъ къ числу увлекавшихся ими; на направленіе его, въ ту пору, по его собственному сознанію, болѣе другихъ имѣлъ вліяніе М. П. Погодинъ, который, несмотря на видимое согласіе программы своего

---

1) К. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ держались еще особнякомъ отъ Хомякова и Кирѣевскихъ.

2) См. рѣчь князя Черкасскаго на юбилеѣ Погодина въ Сборникѣ его статей и рѣчей, стр. 301, а также въ „Русск. Арх." 1879 г. „Славянофилы" Э. Мамонова.

„Москвитянина“ съ славянофильскою, никогда вполнѣ не раздѣлялъ ихъ воззрѣній, хотя и сходился съ ними въ преслѣдованіи одной цѣли — *пробужденія народнаго самосознанія*[1]).

Впослѣдствіи въ горячей и воодушевленной рѣчи, на юбилеѣ М. И. Погодина (въ 1872 г.), произнеся оцѣнку его профессорской дѣятельности, князь Черкасскій указывалъ на то, что независимо отъ существенныхъ ученыхъ достоинствъ курса, Погодинъ привлекалъ къ себѣ своимъ живымъ, беззавѣтнымъ, горячимъ отношеніемъ къ дѣлу.

„Онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія, тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія устоявшаго въ буряхъ исторіи славянскаго государства; онъ училъ насъ сознавать себя русскими членами одной русской, одной общей великой славянской семьи. *Онъ вливалъ въ наши молодыя души живые задатки народнаго самосознанія.* Да: сознаніе! Народное самосо-

---

[1]) Вернувшись въ концѣ 1842 г. изъ заграничнаго путешествія и вступивъ въ управленіе редакціею „Москвитянина“, Погодинъ такъ резюмируетъ свою программу: „Благоговѣніе передъ русской исторіей до Петра I, при всемъ удивленіи къ его лицу, воздаяніе должной чести Москвѣ, осужденіе безусловнаго поклоненія Западу, при должномъ уваженіи къ его историческому значенію, сознаніе національнаго достоинства, увѣренность, въ величайшихъ дарахъ духовныхъ, коими надѣленъ русскій человѣкъ для подвиговъ на поприщѣ науки и литературы, призваніе молодого поколѣнія къ трудамъ, и преимущественно къ разработкѣ историческихъ и филологическихъ памятниковъ, одобреніе молодыхъ талантовъ и содѣйствіе ихъ дѣятельности, свобода литературныхъ мнѣній, уваженіе къ преданіямъ русской словесности и ея основателямъ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина, сочувствіе къ племенамъ словенскимъ, ихъ исторіи, литературѣ и судьбѣ, непримиримая, открытая вражда не черезъ безплодную полемику, къ коей „Москвитянинъ“ показалъ свое презрѣніе, а черезъ распространеніе правилъ и мыслей противоположныхъ — вотъ въ краткихъ словахъ программа „Москвитянина“. Такъ онъ началъ, такъ продолжается 3 года, такъ и будетъ издаваться въ слѣдующемъ“. (См. „Жизнь и труды Погодина“. Барсукова, т. VII, стр. 73). Въ 1844 г. Погодинъ передалъ редакцію „Москвитянина“ И. В. Кирѣевскому (см. 402 стр.). См. Записки Кошелева (стр. 74): „Объ отношеніяхъ Погодина къ славянофиламъ.

Въ дневникѣ Погодина отъ 21 мая 1843 г. находимъ слѣдующее краткое замѣчаніе: „говорилъ съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ о русской исторіи: *слабы* (курсивъ въ подлинникѣ) („Жизнь и Труды Погодина“ т. VII, стр. 109). Тамъ же читаемъ, что Погодинъ старался пристроить К. Аксакова на каѳедру русской исторіи въ Кіевскій университетъ. „Не хочетъ“, отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ отъ 4 ноября 1843 г., „желаетъ сказать первое молодое слово въ Москвѣ и несетъ объ ней дичь.“

знаніе, — продолжалъ князь, — я преднамѣренно... останавливаю ваше вниманіе на этихъ словахъ, въ нихъ заключается ключъ и разгадка историческихъ судебъ всѣхъ великихъ, Божіемъ перстомъ отмѣченныхъ, народовъ. Только тѣ государства способны играть роль всемірно-историческую, которыя дорастаютъ до живого и ясняго сознанія своей исторической задачи. Безъ историческаго самосознанія нѣтъ великаго народа... Возбудить, утвердить и развить способность самосознанія въ обществѣ — такова великая образовательная задача исторіи и великая гражданская задача историка, посвятившаго ей свои труды и жизнь. И если эта задача и эта услуга велики и важны для общества во всякое время, то тѣмъ важнѣе онѣ, особенно въ тотъ періодъ его развитія, который можно назвать періодомъ его роста и возмужанія".

Князь главной заслугой Погодина признавалъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи

„далъ у насъ рѣшительный толчокъ нашему народному самосознанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанію нашего славяно-русскаго единства",

и закончилъ свою рѣчь тостомъ:

„За историка гражданина, въ теченіе всей своей полувѣковой дѣятельности не покидавшаго своего славяно-русскаго знамени".

Являясь въ своей рѣчи выразителемъ лучшихъ мыслей славянофильства, которыя менѣе всего оспаривались, кн. Черкасскій тѣмъ не менѣе никогда не былъ славянофиломъ въ общепринятомъ значеніи этого слова[1]). Главное, коренное различіе его съ ними таилось, быть можетъ, въ томъ, что въ основѣ всѣхъ философскихъ, историческихъ, общественныхъ и политическихъ взглядовъ славянофиловъ той эпохи лежали религіозныя убѣжденія, сложившіяся подъ бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ Хомякова, тогда какъ въ жизни кн. Черкасскаго религіозная сторона долго оставалась какъ бы не

---

[1]) См. „Записки" *Кошелева*: „хотя впослѣдствіи Черкасскій часто считался такъ называемымъ славянофиломъ, а иногда даже становили его и во главу этой партіи, но онъ никогда таковымъ не былъ и расходился съ нами въ самыхъ существенныхъ направленіяхъ. Черкасскій вовсе не считалъ православнаго ученія основою нашего міровоззрѣнія, высказывался безпрестанно противъ сельской общины и любилъ насмѣхаться надъ народомъ-кумиромъ, которому, по его мнѣнію, поклонялись Хомяковъ и К. С. Аксаковъ" (стр. 84).

затронутой — жизнь по ней скользила, и Хомяковъ не имѣлъ въ этомъ отношеніи вліянія на его настроеніе. Но зато было у кн. Черкасскаго одно убѣжденіе, тѣсно сблизившее его съ славянофилами, — убѣжденіе, переходившее въ вѣрованіе, въ великое призваніе Россіи... И притомъ онъ не только вѣровалъ въ нее, но любовію любилъ ее всю. Онъ любилъ и мужика, и дворянина, и купца, и солдата, не пренебрегая однимъ сословіемъ для другого, ибо всѣ они составляли для него живыя части Россіи, Россіи дѣйствительной, а не воображаемой или построенной на основаніи какой нибудь-теоріи. Про дальнѣйшія отношенія кн. Черкасскаго съ славянофилами можно сказать, что они носили характеръ союза съ ними на почвѣ практическаго разрѣшенія и осуществленія извѣстныхъ задачъ, союза во имя ихъ общественно-политическаго славяно-русскаго знамени. Впослѣдствіи истинный характеръ этихъ отношеній вполнѣ обнаруживается въ его перепискѣ какъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, такъ и съ Кошелевымъ. Къ сожалѣнію только, о началѣ сближенія, въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, мы мало имѣемъ указаній, но тѣ, которыя имѣются, свидѣтельствуютъ, что поводомъ къ тому послужилъ крестьянскій вопросъ, который все болѣе и болѣе захватывалъ вниманіе и сочувствіе кружка.

Въ мартѣ 1849 г. Хомяковъ писалъ къ Ю. Ѳ. Самарину:

„Эманципаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что-нибудь у насъ назвать общимъ мнѣніемъ“ („Р. Арх.“ 1879 г., № 11, стр. 355).

Въ журналѣ А. И. Кошелева отъ 12 марта 1850 г. читаемъ слѣдующую замѣтку

„Всѣ эти дни... по вечерамъ бывалъ въ бесѣдахъ съ моими пріятелями: главный предметъ разговора была эманципація. Понятія уясняются. Необходимо составить союзъ между людьми благонамѣренными, безъ чего это дѣло не подвинется. *17 марта.* Въ четвергъ 15-го и въ пятницу 16-го провели мы вечера — первый у Хомякова, а второй у *кн. Черкасскаго*, и единственный разговоръ былъ — уничтоженіе крѣпостного права“.

Въ бумагахъ А. И. Кошелева сохранился отрывокъ, относящійся къ этому, времени, гдѣ былъ набросанъ цѣлый проектъ „союза людей благонамѣренныхъ“, имѣющихъ въ виду

освобожденіе крестьянъ, и при этомъ цѣлая программа дѣятельности[1]). Программа эта осталась на бумагѣ, но въ зиму съ 1851—52 гг. сознаніе въ необходимости дружныхъ усилій для уясненія вопроса и распространенія своихъ взглядовъ, породило въ кружкѣ мысль объ изданіи „Московскаго Сборника“, участіе въ которомъ принялъ кн. Черкасскій. О созданіи своего постояннаго органа въ то время мечтать еще не смѣли. Сборникъ предполагалось выпустить въ четырехъ книгахъ. Редакторскія обязанности принялъ на себя И. С. Аксаковъ, послѣ выхода въ отставку томившійся бездѣятельностью; ближайшимъ его помощникомъ въ редакторскомъ дѣлѣ былъ А. И. Кошелевъ, который и оставилъ намъ печальное повѣствованіе о судьбѣ этого издательскаго предпріятія. Первый томъ Сборника вышелъ съ двумя капитальными статьями: 1) И. В. Кирѣевскаго „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношенія къ просвѣщенію Россіи“ и 2) К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“. „Хотя въ этихъ статьяхъ, — пишетъ Кошелевъ (см. Записки, стр. 81), — не было ничего рѣзкаго, смѣлаго, а тѣмъ менѣе возмутительнаго, однако онѣ произвели почти переполохъ въ Петербургѣ: въ администаціи и въ тамошнихъ повременныхъ изданіяхъ. Тамъ почуяли какой-то новый, высказывающійся духъ. Высшая цензура страшно взволновалась, однако не рѣшилась арестовать уже выпущенную, съ одобренія цензуры, первую книга Сборника; но предписано было московскому цензурному комитету препроводить въ Петербургъ всѣ статьи, представленныя для второй книги“. Въ числѣ ихъ находилась статья кн. Черкасскаго: „Юрьевъ день“ (о подвижности народонаселенія въ древней Россіи), напечатанная теперь въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 г., № 1, и которая является позднѣйшей передѣлкой студенческой работы князя: „Очеркъ исторіи сельскаго сословія“[2]).

---

[1]) Біографія А. И. Кошелева, стр. 85—89. Въ „Русскомъ Арх.“ 1879 г., № 11, стр. 254, Кошелевъ пишетъ, что у него и Хомякова въ концѣ сороковыхъ годовъ выработанъ былъ цѣлый планъ освобожденія крестьянъ съ землей посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи (біографъ А. П. Кошелева замѣчаетъ на это: „о послѣднемъ не сохранилось ничего“).

[2]) По тремъ черновымъ рукописямъ, сохранившимся въ бумагахъ князя, видно, что еще въ 1848 г. онъ занятъ былъ исправленіемъ первоначальной редакціи. Въ первой рукописи въ подстрочномъ замѣчаніи кн. Черкасскій указы-

Слѣды этой работы находимъ даже въ экземплярѣ „Очерка исторіи сельскаго сословія“, напечатаннаго въ „Р. Арх.“ 1880 г. (на стр. 134-й есть ссылка на сочиненіе Бѣляева, помѣщенное въ № 7 „Москвитянина“ за 1848 г.). Весь этотъ 2-й томъ Сборника, со всѣми статьями въ рукописи, не былъ допущенъ къ печати, — „не потому что̀ въ немъ было сказано, а потому, что̀ умолчано, какъ объяснилъ издателю начальникъ штаба III отдѣленія Л. В. Дуббельтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники „Сборника“, Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій, подверглись, ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору“ [1]). О томъ,

---

вастъ, что вопросъ о томъ, „какимъ образомъ вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ“, затронутый мимоходомъ Рейцомъ („Опытъ исторіи“, I, 337, примѣч. 3-е, стр. 147), только въ самое послѣднее время обратилъ на себя вниманіе. „Изъ болѣе близкихъ къ намъ изслѣдователей, — пишетъ кн. Черкасскій, одинъ М. П. Погодинъ, и то только въ статьѣ, помѣщенной въ № 6 „Москвитянина“ за *нынѣшній 1848-й годъ*, по случаю разбора вышедшей въ свѣтъ диссертаціи г. Лакіера, мимоходомъ и, какъ кажется, подъ вліяніемъ статей Бѣляева о черныхъ и другихъ земляхъ, впервые высказалъ въ общихъ чертахъ историческую теорію происхожденія подданства волости и оброковъ изъ прежнихъ даней. Ту же самую теорію имѣлъ я случай развить четыре года тому назадъ, будучи еще въ Московскомъ университетѣ, и подробно подкрѣпленную историческими доказательствами изложилъ ее въ разсужденіи объ исторіи русской волости, представленномъ мною тогда на конкурсъ для полученія золотой медали и которой настоящая статья есть отрывокъ, дополненный по всѣмъ вышедшимъ съ тѣхъ поръ актамъ. При случаѣ надѣюсь всѣ остальныя части его, постоянно мною до сихъ поръ пополняемыя новыми матеріалами, представить въ печать“.

[1]) См. рѣчь Аксакова въ публичномъ засѣданіи Славянск. Благотвор. Общ. Кошелевъ въ „Запискахъ“ разсказываетъ, что они были „обязаны подпискою ничего не печатать безъ пропуска ихъ сочиненій высшею цензурой въ Петербургѣ (стр. 81). Семевскій („Крест. вопр. въ Россіи“, т. II, стр. 424) приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи „Юрьевъ день“, отмѣченныя цензурою какъ недозволительныя. Воспроизводимъ ихъ здѣсь съ его словъ; курсивъ принадлежитъ московскому цензурному комитету. „Въ Россіи временъ Судебника (Іоанна III) *союзъ общины разорванъ, права* собственности *надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя* и великаго князя или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ, наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, *изъ прежней неограниченной свободы* сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и „господина“ (см. „Р. Арх.“ 1882 г., стр. 12). „Вспомнивъ... *независимое состояніе русской волости,* мы едва ли можемъ себѣ представить, что само собою естественно могло развиться *подобное ограниченіе крестьянской свободы,* такъ явно носитъ оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія... (стр. 17). Ясно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи

насколько статья кн. Черкасскаго была сочтена вредной, видно изъ слѣдующаго сообщеннаго намъ любопытнаго анекдота. Пріятель кн. Черкасскаго, баронъ М....., пріѣхавшій по своимъ дѣламъ въ Петербургъ вскорѣ послѣ запрещенія „Сборника“, обѣдалъ у Димитрія Гавр. Бибикова, въ то время, уже министра внутр. дѣлъ. Въ разговорѣ рѣчь коснулась кн. Черкасскаго. „А что̀ твой пріятель продолжаетъ ли писать стихи?“ озадачилъ его неожиданно Бибиковъ вопросомъ, и получивъ въ отвѣтъ, что кн. Черкасскій никогда стиховъ не писалъ, „знаю“, возразилъ онъ, „но его „Юрьевъ день“ хотя и талантливо написанъ, но не болѣе какъ поэзія, а потому ему и запрещено что-либо печатать, и, пока я министръ, запретъ этотъ снятъ не будетъ“. Бибикову немногимъ не удалось сдержать свое слово до конца; снятіе цензурнаго запрещенія съ князя послѣдовало, какъ увидимъ, въ февралѣ 1855 г. Бибиковъ же принужденъ былъ покинуть свой постъ̀ лишь въ августѣ 1855 г. „Новый высказывающійся духъ“ повѣялъ на этотъ разъ сверху.

III.

Въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ писемъ А. И. Васильчиковой говорится о томъ, что кн. Черкасскій, согласно ея желанію, готовъ покинуть пріятную для него деревенскую жизнь и служить. 2 іюня 1850 г. она пишетъ, что князь, желая „войти въ службу“, ѣздилъ къ Назимову и просилъ его *опредѣлить подъ свое начальство*. Вл. Ив. Назимовъ (бывшій начальникъ штаба шестого пѣхотнаго корпуса) былъ въ то время попечителемъ Московскаго округа, — человѣкъ весьма добрый и податливый, но весьма ограниченный и необразованный; объ его невѣжествѣ ходило не

свободы крестьянской могло быть лишь мѣрою полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей“ (18 стр.). Далѣе моск. ценз. комитетъ такъ излагаетъ въ своей запискѣ статью кн. Черкасскаго: „Послѣ того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ *скотовъ*. (Слова эти въ статьѣ не принадлежатъ кн. Черкасскому, а взяты изъ указа Петра В. Сенату). Редакція „Сборника“, — продолжаетъ цензурный комитетъ, — прибавила къ этому, что обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра Великаго“ (см. стр. 31).

мало разсказовъ въ университетѣ[1]). Трудно себѣ представить, о какой службѣ подъ его начальствомъ могла итти здѣсь рѣчь,— во всякомъ случаѣ ничто не указываетъ на служебныя занятія князя въ ту пору[2]), и по дальнѣйшимъ письмамъ А. П. Васильчиковой видно, что она сама отложила о томъ попеченіе. „Прежде нежели начать дѣятельную службу, — писала она, гр. Бараповой, *въ мартѣ 1851 г.*, — и думать о разъѣздахъ, надобно положить основаніе прочное своему состоянію". Какъ видно, дѣла Васильчиковыхъ находились въ то время въ большомъ разстройствѣ; безпрестанно призывая къ совѣту кн. Черкасскаго, старики, въ концѣ концовъ, рѣшились возложить на него все бремя управленія ихъ многочисленными имѣніями, разсѣянными по всей Россіи и куда никогда не заглядывалъ хозяйскій глазъ. А. И. Васильчикова писала *31 марта 1851 г.*[3]): „La grande affaire de la semaine pour nous c'était le changement de l'administration de nos affaires... Combien il est agréable pour nous d'avoir à présent à la tête de toutes nos affaires le mari de notre fille, qui est bien bon et bien respectueux pour nous. Tcherkasky entend très bien les affaires et de plus, il est bon avec les paysans et comprend le bien que l'on peut leur faire. Dieu veuille bénir son administration".

Принявъ на себя эту тяжелую обузу, князь призналъ необходимымъ объѣхать всѣ имѣнія Васильчиковыхъ и лично произвести ревизію ихъ управленія. Въ февралѣ онъ побывалъ въ владимирской деревнѣ, въ маѣ — въ Ярославлѣ и Костромѣ. Въ письмахъ его поражаетъ то, какъ онъ интересовался всѣми историческими достопримѣчательностями городовъ, лежавшихъ на его пути.

Вернувшись въ Москву и проводивъ Екатерину Алексѣевну въ Клинъ, онъ уже отсюда пустился въ дальнѣйшія странствованія. Начавъ съ епифанскаго имѣнія Васильчиковыхъ, онъ

---

[1]) См. біографію А. И. Кошелева, стр. 236.

[2]) Повидимому, однако, князь причисленъ былъ къ министерству, въ должности почетнаго смотрителя Епифанскаго уѣзднаго училища; за выслугу лѣтъ, 10 декабря 1858 г., онъ былъ произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, о чемъ имѣется бумага, отъ 23 февраля 1859 г., въ арх. кн. Ч—скаго, № 30.

[3]) „Великое событіе для насъ этой недѣли — это перемѣна въ управленіи нашими дѣлами... какъ пріятно намъ теперь имѣть во главѣ всѣхъ нашихъ дѣлъ мужа нашей дочери, который очень добръ и почтителенъ съ нами. Черкасскій отлично понимаетъ дѣло и къ тому же онъ добръ съ крестьянами и понимаетъ добро, которое можетъ имъ сдѣлать. Да благословитъ Господь его управленіе!..."

долженъ былъ проѣхать въ рязанское, нижегородское, саратовское и херсонское имѣнія. Изъ Нижняго онъ писалъ кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ: „Видъ здѣсь восхитителенъ, я никогда не видалъ ничего подобнаго и увѣренъ, что не много лучше этихъ зрѣлищъ на свѣтѣ, особенно видъ съ такъ называемаго бульвара или съ высотъ кремля, гдѣ видно сліяніе Оки съ Волгою — Волгу верстъ за 30 теченія ея внизъ, также на нѣсколько верстъ чудный Печерскій монастырь и луга за Оку. Это восхитительно, и какъ мнѣ жаль, что ты этого не видишь! Кремль, на обрывистой высокой горѣ, также очень хорошъ; въ немъ преотвратительный памятникъ Минину и Пожарскому и старинный, презамѣчательной архитектуры, соборъ архангела Михаила, маленькій и низенькій. Другой, Успенскій соборъ, очень похожъ на московскій, но не такъ хорошъ. Еще есть пропасть превосходныхъ старинныхъ церквей; особенно хороша красная Рождественская, строенная Строгановымъ, въ лучшемъ византійскомъ вкусѣ. Я теперь отправлюсь туда, чтобы осмотрѣть ее передъ моимъ отъѣздомъ... Всѣ колокольни носятъ здѣсь свой особый типъ: это круглыя, остроконечныя башни съ закругленными окнами между столбами. Дома въ Нижнемъ базарѣ — купеческая часть города — оригинальны и замѣчательны, верхняя же часть города, съ ея аристократическими замашамки и архитектурой на образецъ московскихъ желтыхъ домовъ — отвратительна. Аксаковъ, если когда былъ въ Нижнемъ, долженъ былъ остаться очень доволенъ тѣмъ наглядным, неоспоримымъ архитектурнымъ превосходствомъ красивой торговой стороны надъ дворянскою. Первая — съ перваго взгляда обнаруживаетъ и цвѣтущую жизнь, и преданіе, и богатство; вторая — лишь безцвѣтность. Первая joue à la grande ville (не знаю какъ перевести); вторая есть слѣпокъ съ любого губернскаго города“.

Совершивъ путь до Нижняго одинъ, князь въ нижегородскомъ имѣніи съѣхался съ братьями своей жены, Александромъ и Петромъ Васильчиковыми, которыхъ родители прислали поучиться хозяйственному управленію подъ его опытнымъ руководствомъ. Дальнѣйшее путешествіе отсюда онъ продолжалъ уже съ ними. Къ сожалѣнію, въ своихъ письмахъ къ женѣ, князь весьма мало касается дѣловой стороны поѣздки, хотя кое-гдѣ жалуется на облѣнившихся управляющихъ и на великую распущенность управленія. Такъ изъ саратовскаго имѣнія

онъ пишетъ: „Скажу тебѣ вообще, что во всѣхъ безъ исключенія имѣніяхъ и здѣсь также, слабость, или лучше сказать, отсутствіе всякаго серіознаго управленія не мало развратили народъ. Partout, à Nigni surtout et ici, j'ai trouvé les paysans (et ici surtout les дворовые) extrêmement démoralisé par la gâterie, l'impunité dans bien des cas et la faiblesse constante de la gestion, puis, par l'espoir incessant de toujours trouver recours à Moscou contre les plus justes exigences des intendants. C'est un mal très invétéré, qu'il sera aussi difficile qu'indispensable d'extirper[1]). Въ нижегородскомъ имѣніи князь прикрылъ полотняную фабрику и рѣшилъ часть дворовыхъ отпустить на волю, при чемъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ никакихъ подробностей относительно условій ихъ увольненія и пишетъ только: „Je donne demain la liberté à une soixantaine de дворовые, dont deux ou trois familles ne s'en soucieront que très médiocrement je pense, mais il n'y a rien à faire, d'autres au contraire, et cela la très grande majorité, seront enchantés“[2]). Въ этомъ же имѣніи князь нашелъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, крестьянскіе надѣлы непомѣрной величины и предписалъ къ осени ихъ сократить; но мы не узнаемъ отсюда, какъ велики были эти надѣлы и насколько князь счелъ нужнымъ ихъ урѣзать[3]). Изъ саратовскаго имѣнія князь писалъ: „Сего-

[1]) „Всюду, въ Нижнемъ въ особенности, и здѣсь я нашелъ крестьянъ, а тутъ особенно дворовыхъ въ высшей степени деморализованныхъ баловствомъ, во многихъ случаяхъ безнаказанностію и постоянной слабостью управленія и потомъ безпрестанной надеждой всегда найти поддержку въ Москвѣ противъ самыхъ законныхъ требованій управляющихъ. Это очень укоренившееся зло, которое такъ же трудно, какъ и необходимо искоренить“.

[2]) „Завтра я отпускаю на волю человѣкъ 60 дворовыхъ, изъ коихъ двѣ-три семьи, кажется, мало въ томъ нуждаются, но дѣлать нечего. Другіе же напротивъ и значительное большинство будетъ въ восторгѣ“.

[3]) *Семевскій* („Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. II, стр. 424) признаетъ, что въ Тульской губ. имѣнія кн. Черкасскаго и по размѣру надѣла, и по количеству денежнаго оброка, принадлежали къ среднимъ въ уѣздѣ; онъ сообщаетъ: „Въ имѣніи кн. Черкасскаго, въ Веневскомъ уѣздѣ Тульской губ., въ 4 деревняхъ числилось 354 души муж. п. и 52 души дворовыхъ, во всемъ имѣніи крестьяне имѣли земли среднимъ числомъ по 2,9 десятины на душу. Въ двухъ деревняхъ крестьяне были на барщинѣ, въ двухъ на оброкѣ; относительно одной изъ оброчныхъ деревень извѣстно, что тамъ взимался оброкъ въ размѣрѣ 20 руб. с. съ тягла или 8—7 руб. съ души, и, кромѣ того, крестьяне отбывали барщину 5 лѣтнихъ и 5 пѣшихъ дней съ тягла“ (приложеніе къ трудамъ редакц. комиссіи: „Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ“, т. IV, Тульская губ. 20—20, т. V, стр. 181).

дня утромъ я, милый мой Каточекъ, въ присутствіи братьевъ говорилъ спичи отдѣльно представлявшимся мнѣ дворовымъ изъ фабрики и объявилъ имъ свободу. Завтра остаются еще три семьи, которыхъ еще не видалъ. Къ великому моему удивленію и удовольствію, всѣ до сихъ поръ остались весьма довольны и благодарны и даже кланялись въ ноги, между тѣмъ какъ я, признаюсь, ожидалъ совершенно противнаго. Что-то будетъ завтра, а между тѣмъ уже неожиданнымъ результатомъ я очень доволенъ. Признаюсь, не понимаю самъ, что ищутъ они въ этой свободѣ, а видно, въ самомъ дѣлѣ, есть же въ ней какой-нибудь толкъ и какая-нибудь особенная прелесть!...“ Изъ саратовскаго имѣнія до херсонскаго — разстояніе въ 1400 верстъ наши путешественники проѣхали въ 9 дней, при чемъ въ Воронежѣ пришлось остановиться почти на цѣлыя сутки, такъ какъ, проѣхавъ 600 верстъ по отвратительной дорогѣ, коляска потребовала починки. „Мы ночевали здѣсь,— пишетъ князь,— и теперь осматриваемъ древности и замѣчательности городскія. Такъ же осматривали Пензу, Тамбовъ. Но увы, кромѣ архіерейской службы ничего не видѣли, что̀ бы было хоть нѣсколько замѣчательно. Воронежъ—прелестный городокъ. Мы были у Митрофанія; но вечеромъ, когда нарочно отпирали церковь для насъ, никого не было; впрочемъ, вообще, лѣтомъ здѣсь бываетъ гораздо меньше народа. Видъ Воронежа съ тамбовской дороги восхитителенъ: онъ весь расположенъ по нагорной сторонѣ рѣки того же имени и усѣянъ красивыми постройками, въ томъ числѣ домъ Тулинова и какого-то Соколова у самой городской стѣны, на возвышеніи, превосходны. Митрофаніевъ монастырь зато, кромѣ самой новой церкви, не можетъ похвалиться тѣмъ же, и представляетъ одно изъ самыхъ возможно-безобразныхъ зрѣлищъ. Между прочимъ, на колокольнѣ, на четырехъ углахъ, отличаются четыре евангелиста, которыхъ не спасаетъ даже возвышенная отдаленность. Теперь, пока закладываютъ коляску, хотимъ съѣздить въ цейхгаузъ Петра Великаго. Не знаю, успѣю ли я, ибо мнѣ нужно написать къ маменькѣ въ Горбатово и къ Р. Р. Братья ведутъ себя очень исправно и хорошо и очень со мною милы, за что я весьма благодаренъ, а между тѣмъ, дорогою, я, думаю, не мало надоѣдаю Сашѣ и не мало укоряю его за болтливость и каждую минуту поправляю въ французскомъ нарѣчіи, за что онъ ничуть не

сердится. Вообще оба со мною очень милы: скажи это папа и мама[1]). Изъ Херсона буду писать мама. Теперь очень усталъ... Читаю въ память о тебѣ Давида Копперфильда и, къ соблазну Петруши, не мало критикую...“

Пробывъ, проѣздомъ, въ Харьковѣ нѣсколько часовъ, любознательные путешественники успѣли осмотрѣть университетъ во всѣхъ его малѣйшихъ и скучнѣйшихъ подробностяхъ. Князь жалуется въ письмѣ, что проф. Платоновъ, на котораго онъ случайно наткнулся въ книжной лавкѣ, покупая произведенія хорьковской литературы, вызвался быть ихъ „chicherone“ и угостилъ чуть ли не Демьяновой ухою. Вообще, хотя много новаго и интереснаго представлялось князю въ этомъ длинномъ путешествіи черезъ всю Россію, но оно нисколько не искупало для него скучной и непріятной стороны хозяйской ревизіи, а главное долгой разлуки съ женой, письма къ которой, большею частію самаго интимнаго характера, служатъ выраженіемъ его самой серіозной, горячей къ ней привязанности. Прибывъ въ херсонское имѣніе и найдя здѣсь письма отъ жены, тревожившейся за него, онъ пишетъ: „Повѣрь, милый другъ, что не менѣе тебя жажду я скораго съ тобой свиданія и житья, не менѣе какъ тебѣ тягостно мнѣ это долгое отсутствіе и эта разлука съ тобою и это странствіе, гдѣ хоть многое для меня ново, но зато все рѣшительно чуждо, кромѣ удовольствія, которое я нахожу, быть полезнымъ нѣкоторымъ изъ крестьянъ и во всякомъ случаѣ твоимъ старикамъ и братьямъ, въ коихъ вижу близкихъ тебѣ. Но что же дѣлать? „взявшись за гужъ не говори, что не дюжъ“, гласитъ пословица. Взялся же я, ты сама знаешь, мой другъ, не для себя и не для своей выгоды или для своего удовольствія... Если ты одна когда-нибудь скажешь мнѣ за это спасибо, то я буду доволенъ“.

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1851 г. А. Васильчикова писала граф. Барановой „Je suis très contente de Pierre...: la société de Tcherkasky a pris place de toutes les sociétés qui lui faisaient du mal autrefois. La base d'activité de Tcherkasky, son goût sérieux, ont fait germer de bonnes idées, qui, je l'espère, prendront racines...“

IV.

Покончивъ здѣсь ревизію, князь спѣшилъ въ Москву, гдѣ его ожидала княгиня Екатерина Алексѣевна. Вернувшись къ себѣ въ Клинъ лишь въ концѣ августа, Черкасскіе зажились здѣсь до половины декабря. По переѣздѣ въ Москву они въ январѣ собрались на двѣ недѣли въ Петербургъ. А. И. Васильчикова писала *6 января 1852 г.*: „...Cela me fait plaisir que Catherine y aille avec son excellent mari. Imagine-toi que non seulement il se donne des peines continuelles pour faire aller nos affaires, mais même pour celles des orphelins de mon beau-frère Кокошкинъ. Il a couru hier à 22 degrès de froid, dans une terre dans les environs de Moscou et organise et leur prépáre un avenir...“ [1]) Задержанные дѣлами, Черкасскіе только въ концѣ января могли выбраться изъ Москвы. А. И. Васильчикова писала *25 января 1852 г.*: „Наконецъ, собрались ѣхать! Мы ѣдемъ ихъ провожать на желѣзную дорогу. Господь съ ними! Если все пойдетъ хорошо, они завтра у васъ. Черкасскій только одинъ разъ былъ въ Петербургѣ на нѣсколько дней и ничего не видалъ. Покажи ему и новый музей, и дворецъ, и все, что будетъ возможно... Papa envoie une lettre au ministre de l'intérieur [2]) par Wladimir: Nous aurions beaucoup désiré qu'il la lui remette lui-même. Tâche d'arranger cela“. Дѣла, задержавшія князя въ Москвѣ, были на этотъ разъ не исключительно хозяйственныя; какъ видно изъ слѣдующей записки И. С. Аксакова (отъ *5 января 1852 г.*), князь какъ разъ въ это время заканчивалъ свою статью для „Московскаго Сборника“.

---

[1]) „Меня радуетъ, что Катя ѣдетъ туда со своимъ добрѣйшимъ мужемъ. Представь себѣ, что онъ не только безпрестанно хлопочетъ о нашихъ дѣлахъ, но даже и о дѣлахъ сиротъ Кокошкиныхъ, дѣтей моего деверя. Вчера по 22° морозу онъ слесталъ въ подмосковное имѣніе и устраиваетъ и готовитъ имъ будущность.

[2]) „Папа отправляетъ письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ черезъ Владимира. Мы бы очень желали, чтобы онъ лично его передалъ. Постарайся это устроить“. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ еще тогда Перовскій; Бибиковъ назначенъ былъ на его мѣсто лишь 30 августа 1852 г. Черкасскій пробылъ въ Петербургѣ до 25 февраля и по письмамъ А. И. Васильчиковой не видно: былъ ли онъ у министра.

„Я сейчасъ ѣду въ деревню, —писалъ Аксаковъ, — все утро былъ въ страшныхъ хлопотахъ и не попалъ къ Вамъ. Сдѣлайте одолженіе, князь, присядьте за Вашу статью поприлежнѣе. Не можетъ ли она поспѣть у Васъ дней черезъ 10? Очень бы меня этимъ обязали. Въ среду я возвращусь и съ четверга начну печатанье, но совершенно готовыхъ у меня только двѣ статьи: брата и Соловьева, да мой „Бродяга“. Послѣдняго я помѣщу на самомъ концѣ. Соловьева не хочу помѣщать ни въ началѣ, ни непосредственно за братомъ. Если Ваша статья дней черезъ 10 будетъ готова, то я помѣщу ее вслѣдъ за статьею Константина. Вспомните, что она должна еще полежать нѣкоторое время у цензора. Такъ примитесь же за работу, князь, прошу Васъ. Весь Вашъ И. Аксаковъ“.

Дальнѣйшія письма А. И. Васильчиковой рисуютъ жизнь молодыхъ Черкасскихъ крайне однообразно и, большею частью, являются лишь выраженіемъ ея горячей благодарности къ князю за его старанія привести въ порядокъ ихъ дѣла. „Въ прошломъ году, — писала она *25 апрѣля 1852 г.*, — онъ за нихъ взялся тогда, когда въ конторѣ было только три тысячи, а черезъ мѣсяцъ надобно было вносить въ ломбардъ тридцать тысячъ, а въ нынѣшнемъ году, кажется, деньги уже подготавливаются для вѣрной уплаты всего. Онъ такъ рѣшителенъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, такъ цѣлый день занятъ дѣлами и такъ готовъ намъ жертвовать своимъ временемъ, что даже совѣстно подумать, что это отнимаетъ у него возможность служить... Дай Богъ, чтобъ Владимиръ приготовилъ сыновьямъ нашимъ хорошую будущность“.

Осенью 1852 г. А. И. Васильчикова собралась къ Черкесскимъ въ Клинъ, откуда писала *(7 сентября 1852 г.)*: „Мы съ папа пріѣхали въ Клинъ третьяго дня. Катя и Володя такъ гостепріимны, такъ рады намъ! Мѣстоположеніе и вообще имѣніе не хороши. Но теперь изъ каменной конюшни сдѣлали такой хорошенькій каменный домикъ. Деревянный такой уютный и такъ мило убранъ. Деревья вокругъ дома такія прекрасныя. Церковь и все прочее такъ идетъ къ усовершенствованію, что нельзя на все это не радоваться, особенно потому, что Владимиръ очень любитъ это мѣсто, имъ начатое, и гдѣ крестьяне обязаны ему своей свободой. Катя хлопочетъ; оба они веселы, довольны, и день проходитъ въ наслажденіяхъ... Всего лучше то, — прибавляла она, — что при хорошихъ до-

ходахъ крестьяне не обременены. Владиміръ справедливъ и все самъ видитъ“ [1]).

Зиму съ 1852—53 гг. кн. Черкасскій часто хворалъ и очень тревожилъ какъ А. И. Васильчикову, такъ и княгиню Екатерину Алексѣевну пренебреженіемъ докторскими совѣтами и желаніемъ продолжать свою дѣятельную, хлопотливую жизнь, не взирая на здоровье. Едва вставъ съ постели, онъ у себя въ комнатахъ устраиваетъ аукціонную продажу дома Кокошкиныхъ, хлопочетъ о дѣлахъ гр. Баранова, продаетъ лѣсъ, покупаетъ себѣ новое имѣніе въ Пензенской губеніи, устраиваетъ судьбу племянника А. И. Васильчиковой, Ивана Захаровича Постникова, и, главное возится съ дѣлами Васильчиковыхъ, которыя, только черезъ два года надѣялся привести въ надлежащій порядокъ. „Намъ Богъ его послалъ для успокоенія старости папа“, съ чувствомъ писала А. Ив—на.

Съ славянофилами князь видался много и часто. Зимой 1853 г. Ю. Ѳ. Самаринъ вернулся на житье въ Москву. По вечерамъ собирались то у Кошелева, то у Хомякова или Черкасскаго. „Вчера я провела вечеръ у Кати,— писала А. И. Васильчикова *(въ мартѣ 1853 года)*,— гдѣ было очень пріятно; Хомяковъ, Кошелевъ и еще нѣсколько весьма умныхъ людей разговаривали о предметахъ религіи и такъ занимательно, что я просидѣла у нихъ до двухъ часовъ...“

Помимо религіозныхъ вопросовъ, бесѣдъ и споровъ на этой почвѣ, общимъ интересомъ кружка служило сельское хозяйство, которое представляло единственное свободное поле дѣятельности, гдѣ не чувствовалось постояннаго гнета правительственнаго контроля, заманчивое въ то же время для многихъ по близости своей къ крестьянскому вопросу.

---

[1]) Впослѣдствіи, въ Редакціонной комиссіи при разсмотрѣніи доклада хоз. отд. № 18: „О фабричныхъ и заводскихъ людяхъ“, кн. Черкасскій въ пользу вольнаго труда сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, еще въ дѣтствѣ, у насъ, въ имѣніяхъ моихъ родителей, былъ свеклосахарный заводъ и онъ шелъ всегда очень дурно. Принявъ имѣніе въ руки, чтобъ поддержать его, я долженъ былъ дать ему совершенно другое устройство, на условіяхъ вольнаго труда. Только тѣ фабриканты, которые признали необходимость наемнаго труда, удержали въ цвѣтущемъ состояніи и въ надлежащемъ видѣ свои фабрики и заводы. Напр. у В. В. Тарновскаго (въ Ма[illegible]сіи) паровой заводъ, у меня (въ Тульской губ.) огневой. ...Если мы, болѣе мелкіе заводчики, можемъ бояться отсѣченія барщины, то это только для производства свеклы. Я думаю однако, что мы обойдемся безъ принудительнаго труда. У меня и

А. И. Кошелевъ уже съ 1850 г. состоялъ членомъ Лебедянскаго Общества [1]) сельскаго хозяйства, къ которому Хомяковъ примкнулъ въ 1851 г. и Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1853 г.

А. И. Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому 4 іюля 1852 г.:

„*С. Песочное*. Что подѣлываете, дражайшій князь? Гдѣ Вы теперь? Видавшись зимою такъ часто, грустно не имѣть вѣсточки во все лѣто, а потому открываю переписку. Не будете ли въ іюлѣ въ нашихъ сторонахъ? У меня съѣздъ для испытанія жатвенныхъ машинъ 21-го іюля: не можете ли къ намъ пріѣхать?...

„Что сказать Вамъ новаго? Почти нечего: хозяйничаю, читаю, особенно восхищаюсь Vinet, котораго весьма рекомендую. Кромѣ „Discours“ и „Nouveaux discours“, „Etudes Evangéliques“, и „Etudes sur B. Pascal“ и „Essais de philosophie morale“, которые особенно для Васъ должны быть полезны. Никакъ не могу думать, чтобы человѣкъ съ умомъ и съ душою могъ остановиться на поверхности вещей, потонуть въ матеріализмѣ и утушить въ себѣ стремленіе къ чему-то высшему, чѣмъ подводить итоги, хлопотать о вещахъ, которыхъ завтра можетъ не быть, и довольствоваться безжизненными, форменными понятіями, которыя сообщаетъ намъ сухой, все ограничивающій и все разлагающій разумъ. Нѣтъ, дражайшій князь! Я прошелъ черезъ Ваше состояніе: утопалъ въ дѣлахъ, пичкалъ голову и Локками, и Кантами, и Шеллингами, со страстью занимался науками положительными, но пришелъ къ убѣжденію, что все это суета изъ суетъ. Да, суета изъ суетъ все это, взятое въ отдѣльности; но все это получаетъ смыслъ, становится Божьимъ міромъ, когда освящается одною истинною истиной! Но извините — я увлекся...“

Къ сожалѣнію, отвѣтъ кн. Черкасскаго на это письмо не дошелъ до насъ. А. И. Кошелевъ и въ Москвѣ нерѣдко собиралъ у себя сельскихъ хозяевъ для совѣщаній, и мы встрѣчаетъ имя князя Черкасскаго [2]) въ ихъ числѣ, хотя онъ, по-

теперь это производство дѣлается наймомъ, а гр. Бобринскій, у котораго тамъ тоже заводъ, и другіе — покупаютъ свеклу“. См. Семенова: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи“, т. II, стр. 893.

[1]) Лебедянское Общество основано было въ 1847 г. Н. Н. Шишковымъ, извѣстнымъ агрономомъ-писателемъ. Онъ выбранъ былъ предсѣдателемъ Общества, которое по уставу открывало свои засѣданія во время Покровской ярмарки, отъ 10-го до 25-е сентября (см. біографію Кошелева, т. II, стр. 205—222).

[2]) Біографія Кошелева, т. II, стр. 222. Изъ дневника А. И.: „Въ среду 14 марта (1351) было у меня сельскохозяйственное совѣщаніе, въ немъ уча-

видимому, довольно скептически относился къ практической пользѣ такихъ собраній, судя по слѣдующему отрывку изъ письма его къ Кошелеву:

„*22 августа 1854 г.* Не знаю собираетесь ли Вы нынѣшній годъ по давнему обычаю въ Лебедянь на съѣздъ Общества, если бъ я навѣрно зналъ, что Вы тамъ будете, то, имѣя нужду около того времени побывать въ Епифанской деревнѣ, я, быть можетъ, рѣшился бы послушать и Шишковскихъ росказней; а безъ того, признаюсь, по грѣшному моему невѣрію, нахожу, что игра не стоитъ свѣчей. Авось какъ-нибудь и безъ Лебедянскаго Общества выучимся и пахать и сѣять!“

Въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемъ первый намекъ, относящійся къ событіямъ Крымской войны.

„Что Вашъ сынъ? — спрашиваетъ князь: — не простылъ ли его пылъ среди столькихъ охлаждающихъ обстоятельствъ? Видно, служить молебенъ въ св. Софіи придется намъ съ Вами отложить до другого болѣе удобраго времени... О себѣ что сказать Вамъ? Принадлежа къ царству растительному, я въ точности соображаюсь съ его законами; все лѣто провелъ въ разъѣздахъ и недосугахъ обычныхъ, — слѣдовательно умолотъ также будетъ плохъ; лѣто приходитъ къ концу, а съ нимъ для меня и настоящая жизнь; съ ужасомъ думаю я о томъ, что скоро опять зима и стужа. Очень хотѣлось бы съѣздить куда подальше, въ страны полуденныя, и если бы не патріотическая война, то вѣроятно поѣхалъ бы вскорѣ, но теперь нельзя никакъ. Мы полагаемъ прожить въ деревнѣ до глубокой осени, а тамъ опять въ Москву. Вотъ Вамъ, почтеннѣйшій А. И., сухой перечень моихъ faits et gestes и предположеній, написаніе коего внушено мнѣ лишь сильнымъ желаніемъ узнать что-нибудь о Васъ и, главное, увидѣться съ Вами. Скудость посланія моего объяснять и извинять передъ Вами, кажется, не зачѣмъ, и Вы легко поймете“.

ствовали Шишковъ, Майеръ, Желѣзновъ, Анненковъ, Свербѣевъ, Нарышкинъ, кн. Черкасскій, кн. Евг. и Влад. Львовы. Предметомъ разсужденія были: навозъ, сѣялки, посѣвъ пшеницы и крыши. Засѣданіе началось въ $8^3/_4$ и кончилось въ $12^1/_2$ часовъ и было интересно въ высшей степени, — всѣ остались довольны. Болтовни не было, и много дѣльнаго было сказано. Майеръ очень хвалилъ черепичныя крыши и заявилъ, что у него производство черепицы очень значительно“. Объ этомъ засѣданіи А. И. помѣстилъ отчетъ въ „Запискахъ Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства“ 1851 г., 91—159.

Ал. И. Кошелевъ дѣйствительно понималъ князя и писалъ въ отвѣтъ:

„Что скажу Вамъ о себѣ? Я все лѣто ничего не читалъ и не писалъ, а совершенно погружался, въ хозяйство. Давно я такъ усердно не занимался хозяйствомъ какъ въ нынѣшнемъ году, и много, очень много сдѣлалъ добраго. Да чѣмъ было и заниматься? Въ видѣ эпитемьи налагалъ на себя чтеніе газетъ, но едва силъ хватало на одинъ номеръ, и скорѣе бѣжалъ въ поле. Да, молебенъ въ св. Софіи придется отслужить въ иное время. Прощайте. Пора кончать. Грязно и скользко, того и гляди оступишься...“

А. И. Кошелевъ горячо приглашалъ кн. Черкасскаго въ Лебедянь съ тѣмъ, чтобы остановиться тамъ у него вмѣстѣ съ Хомяковымъ и другими помѣщиками-сосѣдями.

„Для насъ плебееевъ,— писалъ онъ,— будетъ просторно, если еще человѣкъ пять къ намъ пріѣдетъ, но боюсь не будетъ ли неудобно для Вашего Сіятельства, аристократа по убѣжденіямъ?[1]) Если можно, отправьте свои убѣжденія аристократическія на Никитскую, въ домъ гр. Бобринской[2]), а сами пріѣзжайте въ нашу сходную избу. Если имѣете желѣзную кровать, то захватите съ собою, ибо на полу спать въ этихъ домахъ не безопасно. Мы пробудемъ въ Лебедяни 19-е, 20-е и 21-е, а ночевать поѣдемъ къ Шишкову, а на другой день обѣдать къ Муромцеву, а ночевать къ Хомякову, а 23-го общій разъѣздъ“.

На вопросъ князя: знаетъ ли онъ что-нибудь о Самаринѣ и Аксаковыхъ, Кошелевъ писалъ:

„Самаринъ находится въ симбирскомъ своемъ имѣніи; кажется, что онъ пробудетъ тамъ всю осень. И. С. Аксаковъ странствовалъ по ярмакамъ и часто ко мнѣ писалъ. Въ ноябрѣ онъ возвратится и тогда, что онъ будетъ дѣлать не извѣстно. О прочихъ Аксаковыхъ я ничего не знаю, ибо я съ ними въ постоянной перепискѣ не нахожусь. Думаю, что они удятъ рыбу и за недостаткомъ настоящаго погружаются все болѣе и болѣе въ давно минувшее“.

„Жизнь наша въ Клину продолжается самымъ пріятнымъ образомъ,— писала А. И. Васильчикова *(20 сент. 1854 г.)*,—

---

[1]) См. объ аристократическихъ убѣжденіяхъ князя ниже, гл. IV.

[2]) Адресъ зимней кварт. князя.

но Владиміръ оставилъ насъ на нѣсколько дней; онъ поѣхалъ въ Лебедянь, гдѣ собраніе хозяйственныхъ орудій и гдѣ онъ останется дней десять. Катя сажаетъ деревья, дѣлаетъ планы для постройки дома".

Письма А. И. Васильчиковой за зиму 1854—55 гг. становятся рѣдки. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ намекамъ, смерть Алексѣя Вас. Васильчикова, послѣдовавшая 18 апрѣля 1854 г., прибавила еще хлопотъ князю.

Въ февралѣ 1855 года онъ ѣздилъ въ Тулу хлопотать объ утвержденіи духовнаго завѣщанія и принималъ участіе въ происходившихъ тамъ въ то время выборахъ ополченія, при чемъ представилъ дворянскому собранію записку, заключавшую въ себѣ предложеніе — назначить общую сумму пожертвованій въ размѣрѣ 5000 руб. сер., доказывая притомъ выгоду разложенія ея на земскія повинности[1]).

А. И. Васильчикова писала 3 марта 1855 г.: „Вчера Катя получила эстафетъ отъ Евгенія Александр., въ которомъ онъ пишетъ, что его выбрали дружиннымъ начальникомъ и что онъ на это согласился съ той оговоркой, чтобы Владиміръ оставался не выбраннымъ, — для его семейства и матери его. Катя не знаетъ, какъ это объявить свекрови, которая въ безпрестанныхъ слезахъ, предвидя новыя скорби" [2]).

Кромѣ писемъ Васильчиковой, дающихъ главный біографическій матеріалъ этой главы, но рисующихъ жизнь кн. Черкасскаго лишь съ внѣшней стороны, по тому случайно уцѣлѣвшему письму самого князя, которое было нами только что приведено, можно лишь догадываться о томъ, что̀ думалось и чувствовалось имъ въ эти годы тяжелаго общественнаго угнетенія, когда, казалось, онъ съ головой погруженъ былъ въ интересы сельскаго хозяйства. О великихъ историческихъ событіяхъ, совершавшихся подъ стѣнами Севастополя, брошены вскользь какъ бы неясные намеки, заставляющіе предполагать что писать о нихъ открыто было не безопасно.

Въ заключеніе, чтобы возстановить связь съ послѣдними письмами настоящей главы, намъ придется хоть вкратцѣ при-

---

[1]) См. арх. кн. Черкасскаго, № 5.

[2]) Кн. Варвара Семеновна Черкасская оплакивала кончину сына и дочери. Кн. Константинъ Черкасскій скончался въ 1853 г., а въ 1854 г. умерла въ Парижѣ Софья Александр. Рябинина (см. о томъ Записки Бутурлина, „Р. Арх." 1897 г., № 12).

помнить внѣшній ходъ событій со времени объявленія войны Турціи (20 октября 1853 г.).

Вслѣдъ за Синопской побѣдой и истребленіемъ турецкаго флота (16 ноября 1853 г.), союзные флоты Франціи и Англіи вошли въ Черное море, и 9 февраля 1854 г. послѣдовало объявленіе имъ войны. 1-го сентября 1854 года до 62 тысячъ союзниковъ высадилось у Евпаторіи, и началась достопамятная одиннадцатимѣсячная осада Севастополя. Послѣ октябрьскихъ битвъ (13-го) при Балаклавѣ и (24-го) при Инкерманѣ произошло какъ бы временное затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ; начались дипломатическіе переговоры, — но они не привели къ умиротворенію. Въ январѣ 1855 г. къ союзу западныхъ державъ примкнула Сардинія, и число союзныхъ войскъ возросло до 175 тысячъ. 5-го февраля русскій генералъ Врангель сдѣлалъ нападеніе на турокъ, но потерпѣлъ неудачу... Извѣстіе это было послѣдніе, которое получилъ съ театра войны императоръ Николай: 18 февраля 1855 года его не стало[1]), и на престолъ 19-го февраля вступилъ Александръ II.

Послѣ смерти императора Николая фонды наши на биржѣ разомъ поднялись вслѣдствіе понятія, которое составили себѣ въ Европѣ о характерѣ Александра II; думали, что онъ чрезвычайно мягкій, уступчивый, и считали продолженіе войны невозможнымъ; но въ этомъ ожиданіи пришлось скоро разочароваться. Новое царствованіе началось займомъ въ 50 милліоновъ; несмотря на всѣ усилія Франціи и Англіи, подписка въ Берлинѣ и Амстердамѣ была покрыта очень бойко, и съ 25-го марта военныя дѣйствія возобновились съ удвоенной энергіей. 6-го іюня, въ годовщину Ватерлооскаго сраженія, Пелисье сдѣлалъ второй приступъ къ Севастополю, со всѣми силами, но былъ отбитъ съ большими потерями.

---

[1]) Въ архивѣ Погодина сохранилась копія съ письма, сдѣланная рукой кн. Черкасскаго, Анны Никол. Семявской, жившей у А. О. Смирновой, къ А. И. Васильчиковой (см. „Жизнь и труды Погодина“, т. XIII, стр. 371), гдѣ въ подробности описана смерть имп. Николая Павловича. Повидимому, по полученіи этого извѣстія, князь поѣхалъ въ Петербургъ, такъ какъ тутъ же приводится краткое извлеченіе изъ его письма къ Погодину: „бальзамировка тѣла къ несчастію не удалась, и *гробъ закрытъ*. Народъ пускаютъ къ закрытому гробу. Это достойно всякаго сожалѣнія“. Далѣе же, т. XIV, стр. 5, еще: „Государь Александръ II принималъ во дворцѣ депутаціи петербургскихъ дворянъ и, говорятъ, прекрасно говорилъ“.

13-го іюня кн. Черкасскій писалъ изъ Клина А. И. Кошелеву: „Что сказать Вамъ о нашихъ дѣлахъ на югѣ (въ началѣ іюня князь ѣздилъ въ Херсонскую губ.)? Послѣ отъѣзда моего оттуда происходило уже многое, и все могло измѣниться; но признаюсь Вамъ, что я вынесъ оттуда впечатлѣніе самое горестное. Вы знаете, что я всю зиму былъ отчаяннымъ оптимистомъ и что какъ сначала боялся начала войны, такъ точно послѣ начала ея не сомнѣвался ни на минуту въ звѣздѣ Россіи. Теперь скажу Вамъ все, если признаться, что не смѣю ожидать благополучнаго ея исхода и не смѣю гадать, гдѣ будетъ предѣлъ нашимъ бѣдствіямъ...“

Отвѣчая на это письмо (15 іюля 1855 г.) и сообщая князю, что у него только что гостили Хомяковъ и Самаринъ, Кошелевъ писалъ: „Много здѣсь натолковали, наговорили и другъ друга поободрили. Я духомъ вовсе не упадаю. Болѣе чѣмъ когда-либо увѣренъ въ успѣхѣ, лишь бы не упрямились его отъ себя отталкивать... Вполнѣ надѣюсь, любезный князь, что искры изъ Севастополя воспламенятъ всю Россію и что по милости горсти моряковъ, сохранившихъ въ себѣ чувства преданности и любви къ отечеству при полной личной независимости, и мы всѣ будемъ людьми“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Переговоры объ изданіи журнала. О новыхъ вѣяніяхъ. Унынie князя и увѣщанія Кошелева. Князь томится бездѣйствіемъ. Желаніе его служить въ Крыму.— II. Разрѣшеніе „Бесѣды“. Согласіе князя на сотрудничество. Снятіе цензурнаго запрещенія. Князь принимается за обозрѣніе. — III. Толки объ уничтоженіи крѣпостного права. Кошелевъ пишетъ проектъ. Проектъ князя Черкасскаго: „О постепенномъ исходѣ изъ крѣпостного состоянія“. Ложно приписываемый ему проектъ.

I.

„Паденіе Севастополя, разныя другія пораженія и дипломатическіе переговоры хотя насъ и огорчали, — писалъ Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“ (стр. 84), — однако мы не унывали, ибо чаяли наступленія лучшихъ для Россіи дней. Мы даже настолько ожили, что осенью 1855 г. приступили къ по-

ложительнымъ переговорамъ объ изданіи журнала, что̀ всегда составляло нашу любимую, пламенную мечту". Дѣйствительно, приглашая опять кн. Черкасскаго на съѣздъ въ Лебедянь, Кошелевъ писалъ *(6 сентября 1855 г.)*: „Пожалуйста пріѣзжайте. Очень нужно намъ потолковать о многомъ и о журналѣ, который мы, кажется, будемъ издавать съ 1856 г."

Но князь на этотъ разъ не поѣхалъ на съѣздъ и только въ ноябрѣ собрался отвѣтить Кошелеву.

„*Ноября 3, 1855 г.* Много и премного виноватъ я передъ Вами, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, и если Вы на меня сердитесь, то вполнѣ правы. Каждый день собираюсь писать къ Вамъ и каждый день, по свойственной русскому человѣку лѣни, откладываю въ той увѣренности, что слѣдующій почтовый день будетъ на таковой подвигъ благопріятнѣе... Отъ Хомякова, котораго на прошедшей недѣлѣ видѣлъ въ Тулѣ, встрѣтившись съ нимъ у губернск. предвод. Арсеньева, въ ту самую минуту, какъ собирался заѣхать въ его Богучарово, узналъ я, что Вы дѣйствительно попали въ Лебедянь и имѣли тамъ засѣданіе едва ли для Общества и для бѣднаго Шишкова не предсмертное. Мнѣ крайне было досадно, что не могъ на Ваше приглашеніе поспѣшить туда же, но промаявшись все лѣто по степямъ, по подмосковнымъ и Москвѣ и все лѣто не видавши своего хозяйства, я рѣшительно не могъ его оставить въ интересную минуту сахароваренія; къ тому же, признаюсь, совѣстно было и жаль оставить одну бѣдную жену, послѣ едва минувшихъ ея горестей[1]). Все это заставило меня остаться дома и, къ крайнему прискорбію, отложить весьма желанное свиданіе съ Вами или до будущей весны, когда поѣду къ себѣ въ Пензу, на сей разъ непремѣнно черезъ Песочную, или до зимы, если бы какія-либо обстоятельства привели бы меня на нѣсколько дней въ Бѣлокаменную. Да, любезнѣйшій Ал. Ив—чъ! я рѣшительно зимую въ деревнѣ и, признаюсь, крайне этому радуюсь! Съ чѣмъ сравнить мирное безмятежное здѣсь житье? Для эгоиста нѣтъ лучше уединенія! Становишься безчувственнымъ ко всему въ мірѣ, и даже общественныя бѣдствія и общественныя глупости (разумѣется прошедшія) не такимъ

---

[1]) Мать княгини Александра Ивановна Васильчикова скончалась лѣтомъ 1855 г.

тяжелымъ камнемъ ложатся на сердце. Однообразіе природы и однообразіе жизни невольно приближаетъ насъ и жизнь нашу къ однообразію жизни царства растительнаго, исключительно насъ окружавшаго до вчерашняго мороза, и въ этомъ, не лишенномъ упоенія однообразіи, поневолѣ менѣе волнуешься отголоскомъ дальнихъ событій. Въ этихъ отголоскахъ стараешься только уловить какіе-нибудь симптоматическіе звуки и черты новаго времени и тщательно собираешь и складываешь вмѣстѣ, и стараешься, на вѣсахъ мысленныхъ, свѣсить симптомы стараго и симптомы новаго, и сравниваешь ихъ относительную тяжесть. Счастливъ тотъ день, когда кажется, что послѣдніе хоть сколько-нибудь перетягиваютъ, а все вѣрится съ трудомъ: тутъ всѣ радуются паденію какого-нибудь Клейнмихеля, (и конечно всѣ); а тутъ опять всѣ же радуются и паденію Бибикова, и циркуляру Ланского; а я въ послѣднихъ событіяхъ не умѣю, признаюсь, принять такое живое участіе, поневолѣ думаешь: что̀ тутъ пало? Палъ ли человѣкъ и его упрямое самодурство, или пала цѣлая система и идея, пала и самая мысль и сознаніе о томъ, что когда-нибудь да нужно Россіи сдѣлать что-нибудь для крестьянъ, и что будущность Россіи обусловливается скорымъ или, по крайней мѣрѣ, вѣрнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса[1])? Поневолѣ станешь бояться, чтобы не слишкомъ много уступокъ было сдѣлано общественному мнѣнію на этомъ опасномъ пути. А тамъ — глядишь, пресловутый Вяземскій[2]) выразитъ всю свою внутреннюю пошлость въ исчисленіи поощреній, подъ бременемъ коихъ тяготѣютъ наука и лите-

---

[1]) Клейнмихель, главноуправл. путей сообщенія, уволенъ 9 октября 1855 г., Бибиковъ же въ августѣ 1855 г.; паденію его особенно радовались крѣпостники, не взлюбившіе его за введеніе инвентарей въ юго-западныхъ губерніяхъ. Гр. С. С. Ланской, назначенный на его мѣсто, возвѣщалъ въ своемъ циркулярѣ, что ему повелѣно государемъ: *„ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“*. Циркуляръ этотъ пришлось вторично напечатать, такъ великъ былъ спросъ на него... Понятно, что такіе симптомы дѣйствовали пессимистически на настроеніе князя. Притомъ, какъ Наслѣдникъ, Александръ Николаевичъ не заявлялъ себя нисколько въ пользу разрѣшенія крестьянскаго вопроса, и кн. Черкасскому должно было быть памятно письмо гр. Олсуфьева къ Огильви въ 1848 г., написанное по приказанію Наслѣдника-Цесаревича (см. выше стр. 28), которымъ пріостановлено было начавшееся среди дворянъ движеніе въ пользу разрѣшенія вопроса.

[2]) Кн. Вяземскій — товарищъ министра народн. просвѣщенія.

ратура; глядишь, виляетъ и Поровъ[1]), и не знаешь, что̀ подумать. А между тѣмъ, все-таки — хвала молодому государю, хвала ему за его пребываніе на югѣ, далеко отъ петербургскаго воздуха, хвала ему, наконецъ, и за то, что безсознательно полюбилъ его весь народъ и полюбили его всѣ сословія[2])... Я заговорился, пора кончить письмо и наложить печать храненія устамъ своимъ. Когда будетъ Вамъ свободно, напишите словечко о своемъ житьѣ-бытьѣ и намѣреніяхъ. Хомяковъ говорилъ мнѣ, что вы измѣнили первоначальный планъ журнала и хотите теперь трехмѣсячный review. Излишне

---

[1]) В. И. Поровъ, министръ народн. просвѣщ., былъ внучатнымъ братомъ А. И. Кошелева.

[2]) Государь, въ сопровожденіи велик. князя Михаила Николаевича, прибылъ въ Николаевъ 13 сентября 1855 г. Шестинедѣльное пребываніе его здѣсь посвящено было приведенію этого важнаго пункта въ оборонительное положеніе, по плану ген. Тотлебена. Въ концѣ октября государь черезъ Одессу проѣхалъ въ Крымъ, гдѣ хотѣлъ лично поблагодарить армію за оборону Севастополя. Пріѣздъ его вызвалъ горячее одушевленіе въ войскахъ. Т. И. Филипповъ писалъ Кирѣевскому: „Назимову разсказывалъ самъ государь, какъ его встрѣтило войско въ Крыму: когда онъ подъѣзжалъ къ Бахчисараю (гдѣ находилась главная квартира крымской арміи), его завидѣло войско съ крутой, почти отвѣсной горы и стремглавъ бросилось къ нему, такъ что у него упало сердце при видѣ такой стремнины. Солдаты остановили коляску, цѣловали его руки и ноги; онъ говорилъ имъ объ усталости, но, разумѣется, они объ ней мало думали; Севастополю поклонился государь въ землю и долго со слезами молился о падшихъ въ бою“ (Барсуковъ: „Жизнь и Труды Погодина“, т. XIV, стр. 109, 121, 128, 130). Тамъ же письмо Погодина (стр. 138), повѣствующее о проѣздѣ государя черезъ Москву: „Въ послѣднее время ходила по городу мысль встрѣтить его, по древнему обычаю, у Серпуховскихъ воротъ и возблагодарить всѣмъ міромъ за новую службу, которую Богъ помогъ ему, воочью нашу, сослужить отечеству, возблагодарить торжественно за любовь, которую показалъ онъ намъ, посѣтивъ Крымъ, подъ непріятельскими выстрѣлами поклонившись священнымъ развалинамъ Севастополя, ободривъ подверженную опасности Одессу, одушевивъ войско горячими выраженіями царской милости и признательности, осмотрѣвъ внимательно всѣ почти позиціи, даже до переднихъ аванпостовъ, выслушавъ мнѣнія и совѣты военачальниковъ, прикоснувшись, такъ сказать, съ сердечнымъ участіемъ къ ранамъ и язвамъ нашихъ мужественныхъ воиновъ во всѣхъ походныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ, изслѣдовавъ тщательно всѣ пути сообщенія, столько въ настоящихъ обстоятельствахъ важные, принявъ мѣры противъ несчастныхъ злоупотребленій, привычки и невѣжества, удостовѣрясь въ благонадежности средствъ продовольствія, устроивъ, наконецъ, подъ своимъ личнымъ съ братьями надзоромъ, оборону Николаева“ (вел. князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ завѣдующимъ инженерной частью, а Михаилъ Николаевичъ — артиллерійской).

было бы вамъ говорить, что я вполнѣ это одобряю, только опять скажу — не торопитесь выходить къ 1-му марту, отложите до 1 января 1856 г., и въ крайнемъ случаѣ можно reviеw начать отъ 1-го сентября до 1-го сентября. Я теперь читаю книги, выписанныя мною во множествѣ, объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи. Преинтересно!... Что знаете объ Иванѣ и Константинѣ Аксаковыхъ? Что знаете о Самаринѣ, отъ коего полтора мѣсяца какъ получилъ письмо и только на дняхъ буду отвѣчать. Какой слухъ объ отвѣтѣ Норова на письмо Хомякова, и Вяземскаго на письмо Аксакова[1])? Разрѣшатъ печатать, или нѣтъ? Разрѣшатъ журналъ, или нѣтъ? Прощайте, будьте здоровы и не такъ лѣнивы какъ я".

Отвѣтъ Кошелева *16 ноября 1855 г. Песочное:*

„Письмо Ваше, любезнѣйшій князь, я получилъ и спѣшу Вамъ отвѣчать. Очень утѣшенъ я былъ извѣстіемъ о Васъ, о Вашемъ мирномъ житьѣ-бытьѣ, о мысляхъ и чувствахъ, возбужденныхъ въ душѣ и головѣ Вашей знаменитымъ посланіемъ Ланского предводителямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустно мнѣ было прочесть Ваши восторженныя похвалы жизни царства растительнаго. Нѣтъ, дражайшій князь, не навязывайте на себя того, что совершенно противно Вашей природѣ. Вы не мохъ, не клюква, не лилія, Вы такой человѣкъ, какого намъ въ Россіи нужно. Вы теперь не находите времени, чтобъ написать письмо пріятелю, потому что у Васъ слишкомъ много свободнаго времени, Вы влѣзли въ свеклу единственно потому, что не имѣете для себя лучшей должности. Не должно намъ, особенно теперь, опускать руки. *Толците, и отверзится вамъ.* Я глубоко убѣжденъ въ совершенной истинѣ этихъ словъ и думаю, что теперь менѣе чѣмъ когда-либо намъ надобно предаваться отчаянію и прелестямъ жизни растительнаго царства".

Кошелевъ извѣщалъ затѣмъ князя объ отъѣздѣ Т. И. Филиппова въ Петербургъ и объ общихъ хлопотахъ всѣхъ дру-

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о письмѣ Хомякова къ Норову, гдѣ Хомяковъ просилъ ускорить разрѣшеніе напечатать его статью „О ходѣ просвѣщенія на Западѣ и въ Россіи", которую ему хотѣлось помѣстить въ 1 № „Бесѣды". Но главное управл. цензуры не допустило ее къ печати. (См. Барсуковъ: „Жизнь и Труды Погодина", т. XIV, стр. 341).

зей о разрѣшеніи журнала[1]) и подстрекалъ князя писать, писать и писать, — сообщая о себѣ:

„Я написалъ новую статью, которая еще безъ заглавія. Цѣль ея — внушить русскимъ необходимость быть русскими. Тутъ говорится и о бородѣ, и о русскомъ платьѣ, и о русской точкѣ зрѣнія, и о православіи. Думаю, по исправленіи ея, пустить въ ходъ и даже напечатать".

Но князя Черкасскаго положительно не тянуло къ перу, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ все болѣе и болѣе разбирала его въ одиночествѣ, по мѣрѣ того, какъ имъ сознавалась важность переживаемой эпохи.

17-го ноября (1855 г.) собрался онъ, наконецъ, отвѣтить Ю. Ѳ. Самарину на его письмо отъ *21-го сентября*, въ которомъ, между прочимъ, Самаринъ сообщалъ князю:

„Я не избѣгнулъ горькой участи и выбранъ въ комитетъ по сызранскому ополченію симбирской дружины, предназначенной, какъ говорятъ, на Кавказъ"[2]).

Князь писалъ ему: „Съ новымъ поприщемъ Вашимъ не знаю, право, поздравлять ли Васъ, или нѣтъ? Ополченіе дѣло скучнѣйшее безъ всякаго сомнѣнія и сопряженное къ тому же съ значительнымъ разстройствомъ по хозяйству, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не лишено прелести новизны и неожиданности, а такія явленія иногда не лишнія въ мертвенномъ однообразіи той жизни, которая для многихъ изъ насъ создалась, такъ

---

[1]) Мы опускаемъ здѣсь подробности объ этомъ, такъ какъ исторія „Русской Бесѣды" уже изложена въ біографіи А. И. Кошелева, т. II, гл. IV, стр. 232, и у Барсукова: „Жизнь и труды Погодина", т. XIV, 312—343.

[2]) Начальникомъ Сызранск. дружины былъ выбранъ В. Д. Давыдовъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, по чину своему коллежскаго совѣтника, — капитаномъ въ эту дружину. Вскорѣ, по настоянію В. Д. Давыдова, онъ сдѣланъ ротнымъ командиромъ. По свидѣтельству Давыдова, главною заботою Самарина было искорененіе тѣлеснаго наказанія. Онъ послѣ ученія собиралъ къ себѣ роту и внушалъ ратникамъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, какъ онъ желалъ бы избѣгнуть необходимости наказанія. Дабы не подвергать никого наказаніямъ, идущимъ отъ него лично, онъ завелъ свой ротный судъ... Увы, несмотря на всѣ его старанья и на всѣ доводы, за всякую вину рота требовала неминуемо наказанія розгами. (См. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", т. XIV, стр. 310).

сказать, сама собою. Не будь я женатъ — я, быть можетъ, и самъ не отклонился бы отъ этого опыта. Подъ странствующимъ знаменемъ дружины Вы невольно забудете многое, что̀ сильно томило бы въ кабинетѣ вашемъ, и невольно же сдѣлаетесь причастнымъ тому, къ чему мало имѣли сочувствія. (Вслѣдъ за этимъ въ письмѣ вымарана цѣлая строка.) По этимъ помаркамъ уже легко можете посудить, какъ трудно передать и выразить мою мысль, тѣмъ не менѣе считаю ее справедливою. Мы живемъ въ памятную для Россіи эпоху, которая безъ сомнѣнія должна опредѣлить всю послѣдующую ея исторію, въ минуту крутого переворота, который долженъ вести ее или къ гражданственности и славѣ, или къ варварству и темной долѣ. Говорятъ, что отовсюду слышатся и виднѣются симптомы жизни; дай Богъ, чтобы всеобщая инстинктивная любовь всѣхъ сословій къ молодому государю была бы счастливымъ предзнаменованіемъ, я боюсь лишь одного — это логическаго порядка мыслей и умозаключеній, которыя въ дворянствѣ порождены паденіемъ Бибикова и циркуляромъ Ланского... Но какъ бы то ни было, какова бы ни была будущность, всякій будетъ впослѣдствіи имѣть право гордиться собою, кто успѣлъ теперь принести себя сколько-нибудь въ жертву отечеству — и Вы въ томъ числѣ, какъ ополченецъ, и поневолѣ приходится нашему брату отчасти и завидовать Вамъ“.

Бездѣйствіе томило и тяготило князя, но онъ еще не видѣлъ ясно, что̀ ему дѣлать, какой путь избрать. Такъ какъ Кошелевъ писалъ ему, что въ декабрѣ онъ собирается въ Петербургъ, князь, повидимому, рѣшился съѣздить повидаться съ нимъ въ Москву до его отъѣзда, чтобы переговорить и рѣшить что-нибудь на мѣстѣ. Слѣдующая записка князя къ Кошелеву даетъ намъ право на это предположеніе.

(Письмо безъ числа, помѣчено: „*Пятница*“). „Любезный Александръ Ивановичъ! рѣдко достается на нашу долю задушевно разговориться, а еще рѣже — дѣйствовать задушевно. Вчера была такая минута, я не желалъ бы для себя, чтобы она исчезла безъ послѣдствій, ибо я уже слишкомъ давно о томъ думалъ. Теперь вотъ въ чемъ дѣло: можетъ-быть, встрѣтятся въ Петербургѣ такія обстоятельства, которыя заставятъ Васъ отказаться отъ нашего общаго предположенія; Вы уже не въ молодыхъ годахъ, Вамъ нельзя итти къ дру-

гому въ помощники[1]), слѣдовательно, если кто-нибудь ужъ назначенъ на мѣсто Вiельгорскаго[2]) (Михаила) въ Крымѣ, то Вамъ трудно итти. Для меня этихъ затрудненій не существуетъ, я моложе многихъ, никогда не служилъ, слѣдовательно могу итти въ помощники ко всякому, конечно, порядочному и честному человѣку. Поэтому отъ меня къ вамъ еще просьба. Вы легко поймете, что съ Вами мнѣ пріятнѣе было бы предпринять это дѣло, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Но если бы непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали бы Вамъ дать Вашему вчерашнему намѣренію ходъ, то я попросилъ бы Васъ намекнуть отъ себя Вiель..., что Вы знаете человѣка, который навязывается самъ, но конечно не откажется занять и второстепенное мѣсто, лишь бы при честномъ и не непріятномъ человѣкѣ. Вы поймете легко, что говорю я о себѣ и ожидаю отъ Вашей дружбы, чтобы Вы, такъ или иначе, заставили мнѣ предложить это какимъ бы то ни было путемъ. Прощайте, дай Вамъ Богъ успѣха во всемъ. Простите мою искреннюю безцеремонность, сожгите эту записку и вѣрьте неизмѣннымъ чувствамъ дружбы".

На это А. И. Кошелевъ отвѣчалъ изъ Петербурга *12 декабря 1855 г.*:

„Нѣтъ, дражайшій князь, мы можемъ спокойно курить вино и варить сахаръ. Въ людяхъ въ Петербургѣ недостатка нѣтъ, и будь еще другая Россія, то и ею бы управили. Письма своего я не подавалъ, ибо, по словамъ моихъ пріятелей, это было бы un coup d'épée dans l'eau. Что касается до нашего общаго предположенія, то о

---

[1]) А. И. Кошелеву было въ ту пору 48 лѣтъ (род. 1807-1883), а кн. Черкасскому 31 годъ. Странно, что ни въ запискахъ, ни въ біографіи А. И. Кошелева не упоминается о томъ, что онъ думалъ служить въ Крыму; здѣсь говорится, что Филипповъ писалъ Кошелеву, совѣтуя ему ѣхать самому въ Петербургъ хлопотать о журналѣ, и что Ал. Ив. дѣйствительно поѣхалъ туда и, повидавшись съ Норовымъ, вернулся въ Москву. (Біографія стр. 283).

[2]) Гр. Мих. Мих. Вiельгорскій былъ предсѣдателемъ комиссіи, состоявшей подъ покровительствомъ имп. Маріи Алекс. и имѣвшей наблюденіе за провіантскою и госпитальною частями въ Севастополѣ. Въ числѣ членовъ этой комиссіи состоялъ гр. К. И. Паленъ (бывшій министръ юстиціи) и гр. Е. Е. Комаровскій. Вскорѣ по отбытіи государя изъ Крыма гр. Вiельгорскій умеръ въ Симферополѣ отъ тифа (см. Барсукова „жизнь и труды Погодина" т. XIV, стр. 133) жертвой котораго сдѣлался также и назначенный на его мѣсто кн. Г. А. Долгорукій.

немъ нечего и думать. Мы оба не камергеры и не камеръ-юнкеры и, слѣдовательно, для этого дѣла не годимся".

21-го декабря Кошелевъ уже сообщалъ князю изъ Москвы что журналъ наконецъ разрѣшенъ и сотрудниковъ приглашено довольно:

„...есть такіе, на которыхъ мы прежде не разсчитывали: І. Ковалевскій, который изъѣздилъ вдоль и поперекъ славянскія земли, Л. Н. Т. (гр. Левъ Ник. Толстой, авторъ Севастопольскихъ писемъ (sic) и пр.), К. Г. Львовъ, Чихачевъ и другіе. ...Такъ извольте приниматься за дѣло, дражайшій князь. Не можете ли Вы составить обозрѣніе политическихъ событій съ 18-го февраля по 1-е января 1856 г. въ Европѣ и Россіи по русскимъ источникамъ (т.-е по „Вѣдомост. Московскимъ" или „Сѣверной Пчелѣ"). На первый разъ надобно составить очень скромное обозрѣніе, но нѣсколько живое и хорошо сгруппированное. Пишите ко мнѣ въ Москву. Надобно начать съ краткаго обзора положенія Европы".

Сообщая слухи о предстоящихъ въ Петербургѣ назначеніяхъ, Кошелевъ замѣчалъ при этомъ:

„Странное положеніе; теперь столько же страшатся западнаго направленія, сколько и противоположнаго, и стараются избирать людей безъ рѣшительнаго направленія".

Князь Черкасскій отвѣчалъ Кошелеву *декабря 29-го 1855 г.:*

„Наскоро, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, отвѣчаю вамъ два слова на оба письма Ваши отъ 12-го и 21-го декабря. Душевно благодарю Васъ за скорое увѣдомленіе о всѣхъ нашихъ дѣлахъ. Не удастся намъ съ вами сослужить службу въ Крыму, такъ давайте займемся журналомъ. Задача, которую вы мнѣ предлогаете, кажется, довольно мудрена, но я охотно беру ее на себя, какъ сумѣю, такъ выполню; не знаю, попаду ли въ ладъ въ одно время и съ цензурою и съ требованіями мысли, ибо я въ этомъ дѣлѣ новикъ. Поэтому совѣтовалъ бы Вамъ, если Вамъ эта статья нужна къ спѣху, такъ что я не могу успѣть передѣлать ее въ случаѣ если она окажется не ладна, въ такомъ случаѣ, совѣтовалъ бы Вамъ на всякій случай такую же статью, *на всякій случай*, заказать и еще кому-либо другому (если есть), дабы Вамъ можно было выбрать изъ двухъ и не быть Вамъ въ необходимости довольство-

ваться моею, буде она окажется неудовлетворительною. Не думайте, чтобы я говорилъ Вамъ это ради того, чтобы отдѣлаться. Совсѣмъ нѣтъ. *Къ назначенному мною сроку Вы можете непремѣнно* разсчитывать на мою статью, хорошую или дурную, какъ удастся. Вы не пишете мнѣ вещи весьма существенной: какой приблизительно долженъ быть объемъ обозрѣнія? это мнѣ необходимо нужно знать. Также думаю я, что Вы, касательно Россіи, желаете не одно сухое обозрѣніе внутренняго законодательства, а нѣсколько живое политическое обозрѣніе. Наконецъ, съ какого срока начинаете Вы изданіе журнала? Надѣюсь, что отнюдь не раньше 1-го іюля; а еще бы лучше съ 1 января 1857 года. Крайне боюсь, чтобы Вы не поспѣшили и не взяли бы черезъ то на себя работы Сизифовой. А главное для меня: къ какому сроку мечтаете Вы отъ меня получить статью? — Я ѣду 7-го числа на выборы въ Тулу, гдѣ ничего не буду дѣлать, кромѣ сплетней и разныхъ интригъ, слѣдовательно до 22-го января не могу приняться ни за что. Если вы требуете обозрѣніе немного полное, я не могу Вамъ его дать прежде 1-го марта. Къ 1-му марта оно будетъ въ Вашихъ рукахъ. Только пришлите мнѣ, взявъ ихъ изъ Англійскаго клуба на просмотръ, всѣ номера Débats съ 1-го января по 1-е мая нынѣшняго года, ибо эти мои номера затеряны, а тамъ есть нѣсколько интересныхъ обозрѣній въ premier Paris; съ 1-го мая всѣ номера у меня подъ рукою. Вотъ Вамъ все существенное на этотъ разъ. Впрочемъ буду писать къ вамъ еще на дняхъ, а до того примите увѣреніе совершеннаго моего уваженія и дружбы. А какова рѣчь Погодина на Хрулевскомъ обѣдѣ въ клубѣ[1])? Молодецъ! упо-

---

[1]) Московскій Англійскій клубъ 18 декабря 1855 г. давалъ обѣдъ въ честь генер. Степ. Ал. Хрулева, прославившагося своими подвигами подъ Акмечетью, на Дунаѣ и въ Крыму. Погодинъ привѣтствовалъ его горячею, патріотическою рѣчью и между прочимъ сказалъ: „Мы всѣ желаемъ мира, лишь бы былъ онъ честенъ и благороденъ, чтобы намъ не стало стыдно ни предъ нашимъ Петромъ подъ Полтавою и при Прутѣ, ни предъ Екатериною съ Румянцовымъ, Потемкинымъ и Суворовымъ, ни предъ Александромъ, съ его славными сподвижниками 1812-го года, ни предъ покойнымъ государемъ, который видитъ теперь ясно, съ высоты, всѣ дѣла любезной ему Россіи и который здѣсь свято сохранялъ нашу честь: чтобы намъ не было стыдно передъ нашей исторіей, передъ нашими отцами, отъ которыхъ мы получили священное наслѣдство, и передъ нашими дѣтьми, которымъ должны оставить его въ цѣлости и сохранности“... (См. „Жизнь и труды Погодина“, XIV, стр. 452).

мянулъ и о Петрѣ подъ Прутомъ! Неужели справедливы росказни о его походѣ въ С.-Петерб. съ Кокоревымъ насчетъ казенныхъ рудниковъ“ [1]).

Такимъ образомъ видно, что у Черкасскаго съ Кошелевымъ былъ уговоръ, что, въ случаѣ если не удастся попасть на службу въ Крымъ, князь не долженъ отказываться отъ сотрудничества въ журналѣ. — Кошелевъ писалъ Черкасскому *6 января 1856 г.:*

„Пишу къ Вамъ мало, дражайшій князь, потому что съ утра и до полуночи все у меня къ комнатѣ были толки о журналѣ. Ужъ толковъ такъ много, что боюсь, что толка никакого не будетъ. О славяне! славяне! Земля наша богата и обильна и проч. Впрочемъ во мнѣ есть варяжская кровь (бабка моя была нѣмка), и надѣюсь все устроить. Никому объ этомъ не говорите, но Вамъ, какъ ближайшему сотруднику и участнику, не могъ этого утаить“ [2]).

Кн. Черкасскій Кошелеву *30 января 1856 г.:*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо Ваше отъ

[1]) Василій Александровичъ Кокоревъ, извѣстный московскій купецъ и патріотъ (между прочимъ оказывавшій впослѣдствіи матеріальную поддержку Погодину въ его сношеніяхъ съ славянами). Вскорѣ послѣ кончины Николая I, гр. А. Ѳ. Орловъ пригласилъ В. А. Кокорева на конфиденціальное совѣщаніе: Въ виду затруднительнаго денежнаго положенія Россіи требовалось придумать способъ помимо иностраннаго займа запастись звонкой монетой. Кокоревъ предложилъ три мѣры: 1) отмѣнить пошлину съ добываемаго золота, 2) дозволить добычу его на огромныхъ пространствахъ дворцоваго вѣдомства и 3) уничтожить стѣснительныя канцелярскія распоряженія и формальности, съ которыми сопряжена золотопромышленность. Гр. Орлову понравилась мысль Кокорева, о которой онъ доложилъ государю. Кокоревъ былъ приглашенъ въ *„негласный“* комитетъ, учрежденный по Высочайшему повелѣнію, при участіи гр. Орлова и Ростовцева. Проектъ устава о золотомъ промыслѣ, выработанный ими, былъ по приказанію государя переданъ въ финансовый комитетъ, гдѣ и провалился, благодаря недоброжелательству къ нему Брока. — М. П. Погодинъ принималъ живѣйшее участіе въ составленіи записки „О золотомъ промыслѣ въ Россіи“, которую Кокоревъ предполагалъ прочесть въ финансовомъ комитетѣ. Но Брокъ, не внося этой записки въ финансовый комит., отправилъ ее на предварительное обсужденіе сибирскихъ губернаторовъ, и дѣло кануло въ воду. (См. „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 464—468).

[2]) Изъ біографіи А. П. Кошелева, т. II, стр. 239, узнаемъ, что журналъ издавался на паяхъ, изъ коихъ два принадлежали Кошелеву, одинъ — Хомякову, одинъ — Ю. Ѳ. Самарину и одинъ — кн. Черкасскому: эти лица должны были составлять „Совѣтъ редакціи“. Въ архивѣ кн. Черкасскаго сохранилась записка Кошелева отъ 30 марта 1856 г.: „получено отъ кн. В. А. Черкасскаго въ счетъ основного капитала „Русской Бесѣды“ 1000 руб. сер.“

6-го января я получилъ въ Тулѣ, но не успѣлъ отвѣчать Вамъ по причинѣ множества мелкихъ хлопотъ по выборамъ, которые меня совершенно поглотили на время. Я преусердно хлопоталъ объ устройствѣ по своему желанію своихъ уѣздныхъ выборовъ и, несмотря на всѣ трудности, достигъ своей цѣли и свергъ исправника, съ которымъ шесть лѣтъ уже вожусь; братъ мой Евгеній выбранъ въ уѣздные предводители. Къ тому же Вашъ покорный слуга попалъ въ литературные редакторы собранія, по случаю довольно всеобщей безграмотности; такъ что, кромѣ поданнаго мною отъ себя проекта объ уменьшеніи платежа и взиманія опекунскимъ совѣтомъ процентовъ, я долженъ былъ еще написать проектъ о назначеніи становыхъ по выборамъ отъ дворянства и адресъ на Высочайшее имя, для поднесенія коего благородное дворянство веневское и назначило меня отъ себя депутатомъ. А между тѣмъ, мы здѣсь живемъ въ тошной неизвѣстности насчетъ того, что̀ болѣе всего насъ интересуетъ: я долго готовъ былъ биться объ закладъ, что мира не будетъ; а теперь, кажется, это было бы ужъ съ моей стороны неосторожно. Пословица конечно говоритъ: „худой миръ лучше доброй ссоры“, но, кажется, это было придумано не для отношеній международныхъ. Увидимъ: чему быть, тому не миновать. Не знаю также, что̀ Вашъ, или, лучше, нашъ журналъ? Каждую газету гляжу, нѣтъ ли объявленія о выходѣ его, и не нахожу. Я между тѣмъ началъ перечитывать прошлогоднія газеты и выписки свои и непремѣнно приготовлю статью къ обѣщанному сроку; но иногда думаю: не понапрасну ли я произвожу эту скучную работу? Какъ бы то ни было, буду продолжать въ ожиданіи отъ Васъ рѣшительнаго отвѣта. Во 2-мъ номерѣ „Вѣстника“ нашелъ имя Аксакова, вполнѣ напечатанное подъ прекраснымъ, хотя нѣсколько растянутымъ стихотвореніемъ. Снята ли съ него подписка? И снята ли она со всѣхъ насъ? Что̀ дѣлаетъ или сдѣлалъ Хомяковъ? Вотъ Вамъ пропасть вопросовъ, а Вамъ едва ли будетъ время отвѣчать на одинъ[1]). Я хотѣлъ ѣхать въ Москву дня на два; но отложилъ до марта. Тогда на-

[1]) На эти вопросы Кошелевъ отвѣчалъ кратко: „Стихотвореніе Аксакова было послано въ Главное Управленіе цензуры и оттуда возвращено съ пропускомъ. Хомяковъ возвратился изъ Питера и теперь здѣсь. Онъ даетъ въ журналъ свою статью, приготовленную для 2 № „Сборника“. (Статья эта не была разрѣшена, см. выше.)

дѣюсь Васъ и всѣхъ нашихъ душевно обнять. Жена моя усердно кланяется Вамъ и О. Ѳ. Прощайте, будьте здоровы, Богъ съ Вами. Кн. В. Ч.“

Въ письмѣ отъ *14-го февраля* Кошелевъ извѣщалъ князя о дозволеніи журнала и о снятіи запрещенія со всѣхъ бывшихъ участниковъ „Сборника“. Но цензорамъ вмѣнено было въ обязанность строжайше наблюдать за духомъ и направленіемъ журнала.

III.

Въ виду начавшихся мирныхъ переговоровъ на Парижскомъ конгрессѣ (въ февралѣ), Кошелевъ думалъ отказаться уже отъ мысли помѣстить какое-либо политическое обозрѣніе въ 1-й книжкѣ журнала, считая что трудно написать что нибудь сносное, такъ какъ писать въ воинственномъ духѣ было бы неумѣстно, а въ миролюбивомъ невозможно. Между прочимъ онъ сообщалъ Черкасскому, что въ Москвѣ и Петербургѣ менѣе говорятъ о мирѣ, чѣмъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія:

„Царь этого желаетъ, и псари начинаютъ видѣть необходимость этой мѣры. Уже поданы разные проекты. И азъ грѣшный пишу и великимъ постомъ поѣду въ Питеръ со своими записками“ [1]).

Князь Черкасскій отвѣчалъ ему 18 февраля 1856 г. (с. Клинъ):

„Письмо Ваше отъ 14-го февраля, полученное мною вчера, пришло какъ нельзя болѣе кстати, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; я только что кончилъ наканунѣ чтеніе за цѣлый годъ „Моск. Вѣдом.“ и „Débats“, изъ коихъ сдѣлалъ весьма полныя и добросовѣстныя выписки, или, по крайней мѣрѣ, выноски и указанія для обзора, составилъ себѣ планъ для него и хотѣлъ приступить къ написанію. Письмо Ваше, впро-

---

[1]) Въ „Записки“ Кошелева вкралась очевидно хронологическая ошибка, такъ какъ онъ относитъ тамъ составленіе проекта къ концу 1857 г. (см. стр. 92) и говоритъ, что въ то же время, подобныя записки составлялись Ю. Ѳ. Самаринымъ, кн. Черкасскимъ: „Когда наши записки были готовы, т.-е. въ январѣ 1858 г., мы ихъ прочли другъ другу“. По приводимымъ письмамъ видно, что вмѣсто 1858 г. слѣдуетъ читать 1856 г., при чемъ проектъ А. И. Кошелева, какъ увидимъ, былъ имъ законченъ лишь осенью 1856 года.

чемъ содержащее много утѣшительнаго, ясно доказало мнѣ, что писать обзора мнѣ не зачѣмъ, ибо въ томъ смыслѣ, какъ оно было написано, его, судя по письму Вашему, вѣроятно не пропустятъ, а писать еще безцвѣтнѣе этого — не хватаетъ духа, да и такъ показалось бы оно Вамъ слишкомъ безцвѣтно. Впрочемъ, на всякій случай, посылаю Вамъ приготовленную мною было для себя программу, дабы Вы ее прочли и, на всякій случай, для будущаго времени сказали бы мнѣ: одобряете ли Вы данный мною оборотъ мысли. Если хорошо, то берусь Вамъ написать первый обзоръ, который Вамъ только потребуется, и мнѣ это теперь будетъ менѣе затруднительно, чѣмъ другому; а покажется не ладно, то и еще лучше, что я не написалъ совсѣмъ, по крайней мѣрѣ трудъ въ барышахъ. Вы увидите изъ программы, что я хотѣлъ провести мысль, что Австрія сама разорвала свои связи съ нами, расхвалить въ пухъ ея и внѣшнюю и внутреннюю политику теперешнюю, въ видѣ намека на нашу политику 1848—49 гг. (чѣмъ цензура, быть можетъ, не оскорбилась бы) и наконецъ намекнуть, что теперешній міръ возвращаетъ политическій міръ къ своей логической группировкѣ, т.-е. къ союзу Америки, Франціи, Россіи и даже Пруссіи. Какъ бы то ни было, дѣло кончено; а впредь будетъ зависѣть отъ Васъ.

„Благодарю васъ за извѣстіе о журналѣ и о снятіи подписки[1]), изъ которыхъ послѣднее, впрочемъ, уже дошло до меня косвенно. Также весьма благодарю за всѣ прочія весьма интересныя извѣстія о крѣпостномъ правѣ, которыя мнѣ кажутся весьма вѣроятными и о коихъ я уже нѣсколько времени слышалъ; они внушили мнѣ одинаковую мысль съ Вами, и у меня уже почти готова также записка по этому предмету. Я буду въ Москвѣ въ концѣ 2-й недѣли непремѣнно; подождите меня, и мы можемъ помѣняться чтеніемъ; а тамъ — что Богъ дастъ. То-то пойдетъ теперь наводненіе толковъ и писаній, выйдетъ ли только прокъ.

„Я черезъ Аксакова, на дняхъ, предлагалъ вамъ для № 2 журнала, въ видѣ продолженія „Юрьева дня“, какую-нибудь еще статью моего изобрѣтенія изъ исторіи крѣпостного права, напримѣръ о продажѣ крестьянскихъ земель. Пожалуй, хо-

---

[1]) Кошелевъ извѣщалъ (14 февраля 1856 г.): „Вамъ объявятъ объ отмѣнѣ подписки черезъ земскій судъ“.

тите — вмѣсто этого — подробную критику на статью Чичерина или что-нибудь въ этомъ родѣ[1]). При свиданіи условимся. По-моему, откровенно говоря, статья Чичерина слаба, и онъ во многомъ неправъ. Я думаю Вы хорошо дѣлаете, что поступаете осторожно съ объявленіемъ новаго журнала а то, того гляди, попадешься впросакъ. Видаетесь ли Вы съ Погодинымъ? И будетъ ли онъ участвовать[2])? Впрочемъ, знаете — хорошо бы для перваго номера не слишкомъ много брать запрещенныхъ по „Сборнику“ статей. Копію съ адреса тульскаго дворянства я переслалъ Аксакову, у коего можете достать; слова *„объ утвержденіи за дворянствомъ исконныхъ правъ его“* — разумѣлись объ уничтоженіи распоряженія Бибикова, касательно исправниковъ; весь адресъ я писалъ лишь чтобы вклеить послѣднюю фразу. Впрочемъ сегодня узнаю, что депутаціи отказано, дабы не вовлечь насъ въ лишніе расходы. Прощайте, до свиданія. Надѣюсь, что вы меня дождетесь въ Москвѣ, гдѣ я пробуду не долго; хочу найти квартиру для коронаціи и для будущей зимы. Усерднѣйшій вамъ и всѣмъ пріятелямъ shakehands. Кн. В. Ч.“

Дѣйствительно, князь скоро собрался въ Москву и отсюда писалъ женѣ, которая осталась въ деревнѣ: „Сижу дома и пишу свой обзоръ, который впрочемъ едва ли пропустится цензурою. Тогда я буду совершенно въ дуракахъ, потрудившись совершенно понапрасну et sans parvenir à rendre le service que l'on me demande“. Вчера утромъ я былъ опять у Строганова, который очень просилъ меня ему сообщить мою „Записку“.

Записка эта, о которой упоминалось уже выше, въ письмѣ къ Кошелеву, была представлена княземъ Черкасскимъ правительству въ началѣ 1857 года, подъ заглавіемъ: *„О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного*

---

[1]) Кошелевъ писалъ Черкасскому (14 февраля): „Статья Чичерина („Обзоръ историч. развитія сельской общины въ Россіи“, „Р. Вѣстн.“ 1856 г., 3 и 4) здѣсь возбуждаетъ сильные толки и споры. Вы занимались этимъ предметомъ. Скажите также свое слово. Я желаю, чтобы Чичеринъ былъ неправъ и чтобы Хомяковъ и Аксаковъ были правы, но amicus Plato sed magis amica veritas. Я желаю этого также и для того, что теперь въ общинахъ сѣверныхъ губерній я вижу и чувствую начало общиннаго владѣнія землею. Скажите-ка свое слово“.

[2]) См. о переговорахъ Кошелева съ Погодинымъ („Жизнь и труды Погодина“, т. XIV. Погодинъ сначала недоброжелательно относился къ „Бесѣдѣ“, но съ 4-го № въ ней стали уже появляться его статьи.

состоянія". Мы сочли нужнымъ цѣликомъ помѣстить ее въ „Приложеніяхъ" (см. № 2) вслѣдствіи того, что по какому-то странному недоразумѣнію, кн. Черкасскому было ложно приписано авторство записки, неизвѣстно кѣмъ составленной и озаглавленной: „*О способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами*".

Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Мысли" за 1886 г., нѣкій г. W., въ коротенькой статейкѣ „Кн. Вл. А. Черкасскій объ освобожденіи крестьянъ", помѣщаетъ — не изложеніе этой, будто бы представленной княземъ правительству записки, а извлеченіе нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ на его взглядъ, мнѣній и предложеній князя, будто бы характерныхъ для людей того направленія, къ которому онъ принадлежалъ... Читая эту статью, совершенно недоумѣваешь, что дало г-ну W. право приписать эту „записку" князю Черкасскому? Не имѣя въ рукахъ ея подлиннаго текста, мы затрудняемся отвѣтить на этотъ вопросъ, но на нашей обязанности теперь лежитъ исправить ошибку, успѣвшую уже многихъ ввести въ заблужденіе[1]), напечатаніемъ *подлинной записки* кн. Черкасскаго: „*О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія*", и при ней письмо Левшина,

---

[1]) См. *Семевскій*, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II, 1886 г., въ ссылкѣ на стр. 425-й читаемъ: „Во второй половинѣ 50-хъ годовъ кн. Черкасскій составилъ весьма несимпатичную записку: „О способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами, которую мы имѣемъ въ полномъ видѣ съ примѣчаніями А. И. Кошелева. Извлеченія изъ нея были напечатаны въ „Русской Мысли" 1886 г., № 9. „Біографъ Кошелева (см. Біографію, т. II, стр. 110, 1892 г.), повидимому, тоже пользовался полнымъ экземпляромъ записки, приводя изъ нея слѣдующія невѣроятныя извлеченія, чтобы характеризовать взгляды „либеральнаго князя": „Довольно сказаннаго, кажется, чтобы убѣдиться въ опасности, устроить осѣдлость поселянъ на земляхъ, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тѣ неистовства и кровопролитія, которыя ожидаютъ всѣхъ во время перехода отъ настоящаго порядка къ освобожденію съ землей, то лезвее ножа уже чувствуется на шеѣ, воображеніе рисуетъ пальцы и другіе члены, раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, вдали видятся потѣшные огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители, или торжественные костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ... Господи милосердый! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія во имя развитія и человѣчества. Нѣтъ, въ Россіи освобожденіе съ крѣпостнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріатъ опасны и вредны, но демократическое раздѣленіе поземельнаго владѣнія страшно и ужасно".

свидѣтельствующаго, что именно эта, а не какая-либо другая записка была представлена кн. Черкасскимъ въ министерство.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. Сотрудничество кн. Черкасскаго въ „Русской Бесѣдѣ“. Успѣхъ его статей. Цензурныя стѣсненія. — II. Поѣздка за границу. Совѣты Кошелеву измѣнить направленіе „Бесѣды“, расширить программу. — III. Неожиданный поворотъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Рескрипты Назимову и Игнатьеву. Ликованія Кошелева; онъ торопитъ возвращеніе князя. Двѣ записки князя о новомъ положеніи крестьянскаго вопроса. Бесѣда съ Пальмеромъ. IV. Допущеніе гласности въ обсужденіе крестьянскаго вопроса.

I.

28-го апрѣля 1856 г. вышла въ свѣтъ первая книжка „Бесѣды“. Кошелевъ, извѣщая о томъ Черкасскаго, писалъ ему:

„Статья Ваша[1]) рѣшительно нравится всѣмъ и ее хвалятъ болѣе всѣхъ остальныхъ. Ради собственной славы и процвѣтанія „Бесѣды“, пожалуйста не отказывайтесь отъ обозрѣнія. Вѣдь срокъ короткій, происшествій мало; листокъ — не болѣе. Это не помѣшаетъ статьѣ объ общинѣ; а въ Вашу статью здѣсь многіе просто влюблены. Происшествій мало, но какая находка — конвенція о каперахъ! Критиковать нельзя; но можно разсмотрѣть вопросъ будто отъ лица сѣвероамериканцевъ. Скажите мой поклонъ княгинѣ и скажите ей, что мы ее просимъ Васъ просить объ этомъ дѣлѣ, разумѣется, не измѣняя общинѣ. Низко кланяюсь. Вашъ преданный А. К.“[2])

---

[1]) „Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 г.“ перепечатано въ сборникѣ „Кн. Вл. А. Черкасскій“ (1879 г.).

[2]) Арх. кн. Ч—скаго, письма Кошелева отъ 1-го и 8-го мая, — здѣсь читаемъ еще: „Ваша статья нравится всѣмъ безъ исключенія; она просто схоронила статью Корша, по сознанію самихъ западниковъ. Цензоръ Крузе такъ былъ ею доволенъ, что не могъ рѣшительно вычеркнуть изъ нея хоть одно слово“. Переписка эта совершенно иначе освѣщаетъ дѣйствительныя отношенія кн. Черкасскаго къ редактору и редакціи „Русской Бесѣды“, чѣмъ какъ они были обрисованы впослѣдствіи А. И. Кошелевымъ въ его „Запискахъ“, которыя онъ началъ писать только лишь въ 1864 г. Здѣсь мы читаемъ: „По поводу сотрудничества кн. Черкасскаго считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Хотя впослѣдствіи онъ часто считался такъ называемымъ славянофиломъ, а иногда также становили его и во главу этой партіи (?), но онъ никогда таковымъ не былъ и расходился съ нами въ самыхъ существенныхъ убѣжденіяхъ. Онъ вовсе не

Въ то же время Самаринъ писалъ Черкасскому (17-го мая): „Хомяковъ въ особенности проситъ Васъ обратить вниманіе на вопросъ „о каперствѣ“, показать тѣсную связь его съ партизанскимъ или земскимъ ополченіемъ; это одна изъ формъ свободнаго, добровольнаго содѣйствія со стороны частныхъ лицъ дѣйствіямъ государства“. О статьѣ князя онъ отзывался:

„Мнѣ особенно нравится, кромѣ мастерской сжатости, совершенно свободное, самостоятельное отношеніе къ Европѣ. Это отсутствіе подобострастія — совершенная у насъ новость. Не знаю, получаете ли Вы „Allgemeine Zeitung“. На всякій случай я Вамъ посылаю довольно любопытныя статьи о мирѣ и протоколѣ. „Бесѣда“ расходится порядочно. Петербургскіе журналы говорятъ о ней съ уваженіемъ: съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣтило ее мыслящее духовенство“.

20-го мая 1856 г. кн. Черкасскій писалъ Кошелеву:

„Я получилъ оба обязательныя письма Ваши, дражайшій Ал. Иван., изъ Москвы, отъ 1-го мая, и изъ Песочной, за которыя, а равно и за благосклонные отзывы весьма Васъ благодарю. Я писалъ уже къ Самарину[1]) (съ просьбой Вамъ передать), что я, если это непремѣнно нужно, беру на себя продолженіе обозрѣнія на нынѣшній годъ и что для 2-й книжки доставлю Вамъ обозрѣніе непремѣнно къ 10 іюня въ Москву. Что касается до дальнѣйшаго отвѣта Чичерину, полагаю гораздо лучше помѣстить его послѣ отвѣта Чичерина Бѣляеву[2]), или, по крайней мѣрѣ, послѣ продолжительнаго его молчанія.

считалъ православнаго Христова ученія основою нашего міровоззрѣнія, высказывался безпрестанно противъ сельской общины и любилъ насмѣхаться надъ народомъ-кумиромъ, коему, по его мнѣнію, будто бы поклонялись Хомяковъ и Аксаковъ. Черкасскій, какъ отмѣнно умный человѣкъ, признавалъ, что въ нашемъ направленіи болѣе силы и будущности, чѣмъ въ противоположномъ, т.-е. тогдашнемъ западномъ; онъ находилъ особенное удовольствіе въ нашихъ бесѣдахъ и дорожилъ связями съ нами. *Ради этого онъ согласился предоставить мнѣ право вычеркивать изъ его статей все то, что окажется противнымъ нашему направленію, или требовать отъ него измѣненій въ этомъ же смыслѣ. Только на этихъ условіяхъ, мы и согласились принять кн. Черкасскаго въ постоянные сотрудники „Русской Бесѣды“* (Berlin, Behr's Verlag. 1884 г., стр. 84).

[1]) Письма этого въ арх. кн. Черкаскаго не имѣется.

[2]) Въ 1-й книгѣ „Бесѣды“ (стр. 101—146) Бѣляевъ возражалъ на статью Чичерина: „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“, и также во 2-й книгѣ (стр. 114—141). Князь Черкасскій воздержался отъ участія въ этой полемикѣ. Въ арх. кн. Ч—скаго, №№ 7 и 8, имѣется неоконченное имъ замѣчаніе на статью Бѣляева „О поземельной собственности въ древней Россіи“.

Я полагаю и Вы съ этимъ согласитесь. Проекта своего я еще не исправлялъ, а по доставкѣ Вамъ обозрѣнія, окончательно исправлю и пошлю. Очень любопытно знать — будетъ ли отвѣтъ на статью Чичерина въ „Вѣстникѣ“ „О народности въ наукѣ“ [1]). Надобно признаться, что она написана хорошо и умно. Сообщенные Вами мнѣ результаты подписки на „Бесѣду“ меня не удивили вовсе[2]). Признаюсь, я не думалъ и не думаю, чтобы изданіе, имѣющее нѣкоторое притязаніе на возможность обойтись безъ беллетристики и повѣстей, могло найти большой кругъ читателей, особенно при враждебности прочихъ журналовъ и особенно „Московскихъ Вѣдомостей“ [3]). Моя мысль, все-таки, что надобно бы поставить „Бесѣду“ на ногѣ серіознаго журнала, въ родѣ „Edinburgs Review“, и дать ей преимущественно историко-юридико-статистическое направленіе. Не знаю еще, что сказалъ „Современникъ“ о „Бесѣдѣ“. Довольно важно было бы, по крайней мѣрѣ, въ немъ не найти врага отъявленнаго, а ни на кого другого и разсчитывать нельзя. Издаетъ ли Погодинъ „Москвитянина“, или опять отложилъ? Вотъ вопросовъ много, а Вамъ, я чаю, есть на что отвѣчать и о чемъ писать многимъ другимъ, а потому и не обязываю Васъ нимало отвѣтомъ. Когда-нибудь увидимся, переговоримъ. Примите душевный мой поклонъ. Кн. Вл. Ч.“

Но Кошелевъ спѣшилъ отвѣтить князю (30-го мая), что ждетъ присылки его „Обозрѣнія“ и заказывалъ ему еще новую статью:

„Что Вы будете дѣлать въ деревнѣ лѣтомъ? Не хотите ли написать статью и объ австрійскихъ финансахъ или о „crédit mobilier“. Въ первомъ случаѣ, я могъ бы достать Вамъ много книгъ объ австрій-

---

[1]) Въ 1-й кн. „Русской Бесѣды“ 1856 г. Ю. Ѳ. Самаринъ помѣстилъ статью: „Два слова о народности въ наукѣ“, на которую Б. Н. Чичеринъ отвѣтилъ въ „Русскомъ Вѣстн.“, за май, статьей: „О народности въ наукѣ“, что возбудило горячую полемику (подробно о ней см. въ Біографіи А. И. Кошелева, стр. 268 и проч.).

[2]) Кошелевъ писалъ 1-го мая: „Подписка на „Бесѣду“ идетъ не такъ бойко, какъ мы думали: въ Москвѣ у Базунова вчера было 150 подписчиковъ; но прочимъ книгопродавцамъ московскимъ отпущено 80 экземпляровъ и только одинъ еще взялъ 20 экз. Въ Питеръ отправлено 300. Иногородныхъ подписчиковъ около 80, да за границею 40 — всего распущено денежныхъ 660; даровыхъ — 120. Увидимъ, что будетъ дальше“.

[3]) Съ января 1856 г. на мѣсто Каткова редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ назначенъ В. Ѳ. Коршъ. (См. „Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 258).

скихъ финансахъ. О „crédit mobilier“ хорошо было бы написать, ибо Регеіга ѣдетъ въ Питеръ, и объ этомъ вопросѣ будетъ сильный разговоръ“.

Въ томъ же письмѣ и затѣмъ въ слѣдующемъ, отъ *27-го іюня*, Кошелевъ усиленно приглашалъ кн. Черкасскаго къ себѣ въ Песочное къ 20-му іюля, поджидая къ этому дню Самарина, Хомякова и Дм. Ник. Толстого (рязанскаго губернатора). Онъ торопилъ князя присылкой его проекта постепеннаго освобожденія крестьянъ, сообщая, что имѣетъ уже проектъ Чичерина, Кавелина, Жеребцова и Самарина. По прочтеніи всѣхъ этихъ проектовъ, онъ собирался изготовить свой, къ пріѣзду гостей, и представить его на общее обсужденіе.

Князь Черкасскій отвѣчалъ *8-го іюля 1856 г.*:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо Ваше изъ Москвы отъ 30-го мая я получилъ и спѣшу, согласно Вашему желанію, отправить къ Вамъ „Обозрѣніе“ въ Сапожокъ, куда оно поспѣетъ ранѣе назначеннаго мною срока, т.-е. 9-го, а не 10-го числа. Хорошо ли оно, худо ли, удачно или неудачно, — этого, право, самъ не знаю; знаю только, что писать его прескучно, ибо никогда не знаешь, что̀ можно и чего нельзя сказать, а Вамъ даю надъ каждымъ словомъ право дѣлать, что̀ изъ него хотите. Къ Вамъ 15-го іюля въ Песочную постараюсь быть непремѣнно; проектъ свой *постараюсь прислать раньше;* я съ тѣхъ поръ его почти не видалъ въ глаза и не отправлялъ, потому что хочу кое-что добавить, что теперь, на дняхъ, сдѣлаю и тогда Вамъ пришлю. Писать буду (къ декабрьской книжкѣ, не прежде) объ австрійскихъ финансахъ съ удовольствіемъ. Въ пріѣздъ мой въ Песочную возьму у Васъ и Ваши книги; я и самъ нѣсколько выписалъ. Да особенно было бы хорошо раздобыться для этого „Аугсбургской Газетой“ съ 1-го января 1840 года, ради справокъ и вѣроятныхъ въ ней статей. Сейчасъ получилъ повѣстку вѣроятно объ оттискахъ своей 1-й статьи. Признаться, не знаю кому и раздавать такую дрянь, — совѣстно. Только въ ней и толку, что наполняетъ безъ того оставшіеся бы въ пробѣлѣ листы журнала. Прощайте, будьте здоровы. Отъ души Васъ обнимаю.

„У насъ уже двѣ недѣли засуха. Дожди очень нужны. Вашему брату все равно, денегъ куры не клюютъ, а намъ не

мѣшаетъ и всему крестьянству вообще послѣ худыхъ годовъ. Еще разъ обнимаю Васъ, до свиданія. Жена отъ души Вамъ кланяется.

„Я написалъ заглавіе къ статьѣ; не понравится, перемѣните. Я, главное, хотѣлъ обозначить, что не думалъ доводить обзора до настоящей минуты. Для этого хотѣлъ бы также, чтобы подъ статьею подписали бы число хоть *3-е іюня*, чтобъ мнѣ не отвѣчать за позднѣйшія извѣстія. Если хотите, вычеркните слово „заслуженный“ тамъ, гдѣ говорится о Нессельроде, въ концѣ. Это только такъ поставлено, ради Вами предписанной осторожности, а мнѣ все равно. Кн. В. Ч.“ [1])

Кошелевъ, радостно привѣтствуя полученную статью, писалъ князю *(12-го іюля 1856 г.)*:

„Вымаралъ я только слово „заслуженный“, говоря о профессорѣ-пакостникѣ [2]), и прибавилъ нѣсколько словъ, противъ которыхъ протестовать не будете. Говоря о томъ, что Англія развивается согласно современнымъ требованіямъ, я впереди помѣстилъ: „на основаніи самобытныхъ народныхъ потребностей“. Число 3-е іюня я поставилъ въ концѣ статьи. Статья вообще крайне жива, интересна и *остроумна*. Честь и слава Вамъ! Интересна и крайне осторожна — просто чудо! Вамъ слѣдовало бы служить въ дипломатіи“.

О журналѣ Кошелевъ сообщалъ, что подписка продолжается.

„Думаю, что послѣ іюньскихъ книжекъ „Современника“ и „Библіотеки для Чтенія“ она еще поднимется, ибо эти оба журнала за насъ. Теперь будутъ за насъ — эти два журнала и „Москвитянинъ“; а противъ насъ — „Русскій Вѣстникъ“ и „Отечеств. Записки“.

17 іюля 1856 г. кн. Черкасскій писалъ Кошелеву:

„Любезнѣйшій Александръ Иван., пишу къ Вамъ два словечка изъ Москвы, куда нечаянно и внезапно занесли меня дѣла. Отъ души хотѣлъ и разсчитывалъ быть у Васъ въ Песочной къ 20-му, а вотъ, быть можетъ, и не удастся. Торгую сосѣднее отъ себя имѣніе; барыня въ Питерѣ; сегодня вечеромъ ожидаю отъ нея по телеграфу рѣшительное: да, или нѣтъ, на мое послѣднее

---

[1]) „Протоколы Парижскаго конгресса“, см. № 2 „Русской Бесѣды“ 1856 г. и въ сборникѣ: „Кн. Черкасскій, его статьи, рѣчи и проч.“ (1879 г.): слово „заслуженный“ тамъ не вычеркнуто.

[2]) О непопулярности Нессельроде, по заключеніи мира, см. „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 543.

слово; въ первомъ случаѣ поѣду въ Петербургъ кончать и не попаду тогда къ Вамъ; въ послѣднемъ — сейчасъ ѣду прямо къ Вамъ. Во всякомъ случаѣ, переѣзжаю совсѣмъ съ женою въ Москву 2-го августа. Здѣсь нашелъ я К. Аксакова и слышалъ отъ него статейку „О русскомъ воззрѣніи“, очень хорошую, для 2-й книги „Бесѣды“. Онъ говорилъ мнѣ, что Филипповъ сомнѣвается печатать, неославъ предварительно къ Вамъ, а это весьма длинная исторія. Признаюсь — нахожу, что публика имѣетъ право на аккуратный, своевременный выходъ журнала. А потому, хотя и не взялся самъ совѣтовать Филиппову, но весьма уговаривалъ Аксакова потребовать отъ него, чтобы онъ скорѣе печаталъ ее безъ Вашего разрѣшенія. Не знаю, будете ли Вы сердиться, но думаю, что надобно было это сдѣлать. Аксакова я уговорилъ выкинуть одно слово, которое могло бы показаться обиднымъ „Современнику“, и прибавить двѣ-три строки, о коихъ послѣ Вамъ скажу при свиданіи. Крайне сожалѣю, что вѣроятно не увижу Васъ вскорѣ. Хотѣлъ переговорить съ Вами объ обозрѣніи на 3-ю книжку; не замѣнить ли для нея обозрѣніе иностранной политики — обзоромъ внутреннихъ законодательныхъ мѣръ съ 18 февраля 1855 года. Надобно будетъ хвалить, — но есть и предметы похвалы: уничтоженіе генералъ-губернаторовъ, возстановленіе попечителей округовъ, обѣщаніе желѣзныхъ дорогъ, дозволеніе компаній, новый сахарный тарифъ и проч. А въ иномъ случаѣ молчаніе — та же критика. Какъ Ваше мнѣніе? Рѣшите вопросъ съ Хомяковымъ и Самаринымъ и сейчасъ же напишите мнѣ въ Веневъ, куда я возвращусь на нѣсколько дней изъ Питера. Одна опасность: не пропуститъ цензура, и номеръ останется безъ обозрѣнія. Хорошо если кто-нибудь, про запасъ, написалъ бы другое, на всякій случай. Во всякомъ случаѣ буду ожидать Вашего наказа. Еще слышалъ я здѣсь, что Филипповъ требуетъ или проситъ соборнаго оправданія своего отъ обвиненій, на него посыпавшихся въ „Современникѣ“ [1]). Я понимаю его желаніе, но не могу не сказать, что

---

[1]) Т. П. Филипповъ въ 1-й кн. „Бесѣды“ за 1856 г. помѣстилъ разборъ драмы Островскаго „Не такъ живи какъ хочется“. Затронувъ вопросъ о любви къ женщинѣ и семейномъ союзѣ, онъ сопоставлялъ западную точку зрѣнія, представительницей котораго избралъ Жоржъ-Зандъ, съ русской, выразившейся, по его мнѣнію, въ народныхъ пѣсняхъ. Статья эта по словамъ біографа Кошелева была Ахиллесовой пятой для „Русской Бесѣды“, на которую набросились всѣ

съ своей стороны, нашелъ бы согласіе на такое его требованіе весьма неосторожнымъ. Во-1-хъ, какъ въ частномъ разговорѣ, такъ и въ политикѣ, никто не обязанъ отвѣчать на чужіе вопросы и выходить на чужое поле, если считаетъ то неумѣстнымъ. Иначе, всякій можетъ навязать Вамъ всякаго рода разговоры и пренія. Во-2-хъ, никто ни съ кѣмъ не связанъ полнымъ и безусловнымъ единомысліемъ. Защищая Филиппова, Вамъ придется разбирать его по суставамъ, иное принимать, другое отвергать, — для него же выйдетъ хуже и неловчѣе. Мой совѣтъ былъ бы: въ 3-й книжкѣ отвѣчать на критику „Современника“ вкратцѣ и умѣренно, чтобы только имѣть случай сказать, что „что касается до личныхъ нападеній на Филиппова, „Бесѣда“ считаетъ такое преніе неумѣстнымъ и неприличнымъ и не намѣрена на это отвѣчать“. Чѣмъ это короче будетъ и суше, тѣмъ лучше. И волки будутъ сыты и бѣдная овечка цѣла. Она будетъ защищена и никто не скомпрометированъ. Прощайте, будьте здоровы. Пріѣзжайте пораньше въ Москву. Неужели Вы не будете до 10-го августа? Это поздно.

Душевно обнимаю Васъ и кланяюсь Юр. Ѳед. и Алекс. Степ.

Въ письмѣ А. П. Кошелева, отъ *30-го іюля*, мы не находимъ отзыва на предложенную княземъ форму отвѣта „Современнику“. Сожалѣя, что князь въ концѣ концовъ не попалъ въ Песочное, гдѣ его поджидали, Кошелевъ писалъ:

„Совѣтъ, данный Вами Аксакову, насчетъ требованія о напечатаніи его статьи во 2-й книгѣ, есть совѣтъ недобрый. Филипповъ имѣлъ неосторожность исполнить требованіе Аксакова и напечаталъ. Я написалъ къ Филиппову, что онъ не вправѣ былъ такъ поступать, что если еще разъ подобная вещь случится, то мы уже болѣе съ нимъ издавать журнала не будемъ и что я не могу допустить, чтобы въ журналѣ, издаваемомъ подъ моимъ именемъ, помѣщались статьи безъ моего согласія и вѣдома. Сами всѣ сотрудники настояли, чтобы я, а не Филипповъ, былъ предъ Вами отвѣтственнымъ лицомъ, а теперь хотите, чтобы Филипповъ распоряжался. Охъ, русскіе, русскіе дворяне—самоуправцы! Если членамъ „Бесѣды“ угодно помѣщать статьи, наканунѣ ими написанныя, то на слѣдующій 1857 годъ, пусть избираютъ другого издателя, а я никакъ не соглашусь быть издателемъ

журналы, въ томъ числѣ даже и самый расположенный къ ней „Современникъ“ (см. Біографію Кошелева, т. II, стр. 240—241).

журнала, въ которомъ всѣ хотятъ хозяйничать. Избирайте другого издателя, а я отвѣшу Вамъ низкій поклонъ, да и вонъ; сотрудникомъ же всегда останусь и несравненно охотнѣе, чѣмъ нынѣ издателемъ. Весьма согласенъ на то, чтобы въ 3-й книжкѣ представить обозрѣніе внутреннихъ мѣръ правительства, но не знаю, какъ Вамъ это удастся. Попробуйте. Я весьма на это согласенъ. Обо многомъ хотѣлось бы поговорить, но до свиданья, т.-е. до 9-го августа. Душевно преданный".

Общій съѣздъ къ коронаціи въ Москву отражается большимъ пробѣломъ въ архивѣ кн. Черкасскаго, — полнымъ отсутствіемъ писемъ, относящихся къ событіямъ дня. Переѣхавъ въ городъ, въ началѣ августа, князь остался зимовать въ Москвѣ. Впрочемъ въ октябрѣ, по дѣламъ сахарнаго завода онъ на мѣсяцъ отлучался въ деревню и передъ отъѣздомъ (10-го октября) писалъ Кошелеву въ Рязань:

„Любезнѣйшій Алекс. Иван., пишу къ Вамъ изъ Москвы, занеся уже одну ногу въ тарантасъ, чтобы ѣхать къ себѣ. Посылаю Вамъ статью мою, которая между тѣмъ здѣсь набирается[1]). Опоздалъ съ нею не по своей винѣ, — былъ боленъ довольно серіозно воспаленіемъ въ кишкахъ, отчего болѣе недѣли пролежалъ въ постели и два раза ставилъ себѣ піявки. Слава Богу — все кончилось теперь и я спѣшу къ себѣ на заводъ. Ради большей осторожности я самъ съѣздилъ къ Крузе, познакомился съ нимъ и далъ ему самъ свою статью въ цензуру. Къ этому побудило меня слѣдующее обстоятельство, о коемъ меня предувѣдомилъ Филипповъ и которое подтвердилъ мнѣ подробно Крузе, и показалъ мнѣ бумаги: дней десять — вдругъ получилъ цензурный комитетъ бумагу отъ министерства, *за подписью Вяземскаго* (который теперь управляетъ имъ), что-де „Вѣстникъ" обязался въ своей программѣ сообщать политическое обозрѣніе только въ видѣ связнаго разсказа политическихъ событій, безъ всякихъ своихъ сужденій и почерпая свѣдѣнія изъ русскихъ источниковъ, и что „едва ли сіе имъ выполняется", а потому внушить цензору и редактору Каткову, чтобъ отнюдь не отступали отъ программы. Черезъ три дня — другая бумага: что замѣчено, что въ „Бесѣдѣ" авторъ обозрѣній позволяетъ себѣ свои сужде-

[1]) „Обозрѣніе внутренняго законодательства". Въ 3-й кн. „Бесѣды" 1856 г. и въ сборникѣ „Кн. Черкасскій, его рѣчи, статьи и проч." 1879 г., стр. 78.

нія, а потому внушить редакціи, чтобы этого не было и чтобы представлялся одинъ связный разсказъ событій, почерпнутыхъ изъ русскихъ источниковъ и безъ всякихъ своихъ сужденій... Крузе, который очень добрый малый, самъ въ отчаяніи, онъ сильно побаивался послѣ этого пропустить мою статью и кажется даже сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ еще не совсѣмъ рѣшившись, но не устоялъ и объявилъ, что пропускаетъ, но что на корректурныхъ листахъ подпишетъ заднимъ числомъ и въ случаѣ бѣды объявитъ, что она была пропущена уже прежде, до полученія бумаги Вяземскаго, и проситъ насъ говорить то же; къ тому же проситъ убѣдительно еще вотъ о чемъ (и я ему отъ имени Вашего долженъ былъ обѣщать): чтобы Вы написали теперь къ Вяземскому, что вотъ какое послѣдовало его распоряженіе (и вообще можно посѣтовать на это распоряженіе), и что Вы его предупреждаете, что вотъ три книжки уже было пропущено обозрѣніе и когда оно появится въ 3-й книжкѣ, то, чтобъ онъ не гнѣвался за это ни на кого и не поднималъ изъ этого исторіи. Разумѣется, я обѣщалъ Крузе это отъ Вашего имени, полагая, что Вы останетесь этимъ довольны. Впрочемъ, если Вы сочтете это для себя неудобнымъ, то дѣлу легко можно помочь: къ Вяземскому не писать и, разумѣется, въ такомъ случаѣ — обозрѣніе вовсе не помѣщать, а кинуть его въ печь, и многаго больше оно и не стоитъ, такъ что я не буду въ претензіи нимало. Ѣдучи въ Тулу, заѣду къ Хомякову, согласно моему обѣщанію; не знаю — не заставить ли его написать къ Вяземскому. Впрочемъ, не зная какъ Вы о томъ думаете, я полагаю лучше этого не дѣлать. Только если печатать „Обозрѣніе“, то надобно *непремѣнно*, чтобы 3-я книжка явилась *въ октябрѣ*, чтобы объясненіе Крузе не лишилось бы всего вѣроятія. Какъ бы то ни было, Вы видите, что во всякомъ случаѣ это вѣроятно послѣднее мое „Обозрѣніе“ для „Бесѣды“. Теперь ѣду въ деревню — варить сахаръ и кончать записку о крѣпостномъ состояніи, а къ 1-му ноябрю буду назадъ въ Москву.

„Я полагаю, что распоряженіе министерства направлено собственно на „Бесѣду“, а демонстрація противъ „Вѣстника“, только фальшивое движеніе, необходимое, чтобы добраться до „Бесѣды“, программа которой была много шире „Вѣстниковой“. Я, признаюсь, думаю также, что за всѣмъ симъ не кроется ли сильное желаніе сочинителя всей продѣлки, г. N,

подѣлиться съ редакторами доходами отъ журналовъ, въ видахъ послѣдующей дружбы и пріязни. Это мнѣніе принадлежитъ не одному мнѣ. Судите и дѣйствуйте, какъ знаете.

„Прощайте, будьте здоровы. Напишите мнѣ словечко въ Веневъ обо всемъ этомъ и о всемъ Вашемъ житьѣ-бытьѣ. Поздравляю Васъ съ славянофильствующимъ оберъ-прокуроромъ Синода. Будетъ ли въ немъ толкъ? Прощайте, до свиданія".

Кошелевъ отвѣчалъ князю изъ Рязани *(22-го октября)*:

„Статья Ваша очень хороша: и я ее тотчасъ же отправилъ обратно въ Москву. Я сдѣлалъ съ Вашего позволенія двѣ маленькія перемѣны въ словахъ, которыя могли бы дать на насъ орудіе нашимъ противникамъ и которыя какъ будто выражаютъ мысли, которыя Вы, я знаю, не имѣете[1])—... Къ кн. Вяземскому я написалъ убѣдительное письмо..."

II.

Въ теченіе зимы кн. Черкасскій обработалъ еще двѣ статьи для „Русской Бесѣды": 1) „О сочиненіяхъ Монталамбера и Токвиля" и 2) „Тройственный союзъ". Первая закончена была въ февралѣ, вторая въ маѣ 1857 г., но обѣ появились одновременно во 2-й книжкѣ „Бесѣды" и для цензурнаго разрѣшенія первой статьи потребовались опять усиленные хлопоты въ Петербургѣ[2]).

---

[1]) Въ письмѣ не сказано какія именно перемѣны въ словахъ были сдѣланы Кошелевымъ.

[2]) Кошелевъ писалъ князю 25-го марта изъ Петербурга: „Вашу статью я тотчасъ отдалъ кн. Вяземскому. Онъ былъ у меня на дняхъ. Помигалъ, но мнѣнія никакого не сказалъ. Какъ онъ ее прочтетъ, то тотчасъ передастъ ее Щербатову и гр. Блудову. Увѣдомьте поскорѣе, отправлена ли эта статья въ Питеръ и когда именно она отправлена?"— Князь отвѣчалъ на другой же день, *26-го марта:* „Моя статья послана отсюда въ главное управленіе цензуры сего 19-го марта, за № IV. Стало-быть она уже давно тамъ. Завтра я жену заставлю написать графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой, дабы попросить ее на этотъ счетъ поприналечь на старика и на Вяземскаго".

Вѣроятно, по поводу этихъ новыхъ статей, Хомяковъ писалъ Самарину *въ іюнѣ 1857 г.* („Русскій Арх." 1879, III, 292): „Бесѣда" вышла 27-го съ великимъ эффектомъ. Спрашиваютъ: откуда у насъ такъ силъ прибыло. Не въ примѣръ, дескать, лучше прошлогодней. Серьезно, это общій отзывъ. Но главный герой — Черкасскій; отъ него всѣ въ восторгѣ, называютъ единственнымъ публи-

Вся эта скучная возня и стѣсненіе отъ необходимости сообразоваться съ цензурными требованіями сильно надоѣдали князю. Не предвидя въ близкомъ будущемъ возможности какой-нибудь перемѣны въ общественномъ теченіи, которая могла бы призвать его на поприще дѣятельной службы, князь осенью 1857 г. рѣшился, наконецъ, привести въ исполненіе свою завѣтную, давнишнюю мечту: побывать въ чужихъ краяхъ и провести съ женой зиму въ Римѣ, въ чемъ очень нуждалось и здоровье кн. Екатерины Алексѣевны. Хотя во время пребыванія за границей князь ничего не написалъ для „Бесѣды“, но горячо интересовался судьбою журнала, откровенно высказывая Кошелеву свое мнѣніе относительно необходимости расширить его программу и дѣятельно хлопоталъ о привлеченіи къ нему новыхъ силъ. По пути въ Римъ, Черкасскіе на нѣкоторое время остановились въ Берлинѣ, откуда князь писалъ:

9/21 ноября 1857 года. „Пишу къ вамъ изъ Берлина, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, для того, чтобы Вамъ напомнить о своемъ грѣшномъ житьѣ-бытьѣ на свѣтѣ, а то, пожалуй, позабудете и не помянете странствующаго ни единымъ добрымъ словомъ. Скажите-ка, или лучше разскажите подробно, если когда вздумаете ко мнѣ черкнуть словечко, разскажите: что̀ дѣлается въ Бѣлокаменной, какъ проводите тамъ время, что̀ новаго?... Здѣсь тоска, въ томъ отношеніи, что о Россіи ничего, ровно ничего, не знаешь, просто что Китай, что Россія — все равно. Правда и то, что послѣднее мое пребываніе въ Петербургѣ меня вполнѣ убѣдило, что едва ли услышу оттуда что-нибудь точно новое и столько желанное, покуда буду за границею: вопросъ о крестьянахъ, мнѣ кажется, отодвинулся далеко назадъ, и если о чемъ-нибудь и идетъ еще толкъ, то только о возможно меньшемъ minimum'ѣ того, что̀ теперь можетъ быть сдѣлано. Грустно, а кажется такъ. Въ Питерѣ всѣ толковали о брошюрѣ Ферроти, но прочитать я могъ ее только здѣсь, и я на нее въ негодованіи, изъ Рима хочу отвѣчать на французскомъ языкѣ и напечатать въ Берлинѣ подъ своимъ име-

---

цистомъ нашимъ, а въ Англійскомъ клубѣ прибавляютъ, что онъ публицистъ-философъ. Безъ шутокъ, ни одна статья не имѣетъ успѣха, равнаго его статьямъ. Многіе предпочитаютъ вторую статью первой; съ чѣмъ я, конечно, не согласенъ, но говорю вамъ чужой отзывъ“.

немъ. Какъ Вы о томъ думаете? Напишите мнѣ поскорѣе свое мнѣніе въ Римъ. Не знаю какъ уладились дѣла Ивана Сергѣевича и съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ вѣсти. Получилъ ли онъ разрѣшеніе? Сдѣлались ли Вы съ нимъ какъ хотѣли?[1]) Я много видѣлъ его предъ отъѣздомъ и, долженъ сказать, далеко не нашелъ его столько удаленнымъ отъ направленія „Бесѣды“, сколько Вамъ показалось. Мнѣ кажется, онъ охотно возьмется, не измѣняя существеннаго въ ея программѣ; развѣ только придется пожертвовать безпрестанными повтореніями въ объявленіяхъ о православіи. Но признайтесь, что это не потеря ни въ чьемъ смыслѣ, даже и въ Вашемъ, при невозможности пояснить дѣло, слѣдовательно при невольномъ взиманіи на себя отвѣтственности за многое Вамъ или чуждое, или даже враждебное, и слѣдовательно при несправедливомъ, вслѣдствіе всего этого, чувствѣ недовѣрія къ изданію всей молодой и живой части публики. Расширеніе программы необходимо, если бы Вы захотѣли привлечь къ себѣ новыя живыя силы; иначе придется остаться при слишкомъ маломъ и слишкомъ малосильномъ кружкѣ, съ помощью, какъ теперь, дѣятелей отжившихъ, отбывшихъ, или даже и физически умершихъ[2]). Тогда уже будетъ не

---

[1]) Начиная изданіе „Бесѣды“, Кошелевъ самъ предполагалъ черезъ годъ передать редакторство И. С. Аксакову, о чемъ писалъ князю 1 мая 1856 г.: „Ужъ Вы въ нынѣшнемъ году примите на себя политическое обозрѣніе, а въ будущемъ году я Васъ отъ него освобожу, ибо редакторомъ „Бесѣды“ будетъ И. С. Аксаковъ, и я возьмусь за политическое обозрѣніе“. Но теперь А. И. Кошелевъ измѣнилъ взглядъ на дѣло и отвѣчалъ князю 21 ноября 1858 г.: „Теперь скажу въ отвѣтъ на Ваше мнѣніе о томъ, что И. С. Аксаковъ можетъ быть *соиздателемъ* „Бесѣды“ и что не бѣда измѣнить нѣсколько направленіе „Бесѣды“. Нѣтъ, батюшка, послѣднее совершенно невозможно. *Наши* убѣжденія совершенно тверды и со дня на день все болѣе и болѣе опредѣляются даже для читателей. Правда, кругъ нашихъ читателей не огроменъ (теперь подписчиковъ 1206), но дѣйствіе „Бесѣды“ велико, и это ощущается теперь все болѣе и болѣе. Если молодость къ намъ не льнетъ, то зато люди зрѣлые и сами наши противники все болѣе и болѣе поддаются силѣ высказываемыхъ нами истинъ. Нѣтъ, намъ, т.-е. „Бесѣдѣ“, нельзя сдѣлать ни малѣйшей уступки. И. С. Аксакову отказали въ дозволеніи издавать журналъ. Теперь онъ думаетъ какъ-нибудь устроить продолженіе „Молвы“, которая на дняхъ напечатала такую статью, что, того и гляди, ее запретятъ. Нѣтъ, дражайшій князь, съ И. С. Аксаковымъ я не хочу издавать журнала. У насъ и убѣжденія и образъ дѣйствія слишкомъ различны. Съ виду они похожи, а какъ въ нихъ покопаться, то и видишь, что они различны въ самыхъ основахъ“.

[2]) Почти въ однородныхъ выраженіяхъ И. С. Аксаковъ порицалъ направленіе

журналъ, а сборникъ. Если необходимо сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ программѣ, то едва ли это не удобный случай. Не забудьте, что для всякаго направленія, принадлежащаго къ дѣламъ міра сего, мало одной внутренней правоты, ему нужно и внѣшнее правдоподобіе, внѣшнія точки сочувственнаго соприкосновенія съ общественной средой. Извините, дражайшій, если говорю съ Вами откровенно, но въ этомъ отношеніи считаю себя обязаннымъ передать Вамъ вѣрно тѣ впечатлѣнія, которыя я въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ встрѣчалъ во многихъ даже безпристрастныхъ людяхъ. Ваше дѣло — сдѣлать изъ нихъ какое захотите употребленіе, мнѣ — ихъ высказать Вамъ въ самой сердечной простотѣ и безъ всякихъ заднихъ мыслей.

„Что сказать Вамъ о себѣ и своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ? Я въ восхищеніи отъ непринужденной простоты прусской жизни и почти мирюсь съ двухвѣковымъ деспотизмомъ прусскихъ королей, ради ихъ часто добродушной и всегда достойной уваженія любви къ простотѣ, ради уваженія къ наукѣ и искусствамъ, ради, наконецъ, ихъ пониманія общественныхъ нуждъ и стремленія ихъ удовлетворить. Меня восхитилъ музей, всегда всѣмъ открытый, съ швейцарами безсребренниками, не принимающими ничего за трудъ и вѣжливыми, какъ настоящіе джентельмены; университетъ съ его некрашенными полами и 150 профессорами, наконецъ, внѣшній видъ селеній, изобличающій значительное благосостояніе. Университету я посвятилъ два дня, въ теченіе коихъ усердно слушалъ лекціи утромъ и вечеромъ; охотно бы ткнулъ бы я въ него лицомъ всѣхъ нашихъ сановныхъ болвановъ и, въ особенности, Назимова, такъ охотно занимавшагося выгодною выдѣлкою новыхъ паркетовъ для опустѣлаго Московскаго университета. Право — досадно глядѣть на эту простоту нѣмецкой жизни, когда вспомнишь о растрачиваемыхъ у насъ силахъ общественныхъ и частныхъ. А поглядишь, подчасъ на слабыя или смѣшныя стороны прусской жизни,

---

„Бесѣды“. Въ іюнѣ 1857 г. онъ писалъ отцу изъ Рима: „Программа *Русской Бесѣды* мнѣ, съ самаго начала, не нравилась и не нравится. Она написана такъ, что, возбуждая недоумѣніе, отвращаетъ отъ насъ сочувствіе молодого поколѣнія и пріобрѣтаетъ сочувствіе, котораго я не желаю, сочувствіе архіереевъ, монаховъ, Св. Синода“. (См. „Жизнь и Труды Погодина“ т. XIV, стр. 350.) Тамъ же подробно о разномыслiи И. С. Аксакова съ Кошелевымъ.

и запахнетъ чѣмъ-то не незнакомымъ, но богато разросшимся на тучномъ черноземѣ, ужъ не здѣшнему чета... Перебирая все это, невольно придетъ въ голову: ну что же было бы теперь въ Берлинѣ, если бы Гогенцоллернамъ достался бы въ разработку матеріалъ получше и поблагодарнѣе этихъ тупыхъ, неуклюжихъ, вѣчно старообразыхъ нѣмцевъ и если бъ не были они окружены отовсюду такими могучими сосѣдями? Вѣдь сдѣлали же они изъ пруссаковъ все, что только можно было изъ нихъ сдѣлать, и по справедливости же можно сказать про пруссаковъ, что они представляютъ „le triomphe de l'éducation“ [1]), какъ одинъ мой знакомый называетъ одного кн. Долгорукова, отъ природы тупицу, но воспитаніемъ доведеннаго до степени вполнѣ порядочнаго человѣка. Впрочемъ, прощайте! Будьте здоровы и не лѣнитесь ко мнѣ написать словечко. Душевно васъ обнимаю, равно и всѣхъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Что Самаринъ? Ѣдетъ ли онъ за границу? Душевно преданный кн. В. Ч.“

Но въ то время Юрій Ѳед. Самаринъ отложилъ почему-то свою поѣздку за границу, хотя такъ же какъ и кн. Черкасскій далекъ былъ отъ предвидѣнія тѣхъ событій, которыми ознаменовался конецъ ноября. Письмо его къ кн. Черкасской (отъ 18 ноября 1857 г.) заключаетъ интересное обозрѣніе внутренней и внѣшней политики Россіи наканунѣ обнародованія знаменитыхъ рескриптовъ.

...„Я цѣлыхъ два мѣсяца сижу надъ нѣмецкими книгами, а именно надъ біографіею Штейна, о которой вы пишите. Благодарю Васъ за доброе намѣреніе прислать мнѣ эту книгу, но хорошо, что вы его не исполнили. Я давно ее выписалъ и теперь готовлю изъ нея извлеченія для „Русской Бесѣды“. Давно не попадалось мнѣ книги so aufregend und so aufrichtend [2]). Она точно писана про насъ, именно для нашего положенія. Это подробное сказаніе о томъ, какъ въ короткое время нація, низко упавшая, можетъ возстановить свои растраченныя силы и обратить себѣ въ назидательный урокъ свое политическое униженіе. Но для этого нужно много условій... Проживая въ Римѣ, вы вѣроятно столько же знаете (коль не больше) о томъ, что творится въ Россіи, сколько

[1]) Торжество воспитанія.

[2]) Столь возбуждающей и воодушевляющей.

я, проживая за Волгою, въ Самарской губерніи. Много утѣшительнаго, много и грустнаго. Къ первому я отношу манифестъ, зачетъ умершихъ ратниковъ, разрѣшеніе принимать въ университеты неограниченное число студентовъ, обѣщанное упраздненіе кантонистовъ, прекращеніе систематическаго истребленія жидятъ, наконецъ главное — желѣзныя дороги 1) изъ Петербурга въ Варшаву (къ несчастію не брошенная), 2) изъ Ковно до прусской границы, 3) изъ Москвы на Нижній-Новгородъ, 4) изъ Москвы въ Ѳеодосію. 5) изъ Малоархангельска до Либавы. Почему мы прибѣгли къ иностранной компаніи, а не къ своимъ капиталистамъ, объ этомъ намъ, людямъ темнымъ, трудно знать [1]). Говорятъ, и это мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что министръ финансовъ всѣхъ озадачилъ и поставилъ втупикъ слѣдующимъ возраженіемъ: „Русскіе капиталы находятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, слѣдственно въ рукахъ казны, которая ими пользуется; если допустить учрежденіе мѣстныхъ компаній, то отъ насъ потребуютъ назадъ эти капиталы, и тогда казна сядетъ на мель“. Однако, въ силу заключеннаго условія, половина акцій должна быть роздана въ Россіи. Впрочемъ, на свои ли, на чужіе ли капиталы будутъ строиться дороги, только бы строились. Я, право, не могу понять, какой вредъ въ политическомъ или нравственномъ отношеніи можетъ произойти отъ того для насъ, что французы или англичане потратятъ въ Россіи нѣсколько сотъ милліоновъ..

„Вы, конечно, читали очень замѣчательный циркуляръ князя Горчакова, которымъ опредѣляется тонъ нашей будущей политики. Отнынѣ политика Россіи будетъ русская — вотъ въ двухъ словахъ его содержаніе. Но въ Парижѣ и Лондонѣ это показалось дерзостью, и Бруновъ подвернулся съ пошлымъ извиненіемъ: „Voyons, ne prenez donc pas nos paroles au sérieux, ce que nous disons ne s'adresse pas à l'Europe, c'est pour l'usage intérieur, s'est une concession, que fait le gouver-

---

[1]) А. П. Кошелевъ писалъ князю еще 23-го октября: „Очень радъ, что дѣло о желѣзныхъ дорогахъ, говорятъ, кончено, и что оно отдано иностраннымъ капиталистамъ, значитъ у насъ остаются средства полныя для осуществленія моего проекта. Въ проектѣ освобожденія Кошелевъ предлагалъ выкупъ крестьянъ съ землею, находящейся въ ихъ владѣніи. См. „Записки“ Кошелева. Приложеніе V.

nement à l'opinion nationale, dont il subit la pression [1]). Вся Нессельродовщина въ этихъ словахъ. Но всего забавнѣе то, что эту ноту, предназначенную для домашняго употребленія, читала публика англійская, французская и нѣмецкая, не читала ее только наша публика, потому что въ русскихъ газетахъ она не была обнародована. Это совершенно въ духѣ старой системы: на что-де имъ знать, что̀ дѣлается съ Россіею; ихъ дѣло жертвовать, когда велятъ! Двумъ московскимъ журналамъ было позволено печатать политическое обозрѣніе, и Вы можете себѣ представить, что цензура смотрѣла въ оба. Теперь это позволеніе подвергнуто ограниченію, которое равняется запрещенію: велѣно ограничиваться тѣмъ, что сообщается въ „Сѣверной Пчелѣ". Во время коронаціи кн. Шаховской, гр. Строгановъ и еще нѣкоторые изъ начальниковъ ополченія просили, чтобы всѣмъ служащимъ въ ополченіи оставленъ былъ мундиръ. На это послѣдовалъ отказъ. Бѣда прошла, такъ къ чему народное платье!

„Ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'on semble ne pas comprendre, qu'un échec politique, comme celui que nous avons subi, et que nous subissons encore, oblige à entrer franchement dans la voie du progrès à l'intérieur, qu'il ne s'agit pas seulement de réparer quelques injustices criantes, ou de distribuer quelques aumônes, mais bien d'éveiller toutes les forces productives du pays, les forces morales et intellectuelles, comme les forces materielles, en abolissant le servage (казенное и помѣщичье крѣпостное право), en rendant la parole à l'église, en donnant une base plus large à l'enseignement public, en réformant notre système d'impôt personnel et notre mode de recrutement. En un mot il faut un plan arrêté, il faut savoir ce que l'on veut et ne pas vivre d'expédient, au jour le jour. Maintenant toute mesure projetée, bonne ou mauvaise a les mêmes chances de succès. Tout semble livré au hasard. Le départ du C. Kisseleff pour Paris est très regrettable. De tous ses confrères c'est le seul qui comprit et qui voulut l'émancipation, au moins il l'a voulu et si dans le choix de ses moyens, il n'a pas toujours été heureux, du moins ses conceptions étaient

[1]) „Полноте, не принимайте же въ серьезъ наши слова, что̀ мы говоримъ — не относится къ Европѣ, а для домашняго употребленія; это уступка, которую правительство дѣлаетъ національному мнѣнію, испытывая на себѣ его давленіе".

larges. Que dites-Vous de Василій Александровичъ Шереметьевъ pour le remplacer. Это типъ помѣщика. Et les adjoints de Ministre: Jean Tolstoï et Dmitri Khroustcheff [1]). Я объясняю себѣ эти выборы тѣмъ, что имѣли въ виду слова Писанія: „сила Божія въ немощныхъ совершается“. Дай Богъ!

III.

Письмо Юрія Ѳед. Самарина было написано 18-го ноября, а 20 ноября 1857 г. Высочайшій рескриптъ, на имя виленскаго генер.-губернатора Назимова, возвѣщалъ о созывѣ дворянскаго комитета для составленія Положенія объ улучшеніи быта крестьянъ на указанныхъ въ немъ и въ особомъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ. Не лишнее будетъ припомнить здѣсь хоть вкратцѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ этому неожиданному и важному событію, которое разомъ выдвинуло крестьянскій вопросъ изъ мрака секретныхъ комитетовъ на вольный свѣтъ и воздухъ и направило его на путь къ вѣрному и скорому разрѣшенію.

Еще во время коронаціи, Ланской, съ вѣдома и согласія государя [2]), рѣшилъ воспользоваться съѣздомъ предводителей дво-

---

[1]) „Что печальнѣе всего, это, что, повидимому, никто не понимаетъ, что политическій ударъ, нанесенный намъ, и подъ которымъ мы до сихъ поръ еще находимся, вынуждаетъ насъ стать откровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политикѣ, что не въ томъ дѣло, чтобъ исправить нѣкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нѣкоторыя подачки; надо пробудить отъ сна всѣ производительныя силы страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помѣщичье крѣпостное право), возвративъ слово Церкви, давъ болѣе широкое основаніе народному просвѣщенію, преобразовавъ нашу подушную податную систему и тоже рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредѣленный планъ, надо знать чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами. Въ настоящую минуту всякая проектируемая мѣра, хорошая или дурная, имѣетъ одинаковый шансъ на успѣхъ. Повидимому, все предоставлено случаю. Отъѣздъ гр. Киселева въ Парижъ очень прискорбенъ. Изъ всѣхъ его собратій онъ одинъ понялъ и желалъ эмансипаціи, по крайней мѣрѣ, онъ ее желалъ, и если выборъ его средствъ не всегда бывалъ удаченъ, то зато понятія всегда были широки. Что скажете Вы о замѣнѣ его Вас. Александр. Шереметевымъ? Это типъ помѣщика. А товарищи министра: Иванъ Толстой и Дмитрій Хрущевъ?“

[2]) Въ арх. кн. Черкасскаго № 15 имѣется собраніе (копіи) *Докладн. записокъ* С. Ланского съ 1856—59 г. На первой, отъ 9 апрѣля 1856 г. „О постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ“, была сдѣлана государемъ слѣд. надпись карандашомъ: „*Постепенныя мѣры* въ этомъ смыслѣ должны быть

рянства, чтобы просондировать немножко ихъ отношеніе къ крестьянскому вопросу, при чемъ обнаружилось явное ихъ несочувствіе къ реформенному дѣлу. Только одни предводители западныхъ губерній, литовскіе въ особенности, не довольные настоящимъ инвентарнымъ положеніемъ, казалось, готовы были содѣйствовать видамъ правительства, вслѣдствіе чего, съ Высочайшаго соизволенія, ген.-губерн. Назимову данъ былъ родъ инструкціи: какъ дѣйствовать, чтобы привести дворянство въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ къ выраженію своихъ желаній въ смыслѣ освобожденія крестьянъ[1]). Инвентарнымъ комитетамъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній предложено было пересмотрѣть интентарныя правила для управленія помѣщичьими имѣніями, не стѣсняясь прежними инструкціями. Въ октябрѣ 1857 г. Назимовъ уже представилъ въ Петербургъ отзывы этихъ комитетовъ, которые, хотя и неопредѣленно, выражали, однако, сознаніе, „что пришло время положить конецъ крѣпостному состоянію, что надо замѣнить его добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами и что до сей радикальной перемѣны лучше не трогать существующихъ инвентарей[2])“.

Комитеты не предлагали средствъ къ достиженію цѣли, ожидая на то указаній правительства, но однако высказывали, что наиболѣе желательно было бы устройство новыхъ отношеній по примѣру остзейскихъ губерній... Заявленія эти переданы были на разсмотрѣніе и обсужденіе „секретнаго комитета“.

Учрежденный въ январѣ 1857 г., подъ предсѣдательствомъ кн. Орлова, секретный комитетъ прежде всего приступилъ къ пересмотру всего матеріала по крестьянскому вопросу, и крѣпостническое большинство его членовъ, повидимому, питало надежду, что дѣятельность ихъ ограничится лишь этой одной канцелярской работой. Но государь Александръ II, по возвращеніи изъ-за границы лѣтомъ 1857 г., подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Вильгельмомъ, Гакстгаузеномъ и велик. княг. Еленой Павловной, проникнутый желаніемъ покончить ско-

---

предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и *общимъ планомъ*, дабы дѣйствовать систематически и съ должною осторожностью“.

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. права въ Россіи въ царствов. имп. Александра II“, Берлинъ 1860 г., стр. 119.

[2]) „Русскій арх.“ 1885 г., № 8: Записки Левшина, стр. 525.

рѣе съ крестьянскимъ вопросомъ, иначе взглянулъ на ходъ дѣла въ комитетѣ, остался имъ очень недоволенъ и рѣшился назначить членомъ его вел. князя Константина Николаевича, извѣстнаго сторонника реформы [1]). Оппозиція, однако, была настолько сильна, что, несмотря на горячія и бурныя пренія, вел. князю удалось добиться лишь ничтожныхъ результатовъ, и рѣшеніе вопроса могло бы затянуться еще на годы, если бы не литовскія заявленія, которыя дали совершенно непредвидѣнный оборотъ дѣлу.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ на остзейскій образецъ, т.-е. безъ земли, встрѣтила себѣ сочувствіе въ комитетѣ, и онъ уже не далекъ былъ отъ принятія ея, когда государь выразилъ на это свое рѣшительное несогласіе и желаніе, чтобы крестьяне были освобождены, на основаніяхъ, предложенныхъ въ запискѣ мин. внутр. дѣлъ, отъ 26-го іюля, а именно: какъ съ усадебною осѣдлостію, такъ и съ отводомъ надѣловъ на правѣ пользованія [2]). Не довольствуясь этимъ и не желая больше проволочекъ, государь предъявилъ требованіе, чтобы черезъ недѣлю ему былъ представленъ отвѣтъ Назимову, который все ожидалъ его въ Петербургѣ. Тогда комитетъ всполошился и второпяхъ обратился къ министрамъ внутр. дѣлъ и государств. имущ., поручивъ имъ сообща въ теченіе трехъ дней, изготовить проектъ рескрипта Назимову, при чемъ требовалось изложить здѣсь главныя начала, на основаніи которыхъ надлежало приступить къ дѣлу [3]). Работа разомъ закипѣла и къ означенному сроку была выполнена. Рескриптъ подписанъ государемъ 20-го ноября, и одновре-

---

[1]) „Матер. для ист. упраздн. крѣп. права въ Россіи".

[2]) Біографическій словарь: Имп. Александръ II, стр. 528.

[3]) См. „Матер. для исторіи упраздн. крѣп. сост.", 138—140. Главныя основныя начала формулированы слѣдующ. образомъ: 1) помѣщикамъ *сохраняется право собственности на всю землю,* но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику; 2) крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и 3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

менно, въ видѣ дополненія къ нему, составленъ циркуляръ министра внутр. дѣлъ[1]).

Такимъ образомъ меньшинство, поддержанное государемъ, одержало верхъ въ комитетѣ надъ крѣпостниками, и, торжествуя побѣду, въ этотъ счастливый день, въ средѣ его, вдругъ зародилась мысль — огласить это важное событіе во всей Россіи для свѣдѣнія и возбужденія дворянства. По дальновидному совѣту Н. А. Милютина, Ланской, не теряя времени, составилъ новый циркуляръ[2]), представилъ его на Высочайшее утвержденіе и приказалъ въ одну ночь отпечатать его и немедленно разослать ко всѣмъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства. Циркуляръ содержалъ въ себѣ слѣдующее:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, учрежденные тамъ изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ особые, для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ комитеты *признали необходимымъ* для улучшенія и упрочненія быта помѣщичьихъ крестьянъ *освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости*“ [3]).

„Государь императоръ, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ намѣреніи представителей дворянства означенныхъ трехъ губерній, рескриптомъ, даннымъ 20-го сего ноября виленскому военному, гродненскому и ковенскому генералъ-губернатору, изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить къ составленію надлежащихъ по этому предмету проектовъ, учредивъ для сего въ каждой губерніи особые изъ дворянъ-помѣщиковъ комитеты, и одну общую для всѣхъ трехъ губерній комиссію, съ тѣмъ, чтобы они, при этой ра-

[1]) См. „Р. Арх.“ 1885 г., № 8, *„Записки Левшина“*. Говоря о рескриптѣ, онъ пишетъ: „Изъ предосторожности въ него включены только тѣ предметы, которые должны были остаться неизмѣнными и имѣть силу закона, всѣ прочія обстоятельства и подробности были отнесены въ наставленіе отъ имени мин. внутр. дѣлъ, въ концѣ котораго именно сказано, что если губернскіе комитеты, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ соображеній министра, то онъ проситъ объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ“ (стр. 533).

[2]) Циркуляръ отъ 24-го ноября.

[3]) Левшинъ въ своей запискѣ („Р. Арх.“ 1885 г., № 8, стр. 535) разсказываетъ, что онъ протестовалъ противъ этой, несогласной, по его мнѣнію, съ истиннымъ положеніемъ дѣла редакціи, а потому и отказался подписать циркуляръ, отвѣтственность за который такимъ образомъ, всецѣло была принята на себя Ланскимъ.

ботѣ, руководствовались началами, Его Императорскимъ Величествомъ въ рескриптѣ указанными.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, я, съ соизволенія Его Величества, сообщилъ означенному генералъ-губернатору нѣкоторыя мои соображенія въ пособіе и руководство губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

„Сіи бумаги имѣю честь, въ копіи, препроводить къ Вашему Превосходительству для Вашего, милостивый государь, свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство ввѣренной вамъ губерніи изъявило подобное желаніе“.

На другой день по отправленіи этихъ циркуляровъ, члены комитета спохватились въ своей оплошности, хотѣли остановить разсылку ихъ, но было ужъ поздно: дѣло было сдѣлано[1]).

Одно обстоятельство еще способствовало ускоренію дѣла. Подписывая циркуляръ 24-го ноября вспомнили, что петербургское дворянство въ началѣ 1857 г. ходатайствовало объ опредѣленіи крестьянской повинности; дѣло это, сданное уже въ архивъ, теперь отрыли и рѣшили дать ему ходъ: 5-го декабря на имя петербугскаго генералъ-губернатора Игнатьева подписанъ былъ такой же рескриптъ и циркуляръ, какой былъ данъ Назимову.

Радостно извѣщалъ Кошелевъ Черкасскаго о великомъ событіи:

„20 декабря 1857 г. Москва.

„Alea jacta est!!!

„Кесарь переступилъ черезъ Рубиконъ!

„Честь и слава нашему царю и государю!

„Вы уже знаете, что два рескрипта состоялись на имя генералъ-губернаторовъ, Назимова и Игнатьева (т.-е. по Ковенской, Виленской, Гродненской и С.-Петербургской губерніямъ). Теперь могу Вамъ сказать, что толки идутъ самые живые по всѣмъ губерніямъ. Нижній-Новгородъ, изъ собственно русскихъ губерній, первый прислалъ изъявленіе готовности исполнить намѣреніе императора[2]). Есть извѣстіе, что Вологда на дняхъ изъявитъ подобное же желаніе. Москва-старушка толкуетъ въ клубѣ, въ домахъ и на улицахъ; но заправляемая

---

[1]) „Р. Арх.“ 1885, № 8, Записка Левшина, стр. 535. „Матер. для исторіи упразднн. крѣпостного состоянія, 154—160. Тамъ же, циркуляръ Игнатьеву.

[2]) Губернаторомъ въ Нижнемъ былъ въ то время А. И. Муравьевъ, бывшій декабристъ. Рескрипты и циркуляры были получены имъ во время дворянскихъ

семействомъ Закревскихъ, умудряемая въ дѣтство впавшимъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ и предводительствуемая вицепрезидентомъ Скакового Общества Воейковымъ, она мѣшкаетъ и не знаетъ, что ей дѣлать. Думаю, что эти толки долго не продолжатся и что еще въ декабрѣ нынѣшняго года, она наконецъ рѣшится вступить на путь, указанный нашимъ царемъ-государемъ[1]). Дай Богъ ему многія лѣта за такой великій шагъ къ улучшенію быта Россіи. Теперь онъ оправдалъ себя вполнѣ въ томъ, что согласился подписать Парижскій трактатъ; можно заключить и миръ постыдный для Россіи, когда имѣешь въ виду совершить великія дѣла внутри своего государства.

„Вообще онъ дѣйствуетъ великолѣпно! Въ четвергъ былъ первый совѣтъ министровъ подъ его предсѣдательствомъ. Министры докладываютъ ему дѣла не поодиночкѣ, а въ совѣтѣ, и о важныхъ мѣрахъ разсуждаютъ всѣ министры. Инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства уничтожается. Уставы университетовъ и всѣхъ учебныхъ заведеній, а равно и цензуры — пересматриваются. Толкуютъ о введеніи изустнаго и гласнаго судопроизводства, но поперекъ этого лежитъ Панинъ. Авось, скоро черезъ него перешагнутъ.

„Дай Богъ царю здоровья, силы и бодрости, а начинаетъ онъ прекрасно! Славное имя пріобрѣтетъ онъ въ исторіи.

„А Вы что въ Римѣ? Развѣ можно теперь быть внѣ Россіи? Вы должны быть въ Тулѣ, въ Москвѣ — вездѣ, гдѣ у Васъ есть имѣнія, вездѣ, гдѣ нужно наше дворянство направить на путь истины. Такіе люди, какъ Вы, теперь здѣсь необходимы. Нельзя ли княгиню, которой необходимо остаться за границею для здоровья — пристроить, а Вамъ подобаетъ быть въ Россіи, гдѣ нужно противодѣйствовать всѣми силами тупоумію и своекорыстію плантаторовъ. Пріѣзжайте.

А. Кошелевъ.

„P. S. Беринга смѣнили, авось скоро дойдутъ и до его патрона. Моя эманципаціонная статья „Объ общинномъ вла-

---

выборовъ. Онъ воспользовался этимъ, чтобы убѣдить дворянъ откликнуться на призывъ правительства и отправить адресъ на Высочайшее имя съ изъявленіемъ готовности содѣйствовать „благимъ предначертаніямъ". Адресъ былъ подписанъ предводителемъ Котлубицкимъ и 128 дворянами. Рескриптъ на имя нижегородскаго губернатора данъ 27 декабря 1857 г.

[1]) ква отозвалась на царскій призывъ 7 января 1858 г.

дѣніи“ произвела сильное дѣйствіе. Въ будущей книгѣ будутъ пять статей. А Вы что? Нѣтъ — пріѣзжайте“.

На письмо это князь отвѣчалъ изъ Рима *2 февр./21 янв. 1858 г.*:

„Очень и очень виноватъ передъ Вами, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ Вамъ на Ваши два письма, изъ коихъ первое нашелъ въ Римѣ, куда я опоздалъ ужасно, а второе[1]) получилъ дней десять тому назадъ. Причинъ этому весьма много, хорошихъ и въ особенности худыхъ. Хотѣлъ я, между прочимъ, дождаться положительныхъ извѣстій отъ моего брата изъ Тулы, которому я писалъ, что если меня захочетъ выбрать дворянство въ комитетъ, или если назначитъ губернаторъ, то я немедленно возвращусь въ Россію. Но отвѣта до сихъ поръ я отъ него не имѣю и не знаю даже положительно, что̀ думаетъ и чего хочетъ наше дворянство... Всѣ эти недоумѣнія и безпрестанная дума о томъ, что̀ теперь дѣлается, или чего не дѣлается теперь въ Россіи, совершенно портитъ пребываніе мое въ Римѣ, какъ бы ни могло оно быть пріятно при другихъ обстоятельствахъ. Другая изъ причинъ опозданія моего отвѣта та, что я хотѣлъ прежде прочесть Вашу статью объ общинѣ въ IV кн. „Бесѣды“; здѣсь еще только одинъ экземпляръ, принадлежащій вел. княгинѣ, и хоть она отдала его читающей русской братіи, книга эта еще не дошла до меня. Вообще вел. княгиня единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки всего этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строку. Присутствіе здѣсь вел. княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями, политическій отдѣлъ русскихъ газетъ и вмѣстѣ даетъ *возможность судить* о томъ, какъ смотрятъ на *все теперь совершающееся* въ высшихъ офиціальныхъ кругахъ Петербурга[2]). Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими, стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и притомъ съ землею. Во-

[1]) Первое письмо Кошелева отъ 21-го ноября, второе отъ 20-го декабря.

[2]) Рѣчь здѣсь идетъ о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая проводила эту зиму въ Римѣ. При ней находилась баронесса Раденъ, записки которой къ князю и княгинѣ Черкасскимъ, свидѣтельствуютъ о дружескомъ рас-

обще же нельзя сказать, чтобы мысль эта нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О..., говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія и достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы. Все это вызвано, разумѣется, обѣдомъ 25-го декабря[1]). Не могу не сказать, что я душевно сожалѣю, что славяне въ немъ не участвовали; это ошибка, въ родѣ фальшивой ноты, вліяніе на молодежь будетъ имѣть нехорошее; тѣмъ болѣе, что московскій корреспондентъ „Nord'a“ не поскупился на намеки такъ, чтобы потопить славянъ за разъ въ глазахъ и власти и публики. Я уговорилъ Тургенева написать отъ себя письмо (для напечатанія) въ „Нордѣ“, въ видѣ протеста беспристрастнаго лица, увѣреннаго въ сочувствіи славянъ къ поднятому государемъ вопросу освобожденія крестьянъ. Я думаю Вы за это и мнѣ и Тургеневу скажете спасибо; онъ очень

положеніи къ нимъ великой княгини, которая часто приглашала ихъ къ себѣ и любила дѣлиться съ ними интересными извѣстіями, получавшимися ею и барономъ Раденъ изъ Петербурга. Какъ извѣстно, петербургскій комитетъ открытъ былъ 14 января 1858 г. Баронесса Раденъ писала по этому поводу въ коротенькой запискѣ: „Je viens de recevoir des lettres de Pétersbourg qui annoncent que l'Empereur a consenti à ce que la Noblesse se rassemble par districts pour délibérer sur les Comités à élire. Le comité de Pétersbourg est assez mauvais, mais pas sans espérances. Chouvaloff président (le M-al de la Noblesse), le sénateur Ficher, une créature du Prince Menchikoff, Weimarn etc. De la part du Gouv. l'aide-de-camp de l'Empereur, Шеншинъ et M-r. Lode du Ministère de domaines. Si vous vouliez venir ce soir, je vous lirais les lettres et Madame la gr. Duchesse en causerait avec vous. Je suis bien pressée en ce moment et je n'ai que le temps de Vous faire mille compliments à la hâte. E. Rahden“.

[1]) Рѣчь идетъ объ обѣдѣ 20-го декабря въ залахъ Московскаго купеческаго собранія, гдѣ собралось 180 человѣкъ литераторовъ и людей разныхъ сословій, чтобы праздновать свою радость по случаю обнародованія высочайшаго рескрипта. За обѣдомъ произнесены были воодушевленныя рѣчи Катковымъ, Станкевичемъ, Погодинымъ, Бабстомъ (професс. полит. экономіи), Кавелинымъ и, наконецъ, Кокоревымъ. Всѣ рѣчи начинались или кончались за здоровье государя, безпредѣльная, искренняя благодарность къ которому воодушевляла всѣхъ. Праздникъ кончился передъ портретомъ государя, передъ которымъ долго стояли, крича „ура,“ и затѣмъ всѣ внезапно перешли въ пѣніе гимна „Боже Царя храни“. См. „Русскій Вѣстн.“ 1857 г., № 12, совр. лѣтопись, стр. 203, гдѣ напечатаны всѣ рѣчи.

охотно пошелъ на это, и я полагаю, это будетъ для славянства не безполезно. Письмо изъ Рима отправлено 15/27-го января.

„А Вы всѣ все-таки сдѣлали ошибку: если хотѣли, могли сперва отслужить молебенъ въ Иверской за Божіе внушеніе государю благой мысли, а отъ обѣда отказываться никакъ не слѣдовало. Здѣсь есть положительныя извѣстія, что обѣдъ этотъ не дурно былъ принятъ въ Петербургѣ. О запрещеніи „Молвы“ [1]) мы здѣсь узнали на дняхъ. Скажите Константину Сергѣевичу, что грѣхъ ему вводить въ такія дѣла власть; пора остепениться, или лучше не говорите ему, ибо вѣроятно, все это уже сказано и пересказано всѣми, и всѣмъ надоѣло.

„Не повѣрите, какъ мнѣ хочется назадъ. Такъ неудачно выбрано время для путешествія, какъ нельзя больше; впрочемъ во всей моей жизни такъ до сихъ поръ всегда бывало, и я почти удивился бы, если случилось иначе. Какъ я уже говорилъ Вамъ, если меня выберетъ тульское дворянство (въ чемъ я, однако, сомнѣваюсь, ибо мало убѣжденъ въ его ко мнѣ довѣріи), то я возвращусь немедленно по полученіи о томъ отъ брата телеграфа. Если нѣтъ, возвращеніе мое будетъ не нужно; но я, все-таки, едва ли рѣшусь уже ѣхать лѣтомъ въ Англію и Францію и какъ ни неловко возвращаться изъ Европы, не видавши ея, я, очень быть можетъ, въ маѣ прикачу обратно къ роднымъ пенатамъ. Душевно скорблю о нерѣшительномъ, глупомъ или безчестномъ поведеніи нашего дворянства. Такъ и хотѣлось бы принять участіе во всѣхъ домашнихъ спорахъ объ этомъ предметѣ. Появленіе указовъ декабрьскихъ сдѣлало ненужнымъ и лишило всякаго интереса печатное опроверженіе брошюры Ферроти, я впрочемъ, имѣлъ случай здѣсь написать уже двѣ небольшихъ записки о новомъ положеніи крестьянскаго вопроса, которыя быть можетъ будутъ не безполезны, но останутся въ рукописи [2]). Здѣсь Тургеневъ, Боткинъ и Полонскій. Я ихъ вижу очень часто, особенно у себя за обѣдомъ или вечеркомъ, и это большое для меня развлеченіе. Здѣсь носится слухъ, что

---

[1]) Газета „Молва“ издавалась И. С. Аксаковымъ въ 1857 г., но была прекращена въ декабрѣ на 38 номерѣ — за помѣщавшіяся въ ней задорныя и боевыя статьи К. С. Аксакова. См. въ „Рус. Арх.“ 1879 г., кн. III, стр. 404, увѣщательное письмо къ нему кн. Вяземскаго.

[2]) Записки эти были написаны для вел. кн. Елены Павловны (см. въ при-

на „Атеней“ идетъ подписка плохо, но что онъ увлекъ не малую часть сотрудниковъ „Вѣстника“, въ томъ числѣ и Павлова[1]). Говорятъ также, что послѣ знаменитаго обѣда, Безобразовъ, Салтыковъ и прочіе отказались наотрѣзъ отъ „Вѣстника“. Куда они перешли? Неужели „Бесѣда“ ихъ не подцѣпитъ? Какъ Вы ни говорите о сочувствіи людей зрѣлыхъ и положительныхъ, да и духовенства нашего, признаюсь Вамъ, всѣ эти сочувствія можно бы и слѣдовало промѣнять на другія менѣе сановитыя, но болѣе современныя сочувствія. Изъ прежнихъ Вы все-таки сохраните все живое, а въ мертвой зрѣлости и сановитости мало толка. Хомякову необходимо надо было бы напечатать гдѣ-нибудь, въ „Бесѣдѣ“ или внѣ „Бесѣды“, о церковной свободѣ. Вы не можете повѣрить, до какой степени оно *настоятельнѣйше необходимо*. Повѣрьте

ложеніи № 3). Первая записка содержитъ въ себѣ указанія главныхъ и существенныхъ условій для успѣха новаго положенія: между ними первое мѣсто, по мнѣнію князя, занимаетъ тщательное наблюденіе правительства за добросовѣстною, не слишкомъ возвышенною денежною оцѣнкою въ дворянскихъ комитетахъ крестьянскихъ усадебъ, подлежащихъ выкупу, а также и повинностей. Вторая разсматриваетъ вопросъ со стороны той особенной важности, которую правильныя дѣйствія комитетовъ имѣютъ собственно для самого правительства или казны, независимо отъ сословныхъ интересовъ. И здѣсь и тамъ князь напираетъ на необходимость самой широкой гласности, какъ относительно намѣреній правительства, такъ и обсужденія вопроса. Кромѣ этихъ двухъ записокъ, вѣроятно, къ этому времени слѣдуетъ отнести замѣчанія, составленныя кн. Черкасскимъ по просьбѣ вел. княгини, на проектъ освобожденія крестьянъ въ ея имѣніи „Карловкѣ“ (арх. кн. Ч—скаго, № 6). Кн. Черкасскій написалъ въ Римѣ еще французскую статью (рукопись въ арх., № 30), которую въ бытность свою въ Парижѣ думалъ напечатать въ „Revue de deux Mondes“. По возвращеніи въ Петербургъ онъ писалъ женѣ: „Tu me demandes des nouvelles de la Revue de deux Mondes; tout ce que je puis te dire, c'est que je n'ai positivement pas eu le temps de voir Buloz. Poggenpohl, je ne sais pas si je te l'ai écrit, m'a dit qu'il lui était impossible d'imprimer l'article, sans en adoucir quelques passages; il m'a proposé des rectifications que j'ai comme de raison rejetées, et lui ai déclaré, qu'il pouvait imprimer sans changer un iota, ou bien ne pas imprimer du tout. La-dessus nous nous sommes séparés.

[1]) Кошелевъ *21-го ноября* писалъ князю: „Въ Москвѣ объявленъ новый журналъ *„Атеней“* Евг. Корша. Программа ловка, но не умна. Они не стали открыто на западную точку, но для русскихъ читателей она заманчива. Они обѣщаютъ пуще всего *критическій* журналъ... „Русскій Вѣстн.“ въ своей новой программѣ помѣстилъ притчу о плевелахъ и обѣщаетъ не увлекаться въ крайнія, односторонніе идеи, которыми онъ открылъ свой журналъ единственно изъ уваженія къ труду и проч. Слѣдовательно, Чичеринъ явно забракованъ. Чичеринъ, Коршъ и многіе отошли отъ „Вѣстника“ и теперь они при „Атенеѣ“.

мнѣ въ этомъ; я лучше всѣхъ васъ поставленъ, чтобы видѣть чего „Бесѣдѣ“ недостаетъ и въ чемъ ее укоряютъ не безъ внѣшняго вида основательности. Прямое слово, высказанное въ этомъ смыслѣ, привлечетъ къ Вамъ больше, чѣмъ всевозможныя экзумаціи авторовъ, умершихъ или отставшихъ отъ литературы. Пишу къ Вамъ объ этомъ если не пространно, то, по крайней мѣрѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ потому, что считаю это дѣломъ первостепенной важности. Что статья Гилярова, критика на Макарія? Вотъ еще случай высказаться ясно. Повѣрьте, не пропускайте этихъ случаевъ. Если пропустите, „Бесѣда“ станетъ невозможна черезъ годъ или два. А теперь можно бы многихъ склонить къ ней. Толстой, авторъ „Дѣтства“, полуславянинъ. Тургеневъ на волоскѣ, и я почти могу взяться изъ него что-нибудь выжать, если Вы мнѣ поручите (особенно теперь, что онъ сталъ писать въ „Атеней“; впрочемъ, безъ всякаго къ нему сочувствія, а единственно потому, что его уговорилъ на это Анненковъ); само собою разумѣется, что это, впрочемъ, есть одно лишь гаданіе мое и что онъ мнѣ ничего не обѣщалъ и я даже не намекалъ на это.

„Сейчасъ письмо было прервано визитомъ ко мнѣ Пальмера, о которомъ я слышалъ, что онъ здѣсь, въ Римѣ, и у котораго на дняхъ былъ. Онъ долго теперь сидѣлъ у насъ: очень странная личность и, по моему мнѣнію, гораздо болѣе человѣкъ чувства и воображенія, чѣмъ человѣкъ дѣла. Я его привѣтствовалъ отъ имени его прежнихъ московскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Хомякова: онъ очень конфузился и напрямикъ объявилъ, что до сихъ поръ не былъ опять въ Россіи, потому что боялся худой встрѣчи, къ тому же проговорился, что ему не позволилъ и духовникъ. Условія его сдѣлки съ католиками необычайно странны: ему позволили сохранить полную свободу сужденія насчетъ всей ритуальной части католицизма и даже іерархическаго вопроса и предложили ему, какъ онъ говоритъ, примирить его съ Церковью лишь подъ однимъ условіемъ, чтобы онъ призналъ папу, по крайней мѣрѣ, за старшаго патріарха, что̀, говоритъ онъ, ему и показалось, согласно съ историческимъ фактомъ.

„Онъ обѣщалъ еще прійти когда-нибудь, вечеркомъ и тогда я его о многомъ пораспрошу. Отъ имени москвичей я его успокоилъ; спросите Хомякова, не сказать ли ему чего

прямо отъ него. Католицизмомъ онъ, кажется, не вполнѣ доволенъ, по крайней мѣрѣ, не нашелъ онъ въ немъ полнаго удовлетворенія себѣ и поэтому, какъ бы нарочно, безпрестанно при первомъ свиданіи повторялъ, что доволенъ тѣмъ, что перешелъ въ католицизмъ и сознаетъ, что хорошо сдѣлалъ. Прощайте, однако, пора кончить. Ради Бога напишите, что̀ у васъ дѣлается? и какія можно окончательно имѣть надежды? Неужели дворянство рѣшительно осрамится? Кланяюсь всѣмъ нашимъ: Самарину, Хомякому и Аксаковымъ. Васъ душевно обнимаю. Кн. В. Черкаскій".

IV.

Съ 8-го января 1858 года „секретный комитетъ" былъ переименованъ *въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу*, при чемъ предсѣдательство въ немъ принялъ на себя самъ государь (князь Орловъ долженъ былъ замѣщать его лишь въ случаѣ отсутствія). Газетамъ было разрѣшено напечатать рескрипты и, особымъ циркуляромъ, отъ 3-го февраля, начальникамъ губерній предписывалось обнародовать его въ губернскихъ вѣдомостяхъ, послѣ чего допущеніе гласности въ крестьянскомъ вопросѣ не могло уже встрѣтить препятствій. Въ одной изъ своихъ записокъ, бар. Раденъ сообщала князю Черкасскому объ этомъ новомъ отрадномъ событіи: „Mon Prince, je viens de recevoir de Russie des lettres fort intéressantes. M-me la gr. Duchesse voudrait vous en parler et Vous engage si le temps continue à être mauvais, à venir chez elle à 3 heures. En attendant je ne saurais me refuser le plaisir de vous annoncer, que la libre discussion des grandes questions du jour, vient d'être autorisée dans les Revues, naturellement qu'on excepte les Ordonnances Imp. du nombre des sujets discutables" [1]).

По обнародованіи циркуляра А. И. Кошелевъ со свойственнымъ ему жаромъ, затѣялъ изданіе новаго журнала „Сельское Благоустройство", которое должно было быть исключи-

---

[1]) Я только что получила изъ Россіи очень интересныя письма. Вел. княгиня желала бы съ Вами объ нихъ переговорить и приглашаетъ Васъ, если дурная погода продолжится, придти къ ней въ 3 часа. Въ ожиданіи этого, не могу себѣ отказать въ удовольствіи сообщить Вамъ, что журналы только что получили разрѣшеніе свободно обсуждать великіе вопросы дня; очевидно что Высочайш. указы исключены изъ числа предметовъ подлежащихъ обсужденію.

тельно посвящено крестьянскому вопросу, и вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы поставить дѣло на ноги. Кавелинъ и Безобразовъ обѣщали ему свое сотрудничество. Кошелевъ торопилъ князя пріѣздомъ, говоря, что „теперь можно дѣйствовать и печатно, и письменно и словесно. Что̀ Вы намъ ничего не присылаете въ „Бесѣду“ или въ новый отдѣлъ. Напишите объ Италіи, напишите о чемъ хотите, но присылайте“. Онъ писалъ: „... всѣ встрепенулись, Аксаковъ хлопочетъ о разрѣшеніи „Паруса“. Кромѣ нашего журнала еще объявленъ „Журналъ Землевладѣльцевъ“. Сверхъ того, какой-то Вердеревскій, авторъ разсказа о плѣнѣ Шамиля, подалъ также просьбу о новомъ эманципаціонномъ журналѣ. И. В. Сабуровъ съ Мейендорфомъ и друг. также затѣяли изданіе: *Сельскій журналъ*. Словомъ, дѣло кипитъ. Надобно изъ всѣхъ силъ работать, а Васъ здѣсь нѣтъ“.

Князь Черкасскій отвѣчалъ Кошелеву изъ Парижа 16/28-го марта:

„Любезнѣйшій другъ, Александръ Ивановичъ, очень благодаренъ Вамъ за полученное мною отъ Васъ, впрочемъ только на дняхъ, въ Римѣ, — письмо, по Вашей надписи отъ 24-го января, а по моимъ соображеніямъ — отъ 24-го февраля. До сихъ поръ не успѣлъ отвѣчать, а потому пишу уже на обратномъ пути изъ Парижа, куда пріѣхалъ два часа тому назадъ. Я уже давно рѣшился ѣхать назадъ скорѣе и одинъ, даже два раза были взяты мною мѣста въ дилижансѣ, но задерживали меня не зависящія отъ меня обстоятельства. Очень радъ, что Вы предприняли новое изданіе и готовъ на Васъ работать по пріѣздѣ, но за границей я далъ себѣ полный отпускъ и ничего не дѣлалъ. Впрочемъ, старался быть для Васъ не безполезенъ: везу Вамъ рукопись очень не глупую, объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи (хотя и не длинную); рукопись нѣмецкая, писана по заказу вел. княг. Елены Павловны и которую она позволила перевести и помѣстить въ „Бесѣдѣ“ или новомъ изданіи[1]). Въ Римѣ

[1]) Бар. Раденъ сообщала князю рукопись при слѣд. запискѣ: „Voici, mon Prince, quelques journaux que Vous trouverez peut-être quelque intérêt a parcourir avant Votre départ, ainsi qu'un travail sur l'émancipation en Autriche dont l'examen pourrait être utile à l'avancement pratique de la grande question. Je viens d'envoyer le Catalogue à Hasthausen, avec la prière, d'y noter les ouvrages marquants et M-me la gr. Duchesse donnera aujourd'hui-même ses Ordres pour Gropius à Berlin. Vous pourez emporter ce que Vous voudrez. Mille compliments“.

видѣлъ Гакстгаузена и взялъ съ него честное слово, что онъ вскорѣ пришлетъ туда же статью монографическую насчетъ Германіи. Вотъ мои права на Вашу признательность. Здѣсь мнѣ хочется, если я успѣю, съѣздить, къ Монталамберу[1]) и еще кое къ кому. Но хочу остаться здѣсь мало и едва ли успѣю видѣть что-либо путное, ибо уѣду во вторникъ на святой недѣлѣ, день только пробуду въ Берлинѣ и чрезъ Кёнигсбергъ продеру въ Питеръ, гдѣ намѣренъ остаться недѣлю. Итакъ, около 16 апрѣля, надѣюсь васъ обнять въ Бѣлокаменной".

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о тульскихъ выборахъ. Я писалъ къ брату, что если меня выберутъ, то пріѣду назадъ и что согласенъ быть назначенъ отъ губернатора; и получилъ въ отвѣтъ, что если дворянство не выберетъ, то Дараганъ меня посадитъ въ комитетъ[2]). Впрочемъ не знаю сбудется ли это и какъ именно будетъ. Надѣюсь, что и Вы и Самаринъ попадете въ губерскіе комитеты; но спрашиваю себя — какъ пойдутъ тогда въ Вашемъ отсутствіи и „Бесѣда" и новый журналъ? Кстати скажу вамъ еще, что на дняхъ Раевскій (вѣнскій нашъ священникъ) жаловался Петрушѣ Васильчикову, что онъ не получилъ 2-го тома „Бесѣды" до сихъ поръ. Вышелъ ли первый? И пропущена ли статья Самарина? И что̀ Крыловъ, исчезъ ли съ лица литературы, или нѣтъ? Не полѣнитесь написать мнѣ словечко въ Питеръ къ 1-му или 2-му апрѣля, адресуя на Фурштадскую Гр. Бар., собств. домъ. За симъ простите. Богъ съ вами. Кланяюсь Хомякову, Самарину и Аксаковымъ. Не можете вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду возврата своего въ Москву".

„P. Если еще не получили отъ моего конторщика книги St. Pley и не купили, — не покупайте, ибо я ее везу съ собою, покупаю ее здѣсь въ Парижѣ".

---

[1]) Князю удалось познакомиться съ Монталамберомъ, и, повидимому, они произвели другъ на друга весьма выгодное впечатлѣніе и сохранили пріятное воспоминаніе о своей встрѣчѣ и бывшихъ между ними бесѣдахъ. Князь прислалъ ему впослѣдствіи свою статью, о немъ писанную, вслѣдствіе чего произошелъ между ними обмѣнъ писемъ, которыя помѣщены въ „Рус. Арх". 1882 г. № 2. стр. 378.

[2]) Въ арх. кн. Черкасскаго, №, 30, телеграмма отъ кн. Евгенія Черкасскаго отъ 25 февраля — „Arrivez à Moscou pour la mi-Mai, en tout cas, vous serez du Comité. Prompte réponse à Moscou".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Князь В. А. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Возвращеніе въ Россію. Первыя впечатлѣнія. — II. Начало тройственной переписки. Обмѣнъ мнѣній по вопросамъ объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій при переселеніи. О соблюденіи 3-дневной барщины. О будущемъ Главномъ Комитетѣ. — III. О программѣ занятій. О смѣшеніи усадебной и полевой земли и дарованіи права выкупа на всю землю. О безвозмездномъ освобожденіи личности. О томъ, какой тактики держаться въ комитетахъ. — IV. Цензурныя стѣсненія. Статьи князя о биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ. Аксаковъ редакторъ „Бесѣды“ и „Благоустройства“; онъ старается оживить славянскій отдѣлъ. Нападки журналистики на Кошелева и „Сельское Благоустройство“. О смерти Иванова. О барщинѣ.

I.

Изъ письма кн. Черкасскаго къ П. А. Васильчикову видно, что на обратномъ пути въ Россію князь заѣзжалъ въ Лондонъ, гдѣ пробылъ всего три дня, осматривая сельскохозяйственныя орудія, машины и Crystal Palace. На другой же день по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ онъ писалъ Кошелеву *12 апрѣля 1858 г.:*

„Пишу къ Вамъ два слова, дражайшій Александръ Ивановичъ, съ извѣщеніемъ, что азъ многогрѣшная, заблуждшая овца славянскаго стада, возвратился наконецъ на родину послѣ недолгаго, но пространнаго путешествія. Пріѣхалъ вчера вечеромъ. Здѣсь пробуду дней десять, никакъ не болѣе, чтобы немного поразнюхать здѣшнюю атмосферу, и въ Москву. Надѣюсь застать тамъ и Васъ, и Самарина, и Хомякова съ Аксаковымъ. Сдѣлайте милость — напишите поскорѣе о всѣхъ Вашихъ планахъ и намѣреніяхъ и о томъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ, Рязани, Тулѣ и проч. Изъ журналовъ русскихъ *ничего,* т.-е. ни единой строки, не могъ добыть за границей, кромѣ двухъ или трехъ номеровъ „Атенея“, и то самыхъ

неинтересныхъ. 9-го номера не читалъ; такъ что я въ Россіи, какъ въ лѣсу.

„Посылаю Вамъ сегодня же нѣмецкую статью объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи, писанную какимъ-то нѣмцемъ по заказу великой княг. Елены Павловны. Она можетъ быть интересна, хотя и поверхностна, и потому я выпросилъ разрѣшеніе у нея напечатать ее въ русскомъ журналѣ и потому посылаю къ Вамъ въ „Благоустройство“. Я думаю она Вамъ пригодится; къ тому же даровая, а не купленная; стоитъ только перевести. Впрочемъ, можете дѣлать, какъ хотите.

„Въ Парижѣ видѣлъ и коротко сошелся съ грекомъ Пициніосомъ; старикъ интересный, хоть страшный мошенникъ. Онъ въ нищетѣ. Я ему на всякій случай далъ 300 франковъ, въ счетъ статей, планъ коихъ я ему далъ, и Вамъ при случаѣ разскажу: объ устройствѣ и недостаткахъ Константинопольской Церкви [1]). Нравится ли Вамъ? Впрочемъ, если Вамъ не понравится, я съ Васъ денегъ этихъ не потащу. Слѣдовательно Вы во всякомъ случаѣ въ выигрышѣ; а денегъ ему необходимо нужно было дать, чтобы его привязать.

„Прощайте, обнимаю и всѣмъ кланяюсь“.

Радостно привѣтствовалъ Кошелевъ возвращеніе князя (17 апрѣля 1858): „Наконецъ Вы здѣсь. Жатва обильна, а дѣлателей мало. Вы намъ нужны, необходимы, — необходимы до-нельзя“, писалъ онъ: „въ Питерѣ не мѣшаетъ понюхать, поразузнать и кое-что тамъ сказать“. Слухи о томъ, что „въ Петербургѣ готовятъ какую-то программу комитетскихъ работъ съ предрѣшеніями“ очень тревожили Кошелева. „Это будетъ не хорошо“, писалъ онъ, „теперь нуженъ лишь просторъ, и дѣло пойдетъ“.

Все, что князю довелось узнать и увидѣть въ Петербургѣ, не произвело на него отраднаго впечатлѣнія. Онъ писалъ отсюда женѣ: „Здѣсь, въ Питерѣ, я видѣлъ многихъ и много: on a l'air d'entrer dans une phase marquée de réaction surtout par rapport à la question de la terre à donner aux paysans.—L'élément allemand fait mine de triompher dans ce moment. Dieu sait qui l'emportera en définitive. Le 17 n'a

---

[1]) Въ арх. кн. Черкасскаго, № 34 имѣется рукопись: „Lettre première: Etablissement du patriarcat oecuménique à Constantinople“ и „Lettre seconde: Organisation du patriarcat actuel de Constantinople“. Имя автора не обозначено, но повидимому онѣ принадлежатъ Пициніосу.

pas amené les changements auxquels on s'attendait, seulement Victor Wassiltchikoff a été nommé; le pauvre Grégoire Scherbatoff est déçû dans ses espérances; il avait demandé à cumuler les fonctions d'adjoint avec celles de Curateur de Pétersbourg; il paraît que cela a déplu et Moukhanoff en a surgi à la stupéfaction générale et à la grande joie du „high life" Pétersbourgeois. J'ai vu Gortchakoff, Lanskoï, Bloudoff, je dois voir Kovalefsky et Golownin; tout le monde a été très aimable, et personne ne semble comprendre l'importance du moment et celle surtout de ne pas faire de fautes. Gortchakoff en particulier a été très aimable; j'ai dîné chez lui en petit comité, mais il paraît être lui-même en de mauvais draps dans ce moment et a cru devoir faire avec moi beaucoup de diplomatie en pure perte. A Moscou il vient d'y avoir des affaires scandaleuses (ou bien on vient de les découvrir) qui forcent B.... et G.... à quitter le comptoir de la Cour; on parle de dilapidations monstrueuses faites par le dernier et tolérées par le premier. Cela ouvrira une voie aux grandeurs au „nain jaune", et n'ameliorera en rien les affaires" [1]).

Въ Москвѣ князь засталъ еще всѣхъ въ сборѣ, но оставался здѣсь не долго. „Наше дворянство", писалъ онъ женѣ (28-го апрѣля), „наконецъ 16-го числа (апр.) подписало адресъ о согласіи своемъ на освобожденіе крестьянъ. Я черезъ че-

---

[1]) „Повидимому, здѣсь вступаютъ въ замѣтный фазисъ реакціи, главнымъ образомъ относительно вопроса о надѣленіи крестьянъ землею. Нѣмецкій элементъ въ настоящую минуту какъ будто торжествуетъ. — Богъ знаетъ, кто въ концѣ концовъ одолѣетъ. 17-ое (апрѣля) не принесло съ собой никакихъ ожидавшихся перемѣнъ, только Викторъ Васильчиковъ получилъ назначеніе; бѣдный Григорій Щербатовъ разочарованъ въ своихъ чаяніяхъ; онъ просилъ о совмѣщеніи обязанностей Товарища съ должностью петербургскаго Попечителя; повидимому, это не понравилось, и къ общему изумленію и великой радости высшаго петербургскаго общества всплылъ Мухановъ. Я видѣлъ Горчакова, Ланского, Блудова, долженъ повидать Ковалевскаго и Головнина; всѣ были со мною очень любезны но кажется, что никто не понимаетъ важности настоящей минуты и особенно того, что не надо дѣлать ошибокъ; Горчаковъ, въ особенности, былъ очень любезенъ; я обѣдалъ у него въ не многочисленномъ обществѣ, но онъ, повидимому, самъ въ данный моментъ при печальномъ интересѣ, и счелъ нужнымъ вести со мною совершенно лишнюю дипломатію. Въ Москвѣ только что были скандальныя дѣла (или скорѣе, ихъ только что обнаружили), которыя вынуждаютъ Б.... и Г... выйти изъ дворцовой конторы: говорятъ о чудовищныхъ растратахъ послѣдняго, терпимыхъ первымъ. Это откроетъ путь къ величіямъ „желтаго карла" и нисколько не улучшитъ положенія дѣла".

тыре дня выѣзжаю въ Тулу, гдѣ придется остаться денекъ для свиданія съ Дараганомъ и поспѣшу въ деревню покончить съ Пригорскими мужиками, которые ждутъ моего возвращенія. Въ настоящую минуту въ Петербургѣ реакція. Кавелинъ уволенъ отъ ученія Цесаревича, и вслѣдствіе того Титовъ принужденъ выйдти тоже и, говорятъ, замѣненъ нѣкіемъ Гриммомъ, тѣмъ самымъ что воспиталъ трехъ братьевъ государевыхъ [1]). Мѣсто попечителя въ Москвѣ получилъ Ал. Ник. Бахметьевъ. Одно время боялись назначенія князя П. И. Трубецкого. Третьяго дня открылось засѣданіе дворянскаго комитета, который утвердилъ réglement или уставъ своего дѣлопроизводства, снова сочиненный редакціонной комиссіею изъ Сергѣя Урусова, Булыгина, Рачинскаго и еще какого-то четвертаго барина. Говорятъ, уставъ хорошъ. Между прочимъ рѣшено обсуждаемые въ комитетѣ вопросы рѣшать не тайною баллотировкой, а открытымъ собираніемъ голосовъ, что̀ очень хорошо".

II.

Въ началѣ іюня Кошелевъ предложилъ князю и Ю. Ѳ. Самарину установить между ними аккуратный и послѣдовательный обмѣнъ писемъ, какъ для того, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго, такъ и для выясненія и развитія своихъ

---

[1]) Кавелинъ по рекомендаціи Титова (бывшаго посланника въ Штутгартѣ) былъ назначенъ къ Цесаревичу преподавателемъ русск. права. Въ февральской и апрѣльской книжкахъ „Современника" напечатанъ былъ его проектъ освобожденія крестьянъ подъ заглавіемъ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта". Въ предисловіи Кавелинъ говорилъ о реформѣ, какъ уже о совершившемся фактѣ („Уже одно только уничтоженіе крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ"). Первая часть прошла какъ будто незамѣченной, но вторая, гдѣ говорилось о выкупѣ и выражались его воззрѣнія на верховную власть и сословныя отношенія, подняла противъ нея цѣлую бурю. Назначеніе Кавелина уже раньше возбудило противъ него партію военныхъ (см. Записки Левшина, 541 стр. „Р. Арх. 1885 г."), и теперь интригами удалось свергнуть и ненавистнаго имъ Титова. Это происшествіе повлекло за собою чувствительныя стѣсненія цензуры, которой сильно досталось за пропускъ статей Кавелина: князю Щербатову, предсѣдателю цензурнаго комитета и попечителю университета былъ объявленъ Высочайшій выговоръ. (См. подробн. объ исторіи Кавелина: „Матеріалы исторіи уничтож. крѣпостного состоянія", стр. 230—249).

собственныхъ мнѣній и взглядовъ на дѣло, чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ дружнѣе и согласнѣе. Письма каждаго предлогалось пересылать другъ другу, дѣлая на нихъ свои замѣчанія и выражая согласіе или несогласіе на тѣ или другія заключавшіяся въ нихъ мысли или предложенія. Переписка эта, обнимающая весь первый періодъ исторіи крестьянскаго дѣла, какъ непосредственно до, такъ и во время губернскихъ комитетовъ, сохранилась почти въ цѣлости и является драгоцѣннѣйшимъ и интереснѣйшимъ историческимъ документомъ. Къ сожалѣнію первое окружное посланіе Кошелева, начавшаго эту переписку, утрачено.

Кн. Черкасскій писалъ *13 іюня 1858 г.*:

„Письмо Ваше отъ 5-го іюня я получилъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, и весьма обрадовался придуманному способу тройственной переписки. Спѣшу немедленно выполнить Ваше желаніе, какъ отправкою Вашего письма къ Юрію Ѳедоровичу, такъ и немедленнымъ Вамъ на него отвѣтомъ. Указываемое Вами обстоятельство затрудненія, встрѣчаемаго въ вывозкѣ крестьянами своего навоза въ поле, не есть отрывочное явленіе Вашего края. Замѣчательно, что то же самое повторяется, какъ кажется, вездѣ, какъ бы tacito consenso всего крестьянскаго сословія въ земледѣльческихъ губерніяхъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, этому не предшествовала и не могла предшествовать никакая предварительная общая сдѣлка, съ одной стороны это, по мнѣнію моему, драгоцѣнное еще новое доказательство крѣпкаго убѣжденія крестьянъ въ томъ, что часть земли принадлежитъ имъ несомнѣнно; съ другой стороны, всеобщность этого перваго симптома крестьянскаго образа дѣйствій указываетъ на то, что, вѣроятно, и во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ, касающихся ихъ общихъ сословныхъ интересовъ, крестьянамъ не нужно будетъ никакого формальнаго соглашенія для того, чтобы дѣйствовать сообща, но что подобный образъ дѣйствія есть естественное и неминуемое послѣдствіе всего нашего историческаго положенія. Въ другихъ словахъ — неправильное веденіе новаго дѣла должно будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ столь же всеобщій отказъ отъ барщины и проч. и проч. Имѣяй уши да слышитъ!... У насъ почти во всѣхъ уѣздахъ повторяется явленіе неохотной вывозки навоза крестьянами; они одарены удивительнымъ чутьемъ и часто вывозя безъ всякихъ толковъ на-

возъ свой въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они уже окончательно отмежеваны отъ помѣщиковъ къ однимъ мѣстамъ, не дѣлаютъ этого тамъ, гдѣ по конфигураціи дачи ожидаютъ измѣненія въ своемъ надѣлѣ. Здѣсь многіе поговариваютъ о принудительныхъ мѣрахъ, чтобъ заставить вывозить навозъ; я спорю, но далеко не увѣренъ въ успѣхѣ. Самому симптому развивающагося крестьянскаго сознанія внутренно и душевно радуюсь; ибо это заявленіе мысли въ крестьянскомъ сословіи крайне важно въ настоящее время для напоминовенія намъ, помѣщикамъ, нашихъ обязанностей къ нему. Переселенія, обмѣны земель и проч. у насъ также идутъ своимъ чередомъ. Я вполнѣ раздѣляю мысль, что невозможно ожидать окончанія дѣла, чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, но нѣсколько разно смотрю на средства. Во-первыхъ, *для соблюденія трехдневной барщины* правительство, по моему мнѣнію, имѣетъ лишь одно средство: частое напоминовеніе объ этомъ предводителямъ и помѣщикамъ черезъ циркуляры и губернаторовъ; формальный указъ не будетъ имѣть болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ циркуляръ, но можетъ произвести смуты и сверхъ того (и это главное) обмануть крестьянъ, заставивъ ихъ подумать, что этимъ оканчивается все дѣло объ улучшеніи ихъ быта. Но главное въ эту минуту: оградить крестьянъ отъ злоупотребленія при переселеніи и, если возможно, при перемѣнѣ земель. Послѣднее гораздо труднѣе, и я думаю одно возможно и почти достаточно было бы уже теперь — не запрещая вымѣна крестьянскихъ угодій, потребовать только (посредствомъ циркуляра), чтобы ни одинъ помѣщикъ не смѣлъ ихъ вымѣнивать безъ разрѣшенія уѣзднаго предводителя и, пожалуй, двухъ или трехъ дворянъ и безъ увѣдомленія о томъ (для свѣдѣнія) губернатора. При этомъ должно быть постановлено только постоянное правило о времени продолженія пользованія крестьянами прежнихъ своихъ земель, до удобренія ими новыхъ (я полагаю — никакъ не менѣе трехъ лѣтъ). Касательно же переселенія, которое вовсе запретить невозможно, мы, члены отъ правительства[1]), должны въ началѣ комитетскихъ занятій (хоть и не въ самыя первыя засѣданія, дабы не испортить

[1]) Князь пишетъ: „мы, члены отъ правительства“, вѣроятно, на основаніи своихъ переговоровъ съ губернаторомъ Дараганомъ при проѣздѣ черезъ Тулу. Официальное назначеніе князя на эту должность состоялось лишь наканунѣ открытія комитета, а именно 4 сентября 1858 г.

всего дѣла) сдѣлать предложеніе о постановленіи твердыхъ условій для переселенія и черезъ губернскаго предводителя *внести ихъ на высочайшее утвержденіе*[1]). По моему мнѣнію, достаточно, кромѣ необходимаго освидѣтельствованія мѣста новаго поселка, потребовать отъ помѣщика около 50 руб. сер. на каждый дворъ, или 25 руб. на одинъ тягольный дворъ, съ прибавленіемъ 15 руб. на каждое тягло и съ запрещеніемъ вовсе переводить далѣе какъ за 10 верстъ. Вотъ мои мысли; и я думаю онѣ не встрѣтили бы непреодолимаго сопротивленія въ комитетахъ. Касательно прочаго я съ Вами согласенъ; только, какъ уже не разъ говорилъ Вамъ, я противъ собранія депутатовъ отъ комитетовъ въ С.-Петербургѣ для выработки общаго Положенія. Я желалъ бы хорошо составленныхъ центральныхъ комитетовъ по группамъ губерній для сдѣланія окончательныхъ мѣстныхъ положеній, кои могли бы быть сейчасъ введены покуда[2]). Остальному всему я говорю громогласно аминь.

„Что сказать о себѣ: пишу, или лучше, началъ писать объ устройствѣ обществъ и уѣздной полиціи. Хочу изъ этого сдѣлать, въ предѣлахъ программы, косвенный отвѣтъ нелѣпѣйшимъ двумъ проектамъ, составленнымъ въ Питерѣ. Имѣете Вы о нихъ понятіе? Если нѣтъ, то возьмите ради курьёза у Вашего губернатора. И то и другое, особенно уѣздное управленіе — явленія полукомическія, полутрагическія, смотря по тому, какъ они разыграются[3]). Въ первыхъ дняхъ

---

[1]) *Замѣтка Кошелева:* „По-моему, это будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, этимъ мы только раздразнимъ прочихъ сочленовъ. Лучше это сдѣлать частно, а не офиціальнымъ путемъ“.

[2]) *Замѣтка Кошелева:* „Считаю это удобнымъ лишь въ томъ случаѣ, если эти центральные комитеты по полосамъ будутъ комитетами отъ большого всеобщаго комитета и если они будутъ собраны въ Петербургѣ. Комитеты по полосамъ, собранные по губернскимъ городамъ, ни къ чему не поведутъ, ибо у насъ ни одинъ городъ не имѣетъ значенія областного, ни центральнаго города“. См. прилож. № 3. Мнѣніе объ этомъ кн. Ч—скаго въ началѣ 1858 г.

[3]) Кн. В. А. Черкасскій былъ въ постоянной перепискѣ съ Н. Я. Ростовцевымъ, который по болѣзни почти постоянно пребывалъ за границей. Въ архивѣ кн. Ч—скаго сохранилось много его писемъ, но, къ сожалѣнію, нѣтъ писемъ самого князя къ нему. — Приведемъ здѣсь письмо Н. Я. Ростовцева отъ *15 іюля 1858* г. На немъ сдѣлана помѣтка рукою князя: „NB. Это письмо любопытно, ибо въ немъ проглядываетъ настроеніе отца Ростовцева“ (Н. Я. Ростовцевъ находился въ это время въ трехъ верстахъ отъ Vichy, гдѣ отецъ его пользовался лѣченіемъ). „То, что Вы пишите о состояніи дѣлъ въ Россіи, крайне неутѣши-

іюля пришлю Вамъ это въ Москву, надѣюсь Вы благословите! За симъ прощайте, пора на почту. Жена должна быть на дняхъ. Усердно Вамъ и Вашимъ кланяюсь и обнимаю Са-

---

тельно. Что мы играемъ въ жмурки и ходимъ въ потемкахъ, всѣмъ извѣстно, и не мудрено: правительство въ чиновничьей формѣ не знаетъ дворянства и народа, дворянство не знаетъ народа, народъ не знаетъ правительства и дворянства, а если и знаетъ, то съ дурной стороны; никто изъ нихъ другъ другу не довѣряетъ, всякій другъ противъ друга вооружается оборонительно. Принявъ за основаніе это недовѣріе, я объясняю себѣ нѣкоторыя правительственныя распоряженія, какъ напр. учрежденіе уѣздныхъ начальниковъ (о В. губерн. я не слыхалъ); въ этой мѣрѣ чувствуется настойчивость правительства въ достиженіи предположенной цѣли освобожденія. Оно какъ будто говоритъ: „Если бъ пришлось штыкомъ вводить свободу, то я готово и на это". Право оно или нѣтъ, дѣйствуя такимъ путемъ — рѣшить не могу, я мало знаю дворянъ-помѣщиковъ, живущихъ въ губерніяхъ. Вы ихъ знаете болѣе и, какъ кажется, довѣряете мало, боитесь даже, чтобъ имъ не дали воли; злоупотребленіе ихъ власти, говорите Вы, можетъ открыть насильственное переселеніе крестьянъ. Правда то, что эти уѣздные начальники — вмѣсто примирителей, могутъ быть причиною волненій и неудовольствія. Кто не знаетъ нашего палочнаго управленія, кто не знаетъ пагубныхъ слѣдствій излишняго и безтолковаго усердія правительственныхъ лицъ въ дѣлѣ полицейскомъ? Но въ это же время правительство учреждаетъ новыя три инстанціи судебныя по рѣшенію дѣлъ взаимныхъ обязательствъ помѣщиковъ и крестьянъ (этотъ проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе по окончаніи работъ перваго періода комитетовъ).

Инстанціи, которыя могутъ быть сильнымъ ограниченіемъ самовластія уѣзди. начальн. — 1-я инстанція — *Мировые судьи:* въ каждомъ 40-верстн. раіонѣ по выбору дворянъ, а можетъ-быть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по выбору крестьянъ, но изъ дворянъ. — 2-я инстанція — *Уѣздная расправа:* депутатъ отъ дворянства и депутатъ отъ крестьянства подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника. Это предсѣдательство я не совсѣмъ понимаю: во-первыхъ, соединяется власть исполнительная и судебная, во-вторыхъ, предсѣдатель дворянинъ, его невольно будетъ гнуть на сторону дворянства, и во многихъ случаяхъ, рѣшая своимъ голосомъ большинство, предсѣдат. будетъ наносить ущербъ крестьянству. — 3-я инстанція — *Губернская расправа:* предсѣдатель казенной палаты, предводитель дворянства и прокуроръ подъ предсѣдат. губернатора. Со временемъ и эта инстанція должна быть составлена изъ членовъ выборныхъ. На рѣшеніе этой инстанціи апелляціи нѣтъ. Инстанціи другъ другу и ничему стороннему не подчинены. Судъ словесный и гласный. Выборныя лица въ мировые судьи и въ депутаты утверждаются губернаторомъ. — Какъ видите проглядываетъ въ этомъ учрежденіи старая, но не менѣе того, мысль прекрасная, способная къ дальнѣйшему и новѣйшему развитію. Я думаю, что когда это учрежденіе будетъ фактомъ существующимъ, то тогда начнется видимое и истинное движеніе впередъ; ибо: учрежденіе это имѣетъ смыслъ внутренній живой, отсутствіе формы даетъ просторъ и, можетъ-быть, въ первый разъ въ Россіи раздастся громко голосъ правды; а разъ онъ вырвется, трудно будетъ заставить лгать. Въ этихъ судахъ начнутъ перетираться сословія и зна-

марина. *P. S.* Bancal[1]) Dolgorouky — точно, кажется, мой товарищъ".

Отвѣтъ Ю. Ѳ. Самарина на это письмо, вслѣдствіе неаккуратности почты, послѣдовалъ лишь 9-го іюля и лишь черезъ мѣсяцъ былъ полученъ кн. Черкасскимъ, но мы приведемъ его здѣсь, нарушая хронологическую послѣдовательность писемъ, ради болѣе существенной ихъ внутренней связи.

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву и князю Черкасскому *(9 іюля 1858 г.)*:

„Любезные Александръ Ивановичъ и Владиміръ Александровичъ, возвращаю Вамъ Ваши письма. Я прочелъ ихъ со вниманіемъ и отвѣчаю по пунктамъ.

„Въ здѣшней сторонѣ, т.-е. въ уѣздахъ Самарскомъ, Николаевскомъ, Ставропольскомъ и Сызранскомъ (Симбирской губерніи), можно сказать, что рескрипты не произвели никакого дѣйствія на народъ. Барщина исправляется попрежнему, признаковъ нетерпѣливаго ожиданія ни въ чемъ не замѣтно; никогда крестьяне не нанимали на сторонѣ столько земель, какъ въ нынѣшнемъ году и по такимъ высокимъ цѣнамъ. Сотенная десятина (4000 саж.) крѣпкой залежи сдавалась по 10 р. с., посредственнаго степного покоса по 2 р. с. Это я приписываю всеобщему урожаю и благопріятной погодѣ. Глядя на роскошное просо и великолѣпную пшеницу, народъ повеселѣлъ, ободрился и получилъ опять сильную охоту къ работѣ. Со стороны помѣщиковъ злоупотребленія усиливаются вотъ по какимъ статьямъ: мелкопомѣстные сбываютъ людей въ рекруты, а помѣщики внутреннихъ губерній переселяютъ къ намъ крестьянъ на солончаки и пески. Недавно прибыла партія въ 600 человѣкъ изъ Орловской губерніи; ей выданы были на дорогу сухари, которыми они обломали себѣ зубы, и 300 р. с. на водвореніе. Они пришли на голую и

коміться со своими правами. Пока этотъ шагъ не сдѣланъ, я жду и вѣрю въ будущность. Если же этотъ шагъ будетъ сдѣланъ, и поспѣшно — возможна будетъ реакція,— тогда... тогда я право не знаю, что и сказать... лбомъ объ стѣну развѣ.

Я слишкомъ распространился, кажется: Вы, вѣроятно, уже знаете то, что я пишу Вамъ какъ новость; впрочемъ, кромѣ желанія сообщить Вамъ, что знаю, мнѣ хотѣлось высказать Вамъ свои мысли, въ надеждѣ вызвать Вашу на себя критику; много буду благодаренъ, если Вы напишите хоть нѣсколько словъ Вашего мнѣнія по предмету моего письма".

[1]) Bancal — хромой.

притомъ солонцоватую, совершенно негодную для хлѣбопашества степь; избъ не было. Крестьяне объявили, что они не въ силахъ прокормиться, а бурмистръ принуждалъ ихъ къ работѣ и требовалъ содѣйствія полиціи. Губернаторъ велѣлъ выдать крестьянамъ виды, чтобы они, по крайней мѣрѣ, на сторонѣ могли пріискать работу.

„Сестра пишетъ мнѣ изъ Серпухова: теперь въ окрестностяхъ крестьяне рѣшительно отказались выходить на барщину болѣе трехъ дней въ недѣлю, и становой отказался ихъ за то наказывать. Я читалъ и толковалъ рескрипты и циркуляры на четырехъ сходахъ. Слушали съ большимъ вниманіемъ. Готовности выкупать усадьбы я встрѣтилъ болѣе, чѣмъ ожидалъ; но выкупа усадебъ міромъ не одобряютъ, хотятъ покупать ихъ въ личную собственность, каждый домъ про себя. Вообще, боятся уменьшенія поземельнаго надѣла и сильно, очень сильно настаиваютъ на введеніи денежнаго оброка, вмѣсто барщины, лишь бы оброкъ былъ не слишкомъ тяжелъ. Помѣщики, по отзыву людей, хорошо знающихъ край, будутъ не столько настаивать на сохраненіи старыхъ повинностей сколько на уменьшеніи поземельнаго надѣла крестьянъ. Все это доказываетъ, что и здѣсь, въ степной глуши, барщина отжила свой вѣкъ, по крайней мѣрѣ не неизбѣжна, и что вопросъ о землѣ беретъ верхъ надъ вопросомъ о правѣ на личность.

„Все это утѣшительно. Составъ комитета гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ; изъ 16 членовъ 8 рѣшительно стоятъ за освобожденіе съ достаточнымъ надѣломъ землею и за отдачу строенія даромъ. Все это я говорю по слухамъ и по отзывамъ одного изъ членовъ. Другіе еще не съѣхались.

„Обращаюсь къ возбужденнымъ Вами вопросамъ,— о предварительныхъ мѣрахъ, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій.

„Относительно соблюденія трехдневной барщины я согласенъ съ Черкасскимъ, хотя и напоминаніе большой пользы не принесетъ. Относительно перенесенія усадебъ я также согласенъ съ Черкасскимъ, но считаю ограниченіе переселенія, въ предѣлахъ одного имѣнія, десятиверстною дистанціей — излишнимъ, и очень неудобнымъ — въ мѣстахъ скудныхъ водою и гдѣ поля не удобриваются, какъ напр. въ Самарской губерніи.

„Что касается до порядка дальнѣйшаго разсмотрѣнія комитетскихъ проектовъ, то я долго держался мысли о второй со-

вѣщательной инстанціи, или комитетахъ областныхъ, но я теперь отъ нея совершенно отказался въ томъ убѣжденіи, что какъ нельзя миновать центральнаго петербургскаго комитета, то учрежденіе областныхъ только бы замедлило ходъ дѣла. Областные комитеты нужны бы были собственно для постановленія тѣхъ правилъ, которыя должны быть основаны на статистическихъ данныхъ (надѣлъ земли на душу, урочное положеніе, оцѣнка усадебной земли и т. д.); все остальное (личныя права, устройство дворовыхъ, обществъ и т. д.) можетъ быть однообразно. Поэтому я считаю возможнымъ учрежденіе центральнаго комитета, согласно Вашему предположенію составленнаго, съ тѣмъ, чтобы этотъ комитетъ, для обсужденія статистическихъ вопросовъ, раздѣлился бы на отдѣлы: сѣверный, заволжскій, средній, южный и т. д.

„Проживши цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ, я занялся составленіемъ проекта положенія, придерживаясь по возможности, рескриптовъ, циркуляровъ и программы. Теперь онъ у меня совершенно готовъ. Само собою разумѣется, что для статистическихъ данныхъ и пр., для опредѣленія нормальнаго надѣла по уѣздамъ, для оцѣнки усадебъ и т. д. я оставилъ пробѣлы. Вопроса объ устройствѣ уѣздной инстанціи я не касался; кажется, что это дѣло порѣшатъ и безъ насъ. Нечего и говорить, что я свой проектъ держу про себя; вѣроятно, не одну статью передѣлаю во время комитетскихъ совѣщаній и предъявлю его только тогда, когда совѣщанія будутъ подходить къ концу...

„Перечитывая Ваши письма, вижу, что я на одинъ пунктъ не отвѣчалъ. Вы предполагаете общее положеніе, немедленно по его обнародованіи, ввести въ дѣйствіе и находите ненужнымъ составленіе особыхъ положеній для каждаго имѣнія. Я просто этого не вмѣщаю. Мнѣ кажется, это такъ же невозможно, какъ обнародовать положеніе объ income-tax и на другой же день начать сборъ, не справившись тѣмъ или другимъ способомъ, сколько кто получаетъ доходовъ. Отбрасывая всю работу примѣненія общаго положенія къ отдѣльнымъ имѣніямъ, Вы просто парализуете дѣйствіе закона, ибо примѣненіе все-таки необходимо; но махнувъ на него рукою, Вы предоставляете это дѣло помѣщичьему произволу. Тогда все потеряно. Въ настоящей законодательной операціи самый важный моментъ есть именно тотъ, въ который мысль и воля

правительства придетъ въ прямое соприкосновеніе съ жизнью, а Вы тутъ-то и складываете руки. Молодость, горячка, нетерпѣніе!! Приложеніе — самое важное дѣло, и я думаю обратить на него особенное вниманіе. Необходимы исполнительныя комиссіи, которыя бы объѣздили всѣ имѣнія для провѣрки на мѣстѣ составленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ. Но объ этомъ еще успѣемъ переговорить.

„Нашъ комитетъ соберется не раньше 1-го сентября. Завтра или послѣзавтра мы соберемся для составленія программы вопросовъ. Когда она будетъ утверждена, я Вамъ ее пришлю, а Васъ, Александръ Ивановичъ, прошу написать въ свое имѣніе, Новоузенскаго уѣзда, чтобы намъ доставили оттуда самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія, потому что этотъ уѣздъ весьма не благонадеженъ.

„Я вошелъ въ переписку съ Шиншинымъ (по Петербургу), съ Урусовымъ (по Москвѣ), съ Карамзинымъ (по Нижнему) и напишу къ Трубникову въ Казань. Что̀ узнаю интереснаго — буду вамъ передавать. Не скрою, — мое самолюбіе радуется при мысли, что малое, очень малое стадо, заявившее себя подъ знаменемъ *Русской Бесѣды* и *Сельскаго Благоустройства*, выставило трехъ кандидатовъ отъ правительства. Подозрительные люди пригодились“.

Отправивъ Самарину письмо Черкасскаго (отъ 13-го іюня), Кошелевъ въ тотъ же день писалъ князю, вѣроятно, по журнальному дѣлу. Это письмо его пропало, какъ и первое, и мы узнаемъ о немъ только по отвѣту князя отъ *29 іюня 1858 года:*

„Спѣшу, любезный Александръ Ивановичъ, отвѣчать на Ваше письмо отъ 20-го іюня, которое получилъ вчера. Статьи не могу еще послать Вамъ по крайне непріятному обстоятельству: оказалось, что у меня не нашлось здѣсь новаго Эстляндскаго Положенія, и что мои заграничныя книги (о мировыхъ судьяхъ) до сихъ поръ еще не прибыли; а мнѣ для этого дѣла онѣ необходимы. Поэтому немножко задержу эту работу и вышлю попозднѣе. Зато началъ еще краткую записку о курсахъ за границею бумагъ поземельныхъ банковъ, которая, я думаю, также не безполезна, и на-дняхъ вышлю ее (но куда? — въ Москву или Сапожокъ?) Политическое обозрѣніе также началъ готовить, и будетъ своевременно доставлено въ Москву; увѣдомьте, — на чье имя.

„Теперь вотъ еще дѣло, о которомъ хотѣлъ переписаться съ Вами и Самаринымъ. Нашъ губернскій предводитель, Арсеньевъ, объявилъ мнѣ на дняхъ, что будетъ держаться моихъ совѣтовъ, и просилъ меня заняться программою занятій для комитета. Онъ готовъ отступить отъ программы ростовцевской и вести засѣданія инымъ путемъ, если для него кто-нибудь его придумаетъ[1]). Я думаю вотъ какъ: во избѣжаніе отдѣленія усадебъ и для смѣшенія усадебной земли съ прочею общественною (что съ одной стороны, можетъ быть пріятно помѣщикамъ, а съ другой — полезно крестьянамъ, если только дастся имъ право выкупа на всю землю), начать всѣ пренія съ вопроса *объ утвержденіи за крестьянами ихъ крестьянской земли, или извѣстной части ея, безъ различія усадебъ и прочей земли, но съ дарованіемъ права выкупа на всю.* По моему мнѣнію, должно объявить комитету, что вопросъ этотъ не долженъ быть раздробленъ, т.-е. не должно быть отдѣлено утвержденіе уступки въ пользованіи отъ права выкупа (а то комитетъ надуетъ, приметъ первое и откажется отъ второго), такъ какъ это составляетъ одну полную систему, а что иначе должно будетъ слѣдовать программѣ и требовать отъ комитета опредѣлительнаго Положенія объ усадьбахъ. Послѣ утвердительнаго рѣшенія вышесказаннаго вопроса и подробностей, относящихся до земли, можно будетъ обратиться къ личнымъ правамъ крестьянскимъ и прочимъ частямъ. Если Вы и Самаринъ опробуете эту мысль, то напишите, и я составлю родъ программы для опредѣленія порядка вопросовъ; а если кто-либо изъ васъ пришлетъ, то еще лучше. Если же Вы не согласны, то опять же напишите и еще подробнѣе. Мнѣ кажется, что совершенно подчиниться программѣ невозможно и притомъ не выгодно для эмансипаторовъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи всегда остается шансъ возвратиться къ ней, какъ pis aller, и тогда уже, опираясь на нее, какъ на minimum правительственныхъ требованій, сильно настаивать на легальномъ ея характерѣ и на нерушимости ея. Какъ Вы объ этомъ думаете? Ради Бога отвѣчайте скорѣе и подробнѣе.

„По-настоящему — если дѣйствовать систематически, сообразно моему предложенію — слѣдовало бы предлагаемому мною первому вопросу предпослать другой, самый первый — о при-

[1]) См. прилож. № 4. Программу Комитетскихъ занятій.

нятіи основного начала безвозмезднаго отпуска на волю крестьянской личности. Но боюсь, чтобы не вышло разногласія преній, и, пожалуй, чтобы не отвергли.

„Предложенное же мною теперь первоначальное положеніе можетъ, я думаю, быть выражено слѣдующимъ образомъ. Дворянство отдаетъ сельскимъ обществамъ въ вѣчное пользованіе, *кромѣ усадебъ*[1]) *еще количество земли, необходимое для обезпеченія ихъ существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ даруетъ имъ право на выкупъ, на извѣстныхъ условіяхъ, всего этого количества земли.*

„За симъ пойдетъ опредѣленіе этого количества земли и проч. и проч. Какъ Вы объ этомъ думаете?...

„Еще долженъ Вамъ сказать: я думаю вообще — должно предлагать на обсужденіе комитета не вопросы, влекущіе часто къ безтолковымъ отвѣтамъ, а положенія, кои должны быть ими отвергаемы или принимаемы, или положительнымъ образомъ видоизмѣняемы (a mendi)[2]), какъ Вы думаете? Прощайте. Пожалуйста скорѣе отвѣтъ и подробнѣе. О томъ же усердно прошу и Самарина.

„Выборы у насъ 1-го сентября, и ничего предвидѣть еще нельзя. Есть слухъ, что Левшинъ (Ал. Ир.) будетъ на выборахъ, хочетъ быть членомъ комитета и послѣ губернск. предвод. Я былъ бы очень радъ[3]), но боюсь, онъ встрѣтитъ сильную оппозицію отъ всѣхъ охотниковъ на это мѣсто, а ихъ много у насъ. Губернатора нашего я уговорилъ требовать, чтобы комитетъ былъ открытъ немедленно по избраніи членовъ, не давая разъѣзжаться, и, кажется, такъ будетъ. О моихъ отношеніяхъ къ нашему губернскому предводителю, пожалуйста никому не говорите, ибо это у насъ подъ секретомъ, а у него въ Рязани есть родные, кажется Протасьевъ, черезъ коихъ это до него можетъ дойти и повредить дѣлу. Прощайте“.

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ *(4 іюля 1858 г. Москва):*

....„Удивляюсь, что ваши выборы такъ поздно будутъ. Ну не торопятся же! Изъ Рязани вѣсти о выборахъ въ прочихъ

---

[1]) *Зам. Кошелева:* „И уплаты податей“.

[2]) *Зам. Кошелева.* Совершенно справедливо, но намъ невыгодно за это браться.

[3]) Idem. Не раздѣляю этой радости; онъ будетъ больше всѣхъ мѣшать, потому къ несчастію прослылъ эманципаторомъ, а въ сущности колпакъ.

уѣздахъ очень дурны. Это должно опредѣлить нашъ способъ дѣйствія.

„Теперь приступаю къ отвѣту на Ваше письмо.

„Я не думаю, чтобы слѣдовало отступать въ самомъ началѣ отъ программы. Какъ она ни дурна, но наши дворяне сто разъ хуже ея, а потому намъ необходимо уцѣпиться за нее, особенно вначалѣ. Я думаю, что вначалѣ мы должны вести себя какъ можно скромнѣе, давать имъ путать вдоволь, и пуще всего попасть въ члены редакціонной комиссіи. Если мы не попадемъ въ эту комиссію, то наше дѣло плохо. Я намѣренъ вначалѣ быть крайне тихимъ и только на дѣлѣ доказать, что я необходимъ для редакціонной комиссіи. Думаю, что общіе споры неизбѣжны, но они должны имѣть только одно благое дѣйствіе — утомить $^4/_5$ членовъ; пусть эти безплодные споры продолжаются даже два мѣсяца, зато послѣ двинемся скоро и успѣшно, когда мы *по необходимости* возьмемъ дѣло въ руки. Будьте увѣрены, что сперва всѣ на стѣны полѣзутъ, а потомъ поуймутся. Я нахожу, что первая глава Ростовцевской программы для насъ самое удобное и безвредное поле. По моему, особенно вначалѣ, держаться за программу казенную.

„Согласенъ съ Вами, что хорошо бы было соединить усадьбу съ полевою землею, но этого намъ предлагать не должно, а намъ слѣдуетъ отстаивать отдачу усадебъ въ собственность и согласиться на соединеніе въ видѣ уступки. Пусть это предложеніе будетъ отъ нихъ — мы должны противъ него спорить и даже долго, и согласиться нехотя, но съ добавленіемъ права выкупа. Они, какъ настоявшіе на своемъ, согласятся на эту добавку.

„Подписать *вначалѣ* вопросъ о безвозмездномъ освобожденіи личности считаю я дѣломъ совершенно неудобнымъ и крайне неосторожнымъ — лучше оставить этотъ вопросъ до разсмотрѣнія главы *о повинностяхъ*.

„Конечно, *положенія* представлять на обсужденіе лучше, чѣмъ вопросы, но не вначалѣ. Вначалѣ цѣль должна быть одна — утомить дворянъ. Какъ упрыгаются, то дѣло пойдетъ иначе. Занимайте комитетъ пустыми спорами, но не давайте имъ вначалѣ постановлять важныхъ рѣшеній — вотъ, по моему, наша задача въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ. Когда дворяне поупрыгаются, когда они убѣдятся, что сами ничего сдѣ-

лать не могутъ, тогда можно выѣхать съ *положеніями*, а до того вопросы лучше всего, а программа надежнѣйшій руководитель и опора для защиты нѣсколькихъ либеральныхъ мнѣній.

„Въ Москвѣ дѣло идетъ хорошо: членами редакц. комиссіи кн. Урусовъ, Булыгинъ, Ровинскій и Пальчиковъ — лучшіе люди комитета. Ихъ рѣшенія и положенія вообще хороши, и дѣльные люди взяли перевѣсъ, а болтуны, крикуны и пр. умолкли.

„Вотъ мое мнѣніе. Извините, что пишу такъ неразборчиво и безтолково — что дѣлать, заваленъ дѣломъ — не имѣю секунды свободной.

„Пишите ко мнѣ въ Сапожокъ, ибо 8-го въ ночь я ѣду изъ Москвы.

„Письмо Ваше отправляю къ Самарину. Мое пошлите къ нему.

Препровождая письмо кн. Черкасскаго (отъ 29-го іюня) къ Самарину, Кошелевъ писалъ *(8 іюля 1858 г. Москва)*:

„Вотъ, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, письмо Черкасскаго. Я ему отвѣчалъ подробно съ полнымъ несогласіемъ съ его разными мнѣніями. Это письмо мое онъ долженъ къ Вамъ переслать. Слѣдов. здѣсь объ этомъ говорить не будемъ".

Отвѣтъ Ю. Ѳ. Самарина *(отъ 18-го іюля)*:

„Съ мнѣніемъ Черкасскаго о правѣ выкупа земли я совершенно согласенъ въ существѣ, но также не согласенъ съ его предположеніемъ насчетъ образа дѣйствія въ комитетѣ. Въ моей статьѣ объ усадьбахъ[1]) я доказывалъ, что выдѣлить ихъ изъ массы земли, нарѣзанной крестьянамъ въ пользованіе, какъ единственный предметъ выкупа, крайне неудобно и для крестьянъ невыгодно; что дорого не право собственности на усадьбу, а данная возможность сдѣлаться полнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, посредствомъ пріобрѣтенія въ собственность такого количества земли, которое бы обезпечивало крестьянина и его семью. Для устраненія непреодолимыхъ препятствій, сопряженныхъ съ выкупомъ усадьбы, не лишая крестьянъ возможности сдѣлаться собственниками, я желалъ бы, чтобъ имъ предоставлено было право пріобрѣсть всю землю, которая имъ отведется, въ собственность, расквитаться съ помѣщиками, выкупивъ *не свою личность*, и не землю (по ея

---

[1]) Въ „Сельск. Благ." 1858 г., № 3. Соч. Ю. Самарина, т. III, стр. 45.

торговой цѣнности), а *повинность*, которою обложены будутъ крестьяне за пользованіе землею. Повинность представляетъ нѣчто среднее между личностью и землею, какъ предметами выкупа, и на этой данной легче примирить обѣ стороны; далѣе повинность легче оцѣнить, чѣмъ личность и даже чѣмъ землю, ибо повинность будетъ опредѣлена въ точности и непремѣнно на деньги (оброкъ). Наконецъ, повинность *должна быть облегчена* для улучшенія быта крестьянъ, и мѣра ея не можетъ превышать средствъ крестьянъ, тогда какъ высокая цѣнность земли можетъ быть недоступна для крестьянъ. Поэтому я считаю, что выкупъ предварительно *пониженной* и *оцѣненной повинности* для крестьянъ выгоднѣе всего[1]). Съ этимъ убѣжденіемъ я шелъ въ комитетъ, и мое намѣреніе было не стоять за выкупъ усадебной земли, а предложить и отстаивать выкупъ всей крестьянской земли, но теперь я отказался отъ этого образа дѣйствія вотъ по какимъ причинамъ: во-первыхъ, на четырехъ мною собранныхъ сходкахъ крестьяне обнаружили гораздо болѣе готовности выкупать свои усадьбы, чѣмъ я ожидалъ, а какъ скоро они не противъ этой мѣры, я не считаю себя въ правѣ отказывать имъ въ правѣ, которымъ они дорожатъ; во-вторыхъ, на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Самарѣ, я убѣдился, что дворяне не столько опасаются неудобствъ, сопряженныхъ съ выкупомъ усадебъ, сколько оскорбляются мыслью, что крестьянинъ рядомъ съ ними сдѣлается равноправнымъ вотчинникомъ; слѣдовательно, проектъ о выкупѣ *всей* крестьянской земли встрѣтилъ бы несравненно большую оппозицію, чѣмъ самый выкупъ усадебъ[2]). Въ-третьихъ наконецъ, я понялъ совершенно ясно, что какъ ни слаба программа, но голосъ нашъ въ комитетѣ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ крѣпко за нее держаться и какъ можно меньше отъ нея отступать[3]). Вести единовременно споръ съ дворянствомъ и правительствомъ я считаю дѣломъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, въ самарскомъ комитетѣ, оно не по силамъ. Я понимаю, что соблазнительна мысль — на первыхъ же порахъ поставить себя такъ: „Господа, я не стряпчій и не адвокатъ правительства, я не стою за программу, я такой же помѣщикъ, какъ и вы, я готовъ съ вами вмѣстѣ и заодно искать

[1]) *Зам. Кошелева.* „Совершенно согласенъ“. [2]) Idem. „Конечно“. [3]) Idem. „Совершенно справедливо“.

лучшаго для насъ разрѣшенія", но думаю, что это ошибка; дворянство обрадуется уступкѣ, завтра потребуетъ другой, на третій день — третьей, а Вамъ ни іоты не уступить[1]).

„Поэтому я рѣшился настаивать, чтобы въ порядкѣ занятій и въ самомъ существѣ дѣла комитетъ держался программы, по крайней мѣрѣ, сколько возможно. Мнѣ кажется, что какова бы она ни была, въ рамки ея можно втиснуть если не все желанное, то по крайней мѣрѣ все необходимое на первое время и достаточное для опредѣленія дальнѣйшихъ мѣръ. По мѣрѣ разсмотрѣнія вопросовъ, я буду протестовать и подавать краткія мнѣнія, а къ концу, когда редакціонная комиссія (въ которой я не буду участвовать) представитъ свой проектъ, я внесу единовременно свой полный, обработанный проектъ и потребую, чтобы онъ былъ принятъ или представленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ комитетскимъ. Онъ теперь у меня конченъ, и я занимаюсь окончательною его редакціею. Вотъ главныя положенія статьи объ усадьбахъ:

„1) Усадебная земля отводится каждому селенію порознь въ мірское пользованіе[2]) и отдѣляется отъ угодій одною окружною межою. 2) Усадебная земля цѣнится наравнѣ съ самою дорогою пахотною[3]), а въ приволжскихъ мѣстахъ вдвойнѣ. 3) Оброкъ за пользованіе усадебною землею исчисляется, особо отъ повинностей за прочія угодья, изъ 6% оцѣночной суммы усадебной земли, уплачивается міромъ и всегда деньгами. 4) Если крестьянинъ изъявитъ желаніе выкупить свою усадьбу, то оцѣнка ея производится старшинами, безъ участія помѣщика[4]). Старшины цѣнятъ, что̀ хотятъ и какъ знаютъ, но выгонъ остается въ общемъ пользованіи; уплаченный хозяиномъ выкупъ вносится въ господскую контору и вычитается изъ капитальной стоимости усадебной земли, обложенной 6%-нымъ оброкомъ. Напр. если оброкъ за всю усадебную землю составляетъ въ годъ 300 руб., и если выкупленная усадьба оцѣнена въ 90 руб., то впредь общество будетъ вносить оброка не 300 руб., а 294 руб. 60 коп.

[1]) *Зам. Кошелева.* „Я думаю, что никакая *абсолютная* система не годится, должно и держаться за программу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ нея отступать: *pas de système* во французскомъ смыслѣ этого слова".

[2]) Idem. „Такъ".

[3]) „Хорошо, но на это не согласятся; не бѣда если и вдвое".

[4]) Idem. „По-моему, вовсе не такъ. Усадьбы должны быть *мірскою собственностью*, а потому и выкупаться міромъ".

„На этихъ основаніяхъ составлена въ моемъ проектѣ глава объ усадьбахъ; но въ приложенной къ нему объяснительной запискѣ я говорю, что вся эта глава составлена единственно во исполненіе требованія правительства, что выкупъ усадебъ неудобенъ и невыгоденъ по такимъ-то причинамъ, и что гораздо лучше предоставить крестьянамъ право выкупить всю отведенную имъ землю на такихъ-то и такихъ-то основаніяхъ[1]).

„Мысль Черкасскаго, чтобы вносить въ комитетъ и подвергать обсужденію не вопросы, а заготовленные проекты отвѣтовъ на вопросы, совершенно вѣрна, но опасно намъ брать это дѣло на себя. Наше положеніе будетъ не выгодно, свѣжія силы и благородный пылъ дворянства обратятся въ критику, и разбивши насъ въ пухъ и прахъ, они de guerre lasse примутъ какой-нибудь вздоръ,— я хочу имъ дать выболтаться и внести окончательно выработанный проектъ къ концу, когда они будутъ озабочены редакціею и увидятъ, что изъ всѣхъ ихъ постановленій нѣтъ возможности сдѣлать что-либо путное. Тогда, какъ почти единственный грамотный человѣкъ въ комитетѣ, я буду имѣть большое преимущество“.

IV.

Тѣмъ временемъ реакція въ Петербургѣ дѣлала свое дѣло: Кошелеву вернули 12 статей съ полнымъ запрещеніемъ и 5 съ такими вымарками, что въ такомъ видѣ ихъ и печатать не стоило. Изливая свою досаду, Кошелевъ писалъ къ Черкасскому *(1 іюля 1858 г.)*:

„Два №№, 5 и 6, я издаю въ самомъ жалкомъ видѣ, а потомъ придется закрыть журналъ, ибо дозволяютъ говорить противъ крестьянъ, противъ эмансипаціи, противъ началъ, положенныхъ въ рескриптахъ, а строжайше запрещаютъ что-либо писать въ пользу крестьянъ и эмансипаціи. Слова: освобожденіе отъ крѣпостной зависимости — вычеркиваются. Ну что говорить послѣ этого? просто ужасъ!

---

[1]) *Замѣтка Кошелева:* „Согласенъ на окончаніе; не могу согласиться на то, чтобы было сказано, что выкупъ усадебъ для крестьянъ не выгоденъ вообще. Нѣтъ, усадьба выкупленная есть точка къ которой всегда можно надѣть рычагъ и имъ добыть для крестьянъ поземельную собственность. Нѣтъ, этой точки намъ никогда не должно хулить и уступать“.

„Вы обѣщали статью къ 1-му іюля. Пришлите ее поскорѣе. Теперь Крузе, который своимъ мѣстомъ вовсе не дорожитъ, рѣшился безъ Петербурга пропустить мнѣ два номера. Быть можетъ, что онъ пропуститъ и Вашу статью. Присылайте ее поскорѣе ко мнѣ въ Москву".

Однако, продолжать журналъ при такихъ условіяхъ было трудно. Изъ 10 статей, присланныхъ для 7-го и 8-го №№, только 2 могли поступить въ печать. Кошелевъ рѣшился подать прошеніе на Высочайшее имя объ измѣненіяхъ цензурныхъ правилъ. Въ письмѣ отъ 4-го іюля онъ, между прочимъ, писалъ Черкасскому:

„Теперь я рѣшился исправлять статьи, ибо иначе ни одна статья не можетъ быть напечатана, по неумѣнію гг. помѣщиковъ писать цензурно.

„Ваши статьи для меня необходимы. Напишите хоть сколько-нибудь незатѣйливыхъ статей о предметахъ, теперь подлежащихъ общему обсужденію. Вы такихъ статей можете написать по парѣ въ недѣлю, а онѣ необходимы, ибо на 7-й и 8-й у меня очень мало статей. Ради Бога пишите. Статьи высылайте ко мнѣ въ Сапожокъ, а отъ меня летаютъ эстафеты въ Москву".

Кн. Черкасскій отвѣчалъ *11-го іюля:*

„Спѣшу, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, парою словъ отвѣчать на письмо Ваше отъ 4-го іюля Сію минуту дописалъ я послѣднія строки своей статейки „О биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ" [1]). Старался писать ее какъ можно искуснѣе, дабы цензура пропустила; полагаю, что если Крузе не перемѣнился совершенно, то онъ долженъ непремѣнно все пропустить. Намековъ много на наши кредитныя учрежденія и на необходимость финансовой операціи, и даже обозначено существо послѣдней, но безъ прямого выраженія всего этого. Между тѣмъ, полагаю, что по предмету своему статья будетъ не безполезна для публики и по нѣсколько научному характеру окажется и не лишнею для „Благоустройства". Писать ее было не головоломно, но скучненько, потому что факты нужно было собирать по крохамъ кой-гдѣ. Впрочемъ, какова есть — сами судите. По моему соображенію, должно выйти 18 или 20 страницъ печатныхъ. Вы заказываете двѣ маленькія

[1]) Въ этой статьѣ князь старался популяризировать идею выкупа.

статьи, но забываете, дражайшій, что заказали уже обозрѣніе и велѣли непремѣнно написать. Такъ какъ же быть? Хоть мнѣ и скучнѣе писать обозрѣніе, но я съ завтрашняго дня сажусь за него и вышлю уже прямо въ Москву, напишите — къ кому.

„Съ Вашимъ отвѣтомъ насчетъ образа дѣйствія въ комитетѣ я, признаюсь, и до сей поры не совсѣмъ согласенъ. Онъ вѣренъ, если будутъ выбраны круглые олухи, или явные враги эманципаціи. Но я все еще надѣюсь, что у насъ выборы будутъ порядочные и что можно будетъ въ тульскомъ комитетѣ дѣйствовать нѣсколько правильно. Только на этотъ случай и предлагаю я сказанный образъ дѣйствія. Конечно, весьма важно попасть въ редакціонную комиссію и должно прежде всего о томъ стараться, но если бы можно надѣяться на порядочный составъ комитета, то комиссія, по моему мнѣнію, должна бы быть выбрана сейчасъ, коей поручено составить самый проектъ Положенія и тогда уже баллотировать не вопросы, а статьи Положенія. Я надѣюсь, что это будетъ у насъ возможно. Но, конечно, все яснѣе обозначится (а съ нимъ и образъ дѣйствій) послѣ выборовъ и въ теченіе первыхъ засѣданій, во время преній объ образѣ дѣлопроизводства, на которомъ можно будетъ узнать приблизительно и мнѣніе каждаго и на чьей сторонѣ будетъ большинство. Если имѣть послѣднее на своей сторонѣ, то можно дѣйствовать сильнѣе.

„Въ такомъ случаѣ предложеніе начальное, о коемъ я писалъ, вовсе не нужно дѣлать мнѣ самому; его всегда можно сдѣлать черезъ другое лицо, оставаясь самъ въ сторонѣ.

„Впрочемъ прощайте. Пора кончать, еще много впереди писемъ. Статья моя уже со вчерашняго дня переписывается; съ слѣдующею почтою *непремѣнно* высылаю ее Вамъ въ Сапожокъ.

„Вы говорите — оставить вопросъ о безвозмездномъ личномъ отпускѣ крестьянъ до главы о повинностяхъ. Но, во-первыхъ, какъ безъ этого рѣшить первую главу? и даже вторую? Совершенно невозможно. Во-вторыхъ, я почти увѣренъ, что у насъ противъ безвозмездной личной свободы крестьянъ (не дворовыхъ) едва ли кто станетъ спорить. — Кн. В. Ч.“

Въ виду скораго открытія комитета, А. И. Кошелевъ рѣшился въ іюлѣ передать редакцію „Бесѣды“, а также все управленіе конторой какъ „Бесѣды“, такъ и „Благоустрой-

ства“ И. С. Аксакову, который, однако, не согласился на предложеніе Кошелева взять „Бесѣду“ совсѣмъ на свое имя, офиціальнымъ способомъ, отчасти потому, что смотрѣлъ на журналъ какъ на общее дѣло и боялся, что его имя придастъ ему личный характеръ и смутитъ какъ правительство, такъ и сотрудниковъ, а также и потому, что „Бесѣда“ была въ нѣкоторомъ родѣ благотворительнымъ учрежденіемъ, которое не могло существовать безъ матеріальной поддержки Кошелева. Обо всемъ этомъ И. С. Аксаковъ подробно писалъ Черкасскому *(17-го іюля)*, жалуясь на недостатокъ годныхъ матеріаловъ и постоянныхъ сотрудниковъ:

„Я согласился быть редакторомъ *Бесѣды* на полныхъ независимыхъ правахъ хозяина, но подъ фирмою Кошелева, и, такъ какъ „Бесѣда“ есть дѣло общее — подъ нравственнымъ контролемъ главныхъ участниковъ“.

И. С. Аксакову главнымъ образомъ хотѣлось оживить славянскую часть журнала.

„... Статей по этой части довольно, писалъ онъ, но все отрывочныя, безъ связи между собою, не переведенныя, а переводчиковъ у насъ нѣтъ, кромѣ Безсонова, оттого всѣ имѣющіяся статьи подъ названіемъ „Новости литературы“ писаны *не менѣе* года тому назадъ, а есть и по два года. Кромѣ Гильфердинга статей живыхъ нѣтъ (кромѣ одной — Маличевскаго, которую Вы и прочтете въ № 3). Между тѣмъ необходимо этотъ вопросъ сдѣлать какъ можно болѣе популярнымъ, изъ области археологической низвести въ жизнь, придать ему значеніе политическое и т. п. Теперь онъ въ ходу и того, и, гляди, „Русскій Вѣстникъ“ и петербургскіе журналы займутся имъ какъ моднымъ вопросомъ и перещеголяютъ насъ. Я хотѣлъ бы въ объявленіи на будущій годъ изданія „Бесѣды“ объявить, что открывается при конторѣ „Бесѣды“ контора славянская, которая была бы посредницей между славянами и русскими и, наоборотъ, складочнымъ мѣстомъ для пожертвованій и проч. и проч. Словомъ, „Бесѣда“ была бы политическимъ центромъ славянъ и настоящимъ двигателемъ. Для этого нужно, разумѣется, обезпечить себя вѣрными сношеніями, имѣть вездѣ комиссіонеровъ и имѣть человѣка, который къ этому дѣлу такъ и былъ бы приставленъ, читалъ бы всѣ славянскія газеты, переводилъ, дѣлалъ бы обозрѣнія славянской журналистики и проч. и проч. Такого человѣка нѣтъ.

Бодянскій жалуется на недостатокъ учениковъ. Хотѣлъ я заказать статьи: обзоръ журналистики славянской да еще статью о Пражскомъ сеймѣ и славянскомъ движеніи 1848 г., да некому здѣсь. Надобно заказывать за границей".

Въ заключеніе Аксаковъ убѣждалъ князя начать готовить цѣлый рядъ журнальныхъ статей на 1859 г. и притомъ онъ желалъ заручиться его сотрудничествомъ для своего „Паруса".

„Если Вы не будете приправлять „Русской Бесѣды и „Паруса" Вашими статьями или хоть статейками — дѣло пойдетъ плохо"...

Такимъ образомъ теперь уже съ двухъ сторонъ на князя сыпались все новыя и новыя журнальныя требованія. Отправивъ статью „О биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ" [1]), онъ тотчасъ же засѣлъ за обозрѣніе для „Бесѣды", но, къ великому огорченію И. С. Аксакова, не дописавъ, уничтожилъ его и принялся писать другую статью [2]).

„Ради Бога, — молилъ Аксаковъ, — не поступайте такъ же безжалостно и съ Вашею статьею о восточномъ вопросѣ, когда придетъ и ей пора явиться на свѣтъ Божій... Я полагалъ бы помѣщать политическія обозрѣнія по третямъ года... Какъ хотите, драгоцѣннѣйшій князь, а Вы должны взять на себя эту обязанность. Ваша статья о биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ уже набирается и будетъ помѣщена въ 7 № „Сельскаго Благоустройства", который выйдетъ около 15-го августа. Прекрасная статья и понятная даже для насъ, профановъ. Мнѣ она такъ понравилась, что я отъ имени редакціи сдѣлалъ примѣчаніе: „Считаемъ долгомъ обратить на эту замѣчательную статью особенное вниманіе лицъ, занимающихся высшими финансовыми соображеніями въ Россіи..." А то, вѣдь, пожалуй, и не прочтутъ".

---

[1]) Эта статья опоздала для 7 № „Сельскаго Благоустройства" и вышла въ № 8. Князь отправилъ ее Кошелеву только 18-го іюля, при чемъ писалъ: „Посылаю Вамъ, сударь мой, мою статью. Вы, небось, браните меня заочно, что такъ долго не отправляю ее. Виновато въ томъ мое желаніе сдѣлать дѣло полнѣе: уже я было отчаялся получить книгу Чайковскаго и такъ было и написалъ и хотѣлъ отправить, вдругъ приходитъ увѣдомленіе, что книга ко мнѣ на дняхъ будетъ. Поэтому я дождался ея и пополнилъ свою статью выпискою изъ нея о курсѣ закладныхъ листовъ царства Польскаго. Не знаю, похвалите Вы за это или побраните. Прощайте. Будьте здоровы. Занимаюсь обозрѣніемъ; въ первыхъ дняхъ августа оно будетъ въ Москвѣ у Ив. Серг.

[2]) Узнаемъ о томъ по письмамъ Аксакова, по которымъ видно, что въ архивѣ князя недостаетъ его отвѣтныхъ писемъ Аксакову.

Кошелевъ въ свою очередь былъ очень доволенъ этой статьей, о чемъ писалъ князю *24 и 27-го іюля*. Въ то время журнальныя нападки сильно его допекали, и онъ жаловался:

„Читали ли Вы статью „Отечественныхъ Записокъ“ противъ меня и проч.? Что̀ за безумная статья; хлещетъ по всѣмъ тремъ (или вѣрнѣе: по всѣмъ) и восхищается Серг. Павл. Шиповымъ. Ну какъ такія нелѣпости можно печатать.

„Вообще въ литературѣ начинаютъ сильно нападать на меня и вообще на „Сельское Благоустройство“. Одни говорятъ, что я не обращаю никакого вниманія на помѣщиковъ, а другіе винятъ меня въ пристрастіи къ помѣщичьимъ интересамъ. И нѣтъ почти ни одного безпристрастнаго, разумнаго голоса! — Еще грустно то, что литература, т.-е. *собственно литература*, стала въ какое-то странное, глупое положеніе по этому вопросу. Ей бы слѣдовало поддерживать либеральное направленіе, а журналы дѣйствуютъ по своимъ личнымъ выгодамъ. Право грустно!“

Отправивъ Кошелеву свою финансовую статью, кн. Черкасскій въ тотъ же день писалъ Самарину:

18 іюля 1858 года, с. Клинъ.

„Любезнѣйшій Юрій Ѳеодоровичъ! Крайне виноватъ передъ Вами. Сейчасъ нашелъ у себя письмо Кошелева, полученное съ недѣлю и которое я до сихъ поръ забылъ къ Вамъ отправить. Но дабы загладить свою вину, прилагаю при семъ слѣдующія книги: во-первыхъ, книгу о Кириллѣ и Меѳодіи, которую посылаетъ Вамъ А. О. Смирнова, — она со всѣми моими заграничными книгами только лишь вчера получена мною; во-вторыхъ, два тома прусской (очень хорошей) статистики, гдѣ загнуто мною въ каждомъ томѣ по нѣскольку страницъ для пополненія, въ трудѣ Вашемъ о Пруссіи, тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыхъ, помнится, Вы говорили мнѣ, что не могли нигдѣ сыскать. Душевно буду радъ, если это Вамъ пригодится; а кажется пригодится навѣрное. Ради Бога только, выписавши, что Вамъ будетъ нужно, вышлите мнѣ мои двѣ книжицы обратно немедленно, ибо они мнѣ самому очень нужны. Я бы самъ выписалъ для Васъ здѣсь изъ нихъ полезныя свѣдѣнія, но полагаю, что для Васъ нагляднѣе будетъ въ книгѣ; да и къ тому же мнѣ некогда. Кромѣ множества дѣлъ, найденныхъ мною по возвращеніи изъ-за границы, работаю понемногу и для Кошелева. Съ сегодняшнею

почтою отправляю къ нему для „Благоустройства“ статью: „О биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ въ Германіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаю для „Бесѣды“ политическое обозрѣніе. Вотъ почему пишу къ Вамъ теперь только эти двѣ строки. Кошелевъ исправно пересылаетъ мнѣ Ваши рапорты. Видно, во всей святой Руси идетъ теперь одно: вездѣ дворянство взялось за умъ не на шутку, и съ помощью Петербурга, намѣревается отстаивать свою старину. Сію минуту получилъ письмо изъ Орла отъ И. С. Тургенева, и тамъ то же, что у Васъ: что̀ въ Рязани и у насъ[1]). Съ нетерпѣніемъ ожидаю нашихъ выборовъ и боюсь, чѣмъ далѣе идетъ въ оттяжку, тѣмъ мрачнѣе будутъ выборы. Я, по крайней мѣрѣ, уговорилъ Дарагана послѣ сентябрьскихъ выборовъ не откладывать (какъ просили предводители) открытія комитета, для пополненія будто бы статистическихъ свѣдѣній, но открыть его сейчасъ, не давая никому разъѣзжаться.

„А что̀ скажете о смерти Иванова? Видно, и впрямь душна атмосфера!... Уже изъ Рима, гдѣ видѣлъ я его каждый день, ѣхалъ онъ сюда къ намъ какъ осужденный и живо предчувствовалъ себѣ конецъ. Никогда не забуду его страха при мысли о возвращеніи въ Россію! Говорятъ, на другой день по смерти его ему принесли орденъ св. Владимира и 30.000 руб.

---

[1]) И. С. Тургеневъ писалъ князю Черкасскому: „9 іюля 1858 г., с. Спасское. Очень обрадовало меня Ваше письмо, любезный князь, напомнило мнѣ наше житье въ Римѣ, другіе дни, другіе сны. Спѣшу отвѣчать Вамъ, ибо высчитываю, что вслѣдствіе близости разстоянія письмо отсюда въ Веневъ идетъ недѣльки двѣ. Не пеняйте на меня, что я къ Вамъ не заѣхалъ; я былъ не одинъ, да и притомъ мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе попасть домой. На другой же день послѣ моего пріѣзда, я поскакалъ въ Орелъ въ надеждѣ застать тамъ комитетскіе выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, какъ оно и слѣдовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самыхъ озлобленно отсталыхъ — и едва ли не единственнымъ представителемъ прогресса въ орловскомъ комитетѣ, какъ и въ другихъ комитетахъ, будетъ лицо, назначенное правительствомъ, а именно Ржевскій. Въ странное время мы живемъ. Слышанныя мною въ Орлѣ и другихъ мѣстахъ слова и мнѣнія представляютъ мало отраднаго; впрочемъ, qui vivra verra!... Сегодня прочелъ въ газетахъ о смерти Иванова — и совершенно оглушенъ этимъ ударомъ, особенно послѣ словъ Вашего письма. Что̀ значитъ эта смерть? Ужъ полно, холера ли это? Не отравился ли онъ? Бѣдный! Вспоминаю я его ужасъ при мысли о Петербургѣ, его предчувствія: онѣ сбылись. А мы еще такъ недавно въ Петербургѣ давали въ честь его обѣдъ, пили его здоровье. Нѣтъ! рѣшительно ни Россіи, ни... (два не разобранныхъ въ рукописи слова) не везетъ“.

за его картину! Любопытно бы знать, было ли все это назначено ему до смерти, или вызвано этимъ страшнымъ ударомъ. А данное двумя мѣсяцами, быть можетъ и нѣсколькими днями ранѣе, оно бы совершенно успокоило его, разсѣяло бы то тревожное состояніе, въ которомъ онъ жилъ уже цѣлый годъ и, вѣроятно, избавило бы его отъ холеры, а Россію отъ значительной утраты. Нѣтъ, не водко еще отечество наше на независимыя дарованія, и скоро ли будетъ иначе?[1]) Замѣтили ли Вы также въ № 28 „Атенея“ предпослѣднее письмо Карамзина, единственное, въ которомъ можно найти нѣчто похожее на жалобу на свое удаленіе отъ *дѣятельнаго* политическаго поприща? Также довольно любопытно!

„Но я заболтался, прощайте, будьте здоровы. Жена, которая сегодня отправляется въ Вашей сестрѣ, усердно Вамъ кланяется, а я васъ обнимаю душевно. Всегда преданный кн. *В. Черкасскій.*

„Читали ли Вы статью о сельскомъ духовенствѣ, напечатанную за границей? Воображаю остервененіе всего нашего духовенства!

Это письмо кн. Черкасскаго, вмѣстѣ съ книгой die Preussische Statistik, поздно дошло до Самарина. Въ письмѣ отъ *16-го августа* онъ благодаритъ за нее Черкасскаго и пишетъ:

„...Комитетъ нашъ открывается 25-го сентября, свѣдѣнія доставляются ужасно медленно или, точнѣе, вовсе не доставляются. Я взялся составить сводъ по Самарскому уѣзду, и до сихъ поръ предводитель не доставилъ мнѣ ни одного описанія. Все здѣсь изумительно смирно. Наряды изъ 2-й половины идутъ своимъ порядкомъ, работы исполняются такъ же скверно, какъ и прежде но не хуже; сѣченіе не уменьшается и не усиливается. Однимъ словомъ, нѣтъ ни малѣйшаго признака, по которому бы можно было заключить, что готовится или ожидается что-нибудь новое, небывалое[2]). Назовите это, какъ хотите: равнодушіемъ, недо-

[1]) Подъ этими словами, рукою княг. Е. А. Черкасской сдѣлана позднѣйшая приписка: „Самая смерть князя и его положеніе въ послѣднюю многотрудную эпоху его жизни служатъ горькимъ отвѣтомъ“.

[2]) Кошелевъ объ этомъ предметѣ писалъ (27-го іюля): „Не знаю, какъ барщина идётъ въ Вашихъ краяхъ, а у насъ едва-едва она справляется. Число больныхъ доходитъ до невѣроятія, а дѣлать нечего, развѣ призывать земскую полицію. Порятъ у насъ вдоволь, и дѣло такъ не можетъ продолжаться. Даже я опасаюсь за осень; во время храмовыхъ праздниковъ могутъ быть большіе безпорядки“.

вѣрчивостію, покорностію, но это настроеніе меня озадачиваетъ и смущаетъ. Неужели и теперь не сбудутся наши надежды на всеобщее оживленіе, на пробужденіе умственныхъ и производительныхъ силъ? Худо, если такъ!

„Я получилъ на дняхъ извлеченіе изъ постановленій московскаго комитета. Нельзя сказать, чтобы Бѣлокаменная отличилась. C'est maigre, incomplet, vague, diffus et ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'à chaque ligne vous voyez percer un parti pris de ne jamais aborder de front les questions difficiles et d'éviter tout ce qui pourrait exiger un travail sérieux. La paresse et la nonchalance triomphent même de la cupidité [1]). Вы такъ и читаете промежъ строкъ: что хотите, то и дѣлайте, только, ради Бога, поскорѣе избавьте отъ трудовъ и хлопотъ. Коли хотите, и эта боязнь труда можетъ въ искусныхъ рукахъ сдѣлаться сильнымъ рычагомъ, но все это очень грустно. Вѣдь это признаки неизлѣчимой болѣзни одряхлѣвшаго общества. Давайте будить, что есть силы!“

А. И. Кошелевъ въ свою очередь писалъ кн. Черкасскому 13-го августа [2]):

„...Теперь, дражайшій князь, *намъ* необходимо писать во всѣ лопатки, ибо статьи антилиберальныя берутъ верхъ. Я получаю ихъ въ изобилiи и не знаю, что̀ съ ними дѣлать, а статей благонамѣренныхъ крайне мало. Я слезно прошу и Васъ и Самарина мнѣ помочь, ибо иначе и „Сельское Благоустройство“ сдѣлается плантаторскимъ журналомъ. Одному и у каши не споро.

„Знаете: необходимо теперь написать статью объ оцѣнкѣ барщинной и вольнонаемной работы. На этомъ конькѣ всѣ анти-эмансипаторы поѣхали, какъ Вы видите изъ „Журнала землевладѣльцевъ“, и требуютъ вознагражденій за 140 барщинныхъ дней по цѣнѣ вольнонаемной работы. Необходимо ихъ на этомъ пунктѣ поколотить.

---

[1]) Все блѣдно, неполно, смутно, размазано, и что грустнѣе всего, это что въ каждой строкѣ проглядываетъ предвзятое намѣреніе не подходить прямо къ труднымъ вопросамъ и избѣгать всего, что могло бы потребовать серьезнаго труда. Лѣнь и безпечность торжествуютъ надъ корыстью.

[2]) Письмо это начинается словами: „Письмо Ваше отъ 4-го августа я получилъ, дражайшій князь, и препровождаю его сегодня къ Самарину съ изъявленіемъ *полнѣйшаго согласія* со всѣми Вами изложенными мнѣніями“. — Письмо князя, отъ 4-го августа, утрачено.

„Не худо бы также поколотить нашихъ противниковъ и на слѣдующемъ пунктѣ: желаніе освободить крестьянъ *безъ земли* начинаетъ брать верхъ. Это тѣмъ опаснѣе, что подобный вѣтеръ подулъ и изъ Питера. Пожалуй, запретятъ объ этомъ писать, а теперь, пока можно“.

ГЛАВА II.

I. Статья кн. Черкасскаго: „Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія“. — II. Открытіе комитетовъ въ Рязани и Тулѣ. — III. Обмѣнъ писемъ по вопросамъ объ устройствѣ дворовыхъ, административной единицѣ и общинномъ землѣвладѣніи. Извѣстія о Тульскомъ и Рязанскомъ комитетѣ. Уѣздный съѣздъ въ Веневѣ. Свѣдѣнія собираются туго.

Отъ кн. Черкасскаго — Кошелеву. *18 августа 1858 года.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, тысячу лѣтъ нѣтъ вѣстей ни отъ Васъ, ни отъ Самарина, несмотря на то, что и тому и другому отправилъ я разныя книги и не знаю даже — получили ли Вы и здоровы ли оба. Не знаю также, куда отправлять къ Вамъ въ скоромъ времени готовую статью мою „О сельской и мѣстной полиціи“, въ Сапожокъ или Рязань? Ожидаю на этотъ вопросъ отвѣта отъ Васъ и притомъ поскорѣе. Пожалуйста, не полѣнитесь.

„У насъ третьяго дня былъ первый съѣздъ, 26-го и 27-го будутъ еще два, а къ 1-му сентября собираемся въ Тулѣ для выборовъ депутатовъ и немедленнаго открытія комитета. Уѣздный съѣздъ предвѣщаетъ менѣе хорошаго выбора, чѣмъ я ожидалъ, быть можетъ, даже много положительно худого.

„Назначенный было мнѣ въ товарищи по комитету кн. П. Долгоруковъ отказался письмомъ къ губернатору, подъ предлогомъ, что онъ, не раздѣляя мнѣній программы, не можетъ защищать ее отъ имени правительства въ комитетѣ — съ приложеніемъ еще разныхъ сужденій о необходимости гласности бюджета и проч. Но, говорятъ, онъ надѣется быть избранъ въ своемъ съѣздѣ и засѣдать въ комитетѣ въ качествѣ выборнаго депутата.

„Что скажете о новыхъ откупахъ? Кажется едва ли не послѣдніе торги, судя уже по самому безразсудству наддачъ, которыя едва ли поведутъ къ чему доброму“...

Статья, которую кн. Черкасскій кончилъ и которая подъ заглавіемъ „*Нькоторыя черты будущаго сельскаго управленія*“, появилась въ № 9 „Сельскаго Благоустр.“, произвела великій шумъ въ тогдашней журналистикѣ. Но, къ сожалѣнію, то, что составляло самую суть статьи, затронувшей одну изъ важнѣйшихъ сторонъ предпринятаго преобразованія, осталось какъ бы незамѣченнымъ, и все негодованіе журнальныхъ критиковъ обрушилось на одну изъ ея подробностей, а именно, на тѣ пункты, гдѣ князь предлагалъ въ видѣ временной мѣры и въ ограниченномъ закономъ размѣрѣ сохранить еще за помѣщиками право тѣлеснаго наказанія крестьянъ. Произвольно выхваченное изъ цѣлаго, мѣсто это выступило въ преувеличенномъ видѣ, какъ бы главнымъ тезисомъ статьи кн. Черкасскаго и, толкуемое вкривь и вкось, долго служило орудіемъ врагамъ и недоброжелателямъ князя, не мало способствуя къ затемнѣнію его образа и на этотъ разъ уже не со стороны крѣпостническаго, а либеральнаго тогда лагеря „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“.

Мы постараемся представить здѣсь возможно полнѣе главныя черты предположеннаго княземъ сельскаго управленія; такъ какъ взгляды его на этотъ предметъ представляютъ особенный интересъ. Впослѣдствіи, въ редакц. комиссіяхъ, князь участвовалъ въ составленіи докладовъ министр. отдѣленія, но тамъ, быть можетъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, ему пришлось считаться съ чужими мнѣніями и требованіями и сдѣлать, по его словамъ, „уступки міру, хотя и съ сохраненіемъ своихъ личныхъ убѣжденій [1])“.

Въ то время, какъ вопросы о необходимости надѣлить крестьянъ землею, о размѣрѣ надѣловъ, объ общинномъ землевладѣніи, выкупѣ усадебъ, устройствѣ дворовыхъ и проч., съ самаго опубликованія рескриптовъ заняли общественное вниманіе и всесторонне обсуждались въ литературѣ — вопросъ о будущемъ полицейскомъ и судно-полицейскомъ устройствѣ сельской жизни оставался какъ бы въ тѣни. Невозможность, согласовать будущую сельскую организацію съ одряхлѣвшими уже губернскими учрежденіями, смутно сознавалась всѣми, но множество практическихъ трудностей, многосложность этого вопроса, какъ бы отпугивали отъ него общественное вниманіе.

---

[1]) См. его письма къ Кошелеву отъ 13 и 16 февраля 1862.

Высказывая свои взгляды и мнѣпія объ этомъ предметѣ кн. Черкасскій не льстилъ себя надеждой найти полное и удачное разрѣшеніе этой задачи, но полагалъ

„что трудъ его будетъ уже и тогда полезенъ, если онъ только вызоветъ болѣе дѣятельное состязаніе на этомъ поприщѣ, ибо всякое возбужденное имъ опроверженіе или дополненіе будетъ въ настоящую минуту, безъ сомнѣнія, драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для вопрошеннаго правительствомъ общественнаго мнѣнія".

Главныя требованія, предъявленныя княземъ будущей сельской организаціи, которыя, по его мнѣнію, не могли быть безнаказанно упущены изъ виду, были слѣдующія:

1) Дворянству должно быть предоставлено преимущественное право мѣстнаго наблюденія за интересами сельскаго сословія и мѣстнаго суда надъ нимъ, но въ новыхъ просвѣтленныхъ формахъ и съ перенесеніемъ, по возможности, на все дворянское сословіе тѣхъ изъ прежнихъ правъ, которыя раньше принадлежали каждому отдѣльному помѣщику и будутъ еще сочтены совмѣстными съ новымъ порядкомъ вещей. 2) Должно по возможности оградить крестьянъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ профессіональнымъ чиновничествомъ. 3) Крестьяне должны быть обезпечены противъ сословныхъ злоупотребленій подчиненіемъ дворянскихъ выборовъ, на мѣстныя земскія должности, контролю какъ правительства, такъ и самого крестьянства, въ границахъ, заранѣе опредѣленныхъ закономъ. 4) Новыя учрежденія должны быть такъ устроены, чтобы содѣйствовать сближенію, а не разъединенію сословій. 5) Мѣстное устройство должно быть непремѣнно основано на спасительномъ для государства началѣ мѣстнаго самоуправленія, въ ущербъ всякой мертвящей централизаціи. 6) Первообразной единицей сельской жизни и управленія должно быть признано, не вымышленное какое-либо географическое подраздѣленіе, но единица живая, уже существующая, носящая извѣстный историческій характеръ. 7) Вся общинная автономія должна быть здѣсь сосредоточена, и потому не должно воздвигать другъ надъ другомъ нѣсколько общинъ, какъ бы нѣсколько административныхъ ярусовъ или инстанцій, порождающихъ лишь лишніе проволочки и расходы. 8) Сельское и мѣстное управленіе и судъ должны быть крайне сподручны лицамъ управляемымъ. Быстрота, гласность и дешевизна должны составлять главное достоинство учрежденія. 9) Онѣ должны быть снабжены всевозможными ручательствами, но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, система народнаго представительства здѣсь должна быть по возможности упрощена и согласована съ дѣйствительными потребностями и народнымъ обычаемъ. 10) Наконецъ, не должно упускать изъ виду, что новыя учрежденія должны быть приспособлены, какъ къ сельскимъ отношеніямъ, которыя возникнутъ въ періодъ окончательнаго устройства крестьянскаго быта, такъ и во время переходнаго состоянія.

Какъ бы для уясненія своей задачи князь останавливается на двухъ, существовавшихъ уже у насъ, типахъ сельскаго устройства: въ учрежденіяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и въ Эстляндскомъ положеніи. Очевидно, онъ опасался, какъ бы правительство не задумало воспользоваться уже готовыми образцами и искусно подобрался къ критикѣ ихъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ, стараясь обезпечить за сельскими обществами и крестьянскимъ сословіемъ возможно высшую долю автономіи, устранило изъ его среды сословіе мѣстныхъ землѣвладельцевъ, которымъ оно могло бы довѣрить независимую мѣстную магистратуру. Пренебрегая ихъ опорой, а вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ довѣряя вновь созданнымъ своимъ сельскимъ обществамъ, оно учредило надъ ними цѣлый рядъ высшихъ инстанцій, волостныхъ, окружныхъ правленій, палатъ и проч., которыми страшно усложнялось всякое дѣлопроизводство. Эстляндское положеніе вдалось въ противоположную крайность: отнесясь съ полнымъ недовѣріемъ къ крестьянскому самоуправленію, оно все отдало въ руки вотчинной полиціи, почему власть ея, такъ же какъ и власть помѣщика развилась здѣсь въ ущербъ мірского управленія. Къ недостаткамъ того и другого устройства князь между прочимъ относилъ:

„1) неправильное, произвольное опредѣленіе основной административной единицы крестьянскаго общества; 2) излишнее пристрастіе къ отдѣленію въ мелочныхъ мѣстныхъ дѣлахъ органовъ управленія отъ органовъ судебныхъ и, наконецъ, 3) недостаточное сосредоточеніе интересовъ и дѣлъ всѣхъ сословій въ мѣстномъ судѣ и управленіи, въ ущербъ важнѣйшей выгоды — народнаго единства“.

Однако, князь находитъ въ Эстляндскомъ положеніи превосходное, по его мнѣнію, учрежденіе „*третейскаго суда*“ для разбора всѣхъ споровъ о межахъ и повинностяхъ въ частныхъ недвижимыхъ имуществахъ, введеніе котораго у насъ въ Рос-

сіи, даже и съ расширеніемъ его круга дѣятельности, онъ считаетъ крайне желательнымъ.

Разбирая, такимъ образомъ, различныя учрежденія, князь постепенно устанавливаетъ свой взглядъ на дѣло и предлагаетъ принять *приходъ* за единицу вновь образуемаго сельскаго общества, который совмѣщаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, совокупность всѣхъ вещественныхъ и нравственныхъ условій, необходимыхъ для новой административной единицы.

„Приходъ большею частію сосредоточенъ въ тѣхъ благоразумныхъ размѣрахъ, въ отношеніи и къ пространству и къ народонаселенію, которые лучше всего обезпечиваетъ крестьянину близкій судъ, а сельскому обществу возможность безъ излишняго отягощенія своихъ членовъ содержать необходимый штатъ управленія".

Временемъ засѣданія приходскаго суда князь считаетъ всего удобнѣе назначить праздничные дни, такимъ образомъ „для крестьянина, истца или отвѣтчика, не будетъ убыточнаго прогула въ дальнее селеніе, куда итти ему не за чѣмъ, какъ для одного только суда". Самая среда прихода достаточно обезпечиваетъ гласность дѣлопроизводства, и крестьянинъ имѣетъ здѣсь ту

„нейтральную почву, гдѣ встрѣчается онъ на правѣ какъ нравственнаго (хотя и не юридическаго) равенства съ лицами всѣхъ сословій и состояній".

„Каждая деревня въ приходѣ, принадлежащая одному и тому же владѣльцу и каждая часть деревни, принадлежащая отдѣльному помѣщику, должна въ приходскомъ устройствѣ образовать отдѣльный *участокъ,* имѣющій своего старосту".

При правильномъ ходѣ дѣла крестьянскаго освобожденія, князь предполагалъ два момента:

„Во-первыхъ долженъ быть опредѣленъ точный и неизмѣнный оброкъ, и крестьянину должно быть предоставлено, принятіемъ на себя исправнаго платежа этого оброка, избавиться навсегда отъ барщины; во-вторыхъ, оброкъ этотъ долженъ быть капитализированъ, и крестьянину должно быть дозволено вполнѣ откупаться отъ него, выкупивъ при этомъ занимаемую имъ землю въ полную собственность. Этимъ двумъ періодамъ, должны, само собою разумѣется, соотвѣтствовать и нѣкоторыя различныя формы сельскаго управленія".

Пока крестьяне будутъ находиться на барщинѣ, участковый староста долженъ быть назначаемъ отъ помѣщика. „По выходѣ ихъ на оброкъ, избраніе участковаго старосты должно быть предоставлено уже имъ самимъ съ утвержденія мирнаго судьи". Когда же крестьяне окончательно выкупятся, вмѣсто „участковыхъ старостъ" избираются „старосты деревенскіе", выборъ которыхъ утверждается волостнымъ мирнымъ судьею.

Пока барщина не отмѣнена, ближайшій надзоръ за правильнымъ исполненіемъ ея долженъ быть предоставленъ старостѣ.

„Можно, по крайности, даже предоставить ему право, въ случаѣ особеннаго безчинства крестьянина его участка, требующаго немедленнаго взысканія, подвергать такового наказанію собственною властью, но не иначе какъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей преимущественно изъ стариковъ, и не свыше какъ 18 ударами розгой, независимо отъ наказанія, которое впослѣдствіи за тотъ же самый проступокъ можетъ быть присуждено приходскимъ судомъ"[1]).

Для управленія сельскимъ приходскимъ обществомъ должны быть избираемы *приходскій старшина* и *помощникъ ему*.

„Покуда крестьяне будутъ состоять еще на барщинѣ, приходскій старшина и его помощникъ должны быть назначаемы отъ помѣщика[2]). Съ переходомъ ихъ на оброкъ, они утверждаются уже мирнымъ судьею изъ числа трехъ, представленныхъ отъ крестьянскаго общества кандидатовъ[3])... Всѣ текущія административныя и хозяйственныя распоряженія должны быть исключительно поручены лицу приходскаго старшины, а въ каждомъ отдѣльномъ участкѣ или деревнѣ,— въ полной отъ него зависимости — участковымъ или деревенскимъ ста-

---

[1]) Это мѣсто вызвало слѣдующее примѣчаніе издателя „Сельскаго Благоустройства": „Два раза, за одинъ и тотъ же проступокъ, нельзя судить и наказывать человѣка. Къ тому и нужды въ томъ нѣтъ никакой: можно взысканіе за маловажный проступокъ довѣрить старостѣ, который виновнаго или заставитъ передѣлать худо сдѣланное, или вышлетъ его лишній день на работу или на караулъ. Что же касается до тѣлесныхъ наказаній, которыя теперь еще отмѣнить нельзя, они должны быть налагаемы не иначе, какъ по приговору приходскаго суда".

[2]) Прим. издат. „Сельск. Благ.": „Не достаточно ли того, чтобъ они были помѣщикомъ только утверждаемы? Такого рода порядокъ и нынѣ существуетъ въ нѣкоторыхъ барщинскихъ имѣніяхъ, и неудобствъ отъ того нѣтъ никакихъ".

[3]) Прим. издат. „Сельск. Благ.": „Представленіе трехъ кандидатовъ есть, по нашему мнѣнію, обычай вовсе не русскій, и крестьяне къ такому выбору душою вовсе не прильнутъ".

ростамъ, съ возложеніемъ на одного и на другихъ полнѣйшей за все отвѣтственности... Произволъ старшины долженъ быть ограниченъ обязанностью подавать ежегодный подробный отчетъ своего хозяйственнаго управленія общей приходской сходкѣ; по одобреніи или осужденіи этого отчета сходкою, онъ долженъ представлять его на разсмотрѣніе мирнаго судьи — въ первомъ случаѣ лишь къ свѣдѣнію (разумѣется, если не окажется при томъ недоимокъ на обществѣ), а во второмъ — къ дальнѣйшему разсмотрѣнію и обсужденію жалобъ общества. ...Вмѣстѣ съ приходскимъ старшиною всѣми полицейскими судебными дѣлами завѣдуетъ *приходскій судъ*", который кромѣ старшины и его помощника долженъ состоять еще изъ мѣстныхъ стариковъ (не менѣе 6 или 7) и наличныхъ участковыхъ или деревенскихъ старостъ. Въ приходскомъ судѣ предлагается соединить всѣ мѣстныя судныя дѣла, не только полицейскія и уголовно-полицейскія, но еще и судебно-гражданскія. Ему

„должно быть предоставлено право окончательно вершить всѣ гражданскіе имущественные споры до 15 р. с. дѣла о кражѣ и мошенничествѣ до 10 р. с. и назначать тюремное заключенія до 2 сутокъ, отдачу въ общественныя работы до 2 недѣль, денежные штрафы до 3 руб. и наказаніе розгами до 50 ударовъ. Приходскій судъ долженъ и въ полицейскомъ и въ судебномъ отношеніи быть прямо и непосредственно подчиненъ мирному судьѣ, не отдѣляясь отъ него никакимъ посредствующимъ звеномъ въ родѣ волостного правленія, вотчинной полиціи и проч."

Видя въ возможно широкомъ приложеніи избирательнаго начала

„единственное средство законнаго удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ потребностей, единственное дѣйствительное орудіе для правильнаго воспитанія общества къ гражданской жизни, наконецъ, спасительнѣйшій оплотъ противъ пагубной централизаціи и бездомнаго чиновничества", котораго князь называетъ „худшимъ изъ всѣхъ многочисленныхъ видовъ пролетаріата", онъ находилъ однако, что выборы въ особенности полезны въ тѣхъ сферахъ гражданкой жизни, „гдѣ прогульный часъ не составляетъ насущной невозвратимой потери". Въ предлагаемомъ сельскомъ устройствѣ князь считалъ нужнымъ прибѣгать къ сельскимъ выборамъ лишь тогда, когда въ томъ состоитъ настоятельная необходимость, какъ для выбора старостъ и старшинъ.

Простые засѣдатели на старшинскомъ судѣ изъ мѣстныхъ стариковъ могутъ быть назначаемы къ присутствію по установленной разъ навсегда очереди.

„Самые приходскій старшина, его помощникъ и старосты деревенскіе должны быть избираемы не общею сходкою крестьянъ и не сходкою выборныхъ людей, по сходомъ всѣхъ стариковъ[1]), имѣющихъ право засѣдать въ расправѣ въ соединеніи съ деревенскими старостами“ [2]).

Кн. Черкасскій положительно отвергалъ пользу всякихъ сходовъ выборныхъ людей и всенародной приходской сходкѣ оставляетъ лишь ограниченный кругъ дѣйствій. Онъ предлагаетъ двѣ формы сходокъ:

Во-1-хъ, *общій сходъ стариковъ*, a) для избранія должностныхъ лицъ, b) для принятія мѣръ ко взысканію недоимокъ, c) для раскладки недоимокъ на все общество, d) для назначенія опекуновъ къ сиротамъ и ежегоднаго учета опекуновъ, e) для распредѣленія воспомоществованій нуждающимся изъ мірского магазина и для назначенія мѣръ воспомоществованія. Во-2-хъ, *общій народный приходскій сходъ*, въ которомъ должны имѣть право участвовать всѣ безъ исключенія совершеннолѣтніе домохозяева, кромѣ оглашенныхъ за особыя вины. Вѣдомству его исключительно должно принадлежать лишь нѣсколько дѣлъ самаго всеобщаго интереса или для разрѣшенія которыхъ важно нравственное ручательство возможно большей мѣстной гласности. Сюда относятся: a) ежегодная повѣрка денеж-

---

[1]) На удовлетворительность и законность такого стариковскаго суда, пишетъ князь, указываютъ повсемѣстно у насъ существующій обычай и механическая простота этого учрежденія и наконецъ самое то высокое мѣсто, которое, благодаря Бога, занимаютъ еще старики въ нашемъ сельскомъ быту. Разсужденія кн. Черкасскаго объ этой „природной сельской аристократіи лѣтъ и опытности“ вызвало слѣдующее сочувственное примѣчаніе изд.: „*С. Благ.*“ „Это вершенно справедливо, и во всѣхъ концахъ Россіи, при неудовлетворительномъ разборѣ дѣла старостою или старшиною, крестьяне всегда просятъ: „прикажите созвать стариковъ; пусть они дѣло порѣшатъ“.

[2]) Примѣч. издат. „Сельск. Благ.“ „Для выборовъ, намъ кажется, справедливѣе и лучше собирать на сходку всѣхъ *домохозяевъ*, ибо иначе легко могутъ возникнуть жалобы отъ семействъ, гдѣ нѣтъ стариковъ, на худые выборы и на стачку (дѣйствительную или только предполагаемую) стариковъ. Старшина, по предложенію автора, есть лицо сильно властное, почти полновластное. Выборъ его долженъ быть окруженъ всѣми возможными обезпеченіями для общаго порядка и безопасности“.

ныхъ отчетовъ, представляемыхъ приходскимъ старшиною; b) раздѣлъ общественныхъ земель, накладка и снятіе тяготъ; c) раскладка податей, повинностей и сборовъ; d) пріемъ въ сельское общество и увольненіе изъ онаго; e) лишеніе, вслѣдствіе предложенія приходскаго старшины, приходскаго суда или мирнаго судьи, кого-либо изъ домохозяевъ права участія въ общемъ приходскомъ сходѣ, или кого-либо изъ стариковъ права засѣданія въ приходскомъ судѣ; f) разсмотрѣніе и назначеніе очередныхъ рекрутскихъ очередей, сообразно мѣстному обычаю; g) наконецъ о предоставленіи въ распоряженіе правительства члена общества, не могущаго быть въ немъ терпимымъ.

Таково въ общихъ чертахъ предложенное кн. Черкасскимъ внутреннее устройство сельскаго приходскаго общества. Онъ останавливается затѣмъ на разсмотрѣніи правъ, предоставляемыхъ здѣсь помѣщику. Кромѣ права назначать и увольнять своего участковаго старосту и въ случаѣ единопомѣстности прихода и старшину [1]), участковый староста можетъ собственной властью и по требованію помѣщика подвергнуть провинившагося крестьянина немедленному наказанію.

„Самъ участковый староста, пока крестьяне еще на барщинѣ, не долженъ быть изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія; но на него должно простираться право наказанія помѣщикомъ въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, должно быть признано за владѣльцемъ-дворяниномъ *право хозяйственнаго взысканія*. Тому же самому долженъ подлежать и приходскій старшина, покуда онъ непосредственно назначается помѣщикомъ или утверждается мирнымъ судьею изъ представленныхъ нѣсколькими помѣщиками или помѣщицами, совокупно съ крестьянами, кандидатовъ. Мы полагаемъ также необходимымъ на неограниченное время (покуда опытъ не убѣдитъ ясно въ возможности отмѣнить подобныя отношенія) предоставить владѣльцу-дворянину право, какъ хозяину (Dienstherr), на основаніи 463 ст. Эстляндскаго положенія, подвергать собственною властью домашнему исправительному наказанію работниковъ и служителей господскаго двора, работниковъ, отправляющихъ барщину господскую, равно наемниковъ, состоящихъ въ подушномъ окладѣ и при заключеніи договора о наймѣ въ услуженіе, не условившихся быть освобожденными отъ домашняго наказанія, наконецъ, (какъ необходимое послѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ нашихъ велико-

[1]) Въ случаѣ разнопомѣстности прихода назначеніе это предоставляется ему совмѣстно со своими совладѣльцами и съ мирнымъ судьею.

русскихъ имѣній), и тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые до истеченія переходнаго періода останутся еще въ крѣпостномъ состояніи и будутъ жить при господскомъ дворѣ. Домашнее это наказаніе, согласно 460 ст. того же положенія, не должно превышать содержанія до 2 дней подъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ въ здоровомъ мѣстѣ или наказанія тѣлеснаго до 18 ударовъ розгами, а для малолѣтнихъ, не достигшихъ еще 15 лѣтъ отъ роду, и для женскаго пола дѣтскими розгами не болѣе 15 ударовъ".

Предоставленіе этого права хозяевамъ-владѣльцамъ изъ другихъ сословій князь считаетъ неумѣстнымъ:

„Не изъ желанія сохранить за однимъ дворянствомъ, въ видѣ исключительной привилегіи, тяжелое въ нравственномъ отношеніи преимущество произвольнаго тѣлеснаго взысканія, а вслѣдствіе убѣжденія, что разумный ходъ постепенно возвышающейся гражданственности долженъ быть постоянно направляемъ не къ распространенію подобныхъ правъ, а къ посильному ихъ сглаживанію и замѣненію отношеніями правильной гражданской свободы".

Съ переходомъ крестьянъ на оброкъ, староста и старшины хотя и избираются крестьянами, „но на утвержденіе и увольненіе ихъ помѣщики сохранятъ немаловажное, хотя и посредственное, вліяніе черезъ близкую связь свою съ мѣстными мирными судьями". Старосты, избранные обществомъ, подлежатъ тѣлесному наказанію лишь по приговору мирнаго судьи, а приходскіе старшины, назначенные по избранію крестьянъ, должны считаться свободными отъ тѣлеснаго наказанія, даже присужденнаго ему мирнымъ судьею, покуда приговоръ послѣдняго не будетъ утвержденъ особымъ, опредѣленнымъ путемъ.

„Но, при малѣйшей недоимкѣ, открывающейся на оброчныхъ крестьянахъ, помѣщикъ долженъ имѣть право, если пожелаетъ, требовать отъ мирнаго судьи немедленнаго, въ теченіе 3 сутокъ, удаленія отъ должности избраннаго обществомъ старосты (а въ случаѣ если ему принадлежитъ весь или болѣе $^1/_2$ прихода, то и приходскаго старшины), вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ замѣстить открывающуюся такимъ образомъ вакансію, по собственному своему благоусмотрѣнію, и вновь, до окончательнаго пополненія недоимки, вступить во всѣ права полицейскаго управленія и взысканія, предоставленныя по-

мѣщику въ имѣніи барщинскомъ, хотя впрочемъ сами крестьяне остаются на оброкѣ".

Князь полагалъ, что такой порядокъ всего вѣрнѣе обезпечитъ отъ накопленія недоимокъ за крестьянами, перешедшими съ барщины на оброкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимымъ запретить навсегда переводъ крестьянъ съ оброка на барщину. По его мнѣнію, примѣненіе всѣхъ самыхъ строгихъ мѣръ противъ недоимщиковъ, какъ напр. отдача ихъ противъ воли въ заработки, неочередную отдачу въ рекруты и др., лучше, чѣмъ такой рѣшительный шагъ назадъ, который къ тому же можетъ подать широкій поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Тамъ, гдѣ крестьяне будутъ исправно платить оброкъ владѣльцу и выполнять принятыя на себя обязательства по отношенію къ кредитнымъ учрежденіямъ, тамъ естественно должно было вовсе прекратиться и личное вмѣшательство частнаго владѣльца въ сельскую автономію.

Князь полагалъ, что утрата помѣщикомъ непосредственныхъ, властныхъ своихъ отношеній къ созрѣвшему крестьянскому обществу, вполнѣ замѣнится для него живымъ участіемъ въ *учрежденіи мирныхъ судей*, и что на этой новой почвѣ дворянство можетъ и должно себя вознаградить за ту долю значенія, которая, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній къ крестьянамъ, можетъ имъ быть утрачена въ другихъ областяхъ жизни. Онъ собирался въ особой статьѣ подробно изложить свои мысли объ этомъ учрежденіи, о которомъ отзывался здѣсь лишь въ общихъ чертахъ; но какое важное значеніе онъ придавалъ ему, мы видимъ изъ слѣдующихъ его словъ.

„Судьба этого учрежденія, его правильное съ самаго начала устройство и дальнѣйшій успѣхъ вмѣщаютъ въ себѣ всю будущность русскаго дворянства, и послѣднее только тогда успѣетъ сохранить свое историческое значеніе во главѣ развивающагося общества, когда въ скромномъ званіи новыхъ блюстителей сельскаго міра оно сумѣетъ воспроизвести и сохранить черты благороднаго прототипа этого учрежденія мирныхъ судей Англіи (Judges of Peace), этого крѣпкаго палладіума всей англійской конституціи, а съ нею вмѣстѣ и англійской аристократіи" [1]).

[1]) Непосредственному разбору мирнаго судьи, минуя инстанцію приходскаго суда, долженъ былъ быть подчиненъ въ первой инстанціи самъ владѣлецъ-по-

Въ заключеніе статьи кн. Черкасскій останавливается надъ разсмотрѣніемъ вопроса: должны ли сельскія приходскія общества быть подчинены дальнѣйшей крестьянской административной инстанціи — волостному крестьянскому управленію,— или нѣтъ? Въ виду того, что въ лицѣ всего дворянскаго сословія имѣется сподручный и обильный матеріалъ для созданія изъ него мѣстной сельской магистратуры, — введеніе высшей крестьянской инстанціи кн. Черкасскій считалъ не только чѣмъ-то излишнимъ, но даже положительно и само въ себѣ вреднымъ. По его мнѣнію, инстанціонное устройство, въ порядкѣ судебномъ тогда только имѣетъ разумный смыслъ, когда оно представляетъ истцу и отвѣтчику новыя гарантіи къ правильному рѣшенію дѣла.

„Все живое содержаніе присущихъ крестьянскому общежитію началъ вполнѣ исчерпывается сферою мѣстнаго сельскаго общества, болѣе оно уже не можетъ ничего дать: крестьянинъ не есть человѣкъ досужій; онъ не учится, или учится мало, обогащаясь главнымъ образомъ плодами жизненнаго опыта и мѣстнаго преданія; въ волостной судъ онъ внесетъ опять тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, которые онъ уже внесъ въ мѣстный приходскій судъ... Чѣмъ же будетъ крестьянскій волостной судъ отличаться отъ приходскаго? — развѣ только меньшимъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и меньшимъ другъ къ другу довѣріемъ судей изъ крестьянъ, далеко не такъ коротко другъ съ другомъ знакомыхъ, какъ старики своего родного прихода“.

Гласность здѣсь ничего не выиграетъ, и установленіе волостной расправы можетъ лишь повести

„къ передачѣ суда изъ живыхъ и чистыхъ рукъ членовъ суда стариковскаго, постоянно обновляющагося и потому никогда не способнаго погрязнуть въ своевольной рутинѣ, въ руки выборныхъ крестьянскихъ засѣдателей, плохихъ судей по ремеслу, и худыхъ уже крестьянъ по исключительному своему положенію“...

„Типъ крестьянина-чиновника ...принадлежитъ къ числу самыхъ поучительныхъ явленій тлетворнаго вліянія мнимой полу-

---

мѣщикъ въ столкновеніяхъ своихъ съ окружающими его крестьянами, „развѣ онъ самъ для скорости, напр. въ дѣлахъ о незначительныхъ потравахъ и порубкахъ, пожелаетъ прибѣгнуть къ сельскому суду. Впрочемъ приходскія должностныя лица обязаны во всякое время принять всякую его явку и немедленно, по его требованію, произвесть по ней должное изслѣдованіе подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія“.

образованности и бюрократическаго направленія даже на самую здоровую и простодушную среду".

Кн. Черкасскій того мнѣнія, что дѣлопроизводство выиграетъ и въ скорости и въ дешевизнѣ, если вовсе сократить эту посредствующую инстанцію „крестьянъ-чиновниковъ" и прямо поставить другъ къ другу, лицомъ къ лицу, сельское приходское управленіе и мирнаго судью. Онъ доказываетъ также, что

„волостная раскладка всякаго рода податей, каковы бы онѣ ни были, есть тоже образъ взиманія, далеко не соотвѣтствующій требованіямъ нашихъ крестьянъ; уже по самому объему волостного союза, подобная раскладка естественно не можетъ быть произведена самими тяглецами, домохозяевами, но должна быть довѣрена болѣе или менѣе многочисленному сходу людей, отъ нихъ выбранныхъ; между тѣмъ крестьянинъ крѣпко стоитъ за свою копѣйку и при незнаніи грамотѣ и неумѣніи прочитать письменное постановленіе, сдѣланное въ другомъ мѣстѣ, любитъ платить лишь такой сборъ, въ установленіи котораго онъ лично принималъ участіе и въ пользу котораго самъ подавалъ голосъ... Ему особенно дорога будетъ возможность сосредоточить всю податную раскладку на всѣ безъ исключенія предметы въ близкой, всегда сподручной себѣ, средѣ приходскаго общества"...

Дописавъ эту статью, князь отправилъ ее Кошелеву, при слѣдующемъ письмѣ отъ *31-го августа 1858 года*.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Сейчасъ кончилъ отвратительную работу исправленія переписанной моей статьи и спѣшу отправить ее къ Вамъ въ томъ чаяніи, что Вы уже давно меня побраниваете. Въ этотъ разъ не можете пожаловаться: не знаю—понравится ли Вамъ эта статья, но она мнѣ стоила довольно много изученія. Это только половина задуманнаго; здѣсь должно быть два печатныхъ листа. Другая половина — о мировыхъ судьяхъ и третейскомъ судѣ — уже начата немного, но не знаю теперь, когда успѣю ее окончить. Во всякомъ случаѣ буду стараться, тѣмъ болѣе, что, мнѣ кажется, у меня мирные судьи могутъ выйти довольно оригинальны. Да вотъ теперь Ив. Серг. сядетъ на шею съ прибавленіемъ обозрѣнія, а между тѣмъ комитетъ и проч. и проч. Право, не знаю, какъ и быть. Но главное — засяду за обозрѣніе, какъ оно ни скучно. А Вы хороши: для Васъ пишешь, посылаешь по эстафетамъ статьи, какія

удалось состряпать, а Вы и не печатаете: въ 7 № не помѣстили моей статейки, да и въ 8-мъ не видать и не слыхать, да я ужасно боюсь, чтобы у меня не перепутали всѣхъ цифръ. Да ужъ — Христосъ съ Вами! Напишите только поскорѣй (въ Тулу, на Кіевской д. Хрипкова), какъ Вамъ нравится сіе послѣднее мое писаніе, а не нравится — скажите просто и, пожалуй, не печатайте. Только увѣдомьте. 3-ю книгу „Бесѣды“ получилъ на дняхъ, — **недурна, хотя и тяжеленька.** Только, ради Бога — къ чему статья о модныхъ чиновникахъ? Вѣдь она очень плоха. Хомякова статья объ Ивановѣ очень хороша, но, какъ вообще онъ пишетъ съ нѣкотораго времени, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ отвлеченна для пониманія простыхъ смертныхъ. Посылаю Вамъ при семъ и С.-Петербургское положеніе покойнаго бѣднаго Шеншина, присланное мнѣ Ив. Аксаковымъ и которое Вы должны тоже отправить Самарину; также первое письмо послѣдняго, которое я дѣйствительно нашелъ у себя, но опять повторяю — при немъ не находилось ругательной безыменной ему эпистолы; наконецъ возвращаю Вамъ и послѣднее его письмо.

„Вы спрашиваете, доволенъ ли я Вашею библіографіею? Очень и очень. А какъ скоро получу № 8, скажу Вамъ откровенно свое мнѣніе объ Вашемъ „Общинномъ владѣніи“. Скажите пожалуйста, не нескромность ли это будетъ, если *между нами* и притомъ съ желаніемъ узнать правду, а не „puff“, спрошу у Васъ: сколько подписчиковъ имѣетъ „Благоустройство? [1])

„Сейчасъ сажусь въ тарантасъ и ѣду въ Тулу на выборы, которые начинаются завтра, а за симъ долженъ сейчасъ открыться комитетъ. Что-то будетъ, — и что у Васъ? Поклонитесь отъ меня Муромцеву; онъ добрый малый, и я думаю,

---

[1]) Отвѣты на эти вопросы находимъ въ письмѣ Кошелева *отъ 2-го сентября*: „Статья о модныхъ чиновникахъ очень понравилась Хомякову и Ив. Аксакову, а потому я ее и напечаталъ. Съ 4-й книги отвѣтственность по „Бесѣдѣ“ вполнѣ лежитъ на Ив. Аксаковѣ. — Очень радъ, что Вы довольны моей библіографіей, а то Самаринъ было отбивалъ у меня охоту ею заниматься. Это занятіе въ родѣ политическихъ обозрѣній, оно такъ же весело, какъ мостить мостовую. Если бъ Вы согласились съ мнѣніемъ Самарина, то я бы хватилъ ее по боку, хотя самъ чувствую, что библіографія полезна и придаетъ жизнь журналу. Подписчиковъ на „Благоустройство“ до 1800“.

Вы съ нимъ сойдетесь въ комитетѣ. Въ Тулѣ надѣюсь видѣть Хомякова. Да вотъ кстати — Аксаковъ выслалъ мнѣ статью Пиципіоса[1]). Дайте мнѣ совѣтъ: я ему не отвѣчалъ и буду на дняхъ къ нему писать. Не думаете ли Вы, что полезно было бы заказать ему брошюрку и напечатать ее по-русски или по-французски, исправивъ, въ Германіи или Парижѣ? Пожалуйста, подумайте хорошенько и напишите. Я поговорю съ Хомяковымъ о томъ же. У насъ годъ выдался прескверный, — урожай верхъ омерзѣнія. Придется кормить мужиковъ, нѣкоторые помѣщики уже начали, и я не миную отчасти. Жена пріѣхала уже давно и душевно кланяется Вамъ и О. Ѳ. Послѣдней душевно кланяюсь и обнимаю Ваню, или скорѣе И. А.

„Когда-то всѣ свидимся въ Бѣлокаменной по старинѣ? Еще разъ прощайте. Душевно преданный. Кн. *Ч.*

---

[1]) Аксаковъ писалъ кн. Черкасскому отъ 17 іюля 1858 года: „Къ Вамъ отправится на дняхъ съ тяжелою почтой, любезнѣйшій князь, статья Пиципіоса; она опоздала нѣсколько; состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ статьи о дѣлахъ православія на Востокѣ и о греческомъ духовенствѣ печатались только съ разрѣшенія духовной цензуры. Статьи я не читалъ, мнѣ передалъ ее Кошелевъ совсѣмъ приготовленною къ отсылкѣ къ Вамъ. Вѣроятно Кошелевъ писалъ Вамъ все подробно о томъ, какъ сыръ-боръ возгорѣлся по случаю статьи Доскалова. Константинопольскій патріархъ пришелъ въ сильный гнѣвъ за эту статью и за статьи того же автора въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, написалъ въ Синодъ, и гр. Толстой громовымъ посланіемъ къ Ковалевскому потребовалъ объясненія, а Ковалевскій съ этимъ требованіемъ отнесся въ цензурный комитетъ, объясненіе требовалось отъ „Русск. Вѣстника“, „Русской Бесѣды“ и Фонъ-Крузе.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ прислана была отъ гр. Толстого цѣлая статья въ опроверженіе Доскалова, написанная въ выраженіяхъ самыхъ дерзкихъ. Признаюсь — забавно было слушать, какъ Крузе, готовясь отвѣчать, предполагалъ ссылаться на постановленіе Никейскаго собора и доказывать Синоду, что онъ, Крузе, стоитъ за Никейскій соборъ и болѣе православный, чѣмъ св. Синодъ.

„Я съ своей стороны обрадовался было этому случаю, какъ началу разрыва съ Синодомъ и вообще съ іерархіею, какъ протесту противъ офиціальнаго православія, какъ возможности отдѣлить и въ религіозномъ отношеніи наше знамя отъ правительственнаго и проч. и проч. Сочувствіе къ „Русской Бесѣдѣ“ іерарховъ основано было на недоразумѣніи, которое рано или поздно должно было кончиться. Къ сожалѣнію, объясненіе требовалось не отъ меня. Отвѣтъ написанъ Хомяковымъ, разумѣется, очень хорошо, серьезно, но не рѣзко, не ярко.

„Хомяковъ, не будучи здѣсь, не зналъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и писалъ торопясь, по эстафетному требованію Кошелева. Я не читалъ еще отвѣта Каткова, онъ очень хорошъ и силенъ. Мнѣ жаль, что мы упустили такой прекрасный случай“.

P. S. Каковъ человѣкъ Вашъ товарищъ Масловъ? Мой кн. Долгоруковъ отказался, надѣется быть выбранъ отъ дворянства".

Кошелевъ отвѣчалъ *2-го сентября 1858 г.*

„Вчера въ обѣдъ получилъ Вашу статью, тотчасъ ее прочелъ, сегодня перечелъ и написалъ кое-какія замѣчанія. Статья Ваша, дражайшій князь, *отлично хороша*. Изъ моихъ примѣчаній Вы увидите, въ чемъ я съ Вами не согласенъ; во всемъ остальномъ согласенъ совершенно. Въ № 8 я уже объявилъ, что въ слѣдующемъ будетъ Ваша статья „О сельскомъ управленіи", съ основными мыслями котораго я вполнѣ согласенъ; а потому мнѣ необходимо отмѣтить тѣ пункты, въ которыхъ мы расходимся. Препровождаю къ Вамъ статью обратно, дабы Вы могли видѣть мои примѣчанія; если Вы съ нѣкоторыми изъ нихъ согласитесь и измѣните тѣ мѣста, къ которымъ онѣ относятся, то вымарайте примѣчанія; въ противномъ случаѣ, оставьте. По пробѣжаніи моихъ примѣчаній, потрудитесь по почтѣ отослать Вашу статью къ Пв. Серг. Аксакову по слѣдующему адресу: Москва, въ редакцію „Русской Бесѣды", на Поварской, въ домѣ Кошелева. Пожалуйста не задержите статью и поспѣшите ея отправкою, ибо ею начинается № 9. Тотчасъ будутъ ее набирать. Статья прекрасная, и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія, т.-е. второй статьи. Очень, очень Вамъ спасибо!... Думаю, что печатаніе брошюрокъ Пиципіоса, *безъ его имени*, по исправленіи въ нашемъ духѣ, было бы дѣломъ очень полезнымъ. Лучше было бы издать по-русски, но оно хлопотливо, и потому можно и по-французски..."

II.

Между тѣмъ приближалось время открытія губернскихъ комитетовъ. Событіе это въ Рязани совершилось 26-го августа, въ Тулѣ 5-го сентября, а въ Самарѣ 25-го сентября.

Подробности объ открытіи рязанскаго комитета и его первыхъ засѣданіяхъ разсѣяны въ трехъ письмахъ Кошелева, изъ коихъ два по адресу Черкасскаго: 1-е отъ *26-го августа*, 2-е отъ *2-го сентября* и 3-е, „циркулярное", тоже отъ *2-го сентября* адресовано Самарину, но прислано впередъ на прочтеніе кн. Черкасскому.

Въ первомъ письмѣ Кошелевъ пишетъ князю, „съ высоты своего величія“, какъ членъ уже *открытаго* къ члену *еще не открытаго* комитета.

„Сегодня въ 9 часовъ мы собрались въ залу собранія, оттуда отправились къ губернатору (день коронаціи съ поздравленіемъ), потомъ къ обѣднѣ и молебну, а затѣмъ въ залу собранія, гдѣ губернаторъ, безъ всякого Speech, объявилъ комитетъ открытымъ. Затѣмъ мы раскланялись и завтра у насъ первое совѣщаніе, въ сюртукахъ, для утвержденія регламента... Не могу еще ничего сказать о нашемъ комитетѣ. Есть, кажется, человѣкъ десятокъ благонамѣренныхъ (впрочемъ, до какой степени ихъ благонамѣренность пойдетъ — неизвѣстно). Мой товарищъ (отъ правительства) — нѣкто Масловъ. Губернаторъ назначилъ его только потому, что некого было назначить. Онъ неоднократно меня спрашивалъ о томъ, кого бы назначить, но мои предложенія не могли быть исполнены: или люди отказывались, или при вторичныхъ выборахъ они были выбраны дворянствомъ. Жаль очень, что Толстой поздно вышелъ въ отставку, а то его бы мы упекли въ члены“.

2-го сентября. „Все идетъ до сихъ поръ очень чинно... Предсѣдатель возстановляетъ тишину мгновенно. Одинъ баринъ вздумалъ было насъ, членовъ по назначенію правительства, лишить права быть избираемыми въ комитеты; но большинство возстало; мой товарищъ обидѣлся — хотѣлъ было проситься въ отставку, я посмѣялся надъ этимъ, и баринъ взялъ назадъ свое предложеніе. У насъ было 4 засѣданія — только подготовительныя.

„Очевидно, что большинство не желало бы отдавать усадьбы крестьянамъ *въ собственность*, но меньшинство на этотъ разъ одержитъ верхъ, опираясь на рескрипты...“

2-го сентября (циркулярное). „Два дня мы собирались для утвержденія регламента, который достаточно нелѣпъ; но важные пункты утверждены, и я этимъ доволенъ, мнѣнія подаютъ гласно, т.-е. записками съ подписью имени, и въ журналѣ упоминается поимянно о голосахъ меньшинства. Это принято единогласно. Какъ скоро $^1/_3$ членовъ на лицо, то засѣданіе полносильно. Всякій членъ имѣетъ право подавать мнѣніе, и президентъ не имѣетъ права устранять никакое предложеніе. Мы собираемся въ сюртукахъ и пальто. Буфета

нѣтъ. Курятъ въ особой комнатѣ. Вице-президентъ избранъ изъ среды членовъ.

„Въ слѣдующія два засѣданія толковали о томъ, какъ составить своды, о канцелярскомъ порядкѣ и проч. До 9-го сентября будутъ у насъ пустыя засѣданія, ибо члены занимаются составленіемъ сводовъ.

„Составъ комитета порядочный: до 10 человѣкъ благонамѣренныхъ, 3 злѣйшихъ оппонентовъ, остальные — ни рыба ни мясо и будутъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ имъ обѣщать больше выгодъ. Писакъ довольно; уже начали они читать свои произведенія.

„Наше положеніе въ комитетѣ сначала было очень непріятно: на насъ смотрѣли, какъ на синихъ. Теперь мало-по-малу это измѣняется. Какъ начнутся у меня вечера по вторникамъ для всѣхъ и по субботамъ обѣды по приглашенію, то все приметъ самый благопріятный видъ".

Князь Черкасскій отвѣчалъ А. И. Кошелеву *11-го сентября 1858 года.*

„Получилъ Ваши два письма, отъ 26-го и 2-го сентября, въ Тулѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; къ Самарину отправилъ Ваше письмо, а къ И. С. Аксакову свою рукопись безъ измѣненій. Все это сдѣлалъ въ Тулѣ; но теперь нахожусь опять въ Веневѣ, ибо мы имѣли только одно первое засѣданіе для открытія комитета и постановленія, то мы разъѣзжаемся до 7-го октября[1]). Къ этому числу или даже немного ранѣе, возвращусь въ Тулу и совсѣмъ переѣду. Первое засѣданіе было самое бурное, и нужно было все желаніе съ обѣихъ сторонъ — не разсориться съ перваго раза въ конецъ, все мое желаніе не подать въ первый же день

---

[1]) Кн. Черкасскій еще изъ Тулы писалъ къ женѣ (письмо безъ числа): „Дараганъ затѣялъ офиціальный обѣдъ для членовъ комитета, и мнѣ нѣтъ возможности уѣхать, cela aurait très mauvaise grâce. А между тѣмъ скука смертная будетъ. У насъ происходило вчера первое бурное засѣданіе, весьма бурное, единственнымъ результатомъ котораго было — отсроченіе нашихъ засѣданій до 7-го декабря; а между тѣмъ всѣ разъѣзжаются по домашнимъ обстоятельствамъ своимъ. Сожалѣю объ этомъ для успѣшности комитета, но для себя лично чрезвычайно радъ, тѣмъ болѣе, что это избавитъ меня отъ скуки провести мѣсяцъ съ тобою врозь. Выборы хотя и не совершенно дурные или, лучше, хотя и могли бы быть хуже, оставляютъ насъ, эмансипаторовъ, въ меньшинствѣ, что особенно чувствительно при безхарактерности Арсеньева... а впрочемъ увидимъ".

отдѣльное мнѣніе, и все желаніе всѣхъ членовъ, особенно противной стороны, поскорѣе ѣхать молотить гречиху, чтобы дойти до мирнаго соглашенія. Именно та сторона хотѣла написать и уже написала журналъ, что мы разъѣзжаемся *по хозяйственнымъ нашимъ дѣламъ* (съ цѣлью протянуть дѣло до новыхъ выборовъ), и хотѣли разъѣхаться на два мѣсяца. Я долженъ былъ выкинуть угрозу, что такой предлогъ не обязателенъ для меньшинства, которое не подпишетъ журнала, ибо журналъ будетъ незаконный, и что оно можетъ, если хочетъ, продолжать собираться безъ большинства. Угроза подѣйствовала. Бѣшенные консерваторы согласились измѣнить предлогъ разъѣзда другимъ, болѣе законнымъ, и удовольствовались однимъ мѣсяцемъ; но на меня взбѣшены. Выборы систематически дурны. Дворяне (коноводы) хвастались, что выбираютъ *шлепалъ* (въ первый разъ самъ слышалъ это выраженіе), и что-де Черкасскій ихъ не уломаетъ. Наше меньшинство состоитъ изъ 10, не совершенно другъ съ другомъ согласныхъ лицъ, а въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ вырастетъ до 12, противъ 17 или 15. Губернскій предводитель съ перваго же дня напуталъ, надѣется поладить съ обѣими сторонами, и я долженъ былъ передъ отъѣздомъ ему объяснить, что онъ кончитъ явною съ нами ссорою. При всемъ томъ — не думайте, чтобъ я шелъ напроломъ; напротивъ — я крайне сговорчивъ, но ладить нельзя будетъ, и я вижу впереди одинъ длинный рядъ протестовъ. На вопросѣ о надѣлѣ крестьянъ я постараюсь составить большинство и, къ кровному моему прискорбію, долженъ буду, видно, отказаться отъ мысли сохраненія настоящаго надѣла для того, чтобы получить по крайней мѣрѣ согласіе большинства на надѣлъ отъ 1 до 2 десятинъ на душу. Иначе все пропадетъ. Напишите Вашъ совѣтъ по этому вопросу. Мнѣ онъ очень нуженъ. Хуже, мнѣ кажется, ломаться и все потерять....

„Товарищемъ я выпросилъ себѣ у губернатора Петра Самарина. Дворянство взбѣшено этимъ. — У насъ выборы были чинны, но шумны или лучше сказать — съ обѣихъ сторонъ ожесточенны[1]). Къ крайнему моему изумленію, въ Бѣлевскомъ

[1]) Списокъ членамъ и кандидатамъ тульскаго комитета. По *Тульскому* уѣзду Коптевъ, Воейковъ, кандидатъ Сурменевъ. По *Алексинскому:* — Васильчиковъ, Новосельскій, кандид. Бибиковъ. По *Каширскому:* — Норовъ (бывш. тульскій губернскій предводитель дворянства), Волоцкой, кандид. Золотаревъ. По *Венев-*

уѣздѣ выбранъ Николай Елагинъ и полулибералъ Черкасовъ; это произошло вслѣдствіе давней смертельной ссоры двухъ бѣлевскихъ, почти равносильныхъ, партій. Хомяковъ былъ на выборахъ въ моемъ старомъ мундирѣ.

Была попыткаБобринскихъ и Долгорукова Петра составить манифестацію въ пользу выкупа крестьянъ съ землею правительствомъ. Чернскій уѣздъ, напротивъ, хотѣлъ пустить на балотировку, чтобы крестьянамъ не давать ни вершка. Я и нѣкоторые другіе, боясь, чтобы оба мнѣнія не прошли на балотировкѣ, къ страму дворянства, старались мѣшать и тому и другому и не допустили ничего до балотировки; но на декабрьскихъ выборахъ я обѣщалъ поддерживать первый планъ и, быть можетъ, самъ буду дѣйствовать открыто въ этомъ смыслѣ. С... былъ, хотѣлъ быть избраннымъ въ Новосилѣ, оттеръ для этого тамъ Г... и С..., но и самъ былъ оттертъ; въ Богородицкомъ уѣздѣ велъ себя прилично.

Въ комитетѣ — въ большинствѣ — есть нѣсколько защитниковъ крѣпостного быта умныхъ, непреклонныхъ и писакъ. Плохо! Со всѣмъ тѣмъ, что Вы пишите Самарину о дворовыхъ, барщинѣ, оброкѣ и проч., я совершенно согласенъ. Онъ правъ, что мы не должны давать себя заманить въ сложныя оцѣнки, но этого всегда можно избѣгнуть. Отправленіе рекрутской повинности съ дворовыхъ должно непремѣнно быть производимо на правахъ мелкопомѣстныхъ, съ предложенными Вами изъятіями. Прощайте. Душевно обнимаю Васъ и Самарина; перешлите это письмо Юрію Ѳедоровичу на прочтеніе.

„Душевно преданный кн. *В. Черкасскій.*

„Возвращаю Вамъ письмо Самарина. На праздникахъ, около Новаго года, могу быть не надолго въ Москву. Въ октябрѣ, на съѣздѣ нашего комитета, ожидаются сильныя сцены: большинство хочетъ опять разъѣхаться подъ предлогомъ со-

---

скому: — Марковъ, Пушкинъ, кандид. Цѣнинъ. По *Епифанскому:* — Карбоньеръ, Бибиковъ, кандид. Хрущовъ. По *Богородицкому:* — Ушаковъ, бар. фонъ-Менгденъ, кандид. Ринкъ. По *Ефремовскому:* — Свѣчинъ, Игнатьевъ, кандид. Шидловскій. По *Новосильскому:* — Глазуновъ, Кирѣевъ, кандид. Сухотинъ. По *Чернскому:* — Мининъ, Чижовъ (Чернскій уѣздный предвод.), кандид. Левицкій. По *Кропивенскому:* — Крюковъ, Кулешовъ, кандид. Голиковъ. По *Одоевскому:* — Татариновъ, Тихменевъ, кандид. Арбузовъ. По *Бѣлевскому:* — бар. Черкасовъ, Елагинъ, кандид. Павловъ. *Члены, назначенные начальникомъ губерніи:* кн. Черкасскій, П. Ѳ. Самаринъ. (Современ. Лѣтопись, „Русск. Вѣстн.“ 1858, № 18).

бранія свѣдѣній, и для этого опорочиваетъ тѣ свѣдѣнія которыя были собраны губернскимъ предводителемъ. Они хотятъ послѣдняго выжить и начать настоящее сужденіе уже съ новымъ губернскимъ предводителемъ. — Посмотримъ — въ какой мѣрѣ удастся имъ это. Сверхъ того многіе будутъ у насъ требовать тайной подачи голосовъ".

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ *19-го сентября 1858 года.*

„Письмо Ваше отъ 11-го сентября я получилъ и сегодня отправляю его къ Самарину. Мое письмо и рапортъ перешлите къ нему также безъ промедленія (см. прилож. № 5). Ну вижу, что Вашъ комитетъ пожалуй хуже нашего, чего признаться не ожидалъ. У насъ все идетъ чинно, но бѣда та, что глава оппозиціи очень умный и хитрый человѣкъ. У него адъютанты крайне пронырливые люди и необходимо быть постоянно наготовѣ къ отраженію враговъ. Протесты необходимы, но самая полезная вещь есть слѣдующая: имѣть двухъ, трехъ человѣкъ, черезъ которыхъ можно дѣлать предложенія; самому являться на сценѣ только въ крайнихъ случаяхъ; особенно не зачитывать членовъ. Они воображали, что я ихъ запишу и зачитаю, а вмѣсто того, я прочелъ только одинъ разъ полъ-листочка, а то ограничиваюсь изустнымъ изложеніемъ моего мнѣнія. На рескриптахъ, министерскихъ отношеніяхъ и программѣ необходимо сидѣть верхомъ, ибо все, что можно — это ихъ отстаивать; далѣе итти нѣтъ возможности. Когда отбираютъ мнѣнія, то я стараюсь всегда съ кѣмъ-нибудь согласиться, но въ преніяхъ принимаю довольно живое участіе. Мы такъ сидимъ, что мнѣ всегда приходится спорить съ главою оппозиціи, г. Офросимовымъ, который никогда не горячится, крайне воздержанъ и имѣетъ надо мною преимущество безстрастія. Не знаю, какъ будетъ впослѣдствіи, а теперь тяжело, и вижу, что сочувствіе массы его поддерживаетъ. Впрочемъ, онъ сталъ такъ рѣзко противъ рескриптовъ, министерскихъ отношеній и программы, что дворяне боятся гласно съ нимъ согласиться, и доселѣ онъ не одержалъ верха ни одного раза.

„Существующій надѣлъ не надѣюсь отстоять. Я думаю, что у насъ согласятся на двѣ десятины надѣла на душу и, быть можетъ, при 2-дневной барщинѣ, а за пользованіе усадьбою потребуютъ 10 сгонныхъ дней, т.-е. сверхъ барщины. Усадьбы оцѣнятся жестоко; безъ кадастраціонной комиссіи

мы не обойдемся, ибо оцѣнки усадебъ и земли — баснословныя: первая отъ 200 до 600 руб., а полевая земля отъ 120 руб. до 200 руб. сер. за десятину. На цѣнахъ всего труднѣе побѣдить, ибо они ссылаются на мѣстныя продажи, наемныя цѣны и проч. Я считаю, что тутъ и большой бѣды нѣтъ, ибо изъ большого правительство можетъ сдѣлать и малое. Самое необходимое — это отстаивать начала, общія положенія, ибо изъ нихъ развиваются второстепенныя положенія, которыя опредѣляютъ отношенія между помѣщикомъ и крестьянами. Слова: улучшеніе быта, уничтоженіе крѣпостной зависимости, общественное устройство и проч., вотъ наши главныя пушки. Ими надобно всего чаще дѣйствовать.

„На отдачу всей земли на выкупъ дворянство весьма согласно, но вообразите, почти всѣ желаютъ получить деньги, т.-е. кредитные билеты, но и слышать не хотятъ объ облигаціяхъ. „Серіи — извольте, но Вашихъ облигацій — покорный слуга“, вотъ что слышимъ безпрестанно. Какъ можно бы теперь выгодно купить у нихъ земли для крестьянъ! Прощайте. Пишите въ Рязань; я здѣсь безвыѣздно. № 9 „Благоустройства“ печатается.

„Вамъ душевно преданный *А. Кошелевъ*.

„Самаринъ безпокоится на Вашъ счетъ: не лѣнитесь ли Вы? пишете ли? И я Васъ спрошу: занимаетесь ли второю статьею? Необходимо Вамъ ее скорѣе отдѣлать и тѣмъ пополнить свою первую статью о сельскомъ устройствѣ. Самаринъ прислалъ двѣ статьи: отвѣтъ Бутовскому объ общинномъ землевладѣніи и слѣдующую (предпослѣднюю) статью о Пруссіи. Отъ Самарина имѣю два письма, но личные ко мнѣ“.

Письмо Самарина отъ 19-го іюля, о которомъ князь упоминаетъ въ своемъ письмѣ, направленное сначала къ Кошелеву, только теперь дошло до Черкасскаго (см. его письмо отъ 11 сентября). По содержанію оно распадается на двѣ части. Первая служила отвѣтомъ на первое окружное посланіе Кошелева и Черкасскаго, почему мы и помѣстили ее непосредственно за ихъ письмами (см. выше стр. 111), вторая же, въ свою очередь, запрашивала ихъ мнѣнія по вопросамъ о дворовыхъ людяхъ и о сельскихъ обществахъ.

По вопросу *о дворовыхъ* мнѣніе Самарина въ общихъ чертахъ состояло въ слѣдующемъ. Не причисляя ихъ къ сельскимъ обществамъ, оставить во все продолженіе переходнаго

состоянія при помѣщикѣ и на его отвѣтственности. Ему же слѣдуетъ платить подати за дворовыхъ. Для исправленія рекрутской повинности слѣдуетъ всѣхъ дворовыхъ, приписанныхъ къ одному, или двумъ уѣздамъ, соединять въ одинъ рекрутскій участокъ и рекрутъ ставить по жребію. За все время переходнаго состоянія дворовые обязаны работать на помѣщика, мужчины отъ 16 до 55 лѣтъ, женщины отъ 17 до 45 лѣтъ; но имъ надобно предоставить право, внеся за годъ впередъ оброкъ, получить годовой паспортъ. Равнымъ образомъ дворовымъ должно быть предоставлено право отдавать дѣтей въ ученье до 17 лѣтъ безплатно, а съ этого возраста, внося за нихъ легкій оброкъ. На помѣщиковъ слѣдуетъ возложить обязанность выдавать дворовымъ продовольствіе, отопленіе, одежду и жалованье. Право выдавать отпускныя безъ согласія увольняемыхъ слѣдовало бы ограничить нѣкоторыми правилами и т. д.

По вопросу *о сельскихъ обществахъ* Самаринъ полагалъ, что „сельское общество, какъ низшая административная единица, должно совпадать съ единицею хозяйственною; иными словами: домохозяева, надѣленные землею вмѣстѣ, въ совокупное пользованіе, должны составить одно общество сколько бы ихъ ни было[1]). На этомъ основаніи одна большая деревня можетъ быть разбита на два общества, двѣ небольшія деревни соединены въ одно. Въ селеніяхъ разнопомѣстнаго владѣнія, если владѣльцы размежеваны, каждый надѣляетъ своихъ крестьянъ изъ своей земли, и образуется столько же обществъ, сколько надѣловъ; въ селеніяхъ разнопомѣстнаго владѣнія, не размежеванныхъ, всѣ домохозяева, въ томъ селеніи живущіе, надѣляются землею изъ общей дачи (которая на сей разъ разсматривается, какъ одно цѣлое) и учреждается одно общество.

„Но вотъ гдѣ возникаетъ трудность. Въ такомъ имѣніи всѣ домохозяева составляютъ одно общество; начальникъ или попечитель будетъ у нихъ одинъ (положимъ, что владѣльцы назначутъ на эту должность одного изъ себя); но это единое общество должно будетъ исправлять повинности на троихъ, четверыхъ, пятерыхъ владѣльцевъ[2]). У каждаго крестьянина будетъ свой по-

[1]) Примѣч. Кошелева: „Полагаю, что общества должны по возможности сообразоваться съ раздѣленіемъ на приходы“.

[2]) Idem. „Большого неудобства не вижу“.

мѣщикъ, на котораго онъ будетъ исправлять повинности, и другой общій помѣщикъ (начальникъ или попечитель).

„Такое положеніе при барщинѣ невыносимо. Можно легко массу денежнаго оброка, вносимаго цѣлымъ обществомъ, дробить на части или доли между владѣльцами пропорціонально съ ихъ правами, но какъ дробить рабочія силы, т.-е. людей? Поэтому я предлагаю въ такихъ имѣніяхъ ввести немедленно обязательный оброкъ, испросивши у правительства, чтобы оброкъ за первый годъ внесенъ былъ впередъ изъ казны, или, по крайней мѣрѣ, чтобы казна доплатила отъ себя то, чего не въ силахъ будутъ внести крестьяне. Какъ Вы объ этомъ думаете? [1])

„Противъ соединенія обществъ въ волости я рѣшительно протестую, по крайней мѣрѣ, на все время переходнаго состоянія — волости не только безполезны, но были бы даже вредны [2]). Къ чему поведетъ сходка надъ сходкой, староста надъ старостой, помѣщикъ крупный (волостной начальникъ), поставленный надъ помѣщикомъ мелкимъ (сельскимъ начальникомъ)?

„Очень бы мнѣ хотѣлось видѣть предположеніе Черкасскаго объ уѣздномъ управленіи. Проектъ, составленный въ Петербургѣ, есть произведеніе нелѣпѣйшее и въ то же время дурной признакъ. Замѣтно стремленіе все земство поставить въ осадное положеніе“...

Кошелевъ, препровождая это письмо Самарина — Черкасскому, приложилъ къ нему и свой подробный отвѣтъ Самарину (2-го сентября).

„...Очень радъ, писалъ онъ ему, что въ положеніи о дворовыхъ мы сошлись. Вполнѣ согласенъ, что слѣдуетъ: 1) установить оброкъ, по взносѣ коего всякій дворовый можетъ уйти отъ помѣщика; 2) постановить право о движимой собственности дворовыхъ; 3) дозволить отцамъ отдавать дѣтей въ ученіе; но не могу согласиться... на составленіе участковъ изъ дворовыхъ для отбыванія рекрутской повинности. Не имѣю мѣста и времени для изложенія причинъ. Напишите статью или письмо по этому предмету, и тогда я Вамъ отвѣчу, а писать подробно и къ Вамъ и для журнала не имѣю времени. Очень было бы хорошо, поразвить этотъ предметъ, а то до сихъ поръ нѣтъ ни одного отзыва на мою статью о дворовыхъ.

[1]) Idem. „Это невозможно“.

[2]) Idem. „Съ этимъ я вполнѣ согласенъ“.

„Черкасскій написалъ великолѣпную статью о сельскомъ управленіи. Ив. С. Аксаковъ очень доволенъ моей статьей объ общинномъ владѣніи землею. Очень желаю знать Ваше мнѣніе о ней. Думаю, что въ ней я представилъ кое-какія новыя соображенія. Вамъ необходимо отвѣчать, ибо Вы становитесь авторитетомъ противъ общиннаго владѣнія. Я защищаю Васъ какъ умѣю, но Вамъ необходимо подать голосъ...

„Вы настаиваете, чтобы барщина была принята за норму и чтобы дворянство, утвердивши нынѣшній надѣлъ (см. стр. 118—119 письмо Самарина) отказалось отъ одного изъ трехъ дней? — Дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, гдѣ Вы? Дворянъ нѣтъ силъ вогнать въ три дня, а Вы хотите чтобъ ради слова „улучшеніе быта“, они пожертвовали цѣлою третью доходовъ!

„Нѣтъ, это чистѣйшая невозможность[1]). *Улучшеніе* быта есть *освобожденіе;* далѣе Вы ничего не получите. Хлопочите объ удержаніи нынѣшняго надѣла съ 3-дневной барщиной, или о двухъ дняхъ барщины съ уменьшеннымъ надѣломъ. Дворяне склонны къ послѣднему, а я желалъ бы для крестьянъ перваго.

„По-моему, теперь необходимо: уяснить сколько для каждой мѣстности необходимо земли, потому что *нормальный* надѣлъ будетъ назначенъ, и повинности разочтутся по немъ. У насъ Шишковскіе 20 дней за десятину находятъ много отголосковъ. У насъ довольно расположены дать по 2 десятины на душу, но никакъ не болѣе. Этого мнѣнія держутся у насъ самые передовые люди — это грань, до которой безусловно не дойдутъ, а положатъ ограниченіе по разрядамъ много средне и мало-земельныхъ имѣній и будетъ 2, 1½ и 1 десятина. За нынѣшній надѣлъ едва трое и тѣ не твердо стоятъ, и очень охотно ради единогласія перейдутъ на противную сторону“.

Препровождая Самарину письмо Кошелева, князь писалъ *11 сентября 1858 г.:*

„Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, сейчасъ писалъ Кошелеву о нашихъ тульскихъ выборахъ и комитетѣ и прошу его

---

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ возражалъ на это 28-го сентября 1858 г. „Изъ письма Эшмана Вы увидите, что уступка одного дня въ недѣлѣ вовсе не такъ страшна и не такъ невозможна, какъ Вамъ кажется и что на сей разъ я вѣрнѣе Вашего угадалъ предѣлъ возможной уступки“. (См. въ приложеніи письмо Эшмана № 6).

переслать Вамъ мое письмо. Къ Вамъ отправляю его къ Вамъ письмо, съ коимъ — во всемъ, что въ немъ говорится объ эмансипаціи — я вполнѣ согласенъ отъ слова до слова. Наши дѣла худы; не отъ одной мечты придется намъ отказаться въ нашихъ комитетахъ; они, по крайней мѣрѣ нашъ, систематически набраны, и мы рѣшительно въ меньшинствѣ. Петръ Ѳедоровичъ назначенъ мнѣ въ товарищи; я душевно радуюсь этому и полагаю, что это будетъ и для него занятіе вмѣстѣ пріятное и небезполезное. Онъ уже нанялъ квартиру въ Тулѣ, куда мы всѣ должны съѣхаться къ 7 октябрю окончательно. А между тѣмъ, вотъ моя къ Вамъ *усерднѣйшая, всепокорнѣйшая* и *всенужнѣйшая* просьба. Исполнивши ее, Вы окажете мнѣ истинную услугу. Зная, что выполнить ее можно только съ помощью чиновниковъ и писарей Самарской Палаты Государств. Имуществъ, а слѣдовательно съ помощью денегъ, усерднѣйше прошу Васъ на этотъ предметъ, если нужно, употребить до 300 руб. на мой счетъ, которые по вашемъ увѣдомленіи, я сейчасъ Вамъ вышлю. Вотъ въ чемъ дѣло (я не объясняю Вамъ моихъ побужденій и плановъ, которые Вы впрочемъ легко можете угадать; но когда дѣло нѣсколько подвинется, я Вамъ все подробно объясню. Только ради Бога — до того времени — храните безусловное молчаніе; это мнѣ необходимо):

„Правительство владѣетъ, по отчету Министерства Государств. Имуществъ, въ Самарской губ. болѣе чѣмъ 3.000.000 десятинъ пустопорожнихъ земель. Мнѣ необходимо знать: во-1-хъ сколько изъ этой земли въ какомъ уѣздѣ, во-2-хъ: сколько изъ нея можно, примѣрно считать неудобною, т.-е. никуда не годной, въ-3-хъ: среднюю, *не высокую* оцѣнку этѣхъ земель по уѣздно. Всѣ эти свѣдѣнія, кромѣ оцѣнки, должны быть въ Палатѣ. Оцѣнка средняя, благоразумная, Вами легко можетъ быть почерпнута изъ свѣдѣній комитета, и еще лучше отъ самихъ членовъ. Сдѣлайте милость — не откажитесь выполнить мою просьбу, за исполненіе которой я Вамъ буду несказанно благодаренъ. Вы вѣроятно не мало поморщитесь по полученіи этого письма. Ну, что дѣлать, какъ ни безсовѣстна моя просьба, а выполните и не жалѣйте денегъ. Прощайте, будьте здоровы. Спасибо Вамъ за обстоятельныя Ваши письма; я сохраняю у себя копіи съ большей части изъ нихъ. Увидимся ли нынѣшнею зимою въ Москвѣ, хоть на короткое время? Я готовъ на праздники туда пріѣхать. Душевно преданный кн. *В. Ч.*

„Съ 5-го октября мой адресъ въ Тулѣ: д. Хрипкова".

Получивъ отъ Самарина письмо отъ 28-го августа, Кошелевъ препроводилъ его Черкасскому при слѣдующемъ письмѣ отъ *9-го сентября* (и то и другое приводимъ полностію).

„Препровождаю при семъ письмо Самарина, дражайшій князь. Что Вы не пишете о своихъ выборахъ и о томъ, когда откроется у васъ комитетъ. Какъ онъ у васъ составленъ? Знаю, что выбранъ Николай Елагинъ. Я этимъ очень доволенъ.

„Нашъ комитетъ идетъ кое-какъ. За дѣло не принимались, все ходимъ вокругъ дѣла. Два засѣданія были посвящены спорамъ о томъ: что̀ такое усадьба? Вопросъ былъ внесенъ ни съ того ни съ сего. Я былъ противъ разсмотрѣнія этого вопроса до разсужденій о главѣ IV, но членамъ захотѣлось поговорить, и два засѣданія были заняты этимъ и кончились тѣмъ, чѣмъ слѣдовало начать: отложили рѣшеніе до разсужденій о главѣ IV. Наконецъ, вчера избрали подготовительную комиссію. Она составлена хорошо; изъ нашихъ: Колеминъ и Протасьевъ; съ противной стороны: Офросимовъ (котораго и мы писали) и еще изъ двоихъ, болѣе расположенныхъ къ намъ, чѣмъ къ нимъ: кн. Волконскаго и Бѣгичева. Вообще, составъ порядочный. До сихъ поръ не было ни одной баллотировки, по которой можно бы было составить рѣшительное мнѣніе о тѣхъ членахъ, которые доселѣ являются ни рыбою ни мясомъ, а они будутъ рѣшать, ибо нашихъ и явныхъ противниковъ нашихъ число ровное. Думаю, что le ventre будетъ большею частію соединяться съ нашими противниками, а потому думаю, что наше положеніе будетъ весьма невзрачное.

„Отослали ли Вы свою статью о сельскомъ устройствѣ въ Москву къ И. С. Аксакову?

„Въ Твери идутъ хорошо: подготовительная комиссія предложила отмѣну барщины, выкупъ усадебъ и полевой земли. Не знаю еще, что скажетъ объ этомъ комитетъ [1]). На дняхъ по лучу отъ Унковскаго копію съ журналовъ. Наши журналы еще до того пусты, что не стоитъ и присылать съ нихъ копіи. Просто дребедень. Прощайте, дражайшій князь, перешлите это письмо къ Самарину. *А. Кошелевъ*".

---

[1]) Въ Твери губернаторомъ въ то время былъ гр. П. Т. Барановъ, которому кн. Черкасскій писалъ еще *15 іюня 1858 г.*:

„Очень радъ, что ты назначилъ Бакунина (Н. А. Бакунинъ — членъ отъ правительства), объ которомъ я слышалъ много хорошаго это должно-быть

Письмо Самарина. С. Васильевское *28 августа 1858 г.*

„Спѣшу отвѣчать на Ваши письма, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ и кн. Владимиръ Александровичъ, по пунктамъ.

„1) *Александру Ивановичу.* Не понимаю почему Васъ такъ озабочиваетъ и безпокоитъ вопросъ объ общинѣ?[2]) Въ практи-

---

братъ моихъ университетскихъ товарищей, которыхъ я нынѣшнею зимою встрѣтилъ въ Римѣ. — Хлопотъ же я и самъ думаю тебѣ не миновать большихъ, но признаюсь, если взять нѣсколько вліянія на Унковскаго и К°, то я все-таки полагаю, что они въ комитетѣ лучшіе союзники противъ прочихъ членовъ, которые вѣроятно будутъ глупые и ожесточенные консерваторы. Главнымъ образомъ я полагаю, надобно отстаивать, чтобы комитетъ непремѣнно опредѣлилъ уничтоженіе барщины, нормальные оброки и сохраненіе за крестьянами всей усадебной, выгонной и пахотной земли, сперва въ неотъемлемое пользованіе, а послѣ и съ правомъ выкупа оныхъ. Часть луговъ и большая часть лѣсовъ, особенно строевыхъ, могутъ быть сохранены за помѣщиками безъ особеннаго вреда. Если комитетъ на это согласится и это сдѣлаетъ, то конечно можно позволить ему дать себѣ утѣшеніе потребовать у правительства финансовой операціи, которая, по моему мнѣнію, неизбѣжна въ будущемъ. Опасность лишь въ одномъ, чтобъ комитетъ не увлекся однимъ послѣднимъ соображеніемъ, не дѣлая ничего касательно первыхъ существеннѣйшихъ предметовъ. Вотъ это будетъ плохо и безплодно".

[2]) Эта отписка къ Кошелеву по вопросу объ общинѣ была вызвана тѣмъ, что Кошелевъ еще 14-го іюля писалъ Самарину: Въ „Земледѣльческой Газетѣ" упоминается объ Васъ и Вашими словами бьютъ общинное начало. Я упомянулъ объ этомъ въ библіографіи и мой краткій отзывъ изъ библіографіи „Сельск. Благоустр." за апрѣль при семъ прилагаю, будучи увѣренъ, что вы не оставите безъ отвѣта статьи „Земледѣльческой Газеты". (Въ біогр. К. И. Кошелева т. II, подробно изложена полемика „Объ общ. землевлад.", см. стр. 301—411).

Въ 1-й книжкѣ „Сельск. Благоустр." за 1858 г. была помѣщена (подъ видомъ „письма къ издателю" статья Ю. Самарина (Соч. Т. III, 3—18 стр.): „О поземельномъ общинномъ владѣніи", гдѣ, перечисляя выгоды общиннаго землевладѣнія при тягловомъ надѣлѣ, Ю. Ѳ—чъ не скрывалъ и его невыгоды. „По мѣрѣ того, писалъ онъ здѣсь, какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствіе даровыхъ силъ природы, увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ, а слѣдов. и общиннаго владѣнія Между тѣмъ, очевидно, что совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда, капитала, и что причины, заставившія нашихъ крестьянъ и помѣщиковъ отказаться въ среднихъ губерніяхъ отъ ежегодныхъ передѣловъ (еще недавно повсемѣстно существовавшихъ) и ввести продолжительные сроки пользованія пашнею, потребуютъ со временемъ совершеннаго прекращенія передѣловъ. Допущеніе ихъ черезъ долгіе или неопредѣленные сроки есть только переходный моментъ на пути къ этому результату, моментъ, на которомъ нельзя удержаться, ибо трудность не побѣждена, а только отсрочена" (стр. 15).

Кошелевъ думалъ устранить эту трудность, допуская *наслѣдственное пользованіе* надѣлами. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ къ нему по этому поводу:

ческомъ отношеніи онъ не имѣетъ никакой важности; ибо разрѣшеніе его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Это, можетъ-быть, единственный вопросъ, въ которомъ интересъ казны и помѣщиковъ совпадаетъ съ народнымъ обычаемъ. Оппозиція противъ общиннаго владѣнія въ пользу личной собственности идетъ не отъ помѣщиковъ или правительства, а отъ ученыхъ или почитающихъ себя учеными, во имя такъ называемой науки. Господь съ ними!*)

„2) Но Вы идете слишкомъ далеко, требуя непремѣнно, чтобы усадебная осѣдлость выкупалась не иначе какъ міромъ. Съ этимъ я никакъ не согласенъ. Во-1-хъ, de facto, усадьбы, кромѣ выгона, разсматриваются крестьянами уже почти какъ личная собственность; во-2-хъ, личный выкупъ пойдетъ гораздо скорѣе и легче, даже едва ли возможна другая форма выкупа**).

„27 сентября 1858 г. ...Я получилъ на дняхъ №8. „Благоустройства". Въ вашей статьѣ есть очень много дѣльнаго и мѣткаго, но если ужъ придираться (какъ всегда подобаетъ между пріятелями и сотрудниками), то я замѣтилъ бы, que le ton est trop acerbe. Это придирка, а вотъ серіозное возраженіе: допустивши на стр. 125-й возможность прекращенія передѣловъ, Вы, eo ipso, отреклись отъ общиннаго владѣнія и пожертвовали имъ. Я не читалъ статей Тернера и Соловьева, которымъ Вы возражаете, а желалъ бы прочесть, потому что я намѣренъ и уже началъ писать разборъ статей Иванова и Неелова въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Если Соловьевъ и Терперъ у Васъ подъ рукой, то пришлите мнѣ ихъ въ Самару по данному Вамъ адресу..." и далѣе въ postscriptum'ѣ:

„28 сентября. Сегодня я получилъ Ваше письмо отъ 2-го сентября, пересланное ко мнѣ Черкасскимъ. Въ Вашей статьѣ много прекраснаго и дѣльнаго, но, повторяю, допустивши возможность прекращенія передѣловъ, Вы уступили гораздо больше, чѣмъ я". Кошелевъ возражалъ на это 12 октября 1858. г.:

„...Не понимаю, почему Вы думаете, что передѣлы составляютъ существенную часть общиннаго владѣнія и что оно не можетъ существовать съ наслѣдственнымъ пользованіемъ! Это мое мнѣніе не есть догадка, предположеніе, — а фактъ; усадьбы находятся не въ общинномъ владѣніи, а наслѣдственномъ пользованіи; то же должно сказать и о конопляникахъ во многихъ имѣніяхъ и о хорошихъ полевыхъ земляхъ, которыя также въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не подлежатъ передѣлу. Нѣтъ, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, наслѣдственное пользованіе есть въ будущемъ необходимая форма владѣнія общинною землею. Этимъ однимъ можно устранить тѣ неудобства, на которыя Вы указали съ такимъ краснорѣчіемъ, что Вами восхищаются наши противники" (См. ниже стр. 161 и 177 отзывъ кн. Черкасскаго).

*) *Примѣч. Кошелева:* „Несправедливо, ибо много членовъ комитета и публика, сбитые съ толку журнальными статьями, стоятъ за личную собственность и противъ общинной".

**) *Примѣч. Кошелева:* „Вовсе не справедливо".

„3) Вы мнѣ пишете, достаньте непремѣнно № 6 „Библіотеки для чтенія“, достаньте „Экономическій Указатель“, достаньте то, другое — это легко говорится — гдѣ же прикажете достать въ степной глуши.

„4) Одну статью, рецензію на Бутовскаго, я Вамъ послалъ[1]), послѣ я досадовалъ на себя — зачѣмъ послалъ ее. Она написана нѣсколько рѣзко, да и не стоило. Четвертая, большая статья о Пруссіи (выкупъ повинностей и Renten-Bank) готова и Вы ее получите въ сентябрѣ; послѣднюю статью о Пруссіи, которою окончится эта длинная серія, Вы получите въ началѣ ноября и затѣмъ на 1858 г. — баста! Это составитъ моихъ статей въ „Благоустройствѣ“ — 9.

„*Черкасскому*[2]). 1) Я признаюсь, не вижу никакихъ особенныхъ затрудненій установить для дворовыхъ жеребьевый порядокъ. Оставить ихъ въ полной зависимости отъ помѣщиковъ на все время переходнаго состоянія, или пока они не выкупятся, и предоставить помѣщику сдавать ихъ въ рекруты по *усмотрѣнію*, считаю невозможнымъ. Остаться при этомъ — значило бы отказаться отъ выполненія задачи въ отношеніи къ цѣлому классу крѣпостныхъ людей, которые не менѣе крестьянъ заслуживаютъ покровительства закона и нуждаются въ немъ едва ли не больше, ибо съ утра до ночи и непосредственно несутъ на своихъ плечахъ бремя личнаго произвола и прихоти.

„2) По моему мнѣнію, единица административная должна совпадать съ единицею хозяйственною: гдѣ общее владѣніе землею, тамъ и общество, ибо всѣ интресы, вся жизнь крестьянъ тѣсно связаны съ землевладѣніемъ. Этой основы общежитія ничѣмъ замѣнить нельзя, ниже приходомъ, и вотъ почему. Если сдѣлать единицею приходъ — у насъ будутъ двѣ общины: церковная и хозяйственная, двѣ сходки, и раздвоеніе пройдетъ черезъ общественныя формы. Это уже существенное неудобство. Второе — къ одному и тому же приходу приписаны крестьяне помѣщичьи, удѣльные, казенные: какъ Вы ихъ соедините въ одно общество и подъ одно управленіе?

---

[1]) Статья озаглавлена: „Общинное владѣніе и собственность“ Бутовскаго („Руск. Вѣстн.“ 1858 г. № 13). Самаринъ, „Сельское Благоустр.“ кн. III, 1858 г.

[2]) Очевидно, что Самаринъ отвѣчаетъ здѣсь на одно изъ писемъ кн. Черкасскаго, не дошедшихъ до насъ, гдѣ онъ излагалъ ему свой взглядъ на дворовыхъ и на сельское управленіе.

Черкасскій называетъ приходъ единицею *неизмѣнною*, — он измѣняется частехонько, гораздо чаще чѣмъ хозяйственная которая точно *будетъ* неизмѣнною, — *удовлетворительнаго раз мѣра* — далеко не вездѣ; у насъ къ одному приходу приписань селенія, отстоящія на 30 верстъ. Мнѣ кажется, что эта еди ница сдѣлается возможною, только тогда, когда упразднитс вовсе или заключится въ тѣсные предѣлы элементъ помѣ щичій, а крестьяне помѣщичьи, казенные, удѣльные сольютс въ одно сословіе поселянъ-собственниковъ. До тѣхъ поръ я стою крѣпко за хозяйственную единицу, т.-е. не *вотчину*, *общество, надѣленное землею въ мірское владѣніе**).

„3) Такое общество, по моему мнѣнію, *ни подъ какимъ видом* не должно подлежать дробленію — это conditio sine qua non а имѣніе, вмѣщающее въ себѣ нѣсколько обществъ, почем не дѣлить на столько частей, сколько есть отдѣльныхъ об ществъ. Мызную землю дѣлить безъ ограниченія.

„4) Обязательное соединеніе въ одно общество крестьян разнопомѣстнаго владѣнія, но живущихъ въ одномъ селѣ и не размежеванныхъ, а состоящихъ въ чрезполосности, — возможно, вотъ почему. Норма надѣла дана общая и опредѣляется потреб ностью прокормленія и уплаты податей. Слѣдовательно, значи тельной разницы въ надѣлѣ допустить нельзя. А та разница, ко торая будетъ неизбѣжна, исчезнетъ при опредѣленіи повинно стей съ тягла. Напримѣръ, при надѣлѣ 8 десятинъ на душу, — на 100 душъ положится 40 тяголъ; при надѣлѣ 7 десят. — 35 тяголъ. Тягота будетъ ровна. Но въ такого рода обще ствахъ я полагаю необходимымъ немедленный и обязатель ный переводъ на оброкъ, гарантированный правительством на 10 лѣтъ; ибо одно общество подъ однимъ *мірскимъ управл ніемъ, при общемъ надѣлѣ землею*, не можетъ отработыват барщину на пятерыхъ владѣльцевъ.

„Наша система круговой переписки имѣетъ одно неудобств я получаю отвѣты и замѣчанія на сдѣланные мною запрос черезъ три недѣли, а что такое я писалъ — вышло изъ ш

---

*) Прим. Кошелева на поляхъ: „Есть много дѣльнаго, но можно возража его же орудіемъ. Каковы будутъ общества изъ 100, 80, 40, 20 и наконе 10 душъ? Нѣтъ, Ваша единица по-моему лучше. Надобно ее защищать. Мож и должно допустить исключенія, но держаться прихода". — См. Семенова т. Освоб. кр. стр. 215—216 споръ по этому вопросу кн. Черкасскаго съ Сама р нымъ въ Редакц. Ком.

мяти. Придется поступать такимъ образомъ: я перепишу свой проектъ и пошлю его къ Вамъ на строгій разборъ. Не полѣнитесь наставить, исправить и научить".

Черкасскій писалъ Самарину *21-го сентября:*

„Отправляю Вамъ, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, письмо Кошелева и Ваше къ нему письмо съ его примѣчаніями. И то и другое Вы получите очень поздно, потому что письмо было адрессовано ко мнѣ въ Тулу, откуда нашъ комитетъ между тѣмъ разъѣхался, отсрочивъ свои засѣданія до 7-го октября. О составѣ его и о нашихъ выборахъ Вы уже имѣете вѣроятно понятіе изъ письма моего къ Кошелеву, которое я просилъ его переслать къ Вамъ [1]). Новаго покуда ничего.

„Въ отвѣтъ на Ваше письмо скажу Вамъ:

„1) Что совершенно согласенъ съ Вами, что Алекс. Ив. зашелъ слишкомъ далеко въ поклоненіи общинѣ; не знаю, совершенно ли я согласенъ даже и съ Вами насчетъ ея будущности, думаю, что и Вы нѣсколько грѣшите тѣмъ же, чѣмъ и Кошелевъ; но онъ — ужъ изъ рукъ вонъ [2]). Его статья — въ № 8 „Благоустройства" — написана очень живо и умно, но съ пятью или шестью изъ главныхъ его тезисовъ я никакъ не соглашусь, а заключительныя его слова — просто ересь противъ развитія историческаго. Какому-либо учрежденію можно искать дать *нѣкоторую* упругость и устойчивость, на подобіе

[1]) См. стр. 147 письмо отъ 11-го сентября.

[2]) Въ своей статьѣ: „Поземельная собственность и общинное владѣніе", написанной имъ въ отвѣтъ С. Иванову и появившейся въ 12-й книгѣ „Сельск. Благоустр." 1858 г., Самаринъ писалъ: „Защищая хозяйственную общину, у *насъ въ Россіи и въ настоящее время* (курсивъ въ подлинникѣ), я однакоже не выдаю ее за форму безукоризненную и общепримѣнимую. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы возможно было изобрѣсти такую формулу. Общинное землевладѣніе имѣетъ свои существенныя неудобства, которыхъ я не скрывалъ. Въ немъ таится внутреннее противорѣчіе, свидѣтельствующее, что эта форма не можетъ быть вѣковѣчною, а должна измѣниться путемъ свободнаго развитія. Такія же, быть можетъ еще большія, неудобства и вопіющія противорѣчія, уже раскрытыя критикою, представляетъ личная, неограниченная собственность, стремящаяся, съ одной стороны, къ измельчанію и саморазложенію, и тѣмъ самымъ, вызывающая, съ другой стороны, искусственныя мѣры для сдержанія ея въ извѣстныхъ предѣлахъ... Чѣмъ разрѣшится противорѣчіе, лежащее въ общинномъ землевладѣніи, на какія мѣры наведетъ со временемъ потребность устранить его неудобства и какое направленіе приметъ развитіе народнаго хозяйства? — Эти вопросы мы можемъ смѣло предоставить будущему. По крайней мѣрѣ, я лично сознаю себя неспособнымъ составить программу для цѣлаго народа на сто лѣтъ впередъ" (стр. 169—170).

охраняющаго торизма, но искать искусственнаго поддержанія на вѣки чего бы то ни было, — буди это вѣра православная или община, — это слишкомъ много; этимъ скорѣе повредишь даже и самому защищаемому дѣлу.

„2) *Касательно дворовыхъ* долженъ признаться, что доводы Ваши меня не убѣждаютъ: я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, которое, думаю, одно можетъ имѣть успѣхъ и въ комитетахъ; къ тому же — кто мѣшалъ Вамъ (сверхъ права выходить на оброкъ и на волю за извѣстную цѣну) улучшить положеніе дворовыхъ — признаніемъ за ними всѣхъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ правъ. Это все что-нибудь и положеніе ихъ будетъ, этою совокупностью мѣръ, чувствительно улучшено...

„3) Не пишу къ Вамъ подробно о *сельскомъ управленіи;* первая часть моей статьи выйдетъ 1-го октября. Я надѣюсь, что она разсѣетъ многія Ваши предубѣжденія. Свое воззрѣніе въ этомъ дѣлѣ я считаю существенно важнымъ. Сожалѣю только о томъ, что слишкомъ избѣгалъ прямого и подробнаго осужденія волостного порядка Государственныхъ Имуществъ и не раскрывалъ подробно его практической несостоятельности, что было бы очень легко, но боялся цензуры. Въ деревнѣ не знаешь, какъ писать. На Ваши доводы замѣчу Вамъ лишь одно: мнѣ кажется, Вы сами чувствуете, какъ опасно принять за единицу управленія — единицу хозяйственную, дворянское имѣніе и контору, и въ видѣ compromis, какъ бы прячетесь за общее владѣніе землею. Но подумали ли Вы, что на практикѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (повторяю — даже не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ) не размежеванныхъ дачъ — общее владѣніе крестьянъ землею совпадаетъ съ предѣлами отдѣльнаго имѣнія (притомъ большею частью крайне дробнаго). Даже и въ размежеванныхъ общихъ дачахъ, гдѣ крестьяне разныхъ владѣльцевъ владѣютъ землею черезполосно, и тамъ крестьяне каждаго владѣльца имѣютъ различное количество угодій. (Разница въ надѣлѣ не только можетъ быть, но дѣйствительно встрѣчается *крайняя;* я могъ бы Вамъ представить разительные примѣры изъ собственнаго опыта).

„Владѣніе въ общей черезполосной дачѣ не дѣлаетъ крестьянъ способными платить оброкъ, не дастъ имъ ума, промысла, капитала. Далѣе—приходъ—все-таки несравненно постояннѣйшая единица, чѣмъ имѣніе, и сообщеніе ей еще постояннѣйшаго характера единства исключительно зависитъ отъ закона.

Далѣе, новое административное раздѣленіе должно намѣтить будущее, содержать въ себѣ сѣмя его развитія, а это — исключительное преимущество приходскаго дѣленія. Наконецъ въ пользу прихода — говоритъ множество практическихъ и нравственныхъ данныхъ, которыя мною довольно подробно обозначены и которыя конечно Вы оцѣните.

„Прошу Васъ серьезно, — не устанавливайте окончательно Ваше воззрѣніе на это дѣло, не выслушавши меня и не подумавъ серьезно. Не забудьте, что будущность дѣла — много зависитъ отъ избранія административной единицы, ближайшей къ крестьянину. Это — дѣло первостепенной важности.

„Прощайте, душевно обнимаю Васъ. Кн. *В. Ч.*

„P. S. Многіе помѣщики будутъ противъ прихода, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые предпочитаютъ инвентарь освобожденію. Ужъ этотъ одинъ симптомъ долженъ бы Васъ склонить на мою сторону; онъ несомнѣненъ".

Ю. Ѳ. Самаринъ отвѣчалъ *9-го октября:*

„Я получилъ здѣсь почти въ одно время два письма Ваши, любезнѣйшій князь, отъ 11-го и 21-го сентября. Свѣдѣнія, Вами требуемыя, о пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ я добуду безъ всякаго труда, безъ хлопотъ и не расходуя ни копѣйки. Дайте мнѣ только время познакомиться и уничтожить господствующее противъ меня предубѣжденіе. Я прошу мѣсяцъ сроку. Да еще вотъ что: Вы спрашиваете о казенныхъ земляхъ; извѣстно ли Вамъ, что здѣсь огромное количество земли передано изъ казны въ удѣлъ? Нужны ли Вамъ удѣльныя земли? Только заранѣе Васъ предупреждаю, что трудъ Вашъ будетъ напрасный; nous avons déja sondé le terrain [1]).

„Нѣтъ не согласенъ я съ Вами насчетъ дворовыхъ, и скажу болѣе — самые отчаянные консерваторы здѣсь внутренно распростились со своими правами на ихъ личность. Нельзя ихъ оставить въ кабалѣ.

„Что касается до прихода, то, воля Ваша, Вы не правы, и доводы Ваши идутъ въ разрѣзъ одинъ другому; но объ этомъ — ни слова. Ожидаю съ нетерпѣніемъ Вашей статьи объ администраціи...

„Мы имѣли шесть засѣданій... Мужайтесь, мужайтесь, людіе Божіе! Духъ смиренномудраго терпѣнія даруй намъ, рабамъ Твоимъ".

[1]) Въ арх. кн. Ч—скаго № 14 — Свѣд. о количествѣ государств. удѣльныхъ земель по Самарской губ.

Въ тотъ же день *(21-го сентября)* кн. Черкасскій писалъ Кошелеву:

„Любезный Александръ Ивановичъ! Письмо Ваше отъ 28-го августа [1]) со вложеніемъ письма Самарина я получилъ поздно, ибо оно лежало долго въ Тулѣ, а потому самъ отвѣчаю Вамъ только сегодня, и только сегодня отсылаю оба — къ Самарину.

„Его доводы противъ прихода меня не трогаютъ вовсе, и я почти увѣренъ, что онъ, по прочтеніи моего сегодняшняго отвѣта и моей статьи, согласится со мною. Я считаю наше воззрѣніе въ этомъ дѣлѣ существенно важнымъ и ни за что не уступлю его. Сожалѣю только, что въ своей статьѣ мало окритиковалъ (изъ практическихъ данныхъ) волостное устройство Государственныхъ Имуществъ, а это было бы очень легко, ибо у меня подобрано нѣсколько фактовъ. Но я боялся цензуры; будь я въ Москвѣ, я писалъ бы свободнѣе.

„Вашу статью объ общинѣ прочелъ разъ; на дняхъ опять перечту. Поздравляю Васъ съ нею, какъ съ литературнымъ успѣхомъ, ибо она написана крайне живо и умно, и факты подобраны прелюбопытные. Но, откровенно, я съ Вами не согласенъ, и послѣднія строки Вашей статьи, въ моихъ глазахъ, — ересь непростительная. Можно съ точки зрѣнія торизма поддерживать и общину, и Церковь православную, но положительными законами увѣковѣчивать какое бы то ни было учрежденіе, это невозможно въ смыслѣ историческомъ и неблагоразумно въ политикѣ, а поддерживать такое мнѣніе въ литературѣ, по моему крайнему разумѣнію, опасно для успѣха самаго защищаемаго дѣла и для будущности славянофильства, ибо оно только ожесточитъ Вашихъ враговъ и дастъ имъ удобное, легкое орудіе и справедливые противъ Васъ доводы.

„Жаль, что не могу поговорить съ Вами; надобно бы на словахъ провѣрить 5 или 6 Вашихъ окончательныхъ тезисовъ, а именно: 4-й, 7-й, 11-й, 14-й и 15-й. Рѣшительно — Вы увлеклись. Если хотите извлечь существенную (литературную) выгоду изъ Вашей статьи, пошлите ее въ Лондонъ. Дома же она Вамъ наживетъ лишь враговъ, и не безъ осно-

[1]) Здѣсь очевидно описка: письмо Самарина отъ 28-го авг. а Кошелева отъ 9-го сентября. См. стр. 156 и 157.

ванія. Прощайте. На дняхъ буду Вамъ опять писать о томъ же. Теперь началъ работать для политическаго обозрѣнія, которое посылаю къ чорту и которое будетъ готово не прежде 13-го октября.

„Душевно обнимаю Васъ; боюсь за славянофильство!“

Кошелевъ отвѣчалъ *28 сентября 1858 г.:*

„Письмо Ваше, дражайшій князь, я получилъ. Статья Ваша напечатана и должна явиться на бѣлый свѣтъ 3-го октября. Вполнѣ согласенъ съ Вами, что мы должны крѣпко стоять за приходъ.

„Удивляюсь, что моя статья объ общинѣ Васъ поразила и что Вы находите, что я увлекся. Нѣтъ, дражайшій князь! и перечитавъ тѣ пункты, на которые Вы указываете, я нахожу ихъ вполнѣ разсудительными и готовъ такъ же за нихъ стоять, какъ и за приходъ. Очень радъ буду получить отъ Васъ обѣщанныя замѣчанія. Ив. Серг. пишетъ ко мнѣ, что „Русскій Вѣстн.“, въ лицѣ самого издателя, объявляетъ себя въ № 7-мъ за общинное начало и общинное землевладѣніе и утверждаетъ, что онъ (Катковъ) всегда былъ приверженцемъ этого истинно русскаго начала.

„Нашъ комитетъ становится все хуже и хуже. Оппозиція сплотняется. Наши ряды смыкаются и la partie flottante переходитъ на сторону оппозиціи. Я уже записалъ въ журналѣ 4 мнѣнія и увѣренъ, что далѣе ни одного журнала не будетъ безъ особаго или безъ особыхъ отъ меня мнѣній. Нѣтъ! оппозиція закусила удила. И это большинство должно будетъ избирать въ Питеръ! Каковъ народецъ съѣдется для совѣщаній съ нашими государственнными людьми, въ душѣ къ мѣрѣ не расположенными и, сверхъ того, не знающими Россіи. Эти депутаты закидаютъ ихъ мѣстными свѣдѣніями и изъ этого выйдетъ ералашъ страшнѣйшій.

„Я отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, записку, о необходимости разсмотрѣнія проектовъ Положенія *одновременно* въ Петербургѣ и о томъ, что депутаты должны быть избраны такъ: одинъ — комитетомъ отъ большинства, а другой — начальникомъ губерніи — изъ меньшинства. Этимъ способомъ только они получатъ выраженіе общественнаго мнѣнія, ибо иначе они будутъ слышать все *противъ* и ничего *за*[1]). Нашъ губернаторъ пишетъ въ томъ же смыслѣ;

[1]) См. прилож. № 7. Интересное письмо Унковскаго о томъ же предметѣ

хорошо, если бъ Вы написали также записку, а губернаторъ написалъ бы министру конфиденціальное письмо.

„Это мое письмо отправьте къ Самарину. Очень важно теперь показать въ Петербургѣ, что они сдѣлали шагъ въ высшей степени неосторожный. Пришлю къ Вамъ на домъ копію съ моей записки. Прощайте. Вамъ преданный душевно. *А. К.*“

Кн. Черкасскій писалъ Ю. Ѳ. Самарину *24 сентября 1858 г.*:

„Спѣшу отправить къ вамъ письмо Кошелева съ приложеніемъ къ нему[1]). Что дѣлается у Васъ? Мы еще все ждемъ у моря погоды. Вчера происходилъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ довольно курьезный уѣздный съѣздъ. На него собралась только либеральнѣйшая часть уѣзда, противная сторона явилась лишь въ числѣ немногихъ экземпляровъ. Трудно было бы, впрочемъ, догадаться о томъ человѣку, который, не будучи лично знакомъ съ мнѣніями лицъ, обратилъ бы вниманіе на одни окончательные результаты съѣзда. На немъ положено (въ видѣ, впрочемъ, необязательнаго для депутатовъ мнѣнія) оцѣнить полевую землю отъ 30 до 100 руб. сер. за десятину; десятину усадебной — отъ 200 до 500 руб. сер.; предложить правительству выкупъ крестьянамъ въ собственность немедленно одной десятины пахотной земли на душу, кромѣ усадьбы; наконецъ, я настоялъ, чтобъ уѣздъ выразилъ желаніе, чтобы комитетъ сообщалъ предводителямъ свои постановленія съ обозначеніемъ мнѣнія членовъ. Я не могъ не замѣтить собравшимся господамъ, что мы имѣемъ подъ рукою вѣрнѣйшее средство раззорить гр. Шереметева: стоитъ только принудить его прикупить къ своимъ 4000 душамъ въ нашемъ уѣздѣ еще душъ тысячу по нашимъ оцѣнкамъ. Впрочемъ, нельзя не признаться, что и сами дворяне подчасъ не безъ смѣха произносили свой приговоръ объ оцѣнкахъ. Была даже попытка — выразить мнѣніе, что крестьянамъ усадьбы должны быть отданы только въ пользованіе, а не въ собственность[2]). Грустно было

---

[1]) См. рапортъ Кошелева (прилож. № 5) и письмо отъ 19-го сентября стр. 150.

[2]) Постановленія Веневскаго уѣзднаго съѣзда: *отъ 25-го сентября* и *1-го октября*, подписанныя предводителемъ и бывшими на съѣздѣ дворянами, были доложены въ комитетѣ 13-го ноября. I—Веневское дворянство положило: 1) „просить правительство допустить переселеніе крестьянскихъ усадебъ, смотря по надобностямъ для пользы общей, какъ помѣщичьей, такъ и крестьянской, условія же переселенія должны быть разрѣшены комитетомъ; 2) предоставить усадьбу въ томъ количествѣ, въ которомъ теперь находится, и одну десятину

смотрѣть на это собраніе кулаковъ окончательно взирающихъ на самихъ себя лишь какъ на монополистовъ болѣе или менѣе цѣннаго товара — чернозема, на который вдругъ открылось почему-то значительное требованіе. Шестидесятилѣтній гнетъ какъ бы истребилъ даже всякую память хоть бы о сословномъ дворянскомъ чувствѣ. Надобно побывать на этихъ съѣздахъ, чтобы вполнѣ оцѣнить всю глубину демократическаго чувства равенства, перерываемаго одними условіями большаго или меньшаго капитала, которое неминуемо ожидаетъ Россію въ будущемъ ея развитіи, если она вынесетъ это развитіе.

„Между тѣмъ наши крестьяне далеко не такъ равнодушны къ вопросу, какъ Ваши самарскіе — если судить по тому, что Вы о нихъ говорите. Наши зорко слѣдятъ за дѣломъ, знаютъ — кто выбранъ депутатомъ, кто назначенъ отъ правительства, и хотя у хорошихъ помѣщиковъ трехдневная барщина шла нынѣшній годъ еще отлично, зато у дурныхъ — вспышки бывали часты. Въ Каширскомъ уѣздѣ въ одномъ имѣніи, не повинующемся новому (по наслѣдству получившему оное) помѣщику — нѣкоему N....., начавшему съ огромнаго уменьшенія крестьянскаго надѣла, крестьяне при слѣдствіи, производившемся въ присутствіи чиновника министерства вну-

---

земли пахотной на душу въ собственность — для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ — немедленно, для того, чтобы дать средство помѣщикамъ въ измѣненіи ихъ хозяйства, приступая къ вольнонаемному труду; 3) усадьбами полагать землю подъ дворами, строеніемъ, гумнами и огородами, въ одной связи находящимися, а также и проулки между ними; усадебная земля цѣнится отъ 200 до 500 руб. сер. за десятину, въ числѣ коей должно полагать и дороги по той землѣ проложенныя, и 4) просить комитетъ сообщать г. уѣздному предводителю для всеобщаго свѣдѣнія дворянъ заключенія комитета, съ обозначеніемъ мнѣній гг. депутатовъ.

II. *Постановлено 1-го октября:* „1) просить правительство, чтобы президентъ будущаго новоустроеннаго уѣзднаго присутствія, для приведенія въ исполненіе новаго Положенія между владѣльцами и крестьянами и наблюденія за теченіемъ дѣлъ между ними, было лицо по выборамъ дворянства; 2) насчетъ дворовыхъ людей просить правительство, при новомъ положеніи, тѣхъ изъ нихъ, которые вредны для имѣнія и не способны для сдачи въ рекруты представлять на распоряженіе правительства, безъ платы со стороны владѣльцевъ и немедленнаго удаленія ихъ изъ имѣнія и 3) предоставить право владѣльцу принять выкупъ отъ дворовыхъ людей деньгами или личнымъ трудомъ. Дворовымъ же людямъ воспретить всякій переходъ безъ согласія владѣльца на время переходнаго состоянія". (См. журналъ засѣданія 13-го ноября. Арх. Кн. Черкасскаго № 10).

треннихъ дѣлъ, громогласно укоряли своего предводителя, въ глаза передъ зерцаломъ, говоря ему: „Какой ты предводитель! Все разъѣзжаешь въ Москву и Петербургъ, а своимъ дѣломъ не занимаешься; это стрямъ!“ и проч. Воля Ваша, это совершенно новые симптомы, которымъ нельзя не радоваться.

„Прощайте, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, отъ души обнимаю Васъ. Кн. *В. Черкасскій*“.

Какъ туго двигалось дѣло и въ прочихъ уѣздахъ Тульской губерніи, видно по слѣдующему письму Николая Елагина къ кн. Черкасскому отъ *25-го сентября.*:

„Собираніе свѣдѣній по Бѣлевскому уѣзду идетъ крайне туго; не думаю, чтобы намъ возможно было собрать и двѣ трети нужныхъ свѣдѣній. Уѣздныхъ совѣщаній здѣсь не будетъ, и кажется, что это къ лучшему; настаивать на нихъ я не буду, настолько я знаю свой уѣздъ, что увѣренъ, что мнѣнія и постановленія всякаго уѣзднаго съѣзда скорѣе повредятъ дѣлу; явно и письменно выраженныя, они, если не обязательны, то будутъ крайне стѣснительны для выбранныхъ депутатовъ [1]). Главныя желанія будутъ состоять въ слѣдующемъ: 1) обязательная 3-дневная барщина на все время переходнаго состоянія; 2) усадьбы въ пользованіе; 3) безграничное право переселять, и 4) усиленная полицейская власть. Вооруженному подобными, ясно высказанными, опредѣлительными инструкціями и мнѣніями, мнѣ неловко будетъ дѣйствовать въ комитетѣ. Теперь у меня руки развязаны; я по совѣсти могу стоять за то, что̀ считаю благомъ для дворянства впредь, но что слѣпотствующее большинство навѣрное сочтетъ погибелью.

„Я сержусь здѣсь на медленность, съ которою доставляются свѣдѣнія, на невозможность составлять таблицы и вообще приняться за работу. Боюсь, что во мнѣ простынетъ жаръ и рвеніе, съ которыми желалъ бы поскорѣе приступить къ дѣлу. Не думаю, чтобъ здѣсь удалось намъ собрать „много мѣстныхъ свѣдѣній и вполнѣ проникнутыхъ сознаніемъ цѣли“ — но если

---

[1]) Въ циркулярѣ начальника губерніи отъ 15 января 1859 г., за № 15: „О значеніи уѣздныхъ совѣщаній“— разъяснено, что мнѣнія, выраженныя здѣсь, не могутъ и не должны быть обязательны для членовъ губернскихъ комитетовъ.— Сборн. прав. распоряж., т. I, стр. 196.

желчь нужна будетъ для комитетскихъ состязаній,— полагаю что привезу съ собою достаточный запасъ.

„Вамъ душевно преданный *Н. Елагинъ*“.

ГЛАВА III.

I. Открытіе самарскаго комитета. Первое бурное засѣданіе. Левшинъ въ Нижнемъ. Рязанскій комитетъ. Разсужденія о 1-й главѣ закончены. Царскія слова въ Москвѣ. Тульскій комитетъ. Пріѣздъ Левшина. Князь подаетъ ему записку о депутатскомъ комитетѣ въ Петербургѣ. — II. Составъ тульскаго комитета. Дѣла идутъ туго. 4 засѣданія объ уставѣ. Кн. Черкасскій хочетъ подать мнѣніе объ единовременномъ выкупѣ усадебъ обществами. Онъ держится программы. О принятіи тайной подачи голосовъ. Объ „Обозрѣніи“. О спорѣ объ общемъ землевладѣніи. — III. Рязанскій комитетъ. Пораженіе главы оппозиціи. Трудность ладить съ меньшинствомъ. Самарскій комитетъ. „Драматическій отрывокъ“. Покушеніе уничтожить статистическія свѣдѣнія. Приступлено къ 1-й главѣ. Вся работа на плечахъ Самарина. Взглядъ его на большинство. Надежда, что меньшинство найдетъ поддержку въ Петербургѣ. Проекты меньшинства.

I.

Объ открытіи самарскаго комитета Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Кошелеву *27-го сентября:*

„Нашъ комитетъ открытъ 25-го сентября. Молебствіе, рѣчь, обѣдъ, тосты — все это своимъ порядкомъ. Вчера было первое засѣданіе; выбрали вице-президентомъ вожака консервативной партіи, потомъ редакціонную коммисію изъ трехъ членовъ, въ томъ числѣ и меня. Затѣмъ приступили къ составленію устава комитетскихъ совѣщаній. Въ числѣ другихъ предложеній была статья: „Каждый членъ излагаетъ свое мнѣніе по возможности кратко и не вводя въ предметъ обсужденія никакихъ постороннихъ обстоятельствъ“. Я предложилъ прибавить: „и не выходя изъ предѣловъ началъ, указанныхъ въ рескриптахъ; наблюденіе за симъ возлагается на предсѣдателя“. Это предложеніе вызвало бурю. Посыпались разныя возраженія, одно нелѣпѣе другого. Я отвѣчалъ на нихъ постоянно однимъ аргументомъ: можетъ-быть, начала, выраженныя въ рескриптахъ и не хороши, можетъ-быть, вы придумали бы лучше, но они обязательны, и потому, уклоняясь отъ нихъ, мы только будемъ терять даромъ

и слова и время. — Четыре члена поддерживали меня. Большинство пришло въ неистовство, и мы разъѣхались, отложивъ разрѣшеніе вопроса до слѣдующаго засѣданія. Партіи обозначались. Насъ, такъ называемыхъ либераловъ, или extrème gauche — 4 человѣка. Среднихъ, привременныхъ и неопредѣленныхъ — 3, отчаянныхъ консерваторовъ — 9. Но наша партія цѣльнѣе.

„Посылаю Вамъ любопытное письмо, полученное мною изъ Нижняго[1]). Каковъ Вашъ Левшинъ?! А! Если ужъ онъ въ самомъ дѣлѣ находилъ, что 80 дней мало, то хотя бы онъ прибавку 14 дней приберегъ для переду, чтобы вступить съ ними въ торгъ и этою уступкою выговорить пониженіе въ баснословной оцѣнкѣ усадебной земли.

„Прощайте, будьте здоровы, умѣренны и спокойны въ спорахъ, какъ я, (лучшаго я Вамъ пожелать не могу), и не оставляйте меня такъ долго безъ извѣстій.

„P. S... Я намѣренъ вести дневникъ комитетскихъ засѣданій, въ драматической формѣ, и буду пересылать его къ Вамъ; только прошу Васъ откладывать листы мои въ особенное мѣсто и потомъ мнѣ ихъ возвратить“.

Кошелевъ писалъ *30-го сентября:*

„Ну, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, теперь и вы засѣдаете! Какъ-то идетъ у васъ? Вѣроятно такъ же или хуже, чѣмъ у насъ. Сперва рязанскій комитетъ былъ въ колеблющемся положеніи и le ventre de la Chambre соединялся то съ нами, то съ противниками нашими, но теперь онъ пошелъ рѣшительнѣе, и мы постоянно обрѣтаемся въ меньшинствѣ, которое иногда бываетъ изъ одного, 2, 3, 4, 5, 6 и до 7 голосовъ, а на противоположной сторонѣ большинство великолѣпное. Мы окончили сужденіе о 1-й главѣ, и забавно, что редакцію 1-го параграфа, отмѣняющаго крѣпостное право на людей, отложили до подробнаго опредѣленія правъ и обязанностей помѣщиковъ и крестьянъ, а слѣдующіе §§ порѣшили такъ, что удерживаемъ крѣпостное право вполнѣ: во всѣхъ параграфахъ находятся слова: *съ согласія* или *разрѣшенія помѣщика*. Вообразите по всѣмъ §§ 1-й главы мы постоянно подавали особое мнѣніе. Забавно одно: въ оппозиціи сидитъ одинъ честный и благородный человѣкъ г. Сухотинъ. Онъ

---

[1]) См. прилож. № 6, письмо Эшмана.

считаетъ крѣпостное право палладіумомъ нашего благосостоянія. Вчера онъ былъ очень задумчивъ и нѣсколько разъ подавалъ голосъ вмѣстѣ съ нами. Выходя изъ комитета онъ мнѣ сказалъ: „Куда же мы идемъ? Собрались, чтобы улучшить бытъ, призваны, чтобы уничтожить крѣпостное состояніе, а мы людей сковываемъ. Нѣтъ! я никогда не пользовался тѣми правами, которыя дворянство теперь себѣ выговариваетъ. Нѣтъ! надо и совѣсть имѣть“! Петербургское Положеніе такъ либерально въ сравненіи съ нашими положеніями, что совѣстно въ нашъ комитетъ и ѣздить. Хорошо, что Царскія слова, произнесенныя въ Москвѣ[1]), официально получены въ комитетѣ, а то наши противники думали перерѣшать насчетъ усадьбъ. Необходимо намъ составить свою редакцію, внести ее въ комитетъ и по окончаніи представить въ С.-Петербургъ“.

---

[1]) Слова, сказанныя Государемъ Императоромъ московскимъ предводителямъ дворянства 31 августа 1858 г.: „Мнѣ, господа, всегда пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надо приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобъ оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и литовскихъ губерній, даны мною рескрипты, я признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія, не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ Наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ не отступлю (здѣсь Государь изволилъ повторить главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первою опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобъ оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ, но вы, для своей пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда дѣлать для васъ, что могу, дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, я читалъ извлеченіе изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность. (Современная Лѣтопись. „Русскій Вѣстн.“ 1858 г., т. 17, стр. 225).

Кн. Черкаскій писалъ Кошелеву *7 октября 1858 г.*:

„Пишу къ Вамъ словечко, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, выходя изъ перваго нашего засѣданія. Оно было довольно шумно и чрезвычайно безтолково. Цѣлое собраніе прошло въ опредѣленіи способа избранія вице-президента и редакціонной коммисіи. Послѣдняя будетъ состоять изъ 4 членовъ. Послѣ завтра будетъ выборъ. Между тѣмъ остановились, разумѣется, на способѣ избранія нелѣпомъ: сперва назначить кандидатовъ записками, а потомъ кандидатовъ баллотировать шарами. Да кстати — боюсь забыть — у насъ въ комитетѣ Вашъ близкій родственникъ, Ѳ. П. Свѣчинъ. Сдѣлайте одолженіе напишите къ нему словечко (если считаете это полезнымъ) и рекомендуйте меня ему и въ особенности сестрѣ Вашей, его супругѣ; хотя впрочемъ я его знаю давно, и еще до этого, т.-е. завтра, поѣду къ нему. Я вообще ѣду ко всѣмъ членамъ комитета. Сегодняшній день Свѣчинъ подавалъ голосъ почти постоянно съ нашей стороной, которая впрочемъ малочисленнѣе и едва ли достигнетъ той степени сплотненія, которая замѣчается въ противной.

Весь комитетъ обѣдаетъ сегодня у Арсеньева, для *домашней* бесѣды съ Левшинымъ, къ которому мы ѣздили сегодня in corpore, въ мундирахъ, до засѣданія. Этотъ сеансъ у Левшина былъ крайне смѣшонъ. Хорошая его сторона состояла въ томъ, что Левшинъ официально рѣшился объявить только двѣ вещи: во-первыхъ, — волю Государя неизмѣнную о продажѣ усадебъ; во-вторыхъ — его же волю о томъ, что личность не должна быть выкупаема. Худая и смѣшная сторона въ слѣдующемъ: одинъ депутатъ, К., напалъ на литературу, поименно назвавъ „Современникъ“, „Вѣстникъ“, „Атеней“ и Чичерина и требовалъ, чтобъ испрошена была на журналы строжайшая цензура, а Чичерину — запрещеніе писать. Правда впрочемъ и то, что одна только официальность пріема помѣшала многимъ расхохотаться; но замѣчательно, что на Левшина это не совершенно лишено было впечатлѣнія.

„Я теперь пишу о восточномъ вопросѣ, боюсь только парою дней опоздать отправкою къ Ивану Сергѣевичу. Видѣлъ „Русскій Вѣстникъ“, но не успѣлъ прочесть манифеста Каткова. Онъ мнѣ кажется однако, на первый взглядъ, крайне туманнымъ, хотя и составляетъ для Вашего направленія успѣхъ важный, которому я впрочемъ — по грѣхамъ своимъ — и не слишкомъ

довѣряю, и который не раздѣляю въ научномъ отношеніи. Я почти увѣренъ, что Катковъ скоро оговорится и опять повернетъ на другую дорогу. Это было съ его стороны лишь — captatio benevolentiæ молодежи университетской.

„Прощайте, душевно обнимаю, на дняхъ буду опять писать.

„Кн. *В. Черкасскій.*

„P. S. Пошлите это письмо Самарину. Я изготовилъ записку на счетъ депутатовъ комитета въ С.-Петербургѣ и подамъ ее Левшину“ [1]).

II.

Нѣсколько дней спустя кн. Черкасскій вновь писалъ Кошелеву *13 октября 1858 г.:*

„Благодарю Васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за присылку тверскихъ бумагъ [2]) и Вашей записки! Моя весьма сходна съ Вашею. Сегодня же я Вашу отправлю въ Самару къ Юрію Ѳедоровичу.

„Въ Твери Унковскому, говорятъ, плохо; говорятъ, онъ самъ 14 выходитъ въ отставку изъ комитета. Не знаю, правда ли?

„Что сказать Вамъ о нашемъ комитетѣ? Сегодня было 4-е засѣданіе, шумное какъ всѣ, хотя и въ границахъ самой строгой офиціальности и учтивости. До сихъ поръ мы утвердили только первыя 4 статьи устава нашего. Положено, что комитетъ — въ полномъ составѣ только при 18 наличныхъ членахъ и если отъ каждаго уѣзда есть, по крайней мѣрѣ, одинъ членъ или кандидатъ на мѣсто его. Напрасно я убѣждалъ ихъ, что имъ же хуже, и что наше меньшинство получаетъ черезъ это большую силу, еслибъ захотѣло отсутствіемъ парализовать ихъ дѣйствія. Очевидно — они видятъ, что мы этого дѣлать не будемъ, развѣ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; но боятся, чтобъ мы не взяли ихъ когда-нибудь par surprise, если бы они не установили необходимости большаго наличнаго комплекта [3]). Слова Левшина едва ли спасутъ на-

---

[1]) См. прилож. № 7.

[2]) Въ арх. кн. Ч—аго № 13. Журналы тверск. ком., съ 13 августа по 21 января 1856 г.

[3]) Въ журн. отъ 13 и 19 окт. Въ арх. кн. Ч—аго № 10 имѣются журналы. тульск. комитета съ 7 окт. по 25 февр. 1859 г. По справкѣ въ Арх. Тульск. Депутатск. Собр. и тамъ не оказалось дальнѣйшихъ журналовъ, хотя занятія комитета продолжались офиціально до 10 апрѣля 1859 г.

счетъ поднятія вопроса о выкупѣ личныхъ правъ. Вопросъ этотъ вѣроятно поднимется большинствомъ и едва ли не пройдетъ, хотя и съ нашимъ протестомъ. Счетъ голосовъ у насъ слѣдующій: губернскій предводитель по душѣ болѣе нейтральный, но обыкновенно подающій голосъ съ большинствомъ; 16 голосовъ довольно компактной оппозиціи; нашихъ — 10, никакъ не болѣе. Изъ числа 16 противниковъ можно будетъ только двухъ или трехъ, и то съ большимъ трудомъ, перетаскивать къ себѣ и то въ вопросахъ несущественныхъ. Свѣчина я считаю въ большинствѣ, хотя онъ и добросовѣстный человѣкъ. Вообще даже большинство состоитъ изъ людей очень не глупыхъ, а много и положительно умныхъ; дураковъ между ними только двое. Часть большинства до сихъ поръ еще не отказалась отъ мысли вновь разъѣхаться подъ предлогомъ собранія свѣдѣній, чтобы только оттянуть дѣло. Сегодня главные члены этого большинства просили частнаго свиданія съ нами завтра вечеромъ для того, чтобы узнать наши взаимныя мысли о самомъ существѣ дѣла. Не знаю — что изъ этого будетъ? Хомяковъ часто бываетъ въ Тулѣ и вчера обѣдалъ у насъ.

„Кн. *В. Черкасскій.*

„P. S. Дворяне наши вообще очень недовольны Левшинымъ [1]). Вотъ еще одно мнѣніе, начинающее обнаруживается въ большинствѣ: что намъ нельзя на себя взять оцѣнку чужихъ усадебъ, ибо за это будутъ частыя претензіи. Далѣе хотятъ тайной балотировки мнѣній для того, чтобы какъ-нибудь не отвѣчать за свое мнѣніе передъ правительствомъ".

Съ тою же почтою, *13-го октября* кн. Черкасскій писалъ Самарину:

„Посылаю къ Вамъ, любезнѣйшій Юрій Ѳеодоровичъ, письмо Унковскаго [2]) и записку Кошелева, имъ посланную въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я отъ своего имени подалъ также записку сходнаго содержанія Левшину, при проѣздѣ его черезъ Тулу. Изъ письма моего къ Кошелеву Вы вѣроятно уже знаете подробности пребыванія Левшина у насъ. Его посѣщеніе оставило вообще наихудшее впечатлѣніе и едва ли успѣло отклонить даже рѣчь въ нашемъ комитетѣ

[1]) О томъ, съ какою смѣлостью выражалось ихъ недовольство, свидѣтельствуетъ мнѣніе Кирѣева, см. прилож. № 8.

[2]) См. прилож. № 9 (*а* и *б*).

о выкупѣ личныхъ правъ крестьянъ, которая почти несомнѣнно возгорится. Вѣроятно, нашъ комитетъ (дѣла коего идутъ очень туго, ибо мы въ 4 засѣданія только выбрали вице-президента, членовъ редакціонной коммисіи и утвердили три или четыре первыя статьи устава) все еще обуреваемъ желаніемъ разъѣхаться, подъ предлогомъ собранія свѣдѣній, для того только, чтобы оттянуть дѣло до нельзя. Число голосовъ обозначено: мы имѣемъ изъ 27 голосовъ — 10, вотъ и все! Изъ остальныхъ, самое счастливое если намъ удастся, кое когда, въ частныхъ вопросахъ, перетянуть на нашу сторону двухъ или трехъ. Слѣдовательно, намъ остается только подавать протесты. Въ большинствѣ, кромѣ двухъ дураковъ, все люди очень не глупые, а иные положительно очень умные, все почти упрямые до нельзя, достаточные и жестокіе консерваторы. Сегодня, послѣ жаркаго спора, рѣшили, что для состоятельности комитета нужно 18 наличныхъ голосовъ. Я готовлюсь подать мнѣніе объ единовременномъ выкупѣ усадебъ обществами посредствомъ финансовой операціи. Если рѣшусь, пришлю Вамъ свой проектъ. Не знаю, пройдетъ ли? Я зондировалъ нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи и вижу кое-какіе шансы, но иду осторожно. Члены большинства наконецъ попросили случая съ нами объясниться, и завтра это будетъ происходить вечеромъ у Вашего брата, присутствію котораго въ комитетѣ я очень радъ. Я держусь крѣпко за программу, хотя и меньшинство возстаетъ противъ нея сильно; крѣплюсь и до послѣдней минуты буду держаться, но за успѣхъ не ручаюсь трудно воевать вдругъ со всѣми.

„По свѣдѣніямъ изъ Рязани, мнѣ кажется, Кошелевъ нѣсколько затертъ. Если такъ, то очень жаль. Что у Васъ? Вы ничего не пишете.

„Между тѣмъ скажу Вамъ въ дополненіе къ словамъ Унковскаго, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Твери, онъ, кажется, разбитъ. Меньшинство подтвердило различіе усадебъ отъ полевой земли, и слышно, что онъ самъ — 14 хочетъ подать въ отставку. Не знаю, чѣмъ кончится.

„Прощайте, будьте здоровы. Кн. *В. Черкасскій.*

Кн. Черкасскій писалъ Кошелеву *16-го октября:*

„Благодарю Васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за присылку Вашихъ и тверскихъ журналовъ; послѣдніе отпра-

влены уже къ Самарину, Ваши отдалъ переписывать и тогда немедленно отправлю также къ нему. Нашихъ журналовъ еще не посылаю къ Вамъ потому, что все еще идетъ преніе объ уставѣ дѣлопроизводства, хотя и крайне ожесточенное. Вчера прошли, между прочимъ, два вопроса: отвергнуто мое предложеніе сидѣть не по уѣздамъ, а какъ кто хочетъ; они боятся, чтобы мы не заманили и не обратили двухъ изъ ихъ членовъ; но что̀ и стыднѣе, и хуже — принятая 16-ю голосами противъ 11 тайная балотировка шарами вмѣсто гласной, несмотря на самыя рѣзкія мои замѣчанія и на то, что я далъ ясно понять, что мы считаемъ это безчестнымъ въ отношеніи къ дворянству, и указалъ на уѣздное веневское постановленіе, прямо требовавшее гласной подачи голосовъ. Противники, съ своей стороны, довольно ясно намекали на страхъ преслѣдованія со стороны правительства за ихъ мнѣнія. Засѣданіе было самое бурное, и мы побѣждены; хотя большинство отчасти само сконфужено своею побѣдою, тѣмъ болѣе, что оно ею мало выиграетъ, такъ какъ мы не лишены права подавать отдѣльныя мнѣнія. Первое наше отдѣльное мнѣніе, подробно мотивированное, будетъ подано въ слѣдующее засѣданіе. Я пришлю Вамъ копію съ него [1]). Свѣчинъ и губернскій предводитель подали голосъ съ нами, еще не знаю — подпишутъ ли они протестъ. Предвижу, что теперь, большинство пойдетъ на самую реакціонную стезю. Но я, къ великой его досадѣ, не пропускаю ему ни шагу, и всякій разъ заставляю высказываться ясно. Даже при вчерашней балотировкѣ имъ хотѣлось смошенничать и постановить вопросъ иначе, спросивъ какой хочетъ комитетъ балотировки: записками или шарами? Но я настоялъ, чтобъ вопросъ былъ поставленъ откровенно: хотятъ ли гласной, или тайной подачи мнѣній? Они на меня негодуютъ, положили ловить меня на словахъ, такъ какъ я говорю часто и много, но это имъ, я думаю, не очень скоро удастся; по крайней мѣрѣ, два опыта уже не удались. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ подошли послѣ увѣрять меня, что имъ теперь ловчѣе будетъ скрытно соглашаться со мною

[1]) Отдѣльное мнѣніе составлено кн. Черкасскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ черновыя сохранившіяся въ архивѣ князя см. № 30. Оно подписано 9 членами и предводителемъ Арсеньевымъ (см. журналъ засѣданія отъ 23 октября арх. кн. Ч. № 10).

при балотировкѣ шарами. Увидимъ. Вообще, имъ было совѣстно, и они чувствуютъ себя въ положеніи нѣсколько смѣшномъ.

„Среди этихъ споровъ, волненій и хлопотъ о созданіи или удержаніи маленькой нашей партіи, которую держать въ рукахъ трудно, потому что всѣ они лѣзутъ въ разныя стороны и хотятъ толковать о выкупѣ правительствомъ полевой земли, я съ отвращеніемъ занимаюсь „Обозрѣніемъ“, — но кончаю и на дняхъ отправляю къ Ив. Серг. За симъ *съ охотою* уже примусь за мирныхъ судей. Прощайте. Не красна наша судьба здѣсь въ комитетахъ. Будьте здоровы. Душевно преданный кн. В. Черкасскій.

„Жена Вамъ и Вашей женѣ усердно кланяется. Хомякова вижу часто“.

Въ концѣ письма находимъ еще слѣдующую отписку кн. Черкасскаго, относящуюся къ спору между Кошелевымъ и Самаринымъ объ общинномъ землевладѣніи (см. выше стр. 158, 162).

„А Самаринъ совершенно правъ въ своемъ замѣчаніи: наслѣдственное пользованіе совершенно разрушаетъ общину. А Вы правы, когда говорите, что таковъ, однако, необходимый результатъ ея. Дѣло только въ томъ, что тогда нѣтъ уже общины, а остается только черезполосное владѣніе землею съ мірскимъ устройствомъ. Это и есть окончательный исходъ Вашей общины. Такъ скоро и будетъ, если принять *скоро* въ смыслѣ историческомъ“.

А. И. Кошелевъ кн. Черкасскому. — *22 октября 1858 г. Рязань.*

„Отправилъ къ Вамъ, дражайшій князь, въ видѣ посылки *для васъ* тверскіе журналы, *для васъ и Самарина* наши 4 журнала. Въ томъ же пакетѣ Вы найдете большое письмо Самарина и мою характеристику комитета[1]). Самарина письмо

[1]) Надъ листомъ, гдѣ находится характеристика рязанскаго комитета крупными буквами, значится надпись рукой А. И. Кошелева: *Весьма по секрету.* Время, протекшее отъ написанія этого письма, не разрѣшаетъ еще намъ снять съ него печати, наложенной этой надписью... Въ концѣ, подводя итоги 27 членамъ комитета, Кошелевъ распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

„черныхъ“ 14
„сѣрыхъ“ 5
„красныхъ“ 8

Изъ насъ восьми двое имѣютъ похоти на сѣрый цвѣтъ. Слѣдовательно, большинство всегда черное. Споровъ у насъ теперь мало, ибо большинство слиш-

возвратите ко мнѣ, а мою характеристику и сіе письмо отправьте къ Самарину. Наши характеристики храните въ великой тайнѣ и никому не показывайте.

„Да, дражайшій князь, наше положеніе, особенно вначалѣ, крайне затруднительно. Впослѣдствіи все постихнетъ; пренія почти прекратятся въ комитетѣ, ибо они продолжаются на вечерахъ. У насъ теперь стало довольно мирно; особенно важно то, что глава оппозиціи, охмеленный своими успѣхами, сталъ дѣйствовать безцеремонно, и это возбудило неудовольствіе въ большинствѣ, такъ что въ послѣднемъ засѣданіи мы были въ постоянномъ большинствѣ, а Офросимовъ разбитъ на трехъ важныхъ вопросахъ: 1) мы дозволяемъ помѣщикамъ продавать свою собственную землю отдѣльно отъ мірской въ совокупности и по частямъ: рѣшено 15 противъ 8; 2) мы дозволяемъ мірскую землю продавать на правѣ ограниченномъ, т.-е. оставляя въ пользованіи крестьянъ, отдѣльно отъ господской земли, и 3) мы дозволяемъ населенную, т.-е. мірскую землю, продавать не иначе, какъ въ цѣломъ составѣ безъ раздробленія. Глава оппозиціи желалъ провести мысль о недробимости дворянскихъ имѣній и о томъ, чтобъ дворянскія земли могли продаваться только дворянамъ. По всѣмъ балотировкамъ онъ остался въ меньшинствѣ, что его такъ сконфузило, что онъ въ концѣ засѣданія объявилъ, что желаетъ выйти изъ комиссіи, ибо его мнѣнія не согласны съ рѣшеніями большинства. Онъ думалъ этимъ произвести великій эффектъ; а на дѣлѣ оказалось, что только нѣсколько голосовъ попросили его остаться, и онъ въ комиссіи остался; но человѣкъ пять изъ прежняго большинства мнѣ сказали: туда и дорога; нѣтъ, хотѣлъ командовать — погоди! И вчера

комъ въ себѣ увѣрено, а меньшинство подаетъ голосъ, записываетъ въ журналахъ, а своимъ краснорѣчіемъ не надѣется разбить плотнаго большинства. Писакъ у насъ много: 10 (Селивановъ, Офросимовъ, Бегичевъ, кн. Волхонскій, Аѳанасьевъ, Плюсковъ, Колеминъ, Е. Протасьевъ, Голубцевъ, Кошелевъ). Теперь составлена какая-то комиссія для начертанія какого-то общаго проекта главныхъ положеній. Въ ней засѣдаютъ:

изъ черныхъ..... 2
изъ сѣрыхъ..... 2
изъ красныхъ съ похотью на сѣрый цвѣтъ 1/5

Мы надѣемся, что сѣренькіе поссорятся съ черными, ибо всѣ писаки, и что они пересядутъ къ намъ...

у меня на вечерѣ было болѣе гостей, чѣмъ обыкновенно, и отпавшіе члены отъ большинства, кажется, хотятъ совершенно къ намъ перейти. Дай-то Богъ, и тогда у насъ все пойдетъ хорошо. Важно то, что плотное большинство разстроивается. Но, ради Бога, этого никому не говорите, ибо многіе члены наши въ перепискѣ съ тульскими. Вами въ комитетѣ недовольны: привязчивъ. Думаю, что и меня сперва страшно ругали, а теперь менѣе: думаютъ, что я поуходился. Дѣло въ томъ, что спорить много — безполезно, а необходимо записывать свои мнѣнія; а потомъ составить полный контръ-проектъ съ изложеніемъ причинъ. Что ни хуже будетъ ихъ проектъ, то тѣмъ, думаю, лучше. Необходимо только свои мнѣнія записывать въ журналъ. Я и все меньшинство дали промахъ: мы распространили на „срочно-обязанныхъ“ постановленія закона, существующаго въ отношеніи къ отпущеннымъ на волю — что они не могутъ свидѣтельствовать ни противъ прежнихъ своихъ господъ, ни ихъ дѣтей. Берегитесь, не пропустите этого безъ вниманія. У насъ это положеніе прошло такъ — никто не возражалъ, и оно записано: принято единогласно. При редакціи мы это исправимъ.

„Тульскимъ комитетомъ принятая тайная балотировка насъ здѣсь поразила. Мы уставъ утвердили въ 1½ засѣданія; а о тайной баллотировкѣ не было и помину.

„Съ меньшинствомъ нашимъ, конечно, трудно ладить; но знаете, важно вначалѣ всѣмъ дать наговориться, написаться, наболтаться и проч., а потомъ всѣ становятся сговорчивѣе. Не торопитесь рѣшать важныхъ вопросовъ. Пусть въ первыя засѣданія перекладываютъ изъ пустого въ порожнее; пусть потомъ на первыхъ 3 главахъ умаются; потомъ пойдетъ лучше. У насъ начинаютъ уставать, а потому уже можно подойти къ главѣ IV. Мы кончимъ главу III къ концу этого мѣсяца, т.-е. къ концу двухмѣсячнаго нашего существованія.

„И не хлопочите попасть въ комиссію пріуготовительную а тѣмъ менѣе Редакціонную. Это не только безполезно, но положительно вредно: много отниметъ времени, еще болѣе всѣхъ раздражитъ, а толку изъ этого не будетъ никакого. У насъ теперь составлена какая-то особенная комиссія для представленія главныхъ предположеній; но она вся составлена изъ членовъ большинства, и вчера уже начали расходиться.

Она произведетъ кажется одно хорошее дѣйствіе: большинство расходится.

„Прощайте, дражайшій князь.

„Не лѣнитесь писать ко мнѣ; Ваши статьи крайне любопытны. Не забывайте и объ статьѣ о мировыхъ судьяхъ.

„Прощайте".

Большое письмо Самарина, которое А. И. Кошелевъ препровождалъ князю вмѣстѣ съ другими бумагами, начиналось такъ:

„Александру Ивановичу Кошелеву и князю Владиміру Александровичу Черкасскому сострадальца Вашего по самарскому комитету, члена отъ правительства Юрія Самарина

„РАПОРТЪ № 1.

„*9-го октября.*

„По старой, хотя и неразумной, привычкѣ сознавая себя въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ издателя „Сельскаго Благоустройства" (который на длинныя мои письма и пространные доводы изволитъ отвѣчать краткими резолюціями на поляхъ, въ родѣ слѣд.: „вздоръ," „совершенно не основательно" и т. п.), имѣю честь донести о первомъ появленіи, признакахъ и дальнѣйшемъ ходѣ, нынѣ повсемѣстно господствующей умственной болѣзни, поражающей дворянскій организмъ и на офиціальномъ языкѣ именуемой: комитетскими совѣщаніями.

„Первое предварительное собраніе, какъ я имѣлъ честь въ свое время докладывать, происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ для разсмотрѣнія составленной мною программы вопросовъ для описанія дворянскихъ имѣній, каковая программа была утверждена, за исключеніемъ одной статьи. Въ оной, въ скобкахъ, я включилъ опредѣленіе усадьбы, т.-е. перечисленіе составныхъ частей ея со включеніемъ и выгона; но благородное дворянство таковую мою воровскую продѣлку, имѣвшую цѣлью, впослѣдствіи (допущеннымъ уже въ самой программѣ предрѣшеніемъ вопроса) устранить дальнѣйшее сопротивленіе отдачи выгона,— усмотрѣть изволило и, осерчавъ не мало на смиреннаго раба Вашего, постановить благоволило: что выгонъ-де крестьянину не нуженъ и болѣе относится къ живописности и украшенію мѣстности, чѣмъ къ хозяйственнымъ потребностямъ всякаго рода, проживающихъ въ деревняхъ, скотовъ, какъ-то: коровъ, гусей, крѣпостныхъ крестьянъ, сви-

ней и телятъ, каковые скоты удобно могутъ снискивать себѣ приличное пропитаніе и безъ выгона, отъ подаянія доброхотныхъ дателей. — За симъ, оставивъ раба Вашего въ немаломъ конфузѣ, изволило дворянство разъѣхаться по домамъ, для понужденія себѣ подобныхъ къ составленію описаній, положивъ собраться вновь 25-го сентября.

„Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ описанія составлены сносно, въ нѣкоторыхъ даже добросовѣстно, и въ большей части этотъ трудъ значительно облегченъ тѣмъ, что депутаты, принявъ оный на себя, сочинили общую формулу, приняли общую норму надѣла, отношенія числа душъ къ числу тяголъ и пространства господской запашки, чѣмъ и достигнута была пріятная для глаза гармонія въ цѣломъ и въ частяхъ.

„Сентября 25-го происходило торжественное открытіе, при чемъ, по отслуженіи молебна о ниспосланіи свыше свѣта разума въ дворянскія головы, представляющія совершенно къ тому приспособленныя вмѣстилища,— произнесено начальникомъ губерніи приличное слово, въ коемъ его превосходительство изъяснить изволили, что хотя-де дворянство и есть одна сторона, но поручено ему, Всемилостивѣйшимъ Государемъ, опредѣлить отношеніе числа обѣихъ въ дѣлѣ заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. какъ дворянъ, такъ и крестьянъ, въ томъ чаяніи, что почтенное дворянство изволитъ на ту пору припрятать въ карманъ свои дворянскія замашки и помѣщичьи поползновенія. На сіе предстоящіе только промычали: „Гм... Гм.“... 28-го открыто присутствіе,— но предварительно нужно ознакомить Васъ съ дѣйствующими лицами“.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь, вслѣдъ за характеристикой членовъ комитета, слѣдуетъ описаніе засѣданія въ юмористическо-драматической формѣ, которое мы опускаемъ на томъ же основаніи, какъ и предшествовавшую характеристику рязанскаго комитета.

Заканчивая этотъ драматическій отрывокъ, Ю. Ѳ. Самаринъ пишетъ далѣе:

„Разумной, дѣльной и грамотной оппозиціи нѣтъ, и ожидать нельзя. Во всѣхъ спорахъ и диспутахъ, а еще болѣе въ письменномъ изложеніи, мы всегда будемъ имѣть рѣши-

тельный верхъ, но противники наши таковы, что словомъ ихъ не прохватишь . . . . . .

„Теперь доскажу Вамъ вкратцѣ остальныя мои дѣйствія. Я имѣлъ темное предчувствіе, что господа депутаты, окончивъ своды статистическихъ свѣдѣній и внеся ихъ въ комитетъ, утаятъ отъ насъ и уничтожатъ подлинныя описанія, доставленныя самими помѣщиками, чтобъ лишить насъ возможности повѣрки сводовъ, а впослѣдствіи (при разсмотрѣніи актовъ) возможности сличенія актовъ съ прежними описаніями. Чтобы предупредить это, я предложилъ внести въ уставъ, что описанія предъявляются комитету и хранятся при дѣлахъ его. — Новая буря, — убѣдившая меня, что мое опасеніе было основательно. Одинъ баринъ прямо сказалъ, что онъ предпочелъ бы всю эту старину покрыть мракомъ забвенія и уничтожить. Другой объявилъ, что не стоитъ беречь свѣдѣній, потому, что на нихъ основаться нельзя. Однако прошло и это предложеніе. Уставъ весь принятъ и утвержденъ. Три собранія въ недѣлю. Передъ каждымъ собраніемъ, наканунѣ, съѣзжаются члены редакціонной комиссіи для предварительной обработки предметовъ... Тутъ мы составляемъ съ общаго согласія проектъ положеній по каждой статьѣ, а по спорнымъ пунктамъ ставимъ раздробительные вопросы. Все это излагается на бумагѣ и разсылается къ члепамъ вмѣстѣ съ повѣстками. Баллотировка открытая, журналы подробные. Каждый членъ можетъ ввести, кого хочетъ, въ собраніе. Редакціонная же комиссія повѣряетъ составляемые производителемъ дѣлъ журналы. Каждый членъ, предлагающій мнѣніе на баллотировку, обязанъ вкратцѣ изложить его на бумагѣ, въ видѣ вопроса, и подписать. Въ прошлое засѣданіе приступлено къ 1-й главѣ. Принято, предложенное мною опредѣленіе личнаго крѣпостного права. Это право упразднено. Затѣмъ упразднено право отчуждать и пріобрѣтать людей безъ земли и домовъ, на свозъ. Я предлагаю дозволить безпрепятственное вступленіе въ бракъ; воспретить безусловно отдачу въ смирительные рабочіе дома и арестантскія роты; отдавать въ рекруты и ссылать въ Сибирь, не иначе, какъ съ прописаніемъ причинъ и съ разрѣшенія Уѣзднаго Присутствія, о чемъ постановить особыя правила; дать право, безъ согласія вотчинника, пріобрѣтать, закладывать и отчуждать недвижимую собственность; учреждать фабрики и заводы;

торговать и вступать въ цехи; содержать станціи, брать подряды, входить въ обязательства, занимать деньги, обращаться непосредственно во всѣ инстанціи и ко всѣмъ властямъ по всякимъ дѣламъ; жаловаться на помѣщика. Послѣднее право цѣлому обществу въ лицѣ его представителей предоставить безусловно, а частнымъ лицамъ изъ крестьянъ — не прежде, какъ по предварительномъ извѣщеніи старшинъ о существѣ жалобы и съ ихъ удостовѣренія, что жалоба основательна. Все это въ редакціонной комиссіи прошло безъ спора и такъ же пройдетъ въ комитетѣ. А вотъ противъ чего будетъ споръ: право вступать въ монашество и въ военную службу — боятся, чтобы дворовые не разбѣжались отъ нихъ; воспрещеніе отдавать крѣпостныхъ людей, безъ ихъ согласія, въ услуженіе, работу и во временное владѣніе. Они хотятъ оговорить, что помѣщикъ удерживаетъ право опредѣлять дворовыхъ людей въ услуженіе къ женѣ, дѣтямъ и близкимъ домашнимъ. Я оспариваю, доказывая, что это и безполезно, потому что порядочному человѣку дворовые не откажутъ въ согласіи, и вредно — потому что формальное право подало бы поводъ къ злоупотребленіямъ и увлекло бы въ неисчерпаемую казуистику; воспрещеніе дворовыхъ людей безъ ихъ согласія переводить въ крестьяне — они хотятъ, чтобы можно было отслужившихъ свое время и не годныхъ для услугъ сбывать съ рукъ на шею крестьянамъ. Воспрещеніе безъ согласія крестьянъ переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое — тоже хотятъ удержать. Право подъ присягою свидѣтельствовать въ уголовныхъ дѣлахъ, въ коихъ замѣшанъ помѣщикъ, — сильно возстаютъ противъ этого. Мнѣ придется подать не менѣе 4 протестовъ.

„По всему этому Вы можете судить, довольно ли у меня дѣла. Шесть разъ въ недѣлю, — три раза въ комитетѣ и три раза въ редакціонной комиссіи, — я долженъ диспутовать 4 часа къ ряду, писать вопросы, проекты положеній, особыя мнѣнія и т. д. Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаетъ. Прочіе только спорятъ и возражаютъ, но никто ничего не дѣлаетъ, потому во-первыхъ, что гораздо легче опорочивать чужую работу, и во-вторыхъ — по дворянской лѣни. Мое положеніе очень странно: они меня не терпятъ, всѣми мѣрами, сплетнями стараются меня поссорить съ моими сторонниками, а между тѣмъ, безпрестанно

обращаются ко мнѣ и все возлагаютъ на меня. Разумѣется, это очень невыгодно, но ужъ это какъ-то устроилось само собою.

„Я почти увѣренъ отстоять большинствомъ голосовъ: 1) выгонъ — какъ принадлежность усадьбы, для чего рекомендую Вамъ томъ X Свода Зак., законы межевые, ст. 534—538 по новому изданію; 2) двухдневную барщину, упраздненіе женской барщины зимней; 3) право перехода на оброкъ и личнаго выкупа до истеченія переходнаго состоянія; 4) отдачу домовъ безъ вознагражденія. Но оцѣнка усадебъ и норма надѣла — вотъ запятыя.

„Впрочемъ, въ этомъ я, кажется, расхожусь съ Вами и съ Черкасскимъ: я рѣшительно не придаю важности большинству. Я твердо увѣренъ, что оно будетъ противъ насъ и что придется подать два проекта — отъ большинства и отъ меньшинства, какъ бы оно числительностью незначительно не было. Въ этомъ я бѣды не вижу. Послѣ происшествія въ нижегородскомъ комитетѣ, послѣ заявленнаго направленія московскаго и петербургскаго комитетовъ, правительство, конечно, уже свыклось съ мыслью, что нельзя ожидать *единодушнаго* содѣйствія со стороны дворянства. По мѣрѣ того, какъ будутъ поступать въ Петербургъ проекты, убѣжденіе въ невозможности согласить желанія большинства съ началами рескрипта будетъ укрѣпляться съ каждымъ днемъ, и тогда одно изъ двухъ: или правительство останется при своемъ вопреки большинству, или оно уступитъ большинству и тогда нѣтъ предѣла уступкамъ. Но послѣдняго нельзя опасаться. Кроткая твердость Государя служитъ вѣрнымъ ручательствомъ; да и правительство зашло слишкомъ далеко. Слѣдовательно, по моему мнѣнію, мы должны имѣть одну цѣль: развить наши предположенія со всевозможною полностью и ясностью, такъ чтобы ихъ осуществимость была несомнѣнна, — доказать до очевидности несостоятельность системы нашихъ противниковъ, — снабдить правительство обширнымъ запасомъ доказательствъ и возраженій на будущіе, предстоящіе въ Петербургѣ, диспуты, на которые вѣроятно насъ не пустятъ. Все это требуетъ съ нашей стороны непреклонной твердости (разумѣется не упрямства) и налагаетъ на насъ обязанность, ради соединенія, примиренія и удержанія большинства, — не дѣлать *уступокъ*, не уродовать, не урѣзывать нашихъ требованій. Я увѣренъ, что въ Петербургѣ проекты меньшинства обратятъ на себя, по крайней мѣрѣ, столько же вниманія, сколько

и проекты большинства. Большинство мнѣ было нужно для составленія сноснаго устава, потому что въ порядкѣ совѣщаній рѣшеніе большинства для всѣхъ обязательно и могло бы насъ связать, а теперь, какъ скоро дѣло дошло до сущности, — до рѣшенія вопросовъ — такъ Господь съ нимъ, съ большинствомъ. Я ему не уступлю ни одного дня въ году. Il faut laisser de la marge aux concessions que devra faire le gouvernement[1]).

„Будетъ! Весь воскресный день я употребилъ на писаніе писемъ. Само собою разумѣется, что все касающееся подробностей и личностей должно оставаться между нами.

„До сихъ поръ я не измѣнилъ данному себѣ обѣту: не горячиться, не ссориться, не выходить изъ себя, но я чувствую, что это искусственное воздержаніе разстраиваетъ мое здоровье. Ночью натура беретъ свое, кровь приливаетъ въ голову, сердце бьется, и ночь проходитъ безъ сна, въ лихорадочномъ раздраженіи или въ неумолкающемъ бреду, въ спорахъ и битвахъ. Желалъ бы я знать не испытываете ли Вы того же самаго?“

Приписка А. П. Кошелева:

„Нѣтъ! Я гораздо спокойнѣе. Мы начинаемъ спорить мало, подаемъ голоса молча, у насъ всѣ — и большинство и меньшинство — знаютъ, что̀ кого ожидаетъ, а потому мы занимаемся обѣдами, вечерами, и довольно покойны“.

---

[1]) Нужно оставить просторъ уступкамъ, которыя придется сдѣлать Правительству.

ГЛАВА IV.

I. Переписка съ И. Аксаковымъ по поводу статьи о сельскомъ управленіи. Нападки журналистики. Отвѣтъ Аксакова. Кн. Черкасскій отказывается печатать свой отвѣтъ. Впечатлѣніе статьи Аксакова въ комитетѣ. Принятіе тайной подачи голосовъ. Кн. Черкасскій объ аристократизмѣ. — II. Рязанскій комитетъ; разногласія въ большинствѣ. Самарскій комитетъ. Первая глава проекта. Аргументація Самарина въ пользу дешевой оцѣнки усадебъ. Кошелевъ думаетъ добиться ея путемъ хитрости. Пораженіе главы оппозиціи въ самарскомъ комитетѣ. Глава II. — III. Тульскій комитетъ. Запрещеніе подавать отдѣльныя мнѣнія. Къ 1-й главѣ еще не приступали. Предложенія изъ Петербурга о поступленіи на службу. Статья Кошелева противъ Каткова. — IV. Самарскій комитетъ. Пренія о выкупѣ; скандалъ, и 2 недѣли бездѣйствія; гл. III признаніе недѣлимости общественной единицы. — V. Мнѣніе Кошелева и Самарина о поступленіи на службу. Временное примиреніе въ рязанскомъ комитетѣ. Симбирскій комитетъ о выкупѣ личности.

I.

И. С. Аксаковъ писалъ къ кн. Черкасскому, Москва, *17 октября 1858 г.:*

„Любезнѣйшій князь! Съ этою почтою Вы получите отъ меня посылку, заключающую въ себѣ штукъ 15 или 20 объявленій о „Парусѣ“. Можетъ-быть, Вы уже его прочли, — но эти экземпляры Вамъ посылаются для раздачи. Отдайте штукъ пять Николаю Елагину. Что Вы объ немъ скажете? Будьте снисходительны, ибо нѣтъ въ мірѣ труднѣе вещи, какъ написать объявленіе. Впрочемъ, оно обратило на себя вниманіе публики и литературныхъ кружковъ. Не знаю, каковы-то будутъ результаты [1]).

„Вы обѣщали статью, кажется, и къ 15-му числу. Срокъ прошелъ, статьи нѣтъ. Спрашиваю Васъ, что же мнѣ дѣлать?!

---

[1]) Объявленіе объ изданіи „Паруса“ появилось въ 10-мъ № „Сельскаго Благоустройства“ 1858 г. О направленіи журнала въ немъ говорилось слѣдующее: „Вполнѣ уважая и европейскую мысль и науку и сознавая необходимымъ постоянно изучать смыслъ современныхъ явленій, редакція „Паруса“ считаетъ своею обязанностью прямо объявить, что „Парусъ“, будучи вполнѣ отдѣльнымъ изданіемъ, принадлежитъ къ одному направленію съ „Русскою Бесѣдой“ — къ тому не рѣдко осмѣянному и оклеветанному направленію, которое съ радостью видитъ, что многія выработанныя имъ положенія принимаются и повторяются теперь самыми горячими его противниками. Итакъ, не боясь ложныхъ упрековъ въ исключительности, мы смѣло ставимъ наше знамя. Наше знамя — *русская народность*. Народность вообще — какъ символъ самостоятельности и

Вы вотъ теперь все разсуждаете о томъ, какъ обезпечить помѣщика или правительство въ вѣрномъ взносѣ оброка или податей. Подумайте-ка о томъ, какъ обезпечить редактора въ исправномъ полученіи статей отъ сотрудниковъ. Статьей Вашей о мірскомъ управленіи я очень доволенъ; собственно говоря, первой половиной, ибо опредѣленіе частностей и подробностей всегда пробуждаетъ во мнѣ нѣкоторое недовѣріе насчетъ будущей практичности проекта; но первая половина превосходна. Какъ Вы искусно подобрались къ критикѣ учрежденія министерства государственныхъ имуществъ и статей свода законовъ. Но знаете что? Удивляюсь — куда дѣвался Вашъ тактъ или чутье. Благое впечатлѣніе Вашей статьи проиграно въ значительной степени,— чѣмъ бы Вы думали? — упоминаніемъ о тѣлесномъ наказаніи, помните тамъ, гдѣ выноска Кошелева. Я очень сердитъ на Кошелева, зачѣмъ онъ вмѣсто того, чтобы дѣлать примѣчаніе, отчего мѣсто стало гораздо выпуклѣе, просто, по сношенію съ Вами, не выкинулъ или не передѣлалъ мѣста. Я кое-что смягчилъ у Васъ въ текстѣ, Вы замѣтили? Но пересылаться съ Кошелевымъ было уже некогда, ибо мы всякій, что называется, горячку поремъ: средства типографіи очень малы, а тутъ еще посылка корректуръ „Сельск. Благоустр.“ въ Рязань и т. п. Теперь на Васъ ополчаются,— знаете ли кто? Люди, получившіе чуть не европейскую извѣстность въ дѣлѣ сѣченія: Н. Ф. П....., обезсмертившій себя сѣченіемъ въ Муринѣ, Вашъ Д., отличавшійся въ сѣченіи ратниковъ, и т. д. Я не имѣю въ этомъ отношеніи никакой *pruderie* и знаю, что крестьянинъ предпочитаетъ тѣлесное наказаніе всякому насильственному за-

---

духовной свободы, свободы жизни и развитія — какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народа! Народность русская — какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя“.— Кошелевъ, въ письмѣ къ Аксакову, возражалъ, что одна народность, безъ православія, не доведетъ насъ еще до общечеловѣческаго значенія. „Безъ православія наша народность дрянь“, писалъ онъ. Кошелевъ боялся, что Аксаковъ составитъ для „Бесѣды“ такую программу, подъ которой ему нельзя будетъ подписаться. „Могу согласиться на одно, — предлагалъ онъ, — не упоминать о православіи, но сослаться на прежнія наши программы; но безъ православія „Бесѣда“ не имѣетъ никакого значенія, и ее подъ своимъ именемъ я держать не могу“. (См. Біографію Кошелева. Т. II, стр. 250—251.)

держанію — contrainte par corps,— но, въ настоящее время, можно было бы и не касаться этого вопроса. Теперь А. И. Кошелевъ, который и самъ сознается, что вовсе никакой чувствительности въ наказаніяхъ своихъ старостъ и бурмистровъ не оказываетъ,— является гуманнѣе Васъ въ этомъ отношеніи передъ публикой. Что же касается до двойного наказанія за одну и ту же вину, то это такъ, промахъ, я думаю. Такимъ образомъ въ Вашей статьѣ ничего другого не замѣтили и не замѣчаютъ, а всѣ кричатъ про это мѣсто. Это очень досадно, потому что совершенно несправедливо и лучше назначить 18 ударовъ розогъ, чѣмъ сѣчь произвольно, *вволю*, или даже посредствомъ земской полиціи.— Не будете ли Вы отвѣчать? въ „Русск. Вѣстникѣ" указано на Вашу статью. А какова статья почтеннѣйшаго Мих. Никиф. Каткова о русской общинѣ? Я такой дичи и не читывалъ. Требую отъ Самарина статьи въ отвѣтъ Каткову для „Русской Бесѣды", но хорошо было бы, если бъ и Вы ему отвѣчали"...

Кн. Черкасскій отвѣчалъ Аксакову, Тула, *21 октября 1858 г.*:

„Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ 17-го числа, за которое очень благодарю и на которое отвѣчаю теперь только два слова, а на-дняхъ напишу подробнѣе. Бурю, возбужденную моею статьею, я ожидалъ, и она не удивляетъ меня. Если будутъ нападенья, буду отвѣчать (я думаю лучше черезъ „Московскія Вѣдомости", какъ имѣющія большій кругъ читателей. Напишите объ этомъ Ваше мнѣніе); не удивляюсь, что П., хочетъ погарцовать на мой счетъ, но онъ можетъ ошибиться, какъ не будетъ невыгодно мое положеніе. Опасности избѣгнуть было невозможно (какъ Вы думаете), ибо нужно было договориться до подробностей, иначе все оставалось бы въ туманахъ и облакахъ; вотъ почему такъ долго и былъ избѣгаемъ этотъ предметъ. Литература — у насъ завелась бѣлоручка и любитъ затрогивать лишь то, гдѣ можетъ она пощеголять, чаще всего,— на чужой счетъ. А зачѣмъ не сказать правду и не заглянуть дѣлу прямо въ лицо? Что за дѣтство! А странная судьба наша: съ одной стороны слыть красными, съ другой — репрессистами. Подите, угодите-ка всѣмъ. Это, впрочемъ, опасности, окружающія всякую историческую школу. Статью мою *кончаю сегодня*, и ее уже начали переписывать. Какъ перепишутъ, такъ сейчасъ ее Вамъ высылаю. Слѣдовательно, я надѣюсь,

Васъ еще не задержу. Ваша „Бесѣда“ выйдетъ въ первыхъ дняхъ ноября. У насъ въ комитетѣ дѣла идутъ довольно плохо. Прощайте, Богъ съ Вами. Всѣхъ Вашихъ душевно обнимаю и желаю Вамъ успѣха. Кн. *В. Черкасскій*“.

Отправивъ это письмо, кн. Черкасскій получилъ слѣдомъ, другъ за дружкой, слѣдующія три записки отъ И. С. Аксакова.

(1.)

25 октября 1858 г., Москва.

„Сейчасъ достаньте нынѣшній № „Московскихъ Вѣдомостей“ и прочтите тамъ статейку противъ Васъ. Чья она,— еще не знаю, сейчасъ прочелъ и еще не выходилъ изъ дому, любезнѣйшій князь. Пришлите отвѣтъ немедленно съ эстафетой ко мнѣ, а я ужъ заставлю его помѣстить въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и успѣю можетъ-быть, набрать и въ 10-мъ № „Сельскаго Благоустройства“. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*.

(Краснымъ карандашомъ добавлено:)

„Нынче выйдетъ „Русскій Вѣстникъ“, съ громовой — говорятъ — статьей противъ Васъ“.

(2.)

27 октября 1858 г.

„Не хотите ли Вы, дорогой князь, наказать Каткова за его статью объ Васъ, помѣщенную въ послѣднемъ №, разборомъ его статьи „объ русской общинѣ“! На эту послѣднюю статью будетъ отвѣчать полновѣсною статьею Кошелевъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“, вѣроятно, въ № 11-мъ, но слѣдуетъ и „Русской Бесѣдѣ“ отозваться, что Катковская русская община — не русская, не та, какъ ее понимаютъ славянофилы. А въ Питерѣ его статья объ общинѣ (сущая галиматья) производитъ эффектъ; увѣряютъ, что онъ пошелъ дальше и лучше насъ! Такъ маленькій разборъ, или отзывъ. Присядьте-ка! Лучше не отъ Вашего имени, а отъ имени „Русской Бесѣды“, или просто безъ имени. *Я буду разсчитывать на Васъ*. Самъ бы написалъ отвѣтъ, да вѣдь его надо бить его же орудіемъ, т.-е. показать нелѣпость его политико-экономическихъ выводовъ. Вамъ для этого довольно двухъ-трехъ часовъ ночи. Получилъ *начало* Вашей статьи. Не знаю какъ дальше, а начало прелесть. Весь Вашъ“.

(3.)

28 октября.

„Статью Вашу получилъ[1]), успѣлъ прочесть покуда начало. Прекрасно, прекрасно! Жаль, что не для 1-го № „Русской Бесѣды“, но откладывать нельзя. Между тѣмъ, для того, чтобы эта статья не пропала, ибо появляется въ самую неблагопріятную для Васъ минуту, и чтобы заставить молчать крикуновъ, выведшихъ меня изъ терпѣнія — печатаю въ слѣдующемъ № „Московскихъ Вѣдомостей“ (130-мъ, выйдетъ послѣзавтра) статейку, которую Вамъ посылаю. Обнимаю Васъ всей душой. *И. Аксаковъ*“.

Статья И. С. Аксакова.

Въ 128-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей“ и въ 19-мъ № „Русскаго „Вѣстника“ помѣщены статьи, взводящія на кн. Черкасскаго, сотрудника „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“, обвиненіе тяжелое и совершенно несправедливое.

Ни кн. Черкасскаго, ни издателя „Сельскаго Благоустройства“, нѣтъ теперь въ Москвѣ, и мы считаемъ обязанностью вступиться за отсутствующихъ. Оба они теперь членами въ крестьянскомъ комитетѣ, оба трудятся добрымъ, честнымъ трудомъ на пользу русскаго крестьянина, оба на дѣлѣ, — не на словахъ только доказываютъ свою преданность великому дѣлу освобожденія, оба — въ постоянной ежедневной борьбѣ съ защитниками стараго порядка. Борьба трудная и томительная: приходится смирять горячія — укорачивать, обрѣзывать — благородныя стремленія; приходится, не разъ, отказываться отъ надежды видѣть благое предложеніе осуществленнымъ, на основаніяхъ широкихъ и либеральныхъ; приходится выбирать изъ двухъ золъ меньшее,— довольствоваться результатомъ далеко не полнымъ, но единственно покуда возможнымъ и, хотя, отчасти содѣйствующимъ улучшенію крестьянскаго быта. Многое, что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти!

И въ эту-то минуту тяжелой борьбы, когда стоящіе за правое дѣло всего сильнѣе нуждаются въ сочувствіи людей образованныхъ, несмотря на различіе партій — противники эмансипаціи, и слѣдова-

[1]) „Два слова по поводу восточ. вопроса“ въ 4-й кн. „Русской Бесѣды“ 1858 г. См. также „кн. Черкасскій“, его статьи, рѣчи и пр.

тельно и кн. Черкасскаго, получаютъ неожиданное подкрѣпленіе — и отъ кого же? отъ тѣхъ двухъ органовъ нашей литературы, отъ которыхъ помѣщичья оппозиція всего менѣе могла бы ожидать себѣ помощи!

Мы вполнѣ согласны, что статья кн. Черкасскаго могла подать поводъ къ недобросовѣстнымъ заключеніямъ, но не со стороны же „Русскаго Вѣстника“ и редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ слишкомъ хорошо знакомыхъ съ литературною и общественною дѣятельностью нашего сотрудника! Я обращаюсь къ чувству правды автора *Замѣтки* „Русскаго Вѣстника“: можетъ ли онъ, по совѣсти, обвинить кн. Черкасскаго въ *пристрастіи* къ тѣлесному наказанію? Вполнѣ ли согласно со строгою справедливостью, вполнѣ ли добросовѣстно сказать, что кн. Черкасскій пришелъ къ убѣжденію, будто для управленія русскимъ человѣкомъ необходима розга? Развѣ это гдѣ-нибудь выражено? Развѣ кн. Черкасскій не говоритъ тутъ же, что „разумный ходъ постепенно возвышающейся гражданственности долженъ быть постоянно направленъ не къ распространенію подобныхъ правъ наказанія, а къ ихъ сглаживанію и замѣненію отношеніями правильной гражданской свободы“.

Развѣ авторъ „Замѣтки“ не убѣжденъ въ душѣ своей, что ни кн. Черкасскій, ни „Сельское Благоустройство“ не уступятъ ему въ отвращеніи ко всякому грубому насилію! Мы громко протестуемъ противъ всякаго подозрѣнія, которое могло бы пасть, вслѣдствіе словъ „Русскаго Вѣстника“, на образъ мыслей кн. Черкасскаго, и полагаемъ, что авторъ „Замѣтки“ поступилъ неосмотрительно, сгоряча, по первому поверхностному обзору упомянутой статьи „Сельскаго Благоустройства“. Что же касается до „Замѣтки“, помѣщенной въ 128-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей“ (съ которой, какъ совершенно неприличной, мы и сравнивать не думаемъ „Замѣтку“ „Русскаго Вѣстника“), то слова г. Н. Ч. „о долгой усердной практикѣ — обнаруживаютъ усиліе автора бросить тѣнь клеветы ни на одинъ образъ мыслей кн. Черкасскаго... Чѣмъ отвѣчать на подобную выходку?... Только тѣмъ, что подобнаго рода статьи слѣдуетъ подписывать полнымъ именемъ, а не начальными буквами.

Сотрудникъ „Русской Бесѣды“ *Иванъ Аксаковъ*.

Кн. Черкасскій отвѣчалъ И. С. Аксакову, Тула, *31 октября 1858 г.*:

„Можете себѣ вообразить, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, письмо Ваше со спискомъ Вашей статьи пролежало у меня

безъ вѣдома моего цѣлыя сутки на столѣ, покуда человѣкъ мой догадался мнѣ сказать, что оно получено съ почты. Отъ души благодарю Васъ и жму Вашу руку, но признаюсь, не безъ нѣкотораго чувства страха, чтобы, во-первыхъ, горячее нападеніе на помѣщиковъ не повредило Вамъ со стороны цензуры и правительства въ изданіи Вашего „Паруса“, а во-вторыхъ, чтобъ не вознегодовали на Васъ „Вѣстникъ“ съ братьею и не принялись бы, въ отмщеніе за это, за Васъ самихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Признаюсь, я такъ свыкся уже теперь съ мыслью о всеобщей противъ меня ярости, что совершенно спокойно жду полученія „Вѣстника“, который не попалъ еще мнѣ въ руки, и не прощу себѣ ни когда, если вся эта глупая исторія какъ-нибудь разыграется Вамъ во вредъ.

„Я полагаю, что Хомяковъ уже въ Москвѣ и Вамъ разсказалъ тонъ моего отвѣта. Кабы поскорѣе получить „Вѣстникъ“, отвѣчать и сдать все дѣло въ архивъ, то я былъ бы очень радъ; а то въ ожиданіи этого отвѣта не принимаюсь еще пока за другое. Хомякову я поручилъ сказать Вамъ, чтобы Вы замѣтки насчетъ Каткова отъ меня не ждали; сожалѣю очень, если это Вамъ будетъ непріятно, но вотъ мои оправданія, мнѣ кажется, вполнѣ достаточныя: во-первыхъ, я самой статьи Каткова почти не читалъ, только пробѣжалъ съ десятокъ нелѣпыхъ его страницъ; во-вторыхъ, я плохой защитникъ славянской общины въ экономическомъ отношеніи и потому плохо за нее заступился бы отъ имени „Русской Бесѣды“, а это, въ такого рода замѣткѣ, не годится. Впрочемъ, я надѣюсь въ своемъ отвѣтѣ вклеить Каткову словечко, мимоходомъ на память.

„Не знаю, писали ли Вы Вашу статейку послѣ полученія того письма, гдѣ я Вамъ говорилъ о нашемъ комитетѣ; но положеніе наше Вами передано съ историческою вѣрностью. Большинство у насъ теперь неистовствуетъ: отказавшись подавать голоса вслухъ и введши тайную балотировку шарами [1]), за симъ, заперевъ свои двери и отказавъ даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать въ ко-

[1]) См. арх. № 10. Журналъ отъ 16-го октября. Предложеніе принято большинствомъ 15 голосовъ. Къ сожалѣнію, въ слѣдующихъ журналахъ протоколы преній не достаютъ.

митетѣ [1]), большинство во вчерашнемъ засѣданіи не удовольствовалось еще и этимъ и, несмотря на всѣ сарказмы, которыми я не переставалъ осыпать ихъ въ теченіе трехъ часовъ къ ряду,— пришло, наконецъ, къ великолѣпному предложенію: отнять у насъ, меньшинства, право даже записывать наши отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Каково! Шумъ былъ такой, какого еще ни разу не было; признаюсь, они въ первый разъ успѣли меня вывести изъ себя; не знаю, какъ дѣло это кончится, но я ихъ стращаю, что если они рѣшатъ такое беззаконіе, то я свои отдѣльныя мнѣнія буду посылать прямо въ министерство, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ и куда мнѣ ихъ впредь подавать. Будущее засѣданіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще бурнѣе, ибо я рѣшился не уступать въ этомъ вопросѣ, во что бы ни стало.

„Прощайте, дражайшій защитникъ, еще разъ обнимаю Васъ отъ всей души. Поклонитесь всѣмъ Вашимъ, а моя жена усердно Вамъ кланяется. Сейчасъ сажусь писать Кошелеву, который также попался, кажется, какъ куръ во щи. Надѣлалъ же я Вамъ всѣмъ нежданныхъ, негаданныхъ хлопотъ. Vale. Кн. *В. Ч.*“

---

[1]) Вопросъ о томъ, могутъ ли быть допускаемы дворяне Тульской губерніи къ присутствію на засѣданіяхъ, безъ права подачи голоса, обсуждался 28-го октября (см. журн.) и былъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 14 голосовъ противъ 9. 164 человѣка дворянъ подали въ комитетъ слѣдующее заявленіе: „Нижеподписавшіеся, находя, что каждый дворянинъ и помѣщикъ Тульской губерніи имѣетъ положительное право присутствовать, въ качествѣ безмолвнаго слушателя, при засѣданіяхъ комитета, рѣшающаго дѣло его собственности, и съ другой стороны — самый ходъ занятій комитета несомнѣнно выиграетъ въ правильности и успѣшности при удаленіи тайны засѣданій, изъявляютъ желаніе, чтобы гг. члены комитета не противились допущенію ихъ къ присутствію при его дѣйствіяхъ. Слѣдуютъ подписи. (Подлинное въ арх. кн. Черкасскаго. № 30).

„Здѣсь, въ Тулѣ“, писалъ Хомяковъ Гильфердингу, „комитетъ идетъ довольно скверно, несмотря на присутствіе многихъ дѣльныхъ и хорошихъ людей. Теперь возимся съ полученіемъ согласія комитета на публичность засѣданій. Я говорю, какъ будто самъ участвую: дѣйствительно я безпрестанно въ Тулѣ и въ совѣщаніяхъ домашнихъ. Кн. Черкасскій (депутатъ отъ правительства) великолѣпенъ: образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора. Въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже враги“. (См. „Русскій Арх.“ 1876—77 гг.)

Въ январѣ было получено предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, (отъ 5-го января) о недопущеніи, по Высочайшему повелѣнію, постороннихъ лицъ въ засѣданія дворянскихъ комитетовъ. (Журналъ засѣданія отъ 15 января 1859 г.)

„31 октября. — Вы довольны началомъ моего обозрѣнія, а я не могу сказать того же. Но весьма желалъ бы, чтобы конецъ былъ пропущенъ цензурой безъ измѣненія. Это меня весьма занимаетъ. Когда будетъ извѣстно, пожалуйста напишите словечко".

Письмо князя скрестилось съ письмомъ И. С. Аксакова отъ того же *31 окт. 1858 г.* (Москва).

„Получилъ вчера два Вашихъ письма, писанныхъ еще до полученія Вами моего послѣдняго. Вотъ что, любезный князь, я полагаю, что Вамъ теперь нечего отвѣчать всѣмъ этимъ господамъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, послѣ моей статьи. Она поканчиваетъ дѣло. Постороннему въ это дѣло легче вступиться, чѣмъ Вамъ самимъ, а Вы можете хранить „гордое" молчаніе. Вы замѣтите въ моей напечатанной статьѣ нѣкоторую разницу съ рукописной; Коршъ, который, вѣроятно, и есть г. Н. Ч., никакъ не рѣшился напечатать окончаніе. Я самъ былъ у него, очень любезно намылилъ ему голову, благо онъ не объявляетъ, что г. Н. Ч. онъ самъ, — и согласился уступить только въ такомъ случаѣ, когда онъ сдѣлаетъ оговорку, въ родѣ извиненія, что̀ онъ и сдѣлалъ. Скажите, довольны ли Вы этимъ исходомъ дѣла? Кажется, что теперь — можетъ-быть, я и ошибаюсь, — эта статья покончила и поправила все. Кажется, всѣ удовлетворены.

Совѣтую Вамъ не поднимать вопроса о тѣлесномъ наказаніи. Еще не время. Слишкомъ живы язвы, нанесенныя розгами, — вообще правомъ кулака — нашему обществу. Пусть онѣ не переходятъ изъ области обычая, — впрочемъ исчезающаго — въ область законодательную. Третьяго дня Московскій крестьянскій комитетъ отмѣнилъ окончательно и торжественно тѣлесное наказаніе, противъ мнѣнія Меньшикова. Я знаю, что крестьяне готовы будутъ взбунтоваться, если къ нимъ ввести тюремное заключеніе, но отъ помѣщика это право, во всякомъ случаѣ, должно быть отнято, и пусть законодатель выставитъ принципомъ отсутствіе тѣлеснаго наказанія. Но некогда мнѣ распространяться теперь о томъ законномъ разладѣ съ жизнью, на который, — что же дѣлать, — обречены мы нашимъ историческимъ развитіемъ.

„Посылайте скорѣй Алексѣя Степановича въ Москву. Пожалуйста, напишите со всею откровенностію, — довольны ли

Вы моимъ вмѣшательствомъ, или же полагаете, что защита эта для Васъ нѣсколько обидна?

„Скажите правду. Обнимаю Васъ. *И. Аксаковъ.*

Князь В. А. Черкасскій — И. С. Аксакову. Тула, *2 ноября 1858 г.*

„Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, письмо Ваше отъ 31-го октября я получилъ въ ту самую минуту, когда отдалъ переписывать статью, изготовленную мною для Моск. Вѣдом. Прочитавъ Ваше письмо, самъ думаю, что, быть можетъ, и точно лучше мнѣ удовольствоваться однимъ Вашимъ отвѣтомъ и самому не отвѣчать, дабы не усиливать раздраженія безъ крайней нужды. Особенно говоритъ въ пользу этого то обстоятельство, что, какъ Вы пишите, московскій комитетъ отмѣнилъ тѣлесное наказаніе, и мое слово могло бы опять показаться протестомъ противъ этого рѣшенія. Между нами сказать рѣшеніе это — сущая глупость, впрочемъ единственно потому, что оно останется листомъ бѣлой бумаги, и не только никогда не будетъ приведено въ дѣйствіе, но, во-1-хъ, въ Петербургѣ оно не будетъ утверждено, а во-2-хъ, если бы и утвердили, то черезъ годъ поспѣшатъ отмѣнить. До того же времени это постановленіе лишь увеличитъ собою значительное и безъ того количество лжи, уже испещряющей наше законодательство. Я во всемъ сказанномъ твердо убѣжденъ, но, опять повторяю, благо дворянство на это согласилось, въ желаніи дешевымъ образомъ порыцарствовать, такъ Богъ съ нимъ, не намъ противъ этого протестовать. Я, признаюсь, лучше желалъ бы, чтобы дворянство сбавило съ крестьянъ нѣсколько рублей оброка въ годъ, или хоть нѣсколько минутъ барщины на каждый день, что̀ принесло бы матеріальную пользу крестьянину, уменьшило бы поводы къ столкновеніямъ, при необходимости принудительнаго взысканія, а слѣдовательно, и къ розгамъ, путемъ хотя косвеннымъ, но болѣе дѣйствительнымъ. Бѣда только въ томъ, что на эту штуку помѣщиковъ потруднѣе было бы согласить. Ну, да Богъ съ ними! Итакъ, отправляю Вамъ написанную мною статью *только для курьёза*, въ качествѣ мертворожденнаго ребенка.

„Прочтите ее, но забудьте и сожгите!

„Вы спрашиваете, не обиженъ ли я Вашей статьею? доволенъ ли я ею? Очень напротивъ, и искренно благодарю.

Если же пойдетъ дѣло на критику, то скажу только, что жаль очень, что Вы не упомянули, что я никакихъ новыхъ нормъ наказанія не изобрѣталъ, но взялъ готовыя изъ Св. Зак. (Госуд. Имущ.) и Эстляндскаго положенія. Но что̀ дѣлать! и сказаннаго достаточно вполнѣ для человѣка добросовѣстнаго, а заискивать въ недобросовѣстныхъ не въ моемъ характерѣ. Какъ спокойно я смотрю на все это, Вамъ можетъ засвидѣтельствовать и Хомяковъ и тонъ настоящаго моего мертворожденнаго отвѣта. Сперва, я хотѣлъ писать въ отвѣтъ только апологію *клеветы*. Приписка редактора къ Вашему отвѣту принудила меня сгладить все это и смягчить; вотъ еще причина, почему я мало сожалѣю о томъ, что не буду отвѣчать. Къ тому же отвѣтъ мой всѣхъ разбѣсилъ бы, и дѣлу не было бы конца въ шесть мѣсяцевъ. Постараемся, слѣдовательно, все позабыть! Скажу Вамъ, между тѣмъ, что Вашъ отвѣтъ, какъ слышно, взбѣсилъ не на шутку весь комитетъ, т.-е. большинство. *Я не видалъ* еще никого изъ нихъ, и мнѣ это передано изъ вторыхъ рукъ губернскимъ предводителемъ. Послѣ завтра будетъ засѣданіе, и я увижусь съ ними. Если они будутъ мнѣ жаловаться, то у меня готовъ имъ отвѣтъ отличный; я имъ скажу: „Господа, если бы Вы не заперли Вашихъ дверей и позволили бы мнѣ на Васъ нападать и Васъ критиковать публично, то я имѣлъ бы право защищать Васъ публично и, пожалуй, написалъ бы Аксакову, что онъ объ Васъ имѣетъ слишкомъ худое мнѣніе; но теперь, будучи лишенъ Вами права Васъ публично осуждать, позвольте Васъ публично и не хвалить“. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что большинство вдругъ сдѣлало предложеніе — лишить меньшинство права подавать отдѣльныя мнѣнія! Каковы! Но я имъ не спустилъ этого даромъ, да и въ будущемъ засѣданіи, когда дѣло дойдетъ до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, они опять-таки попляшутъ у меня!

„За симъ прощайте. Что̀ Батюшка? Душевно Васъ обнимаю. Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія Хомякова и изустныхъ обо всѣхъ Васъ извѣстій. *Кн. В. Черкасскій.*

„Скажите Константину Сергѣевичу, что онъ никакъ не имѣетъ права на меня сердиться за начало моего отвѣта, гдѣ дѣло идетъ объ аристократизмѣ. Я, во-первыхъ, думаю, шила въ мѣшкѣ не утаишь, и никто не повѣритъ, коли

станешь божиться. А въ данномъ мною этому дѣлу оборотѣ, — онъ долженъ признаться, — не было недостатка въ смѣлости. Къ тому же я признаюсь только въ аристократическихъ пріемахъ ума. А воображаю себѣ, какъ Константинъ Сергѣевичъ разгнѣвался бы, если бы это было напечатано“ [1]).

[1]) Въ архивѣ кн. Черкасскаго № 7 сохранилась черновая и копія съ этого не изданнаго отвѣта „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Приведемъ оттуда то мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, касающееся обвиненія въ аристократизмѣ, такъ какъ князю никогда не приходилось съ большею опредѣленностью изложить свой взглядъ на этотъ предметъ: „...Обвиненіе... въ аристократическомъ будто бы настроеніи моей мысли“, пишетъ онъ здѣсь, „похоже на то, что французы такъ мѣтко назвали „procès de tendance“. Трудно, если не невозможно отвѣчать на подобное обвиненіе; пріемы человѣческой мысли слагаются и сознаются почти помимо всякаго ея собственнаго въ этомъ дѣлѣ участія; отъ нихъ отказываться столь же трудно, сколько, быть можетъ, и безполезно. Безъимянный критикъ мой, конечно, не ожидалъ отъ меня (а если ожидалъ, то ошибся) поспѣшнаго отреченія отъ той или другой ему не нравящейся особенности моей мысли, если она въ ней дѣйствительно кроется и имъ удачно въ ней подмѣчена. Поэтому, не вдаваясь въ личное оправданіе свое въ этомъ дѣлѣ, едва ли для кого-нибудь занимательное, я ограничусь только нѣсколькими словами объ общей сторонѣ этого вопроса, неосторожно затронутой самимъ безъимяннымъ моимъ критикомъ. Охотно соглашаюсь съ нимъ и признаюсь, я не лицемѣрно скорблю о томъ, что нашей исторической жизни издавна и постоянно было чуждо аристократическое начало въ лучшемъ и благороднѣйшемъ своемъ значеніи, какъ непрерывная заботливая историческая опека высшихъ слоевъ общества о меньшей своей братіи, какъ орудіе твердаго заступничества за нихъ крѣпко организованнаго и юридическимъ и нравственнымъ правомъ облеченнаго сословія. Россія — мы въ томъ увѣрены — сумѣетъ инымъ путемъ дойти до цѣлей, предназначенныхъ ея жизни, и добытые ею результаты, быть можетъ, по этому самому окончательно лягутъ на болѣе широкую и болѣе привольную основу. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что отсутствіе этого начала оставило страшный пробѣлъ въ ея исторіи и преимущественно въ нашей современной общественной жизни, и при многихъ другихъ выгодахъ породило и пріуготовило намъ множество трудностей, которыя мы именно въ настоящее время живо ощущаемъ. Но независимо отъ этого чуждаго намъ, благоразумнѣйшаго и высшаго значенія аристократизма, есть другія его проявленія, вопреки мнѣнію безъимяннаго критика, имѣющія у насъ почву и дающія у насъ ежедневный плодъ; взращенныя у насъ тѣмъ же аристократическимъ настроеніемъ мысли, только утратившія уже свое всемірно-историческое значеніе, выродившись въ духѣ исключительной привилегіи и какъ бы монополіи безсознательно проникшаго всѣ отправленія нашей общественной жизни, какъ бы на первый взглядъ они ни казались ему антипатичны. Такова отживающая нынѣ у насъ, къ счастію, монополія на крѣпостной трудъ земледѣльца; таковы также смѣшныя притязанія ученаго цеха на исключительное познаніе истины и исключительное ей служеніе; таковы, наконецъ, въ послѣдней нелѣпѣйшей своей формѣ, непрестанно предъявляемыя притязанія самой демократической

II.

А. И. Кошелевъ — князю В. А. Черкасскому. Рязань. *29 октября 1858 г.*

„Вотъ, дражайшій князь, *два* письма отъ Самарина. Изъ нихъ Вы увидите, что онъ находится въ исключительномъ положеніи. Тамъ безъ него не могутъ обойтись, а у насъ здѣсь писакъ такъ много, что десятокъ проектовъ, пожалуй, напишутъ безъ нашей помощи. Надобно сказать, что по Самарской губерніи идетъ хорошо, гораздо лучше чѣмъ у насъ. Мы въ два мѣсяца не кончили 3 главъ. У насъ Офросимовъ съ своими не перестаютъ путать, закидывать насъ предложеніями, вопросами и пр. и пр. Третьяго дня, 27-го, у насъ былъ бой страшный, думаю даже, довольно рѣшительный — едва ли оппозиція встанетъ послѣ этого пораженія.

„Въ прошедшемъ письмѣ я говорилъ, что оппозиція, бывшая плотной и согласной во всемъ, начала распадаться. Въ комиссіи, составленной по предложенію Офросимова и имѣющей цѣлью опредѣленіе главныхъ основаній, на которыхъ долженъ быть составленъ проектъ, возникли, какъ слѣдовало и ожидать, разногласія. Изъ нашихъ тамъ былъ одинъ Голубцовъ, и сѣренькій Бѣгичевъ съ нимъ согла-

---

мысли на нѣкоторое исключительно аристократическое положеніе въ области гражданственности и литературы. Такое извращеніе аристократическаго начала извѣстно лишь у насъ; въ какой мѣрѣ оно смѣшно — очевидно; въ какой мѣрѣ полезно — пусть докажутъ это плоды его“.

И. С. Аксаковъ писалъ по этому поводу: 11 ноября 1858 г. Москва.

„Ваша статейка въ отвѣтъ „Моск. Вѣд.“ и „Вѣстнику написана очень ловко, но ей все же лучше не появляться въ свѣтъ. На обвиненіе въ аристократизмѣ вовсе отвѣчать не слѣдуетъ. Если букетъ аристократизма и присущъ Вашимъ статьямъ, то его никакъ не должно возводить въ положеніе, утверждать, консолидировать, дѣлать осязательнымъ. Вашею статьею о восточномъ вопросѣ я очень доволенъ. Не знаю, какъ приметъ ее публика. По моему мнѣнію, она несравненно важнѣе политическаго обозрѣнія Каткова, ибо анализируетъ дѣйствія нашей дипломатіи, указываетъ ей истинный и вполнѣ народный путь, тогда какъ изъ политическаго обозрѣнія Каткова дипломатъ, обязанный дѣйствовать, не выноситъ ничего, кромѣ сочувствія къ Англіи, антипатіи къ Наполеону и т. д. Теперь эти листы Вашей статьи у цензора; нѣтъ сомнѣнія, что онъ ихъ пропуститъ, хотя они въ тысячу разъ сильнѣе всѣхъ газетныхъ разглагольствованій.

сился; на противоположной сторонѣ были Офросимовъ, кн. Волхонскій и Аѳанасьевъ. Предсѣдатель губ. пр. согласился съ Голубцовымъ. Тогда противная партія начала оспаривать у предсѣдателя право голоса, говоря, что въ комиссію выбраны пять, а не шесть членовъ. Изъ этого тамъ произошла страшная схватка, и предсѣдатель внесъ въ комитетъ вопросъ: имѣетъ ли предсѣдатель право и обязанность предсѣдательствовать въ комиссіяхъ, комитетомъ учреждаемыхъ, и пользуется ли онъ правомъ голоса? Къ счастію, пришло мнѣ въ голову до засѣданія посовѣтовать предсѣдателю включить слѣдующія слова: „а въ отсутствіе его — вице-президентъ“. Наканунѣ мы собрались и опредѣлили, какъ дѣйствовать. Губ. предводитель рѣшился въ случаѣ отказа закрыть засѣданіе и ѣхать къ начальнику губерніи. Этотъ слухъ былъ распущенъ подъ секретомъ. Мы сочли своихъ, и надежныхъ было только 12, а насъ, кромѣ предсѣдателя, 24 наличныхъ (Муромцевъ не бываетъ). Провозглашенъ вопросъ: вице-президентъ, первый по очереди, подаетъ голосъ въ пользу предсѣдателя; за нимъ его пріятели въ числѣ двухъ; потомъ le côté droit, т.-е. наши, и сами противники, за исключеніемъ ярыхъ-вожаковъ и ихъ адъютантовъ, всѣ подаютъ голосъ въ пользу, и большинствомъ голосовъ 19 противъ 5 утверждаютъ за предсѣдателемъ право президентства въ комиссіяхъ. Офросимовъ съ товарищами позеленѣли, посинѣли и пр. Пораженіе ихъ было полное.

„На этомъ они не остановились. Офросимовъ высылаетъ своего адъютанта съ предложеніемъ, неблагоугодно ли будетъ комитету опредѣлить права президента по комиссіямъ? Съ меня начинаютъ: я говорю, что права президента общеизвѣстны, что нѣтъ надобности для комиссіи вновь ихъ опредѣлять, а потому предложеніе г. Лихарева *устранить;* всѣ прочіе члены соглашаются со мною, и Лихаревъ беретъ свое предложеніе назадъ.

„Думаю, что теперь плотное большинство совершенно распалось. Знаете: у Васъ въ Тулѣ будутъ тѣ же продѣлки; чтобъ одержать верхъ надъ сильною оппозиціею, надобно дать ей поторжествовать. Тогда между вожаками возникнетъ соперничество, и только тогда можно оппозицію побѣдить. До сихъ поръ мы еще ни одного важнаго вопроса не рѣшили, но,

кажется, съ слѣдующаго засѣданія примемся за дѣло, ибо всѣ холостые заряды разстрѣлены.

„Теперь поговоримъ о журналахъ.

„Какова выходка противъ Васъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ № 18-мъ и особенно въ № 19-мъ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ № 128-мъ. Прочтите ихъ; „Московскимъ Вѣдомостямъ“, по-моему, отвѣчать не слѣдуетъ въ „Московскихъ же Вѣдомостяхъ“; но *необходимо* отвѣчать на замѣтку Каткова въ № 19-мъ и его хорошенько отбрить. Онъ такъ съ плеча и дуетъ. Слѣдовательно, я считаю эту замѣтку къ № 11-му за Вами.

„„Я написалъ критику на общину Каткова. Теперь ее переписываютъ. Какъ дѣло крайне важное, то я пришлю съ будущею почтою эту статью къ Вамъ; а Вы, если ее одобрите, то отошлите прямо и тотчасъ къ Аксакову; а если имѣете сдѣлать важныя замѣчанія, то тотчасъ, т.-е. съ первою почтою, возвратите ко мнѣ съ замѣчаніями.

„Я уничтожаю, какъ мнѣ кажется, Каткова въ пухъ и прахъ; но дѣло политико-экономическое, а потому мнѣ необходимо Ваше мнѣніе.

„У насъ сильно будутъ стоять и огромнымъ большинствомъ опредѣлятъ вознагражденіе за утрату *личныхъ* повинностей. Это вознагражденіе нашъ комитетъ желаетъ получить не съ крестьянъ, а съ государства. Я еще не рѣшился, какъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать. Много можно сказать и pro и contra. Какъ Вы думаете? Чѣмъ опровергать ихъ доводы?

„„Прощайте, дражайшій князь. Письмо это вмѣстѣ съ письмомъ Карамзина отправьте немедленно къ Самарину. Прощайте.

„Душевно Вамъ преданный *А. Кошелевъ*“.

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву и князю В. А. Черкасскому. Самара. *12 октября 1858 г.*

РАПОРТЪ № 2.

Составленъ Уставъ, и почти окончена I глава.

Въ Уставѣ замѣчательны только 2 статьи:

1) Члены комитета при обсужденіи возбужденныхъ вопросовъ обязаны *не выходить изъ предѣловъ началъ, выраженныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ.* Мое предложеніе принято послѣ рѣзни, продолжавшейся три засѣданія, большинствомъ голосовъ. Голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ.

2) Описанія имѣній, представленныя помѣщиками, *хранятся при описи,* въ архивѣ комитета. Мое предложеніе принято большинствомъ двухъ голосовъ. Было намѣреніе, по составленіи сводовъ, сжечь или уничтожить подлинныя описанія, дабы при повѣркѣ актовъ не было никакого документа, по которому бы можно было судить о томъ, лучше или хуже прежняго будетъ положеніе крестьянъ.

Глава 1-ая.

1) Опредѣленіе личнаго крѣпостного права, какъ права одного лица распоряжаться другимъ лицомъ, аки движимою собственностью, въ отличіе отъ права на трудъ, истекающаго изъ обязанностей, лежащихъ на помѣщикѣ,— прошло по моей редакціи, нѣколько искаженной.

2) Статья: Крѣпостное право личное безусловно упраздняется и никакимъ способомъ вновь установляемо быть не можетъ (въ отмѣну ст. 997 т. IX) — не прошла. Положено отложить ее до перечисленія всѣхъ примѣненій и проявленій личнаго крѣпостного права; точь въ точь какъ въ Рязани. Многіе боятся ссылки на 997 ст., „какъ бы, дескать, Государь не обидѣлся, если мы отнимемъ у него право жаловать людей".

3) Упразднено право, безъ согласія крѣпостныхъ людей, отдавать ихъ *кому бы то ни было* во временное владѣніе, въ работу и въ услуженіе (въ отмѣну 1048 ст. т. IX). Взято большинствомъ послѣ жестокой схватки.— Подано мною письменное мнѣніе.

4) Упразднено право продавать, дарить, отчуждать безъ земли и домовъ на свозъ, — большинствомъ;

5) упразднено безусловно право переводить крестьянъ во дворъ;

6) упразднено право переселять, безъ ихъ согласія, изъ имѣнія въ имѣніе;

7) упразднено право отдавать въ смирительные и рабочіе дома и арестантскія роты, — безусловно;

8) безъ разрѣшенія уѣзднаго присутствія представлять въ рекруты и къ удаленію изъ вотчины.

Отвергнуто большинствомъ мое предложеніе:

9) Воспретить переводъ дворовыхъ въ крестьяне *безъ ихъ согласія.* Подано мною письменное мнѣніе.

Крѣпостные люди пріобрѣтаютъ право, *не спрашивая согласія владѣльцевъ и безъ оговорокъ*:

10) вступать въ бракъ,— большинствомъ;

11) вступать въ монашество (ст. 251 т. IX),— большинствомъ; подано мною письменное мнѣніе;

12) пріобрѣтать, закладывать и отчуждать собственность;

13) учреждать фабрики и заводы;

14) производить торговлю и вступать временно въ цехи;

15) брать съ торговъ станціи и подряды;

16) входить въ обязательства, занимать деньги и брать въ долгъ товаръ;

17) ходатайствовать во всѣхъ инстанціяхъ и по всякимъ дѣламъ.

(Пункты 12—17 приняты единогласно или почти.)

18) свидѣтельствовать подъ присягою въ дѣлахъ уголовныхъ, касающихся владѣльца — большинствомъ трехъ голосовъ (въ отмѣну 1087 ст. п. 4 и 1088 ст. т. XV);

19) жаловаться на владѣльца и искать на немъ съ соблюденіемъ условій, какія постановлены будутъ въ главѣ объ управленіи, — большинствомъ;

20) отдѣльными лицами и семействами переходить въ другія сословія и на другія земли, до истеченія переходнаго состоянія, съ соблюденіемъ условій и правилъ, какія въ другихъ главахъ постановлены будутъ — единогласно.

21) Помѣщику запрещается выдавать отпускныя крестьянамъ безъ согласія міра; если же міръ не согласится, то онъ можетъ отпустить, но въ такомъ случаѣ упраздняетъ тягло, лежавшее на увольняемомъ, оставляя землю въ распоряженіи общества и въ безплатномъ его пользованіи, а платежъ казенныхъ повинностей, до новой ревизіи, помѣщикъ принимаетъ на себя.

22) Отвергнуто: право вступать въ военную службу безъ согласія помѣщика. — Подано мною письменное мнѣніе.

23) Общая оговорка: всѣми сими статьями упраздняются только тѣ ограниченія и препятствія, которыя истекали изъ личнаго крѣпостного права и налагались помѣщикомъ по его безотчетному усмотрѣнію.

Остается включить: статью объ упраздненіи крѣпостного права вообще и опредѣленіе срочно-обязаннаго положенія. Я предложилъ: срочно-обязанное положеніе установлено для

соблюденія постепенности въ переходѣ крѣпостныхъ людей отъ личной зависимости къ *полной свободѣ*. Послѣднее слово возбудило бурю. Разошлись, не кончивши.

Вотъ общій порядокъ. Наканунѣ, или дня за два до засѣданія, собирается редакціонная комиссія,— четыре лица. Я предлагаю проектъ статей, который почти всегда принимается, хотя очень не охотно. Статьи, принятыя комиссіей разсылаются ко всѣмъ членамъ. Въ комитетѣ статьи читаются; я развиваю и поясняю. Тогда коноводы большинства и члены редакціонной комиссіи, мои *сотоварищи*, опрокидываются на меня. Диспутъ между мною и ими продолжается отъ 10 до 4 часовъ. Затѣмъ баллотировка. Ожесточеніе противниковъ растетъ по часамъ; но странное дѣло,— послѣ засѣданія нѣкоторые, изъ подавшихъ голосъ противъ насъ, являются къ намъ съ извиненіями. Образованіе, сознательность убѣжденія, даръ слова и грамотность — рѣшительно на нашей сторонѣ.

Я полу̀чилъ Ваше письмо отъ 30-го сентября. Неелова я возьму на свою долю, но не въ нынѣшнемъ году; едва ли успѣю. Жду необходимыхъ для справокъ книгъ.— Три поданныя мною мнѣнія пришлю Вамъ въ копіяхъ.

Прощайте, будьте здоровы.

Пришлю Вамъ также форму сводовъ и извлеченія изъ свѣдѣній, мною составленныя.

Сейчасъ узналъ я странную вещь. Представьте себѣ, что Вы почти единогласно были выбраны по Новоузенскому уѣзду и что вслѣдствіе интригъ Васъ забраковали,— *изорвавъ* баллотировочный листъ.

Постановленіе о прекращеніи и неустановленіи впредь личнаго крѣпостного права — прошло единогласно.

Въ послѣдніе три дня nous avons gagné beaucoup de terrain. Противниками овладѣло какое-то чувство безпомощности. Ихъ вожакъ грызетъ ногти. Ежедневно, одинъ-два отбиваются отъ него и переходятъ къ намъ. Не знаю, надолго ли! Il y aura des hauts et des bas. Не хочу хвастаться, но, судя по теперешнему настроенію, я почти увѣренъ въ большинствѣ по вопросу о двухдневной барщинѣ. Сообщаю Вамъ мою систему аргументаціи въ пользу дешевой оцѣнки усадебъ, которая была не безъ успѣха.

Предположимъ, что крестьянинъ теперь исправляетъ на насъ барщины или платитъ оброка на 40 руб. сер. (примѣрно).

Мы собрались, чтобы улучшить его бытъ. Улучшить можно: 1) прибавкою земли, 2) убавкою повинностей. О первомъ вы не хотите слышать, и я съ вами. Остается второе. Итакъ, мы должны рѣшиться пожертвовать, положимъ, четверть. Выходитъ: 40—10=30, вотъ высшая мѣра, maximum того, что мы можемъ взять. Больше нельзя, потому что дальше нехватитъ средствъ крестьянъ. *Помните это!*

Теперь разсудимъ вотъ что. Изъ этихъ 30 руб. часть мы будемъ получать въ видѣ повинности за пашню и угодья, другую въ видѣ процента за пользованіе усадьбами, а потомъ въ видѣ процента съ капитала, внесеннаго за ихъ выкупъ. Намъ предоставлено опредѣлить отношеніе этихъ двухъ суммъ, *все-таки не выходя изъ 30 руб.* Мы можемъ положить: 1) 15 руб. за усадьбу+15 руб. за пашню=30 руб.; 2) 10 руб. за усадьбу+20 руб. за пашню и угодья=30 руб.; 3) 5 руб. за усадьбу+25 руб. за пашню и угодья=30 руб.

Что выгоднѣе! Если мы оцѣнимъ очень дорого усадьбу, выдетъ вотъ что: 1) мы должны будемъ цѣнить низко пашню и угодья; 2) крестьяне въ 12 лѣтъ не успѣютъ выкупить усадебъ; можетъ-быть, и не рѣшатся приступить къ выкупу; 3) правительство, которое сидитъ верхомъ на усадьбахъ и *непремѣнно, твердо* желаетъ ихъ выкупа, увидавши по истеченіи 12 лѣтъ, что выкупъ не подвигается, обратится къ намъ съ слѣдующею рѣчью: „Благородное дворянство, вы, должно-быть, надули меня, подвернувъ мнѣ къ подписи жидовскую оцѣнку усадебъ; благоволите-ка переоцѣнить ихъ и понизить цѣну“.

Мы и должны будемъ сдѣлать новое пожертвованіе, ибо повинностей за пашню и угодья, *конечно, не прибавятъ*.

Наоборотъ, если мы оцѣнимъ, примѣрно, такъ: 2 руб. за усадьбу, 28 руб. за пашню и угодья, итого 30 руб.— произойдетъ вотъ что: 1) крестьяне выкупятъ усадьбы скоро, 2) насильственное прикрѣпленіе къ землѣ будетъ замѣнено добровольнымъ, 3) мы обезпечимъ себѣ рабочихъ и съемщиковъ земли, 4) правительство погладитъ насъ по головкѣ и 5) удачный опытъ возбудитъ желаніе приступить къ выкупу повинности. Что же лучше?

Я намѣренъ требовать, чтобы вопросъ объ оцѣнкѣ усадебъ отложить до главы VI, отд. II и *связать его съ вопросомъ о повинностяхъ крестьянъ вообще*. Кажется, это вѣрный расчетъ“.

Приписка А. И. Кошелева.

„Нѣтъ, у насъ на эту штуку не возьмешь! Самаринъ сидитъ между дикарями, а у насъ въ противномъ стану писакъ довольно. Я думаю, что напротивъ — уступить нѣсколько на 3 первыхъ главахъ, дать большинству торжествовать побѣду — выгоднѣе, чѣмъ теперь вымогать у нихъ уступки. У насъ торжествующее большинство начинаетъ колебаться и вотъ въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ между ними оказался разладъ, потому что явились двое вожакъ и между ними — соперничество. Вамъ (т.-е. Черкасскому) и мнѣ гораздо труднѣе, чѣмъ Самарину, ибо противъ насъ воюютъ люди тоже грамотные.

„Единственное средство заставить дешево оцѣнить усадьбы — это дать имъ большинствомъ рѣшить въ пользу личнаго выкупа. Знаете, противъ личнаго выкупа у насъ только 4 голоса".

Вѣроятно вскорѣ послѣ (письмо безъ числа помѣчено: *октябрь*) Кошелевъ писалъ:

„Письмо ваше, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, я отправилъ къ Черкасскому, а его письмо при семъ препровождаю къ Вамъ. У насъ былъ опять страшный бой. Теперь хотѣли обойти усадьбы съ другой стороны: вздумали предоставить крестьянамъ въ выкупъ и усадебную и полевую землю нераздѣльно. Большинство у насъ плотное, огромное, и вопросъ былъ бы рѣшенъ въ пользу этого мнѣнія, но мы отказались отъ балотировки и губ. предводитель отказалъ большинству въ балотировкѣ. Тогда взрывы были сильные, но вскорѣ улеглись страсти и рѣшили составить два проекта: одинъ въ пользованіе, другой въ выкупъ, и это рѣшено почти единогласно. Для составленія этихъ проектовъ выбраны всѣ члены изъ большинства, а мы, меньшинство, всѣ остались за бортомъ. Всѣ комитеты, кромѣ тверского, идутъ скверно.

„А что скажете о томъ, что, на основаніи разосланнаго сборника изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, придется дѣлать членамъ, командированнымъ отъ комитетовъ въ С.-Петербургъ? Жить въ гостинницѣ на случай, если потребуютъ отъ нихъ объясненія. Недурно? Какъ можно такъ путать!

„Прощайте. Оченъ занятъ. Измученъ двухдневными спорами и *Сел. Благоустройствомъ*".

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву. Самара. *19 октября 1858 г.*

РАПОРТЪ № 3.

По самарскому комитету все обстоитъ сносно.

На прошлой недѣлѣ, усматривая, что присутствіе мое въ редакціонной комиссіи (для предварительнаго обсужденія вопросовъ и составленія проекта статей), вмѣстѣ съ главою консерваторовъ, служило только къ преждевременному обнаруженію моихъ мыслей и давало возможность противникамъ моимъ сговариваться противъ меня, я объявилъ въ комитетѣ, что при теперешнемъ составѣ комиссіи (т.-е. вмѣстѣ съ Рычковымъ) не могу участвовать въ ея занятіяхъ. Товарищъ мой, Лазаревъ, послѣдовалъ моему примѣру. Со всѣхъ сторонъ къ намъ обратились съ просьбами остаться; но мы торжественно повторили, что заниматься съ Рычковымъ не можемъ, ибо въ комиссіи онъ не говоритъ ни слова, принимаетъ наши предложенія, а въ комитетѣ оспариваетъ каждую, имъ подписанную, статью. Наконецъ всталъ и Рычковъ и объявилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что онъ намѣренъ оставаться членомъ комиссіи и нисколько не чувствуетъ желанія или надобности уступить свое мѣсто. Рѣшено было однако приступить къ составу новой комиссіи по баллотировкѣ. Большинство голосовъ подано было въ пользу тѣхъ же лицъ, т.-е. Лазарева, Рычкова и меня; но я получилъ 11, Рычковъ 10, Лазаревъ 8; это былъ ужасный ударъ для Рычкова, который привыкъ въ теченіе 25 лѣтъ самодержавствовать въ губерніи. Однако Лазаревъ и я вторично отказались; другіе члены, — послѣ насъ троихъ получившіе наибольшее число голосовъ, глядя на насъ также не согласились вступить въ комиссію съ Рычковымъ, а все-таки устранить его не могли. Рѣшено было: комиссію упразднить и предоставить предсѣдателю предлагать предметы отъ себя, приглашая на совѣщанія кого онъ захочетъ. Дѣло пойдетъ нѣсколько медленнѣе, но у меня зато руки развязаны и больше свободнаго времени.

По вопросу уже рѣшенному комитетомъ (противъ моего предложенія), „дозволить ли переводъ дворовыхъ въ крестьяне безъ ихъ согласія“, Рычковъ неизвѣстно почему вздy-

малъ черезъ недѣлю подать возраженіе противъ моего мнѣнія. Такъ какъ возраженіе было написано довольно дерзко, то я счелъ нужнымъ его отщелкать. Копію съ моего отвѣта Вамъ пришлю.

Приступлено къ главѣ II. Предложенная мною статья: срочно обязанное положеніе устанавливается для соблюденія постепенности въ переходѣ отъ крѣпостной зависимости къ свободѣ — забаллотировано. Другое и третье опредѣленіе имѣло ту же участь, такъ что сущность срочно-обязаннаго положенія осталась загадкою не разрѣшенною.

Приняты, по моему предложенію, слѣдующія условія перехода изъ имѣнія на другія земли, или въ другія сословія въ продолженіе переходнаго состоянія:

1) крестьянинъ, состоящій на барщинѣ, можетъ перейти не иначе, какъ съ согласія помѣщика и общества;

2) состоящій на оброкѣ можетъ перейти безъ согласія помѣщика, если общество приметъ на свою отвѣтственность платежъ за него оброка, при томъ, если на обществѣ нѣтъ никакихъ недоимокъ;

3) состоящій на оброкѣ можетъ перейти и безъ согласія общества, если 1) на обществѣ нѣтъ недоимокъ; 2) если оброчникъ не состоитъ на рекрутской очереди; 3) если внесетъ помѣщику капиталъ, соотвѣтственный лежащему на немъ оброку — (капитализація оброка изъ 6%) и казенныя подати до новой ревизіи. Въ такомъ случаѣ тягло погашается и тягловой участокъ поступаетъ въ вѣчное и безплатное пользованіе общества. (Начало выкупа.)

Эта статья прошла благополучно, но въ слѣдующемъ засѣданіи одинъ изъ членовъ сдѣлалъ предложеніе пересмотрѣть ее и замѣнить слѣдующимъ: оброчникъ вноситъ помѣщику извѣстную сумму въ видѣ выкупа своей личной повинности (т.-е. своей личности), а тягловой надѣлъ землею возвращается въ распоряженіе помѣщика. Я спорилъ противъ этого три часа, но статья прошла. Завтра я вызываю противную партію на рѣшительный бой, вношу письменный протестъ противъ личнаго выкупа и надѣюсь одержать верхъ.

Вообще наша сторона gagne du terrain, консерваторы растерялись и пріуныли.

Посылаю Вамъ: журналъ №№ 5—8, одно изъ моихъ мнѣній (остальныя 5 пришлю послѣ) и уставъ нашихъ засѣ-

даній [1]). Посылаю письмо Карамзина; по прочтеніи возвратите мнѣ.

Наконецъ получилъ я *Благоустройство*. Статья Черкасскаго мастерская и почти во всемъ я съ нимъ согласенъ, кромѣ предпочтенія прихода хозяйственной единицѣ. Этого вопроса онъ вовсе не разрѣшилъ, и лучшая страница въ его статьѣ говоритъ противъ него.

III.

Кн. Черкасскій — Кошелеву. Тула *2 ноября 1858 г.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Очень, очень давно не писалъ къ Вамъ. Этому много причинъ. Главныхъ три: обширность корреспонденціи самой разнородной и хлопоты, мнѣ (а впрочемъ и всѣмъ намъ) причиненныя моею послѣднею статьею; наконецъ, хлопоты по отправкѣ къ Ив. Сер. и перепискѣ послѣдняго моего „обозрѣнія“, которому теперешнія обстоятельства не сулятъ, впрочемъ, весьма блистательнаго успѣха. По всѣмъ этимъ дѣламъ я все это время находился въ ежедневной, безпрестанной перепискѣ съ Ив. Сер. Написалъ также отвѣтъ совокупный „Вѣдомостямъ“ и *Вѣстнику*, который теперь переписывается и завтра отправится къ Аксакову, но съ измѣненіемъ въ своемъ первоначальномъ назначеніи. Сперва я хотѣлъ требовать помѣщенія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Теперь послѣ отвѣта Аксакова, маленькаго извиненія редакціи, сегодня полученнаго мною письма отъ Ив. Сер., гдѣ онъ мнѣ говоритъ, что умы успокоились и что онъ мнѣ совѣтуетъ оставить все дѣло и ограничиться презрительнымъ молчаніемъ, наконецъ — и въ особенности — послѣ полученія извѣстія, что 29-го октября, московскій комитетъ рѣшилъ отмѣнить *вовсе* тѣлесныя наказанія, я посылаю свой отвѣтъ только для сообщенія его Аксакову, въ видѣ мертворожденнаго произведенія. Отвѣтомъ этимъ я самъ былъ доволенъ, но рѣшительно думаю, что онъ теперь былъ бы не своевременъ; я согласенъ и стою на своемъ, что московскій комитетъ сдѣлалъ глупость, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, и я увѣренъ, что это его рѣшеніе не будетъ имѣть практи-

---

[1]) Въ арх. кн. Черкасскаго № 14: уставъ засѣданія и отчетн. вѣдомость о занятіяхъ самарскаго комитета — съ 25-го сентября — по 26-е ноября 1858 г.

ческихъ послѣдствій: но тѣмъ не менѣе полагаю, что не мнѣ теперь явно противъ этого спорить. Пусть все рѣшатъ другіе и главное — рѣшитель всего, время. Впрочемъ, когда захотите, вытребуйте мой отвѣтъ у Аксакова для прочтенія. Я отвѣтомъ Аксакова былъ бы совершенно доволенъ, если бъ въ немъ было бы только прибавлено еще, наияснѣйшимъ образомъ, что я никакой нормы наказанія не придумывалъ, что я взялъ ихъ готовыми изъ Св. Законовъ и Эстл. Положенія и что это мною даже ясно было указано; наконецъ, что слова: *на неограниченное время*, выставленныя въ *Вѣстникѣ* курсивомъ *нигдѣ* у меня не написаны, и что весь преходящій характеръ мною предлагаемаго учрежденія ясенъ какъ день. Ну да, наконецъ — Христосъ со всѣмъ этимъ дѣломъ, которое нимало не измѣнило моихъ убѣжденій, но надоѣло мнѣ до смерти. Какъ-то мы съ Вами теперь раздѣлаемся только съ членами нашихъ комитетовъ, которымъ, вѣроятно, статья Аксакова не польститъ. Я своихъ еще никого не видалъ, но, говорятъ, они взбѣшены. У насъ еще до этого, въ послѣднее наше засѣданіе, бывшее въ четвергъ, большинство еще отличилось: оно сдѣлало предложеніе — запретить намъ подавать отдѣльныя мнѣнія, такъ какъ этимъ разоблачается тайна подачи голосовъ. Каково! Я поднялъ бурю, какой еще не бывало въ комитетѣ, такъ что одинъ членъ (генералъ) Н. П. Крюковъ заткнулъ себѣ публично уши; и три часа къ ряду осыпалъ ихъ самыми язвительными колкостями. Они противъ меня взбѣшены; но дѣло не кончилось этимъ и послѣзавтра оно должно рѣшиться. Я теперь дѣлаю выписку всѣхъ статей Св. Законовъ и пишу мнѣніе, котораго внесеніе въ журналъ я потребую съ шумомъ и трескомъ. Я полагаю — они испугаются и сдадутся.

„До I главы, я думаю, мы приступимъ не прежде, какъ черезъ два засѣданія. Надѣюсь, Ваше большинство должно быть нами довольно. Скажите пожалуйста, отчего въ послѣднихъ Вами присланныхъ двухъ протоколахъ Вашего имени вовсе не упомянуто ни разу? Были вы больны, или въ отсутствіи?

„Посылаю Вамъ обратно письмо Самарина и мое письмо, которое Вы выслали было мнѣ вмѣсто письма Карамзина. Владѣя значительнымъ количествомъ собственныхъ автографовъ, не вижу необходимости усиливать этой, мало для меня

занимательной, коллекціи. Хомяковъ теперь въ Москвѣ, куда поѣхалъ третьяго дня для открытія Общества любителей словесности.

„Прощайте. Обнимаю Васъ. Сейчасъ былъ у сестрицы Вашей Варвары Ивановны. Къ сожалѣнію, Свѣчинъ въ отсутствіи, такъ что не принималъ участія въ нашихъ послѣднихъ преніяхъ. Кн. *В. Черкасскій.*

„P. S. Я было забылъ самое важное, что̀ сообщаю Вамъ подъ *страшнѣйшимъ секретомъ* и на что̀ жду скораго отвѣта. Я получилъ отъ Блудова, черезъ его дочь, извѣщеніе: 1-ое что я внесенъ въ списокъ экспертовъ, которые будутъ въ мартѣ мѣсяцѣ вызваны въ Питеръ по крестьянскому вопросу; 2-ое предложеніе, что меня причислятъ (вѣроятно, по особымъ порученіямъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ) ко II отдѣленію Собствен. канцеляріи, если я соглашусь на это, для занятія по крестьянскому вопросу. Я отвѣчалъ, охотно соглашаясь на первое, очень дипломатично и уклончиво на второе — не говоря ничего рѣшительнаго, ни да, ни нѣтъ. Хотѣлъ дать себѣ время узнать мнѣніе Ваше и Самарина, которому сейчасъ пошлите это письмо. Я полагаю, что принимать это предложеніе, особенно при старости Блудова, было бы *глупость* и что во всякомъ случаѣ надобно торговаться. Я отвѣчалъ между прочимъ, что мнѣ смѣшно быть на службѣ коллежскимъ секретаремъ и что главное, — мнѣ неловко, въ настоящую минуту просить что-нибудь отъ правительства. Ради Бога, напишите мнѣ свое мнѣніе — *откровенно,* ясно и не забывая практическихъ обстоятельствъ дѣла, т.-е. чина моего. Мое мнѣніе — лучше *не входить въ администрацію,* даже еслибъ предлагали чинъ, но не отказывать въ частныхъ услугахъ. Впрочемъ, скажите мнѣ свое мнѣніе совершенно откровенно; ибо я считаю, что мы въ этомъ дѣлѣ должны дѣйствовать съ общаго согласія.

Письмо князя скрестилось съ слѣдующимъ письмомъ Кошелева: Рязань *30 октября и 2 ноября 1858 г.:*

„Рѣшаюсь отправить къ Вамъ мою статью противъ Каткова по эстафетѣ и вотъ почему: Ив. Серг. Аксакову хочется помѣстить въ „Бесѣдѣ“ отвѣтъ Каткову на его общину. Я статью написалъ, но желаю знать Ваше мнѣніе о ней; ибо статья Каткова такъ нелѣпа, что я боюсь: такъ ли я ее понялъ? Нѣтъ ли въ ней болѣе разумнаго смысла. Если Вы

одобряете мою статью, то тотчасъ отправьте ее въ Москву къ Аксакову; если сдѣлаете на нее существенныя замѣчанія, то пришлите ее ко мнѣ обратно. Эта статья болѣе прилична въ „Бесѣдѣ“, чѣмъ даже въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“; но отдѣльнымъ подписчикамъ „Сельскаго Благоустройства“ я отправлю ее въ видѣ особаго приложенія.

„Сдѣлайте милость, прочтите и статью Каткова и мою критику — *со вниманіемъ* и скажите Ваше мнѣніе совершенно откровенно. Если Вы найдете, что мой отвѣтъ слабъ, то укажите на тѣ стороны, которыя нужно поразвить.

„Посылаю Вамъ четыре журнала Рязанскаго комитета и Тверскіе журналы, — для Васъ. Медленная высылка отъ недостатка переписчиковъ въ Рязани [1]). Рязанскіе журналы отошлите поскорѣе къ Самарину.

„Если Вы отправите эту статью къ Аксакову, то меня о томъ увѣдомьте.

„Не откладывайте написанія замѣтки противъ Каткова. Онъ хочетъ либеральничать и народничать на нашъ счетъ. Надобно его отдѣлать хорошенько и выставить всю нелѣпость его замѣтки. Какъ напишете, пришлите ее ко мнѣ; но пишите поскорѣе, пока будете взбѣшены этимъ комариным укусомъ.

„Пв. Серг. прислалъ ко мнѣ замѣтку, напечатанную имъ въ „Моск. Вѣд.“ Она очень хороша, но она намъ повредитъ въ комитетахъ: неловко публично говорить, что мы ежедневно боремся съ невѣжествомъ и проч., — неловко!

„Что дѣлается у Васъ въ комитетѣ? Отъ Васъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Пишите. Прощайте!

„2-го ноября. Я было думалъ отправить письмо и посылку по эстафетѣ, но вздумалъ еще перечесть мою статью и дошло дѣло до вчерашняго дня, а потому и не стоило даже отправлять по эстафетѣ. Прочитайте мою статью и перечтите Каткова поскорѣе и со вниманіемъ.

„У насъ былъ опять въ комитетѣ страшный бой — бой личностей, а потому я не принималъ въ немъ никакого участія. Дѣло кончилось ничѣмъ. На будущей недѣлѣ будетъ опять пѣтушій бой. Однимъ, т.-е. оппозиціи, никакъ не хочется отказаться отъ мысли: отдать все въ пользованіе до

---

[1]) Рязанскіе журн. не сохранились въ арх. кн. Ч—скаго.

выкупа всего въ нераздѣльности. Комиссія, противъ назначенія которой я подавалъ голосъ, теперь представила свое донесеніе: трое за принятіе начала пользованія въ основу нашего положенія; одинъ за представленіе объ этомъ на Высочайшее усмотрѣніе, а двое — оставаться на почвѣ рескриптовъ. Сегодня должны разослать къ намъ это донесеніе, а потому на слѣдующей недѣлѣ будутъ экстраординарныя засѣданія и весьма бурныя. Нашъ комитетъ теперь въ полномъ числѣ: 12 членовъ за то, чтобъ это донесеніе принять къ свѣдѣнію; 10 — за то, чтобы начало пользованія принять въ основаніе положенія; 2 — за представленіе къ министру; а 3 — куда вѣтеръ подуетъ. Думаю, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ и что эта послѣдняя попытка останется безъ результата для оппозиціи. Такіе ли у Васъ бои? — а мы тратимъ много времени не за денежку.

„Пишите вторую статью о мировыхъ судьяхъ. Пишите отвѣтъ на замѣтку. Пишите ко мнѣ о томъ, что̀ дѣлается у Васъ въ Тулѣ. Прощайте! Душевно вамъ преданный“.

IV.

Отъ Ю. Ѳ. Самарина. *Самара, 26 октября 1858 г.*

РАПОРТЪ № 4.

„Дѣло пошло скверно, такъ скверно, какъ хуже нельзя. Теперь намъ приходится отстаивать уже не мнѣнія свои, — а бока. Въ послѣднемъ моемъ рапортѣ я доносилъ, что большинствомъ 14 голосовъ, противъ одного, прошла статья, мною предложенная, которою даровано было право крестьянамъ выходить изъ имѣнія безъ согласія помѣщика и общества, внося за себя капиталъ, соотвѣтственный оброку (по числу тяголъ) и оставивъ выкупленный участокъ въ безплатномъ и вѣчномъ пользованіи общества. На другой день оппозиція догадалась, что это начало выкупа земли, и въ слѣдующее засѣданіе глава консерваторовъ потребовалъ пересмотра статьи на томъ основаніи, что они не поняли сразу, въ пользу чего подавали голосъ. Тутъ посыпались варіанты: 1) чтобъ выходящій выкупилъ *свою личность*, а участокъ бы его возвращался въ полное распоряженіе помѣщика; 2) чтобы внесъ оброкъ только на время переходнаго состоянія, а затѣмъ земля возвращалась бы

помѣщику и т. д. Я подалъ письменное мнѣніе противъ личнаго выкупа, которое Вамъ пришлю. Началась баллотировка. Результатъ ея былъ слѣдующій. Большинствомъ голосовъ приняты двѣ статьи, взаимно исключающіяся — одну почти тождественную съ моимъ предложеніемъ, другую прямо противоположную. Послѣ этого глава консерваторовъ, Рычковъ, предложилъ десять дополнительныхъ статей, которыя всѣ были забаллотированы, по моимъ возраженіямъ, большинствомъ восьми голосовъ противъ семи. Засѣданіе кончалось. Въ эту минуту нашъ производитель дѣлъ, очень молодой человѣкъ, наклонившись черезъ столъ къ моему сосѣду, сказалъ ему шопотомъ нѣсколько словъ и, между прочимъ, назвалъ предложенія консерваторовъ *глупостями*. Это слово подхватилъ одинъ изъ нихъ и повторилъ его во всеуслышаніе. Производитель дѣлъ не отрекся. Тогда поднялась буря..... Однако, до рукопашной не дошло. Само собою разумѣется, что, по совѣту губернатора, засѣданія отложены, чтобы дать время страстямъ улечься. Между тѣмъ Р. вызвалъ циркулярнымъ письмомъ изъ Бугурусланскаго уѣзда 20 человѣкъ помѣщиковъ, для интимидаціи комитета. Начались собранія по домамъ, стачки; появились подметныя письма съ угрозами. Наконецъ, посланы и приняты были два вызова. Я надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, два человѣка выбудутъ изъ комитета, но сегодня на обѣдѣ въ собраніи всѣ помирились на взаимныхъ извиненіяхъ. Всѣ останутся на мѣстахъ. И послѣ этого мы порочимъ деревенскія сходки!

„Вы легко угадаете, что̀ я перечувствовалъ въ эти три дня. Я теперь намѣренъ ограничиваться подачею краткихъ протестовъ и прямо приступлю къ составленію своего проекта. На четыре подписи, кромѣ моей, я разсчитываю навѣрное, имѣю надежду собрать еще четыре, тогда бы голоса раздѣлились поровну.

„Сейчасъ получилъ я письмо отъ Васъ и Черкасскаго [1]). Вы, между прочимъ, пишете, „что скажете о томъ, что̀, на основаніи разосланнаго сборника изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, придется дѣлать командированнымъ въ Петербургъ членамъ“. Я рѣшительно не понимаю. Ни я, ни губернаторъ, и никто здѣсь ничего не знаетъ о сборникѣ; мы

---

[1]) См. письмо Кошелева стр. 205; письмо Кн. Черкас. отъ 16 окт. стр. 176.

знаемъ только одинъ циркуляръ о выборѣ двухъ депутатовъ, и болѣе ничего. Пожалуйста, разъясните. Вашу записку я читалъ. Очень дѣльно, убѣдительно, и я безусловно съ Вами соглашаюсь. Хотѣлъ бы прибавить только одно: не пускать Левшина въ комитетъ.

„Теперь желайте не успѣха моимъ мнѣніямъ, а цѣлости моимъ ребрамъ. Я вижу ясно, что дѣло кончится скверно для кого-нибудь изъ нашей стороны[1])".

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву. Самара, *6 ноября 1858 г.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я получилъ два Ваши письма отъ 12-го и 22-го октября, журналы рязанскаго комитета, журналы тверского, но большаго письма, писаннаго Вами къ Черкасскому — не получалъ. Видно, онъ забылъ его отправить.

---

[1]) На настоящее письмо Кошелевъ отвѣчалъ Самарину 9 ноября 1858 г. Рязань:

„Письмо Ваше отъ 26-го октября я отправилъ къ Черкасскому и написалъ къ Вамъ обоимъ большое письмо; но теперь хочу Вамъ сказать нѣсколько словъ, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, пересылая къ Вамъ письмо Черкасскаго (отъ 2-го ноября).

„Ну, славные у Васъ бои! Впрочемъ, этого должно было ожидать. Вы сначала пошли слишкомъ хорошо, и должны были возбудить сильную оппозицію. Я думаю, что лучше сперва пойти потише, даже уступить и потомъ взять свое. Такая моя политика. Увидимъ, чья будетъ удачнѣе. Изъ нашихъ журналовъ и изъ моего большаго письма Вы увидите, что у насъ дѣлается. Кажется, что у насъ былъ кризисъ, и что теперь пойдетъ лучше.

„Сборникъ правительственныхъ распоряженій печатный присланъ къ намъ изъ Петербурга официально при отношеніи товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Объ Левшинѣ ходятъ слухи не добрые: говорятъ, что онъ соединился съ П., Р. и М. Великій князь Константинъ Николаевичъ, вслѣдствіе непріятностей по крестьянскому комитету, уѣхалъ за границу и на долго. Очень жаль, что все это такъ устроилось.

„Статья Черкасскаго возбудила въ литературѣ сильное негодованіе. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ отвѣчалъ въ „Московск. Вѣдом." такъ, что насъ поставилъ въ скверное положеніе въ комитетахъ. Для меня эта буря прошла по милости большой бури, бывшей въ это время въ нашемъ комитетѣ, но я боюсь, чтобы Черкасскому не пришлось дороже поплатиться.

„Я отвѣчалъ Черкасскому, что изъявить готовность принять участіе въ дѣлахъ крестьянскаго комитета въ Питерѣ необходимо, но въ службу вступать не совѣтую. Я писалъ къ нему объ этомъ подробно.

„Изъ письма Черкасскаго Вы увидите, что у нихъ также идетъ скверно. Гдѣ же идетъ хорошо?"

„Дѣло у насъ пошло къ чорту. Двѣ недѣли мы не приступали къ дѣлу, и всѣ засѣданія проходили въ скандалезныхъ ссорахъ, крупной брани и безстыдныхъ нападкахъ на наше меньшинство и на предсѣдателя. Все это надо было вносить въ журналы, и при чтеніи ихъ возня возобновлялась каждый разъ. Вмѣстѣ съ прочими членами редакціонной комиссіи я выслушалъ обвиненіе въ пристрастіи, во лжи, въ подлогѣ, въ клеветѣ, въ доносѣ и т. д. Вслѣдствіе этого я окончательно вышелъ изъ редакціонной комиссіи. Большинство, въ числѣ девяти человѣкъ, надѣлало непріятностей предсѣдателю у него же на дому. Имъ показалось, что ихъ все еще мало, и они выписали изъ уѣздовъ себѣ на подмогу. Въ одинъ день отправлено двадцать циркулярныхъ писемъ. Мы держимся только примѣрнымъ хладнокровіемъ, ангельскимъ долготерпѣніемъ и безукоризненностью обращенія. Но дѣла приняли такой оборотъ, что мы, т.-е. Шишковъ, Рычковъ[1]) и я, дали знать противной партіи, что если одинъ изъ насъ вынужденъ будетъ драться, то будутъ драться всѣ трое и уже не примутъ никакихъ объясненій и извиненій. Въ послѣднее засѣданіе предсѣдатель хотѣлъ прочесть официальное письмо, исполненное дерзостей и угрозъ, написанное къ нему для предъявленія комитету (какъ сказано было въ письмѣ). Но едва предсѣдатель развернулъ письмо, какъ на него налетѣлъ N. и громко въ присутствіи всѣхъ насъ сказалъ ему: „Если вы прочтете это письмо, то я сочту это за частное оскорбленіе, мнѣ нанесенное, за которое вы дадите мнѣ удовлетвореніе; сообразите сами, какія Васъ ожидаютъ послѣдствія“. Предсѣдатель сконфузился, и закрылъ собраніе. Это уже переходило за границы возможнаго. Послѣ засѣданія предсѣдатель, мы и еще нѣкоторые члены, всего 7 человѣкъ, отправились къ губернатору и объявили ему, что такъ какъ свобода совѣщаній нарушается угрозами въ самомъ комитетѣ, то мы выходимъ изъ комитета и просимъ принять нашу отставку. Губернаторъ удержалъ насъ обѣщаніемъ уволить N., которому онъ предложилъ не являться на засѣданія впредь до разрѣшенія отъ генералъ-губернатора. Завтра сюда пріѣдетъ Катенинъ, собственно по этому дѣлу. Не знаю, чѣмъ кончится, но доб-

[1]) Дмитрій Николаевичъ Рычковъ, другъ и ближайшій сотрудникъ Ю. Ѳ-ча по Комитету, а глава оппозиціи Иванъ Петровичъ Рычковъ.

рыхъ послѣдствій не ожидаю. Ожесточеніе слишкомъ сильно и на комъ-нибудь да оборвется. Между тѣмъ, подъ шумокъ, при разсмотрѣніи главы III, мнѣ удалось провести статью о томъ, что общество (село, деревня, выселокъ), надѣленное землею въ общее мірское владѣніе, не подлежитъ дробленію, при раздѣлѣ имѣній и отчужденіи ихъ по частямъ. Это очень важно. Недѣлимость общественной единицы признана. Завтра приступаемъ къ усадьбамъ...

„Посылаю Вамъ три журнала и мнѣніе, мною поданное.

„А читали ли Вы печатную брошюру, вышедшую въ Петербургѣ: Отрывки изъ писемъ Ростовцева къ Государю по вопросу объ эмансипаціи[1])? Боже мой, въ какія руки попадутъ наши работы!

„P. S. Статья Черкасскаго объ администраціи имѣетъ здѣсь большой успѣхъ, но наша сторона склоняется въ пользу единицы хозяйственной, а не прихода. Я теперь вырабатываю mezzo-termine“.

V.

Въ письмѣ отъ 2-го ноября (стр. 210), кн. Черкасскій сообщалъ Кошелеву и Самарину о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему изъ Петербурга, прося ихъ высказать ему свои мнѣнія на этотъ счетъ. Кошелевъ отвѣчалъ 9 ноября 1858 г., Рязань:

---

[1]) Проводя лѣто 1858 г. въ Германіи, Ростовцевъ написалъ оттуда 4 письма Государю о крестьянской реформѣ. По Высочайшему повелѣнію было составлено и напечатано *извлеченіе* изъ этихъ писемъ для соображеній Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Замѣчательно, что въ первомъ письмѣ Ростовцевъ считалъ содѣйствіе правительства въ дѣлѣ выкупа крестьянами своихъ угодій дѣломъ невозможнымъ, а въ послѣднемъ, указывая какъ на главную цѣль — пріобрѣтеніе крестьянами земли въ собственность, *требовалъ* для того содѣйствія правительства. (См. Матеріалы редакц. ком., т. I, кн. I, стр. 199). *Энгельманъ* („Исторія крѣпостного права въ Россіи“, перев. съ нѣм. 1900 г.) утверждаетъ, что хотя письма эти и не содержали въ себѣ ничего новаго и были довольно наивны и слабы, тѣмъ не менѣе они популяризировали идею реформы, почему „назначеніе Ростовцева предсѣдателемъ редакціонной комиссіи произвело на друзей реформы чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе...“ (стр. 357—358). Изъ настоящей переписки мы убѣждаемся въ обратномъ. О недовѣріи, съ которымъ встрѣчено было его назначеніе въ редакц. ком., см. „Эпоха великихъ реформъ“ *Джаншіева*, изд. 1-е, стр. 32.—„Записки Милютиной“, „Русская Старина“ 1899 г., № 3, стр. 578.

„Письмо Ваше отъ 2-го ноября, дражайшій князь, я получилъ 7-го и спѣшу Вамъ отвѣтить.

„По-моему, Вы весьма дѣльно отвѣчали изъявленіемъ согласія на первое предложеніе, т.-е. на сопричисленіе Ваше къ лику экспертовъ (т.-е. членовъ отъ правительства при разсмотрѣніи крестьянскихъ положеній въ Питерѣ); и столь же справедливо и разумно отклонили честь вступать на службу: нѣтъ! время на это еще не пришло. Пока Панины и Ростовцевы ведутъ дѣла, намъ нельзя поступить на службу. Мы можемъ и должны служить правительству, но не состоя на службѣ. Этимъ мы можемъ оказать ему несравненно болѣе услугъ, чѣмъ поступивъ въ число чиновниковъ. По-моему, не должно ни подъ какимъ видомъ впрягать себя въ колесницу, везомую Паниными и К°. Теперь мы люди независимые и со всѣми можемъ говорить съ равнымъ правомъ голоса; а состоя на службѣ, мы становимся подчиненными. Не то еще время...

„У насъ буря въ комитетѣ разрѣшилась ничѣмъ: помирились [1]). Я сыгралъ въ этомъ дѣлѣ довольно глупую роль:

---

[1]) Кошелевъ писалъ Самарину 5 ноября 1858 г.:

„Не думайте, дражайшій Юрій Ѳеодоровичъ, что Вы одни сражатесь — у васъ дикари, а у насъ цивилизованные люди, которые не уступаютъ Вашимъ по душевнымъ качествамъ. У Васъ все это является въ формахъ нѣсколько грубыхъ, а мы обложены кознями враговъ. Право, не знаю, что лучше.

„Мы уже двѣ недѣли, какъ ничего не дѣлаемъ, а судимся въ комитетѣ. 30-го октября глава оппозиціи въ комитетѣ, въ присутствіи предводителей дворянства, съѣхавшихся по дѣламъ депутатскаго собранія, дозволилъ себѣ въ рѣчи, искусно сплетенной, осмѣять губернскаго предводителя. Этотъ смолчалъ, но въ слѣдующемъ засѣданіи, по подписаніи журнала, въ которомъ рѣчь Офросимова помѣщена цѣликомъ, отдалъ поступокъ оскорбителя на судъ комитета. Засѣданіе было самое бурное; между тѣмъ предсѣдатель уѣхалъ домой и передалъ предсѣдательство вице-президенту. Послѣ долгихъ споровъ, признали слова Офросимова оскорбительными для предсѣдателя; но какъ приступили къ опредѣленію мѣры наказанія, то всѣ предложенія были забалотированы. Признали оскорбленіе, а въ удовлетвореніи отказали.

„Вслѣдствіе этого мы (12 человѣкъ) внесли предложеніе и требуемъ удовлетворенія для губернскаго предводителя; и если его не получимъ завтра, то всѣ 12 человѣкъ (я, Колеминъ, Муромцевъ, двое Протасьевыхъ, Голубцовъ, Ошанинъ, Насакинъ, Павловъ, Рыкачевъ, Сухотинъ и Злобинъ) подаемъ въ отставку. Что изъ этого будетъ—не знаю, но мы вчера дали другъ другу слово дѣйствовать такъ.

„Ну! Благородное дворянство! Просто гадко, гнусно! У насъ теперь переломъ: или все пойдетъ лучше, или мы выходимъ всѣ въ отставку.

предстояло намъ закрытіе комитета по случаю выхода изъ комитета 12 человѣкъ; я старался помирить и мнѣ это удалось; но вчера же я убѣдился, что этотъ миръ совершенно не прочень, и та же исторія можетъ возобновиться какъ разъ. Ужасно все это глупо! Одинъ результатъ этой исторіи хорошъ: наша сторона сплотилась, и нашъ комитетъ теперь состоитъ изъ двухъ рѣзкихъ партій: у насъ 13 голосовъ, у противниковъ 12; а два голоса добросовѣстные, но слабодушные, которые то туда, то сюда присоединяются. Мы надѣемся у противниковъ отнять одинъ голосъ: вообразите, членъ отъ правительства сталъ на сторонѣ противниковъ, и губернаторъ не можетъ съ нимъ развязаться. Еще вчера губернаторъ далъ слово непремѣнно его устранить.

„Губернаторъ у насъ отмѣнно добрый, но черезчуръ мягкій человѣкъ, и все боится кого-нибудь обидѣть. Охъ, эти добрые люди! Много зла они дѣлаютъ.

„Розги, въ пользу помѣщика, совершенно не нужны; но, по приговору мірского суда или расправы, онѣ необходимы, и ихъ надобно отстаивать. Мнѣ очень непріятна статья Ив. Серг., но здѣсь она прошла безъ особеннаго шума, ибо попала въ минуту страшной бури. Боюсь, что Вамъ она надѣлаетъ много хлопотъ. Мнѣ очень хочется прочесть Вашу статью. Я ее вытребую отъ Ив. Серг.

„Вижу, что Вашъ комитетъ хуже нашего. У насъ глава оппозиціи — человѣкъ просвѣщенный, очень умный и, сверхъ того, со мною въ весьма хорошихъ отношеніяхъ и потому это сдерживаетъ оппозицію въ извѣстныхъ границахъ; а каково въ Самарѣ! Вотъ Вамъ рапортъ Самарина.

„Принялись ли Вы за статью о мировыхъ судьяхъ? Вѣдь она необходима.

„Воспретить членамъ подавать частныя мнѣнія — это дѣло

„Это краткое письмо Вы не возвращайте — оно просто такъ изъ очереди вонъ — такъ утѣшительно.

„Посылаю Вамъ новые тверскіе журналы. Старые возвращаю; ибо это *экземпляръ Вашъ*.

„Точно такъ же не возвращайте и рязанскихъ журналовъ — они также собственно для Васъ, ибо Черкасскій списываетъ съ нихъ для себя копію.

„Прощайте. Не хочется ни о чемъ говорить. Скверно — да я и ото всего этого боленъ.

неслыханное, и едва ли не въ первый разъ въ Тулѣ предпринятое! Дай-то намъ Богъ терпѣнія и умѣнія!

„Я веду себя весьма умѣренно, и по милости этого надѣюсь впослѣдствіи передѣлать многое, что уже сдѣлано. Я стараюсь всегда съ кѣмъ-нибудь согласиться и себя вовсе не выставлять на первый планъ.

„Завтра у насъ засѣданіе индиферентное; но послѣзавтра назначается комиссія для пересмотра Устава, по требованію прежняго большинства, т.-е. оппозиціи. У меня сегодня обѣдъ для нашей стороны, и мы должны рѣшить, какъ дѣйствовать. Знаете, эти бури, дрязги надоѣдаютъ до того, что хоть бѣжать. Они убиваютъ энергію для дѣла.

„Поклонитесь отъ меня сестрѣ и ея мужу. Весьма я ихъ Вамъ рекомендую. Свѣчинъ — хорошій человѣкъ и добросовѣстный. Я увѣренъ, что онъ перейдетъ на Вашу сторону, если только Вы не вдадитесь въ крайность. Знаете, не выгодно сначала слишкомъ воевать. Я надѣюсь, что у насъ оппозиціонное большинство рушилось вслѣдствіе своего торжества и нашей умѣренности. Это письмо перешлите къ Самарину. Прощайте. Душевно Вамъ преданный *А. Кошелевъ*“.

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву, *19 ноября 1858 г.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я сейчасъ получилъ два письма Ваши, одно — ко мнѣ, отъ 9-го ноября, другое — ко мнѣ и Черкасскому, отъ 29-го октября. *Большаго* письма Вашего я не получалъ, — развѣ Вы разумѣете подъ этимъ характеристику членовъ комитета? Относительно дѣла, касающагося лично до Черкасскаго, я совершенно съ нимъ согласенъ: частныхъ услугъ и содѣйствія—сколько имъ угодно; вступленія же въ службу — рѣшительно ни подъ какимъ видомъ, ни съ какимъ чиномъ, ни въ какую должность. Причины вкратцѣ:

„1) Администрація *извѣрилась въ себя* настолько, чтобы потерять всякое уваженіе и всякое довѣріе ко *всѣмъ* служащимъ, но не настолько, чтобы сдѣлаться способною принять свѣжіе элементы на новыхъ правахъ.

„2) Она охотно приметъ ихъ, только на старомъ положеніи, т.-е. съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ всѣмъ началамъ, пріемамъ и условіямъ сложившагося служебнаго безпорядка, т.-е. съ правомъ претворить по своему всякаго честнаго и даровитаго человѣка.

„3) Мы можемъ значить что-нибудь только внѣ службы, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, поддерживающее въ администраціи сознаніе ея дрянности и невѣжества. Она теперь переживаетъ своего рода *переходное состояніе*, и тѣ, которые будутъ имѣть неосторожность связаться съ нею теперь, будутъ изношены и потреблены въ три недѣли. Теперь она донашиваетъ Л. и примется на-дняхъ за О., Г. и пр.

„Поздравляю Васъ съ побѣдой, а меня можете поздравить съ пораженіемъ. Сегодня мы приступили къ усадьбамъ. Я предложилъ опредѣленіе усадебной осѣдлости съ *выгономъ*, гумнами, конопляниками и т. д., — забалотировано *ради выгона*. Споръ длился четыре часа. Затѣмъ противная партія и примирители предложили шесть варіантовъ опредѣленія усадебъ. По моимъ настояніямъ всѣ забалотированы. Усадьба осталась неопредѣленною. Затѣмъ мое предложеніе: отдать строенія *даромъ* — забалотировано. На это я пригрозилъ имъ, что не приму участія въ составленіи проекта. Надобно, впрочемъ, сказать, что обѣ статьи отвергнуты большинствомъ одного голоса, а изъ нашихъ самыхъ надежныхъ недоставало въ присутствіи двухъ членовъ, тогда какъ оппозиція была въ полномъ комплектѣ. Нельзя было не принять боя по многимъ причинамъ, о которыхъ долго разсказывать; но завтра, съ пріѣздомъ Муханова и Шишкова, мы возобновимъ его. Я почти увѣренъ, что мы возьмемъ и выгонъ и отдачу строеній даромъ. Десятина усадебной земли оцѣнится не дороже 70 руб. Я прошу 30 руб.

„Члены оппозиціи уже повторяютъ, съ моего голоса, что больше *двухъ дней* въ недѣлю, съ тягла, брать нельзя; они предлагаютъ (все пока еще въ разговорѣ) оброкъ въ 28 р.— я прошу 20 руб. и помирюсь на 22 рубляхъ.

„Несмотря на описанное мною пораженіе, я не замѣчаю, чтобы мое вліяніе слабѣло. Они пришли въ такое безпомощное состояніе, что убѣждены въ своей совершенной неспособности написать проектъ. Этимъ я ихъ держу въ рукахъ. Глава оппозиціи Рычковъ три раза разбитъ мною на голову на томъ, что его предложенія клонятся къ ущербу *помѣщиковъ*. Это было великое торжество. Не знаю, радоваться этому или нѣтъ? До сихъ поръ мнѣ нѣтъ достаточнаго повода отказаться вести дѣло и готовить проектъ особый отъ *меньшинства;* а это было бы во многихъ отношеніяхъ лучше.

„Въ симбирскомъ комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ о выкупѣ личности, личной повинности и т. д. Послѣдовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ отношеніе, чтобъ объ этомъ и не заикались. Потребуйте копію изъ Петербурга.

„У меня столько теперь дѣла, что Вы и не ждите въ нынѣшнемъ году послѣдней статьи о Пруссіи. На 1858 г. я покончилъ всѣ расчеты съ „Сельскимъ Благоустройствомъ". Пришлю Вамъ только проектъ Булгакова и мои замѣчанія.

P. S. Вы мнѣ прислали 8 экземпляровъ тверского журнала 18-го сентября. Возвращаю ихъ и прилагаю наши журналы, №№ 19 и 20, и одно мнѣніе.

„Я безпощадно хвастаюсь въ полной увѣренности, что, кромѣ Васъ и Черкасскаго, никто моихъ писемъ не читаетъ".

ГЛАВА V.

I. Скандалъ въ рязанск. комит. вслѣдствіе замѣтки Аксакова. Черкасскій совѣтуетъ Кошелеву не уходить и отмолчаться. Выходъ Кошелева изъ комитета и поѣздка въ Петербургъ. Проектъ отвѣта „Вѣстнику" отъ редакціи. Интриги въ Москвѣ противъ Черкасскаго. Грустныя размышленія князя о положеніи дѣла. Письмо кн. Черкасской къ бар. Раденъ. — II. Успѣхъ Кошелева въ Петербургѣ. Высочайшее неудовольствіе рязанск. комит. Разговоры о выкупѣ. Отвѣтъ Черкасскаго на журнальныя нападки. Недовольство противъ Аксакова въ министерствѣ за циркулярное письмо къ славянамъ. Выговоръ Крузе за пропускъ объявленія о Парусѣ. Запретъ писать о славянахъ. — III. Озлобленіе противъ Черкасскаго за статью Аксакова. Рѣчь князя въ комитетѣ. Разногласіе въ меньшинствѣ по вопросу о надѣлѣ. Замѣтки князя на статью Кошелева въ отвѣтъ Каткову. — IV. Кошелевъ предупреждаетъ князя о готовящемся ему скандалѣ на выборахъ. Сходство рязанскаго скандала съ самарскимъ. Самаринъ все-таки доволенъ результатами работы. Переписка его съ Булгаковымъ объ обязательномъ выкупѣ. О замѣткѣ Аксакова. Пренія объ усадьбахъ. Разногласія въ меньшинствѣ рязанск. комит. Мнѣніе Самарина о положеніи Кошелева; его положеніе улучшается.

I.

А. И. Кошелевъ — князю В. А. Черкасскому. *Рязань, 10 ноября 1858 г.*

„Замѣтка Аксакова произвела здѣсь страшную бурю. Не говорили о ней, пока была другая буря, но сегодня въ ко-

митетѣ и противники, и союзники просили или требовали (словами: „*покорнѣйше просимъ*“) ихъ оправдать предъ Россіей помѣщеніемъ опроверженія въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“. Вы понимаете, какъ это трудно сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неловко имъ въ этомъ отказывать. И Ваше, и мое положеніе крайне, крайне непріятно. Отречься — оскорбить Ив. Сер. Аксакова; не отречься — значитъ выходить изъ комитета. Можно драться съ однимъ, но съ десятью не будешь стрѣляться. Да еще скверно то, что у насъ есть такіе, которыхъ выпускаютъ въ нужныхъ случаяхъ — они не только наговорятъ грубости и дерзости, но пожалуй и приколотятъ. Вотъ наше положеніе. Что дѣлаете Вы и какъ думаете дѣло уладить? Я здѣсь не вижу другого средства: или напечатать статейку въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, или выйти изъ комитета.

„Вчера былъ большой балъ у губернатора и съѣхалось дворянство изъ деревень, и только разговоръ и былъ объ этой несчастной замѣткѣ. Дворянство все взбѣшено и наэлектризовало членовъ, которые и безъ того меня не терпятъ, а теперь хотятъ защищать честь своего комитета и сословія. Ну! ловокъ Иванъ Сергѣевичъ!

„Вотъ проектъ статейки для „Моск. Вѣдом.“ Я только что написалъ, а потому, быть можетъ, что-нибудь и измѣню. Посылаю ее къ Вамъ; до полученія отъ Васъ отвѣта, я ее не отправлю. Овѣчайте мнѣ *тотчасъ* и *по эстафетѣ*.

„Прощайте. Скверно! Только было я все уладилъ и надѣялся дѣло вести получше, какъ вдругъ съ боку бомба! Охъ, неловокъ Иванъ Сергѣевичъ.

„Жду отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ. *А. Кошелевъ*.

„Если Вы не рѣшитесь печатать, то что же Вы будете дѣлать? — Нельзя ли Вамъ написать одно письмо такъ, чтобы я могъ *друзьямъ* его показать. Противники сильно надѣются, что въ Тулѣ Васъ поколотятъ“.

По желанію Кошелева, кн. Черкасскій при своемъ письмѣ къ нему приложилъ другое, *для друзей*. Онъ писалъ Кошелеву. (Письмо безъ числа.)

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Посылаю Вамъ другое письмо, которое Вы можете показать *своимъ друзьямъ и врагамъ* въ комитетѣ, если хотите. Мнѣ кажется, оно написано искусно и, быть можетъ, достигнетъ своей цѣли и

ихъ успокоитъ. Вы же вѣрьте тому, что тамъ написано, но не совсѣмъ: правда — что вслѣдствіе моихъ частныхъ объясненій съ двумя или тремя членами въ вышесказанномъ духѣ и вслѣдствіе ихъ увѣренности, что я никакъ не соглашусь имъ потакать, все дѣло о замѣткѣ Аксакова замолкло, и всѣ молчатъ о ней. Но они взбѣшены до крайности, и готовы меня побить каменьями, хотя наружнымъ образомъ ласкаются и любезничаютъ. Долженъ Вамъ признаться, они меня побаиваются, и въ комитетѣ никто не рѣшается вступать со мною въ словесное состязаніе, ибо я часто самымъ учтивымъ образомъ ихъ дурачу напропалую. Во вчерашнемъ засѣданіи одинъ Левицкій (кандидатъ Чернскій, временно у насъ засѣдающій) вздумалъ было помѣряться; но я его отбрилъ такъ отлично, и все меньшинство на него напало такъ ожесточенно, что онъ долженъ былъ взять свое слово назадъ и отправиться на попятный дворъ. Это, я полагаю, недѣльки на двѣ отобьетъ у нихъ охоту меня ловить. Большинство точно немного теперь заискиваетъ во мнѣ; но, Вы понимаете, далеко не искренно, со злобою въ сердцѣ и безъ великой надежды: имъ хочется до выборовъ провести первую главу по-своему, но единогласно. Это вѣроятно, не сладится, и тогда будетъ остервененіе еще пуще. Что касается до замѣтки Вашей въ отвѣтъ Аксакову, мой совѣтъ не отвѣчать, не писать, не выходить изъ комитета и все дѣло хоронить понемногу. Въ моемъ письмѣ Вы, я думаю, найдете полезные для себя доводы. Воспользуйтесь ими, старайтесь выиграть время, и все уладится. Я во всякомъ случаѣ не соглашусь ни на какое писаніе отвѣтовъ. Своимъ отвѣтомъ (если Вы его напечатаете) Вы очень, *очень* испортите дѣло; но все-таки я буду молчать, что бы не вышло; я уже раза два вскользь говорилъ, что если меня вздумаютъ притѣснять, это будетъ еще лишняя причина для меня оставаться, и что меня ладаномъ не выкурятъ изъ комитета; пойдетъ на явную ссору и грубости въ комитетѣ, я велю въ журналъ вписать такія же слова и замѣчу въ журналѣ, что они вызваны непріятностями. Всякій Вашъ отвѣтъ поставитъ въ фальшивое положеніе и Васъ, и Аксакова, и комитетъ? Спрашиваю Васъ, что будетъ дѣлать Аксаковъ? Вѣдь его положеніе будетъ невыносимо. Подумайте хорошенько и не рѣшайтесь слегка. Изъ комитета выходить также не совѣтую. Знаю,

любезнѣйшій Алекс. Ив., что Ваше положеніе крайне трудное, но не могу Вамъ дать другого совѣта. Какъ не придумываю, ничего не могу изобрѣсть. Впрочемъ, авось все уладится; опять повторяю: главное выигрывайте время и давайте остыть страстямъ. Прощайте, искренно и душевно Васъ обнимаю и желаю успокоенія. Душевно преданный кн. *В. Ч.*

„P. S. Знате ли, что *если никакъ нельзя будетъ иначе*, то въ ближайшемъ №. „Благоустр.“ напишите статейку (въ 2 страницы) отъ редакціи въ отвѣтъ на нападенія „Вѣстника“ на „Благоустройство“ и тутъ похвалите свой и всѣ комитеты, или, по крайней мѣрѣ, защитите ихъ, *не упоминая имени Аксакова*“.

Письмо *для друзей* написано было нѣсколько въ иномъ тонѣ и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Конечно, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, никто болѣе Васъ и меня не сожалѣетъ о неосторожной редакціи замѣтки И. С. Аксакова. Тѣмъ не менѣе, скажу откровенно, въ подобныхъ случаяхъ не должно увлекаться никакимъ исключительнымъ чувствомъ — сожалѣніемъ о случившемся не болѣе, какъ чѣмъ другимъ.

„Примѣръ самого Аксакова пусть намъ послужитъ указаніемъ: онъ увлекся негодованіемъ, хотѣлъ защитить Васъ и меня, и впалъ въ другую ошибку. Постараемся не повторить ея. Болѣе во всемъ этомъ дѣлѣ замѣшанъ я и болѣе всѣхъ былъ со всѣхъ сторонъ разбраненъ; Вы видите, какое я храню молчаніе, какъ презираю всѣ на себя несправедливыя нападенія. Неужели Вы не полагаете, что такой образъ дѣйствія несравненно благоразумнѣе? Полную справедливость долженъ я отдать членамъ нашего комитета: послѣ перваго минутнаго оскорбленія, они, всѣ безъ изъятія, сейчасъ поняли всю смѣшную сторону того положенія, которое они приняли бы на себя добровольно, еслибъ стали горячиться по такому ничтожному поводу, и съ совершеннымъ благоразуміемъ оставили все дѣло и если не забыли его, то, по крайней мѣрѣ, имъ пренебрегли. Я полагаю, мое собственное хладнокровіе къ сдѣланнымъ на меня литературнымъ нападеніямъ, быть можетъ, не осталось безъ вліянія на такое благоразумное рѣшеніе; комитетъ легко понялъ, что если одинъ человѣкъ въ силахъ пренебречь клеветою, то тѣмъ болѣе цѣлый комитетъ не долженъ обращать вни-

манія на слишкомъ горячее литературное слово; онъ понялъ далѣе, что французская пословица справедливо говоритъ — qui s'excuse, s'accuse; онъ понялъ, наконецъ, что заводить споръ о намѣреніяхъ и нравственномъ направленіи комитета значитъ сдѣлать его предметомъ всеобщаго обсужденія, что, конечно, при теперешнемъ направленіи „Московск. Вѣдомостей“ и „Вѣстника“ не слишкомъ было бы выгодно для самого комитета. Къ тому же — противъ чего протестовать? Аксаковъ говоритъ, будто мы съ Вами боремся противъ того и другого чувства... Но, спрашиваю Васъ, гдѣ сказалъ онъ, что эти чувства одушевляютъ членовъ комитета? Развѣ мы, вступая въ званіе членовъ комитета, дали подписку ни съ кѣмъ не говорить кромѣ нихъ? Развѣ Вы не можете бороться противъ этихъ чувствъ внѣ стѣнъ комитета? И неужели внѣ комитета они подчасъ не существуютъ (хотя и тутъ я, конечно, готовъ охотно признать, что подобныя явленія суть въ настоящее время уже исключенія)?... Представьте себѣ, что Вы, напримѣръ, станете печатно защищать комитетъ: кто, во-первыхъ, повѣритъ Вашей искренности? и не увидятъ ли въ этомъ дѣлѣ существующаго или мнимаго насилія противъ Васъ, Вашихъ товарищей? И въ такомъ случаѣ не ухудшится ли ихъ положеніе въ тысячу разъ, ибо газеты еще пуще нападутъ? А далѣе: что сдѣлаетъ комитетъ, когда вдругъ Аксаковъ, или кто другой, отвѣтитъ (согласно вышеприведенному мною или другому какому-либо объясненію, которое не трудно найти), что и не думалъ обвинять самихъ комитетовъ, и что напрасно комитеты такъ скоро расписываются въ подобныхъ грѣхахъ? Полноте, все это не серьезно, и повѣрьте моему чистосердечному слову, говоренному мною съ полнымъ убѣжденіемъ и ради сохраненія неприкосновенной чести нашихъ комитетовъ, надобно все это кинуть и оставить безъ вниманія. Всякая полемика лишь уронитъ достоинство комитетовъ и вовлечетъ ихъ въ непроходимую тину сплетней и литературныхъ дрязгъ. Долженъ сказать, и опять повторяю — мнѣ едва нужно было слегка коснуться всѣхъ этихъ доводовъ въ частномъ разговорѣ съ двумя или тремя изъ членовъ большинства, чтобы вполнѣ убѣдить ихъ въ справедливости моихъ доводовъ; большинство какъ ни враждебно мнѣ, но не могу не сказать — почти все состоитъ изъ людей умныхъ,

нѣкоторые даже очень замѣчательны, они сразу поняли, что я говорю откровенно и въ ихъ же пользу, пораздумали зрѣло, согласились, и съ тѣхъ поръ объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ не было у насъ и помину. Если бы кто вздумалъ требовать отъ меня отвѣта Аксакову — я, безъ всякаго сомнѣнія, никогда, ни подъ какимъ видомъ, не согласился бы изъ уваженія какъ къ Аксакову (непростительно погорячившемуся, но все-таки по дружбѣ къ намъ), такъ въ особенности къ самому комитету. Но никому у насъ не входило это въ голову. А между тѣмъ, Вы сами знаете, что въ комитетѣ мы на ножахъ, не уступаемъ другъ другу ни шагу, такъ что до сихъ поръ еще не приступили даже къ первой главѣ. Но можно спорить и не соглашаться — и все-таки другъ друга уважать. Съ нѣкоторыми членами большинства я даже рѣшительно состою въ большой пріязни; и скажу болѣе — если не ошибаюсь, у насъ готовится нѣкоторое сближеніе; вчера былъ вечеръ у Кулешова, гдѣ были всѣ; въ четвергъ другой членъ большинства, Чижовъ, даетъ большой обѣдъ *всѣмъ*. Мнѣ кажется, все это — хорошіе признаки, я ими дорожу и начинаю надѣяться. Прощайте, душевно Васъ обнимаю. Отправлю Вамъ нѣкоторыя бумаги по нашему комитету, мною Вамъ обѣщанныя, и равно мой проектъ отвѣта „Вѣстнику“, который я рѣшился напечатать и забыть. Прощайте. Душевно преданный. Кн. *В. Ч.*“

Отправивъ эти оба свои письма эстафетой, князь вдогонку имъ послалъ еще слѣдующую записку.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, еще слово мнѣ сейчасъ взошло въ голову: *если Вамъ никакъ уже нельзя иначе*, какъ написать въ „Моск. Вѣдомости“, то, пожалуй, напишите, но вотъ въ какомъ смыслѣ: во-1-хъ, коротенькое; во-2-хъ, въ нѣсколько веселомъ и смѣхотворномъ духѣ; въ-3-хъ, въ видѣ частнаго письма къ Аксакову, которое онъ отъ своего имени передалъ бы въ „Моск. Вѣдом.“, требуя отъ своего имени, чтобы „Моск. Вѣд.“ его напечатали, — иначе, я думаю, сдѣлать невозможно. Прощайте. Душевно Васъ обнимаю и съ нетерпѣніемъ жду разрѣшенія всѣхъ Вашихъ дѣлъ. Надѣюсь, что вы успѣете все уладить. Душевно Васъ любящій кн. *В. Ч.*

Середа вечеромъ (12 ноября).

Но еще до полученія этихъ писемъ Черкасскаго, Кошелевъ вышелъ изъ комитета, о чемъ извѣщалъ князя въ письмѣ отъ *11 ноября 1858 г.* (Рязань).

„Вчера я отправилъ къ Вамъ эстафетъ, дражайшій князь, а теперь уже все покончено. Я не поѣхалъ сегодня въ засѣданіе, сказавшись больнымъ. Въ 1 часъ пріѣхала ко мнѣ депутація изъ 6 членовъ, чтобы спросить меня: извѣстна ли мнѣ эта статья, оскорбленъ ли я ею и согласенъ ли я подписать въ опроверженіе ту статью, которую комитетъ одобритъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что нѣтъ. Депутація откланялась, и въ комитетѣ положено составить статью, а меня просить выбыть изъ комитета; а если я на это не соглашусь, то ѣхать комитету въ мундирахъ къ губернатору и просить его объ увольненіи меня изъ членовъ. Теперь я жду только копіи съ этого постановленія и, съ приложеніемъ оной, буду просить объ увольненіи меня отъ званія члена отъ правительства. Каково!

„Слѣдовательно, когда вы получите это письмо, я уже не буду членомъ комитета. Я выхожу не по охотѣ, но съ радостью, ибо ежедневныя дрязги, интриги, непріятности и пр. уничтожали меня нравственно и физически. Думаю, что и Вы не усидите; они подберутся и подъ Васъ; а пожалуй, слухъ о моемъ увольненіи, по поводу статьи Аксакова, подѣйствуетъ и на Тулу. Примите мѣры, если возможно.

„Здѣсь прошелъ слухъ, который мнѣ сейчасъ сообщили, что будто Вамъ надѣлали разныя грубости и принудили Васъ выйти въ отставку.

„Губернаторъ крайне оскорбленъ и взбѣшенъ этими дѣйствіями комитета и сегодня отправляетъ эстафетъ съ донесеніемъ обо всемъ случившемся.

„Пишите ко мнѣ въ Москву, ибо завтра въ ночь я туда ѣду, прощаясь съ Рязанью безъ малѣйшей грусти. Я стоялъ до крайности, но теперь для меня по Рязани все окончено. — Губернаторъ не хочетъ меня уволить своею властью, но испрашиваетъ на то разрѣшенія министра и объясняетъ, что за симъ онъ не имѣетъ въ виду желающихъ принять званіе членовъ отъ правительства.

„Что-то скажетъ Вашъ эстафетъ?

„Прощайте, дражайшій князь! *А. Кошелевъ*“.

Въ тотъ же день Кошелевъ подробнѣе описывалъ Самарину рязанскія событія, озаглавивъ свое письмо:

„Историческій день въ моей жизни“ *11-го ноября.*

„Были у насъ буря за бурею. Я въ особенности содѣйствовалъ къ ихъ укрощенію, такъ что прослылъ великимъ дипломатомъ. Послѣдняя буря была направлена противъ губернскаго предводителя, и ту, хоть глупо, но уладили. Прежнее большинство поколебалось, и у насъ началось являться что-то въ родѣ большинства. Противники рѣшились нанести ударъ рѣшительный и какъ-нибудь меня изъ комитета выжить.

„Замѣтка“ Ив. Серг. Аксакова доставила случай къ новой бурѣ. Къ 8 ноября, дню именинъ губернатора, съѣхалось дворянство изъ всѣхъ концовъ губерніи. Начались всюду чтенія этой „Замѣтки“, и все дворянство закричало объ оскорбленіи нашей чести и поручило своимъ депутатамъ требовать блистательнаго удовлетворенія.

„Въ понедѣльникъ 10-го было обыкновенное засѣданіе комитета, и члены чуть не всѣ избѣгали меня, какъ чумы, и позволили себѣ громко говорить, что это оскорбленіе должно быть блистательно очищено, что недостойно такъ отзываться о комитетахъ, что это иначе быть не можетъ, какъ по заказу одного изъ членовъ. Нѣкоторые прямо обращались ко мнѣ и говорили: это вашъ сотрудникъ, вы за него должны отвѣчать. Большинство потребовало экстраординарнаго собранія. Я въ это засѣданіе не поѣхалъ, сказавшись больнымъ. Въ часъ явилась ко мнѣ депутація изъ 6 членовъ, чтобъ спросить меня: извѣстна ли мнѣ „Замѣтка“, подписанная г. Аксаковымъ, оскорбленъ ли я ею и согласенъ ли я подписать въ опроверженіе статью, которую составитъ комитетъ. Разумѣется, я отвѣчалъ: нѣтъ. Депутація очень чинно откланялась, и въ комитетѣ положено составить статью, жаловаться начальству на Аксакова, а меня просить удалиться изъ комитета. Губернскій предводитель объявилъ мнѣ это официально, и я, съ прописаніемъ всего, написалъ къ губернатору и прошу меня уволить. Губернаторъ увольняетъ безъ прошенія моего товарища Маслова за его худыя дѣйствія, но не считаетъ себя въ правѣ уволить меня и представляетъ обо всемъ министру по эстафетѣ.

„Вотъ дѣйствіе „Замѣтки“, ловкой замѣтки Ив. Серг. Аксакова. Полагаю, что Черкасскій долженъ будетъ также выйти въ отставку, ибо въ Тулѣ комитетъ хуже нашего.

„Не имѣю времени вамъ писать болѣе. Пишите ко мнѣ въ Москву, куда я завтра отправляюсь.

„Душевно вамъ преданный *А. Кошелевъ*“.

Ив. С. Аксаковъ, между тѣмъ ничуть не подозрѣвая поднятой имъ бури, писалъ кн. Черкасскому того же *11-го ноября:*

„Любезнѣйшій князь! Очень благодарю Васъ за письма, живо переносящія въ среду Вашей борьбы и дѣйствія. Кончится тѣмъ, что у всѣхъ *нашихъ* депутатовъ, т.-е. у Васъ, у Самарина, у Кошелева и пр. нервы разстроятся такъ же, какъ у севастопольскихъ героевъ послѣ осады. Кошелевъ такъ взбѣшенъ какой-то тамъ исторіей, что до сихъ поръ не высылаетъ ни одной статьи для 11 № „Сельск. Благоустр.“...

„Ну, ужъ хороши Ваши депутаты! Кошелевъ писалъ сначала, что моя статейка ему повредила въ комитетѣ, но теперь пишетъ, что все обошлось ладно.

„Не дѣлая сплетень, скажу Вамъ, что N. я не совсѣмъ доволенъ относительно Васъ. Или онъ очень болтливъ, или же онъ всячески заискиваетъ доброе къ себѣ расположеніе во всѣхъ, кто посильнѣе,— но дѣло въ томъ, что онъ постоянно разсказывалъ здѣсь всюду и во враждебномъ лагерѣ, и въ клубѣ свои споры и разговоры съ Вами. — „Я откровенно сказалъ Черкасскому: ты знаешь, какъ я тебя люблю, но ты поступаешь нехорошо, потому-то и потому-то; но Черкасскій, къ сожалѣнію, со мною не согласился, и пр.“ — Понимаете?—Оно, кажется ничего, но въ настоящую минуту поддаетъ пару. Привезъ онъ ко мнѣ на той недѣлѣ мнѣніе, подписанное 105 или 150 дворянами и спрашивалъ, можно ли это помѣстить въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ и, если можно, такъ помѣстить съ указаніемъ на него, что онъ это сообщилъ. Я послалъ предварительно это къ Крузе; Крузе отвѣчалъ, что можно помѣстить въ видѣ частнаго извѣстія изъ Тулы; я, съ этимъ отвѣтомъ, отправилъ все это къ Кошелеву и жду его отвѣта. Вчера узнаю, что это же самое уже напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и нынче выйдетъ [1]). Вѣроятно, N. же

[1]) См. Современная Лѣтопись. „Русскій Вѣстн.“, т. XVII, стр. 339: „Намъ пишутъ изъ Тулы, что 105 дворянъ тамошней губерніи согласились между со-

передалъ. Между тѣмъ, отдавая мнѣ эту штуку, онъ сказалъ, что Вы не подписали по такой-то причинѣ. Ну, и довольно. — Нѣтъ, это онъ объявилъ и другимъ (не знаю, объяснилъ ли — почему). Ну, а тамъ, знáете, резонансъ какой, во враждебномъ намъ стану. Не разобравъ дѣла, не понимая дѣла — кричатъ! Вчера я долженъ былъ осадить многихъ: кто-то у Каткова, пріѣхавшій изъ Рязани, разсказывалъ, что Кошелевъ противится надѣлу землею, да и только, хочетъ освобожденія безъ земли.

„Русскій Вѣстникъ“ долженъ выйти нынче. Не знаю, будетъ ли отвѣтъ Каткова на мою статью. Говорятъ, что онъ, обидясь, что я его смѣшивалъ съ „Моск. Вѣдомостями“, хотѣлъ отвѣчать мнѣ. Хомяковъ разскажетъ Вамъ подробно о томъ, какъ „царство на ся распадеся“ въ университетѣ и проч.

„Прощайте! Не приготовите ли Вы чего для первой книги „Бесѣды“? Очень бы нужно было.

„Передайте мой поклонъ княгинѣ. Батюшка и Константинъ Вамъ дружески кланяются. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*“.

Отъ князя В. А. Черкасскаго — Ю. Ѳ. Самарину. Тула, *13 ноября 1858 г.*

„Пишу къ Вамъ, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, подъ вліяніемъ самаго грустнаго настроенія. До сихъ поръ я въ неудачахъ тульскаго комитета утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ и рязанскій и самарскій идутъ хорошо. Къ совершенному прискорбію — это все были мечты. Изъ рязанскаго усиленно выживаютъ Кошелева или заставляютъ его писать отвѣтъ Аксакову въ „Моск. Вѣд.“. У Васъ случаются происшествія подобныя тѣмъ, которыя разсказаны въ Вашемъ письмѣ отъ 26-го октября. У насъ все также идетъ все хуже и хуже и не предвидится ничего хорошаго, развѣ длинное и безплодное бездѣйствіе, окончательная несостоятельность

бою въ томъ, что въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, обезпеченія собственности помѣщиковъ и безопасности тѣхъ и другихъ, они полагаютъ необходимымъ отпустить крестьянъ своихъ на волю, съ надѣломъ нѣкотораго количества земли въ потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы помѣщики, за уступаемую ими зéмлю, получили полное, добросовѣстное, денежное вознагражденіе, посредствомъ какой-либо финансовой мѣры, которая не влекла бы за собою никакихъ обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Намъ сообщаютъ имена этихъ дворянъ Тульской губерніи. Вотъ они“... Слѣдуютъ подписи.

комитета и, быть можетъ, — это еще лучшій шансъ — возможность собрать семь или восемь подписей подъ особый проектъ, который не миновать представить меньшинству, какъ бы ни было послѣднее малочисленно. Скажите, ради Бога, того ли мы ожидали, даже самые недовѣрчивые изъ насъ; и неужели наше общество такъ еще незрѣло и уродливо безпомощно?.. Мы здѣсь еще не принимались за I главу; на дняхъ толковали серьезно о томъ, *начались* ли засѣданія комитета, такъ какъ Высочайшій рескриптъ забыли вписать въ журналъ перваго засѣданія[1]); до сихъ поръ толкуемъ — не разъѣхаться ли опять для пополненія свѣдѣній[2]). И это все важно, чинно, безъ затрещинъ, хотя со злобою и ожесточеніемъ въ сердцѣ. Петръ Ѳедоровичъ держитъ себя очень хорошо и скромно, такъ что, хотя его и не любятъ и были озлоблены его назначеніемъ, но подчасъ ласкаютъ его въ пику мнѣ и дабы заявить свою ко мнѣ ненависть. Но дома, выходя изъ комитета, онъ иногда впадаетъ въ желчное расположеніе и не можетъ привыкнуть къ такому томительному бездѣйствію. И въ самомъ дѣлѣ, трудно свыкнуться съ нимъ. Еще труднѣе понять, куда дѣвался здравый смыслъ людей, большею частью не глупыхъ, часто положительно умныхъ, но ослѣпленныхъ, ожесточенныхъ и другъ друга еще болѣе одуряющихъ. Странно! Какъ будто на все наше дворянство наслана послѣдняя предсмертная слѣпота, дабы оно не могло даже и умереть съ честью.

„Характеристики комитета не хочу Вамъ посылать; скажу Вамъ только, что никогда не воображалъ себѣ, чтобы могъ осуществиться у насъ въ Тулѣ такой систематически дурной комитетъ. Есть и умъ, и образованіе, и опытъ, и денежная обезпеченность, и все это въ общемъ итогѣ слагается въ бездарный нуль и систематическое всеобщее гасильничество. Чудно! Вѣроятно, Кошелевъ пересылаетъ Вамъ мои письма. Вообразите себѣ: послѣ закрытія нашихъ засѣданій всѣмъ постороннимъ, послѣ принятія тайной баллотировки, недавно поднятъ и еще не рѣшенъ вопросъ о томъ, чтобъ меньшин-

---

[1]) О Высочайшемъ рескриптѣ въ журн. отъ 18-го ноября. (Арх. кн. Черкасскаго, № 10.)

[2]) Журн. отъ 13-го ноября. Выяснено было, что доставлено 1529 свѣдѣній и должно еще получить 2604,—все засѣданіе толковали о томъ, какъ составлять сводъ свѣдѣніямъ. (Арх. № 10.)

ство не имѣло права подавать отдѣльныхъ мнѣній. Посылаю Вамъ слова, мной имъ изустно сказанныя по этому поводу и разсердившія ихъ до-нельзя[1]). Я ожидаю еще сильной бури при окончательномъ разрѣшеніи этого дѣла. Надѣлала много бѣды и статья Аксакова. Здѣсь, въ Тулѣ, я успѣлъ все утишить, при нѣкоторой со своей стороны наглости; боюсь, что Кошелевъ такъ не отдѣлается, а черезъ то повредитъ и мнѣ. Ну, что дѣлать?!

„А что́ скажете о брани, на меня такъ щедро сыпавшейся? Я до сегодня ежедневно получаю по почтѣ безъимянныя ругательства; сегодня получилъ съ подписью: „Калужскій помѣщикъ“. Одинъ говоритъ — бѣло, другой — черно. Я рѣшился молчать и ждать: покуда пройдетъ невзгода самъ буду презрительно молчать; совѣтую и Кошелеву не пускаться въ невыгодную полемику.

„Прощайте, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, желаю Вамъ, себѣ, Кошелеву, терпѣнія и твердости, если не успѣха. А не думали мы, что мы будемъ расплачиваться за ошибки отцовъ программы. Иной разъ поневолѣ подумаешь, — менѣе было бы добросовѣстно, но житейски болѣе выгодно погарцовать, по примѣру Унковскаго, на удобномъ и щеголеватомъ конькѣ выкупа. Впрочемъ, я надѣюсь завтра втравить нашъ комитетъ въ сношенія съ тверскимъ и уговорить его попытаться вести рядомъ двѣ системы занятій. Авось одна изъ нихъ будетъ нейтральная земля, гдѣ можно будетъ сойтись. Душевно Васъ обнимаю. Посылаю Вамъ письмо Кошелева. *Кн. В. Черкасскій*“.

А. И. Кошелевъ писалъ князю В. А. Черкасскому. Москва, *15 ноября 1858 года.*

„Вчера пріѣхалъ въ Москву, а сегодня, въ 12 часовъ, ѣду въ С.-Петербургъ. Губернаторъ послалъ эстафетъ; жандармскій полковникъ тоже. Исторія страшная; не знаю, чѣмъ она окончится.

„Изъ Питера буду къ Вамъ писать. Пишите ко мнѣ въ Москву; а одно письмо, т.-е. первое, отправьте въ Питеръ, въ гостиницу Демутъ. Если у Васъ что случится казусное, то пришлите письмо ко мнѣ по эстафетѣ въ мой домъ, а оттуда тотчасъ его отправятъ ко мнѣ въ Петербургъ, по желѣзной дорогѣ.

[1]) См. Прилож. № 10 (б).

„Прощайте! Ну, надѣлала шума „Замѣтка“!

„Ваши оба письма по эстафетѣ я получилъ; но уже во вторникъ, т.-е. 11-го, дѣло было безъ поворота. *А. Кошелевъ.*

Отъ князя Черкасскаго — А. И. Кошелеву. *Понедѣльникъ, вечеромъ.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я получилъ Ваше письмо отъ 11-го изъ Рязани и отъ 15-го изъ Москвы. Спѣшу къ Вамъ написать словечко въ Петербургъ и я съ тою же почтой посылаю въ Москву Ивану Сергѣевичу проектъ замѣтки отъ редакціи „Сельскаго Благоустройства“ въ отвѣтъ „Вѣстнику“. Дѣлайте съ нею, что Вы хотите. Отъ себя считаю отвѣчать въ настоящее время неумѣстнымъ. Посылаемый И. С. Аксакову проектъ замѣтки читанъ мною вчера Хомякову, и имъ одобренъ; но опять повторяю, Вы на мѣстѣ лучше видите и знаете, слѣдовательно, поступайте какъ хотите: мѣняйте, прибавляйте, убавляйте, вовсе не печатайте, какъ знаете. Теперь къ дѣлу.

„Я сокрушенъ Вашимъ выходомъ. До вчерашняго дня здѣсь еще ничего не знали. Завтра у насъ засѣданіе; вѣроятно, все будетъ уже извѣстно, и очень можетъ быть, что на меня будетъ производиться нападеніе; но одно вѣрно — что я не выйду по доброй волѣ, чтобы ни случилось, и я крѣпко надѣюсь, что въ этомъ меньшинство меня поддержитъ *стойко*. Удивляюсь, какъ Колеминъ и Протасьевъ не легли поперекъ рѣшеній комитета рязанскаго.

„Меня покуда только еще задираютъ слегка; въ послѣднее засѣданіе 16 членовъ большинства подали бумагу, которою просили меня и Самарина объяснить, имѣемъ ли мы особыя тайныя инструкціи отъ правительства. Чтобъ ихъ помучить, я отвѣчалъ, что на этотъ вопросъ дамъ отвѣтъ только тогда, когда онъ мнѣ будетъ предложенъ офиціально и прямо самимъ вице-президентомъ. Послѣдній до сихъ поръ не рѣшился.

„Завтра должно быть очень бурное засѣданіе, ибо, вѣроятно, большинство подыметъ окончательно вопросъ объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, а мы откажемся брать шары. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернскій предводитель, какъ мнѣ извѣстно privatim, долженъ завтра намъ прислать бумагу съ изъясненіемъ, что онъ отказывается отъ предсѣдательства въ комитетѣ вслѣдствіе непрестанныхъ оскорбленій, ему наносимыхъ боль-

шинствомъ и, между прочимъ, одной бумагой недавно большинствомъ подписанной, гдѣ онъ задѣтъ. Съ другой стороны, мы должны также получить завтра же вторую бумагу отъ губернатора со вторичнымъ предложеніемъ прибавить число еженедѣльныхъ засѣданій[1]). Первое его отношеніе мы совершенно пренебрегли. Большинство поступаетъ очень безцеремонно: въ послѣднее засѣданіе я три раза предлагалъ (со внесеніемъ въ журналъ) назначить нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій. Вице-президентъ сперва объявилъ мнѣ, что объ этомъ будутъ разсуждать *въ очередь*, т.-е. ad calendas Graecas, а послѣ, когда я сталъ настаивать, просто объявилъ засѣданіе закрытымъ. Каково! Но за то буду каждый разъ возобновлять это предложеніе.

„Вотъ какъ идутъ наши дѣла. Мы къ программѣ еще не приступили и едва начали говорить о томъ, какъ бы составить своды. Все это тянутъ, только чтобы переждать выборы; многіе члены большинства говорятъ вслухъ, что стоитъ только выиграть время и ничего не будетъ, все перемѣнится. Вамъ хлопотъ по горло, а Аксакову, я боюсь, чтобы не вышли непріятности. Если Вы рѣшительно вышли, не назначитъ ли губернаторъ на Ваше мѣсто Хомякова? Онъ былъ вчера у меня и говорилъ, что не откажется. Прощайте. Богъ съ Вами. Дай Господи, чтобы Аксаковъ и „Парусъ“ вынырнули“.

Кн. В. Черкасскій.

Повидимому, одновременно съ этимъ письмомъ, кн. Черкасская писала бар. Раденъ (въ архивѣ уцѣлѣла черновая):

---

[1]) См. журн. 18-го ноября. Арсеньевъ обратился къ губернатору съ просьбой сдать до выборовъ свою должность предсѣдателя въ комитетѣ вице-президенту Крюкову, основываясь на томъ, что всѣ усилія его пріобрѣсти довѣріе большинства тщетны и онъ пришелъ къ убѣжденію, что подъ предсѣдательствомъ Крюкова дѣло пойдетъ успѣшнѣе. Губернаторъ изъявилъ согласіе на такое замѣщеніе, вслѣдствіе чего два слѣдующія засѣданія 19-го и 20-го ноября были посвящены выбору кандидата къ Крюкову. Но 3-го декабря губернаторъ сообщилъ къ свѣдѣнію комитета, и Арсеньевъ получилъ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что званіе предсѣдателя въ комитетѣ нераздѣльно съ званіемъ губернскаго предводителя. Арсеньевъ, однако, отклонился отъ этой обязанности и 4-го декабря написалъ въ комитетъ, что въ виду другихъ служебныхъ обязанностей, онъ проситъ Крюкова „занять его мѣсто въ сегодняшнемъ засѣданіи“. Слѣдующее и послѣднее до выборовъ засѣданіе 9-го декабря происходило тоже подъ предсѣдательствомъ вице-президента. (См. журналъ 19-го и 20-го ноября и 3-го, 4-го и 9-го декабря въ арх. Кн. Черкасск., № 10).

„Le calme tout campagnard de notre ville et la société de quelques amis qui forment une intimité agréable m'ont complètement réconcilié avec Toula, et ce séjour me convient beaucoup, mais il faut le dire, l'intérêt de la grande question et l'idée de voir mon mari entièrement occupé des travaux du comité n'ajoute rien aux agréments de notre hiver. Le comité a dépassé les pressentiments les plus malveillants. Pour vous dire que l'on ne s'y dépêche guère, il suffit de vous raconter qu'on discute encore la manière de discuter, et qu'une majorité de 17 voix contre 10 prend à tâche de contredire toujours l'opinion des émancipateurs. Parmi les individus qui composent cette majorité triomphante il y a quelques gens estimables, mais défiants et attachés corps et âme à l'ordre de choses auquel ils doivent renoncer; — étonnés du réveil qui est venu suspendre toute leur béatitude et interrompre leur doux repos ils se demandent s'il ne serait pas impossible de reprendre leur sommeil, ou au moins de dormir un peu plus longtemps. Mais les meneurs sont moins inoffensifs; ce sont pour la plupart des gens d'un esprit délié fort peu paternels dans leurs relations avec les paysans et qui doivent leur élection à l'adresse avec laquelle ils ont calmé les propriétaires étonnés et inquiets pour leur poche en leur disant — nous ne céderons rien et l'affaire traînera en longueur. On se demande comment ces gens ne sont pas susceptibles à la peur, ne comprennent pas le danger de la position qu'ils se font; mais l'intérêt est une passion qui chez eux fait taire tout autre sentiment. La lutte n'est pas toujours facile et mon mari appuyé sur le programme lutte avec calme, mais sans espoir. (Далѣе продолженіе рукою князя.) Il desaprouve lui-même ce fameux programme, mais devant une opposition aussi peu intélligente il est obligé de s'y cramponner, bien sûr qu'autrement la majorité que ne retiendrait plus aucun frein légal, se laisserait emporter par des désirs retrospectifs que personne dans le sein du comité ne saurait plus modérer. Mon mari n'a pas même pu obtenir du comité qu'il se réunisse plus de deux fois par semaine, car on est décidé à ne rien faire; toutes les propositions faites à cet effet tant par mon mari que par le gouverneur ont été rejetées par la majorité. A Moscou on accuse beaucoup, dit-on, mon mari de n'être pas assez conciliant. Il répond de son côté et je crois

non sans raison, que dans un milieu pareil, où même aucune transaction ne serait acceptée par la majorité, la conciliation ne serait qu'une faute aussi inutile que dangereuse. Malheureusement le dernier courrier lui en a apporté une preuve évidente dans la ridicule conduite du comité de Riazan envers Kocheleff, qui avait toujours cherché à ménager les amours propres. Mon mari a gagné au moins par sa conduite de se voir craint par la majorité à force de la placer souvent dans des situations ridicules. D'ailleurs il est bien déterminé et il l'a bien hautement déclaré bien des fois, que personne ne parviendrait à lui faire quitter le comité, et que si on venait lui offrir les conditions qu'on a posées à Kocheleff, il resterait et engagerait les mécontents à s'en aller eux-mêmes. Aussi personne ne bouge jusqu'à présent et ne vient lui faire même d'insinuations pareilles. Nous verrons ce qui en adviendra plus tard[1])".

---

[1]) „Чисто деревенская тишина нашего города и общество нѣсколькихъ друзей, составляющихъ пріятный интимный кружокъ, вполнѣ помирили меня съ Тулой, и пребываніе здѣсь очень мнѣ подходитъ, но, надо сказать, интересъ главнаго вопроса и мысль о томъ, что мужъ мой вполнѣ поглощенъ работами комитета, ничего не прибавляютъ къ пріятностямъ нашей зимы. Комитетъ превзошелъ всѣ самыя неблагопріятныя предчувствія. Чтобы сказать Вамъ, какъ онъ мало торопится, достаточно Вамъ сообщить, что до сихъ поръ еще спорятъ о способѣ обсужденія, и большинство семнадцати голосовъ противъ десяти считаетъ долгомъ всегда противорѣчить мнѣнію эмансипаторовъ. Въ числѣ людей, составляющихъ это торжествующее большинство, есть нѣсколько людей почтенныхъ, но недовѣрчивыхъ и преданныхъ душой и тѣломъ тому порядку вещей, отъ котораго они должны отказаться; они удивлены пробужденіемъ, которое прервало ихъ блаженное состояніе и тихій покой, и спрашиваютъ себя, нѣтъ ли возможности возобновить прерванный сонъ или, по крайней мѣрѣ, поспать нѣсколько долѣе. Но *вожаки* менѣе безобидны; они большей частью люди изворотливаго ума, далеко не отечески относящіеся къ своимъ крестьянамъ и обязаные своимъ избраніемъ той ловкости, съ которою они успокоили помѣщиковъ, удивленныхъ и обезпокоенныхъ насчетъ своего кармана, увѣряя ихъ, что они ничего не уступятъ и что дѣло затянется. Спрашиваешь себя, какъ эти люди не вѣдаютъ страха и не понимаютъ опасности того положенія, которое они себѣ создаютъ; но корысть — это страсть, которая у нихъ заглушаетъ всякое другое чувство. Борьба не всегда легка, и мужъ мой, опираясь на программу, борется спокойно, но безъ надежды. Онъ самъ не одобряетъ этой знаменитой программы (продолженіе рукою князя), но имѣя дѣло съ оппозиціей, столь мало интеллигентной, онъ принужденъ придерживаться ея, въ увѣренности, что иначе большинство, не сдерживаемое болѣе никакой легальной уздой, увлечется ретроспективными желаніями, которыхъ уже никто въ комитетѣ не сможетъ умѣрить. Мужъ мой

II.

А. И. Кошелевъ писалъ князю: С.-Петербургъ, *21 ноября 1858 г.*

„Пишу къ Вамъ только два слова, дражайшій князь! Дѣла идутъ, кажется, хорошо и я кажется возвращаюсь въ Рязань *съ честью*. Еще нѣтъ ничего положительнаго, но правительство, кажется, поняло, что ему необходимо поддерживать своихъ членовъ. Свѣдѣнія изо всѣхъ комитетовъ однозвучныя, и потому — настоитъ необходимость дѣйствовать съ нѣкоторой энергіей. „Замѣтка“ Ивана Серг. найдена неловкою неприличною, но кажется, не будетъ выговора ни Коршу, ни цензору.

„Здѣсь крайне взбѣшены на „Русскій Вѣстникъ“ и выходку противъ Васъ, и пуще всего за напечатаніе думской записки о Безобразовѣ! Хотятъ изслѣдовать, какъ попала эта записка въ „Русскій Вѣстникъ“. Шибко боюсь за Крузе. Это будетъ крайне грустно [1]).

не могъ даже добиться отъ комитета, чтобъ онъ собирался болѣе двухъ разъ въ недѣлю, такъ какъ всѣ рѣшены ничего не дѣлать; всѣ предложенія. сдѣланныя на этотъ счетъ какъ мужемъ моимъ, такъ и губернаторомъ, были отвергнуты большинствомъ. Говорятъ, въ Москвѣ очень обвиняютъ мужа моего въ несговорчивости. Онъ, съ своей стороны, отвѣчаетъ, и я думаю справедливо, что въ подобной средѣ, гдѣ даже никакая сдѣлка не будетъ принята большинствомъ, уступчивость была бы ошибкой столь же безполезной, сколько опасной. Къ сожалѣнію, послѣдняя почта привезла ему очевидное въ томъ доказательство въ смѣшномъ поведеніи рязанскаго комитета по отношенію къ Кошелеву, который всегда старался щадить самолюбія. Мой мужъ выигралъ своимъ поведеніемъ, по крайней мѣрѣ то, что большинство боится его, такъ какъ онъ такъ часто ставилъ его въ смѣшное положеніе. Впрочемъ, онъ твердо рѣшилъ и много разъ громко заявлялъ о томъ, что никто не добьется отъ него, чтобъ онъ оставилъ комитетъ, и въ томъ случаѣ, если ему предложатъ условія, поставленныя Кошелеву, онъ останется и предложитъ недовольнымъ удалиться самимъ. А потому до сихъ поръ никто не двигается и даже намековъ такихъ не дѣлаютъ ему. Увидимъ, что выйдетъ изъ всего этого“.

[1]) Исторія Безобразова подробно описана въ „Запискахъ М. А. Милютиной („Русская Стар.“ 1899 г., № 1, стр. 47—49). П. Безобразовъ, съ самаго учрежденія городской думы былъ ярымъ противникомъ этого „демагогическаго учрежденія“, и когда дума нашла нужнымъ разослать домовладѣльцамъ „обывательскія грамоты“, опредѣлявшія ихъ права на городскія владѣнія и на право голоса въ городскихъ дѣлахъ, П. Безобразовъ вернулъ въ думу полученную имъ бумагу, съ негодованіемъ отвергая право думы жаловать или не жаловать грамоты дворянамъ вообще, а ему въ особенности, имѣющему уже

„Здѣсь нѣтъ ничего новаго. Государь ревностно и стойко занимается крестьянскимъ дѣломъ. Дай Богъ ему силы одержать верхъ надъ затрудненіями и надъ нѣкоторыми его совѣтниками. Нѣтъ, онъ не слабъ, а напротивъ весьма стоекъ. Тверскому комитету отвѣчали, что Положеніе онъ долженъ составлять на точномъ основаніи рескрипта и къ своему положенію можетъ присоединить мнѣніе о томъ, какъ окончательно произвести и выкупъ полевой земли[1]).

„Пишете ли Вы вторую статью о мировыхъ судьяхъ? Пишите! это необходимо. Думаю, что мое дѣло рѣшится сегодня и что въ воскресенье я выѣду. *А. Кошелевъ*".

А. И. Кошелевъ — Самарину. Петербургъ *25 ноября 1858 г.*

„Ну, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ! Возвращаюсь я опять къ своимъ занятіямъ въ Рязань. Вчера состоялось Высочайшее повелѣніе: комитету объявить Высочайшее неудовольствіе, мнѣ возвратиться въ рязанскій комитетъ къ моей должности, комитетъ считать закрытымъ со дня выбытія изъ него членовъ отъ правительства, открыть комитетъ вновь и всѣ положенія, въ это время состоявшіяся, пересмотрѣть. И не радъ, а долженъ ѣхать. Завтра ѣду изъ Питера; въ Москвѣ пробуду три дня, и въ понедѣльникъ разсчитываю быть въ Рязани. Меня утѣшаетъ то, что я выхлопоталъ себѣ славнаго товарища — вашего брата Дмитрія Ѳедоровича. Каковы Самарины: доставили *трехъ* членовъ въ комитеты, и *всѣ* они *отъ правительства*. Просто офиціальная семья.

„Здѣсь я видѣлся съ весьма многими. Блудовъ сталъ крайне ветхъ, но зато Ростовцевъ юнъ и бодръ. Муравьевъ склонялся совершенно къ паденію, но еще кое-какъ удержался. Впрочемъ, онъ, кажется, не долговѣченъ, но Панинъ стоитъ какъ верста, и всѣ вѣтра пролетаютъ мимо и его не поколебаютъ.

нѣсколько столѣтій свои дворянскія грамоты, доказывающія его права на всевозможныя владѣнія. Это письмо, а также состоявшійся по этому поводу протоколъ думы былъ посланъ Д. Н. Хрущовымъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника" для напечатанія. Безобразовъ былъ племянникъ В. Орлова, предсѣдателя Государств. Совѣта, который представилъ объ этомъ инцидентѣ записку въ совѣтъ министровъ. Поднялась страшная буря, вслѣдствіе которой думѣ былъ сдѣланъ выговоръ, и была наряжена комиссія для пересмотра положенія думы...

[1]) См. Сборн. Правит. распоряж., т. I, стр. 107 и 108. Этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ къ свѣдѣнію во всѣ губерніи въ отношеніи отъ 29 декабря 1858 г.

„Здѣсь въ большомъ ходу брошюра Ростовцева по крестьянскому вопросу. Жаль, что не могу ее къ Вамъ доставить, а стоитъ ее прочесть, ибо это событіе историческое. Онъ за общину вполнѣ, крестьянъ становитъ весьма высоко, и вообще книжка подаетъ надежды на дальнѣйшіе успѣхи автора.

„Странствованіями Левшина весьма не довольны, и онъ шибко упалъ въ общемъ мнѣніи, что̀ и на него самого имѣетъ весьма дурное вліяніе: онъ пріунылъ и еще болѣе гнуситъ.

„Температура вообще здѣсь очень благопріятная къ освобожденію и даже къ выкупу. Хотятъ порѣшить вопросъ окончательно. Думаютъ, что вначалѣ выкупъ будетъ не обязателенъ, а facultatif. О финансовыхъ операціяхъ говорятъ очень много и на этотъ предметъ обращено теперь здѣсь общее вниманіе.

„Я очень радъ, что̀ статейка Ив. Серг. Аксакова, надѣлавшая мнѣ столько хлопотъ, здѣсь не считается преступною, и ни ему, ни Коршу, ни цензору не будетъ ничего.

„Здѣсь страшный шумъ надѣлала записка Городской Думы, напечатанная въ № 20 „Русск. Вѣстника“. Велѣно произвести слѣдствіе о томъ, какъ эта записка попала въ „Русскій Вѣстникъ“, и шибко боюсь, чтобы не пострадалъ Крузе. Самое вѣроятное то, что у него возьмутъ „Русскій Вѣстн.“ и передадутъ другому цензору.

„Прощайте. Жду отъ васъ писемъ. Душевно Вамъ преданный *А. Кошелевъ.*

„Я думалъ, что это письмо отправлено къ Вамъ изъ Петербурга, а оказалось въ моемъ портфелѣ“.

Какъ мы видѣли изъ послѣдняго письма кн. Черкасскаго къ Кошелеву, написавъ проектъ замѣтки отъ редакціи „Сельск. Благоустройства“, князь считалъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ лично отвѣчать на направленныя противъ него нападки, но вслѣдъ за тѣмъ онъ, повидимому, вдругъ раздумалъ, рѣшился на этотъ шагъ и послалъ Аксакову двѣ статьи: первая — отъ имени редакціи, другая — подписанная его именемъ и помѣчена: *23 ноября* [1]). Аксаковъ, дождавшись возвращенія Кошелева изъ Петербурга, отвѣчалъ князю *28 ноября 1858 г.:*

„Не писалъ къ Вамъ до сихъ поръ, потому что ждалъ

---

[1]) См. Приложеніе № 11.

пріѣзда Кошелева изъ Петербурга, любезнѣйшій князь. Обѣ статьи Ваши прекрасны и печатаются; дня черезъ два выйдутъ въ 11-мъ № „Сельск. Благоустр.“ Первая — отъ редакціи — презлая и преловкая; вторая — очень меня порадовала, она написана съ такимъ достоинствомъ, что непониманіе ея можетъ служить нравственной мѣркой человѣка. Но ужъ взбѣсится Катковъ! Вообще, въ этомъ № ему достается порядочно во многихъ мѣстахъ. Въ слѣдующемъ № 12-мъ будетъ статья Самарина — разборъ статьи Г. Иванова объ общинѣ въ „Русск. Вѣстн.“, изобилующая колкостями „Русск. Вѣстнику“. Ваше предчувствіе относительно меня не оправдалось, и „Замѣтка“ тамъ, en haut lieu, не сочтена преступною. Рязанцы присылали сюда статью въ редакцію „Моск. Вѣд.“ черезъ кого-то, но такъ какъ въ этой статьѣ конецъ есть чистый доносъ не только на меня, но и на всѣхъ литераторовъ. то Коршъ возвратилъ имъ для измѣненія. Развязка исторіи Кошелева, вѣроятно, остановитъ всѣ эти выходки. Торжество Кошелева должно, мнѣ кажется, совершенно парализировать его дѣйствія въ смыслѣ вліянія на дворянъ. Въ сущности, они должны были бы выйти въ отставку..... Дѣло въ томъ, что *вы* поддерживаете правительство, потому что, *на этотъ разъ*, сходитесь съ нимъ въ убѣжденіяхъ, а не оно *васъ* поддерживаетъ: вы не орудіе его, не чиновникъ, не власть.

„Независимо отъ замѣтки, *мои* дѣла вообще не въ авантажѣ обрѣтаются. На меня взъѣлись Евграфъ и Егоръ (Ковалевскіе), т.-е. министерство. народнаго просвѣщенія и мининостр. дѣлъ и Тимашевъ за мое объявленіе о „Парусѣ“ и за письмо циркулярное къ славянскимъ литераторамъ. Это письмо (Вы, я думаю, его не знаете: оно написано мною по-русски здѣсь же, въ конторѣ, переведено на сербскій, чешскій, польскій, болгарскій языки, и на этихъ языкахъ напечатано штукъ по 200 на каждомъ и отослано почти все за границу) — названо въ официальной бумагѣ Ковалевскаго „воззваніе къ славянамъ, живущимъ въ иностранныхъ государствахъ“, которое ни въ какомъ случаѣ не могло быть дозволено безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ иностр. дѣлъ, что должно быть извѣстно каждому цензору. Гилярову и Крузе — одному за пропускъ объявленія о „Парусѣ“, другому за письмо — сдѣлано „строгое замѣчаніе“, а „Парусу“. придираясь къ тому, что „въ официальной утвержденной

Главнымъ Управленіемъ цензуры программѣ, *нѣтъ даже* слова: „*славянскій*“, а говорится только объ одной Россіи, — воспрещено помѣщать статьи о славянахъ. Это очень меня разстраиваетъ, такъ какъ я устроилъ вездѣ корреспондентовъ, и эти живыя корреспонденціи изъ Аѳинъ, Бѣлграда, Константинополя, Загреба, съ Іоническихъ острововъ и пр. теперь, когда вопросъ славянскій на очереди и въ скоромъ времени сдѣлается чуть ли не существеннѣйшимъ дѣломъ европейской политики, придали бы газетѣ интересъ политическій, современный. Это, наконецъ, всегда готовый матеріалъ для наполненія столбцовъ газеты. Извольте теперь его замѣнять! Время для изданія самое неблагопріятное: во-1-хъ, страшная непредвидѣнная конкуренція: каждый день десятокъ новыхъ объявленій, и все по страшно дешевой цѣнѣ. Книгопродавцы говорятъ, что на всѣ журналы подписка будетъ плоха, потому именно, что небольшое число читателей раздѣлилось по всѣмъ журналамъ и газетамъ старымъ и новымъ; во-2-хъ, Москва нынѣшнею зимою пуста: никого нѣтъ изъ нашихъ, слѣдовательно капитальныхъ сотрудниковъ нѣтъ. Я совершенно одинокъ. Еще есть помощники, но ни одного товарища. Въ-3-хъ, крестьянскій вопросъ, хотя и надоѣлъ, но тѣмъ не менѣе значительно ослабилъ интересъ ко всѣмъ прочимъ гражданскимъ вопросамъ, не стоящимъ на очереди, а для крестьянскаго вопроса у насъ есть журналъ спеціальный — „С. Благоустройство“, который и поглощаетъ дѣятельность Вашу, Самарина и Кошелева!... Все это очень скверно, и статей покуда очень немного. Я подалъ снова прошеніе въ цензурный комитетъ о дополненіи къ офиціальной программѣ насчетъ славянъ, т.-е. о позволеніи помѣщать извѣстія о ходѣ науки, искусства и пр. этнографическія описанія и т. д. Но это исторія долгая. Отсюда должно итти къ министру народн. просвѣщ., а потомъ съ *его ходатайствомъ* въ Главное Управл. цензуры. Я же не имѣю причинъ надѣяться на это ходатайство... А тутъ Тимашевъ испугался въ объявленіи слова: *знамя*, и туда же въ Главное Упр. съ жалобой. Велѣно имѣть строгій надзоръ за „Парусомъ“. Какъ тутъ быть? Выпустить первые №№ блѣдными — значитъ утратить самую дорогую минуту перваго впечатлѣнія. Вѣдь его ничѣмъ не поправишь потомъ.

„Такъ-то, любезнѣйшій князь. Я все же буду издавать

„Парусъ“ до тѣхъ поръ, пока не запретятъ. Авось-либо и не запретятъ.

„Исторія Безобразова дѣлаетъ въ Петербургѣ много шуму. Крузе висѣлъ на волоскѣ; еще не знаю, чѣмъ все это кончится. Кажется, почти достовѣрно, что у него отнимутъ „Русскій Вѣстн.“ Скажите Хомякову, чтобъ онъ непремѣнно написалъ стихи для „Бесѣды“. О стихахъ для „Паруса“ я уже не прошу. Жду его философской статьи для „Бесѣды“. Попросите его помочь мнѣ и написать статейку для „Паруса“. Спасибо Н. А. Елагину, что прислалъ статейку и очень дѣльную. Прощайте, любезный князь, обнимаю Васъ крѣпко. Братъ и батюшка Вамъ дружески кланяются. Передайте отъ меня поклонъ княгинѣ. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*“.

III.

Мы видѣли выше, что Кошелевъ, при письмѣ своемъ отъ 30-го октября и 2-го ноября, отправляя къ князю Черкасскому свою статью противъ Каткова, просилъ его просмотрѣть ее: въ случаѣ, если она заслужитъ его одобреніе, князь долженъ былъ отослать ее немедленно къ И. С. Аксакову; если же она вызвала бы серьезныя замѣчанія съ его стороны, то Кошелевъ просилъ выслать ее ему обратно [1]).

По этому поводу кн. Черкасскій писалъ Аксакову: *Тула, 1858 г., ноябрь (27):*

„Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, статью Кошелева о Катковской общинѣ. Она хороша, хотя, быть можетъ, одна изъ сторонъ вопроса, и притомъ не самая маловажная, нѣсколько упущена изъ вниманія. Я прибавилъ подстрочное замѣчаніе, показавшееся мнѣ нужнымъ, но считаю излишнимъ вновь отправлять ее къ нему, ибо прибавка не значительная, а время дорого.

---

[1]) *Отъ И. С. Аксакова — Черкасскому.* Вторникъ (безъ числа). „Кошелевъ пишетъ мнѣ, что послалъ къ Вамъ статью свою въ отвѣтъ Каткову о русской общинѣ, — и чтобы помѣстить эту статью въ IV книгѣ „Р. Бесѣды“, если можно. Если вы ее уже прочли и дополнили, и большимъ исправленіямъ она не подлежитъ, то пришлите ее, любезный князь, немедленно. Если же Вы ее уже отослали къ Кошелеву, то *немедленно же* меня о томъ увѣдомьте. Что Вы ни слова о моей статьѣ? Мнѣ потомъ пришло въ голову, что я Вамъ плохо удружилъ, т.-е. раздражилъ еще сильнѣе Вашихъ противниковъ въ комитетѣ. Да что же Ал. Степ. не ѣдетъ? Что Елагинъ не пишетъ! Мнѣ изъ Петербурга разныя непріятности за мое объявленіе о „Парусѣ“, очень скверныя. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*“.

„Пакетъ этотъ Вамъ доставитъ Тургеневъ; не упускайте его изъ рукъ и возьмите съ него непремѣнное обѣщаніе дать нынѣшній годъ что-нибудь въ „Бесѣду“. Я его очень-таки обработалъ на этотъ счетъ и мнѣ онъ сказалъ, что охотно это сдѣлаетъ.

„Нашъ комитетъ идетъ препакостно или лучше — вовсе не идетъ; можете себѣ вообразить, — большинство вдругъ подняло вопросъ, отнять у насъ, меньшинства, право подавать отдѣльныя мнѣнія; я сказалъ имъ по этому случаю прилагаемую при семъ рѣчь и велѣлъ внести въ журналъ [1]). Они озлобились несказанно, не нашлись тутъ ничего отвѣчать и просили отложить пренія объ этомъ предметѣ до другого дня; но вотъ два засѣданія, а они еще молчатъ и готовятъ, какъ говорятъ, перуны противъ меня. Вѣроятно на дняхъ будетъ какая-нибудь страшная сцена. До самаго проекта Положенія, между тѣмъ, до сихъ поръ не приступали, а большинство предлагаетъ разъѣхаться для собиранія свѣдѣній, говоря, что безъ составленія ихъ свода не можетъ приступать къ Положенію. Для обсужденія этого вопроса я *заставилъ* ихъ назначить чрезвычайное третье засѣданіе въ недѣлю; оно происходило вчера вечеромъ, но не состоялось, потому что взбѣшенные этимъ противники распорядились такъ, чтобы представителей одного уѣзда недостало, а по ими же составленному Уставу нужно для состоятельности засѣданія не только 18 наличныхъ членовъ, но еще непремѣнно, чтобъ отъ каждаго уѣзда былъ представитель. Хорошо? — Они взбѣшены на меня до крайности. Не могу отъ Васъ скрыть, что одна изъ послѣднихъ къ тому причинъ — Ваша статья. Они ею взбѣшены; и не удивлюсь, если противъ Васъ будетъ сдѣланъ какой-нибудь явный или тайный доносъ въ III отд. Я предвижу въ этомъ комитетѣ для себя рядъ скучныхъ, томительныхъ и тяжелыхъ испытаній, но я заранѣе объявилъ всѣмъ, что чѣмъ болѣе будутъ стараться мнѣ дѣлать непріятностей, тѣмъ тверже я буду сидѣть на своемъ мѣстѣ, и что никакая сила меня не выкуритъ. Но что прикажете дѣлать противъ 16 или 17 компактныхъ голосовъ, съ 10 или 11 раздѣленными еще между собою по вопросу о надѣлѣ! Знаете ли Вы, что по этому вопросу я останусь при своемъ мнѣніи одинъ съ тремя или четырьмя голосами! Это еще самое большое.

---

[1]) См. прил. № 10 (б).

„Прощайте! будьте здоровы. Душевно Васъ обнимаю. Надняхъ еще буду писать. Спросите-ка у Тургенева объ одномъ экземплярѣ нашего комитета, котораго онъ у меня видѣлъ и который далеко не самый худшій. Онъ не можетъ припоминать о немъ безъ ожесточенія. Я, говоря съ членами большинства, всегда говорю имъ, что они напоминаютъ мнѣ меня самого, когда мнѣ было лѣтъ семь; меня ставили въ уголъ, я блажилъ, плакалъ, кричалъ, топалъ ногами и все-таки не хотѣлъ учить скучнаго урока. Это сравненіе ихъ бѣситъ, но не исправляетъ. Случалось ли Вамъ когда-нибудь говорить съ человѣкомъ, не совсѣмъ глупымъ, который явно Васъ понимаетъ, но не хочетъ даже показать этого вида и на всѣ Ваши краснорѣчивые доводы отвѣчаетъ Вамъ: нѣтъ, не правда! Вотъ я теперь въ этомъ положеніи. Но пора кончить. Еще разъ обнимаю Васъ и всѣхъ Вашихъ

Кн. В. Черкасскій.

„P. S. Кошелевъ проситъ, чтобы я написалъ въ „Сельское Благоустройство“ въ 11-й №, отвѣтъ на бранную противъ меня статью Каткова; я этого не сдѣлаю, но пошлю ему на-дняхъ, на просмотръ, „Замѣтку“ отъ имени редакціи „Благоустройства“; не знаю, одобритъ ли онъ ее. Я ему совѣтую не поднимать полемики и сослаться для этого на нежеланіе противодѣйствовать „Вѣстнику“ и „Моск. Вѣдом.“ въ достиженіи возможныхъ результатовъ отъ собранныхъ нынѣ комитетовъ. Въ этомъ духѣ будетъ „Замѣтка“.

Въ тотъ же день кн. Черкасскій писалъ Кошелеву *(27-го ноября)*:

„Вотъ любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, единственное прибавленіе, которое я сдѣлалъ къ Вашей статьѣ, полагаю, что Вы его одобрите:

„Слѣдовательно, ни то, ни другое обстоятельство не до„ставляетъ даровой преміи. Слѣдовательно, какъ ея нѣтъ „вообще, что доказано въ Европѣ современною наукою по„литической экономіи“ и пр. и пр.

Мною прибавленное примѣчаніе: „Любопытно, какимъ обра„зомъ въ увлеченіи своего поиска за этою даровою преміею, „Русскій Вѣстникъ“ опрометчиво позабылъ этотъ важный „факторъ, содѣйствующій установленію цѣнности каждаго то„вара (въ томъ числѣ и земли) и на который мы сейчасъ выше „намекнули — отношеніе требованія къ предложенію. Содѣй-

„ствіемъ этого фактора крайне ясно и удовлетворительно объ-
„ясняется внезапное или постепенное возвышеніе цѣны иного
„товара, въ томъ числѣ и земли. Наоборотъ, позабудьте его
„по примѣру „Русск. Вѣстн.“ (для теоріи котораго о даровой
„преміи памятованіе этого важнаго фактора было слишкомъ
„неудобно), и вы получите фантастическую даровую премію
„не въ одной поземельной собственности, но и во всякомъ
„другомъ товарѣ, цѣнность котораго случайно возрастаетъ въ
„пропорціи, превышающей нормальный процентъ съ капитала:
„вы получите ее, напр., въ торговлѣ хлѣбнаго торговца, при
„наступленіи голоднаго года вдругъ продающаго въ три дорого
„купленный имъ дешево за два мѣсяца хлѣбъ; вы получите ее
„и во всякой иной торговлѣ. Не лучше ли „Русск. Вѣстн.“
„перечитать внимательно позабытыя имъ начала старой, имъ
„самимъ справедливо восхваляемой политической экономіи,
„чѣмъ такъ смѣло и такъ наивно пускаться въ фантастиче-
„ское, но исполненное подводныхъ камней море экономи-
„ческихъ открытій?“ (см. Сельск. Бл. Т. IV, стр. 53.)

Впрочемъ, статья совершенно хороша, хотя, по моему мнѣнію, къ ней можно было бы прибавить вотъ что: въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ — разсмотрѣть новое положеніе крестьянина въ Катковской общинѣ. Съ такой практической, всѣмъ удобопонятной точки зрѣнія, она показалась бы всѣмъ и каждому еще смѣшнѣе.

Отъ себя ни въ „Благоустройствѣ“, ни въ „Вѣдомостяхъ“ отвѣчать Каткову не стану[1]). Но, если хотите напишу и пришлю Вамъ (дабы Вы изъ нея сдѣлали, что хотите) замѣтку отъ редакціи „Благоустройства“ въ отвѣтъ „Вѣстнику“. Я слегка разсмотрю въ ней нелѣпость нѣкоторыхъ его заключеній и скажу, что впрочемъ „Благоустройство“, выставивъ мою статью, какъ предѣлъ практическихъ уступокъ, которыхъ литература въ правѣ и должна требовать отъ помѣщиковъ, прекращаетъ полемику по этому вопросу, дабы не мѣшать другимъ органамъ публичности выторговать у нынѣ собранныхъ комитетовъ болѣе, еслибъ это оказалось возможнымъ.

---

[1]) Отвѣтъ кн. Черкасскаго, помѣщенный Аксаковымъ въ 11-мъ № „Сельск. Благоустр.“ не имѣетъ спеціальнаго отношенія къ статьѣ Каткова, направленной противъ него, а содержитъ объясненіе автора къ пунктамъ его статьи, касавшихся тѣлеснаго наказанія. Странно однако, что въ своихъ письмахъ князь умалчиваетъ объ этомъ отвѣтѣ.

„Также для „Благоустройства“, если я успѣю, въ 11 № пришлю, подъ видомъ безъимянной корреспонденціи изъ провинціи, дополнительныя замѣчанія на Катковскую общину въ томъ смыслѣ, какъ сказано выше.

„Вашу статью я сегодня утромъ послалъ къ Ив. Сергѣевичу съ Тургеневымъ, а получилъ я ее съ почты только третьяго дня.

„Посылаю Вамъ для свѣдѣнія копію (впрочемъ, не совсѣмъ успѣлъ исправить всѣ ошибки) той статьи полемической, которую я хотѣлъ было помѣстить въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ до статьи Аксаковской. Теперь я вовсе раздумалъ отвѣчать. Это будетъ ничуть ни хуже. Посылаю также нашъ протестъ противъ тайной подачи голосовъ [1]), и еще слова, мною сказанныя и внесенныя въ журналъ по случаю того, что теперь члены большинства вздумали у насъ оспаривать право подавать отдѣльныя мнѣнія. Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ: они отъ моихъ словъ поосовѣли, отложили преніе объ этомъ на два засѣданія и еще молчатъ; но, вѣроятно, на-дняхъ будетъ страшная схватка. Мы еще не приступили къ Положенію. Губернаторъ уже написалъ намъ понужденіе; я заставилъ, почти наступя на горло, комитетъ сдѣлать чрезвычайное засѣданіе, но они все-таки грозятъ разъѣхаться подъ предлогомъ собранія свѣдѣній. Каковы!.... На меня и на Аксакова взбѣшены до крайности, ну, за то и я же ихъ хлещу порядкомъ, хотя и всегда въ предѣлахъ строжайшаго приличія. Они хотятъ также говорить о выкупѣ личныхъ правъ. Противъ этого доводовъ нѣтъ, кромѣ того, что программа говоритъ — дарованіе личныхъ правъ, а не продажа ихъ; слѣдовательно, мы о продажѣ не можемъ разсуждать. Поэтому я буду балотировать не смыслъ, а только редакцію этого параграфа.

„Прощайте, крѣпитесь и мужайтесь. А мнѣ приходится здѣсь еще хуже чѣмъ Вамъ, но зато, по крайней мѣрѣ, меня ужъ и ненавидятъ и боятся, какъ огня, въ официальныхъ спорахъ.

IV.

А. И. Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому изъ Москвы *1 декабря 1858 г.*:

„Завтра я ѣду въ Рязань, дражайшій князь! Что тамъ будетъ? — не знаю; но ѣду весьма неохотно. Ѣду только потому,

[1]) См. Прил. № 10 (а).

что не ѣхать не могу. Я очень радъ, что Дмитрій Самаринъ назначенъ мнѣ товарищемъ. Онъ отправляется послѣзавтра.

„Здѣсь въ клубѣ моя исторія занимала всѣхъ, и сужденія, разумѣется, были не въ мою пользу. Чего не было переговорено!

„Вотъ еще письмо Самарина (см. слѣдующее).

„Что-то у Васъ будетъ на выборахъ? Говорятъ, что предполагается исторію „Замѣтки“ поднять въ полномъ собраніи дворянства. Теперь, думаю, эта исторія канетъ въ воду.

„Здѣсь Офросимовъ и говоритъ, что 14 человѣкъ выйдутъ въ отставку. Надѣюсь, что это — угроза, которую они не исполнятъ; ибо иначе, нашъ комитетъ будетъ закрытъ окончательно, что̀ будетъ, конечно, жаль.

„Прощайте. Пишите ко мнѣ въ Рязань. Вамъ преданный *А. Кошелевъ*“.

Письмо Ю. Ѳ. Самарина *отъ 15 ноября 1858 г.* Самара:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, всѣ Ваши письма и посылки (отъ 12-го, 22-го октября и 5-го ноября) я получилъ акуратно.

„Представьте себѣ, какая странность. У насъ въ комитетѣ происходилъ скандалъ, съ котораго послѣднее рязанское происшествіе, Вами описанное, есть точно слѣпокъ, черта въ черту. Вы найдете подробное описаніе въ журналахъ, съ этою же почтою къ Вамъ посылаемыхъ и въ приложеніяхъ. Вѣроятно, и Ваша коалиція такъ же расползется, какъ наша, и въ Рязани дѣло кончится такъ же жалко, какъ въ Самарѣ. Впрочемъ, хотя теперь пока у насъ идетъ *смирно*, если не *мирно*, однако я не считаю дѣла конченнымъ. Впереди еще много скандаловъ, и я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы всѣ вышли цѣлы изъ комитета. Посылаю Вамъ двѣ печатныя вѣдомости о занятіяхъ комитета, представленныя губернаторомъ въ министерство: все это сообщите Черкасскому и берегите у себя, потому что я все потребую назадъ.

„Времени, за всѣми нашими дрязгами, скандалами и ссорами, мы потеряли пропасть; несмотря на то, я не могу сказать, чтобы я былъ недоволенъ результатами занятій комитета и его постановленіями. Мы признали недѣлимость и неприкосновенность крестьянской земли, право выкупа крестьянской земли мірскими обществами и отдѣльными лицами (при выходѣ изъ имѣнія до истеченія переходнаго состоянія) по-

средствомъ капитализаціи изъ 6% неизмѣннаго, единожды навсегда установленнаго оброка. Отдача строеній даромъ не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того, я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, половина членовъ согласится на 2 дня барщинскихъ, вмѣсто трехъ, и на отмѣну зимней женской барщины. Теперь я подготовляю ихъ къ дешевой оцѣнкѣ усадебъ. Право покупки населенныхъ имѣній лицами всѣхъ сословій принято единогласно. На будущей недѣлѣ мы приступаемъ къ усадьбамъ. Составленіе проекта главы объ усадьбахъ поручено мнѣ.

„У насъ гостилъ недавно оберъ-провіантмейстеръ Булгаковъ. Онъ привезъ съ собой проектъ обязательнаго для крестьянъ выкупа земли. Находя его негоднымъ, я возразилъ письменно; онъ отвѣчалъ, я возразилъ еще. Теперь, съ согласія Булгакова, всю эту переписку я пошлю къ Вамъ для помѣщенія въ декабрьской книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“. Имя Булгакова и мое должно оставаться секретомъ. Все это къ Вамъ пошлется въ видѣ переписки двухъ самарскихъ помѣщиковъ. Пожалуйста, напечатайте въ декабрьской книжкѣ, безъ примѣчаній, и доставьте мнѣ, для передачи Булгакову, 30 оттисковъ. Проектъ его, по моему мнѣнію, ложенъ въ основаніяхъ и не практиченъ; но это ничего; надобно обстрѣливать публику и пріучать ее къ мысли о выкупѣ; къ тому же, помѣщеніе статьи Булгакова (въ Петербургѣ узнаютъ, что она его) дастъ большій ходъ „Благоустройству“, а этимъ пренебрегать не надобно.

„Я прочелъ въ „Вѣстникѣ“ замѣтку на статью Черкасскаго. Давно не испытывалъ я такого негодованія. Это величайшая гадость, какую только можно сдѣлать посредствомъ пера и бумаги. Въ первую минуту я хотѣлъ отвѣчать физіологическимъ очеркомъ бѣлоручки, прикрывающаго свое глубокое презрѣніе къ народу фарисейскимъ либерализмомъ. Но Черкасскій не такой человѣкъ, за котораго нужно было бы заступаться. Онъ отгрызется самъ.

„По этой почтѣ посылаю къ Аксакову разборъ статьи Иванова объ общинномъ владѣніи; 26 полулистовъ связнаго письма! Что Вы на это скажете, почтеннѣйшій редакторъ! Зато теперь, на сей 1858 годъ, имѣйте мя отреченна.

„Я заваленъ дѣломъ, такъ что даже не успѣлъ еще прочесть Ваши журналы. Въ тверскихъ много пустозвонства, и кажется, они зашли въ трущобу; лучше было строго держаться

программы. Это одно спасеніе. Въ Петербургѣ очень недовольны нижегородскими проектами обоими. Читали ли Вы брошюру Ростовцева? Вотъ матеріалъ то для „Колокола“!

„Къ празднику я надѣюсь махнуть въ Москву хоть на 5 дней. Какъ бы намъ всѣмъ съѣхаться, т.-е. Вамъ и Черкасскому. Обнимаю дружески Васъ, его и брата.

„P. S. Не помню, послалъ ли я Вамъ довольно пространное мнѣніе, поданное мною на предложеніе Сосновскаго: о выкупѣ оброка и земли при выходѣ отдѣльныхъ семействъ изъ обществъ, во время переходнаго состоянія? Оно имѣло успѣхъ и произвело свое дѣйствіе. Вы мнѣ писали про какое-то письмо Аксакова, будто бы ко мнѣ посланное, но я его не получалъ“.

Извѣстія о послѣднихъ рязанскихъ событіяхъ поздно дошли до Самарина. Онъ писалъ Кошелеву *22 ноября 1858 г.*, Самара:

„Ваше письмо отъ 11-го ноября меня глубоко огорчило, но я не могу сказать, чтобы оно было для меня неожиданно. Я ожидалъ бѣды. Когда я прочелъ замѣтку Аксакова, газета выпала у меня изъ рукъ. Лютѣйшій врагъ нашъ не могъ бы выдумать ничего лучшаго. Три мѣсяца бьемся мы и хлопочемъ изъ того, чтобы приручить къ себѣ людей, какъ-нибудь заставить ихъ позабыть, что мы введены въ ихъ кругъ отъ правительства; убѣдить ихъ, что мы такіе же помѣщики, какъ и они, не презираемъ ихъ и не желаемъ имъ зла; а тутъ свой человѣкъ, пріятель — указываетъ на насъ пальцемъ, называетъ по имени, да еще ставитъ на пьедесталъ, чтобъ прочимъ ловчѣе было прицѣлиться и побить камень ями. Нечего сказать, услужилъ! Если бъ эту замѣтку написалъ Константинъ Аксаковъ, я бы не сказалъ ни слова; но Иванъ Сергѣевичъ живалъ въ губернскихъ городахъ и искусился на службѣ; онъ знаетъ духъ и настроеніе дворянства — и не могъ удержаться! Мочи нѣтъ, какъ досадно.

„Вамъ, очевидно, нечего было дѣлать; Вы иначе не могли поступить; но я еще не отказываюсь отъ надежды встрѣтиться съ Вами въ центральномъ комитетѣ. Объ этомъ надобно теперь постараться. Въ губернскомъ комитетѣ положеніе Ваше было бы невыносимо; но надобно, чтобы губернаторъ Васъ отрядилъ отъ себя въ Петербургъ. Вашъ пріятель Левшинъ долженъ это сдѣлать. Я никакъ не мирюсь съ мыслью, что Ваша офиціальная дѣятельность, по этому вопросу, кончилась.

„Два засѣданія толковали мы объ усадьбахъ. Въ первое — предложенное мною опредѣленіе усадебной осѣдлости (со включеніемъ конопляниковъ, гуменъ и выгона) было забаллотировано ради *выгона*, а во второе — *принято* безъ малѣйшаго измѣненія; но строенія отдать даромъ не согласились, и все, что я могъ сдѣлать (я говорилъ два часа битыхъ), — рѣшеніе этого вопроса отложено до оцѣнки усадебъ, а усадьбы мы будемъ цѣнить вмѣстѣ съ пахотною землею. Право выкупа усадебъ предоставлено цѣлымъ обществамъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ. При выкупѣ отдѣльно взятой усадьбы, цѣна ея опредѣляется мірскимъ приговоромъ, безъ участія помѣщика.

„Пользованіе усадебною осѣдлостью оплачивается непремѣнно деньгами, а не трудомъ. Это все принято. Я веду къ тому, чтобы за пользованіе усадебною осѣдлостью полагать не болѣе 2 руб. съ тягла, а за выкупъ изъ 6 %, — не болѣе 33 $^1/_3$ руб.

„Посылаю Вамъ проектъ Булгакова (о которомъ я Вамъ писалъ), мои возраженія, его отвѣты и мои замѣчанія на его возраженія. Я надѣюсь пріѣхать къ празднику.

„Что̀ Черкасскій? Неужели и его ожидаетъ такая же катастрофа? Прощайте, хлопочите изо всѣхъ силъ, чтобы попасть въ петербургскій комитетъ“.

ГЛАВА VI.

I. Рязанскій комитетъ по возвращеніи Кошелева; недостатокъ единодушія въ меньшинствѣ. Мнѣніе Самарина о положеніи Кошелева; его положеніе улучшается; онъ негодуетъ на полемику противъ Черкасскаго — опасается, что Черкасскій дразнитъ дворянъ. — II. Положеніе дѣлъ въ Тулѣ хуже, чѣмъ въ Рязани и Самарѣ. Аксаковъ о впечатлѣніи, которое производилъ кн. Черкасскій въ комитетѣ. Засѣданіе 2-го и 3-го декабря. Особое мнѣніе кн. Черкасскаго. Онъ хочетъ представить на выборахъ проектъ земельнаго банка. Въ Рязани дѣло налаживается: допущеніе полной гласности. — III. Открытіе дворянскихъ выборовъ, надежда на мирное окончаніе ихъ. Успѣхъ отвѣта кн. Черкасскаго на журнальную полемику. Поднятіе вопроса о преданіи Черкасскаго суду дворянства. Скандалъ длится три дня. Друзья отстаиваютъ князя, и исторія кончается ничѣмъ. — IV. Обѣдъ въ честь кн. Черкасскаго: чествованіе его, какъ представителя извѣстныхъ принциповъ. Рѣчь Хомякова и др. Рѣчь кн. Черкасскаго въ собраніи. Губернскіе выборы.

А. И. Кошелевъ — Ю. Ѳ. Самарину. Рязань. *7 декабря 1858 г.*

„Сегодня, дражайшій Юрій Ѳедоровичъ, я пишу къ Вамъ только нѣсколько словъ.

„Я пріѣхалъ въ Рязань въ среду, вашъ братецъ Дмитрій Ѳедоровичъ — въ четвергъ. Въ пятницу было торжественное засѣданіе въ мундирахъ, и губернаторъ лично объявилъ Высочайшее повелѣніе. Сказавши нѣсколько словъ, онъ уѣхалъ. Послѣ этого Офросимовъ предложилъ, въ отвращеніе всякой клеветы, ложныхъ слуховъ и несправедливыхъ обвиненій, перенести наши засѣданія въ большую залу и допускать въ число слушателей *всѣхъ желающихъ*. Я всталъ и сказалъ: „совершенно согласенъ съ мнѣніемъ г. Офросимова". Комитетъ сгоряча единогласно принялъ это предложеніе, но теперь уже начинаютъ поговаривать, что *всѣхъ* — значитъ всѣхъ дворянъ. Мы будемъ отстаивать первоначальное предложеніе г. Офросимова.

„Со мною противная партія положила не знаться, руки не подавать и даже не кланяться. Положеніе мое, конечно, непріятно; но не возвращаться мнѣ было невозможно — значило трусу праздновать. Теперь я, какъ часовой, умру, но не сойду.

„Вашъ братецъ поступилъ прекрасно: на спросъ мой, согласенъ ли онъ теперь принять званіе въ Рязани члена отъ правительства? Онъ отвѣчалъ: „я принималъ это званіе въ хорошее время; не могу же я не принять его теперь".

„Онъ познакомился здѣсь со всѣми и вчера и сегодня всѣхъ объѣзжаетъ. Въ первое же засѣданіе онъ заявилъ, что будетъ членомъ не безгласнымъ. Я очень радъ, что онъ здѣсь.

„Наша партія не распалась, но нѣтъ въ ней никакой плотности. Противники дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ; а наши все вразбросъ. Охъ, трудно будетъ здѣсь что-нибудь сдѣлать!

„Говорятъ, что Черкасскому готовятъ что-то на выборахъ. Не знаю, какъ тамъ дѣло обойдется, но я не думаю, чтобы тамъ что-нибудь было, ибо время, вѣроятно, всѣхъ успокоитъ.

„Прощайте. Ваши послѣднія два письма я отправилъ къ Черкасскому. Прощайте. „Вашъ душевно преданный *А. К.*

Ю. Ѳ. Самаринъ — А. И. Кошелеву. Самара. *Декабрь. 1858 г.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, поздравляю Васъ съ возстановленіемъ Вашимъ въ званіи члена комитета. Меня это радуетъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ проявленіе энергіи и хорошій урокъ; во-вторыхъ, потому что

Вы попадете въ центральный комитетъ. Но Ваше положеніе будетъ незавидно. Васъ учить нечего; Вы сами лучше знаете, какъ Вамъ держать себя; но мое мнѣніе такое: въ *губернскомъ комитетѣ* Вы ничего добраго сдѣлать не можете; каждое Ваше слово будетъ раздражать и возбуждать исторіи; Вамъ остается выдержать до конца молча или подавая коротенькіе письменные протесты и *беречь себя для большаго комитета*. Вотъ главная и единственная цѣль.

„Мое положеніе съ каждымъ днемъ становится все лучше и лучше. Надъ вожакомъ противной партіи я взялъ рѣшительный перевѣсъ и могу сказать, что вся иниціатива перешла въ мои руки. Оппозиція раздробилась, распалась и обречена на чисто отрицательную роль. Я имѣю большіе шансы быть избраннымъ въ центральный комитетъ — отъ губернскаго.

„Я выѣзжаю отсюда около 15-го, буду въ Москвѣ около 24-го, пробуду до 7-го января. Убѣдительно Васъ прошу дождаться меня въ Москвѣ и вызвать непремѣнно Черкасскаго и Хомякова. Свиданіе съ Вами мнѣ *необходимо нужно* во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Посылаю Вамъ журналы".

Ю. Ѳ. Самаринъ — кн. Черкасскому. Самара. *9 декабря 1858 г.*

„Ваше письмо ко мнѣ[1]), любезнѣйшій князь, я получилъ и почти единовременно два письма къ Кошелеву. Подробно отвѣчать на все я не могу, потому что, въ настоящее время, у меня голова идетъ кругомъ отъ занятій. Я оканчиваю сводъ, крайне сложный и безтолковый, свѣдѣній по Самарскому уѣзду, пишу три мнѣнія и подгоняю комитетъ, чтобы кончить 13-го статью о казенныхъ повинностяхъ, а 14-го или 15-го сѣсть въ кибитку и махнуть въ Москву на праздникъ, до 7-го января.

„*Убѣдительно* Васъ прошу пріѣхать въ Москву къ тому же времени. Братъ, вѣроятно, тоже пріѣдетъ. Свиданіе, кажется, намъ всѣмъ необходимо; по крайней мѣрѣ, я за себя могу сказать, что мнѣ непремѣнно нужно свидѣться съ Вами и съ Кошелевымъ.

„Пожалуйста, уговорите Хомякова, чтобы онъ къ тому же времени пріѣхалъ въ Москву. Иначе я съ нимъ болѣе года не увижусь; въ апрѣлѣ мы должны кончить, а тамъ меня

---

[1]) См. письмо Черкасскаго отъ 13-го ноября, стр. 230.

отправятъ въ Петербургъ. Еще просьба: не пускайте Хомякова въ рязанскій комитетъ. Его надо беречь. На это дѣло достаточно насъ троихъ.

„Полемика по поводу Вашей статьи временно вывела меня изъ довольно спокойнаго расположенія духа, до котораго я довелъ себя разными насильственными мѣрами, физическими и психическими. Въ первую минуту я схватился за перо, чтобы публично заявить мое полное и совершенное согласіе съ Вами и высказать Каткову, Коршу и прочимъ, какого я мнѣнія объ ихъ лжелиберализмѣ, но потомъ я подумалъ, что непрошенное и излишнее заступничество, съ моей стороны, было бы очень не кстати. Вышло къ лучшему. Вашего отвѣта я еще не читалъ, но слышалъ, что всѣ одобряютъ его.

„Знаете ли что? Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но мнѣ сдается отсюда, что Вы въ комитетѣ во зло употребляете фехтовальное искусство и дразните благородное дворянство. Я рѣшаюсь Вамъ это высказать, потому что и самъ въ этомъ грѣшенъ, особенно былъ грѣшенъ въ первое время. Теперь я уходился и взялъ тѣмъ, что всю работу принялъ на себя. Въ настоящую минуту не могу пожаловаться на личное мое положеніе. Иниціатива перешла совершенно въ мои руки, благодаря бездарности, лѣни и безграмотности моихъ товарищей.

„Посылаю Вамъ двѣ таблицы, полученныя мною отъ завѣдывающаго люстраціонною комиссіею Самарской губерніи, о количествѣ земель. Тутъ для Васъ нужна статья оброчныхъ земель. Другая о наемныхъ цѣнахъ. Болѣе подробнаго и вѣрнаго пока ни у кого нѣтъ ничего.

„Надѣюсь, до свиданія въ Москвѣ къ Рождеству. Свѣдѣній о землѣ не посылаю, а привезу самъ“.

Итакъ, несмотря на скандалы въ самарскомъ и рязанскомъ комитетахъ, дѣло шло тамъ все-таки успѣшнѣе, чѣмъ въ Тулѣ. Въ рязанскомъ комитетѣ еще въ концѣ октября было приступлено къ 3-й главѣ; въ самарскомъ, какъ видно изъ послѣднихъ писемъ, Юрію Ѳедоровичу удалось взять рѣшительный перевѣсъ надъ вожакомъ противной партіи: вся иниціатива перешла въ его руки, и въ концѣ концовъ онъ сознавался, что не можетъ быть недоволенъ результатами работы. Только въ Тулѣ дѣло совсѣмъ не двигалось впередъ, и здѣсь все еще не приступали къ 1-й главѣ.

Приближалось время дворянскихъ выборовъ, и, какъ видно по письмамъ князя и изъ сохранившихся журналовъ засѣданій, большинство не пренебрегало никакими средствами, чтобы только какъ-нибудь затормозить дѣло и дотянуть до выборовъ, въ надеждѣ поднять тогда агитацію между собравшимися дворянами, оказать желательное давленіе на комитетъ, а главное — какъ-нибудь отдѣлаться отъ кн. Черкасскаго, выжить его изъ среды комитета. Съ перваго бурнаго столкновенія съ большинствомъ, по поводу принятія тайной подачи голосовъ, ожесточеніе противъ кн. Черкасскаго все усиливалось. Держась того взгляда, что *вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной*[1]), князь не щадилъ своихъ противниковъ. И. С. Аксаковъ, вспоминая впослѣдствіи впечатлѣніе, которое производило его слово — писалъ: „Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива.... Большинство не могло ему простить, ему — князю, аристократу по происхожденію, — демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, искренній, простодушный идеалогъ, увлекающійся фантазіями либерализма и гуманности и т. д. Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ Черкасскомъ не признавало, а между тѣмъ чувствовало въ немъ опасную себѣ силу“[2]). Ясное пониманіе вопроса, громадная память и знаніе законовъ давали ему такое преимущество въ комитетѣ, что оно пугало его противниковъ: къ программѣ просто-напросто боялись приступать. Ни вторичный запросъ губернатора: отчего не приступлено до сихъ поръ къ программѣ (журн. 18-го

[1]) См. письмо къ Аксакову стр. 322.

[2]) См. рѣчь И. С. Аксакова въ публичномъ засѣданіи славянскаго благотворительнаго Общества 5 марта 1878 г.; перепечатана въ сборникѣ „Князь Черкасскій“. Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ. Москва 1879 г.

ноября), ни добавленіе еще третьяго дня въ недѣлю, среды (журн. 20-го ноября) для засѣданій комитета не подвинули дѣла. Въ первую же среду (26-го ноября) засѣданіе не состоялось, какъ по неприбытію двухъ членовъ Ефремовскаго уѣзда, такъ и потому, что предсѣдатель отказывался его открыть, отговариваясь, что журналъ 20-го ноября не былъ готовъ къ подписанію 25-го, а что безъ его подписа онъ не въ правѣ открывать засѣданія. Курьезный примѣръ тѣхъ увертокъ, къ которымъ прибѣгало большинство, чтобы отклонить засѣданія, находимъ еще въ слѣдующемъ журналѣ, который приводимъ дословно:

„1858 г., декабря 2-го дня. Въ засѣданіе тульскаго губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, по прибытіи къ 11 ч. утра гг. членовъ, избранныхъ дворянствомъ и назначенныхъ начальникомъ губерніи, многіе изъ гг. членовъ, замѣтивъ распространенный въ залѣ комитета угарный чадъ и чувствуя вліяніе онаго, пожелали немедленно удалиться изъ залы, почему и просили г. вице-президента не открывать засѣданія; но г. кн. Черкасскій, представивъ г. вице-президенту письменное мнѣніе свое, просилъ объ открытіи засѣданія, а г. баронъ Менгденъ предложилъ назначить сегодня же вечеромъ засѣданіе, въ 8 часовъ, взамѣнъ того, если утреннее засѣданіе имѣетъ быть закрыто. — Тогда его превосходительство г. вице-президентъ, видя, что многіе изъ гг. членовъ, почувствовавъ усиленіе угарнаго вліянія, нашли себя вынужденными удалиться изъ залы, и самъ по той же причинѣ, не будучи въ силахъ продолжать засѣданіе, закрылъ оное въ 12 часовъ. Опредѣлили: записать о семъ въ журналъ, съ присовокупленіемъ словъ кн. Черкасскаго, что онъ на себѣ не чувствуетъ ни малѣйшаго вліянія угара и что незаконно было бы закрыть засѣданіе, не пустивши сего опредѣленія о закрытіи засѣданія на голоса, — таковое мнѣніе поддерживали гг. баронъ Менгденъ, баронъ Черкасовъ, Пушкинъ, Ушаковъ и Тихменевъ“.

Чѣмъ ближе время подходило къ выборамъ, тѣмъ почва становилась горячѣе. Князь Черкасскій напрасно обольщалъ себя надеждой, что ему удалось „утишить впечатлѣніе, произведенное замѣткой Аксакова“, масло, подлитое ею въ огонь, только ждало случая, чтобы вспыхнуть и разгорѣться. Для

характеристики преній, происходившихъ въ комитетѣ, приводимъ слѣдующій эпизодъ, почерпнутый нами изъ протокола засѣданія 3-го декабря (предпослѣдняго передъ выборами).

Въ самомъ началѣ засѣданія одинъ изъ членовъ, нѣкто Кирѣевъ заявилъ, что кн. Черкасскій, будто бы, возбудилъ недавно такой вопросъ: „спросить помѣщиковъ, не состоятъ ли они должными крестьянамъ за сверхзаконныя, быть можетъ, съ нихъ доселѣ взимавшіяся повинности и сколько именно?“ Такъ какъ, по словамъ Кирѣева, кн. Черкасскій не опредѣлилъ времени, съ котораго слѣдуетъ считать могущіе быть на помѣщикахъ долги, и даетъ тѣмъ право думать, что время это можно считать столь отдаленнымъ, что онъ боится затруднить дворянство такимъ вопросомъ, то онъ, Кирѣевъ, желалъ бы въ свою очередь знать: нѣтъ ли какого-нибудь примѣра, когда крестьяне съ землею или даже безъ земли (намекъ, очевидно, былъ направленъ на освобожденіе крестьянъ, произведенное княземъ въ Пригоряхъ) были уволены, и желалъ бы знать, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ помѣщикъ: вознаградилъ ли онъ крестьянъ за противозаконныя, быть можетъ, работы или нѣтъ?... Если бы такой примѣръ освобожденія былъ объясненъ во всѣхъ подробностяхъ, то это было бы весьма для него, Кирѣева, поучительно, при обсужденіи вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ княземъ. Членъ *Минин*ъ замѣтилъ, что въ томъ видѣ, какъ этотъ вопросъ былъ предложенъ, онъ признаетъ его оскорбительнымъ для всего дворянства, и не безопаснымъ для спокойствія губерніи, а членъ *Марковъ* добавилъ, что, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Минина, онъ считаетъ „вопросъ возбужденный кн. В. А. Черкасскимъ, неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для всего дворянства тѣмъ болѣе, что онъ какъ будто бы указываетъ на сочувствіе князя къ публикаціи г. Аксакова, въ № 130-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщенной. Подобное же мнѣніе выразили члены комитета: Чижовъ, Кирѣевъ, Волоцкой, Золотаревъ и Новосельскій, что похвала борьбѣ его сіятельства въ той газетѣ, если бы князю угодно было, могла быть отстранена, его печатнымъ отзывомъ, и уничтожила бы впечатлѣніе, произведенное оной публикаціей“. На всѣ эти замѣчанія кн. Черкасскій сказалъ: „Вопросъ о долгахъ, о которыхъ г. Кирѣевъ и г. Марковъ изволили сейчасъ говорить, первоначально возбужденъ не мною, но г. Коптевымъ въ числѣ тѣхъ вопросовъ, которые

были предлагаемы на обсужденіе комитета. Когда г. Коптевъ предложилъ комитету собрать свѣдѣнія о долгахъ, которые состоятъ на крестьянахъ, тогда, находя этотъ вопросъ совершенно неумѣстнымъ по многимъ причинамъ, которыя теперь слишкомъ долго изъяснять, но которыя легко каждому понятны, и желая устранить этотъ, по моему мнѣнію, вредный вопросъ, я объявилъ, что если бы паче чаянія комитетомъ былъ принятъ вопросъ г. Коптева, то я въ такомъ случаѣ, и *только въ такомъ случаѣ*, предложу комитету истребовать еще дополнительное свѣдѣніе о тѣхъ долгахъ, которые могутъ лежать на самихъ помѣщикахъ къ ихъ крестьянамъ, вслѣдствіе незаконно взимаемыхъ, быть можетъ, повинностей. Мнѣніе мое о неумѣстности предложенія г. Коптева раздѣлялось, кажется, и самимъ комитетомъ, окончательно рѣшившимъ согласно со мною, что ни одно изъ дополнительныхъ свѣдѣній, а въ томъ числѣ и предложенный г. Коптевымъ вопросъ не необходимы, и что вопросъ этотъ не подлежитъ истребованію отъ помѣщиковъ черезъ комитетъ, что̀ и постановлено, если не ошибаюсь, 14 голосами противъ 12 или 13. Я не могу, слѣдовательно, не порадоваться устраненію вопроса г. Коптева, по моему мнѣнію, крайне опаснаго, не могу также не порадоваться совпаденію моей мысли съ мыслью самого комитета и, конечно, не откажусь отъ подобнаго лестнаго для меня единомыслія, ясно доказывающаго, что мой взглядъ на предложеніе г. Коптева далеко не лишенъ основанія, и что я въ этомъ случаѣ только предугадалъ окончательное мнѣніе самого комитета. Конечно, крайне прискорбно для меня, что̀ по этому вопросу я нахожусь въ разномыслiи съ почтеннымъ депутатомъ Веневскаго уѣзда г. Марковымъ. Но какъ ни жалѣю я объ этомъ, тѣмъ не менѣе ищу и нахожу себѣ полное утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ, что моя мысль и мое желаніе, очевидно, раздѣляются большею частью членовъ комитета, именно 14 членами. Что же касается до той таинственной связи, которую г. Марковъ находитъ между вышесказанными вопросами и статьею г. Аксакова, то признаюсь — не могу открыть ее; мой слабый умъ не вмѣщаетъ въ себѣ логической возможности присутствія подобной связи; весьма поучительно было бы выслушать отъ г. Маркова подробное изложеніе его соображеній по этому предмету; когда ему угодно будетъ ихъ высказать, тогда я не ручаюсь, конечно, за то, что сумѣю

вполнѣ понять и усвоить себѣ эти соображенія, — тѣмъ не менѣе выговариваю право отвѣчать на нихъ, если найду въ нихъ что-либо заслуживающее опроверженія; въ противномъ случаѣ предоставляю себѣ право и вовсе прекратить по этому предмету дальнѣйшее преніе, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны. — Г. Кирѣеву угодно было меня назвать и взойти въ мои хозяйственныя распоряженія по собственному моему имѣнію села Пригори, ему угодно было упомянуть о мнѣ, какъ объ опытномъ хозяинѣ, освобождавшемъ крестьянъ безъ земли, могущемъ сообщить объ этомъ любопытныя свѣдѣнія. Долгомъ считаю увѣрить г. Кирѣева, что никогда не откажусь, внѣ стѣнъ этого комитета, подѣлиться съ нимъ всякій разъ, когда ему будетъ угодно, плодами моей опытности, какъ бы ни была она слаба. Равно, когда и Ваше превосходительство, при составленіи нами проекта Положенія, сочтете нужнымъ обратиться къ моей хозяйственной опытности, я буду всегда готовъ сообщить Вашему Превосходительству и гг. членамъ комитета всѣ мною сдѣланныя наблюденія, относящіяся къ тѣмъ вопросамъ Положенія, которые нами будутъ проводимы. На вопросъ г. Кирѣева, какъ считать долги на помѣщикахъ, со времени Годунова или императора Павла Петровича — не отвѣчаю, потому что считаю его совершенно неумѣстнымъ. Наконецъ, не могу не сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о замѣчаніи г. Минина, будто бы вопросъ о долгахъ можетъ причинить волненіе въ народѣ. При всѣхъ тѣхъ предосторожностяхъ, которыя нами взяты для соблюденія тайны нашихъ засѣданій, предосторожностяхъ дѣлающихъ наши рѣшенія не только совершенно недоступными народу, но возбраняющихъ входъ къ намъ даже самому дворянству, никакой вопросъ здѣсь поднятый не можетъ быть опасенъ, и не можетъ произвести волненій, тѣмъ болѣе, что комитетъ имѣетъ несомнѣнную власть устранить всякій опасный вопросъ, или разрѣшить его отрицательно. Въ тысячу разъ опаснѣе наше совершенное бездѣйствіе въ настоящую минуту, когда народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ насъ новаго Положенія. Наше бездѣйствіе — вотъ единственный источникъ, возможныхъ въ близкомъ будущемъ, опасныхъ волненій въ губерніи, и къ устраненію таковой опасности, милостивые государи, я имѣлъ честь многократно приглашать Васъ принять мѣры, приступивъ поскорѣе къ составленію ожидаемаго новаго Положенія“.

Рѣчь князя не способствовала къ умиротворенію тѣмъ болѣе, что вопросъ о долговомъ хлѣбѣ крестьянъ живо затрогивалъ интересы, представляя въ данную минуту связь съ необходимой, по случаю неурожайнаго года, помощью крестьянамъ хлѣбомъ. Вице-президентъ воспользовался высказаннымъ однимъ изъ членовъ, Чижовымъ, предложеніемъ: передать вопросъ о долгахъ на обсужденіе всего дворянства и предложилъ его на балотировку, что̀ встрѣчено было, конечно, сочувствіемъ всего большинства и горячимъ протестомъ меньшинства. Конецъ этимъ преніямъ былъ положенъ заявленіемъ кн. Черкасскаго, который напомнилъ присутствующимъ, что на основаніи 8 § отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику губерніи, которымъ сообщено Высочайшее повеленіе, комитетъ не имѣетъ права разсуждать объ этомъ предметѣ, какъ о постороннемъ къ существу дѣла, и не имѣетъ права дѣлать офиціальнаго сообщенія, и тѣмъ менѣе отдавать его, кн. Черкасскаго, по этому предмету кому бы то ни было подъ судъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергалъ права каждаго изъ присутствующихъ, какъ дворянина и помѣщика, на свой собственный страхъ, предложить дворянству это дѣло на обсужденіе.

Вслѣдъ за этимъ прочтено было особое мнѣніе (см. приложеніе № 12), представленное кн. Черкасскимъ еще наканунѣ, 2-го декабря, въ которомъ, вооружаясь противъ поднятаго опять вопроса объ отнятіи у меньшинства права подавать отдѣльныя мнѣнія, онъ горячо протестовалъ противъ бездѣйствія комитета, доказывая, что своимъ отношеніемъ къ дѣлу члены комитета не оправдываютъ довѣрія дворянства, довѣрія Государя... Мнѣніе это, въ свою очередь, было найдено оскорбительнымъ для членовъ комитета, такъ какъ заключало въ себѣ не заслуженный будто ими „обвинительный актъ“. Раздались голоса о представленіи всего этого дѣла начальнику губерніи, для дальнѣйшаго препровожденія къ министру внутреннихъ дѣлъ. Но, какъ мы увидимъ, губернаторъ далъ князю разрѣшеніе литографировать его особое мнѣніе въ количествѣ 150 экземпл., для распространенія между дворянами во время выборовъ...

5-го декабря кн. Черкасскій писалъ Кошелеву:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, давно къ Вамъ не писалъ, потому что былъ все это время очень занятъ. У насъ

теперь происходятъ послѣднія до выборовъ засѣданія комитета, и мы стрѣляемъ другъ въ друга разными предложеніями и мнѣніями, подаваемыми не ради комитета, но ради залы собранія. На меня происходили самыя ожесточенныя нападки, особенно по тому поводу, что съ мѣсяцъ тому назадъ, когда одинъ изъ членовъ большинства предложилъ собрать свѣдѣнія о долгахъ крестьянъ, я всталъ и объявилъ, что *если* это предложеніе будетъ сдѣлано, тогда я сдѣлаю другое — о собраніи свѣдѣній о долгахъ на помѣщикахъ за сверхзаконныя работы. Это дѣло и Аксаковскую исторію хотятъ поднять на выборахъ, но я ожидаю того и другого съ большимъ хладнокровіемъ; въ послѣднія два засѣданія имя Аксакова было произнесено два раза нѣсколькими членами, хотя довольно робко; но я ихъ отбрилъ отлично и сейчасъ же, такъ что въ комитетѣ объ этомъ замолчали. Зато результаты наши — не важны: мы даже не приступили къ 1-й главѣ. Я на дняхъ, по этому случаю, прочелъ, отъ имени своего и съ согласія меньшинства, жестокую филиппику противъ большинства, которую, съ разрѣшенія Дарагана, литографирую и буду раздавать на выборахъ. На дняхъ пришлю и Вамъ экземпляръ.

„Сверхъ того, кончаю проектъ земскаго банка, который представлю на выборахъ. Баллотировать его не дамъ, но постараюсь собрать нѣсколько подписей и отправлю его въ Питеръ отъ имени меньшинства; а между тѣмъ пришлю Вамъ его напечатать въ „Сельск. Благоустройство“. Пожалуйста, помѣстите его въ 1-мъ №. Очень любопытенъ знать, что̀ въ немъ общаго съ проектомъ Булгакова, о которомъ Вамъ пишетъ Юрій Ѳедор. Кстати — посылаю Вамъ всѣ письма послѣдняго.

„Статьи о мирныхъ судьяхъ не могу Вамъ дать никакъ прежде январской Вашей книжки. Во-первыхъ, некогда; во-вторыхъ, думаю и для меня, и для нея самой выгоднѣе явиться немного попозднѣе, тѣмъ болѣе, что теперь матеріалы у Васъ есть для „Благоустройства“. И литература — авось — къ тому времени станетъ ко мнѣ помилостивѣе; да и мнѣ не нужно будетъ, за свои нѣкоторыя предложенія въ этой статьѣ, ссориться на выборахъ съ благороднымъ дворянствомъ. У меня для избранія мирныхъ судей предложатся двѣ системы: одна, почти предлагаемая Вами, и другая, которую я предпочитаю и которая основана на довольно оригинальныхъ, мнѣ кажется, соображеніяхъ; но излагать ее теперь было бы

слишкомъ долго. Подождемъ до праздниковъ, до Москвы; тамъ разскажу Вамъ на словахъ; а мнѣ кажется — недурно.

„Какъ-то идутъ теперь Ваши дѣла? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій изъ Рязани. Члены нашего комитета думаютъ, что я лгу и хвастаю, когда разсказываю имъ результатъ рязанской исторіи. Но какъ бы то ни было, а положеніе Ваше будетъ теперь очень трудно; а враги Ваши.... я думаю — не рѣшатся выйти. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашихъ писемъ. Прощайте, обнимаю Васъ. *Кн. В. Ч.*

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ Черкасскому, *10 декабря 1858 г.* Рязань:

„Письмо Ваше, дражайшій князь, отъ 5-го декабря я получилъ. Отвѣчаю Вамъ нѣсколькими словами, ибо теперь мы не можемъ пропускать *ни одной почты*.

„У насъ дѣло, кажется, обламывается. Противная партія, въ отмщеніе, предложила полную гласность, — т.-е. допустить слушателями *всѣхъ* желающихъ. Нѣкоторые члены было заговорили о томъ, чтобы впускать однихъ дворянъ, но комитетъ единогласно положилъ: *всѣхъ* — безъ исключеній. Къ этому я предложилъ: „а комитетскіе журналы печатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Изъ противной партіи кн. Волхонскій прибавилъ: „и во всѣхъ прочихъ журналахъ“. Разумѣется, я поспѣшилъ съ этимъ согласиться. Слѣдовательно, у насъ рѣшено въ пользу полнѣйшей гласности. Завтра это опредѣленіе пойдетъ къ губернатору, а онъ представитъ объ этомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Разумѣется, все это — холостые заряды, но они не дурны. Противники вышли очень умно изъ дурного impasse, а дѣло гласности все-таки выигрываетъ; и правительство и публика обстрѣливаются.

„Противники мнѣ не кланяются и моего присутствія въ комитетѣ какъ бы не признаютъ. Я держу себя весьма скромно и соблюдаю, въ отношеніи къ нимъ, ту же политику. Самаринъ произвелъ здѣсь очень хорошее впечатлѣніе. Прощайте, пишите каждую почту“.

III.

Открытіе дворянскихъ выборовъ въ Тулѣ послѣдовало 10-го декабря. Наканунѣ (9-го) было послѣднее засѣданіе комитета. Положено было въ виду выборовъ и затѣмъ празд-

никовъ прекратить занятія до 7-го января. Кн. Черкасскій писалъ Кошелеву, *14 декабря 1858 г.:*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Пишу къ Вамъ только два слова, среди хлопотъ по выборамъ. Кажется, все обойдется смирненько [1]), хотя дворянство на меня и гнѣвается страшно.

„Для забавы почтенной публики я сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы просить правительство, если будутъ уѣздные начальники, то чтобы назначались по выборамъ. Посылаю Вамъ также двѣ литографіи съ моего мнѣнія, поданнаго въ комитетѣ, и которое, кажется, мнѣ сильно помогаетъ въ залѣ собранія и вредитъ большинству. Зато послѣднее и взбѣшено на меня.

„Наканунѣ открытія выборовъ нашъ комитетъ получилъ бумагу отъ министра, съ безпрестанными ссылками на мнѣнія меньшинства; велѣно: 1) уничтожить тайную баллотировку шарами, 2) не противиться подачѣ отдѣльныхъ мнѣній, 3) признать присутствіе членовъ отъ правительства необходимымъ для состоятельности засѣданій, 4) не передавать дѣлъ комитета на разсмотрѣніе дворянства.

„Не предвижу и послѣ выборовъ ничего путнаго. Большинство подготовило нелѣпѣйшій проектъ, гдѣ усадьба оцѣнена въ 240 руб. за десятину въ селеніяхъ неторговыхъ и непромышленныхъ; т.-е. на крестьянскую усадьбу положено по 350 квадр. саженъ на дворъ съ платою по 80 руб. за душу. Хорошо? Остальное еще нелѣпѣе.

---

[1]) Повидимому, и прочіе члены меньшинства тоже льстили себя этой надеждой. А. П. Елагина писала къ княгинѣ Е. А. Черкасской, находившейся въ Москвѣ на пути въ Тверь:

„Вы, вѣрно, получили уже письмо отъ князя, не менѣе того не могу удержаться, чтобы не сообщить Вамъ ихъ радость: *о полной побѣдѣ.* Было экстренное засѣданіе, на которомъ прочли бумагу министра: онъ удивляется, что большинство не приняло правильныхъ доводовъ меньшинства, *приказываетъ* гласную подачу голосовъ, *отдѣльныхъ мнѣній,* удивленъ, какъ могло по сему случаю возникнуть сомнѣніе, и запрещаетъ передавать на судъ дворянства дѣла комитета. По случаю Рязани, объявляетъ Высочайшую волю: не считать комитета состоятельнымъ въ отсутствіи членовъ отъ правительства. Вы, можетъ-быть, все это знаете, но вѣдь повтореніе не мѣшаетъ. Николай пишетъ: „Мы стараемся скрыть нашу скромную радость, но смѣшно видѣть, какъ всѣ враги наши стали мягче. Коптевъ объявилъ, что всегда съ нами сочувствовалъ, а нѣкоторые приняли видъ людей готовыхъ итти на мученичество за свои убѣжденія".

„Я и меньшинство составили проектъ выкупа посредствомъ мѣстнаго кредитнаго общества [1]). У насъ теперь подписей 40. На много больше не надѣюсь. По окончаніи выборовъ ѣду въ Москву и, быть можетъ, въ Питеръ. Кстати, гдѣ статья объ освобожденіи австрійскихъ крестьянъ, нѣмецкая, что я привезъ Вамъ изъ чужихъ краевъ? Великая княгиня требуетъ ее отъ меня, и, слѣдовательно, она мнѣ необходима; пожалуйста, доставьте ее въ Москву [2]).

[1]) Кн. Черкасскій, какъ увидимъ, придавалъ большое значеніе составленному имъ проекту Вольнаго Тульскаго земельнаго кредитнаго общества. Цѣль его была: 1) доставить крестьянамъ возможность, съ помощью открываемаго кредита, пріобрѣсти отъ своихъ помѣщиковъ нужное для нихъ обезпеченья количество земли и 2) доставить возможность каждому помѣщику получить немедленное и достаточное вознагражденіе за уступаемую крестьянамъ землю. Какъ указываетъ самое названіе, вступленіе въ общество предполагалось необязательнымъ ни для помѣщика, ни для крестьянъ и обусловливалось взаимнымъ добровольнымъ соглашеніемъ. Помѣщикъ могъ вступить въ соглашеніе не со всѣми принадлежащими ему деревнями, а по желанію съ одной или нѣсколькими, но дробить одну и ту же деревню, такъ чтобы одна часть приняла ссуду, другая нѣтъ — воспрещалось. Въ кредитное общество не принимаются лишь крестьянскія общества, состоящія менѣе чѣмъ изъ 21 души мужескаго пола, и крестьянскія общества, получившія отъ помѣщика въ надѣлъ менѣе 1 дес. или болѣе $2^1/_2$ дес. на каждую ревизскую душу. $4^1/_2$% закладные листы (въ 1000 руб., 500 руб. и 100 руб.) предполагалось выпустить съ купонами, срокомъ на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы % %, обезпеченные правительствомъ выплачивались въ 2 срока (іюль и январь). Крестьяне, получившіе ссуду, обязаны были вносить ежегодно въ правленіе общества 6% со всей ссуженной суммы (пополамъ въ 2 срока: отъ 10—20-го декабря и 10—20-го марта). Все, что не внесется къ этимъ срокамъ, считается въ недоимкѣ. До полной уплаты долга крестьяне носятъ названіе *земскихъ срочно-обязанныхъ*, а по уплатѣ — *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. Часть платежа срочно-обязанныхъ обращается на образованіе запаснаго капитала, для пополненія недоимокъ и пр. Помѣщики, члены общества, получившіе взамѣнъ уступленной ими крестьянамъ земли уплату закладными листами обязывались за себя и за тѣхъ, кому впослѣдствіи будутъ принадлежать оставшіяся въ ихъ владѣніи земли, выплачивать ежегодно (но не долѣе 51 года) съ каждой дес. удобной господской земли подесятинный сборъ въ размѣрѣ установленномъ по оцѣнкѣ земли (см. Прилож., № 12); часть сбора тоже поступаетъ въ запасный капиталъ. Для успѣшнаго сбора оброка и недоимокъ съ крестьянъ, правленіе общества имѣло право употребить всѣ тѣ мѣры взысканія, которыя допускались закономъ въ государств. имущ., но земскіе срочно-обязанные крестьяне ни подъ какимъ видомъ не могли быть обращены на барщину.

[2]) Бар. Раденъ писала княгинѣ Екатеринѣ Алекс.:... „je ne puis que très aconiquement vous communiquer le vif désir de S. A. I. de vous avoir à Petersbourg ainsi que votre mari, sitôt que le comité de Toula aura terminé ses

„Прощайте, будьте здоровы, Христосъ съ Вами. Душевно преданный Кн. *В. Ч.* Дружескій поклонъ Самарину".

А. И. Кошелевъ — Кн. Черкасскому. Рязань, *17 декабря, 1858 г.*

„Пишу къ Вамъ только два слова, дражайшій князь, не хочу пропустить почты. Отъ Васъ нѣтъ писемъ: что это значитъ? У насъ пока смирно. Вчера выбирали членовъ редакціонной коммиссіи. Наши противники выбрали своихъ троихъ и Самарина, который отъ этой чести откажется, вѣроятно, завтра же, и тогда нашъ кандидатъ тоже откажется, и коммиссія будетъ состоять цѣликомъ изъ нашихъ противниковъ. Я очень доволенъ этимъ результатомъ. Въ комитетѣ по мнѣніямъ мы рѣшительно большинства не имѣемъ; а могли имѣть большинство по выбору въ коммиссію, а тогда что̀ было бы? Коммиссія предлагала бы свою редакцію, а комитетъ ее бы забалотировывалъ. Слѣдовательно, шагъ впередъ и шагъ назадъ. Теперь ясно, что мы должны составить свой отдѣльный проектъ, что̀ всего лучше.

„Нашъ комитетъ на двѣ недѣли разъѣзжается, и я 22-го декабря ѣду въ Москву, гдѣ пробуду до 4-го января. Когда Вы будете въ Москву? Очень желаю Васъ видѣть. Юрій Самаринъ также будетъ въ Москвѣ. Прощайте. *А. Кошелевъ*".

Тѣмъ временемъ вышелъ въ свѣтъ 11-й № „Сельскаго Благоустройства" съ объясненіемъ кн. Черкасскаго. Аксаковъ радостно извѣщалъ князя (понедѣльникъ, *18 декабря 1858 г.*):

„Любезнѣйшій князь! Ваше объясненіе имѣетъ, кажется, успѣхъ огромный. Всѣ други и недруги въ восторгѣ. И надо Вамъ отдать справедливость, — это мастерское произведеніе. Вы умѣли соблюсти такую мѣру, сознаться въ ошибкѣ съ такимъ достоинствомъ, что рѣшительно вновь завоевали въ свою пользу общественное мнѣніе и являетесь совершенно убѣленнымъ. Вслѣдствіе чего Вамъ необходимо теперь дать статью. Теперь каждое Ваше слово попадетъ въ цѣль и принесетъ плоды. Очень мнѣ жаль, что статья о восточномъ вопросѣ помѣщена такъ не во̀-время и прошла мало замѣченною. Вамъ необходимо было бы теперь, для довершенія завоеванія, дать статью хоть въ полъ-листа въ первую кн. „Бесѣды". Вѣдь у Васъ тамъ что-то готово — объ англиканской церкви

---

affaires... Le Prince a-t-il encore besoin du travail sur le rachat en Autriche? M-me la G. D. voudrait bien le savoir"...

(помните, я посылалъ Вамъ отчеты Св. Синода). Насчетъ „Паруса“ я Васъ уже и не прошу, но 1-я кн. „Бесѣды“ безъ Васъ не мыслима. Куйте желѣзо, пока горячо; эй! пользуйтесь минутой, эй! пришлите статью. Да требуйте отъ Хомякова стиховъ. Обнимаю Васъ. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*.

„Атеней въ восторгѣ и перепечаталъ, самъ отъ себя, Вашу статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но Катковъ бѣсится вообще на 11-й № „Сельскаго Благоустройства“ и, вѣроятно, будетъ бранить и Васъ.

Но кн. Черкасскому было въ ту минуту не до литературныхъ успѣховъ. Дѣла въ Тулѣ начали принимать угрожающій характеръ. Если еще 14-го декабря онъ писалъ Кошелеву, что, кажется, дѣло обойдется смирненько, надежды эти должны были разлетѣться въ прахъ при полученіи слѣдующей записки отъ одного изъ преданныхъ ему друзей, Д. Философова.

„Любезный Черкасскій, — писалъ онъ, — у меня былъ сейчасъ Елагинъ и говоритъ, что поднимается вопросъ о преданіи тебя суду дворянъ. Я буду стараться и надѣюсь успѣть склонить Богородицкій уѣздъ не брать шаровъ, въ случаѣ такого дѣла, но объ этомъ теперь хлопотать не могу: надо подождать понедѣльникъ и посмотрѣть, что-то будетъ. Сегодня же съѣздъ богородицкихъ дворянъ у Менгдена, и я хочу предварительно, на всякій случай, представить имъ всю чистоту твоихъ намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ то, что ты ничего не позволялъ себѣ въ рѣчахъ комитетскихъ оскорбительнаго для дворянъ, поэтому пришли мнѣ еще нѣсколько экземпляровъ твоей рѣчи 2-го декабря, дабы они могли судить по ней о твоихъ неоскорбительныхъ выраженіяхъ. Въ случаѣ чего-нибудь непріятнаго я буду за тебя стоять почти до послѣдней капли крови. До свиданія. *Д. Философовъ*“.

Хотя друзьямъ князя, какъ увидимъ, удалось славно отстоять его, но отразить готовившуюся бурю было уже не въ ихъ власти [1]). Боясь, чтобы чрезмѣрныя волненія не отозвались

---

[1]) Очевидно, въ надеждѣ предупредить готовившуюся исторію, „меньшинство“ пустило въ ходъ слѣдующее заявленіе, сохранившееся въ подлинномъ видѣ въ архивѣ кн. Черкасскаго, № 30:

„По случаю возникшаго предложенія подвергнуть обсужденію дворянскаго собранія поступокъ почтеннаго нашего товарища по комитету, кн. В. А. Черкасскаго, будто бы сдѣлавшаго комитету предложеніе оскорбительное для всего дворянства, мы, нижеподписавшіеся члены комитета, во-первыхъ, свидѣ-

вредно на здоровье кн. Екатерины Алексѣевны, князь заблаговременно убѣдилъ ея уѣхать на время выборовъ къ ея сестрѣ гр. Барановой въ Тверь, куда и писалъ ей уже по умиротвореніи всѣхъ смутъ *19-го декабря 1858 г.:*

„Любезный и добрый мой другъ Каточекъ! Наконецъ-то могу къ тебѣ писать и для большей скорости посылаю къ тебѣ письмо съ эстафетой. Могу писать потому, что сейчасъ объявлено, что приступаютъ къ уѣзднымъ выборамъ, и предложеній больше никакихъ не принимаются, слѣдовательно, я уже оставленъ въ покоѣ. Всѣ эти дни (т.-е. пять дней къ ряду) были бури страшныя, и я, признаюсь, дня два думалъ, что дѣло пойдетъ плохо, и что если меня и не исключатъ изъ собранія постановленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, больше половины голосовъ будетъ противъ меня. На губернскій столъ было подано сперва пять предложеній противъ меня и Аксакова [1]), и два Крюковымъ — противъ моихъ дѣйствій въ комитетѣ. Все это за 140 подписями. Но наша сторона дѣйствовала съ ожесточенною энергіею; былъ шумъ и гвалтъ неописанный; шесть уѣздовъ объявили, что не хотятъ допускать чтенія этихъ бумагъ; а когда это чтеніе началось, то изъ нихъ два — нашъ и Епифанскій и даже большая часть Богородицкаго, вышли изъ залы, и еще всѣ шесть объявили что не возьмутъ шаровъ на баллотировку этихъ бумагъ Затѣмъ было подано еще нѣсколько бумагъ противъ меня а заготовлено, но не подано еще болѣе: между прочимъ, подана одна за подписью 90 человѣкъ, чтобы просить будущаго губернскаго предводителя ходатайствовать объ удаленіи меня

тельствуемъ, что во все продолженіе комитетскихъ засѣданій кн. В. А. Черкасскій никакихъ оскорбительныхъ для дворянства предложеній не дѣлалъ и что если бы подобное предложеніе было сдѣлано кѣмъ-либо изъ нашихъ членовъ, мы сочли бы своею непремѣнною обязанностью немедленно протестовать, какъ лично отъ себя, такъ и отъ имени избравшаго насъ дворянства.

„Во-вторыхъ, объявляемъ, что нынѣ сдѣланное дворянству предложеніе убѣждаетъ насъ, что при отсутствіи, отвергнутой большинствомъ комитета, публичности комитетскихъ засѣданій, мы, какъ члены комитета, лишены всякой гарантіи и всякаго ручательства въ томъ, что мнѣнія, излагаемыя нами въ комитетѣ, достигнутъ дворянства въ томъ самомъ смыслѣ и разумѣ, какъ были нами высказаны". Слѣд. подписи: Б. И. Черкасовъ, Николай Елагинъ, Михаилъ Тихменевъ, И. Пушкинъ, Михаилъ Бибиковъ, баронъ Менгденъ, Левъ Карбоньеръ, Андрей Ушаковъ, Петръ Самаринъ.

[1]) Прилож. № 13 (а).

за строптивость характера изъ комитета. Эта бумага уже не была принята предводителями. По бумагѣ объ Аксаковѣ губ. предводитель предлагалъ мнѣ, пришедши въ нашъ уѣздъ, желаю ли ее прочесть. Я объявилъ, что мой уѣздъ отказался ее слушать, а потому и я не желаю и не могу ее ни слушать, ни читать; и что ни на что не стану отвѣчать, кромѣ вопросовъ губернскаго предводителя, и то только въ томъ случаѣ, когда бумага объ Аксаковѣ будетъ взята назадъ или возвращена, а что подъ вліяніемъ угрозы — никому ни слова. На этомъ я и сталъ и къ губернскому столу не пошелъ; а меня наши шесть уѣздовъ отстояли молодцами. Наконецъ, вчера, Н... явился и прочелъ противъ меня филиппику за распространеніе моего литографированнаго мнѣнія... Но чтеніе его было прервано: на него напали страшно, и онъ улепетнулъ по добру по здорову изъ залы въ сопровожденіи смѣха и нелѣпостей[1]). Наконецъ, сегодня братъ Евгеній выбранъ въ уѣздные предводители 50-ью шарами противъ одного, а меня — въ кандидаты 46-ью противъ 5-ти. Такъ что все дѣло кончилось, и я, который сидѣлъ до сихъ поръ смирно въ уѣздѣ, пошелъ теперь вмѣшиваться опять во всѣ дѣла къ досадѣ Чернскаго и Крапивенскаго уѣзда. Епифанскій уѣздъ выбралъ Бибикова; Богородицкій — гр. Татищева, а Менгдена кандидатомъ; въ Новосилѣ — Сухотина, несмотря на всѣ интриги Г...; Бѣлевскій — барона Черкасова, а Елагинъ кандидатомъ. Вчера я давалъ большой обѣдъ Веневскому уѣзду, а сегодня уѣздъ даетъ обѣдъ брату. Мнѣ даютъ также на дняхъ большой обѣдъ лица разныхъ уѣздовъ... Вотъ тебѣ, душа моя, краткій перечень нашихъ дѣйствій. Все обошлось очень хорошо, какъ ты видишь, и мы рубили враговъ на голову. Не пишу болѣе потому, что некогда..." (Письмо это сохранилось въ копіи кн. Черкасской въ арх. № 30).

Въ дополненіе къ этому письму, заимствуемъ нѣкоторыя подробности изъ протоколовъ тульскаго дворянскаго собранія[2]).

15-го декабря, передъ закрытіемъ собранія было подано 7 предложеній: 5 изъ нихъ касались комитетскихъ занятій, а 2, поданныя Мининымъ и Крюковымъ, выражали неудо-

---

[1]) См. Изъ „воспоминаній Е. И. Раевской" („Русскій Арх." 1896 г., № 2, стр. 229).

[2]) Въ арх. князя Черкасскаго, № 30 имѣются протоколы отъ 16-го, 17-го, 18-го и 22-го декабря.

вольствіе дворянъ противъ кн. Черкасскаго (см. прилож. № 13) за то, что онъ не возразилъ офиціально на статью Аксакова, упоминающую „о какой-то борьбѣ, которую князю приходится вести съ невѣжествомъ и корыстью". Вслѣдъ за предъявленіемъ этихъ предложеній въ залѣ поднялось такое волненіе и шумъ, что предсѣдатель долженъ былъ закрыть собраніе и на слѣдующій день, 16-го декабря, заявилъ, что, отклонивъ 5 предложеній, согласно съ предписаніемъ не допускать въ собраніи сужденія о комитетскихъ занятіяхъ, онъ предлагаетъ на баллотировку вопросъ. угодно ли будетъ гг. дворянамъ офиціально выслушать остальныя два мнѣнія, или нѣтъ? И затѣмъ предложилъ кн. Черкасскому ознакомиться съ содержаніемъ ихъ, на что князь возразилъ:

„Такъ какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что три уѣзда, въ томъ числѣ и тотъ, къ которому я и самъ имѣю честь принадлежать, выразили письменно свое твердое убѣжденіе, что чтеніе сихъ бумагъ въ залѣ собранія не можетъ быть допущено, то я и себя считаю связаннымъ этимъ, по моему мнѣнію, вполнѣ справедливымъ постановленіемъ и не полагаю даже себя въ правѣ, ни офиціально, ни полуофиціально ихъ читать или слушать; 2) что, съ своей стороны, я всегда радъ буду отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ благородному дворянскому сословію, даже и въ тѣхъ, которыя могли происходить въ средѣ комитета, ибо хотя я назначенъ членомъ отъ правительства, но считаю себя всегда отвѣтственнымъ предъ тѣмъ сословіемъ, къ которому имѣю честь принадлежать; 3) но что никогда не позволю себѣ входить ни въ какія объясненія, подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было угрозъ, и только тогда буду отвѣчать на просьбы, когда бумаги, которыхъ мой уѣздъ не желаетъ слушать, будутъ взяты назадъ; 4) если же лица, ихъ подавшія, возьмутъ ихъ назадъ, тогда на всякій вопросъ, сообщенный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, почту себя отвѣчать обязаннымъ по долгу совѣсти, какъ дворянинъ и исполню это съ особеннымъ удовольствіемъ. Слова мои ваше превосходительство благоволите велѣть внести въ протоколъ".

Баллотировка вопроса по уѣздамъ дала слѣдующій результатъ: 6 уѣздовъ (Тульскій, Алексинскій, Каширскій, Чернскій, Крапивенскій и Одоевскій) высказались за прочтеніе и 6 уѣздовъ (Ефремовскій, Новосильскій, Бѣлевскій, Веневскій, Епифанскій и Богородицкій) — противъ. Въ недо-

умѣніи, какъ поступить, Арсеньевъ пригласилъ къ губернскому столу губернскаго прокурора и просилъ его высказать свое мнѣніе: можетъ ли быть отвергнуто властью губернскаго предводителя или нѣтъ, предложеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ гг. дворянъ, заключающее въ себѣ обвиненіе присутствующаго въ залѣ дворянина", и послѣ отвѣта прокурора, что „прямыхъ, запрещающихъ это дѣйствіе законовъ не имѣется", рѣшено было, что предложенное мнѣніе будетъ прочтено. „Вслѣдъ за симъ", гласитъ протоколъ, „Веневскій, за исключеніемъ нѣсколькихъ гг. дворянъ, и Епифанскій уѣзды вышли изъ залы засѣданій собранія, послѣ чего и было прочтено офиціально помянутое мнѣніе". На слѣдующій день, *17-го декабря*, Веневскій предводитель, кн. Е. А. Черкасскій, и Епифанскій — И. А. Раевскій, въ дополненіе къ прочитанному протоколу отъ 16-го, представили слѣдующее:

„Такъ какъ въ собраніи дворянства былъ поднятъ вопросъ о г. Аксаковѣ, который не есть тульскій дворянинъ и поэтому не подсудимъ тульскому дворянству. Такъ какъ единственное участіе кн. Черкасскаго въ поднятомъ дѣлѣ состоитъ въ отсутствіи всякаго въ оном участія. Такъ какъ вслѣдствіе поднятія вышеупомянутаго дѣла и другихъ вопросовъ, касающихся до комитета, объ улучшеніи крестьянскаго быта, въ предшествующемъ засѣданіи 15-го декабря уже были возбуждены чрезвычайный шумъ и волненіе. Такъ какъ самимъ губернскимъ предводителемъ было намъ заявлено отношеніе г. начальника губерніи, напоминающее предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ о неперенесеніи комитетскихъ дѣлъ на разсмотрѣніе дворянскаго собранія; такъ какъ по распоряженію самого губернскаго предводителя все дѣло было разсмотрѣно въ уѣздахъ, и 6 уѣздами изъ 12 было постановлено не подвергать этихъ бумагъ публичному чтенію, и, наконецъ, на основаніи статей 128, 135 и 138 IX тома Свода Законовъ (изд. 1857 г.) и не желая подвергать ни себя, ни всего благороднаго дворянства установленному за противозаконныя дѣйствія собранія ст. 135 штрафу и отвѣтственности,—мы, нижеподписавшіеся, при объявленіи г. губернскимъ предводителемъ разсмотрѣнія вновь этого дѣла и постановленія о немъ рѣшенія баллотировкою, сочли своею непремѣнною обязанностью выйти изъ залы собранія со всѣми тѣми изъ гг. дворянъ нашихъ уѣздовъ, которые пожелали за нами послѣдовать, дабы избѣжать повторенія вновь того же шума и волненія, какіе

происходили въ засѣданіи 15-го числа по поводу тѣхъ же самыхъ вопросовъ, а потому о всемъ томъ, что послѣдовало въ собраніи дворянства по оставленіи нами зала собранія, послѣдовавшемъ въ 3 часа пополудни, намъ неизвѣстно. Все вышеупомянутое представляемъ для внесенія въ протоколъ засѣданія 16-го декабря".

По прочтеніи этого заявленія, предводители противной партіи потребовали, чтобы и съ ихъ стороны внесено было въ протоколъ о безпорядкахъ 15-го декабря. На это Арсеньевъ возразилъ, что закрылъ собраніе въ тотъ день вовсе не изъ-за шума и волненія, а изъ-за поздняго часа. А такъ какъ причиной всѣхъ смутъ является литературная статья Аксакова, то

„если угодно будетъ дворянству, онъ, господинъ губернскій предводитель, все это дѣло, со всѣми его подробностями, подвергнетъ благоусмотрѣнію и правому суду Государя[1]); затѣмъ проситъ дворянство со свойственнымъ ему и всегдашнимъ хладнокровіемъ продолжать начатыя дѣйствія".

Послѣ чего и было приступлено къ очереднымъ дѣламъ. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Передъ самымъ закрытіемъ собранія В. А. Поровъ обратилъ вниманіе губернскаго предводителя на то, что по рукамъ ходитъ литографированная статья, осуждающая дѣйствія большинства членовъ тульскаго комитета, о чемъ онъ просилъ записать въ журналъ. Повидимому, въ то же время Арсеньеву была представлена бумага о томъ, чтобы просить будущаго губернскаго предводителя ходатайствовать объ удаленіи кн. Черкасскаго изъ комитета.

Въ воспоминаніяхъ Е. И. Раевской („Русскій Архивъ" 1896 г., № 2, стр. 228) читаемъ:

---

[1]) Въ арх. кн. Черкасскаго № 30 находится всеподданнѣйшее прошеніе 66 дворянъ Тульской губерніи, изъ котораго видно, что дѣлу не было дано офиціальнаго хода. Дворяне приносятъ здѣсь жалобу не только на дѣйствія кн. Черкасскаго, но и губернскаго предводителя, губернатора и даже министра внутреннихъ дѣлъ. Повидимому, кромѣ этого прошенія, было пущено въ ходъ и другое, судя по запискѣ Н. Елагина (въ арх. № 30), который пишетъ кн. Черкасскому, что посылаетъ ему „тульскую просьбу 180 дворянъ о томъ, чтобы Ив. Аксакова отдать подъ судъ, чему смѣются въ Петербургѣ". (Этого прошенія въ архивѣ кн. Черкасскаго не имѣется.)

„Когда противники кн. Черкасскаго подали свое заявленіе со множествомъ подписей и губернскій предводитель А. отказался принять его, поднялся такой шумъ и гамъ, что А. закрылъ собраніе и удалился. При выходѣ его изъ залы, крѣпостники окружили его, дѣлали ему угрозы. Вслѣдствіе этого потрясенія, г. А. заболѣлъ и болѣе не могъ присутствовать въ собраніи".

Дѣйствительно, въ протоколѣ *18-го декабря* значится, что, по случаю болѣзни А. Н. Арсеньева, мѣсто его заступилъ тульскій уѣздный предводитель В. К. Карновичъ. Засѣданіе началось съ того, что Н... выступилъ съ своей „филиппикой" противъ князя. Изъ протокола видно, что онъ самъ сталъ читать свое прошеніе, но содержанія его „почти никто изъ гг. дворянъ не могъ разслушать по причинѣ чрезвычайно тихаго г. Н... чтенія", почему дворянство обратилось къ предсѣдателю съ просьбой прочесть его вторично во всеуслышаніе. Но лишь только секретаремъ дворянства была прочтена начальная фраза и обнаружилось, что рѣчь здѣсь болѣе или менѣе касается занятій комитета, какъ, на основаніи предписанія министра, чтеніе было немедленно прекращено. Бар. Менгденъ просилъ внести въ журналъ его протестъ противъ допущенія прочтенія бумаги Н.[1]). Вмѣстѣ съ нимъ протестовали и другіе члены меньшинства, и вслѣдъ за ними 8 предводителей: Каширскій, Веневскій, Епифанскій, Богородицкій, Ефремовскій, Новосильскій, Одоевскій и Бѣлевскій, подали слѣдующее письменное заявленіе:

„Мы, нижеподписавшіеся уѣздные предводители, находя, что прочитанная сейчасъ бумага относится къ дѣйствіямъ комитета и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ законному кругу дѣйствій дворянскаго собранія, просимъ г. исправляющаго должность губернскаго предводителя распорядиться о немедленномъ прекращеніи всякаго о

---

[1]) Тутъ случился курьезный эпизодъ, памятный всѣмъ очевидцамъ дѣла разсказанный въ „Воспоминаніяхъ" Раевской (Русск. арх. 1896 г. № 2) и рисующій, какъ мало еще тогда были знакомы съ азбукой парламентаризма. Среди общей сумятицы и гвалта, бар. Менгденъ долго тщетно взывалъ къ предсѣдателю: „Ваше благородіе, я прошу слóва" — никто его не слыхалъ. „Ваше благородіе, *я требую* слóва", все громче и громче кричалъ онъ. Наконецъ, Карновичъ, разслышавъ, съ сердцемъ отвѣтилъ ему: „Какъ вы хотите, баронъ, чтобы я далъ вамъ *честное* слово, не услыхавъ раньше, въ чемъ дѣло и о чемъ вы меня будете просить?!..."

ней разсужденія, а сіи слова ихъ внесть въ протоколъ засѣданія".

Къ сожалѣнію, въ архивѣ кн. Черкасскаго недостаетъ протоколовъ отъ 19-го и 20-го декабря, но, какъ видно изъ другихъ источниковъ, волненія въ эти дни улеглись, и уѣздные выборы прошли безъ инцидентовъ.

Обѣдъ, о которомъ князь упомянулъ въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, данъ былъ ему по подпискѣ и состоялся 20-го декабря (на квартирѣ у барона Менгдена). Въ немъ участвовало 82 человѣка, т.-е. почти $^1/_3$ всѣхъ собравшихся на выборы дворянъ (ихъ было 280 человѣкъ), при чемъ весь обѣдъ носилъ особый характеръ чествованія князя Черкасскаго, какъ представителя извѣстнаго принципа.

Подробное описаніе этого торжества, съ дословнымъ приведеніемъ всѣхъ сказанныхъ рѣчей, мы имѣемъ въ рукописи, озаглавленной „Извѣстіе изъ Тулы", написанной, повидимому, однимъ изъ близкихъ друзей кн. Черкасскаго[1]), для опроверженія невѣрныхъ слуховъ, ходившихъ по Москвѣ, о тульскихъ событіяхъ.

„Едва пріѣхавши изъ Тулы въ Москву, — пишетъ неизвѣстный авторъ, — я узнаю, что въ здѣшнихъ кружкахъ носятся разные слухи о нападеніяхъ, которымъ подвергся въ залѣ тульскаго дворянскаго собранія членъ комитета, князь Черкасскій. Не трудно понять, почему охотно говоря о нападеніяхъ, направленныхъ противъ кн. Черкасскаго, вообще умалчиваютъ о сильной поддержкѣ, найденной имъ въ той же залѣ дворянскаго собранія. Кн. Черкасскій, какъ ревностный поборникъ эмансипаціи, едва ли могъ разсчитывать на сочувствіе большинства, гдѣ бы то ни было; едва ли даже могъ онъ надѣяться на то, что за него вступится цѣлая треть залы тульскаго дворянскаго собранія и что за этой третью останется рѣшительная побѣда, давшаяся на этотъ разъ не численному превосходству, а строгому чувству законности и разумному сознанію неотразимыхъ потребностей времени. Такая поддержка была, однако, оказана кн. Чер-

---

[1]) На рукописи надпись: „С", *27-го декабря* (въ арх. № 30 и № 10).

касскому, и въ ней именно мы видимъ свѣтлую сторону событій, ознаменовавшихъ тульскіе выборы. Казалось бы, что по самой сущности обвиненій, взводимыхъ на кн. Черкасскаго, меньшинству не трудно было съ ними справиться; казалось бы, что не могутъ подлежать никакому обсужденію вопросы въ родѣ слѣдующихъ: должна ли пасть на кн. Черкасскаго отвѣтственность за выраженія статьи, написанной не имъ? Должна ли быть предоставлена кн. Черкасскому, наравнѣ съ прочими членами комитета, полная свобода мнѣній по крестьянскому вопросу? Тѣмъ не менѣе, эти вопросы были возбуждены, обратились на цѣлыхъ четыре засѣданія въ предметы жаркихъ споровъ и шумныхъ преній и вызвали открытый протестъ шести уѣздовъ противъ шести остальныхъ. Наконецъ, въ засѣданіи 19-го декабря было рѣшено, что дворянское собраніе, оставляя безъ вниманія всѣ претензіи, высказанныя противъ кн. Черкасскаго, переходитъ къ очереднымъ своимъ занятіямъ; 20-го декабря кн. Черкасскому данъ былъ обѣдъ по подпискѣ".

Указывая на то, что количество подписчиковъ „снабжаетъ насъ любопытнымъ матеріаломъ для нравственной статистики тульскаго дворянскаго собранія", авторъ переходитъ къ описанію подробностей, устроенной князю Черкасскому встрѣчи и всего празднества. Не станемъ приводить здѣсь дословно всѣхъ привѣтствій, тостовъ и рѣчей, которые сопровождались криками „ура" и тушами оркестра, но выберемъ, однакожъ, изъ числа ихъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя и значительныя.

Прежде всего, при звукахъ академическаго гимна *Gaudeamus igitur*, вокругъ князя столпились, участвовавшіе въ праздникѣ его университетскіе товарищи и старшій изъ нихъ А. В. Новосильцевъ сказалъ:

„Первое привѣтствіе вамъ, князь, отъ вашихъ университетскихъ товарищей! Московскій университетъ, какъ главный разсадникъ гуманныхъ идей въ нашемъ отечествѣ, въ правѣ гордиться тѣми изъ своихъ воспитанниковъ, которые какъ вы, посвящаютъ свои силы честному и человѣколюбивому дѣлу. Сегодня мы празднуемъ ваше личное торжество, но готовимся здѣсь же со временемъ отпраздновать торжество ввѣреннаго вамъ дѣла; мы убѣждены, что вы до конца пребудете неутомимымъ и безкорыстнымъ труженикомъ на по-

прищѣ сословныхъ интересовъ; мы желаемъ, чтобы свободный тульскій крестьянинъ выучился произносить ваше имя съ тою любовью, съ какою угнетенный болгаринъ произноситъ имя другого университетскаго воспитанника, Юрія Венелина[1]).

„Честь Московскому университету!

„Желанный успѣхъ московскому студенту — Владиміру Черкасскому!“

Кн. Черкасскій отвѣчалъ: „Милостивые государи, позвольте мнѣ выразить мою искреннюю признательность за привѣтствіе, мнѣ сдѣланное отъ имени моихъ старыхъ товарищей по Московскому университету. Имя этого университета драгоцѣнно всѣмъ намъ, не только какъ связанное съ ранними воспоминаніями нѣкоторыхъ изъ насъ, но еще, и главнымъ образомъ, какъ имя старшаго и лучшаго разсадника просвѣщенія въ Россіи. Московскому университету, а за нимъ и другимъ университетамъ, значительная часть русскаго дворянства обязана своимъ образованіемъ; а это образованіе, съ своей стороны, должно служить вѣрнѣйшимъ ручательствомъ и обезпеченіемъ законнаго вліянія дворянства и въ будущемъ на общественное у насъ развитіе. Вотъ почему, милостивые государи, я твердо убѣжденъ, что найду сочувствіе въ каждомъ изъ васъ, когда провозглашу тостъ за утвержденіе и развитіе просвѣщенія въ нашемъ любезномъ отечествѣ“.

Въ залѣ раздалось единодушное „ура“.

Затѣмъ говорилъ Н. А. Пушкинъ, веневскій помѣщикъ и членъ комитета отъ лица уѣзда, поручившаго ему выразить князю „свое на дѣлѣ доказанное уваженіе“.

За нимъ поднялъ бокалъ Тихменевъ. „Князь Владиміръ Александровичъ, — сказалъ онъ, — позвольте мнѣ, отъ имени сочувствующихъ вамъ товарищей по комитету, сказать нѣсколько словъ:

„Съ истиннымъ удовольствіемъ видимъ мы просвѣщенное общество, собравшееся въ настоящую минуту вокругъ васъ. Но намъ въ особенности пріятно сознавать, что господъ дво-

---

[1]) *Е. И. Раевская* въ своихъ воспоминаніяхъ („Русск. Арх.“ 1896 г., № 2, стр. 230—231) разсказываетъ, что она во время этого обѣда сидѣла рядомъ, въ гостиной, такъ что могла слышать тосты и рѣчи: „Помню только, что кто-то сравнилъ кн. Черкасскаго съ Юріемъ Венелинымъ“. — „Плохое предзнаменованіе, — сказалъ князь своему сосѣду. — Не хотѣлъ бы я, какъ онъ, умереть въ тюрьмѣ“.

рянъ-помѣщиковъ соединило здѣсь не одно движеніе къ вашимъ личнымъ достоинствамъ, но и сочувствіе тому направленію, которому вы съ такимъ постояннымъ усердіемъ служите и вашимъ просвѣщеннымъ трудамъ. При тостахъ за ваше здоровье, при провозглашеніи вашего имени самъ собою предлагается тостъ, за справедливый и благородный успѣхъ общаго нашего дѣла".—„Общаго *нашего* дѣла, князь!—подтвердилъ бѣлевскій помѣщикъ Бровцынъ;—у насъ съ вами, мы въ томъ увѣрены, одинакіе интересы и одинакія желанія, и мы радуемся тому, что вы, поступивъ въ комитетъ по назначенію правительства, дѣйствуете постоянно заодно съ нѣкоторыми изъ вашихъ товарищей, избранными отъ дворянства".

„Милостивые государи,—отвѣчалъ князь Черкасскій,—мнѣ особенно драгоцѣнно доброе слово товарищей моихъ по крестьянскому комитету, постоянно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оказывавшихъ мнѣ самое дружеское расположеніе и ни разу не отказавшихъ мнѣ въ своей дѣятельной, высокоцѣнимой помощи. Въ средѣ комитета мы всѣ были связаны между собой во имя нѣкоторыхъ общихъ началъ, и я убѣжденъ—всѣ мы до конца останемся имъ вѣрны. Эти начала, милостивые государи, можно выразить такъ: допущеніе возможно большей степени гласности въ дѣлахъ комитета, стремленіе къ дѣйствительному улучшенію быта крестьянъ при введеніи новаго Положенія, наконецъ, изысканіе средствъ къ принятію самимъ правительствомъ дѣйствительнаго и достаточнаго участія въ дѣлѣ вещественнаго вознагражденія дворянства за предстоящія ему, быть можетъ, потери. Во имя этого общаго нашего девиза, позвольте мнѣ, милостивые государи, предложить вамъ тостъ: за успѣшное и своевременное окончаніе нашихъ комитетскихъ занятій!..."

Рѣчи слѣдовали одна за другой. Членъ комитета Н. А. Елагинъ благодарилъ князя за составленіе проекта Кредитнаго Общества, удовлетворительно разрѣшающаго трудный вопросъ о вещественномъ вознагражденіи, на которое имѣетъ право дворянское сословіе. Наконецъ, къ концу обѣда А. С. Хомяковъ сказалъ, поднявъ бокалъ:

„Прежде чѣмъ выпью этотъ бокалъ, я хочу выразить вамъ, князь, мое душевное уваженіе къ тому чувству, которое вами руководило во время преній, бывшихъ въ дворянскомъ собраніи. Постоянно предлагали вы всевозможныя объясненія

дворянству, когда могли говорить съ полною свободою; постоянно отказывали въ нихъ, какъ скоро являлась хоть тѣнь принужденія или угрозы. Этимъ доказывали вы, съ одной стороны, ваше искреннее желаніе согласія и мира, а съ другой — глубокое сознаніе обязанностей, налагаемыхъ на васъ достоинствомъ человѣка и дворянина. Будьте увѣрены, что такой образъ дѣйствій внушаетъ сочувствіе всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ и всѣмъ тѣмъ дворянамъ, которые въ каждомъ дворянинѣ уважаютъ свое собственное достоинство. Пью за здоровье ваше и за всякое благородное побужденіе!...“

Князь Черкасскій отвѣчалъ:

„Позвольте мнѣ поблагодарить васъ всѣхъ, милостивые государи, за ту высокую и не заслуженную честь, которой вамъ угодно было меня удостоить. Не могу приписать ее чему-либо другому, какъ развѣ только совпаденію съ вашими собственными убѣжденіями и мыслями тѣхъ началъ, которые я, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ членовъ комитета и постоянно вмѣстѣ съ ними имѣлъ честь защищать въ средѣ комитета. Случайный представитель передъ вами этихъ началъ, я вашему дружному, нравственному содѣйствію обязанъ счастливымъ исходомъ пройденныхъ мною дней.

„Поэтому, милостивые государи, съ чувствомъ глубокой и искренней благодарности пью за здоровье каждаго изъ васъ и предлагаю тостъ за сильнѣйшее съ каждымъ днемъ скрѣпленіе тѣснаго союза людей, искренно преданныхъ общему дѣлу...“

Шумно и весело кончился обѣдъ. Поблагодаривъ еще разъ все общество, за оказанную ему честь, кн. Черкасскій уѣхалъ и вслѣдъ за нимъ стали разъѣзжаться и участвовавшіе въ праздникѣ; въ залѣ остался только тѣсный кругъ московскихъ студентовъ, къ которому присоединился художникъ А. А. Авдѣевъ. Бокалы подняты были еще разъ „въ честь искусства и литературы! въ честь университетскихъ воспоминаній! въ честь бывшихъ товарищей! въ честь незабвеннаго учителя — Т. Н. Грановскаго!...“

Повидимому, однако, до начала губернскихъ выборовъ была сдѣлана попытка поднять опять исторію, что вновь вызвало протестъ со стороны преданныхъ кн. Черкасскому уѣздовъ.

22-го декабря по прочтеніи протокола отъ 20-го декабря,

„Кн. Вл. Ал. Черкасскій, обратился къ правящему должность Тульск. предв. дворянства и выразилъ ему слѣдующее:

„Только сейчасъ при чтеніи протеста восьми гг. уѣздныхъ предводителей, я узналъ въ первый разъ *официальнымъ образомъ* о существованіи на губернск. столѣ какой-то бумаги, направленной противъ меня гг. Мининымъ и Крюковымъ, и бумаги, прочтенной г. Н.; до сихъ поръ эта бумага не была ни передана на обсужденіе дворянства ни, какъ видно изъ собственныхъ словъ вашего высокоблагородія, возвращена съ подписью подавшимъ ее лицамъ, ни даже не была сообщена мнѣ самому, несмотря на то, что ко мнѣ она относилась ближе, чѣмъ къ кому-либо; мнѣ до сихъ поръ не извѣстно: ни кто ее подалъ, ни кѣмъ она подписана, ни даже что въ ней заключается и какія ею взводятся на меня обвиненія. На замѣчанія вашего высокоблагородія, что дѣло это касается не васъ, но г. губернскаго предводителя, имѣю честь объяснить, что ваше высокоблагородіе, вступивъ въ исправленіе должности его пр—ва, обязаны также властію и несете тѣ же обязанности, какъ самъ губернскій предводитель, и что законъ равно воспрещаетъ и превышеніе и упущеніе власти, ввѣренной должностному лицу. Будучи дѣйствіемъ вашего высокоблагородія поставленъ въ такое странное и исключительное положеніе, я не могу не протестовать передъ лицомъ всего дворянства и всѣхъ прежде бывшихъ и вновь избранныхъ гг. предводителей противъ такого неправильнаго и противозаконнаго хода данному дѣлу, близко касающемуся меня.

„Слова мои, ваше высокоблагородіе, прошу велѣть внести въ протоколъ нынѣшняго засѣданія“.

Кн. Евгеній Черкасскій поддержалъ заявленіе брата, но Карновичъ отвѣчалъ, что „возвратить эту бумагу онъ не можетъ по причинѣ той, что не знаетъ, кѣмъ она подана, уничтожить же также не имѣетъ права, ибо она подписана 103 лицами гг. дворянъ...“, послѣ чего приступлено къ балотированію въ губернскія должности.

Арсеньевъ прислалъ заявленіе, что по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ онъ не желаетъ балотироваться ни въ какую должность; но, повидимому, „меньшинство“, все-таки настаивало на его избраніи. Борьба длилась

2 дня, послѣ чего „большинство“ торжествовало побѣду, проведя своего кандидата В. П. Минина[1]).

ГЛАВА VII.

1859-й годъ.

I. Тульскій комитетъ: приступлено къ 1-й гл. — Самарскій комитетъ: о надѣлѣ. — Рязанскій — переходитъ къ системѣ выкупа. Дѣла въ Тулѣ идутъ по старому; меньшинство подаетъ главу проекта въ видѣ особаго мнѣнія. — Арсеньевъ отказывается предсѣдательствовать. — Въ Рязани: исключеніе 2 членовъ; вопросъ о надѣлѣ, повинностяхъ, оцѣнка усадебъ. — II. Цензурныя стѣсненія. Запрещеніе „Паруса“, статей Черкасскаго; Кошелевъ ѣдетъ въ Петербургъ. — Черкасскій пишетъ Великой Княгинѣ и министрамъ. — Совѣты его Аксакову. — Уступки меньшинству въ вопросѣ о надѣлѣ; разсужденіе о 4-й главѣ; объ усадьбахъ. — Борьба партій въ Петербургѣ. Учрежденіе редакціонной комиссіи. — Новыя цензурныя строгости. — III. Кн. Черкасскій о надѣлѣ, оцѣнкѣ повинностей, о проектѣ большинства; составленіе свода свѣдѣній. — Самаринъ о надѣлѣ, объ обезпеченіи повинностей; составленіе свода свѣдѣній — вся работа на немъ; переутомленіе; возбужденіе противъ него растетъ. — Грустныя мысли объ общемъ положеніи дѣла. — IV. Исторія кн. Черкасскаго съ В. — Отзывы его друзей по этому поводу. — Черкасскаго мучаютъ разногласія въ меньшинствѣ. — Его тактика съ большинствомъ: наступательная война. — Приглашеніе его и Самарина въ члены-эксперты въ Главный Комитетъ. — Кошелевъ оставленъ въ сторонѣ. — Исторія Ю. Ѳ. Самарина въ самарскомъ комитетѣ.

I.

Проведя праздники въ Москвѣ, кн. Черкасскій по возвращеніи въ Тулу писалъ Самарину: *Тула 8 января 1859 г.*

„Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, пишу къ Вамъ уже изъ Тулы два словечка съ просьбою не позабыть мнѣ выслать поскорѣе, оттискъ Вашихъ двухнедѣльныхъ донесеній о комитетскихъ занятіяхъ съ самаго начала ихъ; этимъ Вы меня премного обяжете.

„Я пріѣхалъ въ Тулу и подъѣхалъ прямо въ комитетъ, который былъ уже собранъ и составилъ журналъ объ отсут-

---

[1]) См. „Русскій Арх.“ 1896 г., № 2 „Изъ воспоминаній Е. И. Раевской“. „Всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ желательно было, чтобы остался г-нъ А., честный и хорошій человѣкъ. Онъ, если бы и не сталъ помогать въ борьбѣ съ крѣпостниками, то, по крайней мѣрѣ, не поддерживалъ бы ихъ. Защитники же крѣпостного права настаивали на избраніи В. П. М., своего собрата“. Выборы были шумные. „Кричали, стучали саблями, ломали стулья. Содомъ настоящій. Кончилось тѣмъ, что отложили выборы до завтрашняго дня“ (стр. 231).

ствіи обоихъ членовъ отъ правительства[1]). Мой пріѣздъ заставилъ ихъ, вмѣсто этого, открыть засѣданіе, и мы наконецъ сегодня начали сужденіе о 1-й главѣ — чтеніемъ одного члена большинства, Чижова, своего мнѣнія о необходимости личнаго выкупа. Не знаю, пройдетъ ли это большинствомъ, или нѣтъ[2]).

„Прощайте, — усердно жму Вамъ руку. Кн. *В. Черкасскій*“.

Ю. Ѳ. Самаринъ отвѣчалъ: Самара, *21 января 1859 г.*

„Любезнѣйшій князь, по Вашему требованію посылаю Вамъ печатные отчеты о дѣйствіяхъ нашего комитета. Въ нихъ вошли только статьи, принятыя большинствомъ, и пропущены многія, мною предложенныя, такъ что связнаго цѣлаго не выходитъ.

„Вчера принято: за нормальный надѣлъ землею требовать съ тягла 2-хъ-дневной барщины, т.-е. съ тягла, конныхъ дней два, въ теченіе всего года; женскихъ же дней — зимою съ тягла по 1-ому въ недѣлю. Лѣтніе праздники отрабатываются, зимніе — нѣтъ. Несмотря на всѣ мои усилія, не удалось ни отмѣнить вовсе зимніе наряды женщинъ, ни воспретить отработку лѣтнихъ праздниковъ. Далѣе: положено дать право крестьянамъ переходить на оброкъ, не испрашивая согласія у помѣщика. Оброкъ я предложу въ 22 руб., большинство натянетъ до 25 руб.

„А читали ли Вы циркуляръ, которымъ воспрещается пускать на засѣданія комитета постороннихъ? Каково![3])

„Я занимаюсь теперь провѣркою и окончаніемъ сводовъ свѣдѣній. Работы пропасть. Да поможетъ Вамъ Богъ!

„Подумайте еще разъ о моемъ предложеніи: положить нормальный надѣлъ на тягло и нормальную повинность съ тягла, допустивъ разнообразный составъ тягла (примѣрно, отъ 2½ до 3 душъ), чтобы удержать существующій надѣлъ и въ то же время уравнять повинность съ надѣломъ“.

Просматривая журналы тульскаго комитета отъ 7-го, 8-го, 9-го и 13-го января, видно, что засѣданія проходили въ чтеніяхъ различныхъ циркуляровъ и отношеній, и, кромѣ пренія

---

[1]) По предписанію министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 3 декабря 1858 г. въ отсутствіи обоихъ членовъ отъ правительства, постановленія комитета не состоятельны.

[2]) См. въ *Приложеніи* № 14.

[3]) См. „Сборникъ правительственныхъ распоряженій“, т. I, циркуляръ отъ 5 января 1859 г. (стр. 126).

съ Чижовымъ „о личномъ выкупѣ“, шли препирательства по возникавшимъ и уже рѣшеннымъ вопросамъ, почему въ засѣданіи отъ 14-го января кн. Черкасскій просилъ внести въ журналъ свое замѣчаніе „о безплодной тратѣ времени“, что вызвало горячій протестъ и обвиненіе самого Черкасскаго въ томъ, что онъ своими постоянными возраженіями и особыми мнѣніями тормозитъ дѣло. Несмотря на то, что еще 7-го января предложено было приступить къ обсужденію 1-й главы, къ ней приступлено было лишь 14-го января. Препія, возникшія по первому вопросу: *въ чемъ заключается личное крѣпостное право?* настолько интересны и любопытны, по разнообразію данныхъ опредѣленій, что мы приводимъ ихъ дословно.

Первый отвѣчалъ *кн. Черкасскій*: „Подъ личнымъ крѣпостнымъ правомъ должно разумѣть право на личность и трудъ крестьянина, независимо отъ повинностей, отбываемыхъ крестьяниномъ въ пользу помѣщика въ вознагражденіе за угодія, предоставленныя ему помѣщикомъ въ пользованіе“.

Г. Сѣчинъ: „Обладаніе одного лица другимъ на основаніи государственныхъ законовъ“.

Г. Крюковъ: „1) Право лица имѣть въ своей частной власти и обладаніи другое лицо на основаніи существующихъ законовъ. Согласно со ст. 997 Св. Зак., т. IX. 2) Въ правѣ владѣльца налагать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы по своему произволу, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобъ они не претерпѣвали чрезъ сіе разореніе и чтобы положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ ихъ работъ; 3) въ правѣ продажи, дарепія, равно переселенія крестьянъ противъ воли ихъ въ другія имѣнія и обращенія въ дворовые; 4) въ правѣ расправы владѣльца надъ помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, согласно ст. 1052 Св. Зак., т. IX, и право наказаній согласно ст. 1055 и 1056 св. зак. т. IX и 5) въ правѣ воспрещать браки крѣпостныхъ лицъ по произволу помѣщика“.

Бар. Черкасовъ: „Личное крѣпостное право заключается въ правѣ располагать личностью крѣпостного человѣка, не выходя изъ предѣловъ, положенныхъ законами по этому предмету“.

Г. Волковой: „Право располагать свободно крѣпостными людьми безъ земли составляетъ личное крѣпостное право. Оно основывается

на статьяхъ 404 X т., 1038, 1045, 1048 и 1085 IX т., коими личная зависимость крестьянъ вполнѣ подчиняется помѣщику".

Г. Новосельскій изъяснилъ: „Кн. В. А. Черкасскій опредѣляетъ личное крѣпостное право: правомъ на личность и правомъ на трудъ, и такимъ образомъ два разныя права стремится соединить въ одно, указываемое 1-й главой Высочайше утвержденной программы: „прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и въ актахъ". Слiяніе этихъ двухъ правъ невозможно: во-первыхъ, потому что оно повело бы къ уничтоженію права на трудъ, которое подъ именемъ повинностей крестьянина помѣщику оставляется Высочайше утвержденной программой VI главою; а во-вторыхъ, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя г. тульскаго военнаго губернатора, гдѣ въ 1-мъ пунктѣ указана крестьянамъ обязанность передъ помѣщикомъ: за пользованіе надлежащимъ количествомъ земли, платить оброкъ или отбывать работы. Право на трудъ крестьянина, на основаніи главы VI отдѣленія II программы, даже и независимо отъ надѣленія землею, предоставляется помѣщику въ случаяхъ, когда крестьяне обучены попеченіемъ его для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей. И потому, если, съ одной стороны, на крестьянинѣ остаются обязанности въ повинностяхъ и работахъ къ помѣщику не его согласіемъ, но правительственнымъ указаніемъ опредѣляемыя, то, съ другой стороны, и помѣщикамъ сохраняется право на тѣ повинности, слѣдов., и на трудъ крестьянъ. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ 41-мъ № отношенія къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, между прочимъ, пишетъ :„По утвержденіи новаго Положенія и по введеніи онаго въ дѣйствіе, продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія имѣнія и обращеніе въ дворовые должны быть прекращены". Имѣя въ виду это правило и предположеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, какъ руководство, что должно быть прекращено, я полагалъ бы принять это въ соображеніе при объясненіи личнаго крѣпостного права, присовокупить къ нему указанное законами личное крестьянъ право".

Тогда членъ *Чижовъ* сказалъ: „Личное крѣпостное право, по мнѣнію моему, есть право на лицо, въ томъ числѣ и на трудъ его, поскольку оно превосходитъ то, что давалось помѣщикомъ крестьянину для необходимаго его существованія и лишь бы онъ не разорялся. По прекращенію крѣпостного права будетъ обезпеченъ помѣщику трудъ крестьянина, но ужъ трудъ подлежащій оцѣнкѣ и контролю".

Членъ г. *Новосельскій* отвѣчалъ: „П. А. Чижовъ по мнѣнію своему опредѣляетъ: „личное крѣпостное право на лицо, въ томъ числѣ и

на трудъ его", а по мнѣнію моему, если говорится объ одномъ какомъ-либо правѣ, то въ томъ числѣ нельзя уже полагать право на что-либо другое. Притомъ, прошу позволеніе присовокупить, что опредѣленіе права должно исходить не изъ собственныхъ нашихъ мнѣній, но изъ указаній правительственныхъ, законныхъ, это лишь одно не поведетъ насъ къ произвольному объясненію юридическихъ терминовъ и вслѣдствіе этого къ разрозненному при рѣшеніи вопроса желанію. Продолжая объясненія своего мнѣнія, П. А. Чижовъ говоритъ: „по прекращеніи крѣпостного права будетъ обезпеченъ помѣщику трудъ крестьянина, но уже трудъ, подлежащій оцѣнкѣ и контролю". Но какъ и здѣсь не обратиться къ объясненію, основанному на законѣ: во-первыхъ, крѣпостное право есть законное укрѣпленіе недвижимой собственности пріобрѣтателю (420 ст., прим. 1 т. X ч. 1-я) и потому, если принять прекращеніе крѣпостного права безъ прибавленія личнаго, (оно) не будетъ согласно даже и съ желаніемъ П. А Чижова. Не могу кстати не замѣтить, что трудъ крестьянина даже и крѣпостного подлежалъ оцѣнкѣ и контролю законнымъ, — иначе, вмѣсто права былъ бы произволъ, а его-то не допускаютъ законы, въ которыхъ опредѣляются права по обладанію крѣпостными людьми, а не произволы".

На это г. *Чижовъ* сказалъ, что два права могутъ быть не раздѣльны, если одно вытекаетъ изъ другого, что̀ и есть въ настоящемъ случаѣ, именно: что личная повинность крестьянъ, или ихъ безвозмездный трудъ, есть слѣдствіе обладанія всѣмъ крѣпостнымъ лицомъ; наконецъ, что прекращеніе личнаго крѣпостного права не имѣетъ никакого отношенія къ крѣпостному праву дворянства на поземельную собственность.

А. И. Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому: Рязань, *21 января 1859 г.*

„Что̀ подѣлываете, дражайшій князь? Какъ идутъ дѣла у Васъ? У насъ тихо и смирно. Отвѣта изъ Петербурга еще нѣтъ. Губернаторъ нашъ теперь тамъ. У насъ вопросы разрѣшаются быстрѣе, но путаница страшная и въ нашихъ постановленіяхъ, чортъ ноги себѣ переломаетъ.

„Офросимовъ, съ возвращенія изъ Москвы, просто либеральничаетъ, и часто я съ нимъ соглашаюсь. Иногда даже онъ предлагаетъ такія либеральности, что мы съ нимъ остаемся въ меньшинствѣ. Просто — забавно! Нашъ комитетъ перехо-

дитъ совершенно къ системѣ выкупа, и даже пишется такой проектъ, который долженъ быть внесенъ въ комитетъ.

„Самаринъ возвратился, но здѣсь опять былъ боленъ. Теперь поправляется и завтра долженъ быть въ засѣданіи.

„Что̀ статья Ваша о мировыхъ судьяхъ? Присылайте ее. Прощайте! Вамъ душевно преданный".

Кн. Черкасскій отвѣчалъ Кошелеву: Тула, *25 января, 1859 г.*

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Письмо Ваше отъ 21-го января я получилъ и спѣшу отвѣчать; но прежде попеняю Вамъ, что Вы забыли мнѣ прислать копію съ тѣхъ положеній будущаго устройства полиціи уѣздной и мировыхъ судей, которыя мы выписали у Самарина, помните — изъ печатнаго экземпляра, привезеннаго однимъ молодымъ сановникомъ[1]). Мнѣ эта выписка очень нужна, именно для статьи о мирныхъ судьяхъ, которую Вы получите, но долженъ Вамъ сказать, не прежде какъ для 3-й книжки[2]). Это время я былъ очень занятъ: писалъ статейку для 4-го № „Паруса", которая, вѣроятно, не увидитъ свѣта, и длинную объяснительную записку къ проекту кредитнаго общества, которая мнѣ кажется удачна, но очень можетъ возбудить сильныя на меня нападенія, но Вы не очень пугайтесь этого заранѣе; я весьма любопытенъ знать, когда Вы прочтете — догадаетесь ли Вы объ чемъ именно говорю; ибо если бъ случилось нападеніе, то это было бы презабавно. Я отправилъ ее въ Москву съ нарочнымъ три дня тому назадъ, и, такъ какъ Аксакова нѣтъ въ Москвѣ, то отправилъ къ Елагину В. А., съ тѣмъ, чтобы послѣдній отдалъ въ контору „Бесѣды", для немедленнаго напечатанія въ 1-мъ № „Благоустройства".

„У насъ въ комитетѣ идетъ такъ скверно, какъ нельзя хуже. При трехъ засѣданіяхъ въ недѣлю, мы еще ровно ничего не сдѣлали. Первая глава еще не окончена. Скажу болѣе:

---

[1]) Съ этимъ „положеніемъ" князь ознакомился во время своего пребыванія на праздникахъ въ Москвѣ: — „Любезнѣйшій А. И. и кн. В. Ал—чъ", писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ коротенькой запискѣ (безъ числа), „я получилъ на нынѣшній вечеръ почти окончательно утвержденное положеніе объ уѣздномъ управленіи и міровыхъ судьяхъ, подъ секретомъ. Если хотите прочесть, оно будетъ у меня отъ 6 до 9 час. вечера; пріѣзжайте ко мнѣ. Ю. Самаринъ". На этой же запискѣ, карандашомъ, рукою А. И. Кошелева: „готовъ грѣшить и вмѣсто всенощной ѣхать къ Самарину. А вы какъ? Слѣдовательно, я буду у Самарина въ 6 часовъ".

[2]) Въ архивѣ кн. Ч-аго не сохранилось никакихъ слѣдовъ этой статьи.

въ десять засѣданій мы едва-едва ее только начали. Былъ возбужденъ вопросъ о личномъ выкупѣ, по случаю котораго я былъ принужденъ два раза ораторствовать [1]), и, кажется, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ отрицательно. Но право — стыдно тратить столько усилій на такую чепуху. Зато на дняхъ разговорились опять о невыгодахъ ограниченія продажи на свозъ, и я имъ сталъ дѣлать расчетъ о томъ, что стоитъ человѣческое *мясо* такъ цинически, что они пришли въ негодованіе; Мининъ вполголоса кричалъ своимъ сосѣдямъ: „выгнать его, выгнать!“ [2]) Зато вчера пришло презабавное постановленіе Главнаго крестьянскаго Комитета: во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были выборы, а комитеты еще не кончились, тамъ предсѣдателемъ его быть не новому губернскому предводителю, а старому [3]). Слѣдовательно, Арсеньевъ долженъ опять вступить. Я еще не видалъ его, но я полагаю — онъ радъ донельзя. А Мининъ — ужъ не знаю — какъ проглотитъ эту пилюлю. Я увѣренъ, онъ подумаетъ, что подготовилъ ее ему я, а я въ первый разъ о томъ услышалъ вчера; и хотя и отъ Арсеньева жду не много прока, но лично ужасно радъ за щелчокъ, данный и Минину и его избирателямъ.

„Прощайте, душевно Васъ обнимаю, равно Самарина. На-дняхъ опять къ Вамъ буду писать. Кн. *В. Черкасскій*“.

Кн. Черкасскій — Кошелеву. Тула, *3 февраля 1859 г.*

„Что съ Вами сдѣлалось, дражайшій Александръ Ивановичъ? Отъ Васъ ни слуху ни духу, отъ Ивана Сергѣевича — также. Хочу завтра ему телеграфировать и спросить о судьбахъ 1-го № „Благоустройства“. А Вы совершенно-таки притворились забывшимъ о существованіи меня грѣшнаго въ Тулѣ; по слухамъ только знаю, что у Васъ исключили двухъ членовъ изъ комитета, да и то неизвѣстно собственно за что; здѣсь говорятъ — за фальшивое, будто бы, составленіе журналовъ, но я этому плохо вѣрю. Проснитесь-ка, родимый, да напишите словечко, и все-таки опять повторю: пришлите-ка, не

[1]) Въ засѣданіяхъ 8-го и 14-го января. См. *Приложеніе 14*.

[2]) Этотъ инцидентъ не былъ записанъ въ журналъ комитета. Е. И. Раевская въ своихъ воспоминаніяхъ („Русскій Арх.“ 1896, стр. 235) ошибочно выставляетъ его причиной вызова кн. Черкасскаго на дуэль В. См. ниже письмо кн. Черкасскаго отъ 7-го марта.

[3]) Въ журн. отъ 3-го февраля. Отношеніе губернатора отъ 21-го января.

забудьте, выписку изъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ о мѣстной полиціи.

„У насъ дѣла идутъ плохо. Приступили, наконецъ, къ программѣ, но до сихъ поръ проходятъ только 2-ю главу, и что хуже, такъ это то, что по вопросу о крестьянскомъ надѣлѣ предстоитъ, кажется, рѣшительный расколъ въ меньшинствѣ; самый счастливый шансъ, если я останусь самъ-шёстъ, сдѣлавъ значительныя уступки; всего вѣроятнѣе, что останусь съ Самаринымъ самъ-другъ. Я даже почти увѣренъ въ послѣднемъ. Что Вы объ этомъ скажете? Я дѣлаю что могу для предотвращенія такого результата; но очевидно — всѣ хлопоты будутъ безполезны.

„Въ настоящую минуту большинство еще ужасно сердится на насъ, потому что мы его мучаемъ; письменныхъ возраженій противъ его проектовъ не подаемъ, а только словесныя возраженія; а когда состоится его рѣшеніе — тогда подаемъ вдругъ, въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія, цѣлую главу программы. Сегодня былъ жестокій за это споръ. Вы, вѣроятно, знаете, что у насъ не велѣно новому губ. предводителю предсѣдательствовать въ комитетѣ, а старому или вице-президенту. Арсеньевъ отказался, а большинство комитета хлопочетъ, чтобы комитетъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы Минину было дозволено предсѣдательствовать. Большинство, вѣроятно, рѣшится это сдѣлать, но я запишу въ журналъ, что въ томъ не нахожу нужды[1]).

„Скажите, пожалуйста, какія извѣстія изъ Москвы? Каково окончательно здоровье „Паруса“? И что съ нимъ будетъ? Боюсь, чтобы не сбылся здѣшній слухъ объ удаленіи Ив. Серг. изъ Москвы. Кромѣ личной для него непріятности, не понимаю и того, какъ Вы тогда справитесь съ „Бесѣдою“.[2])

---

[1]) Журн. ком. № 37, 3-го февраля.

[2]) Въ первомъ номерѣ „Паруса“, въ передовой статьѣ, говоря о цензурныхъ условіяхъ, Аксаковъ заявилъ слѣдующее, въ виду своей программы: „Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно?! — изолгались совсѣмъ... Было такое время, когда ни воздуху ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и вѣнчалась офиціальная ложь, одна, владыкою без-

Увѣдомьте также, что Вашъ комитетъ; а если у Васъ будутъ письма отъ Ю. Ѳ. Самарина, то перешлите мнѣ. При семъ посылаю Вамъ кипу старыхъ его писемъ. Васъ душевно обнимаю. Будьте здоровы и не хандрите! „Преданный Вамъ Кн. *В. Черкасскій.*

„P. S. Вѣрно, послѣднее письмо мое Васъ напугало въ литературномъ отношеніи; если такъ, то успокойтесь. Но я увѣренъ, что изъ моей объяснительной записки „Русскій Вѣстникъ" выведетъ заключеніе, что я предлагаю спаивать помѣщичьихъ крестьянъ.

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ кн. Черкасскому: Рязань, *7 февраля 1859 г.*

„Письмо Ваше отъ 3-го февраля я получилъ, дражайшій князь, и не понимаю, куда запропастилось письмо мое, въ которомъ я Васъ увѣдомилъ объ исключеніи двухъ членовъ. Теперь я пишу къ Вамъ третье письмо съ возвращенія изъ Москвы.

„У насъ исключили, по Высочайшему повелѣнію, за исторію, бывшую 20-го декабря, А.... и В.... Перваго — за неуваженіе къ предсѣдателю; а второго — зато, что онъ предложилъ комитету признать жалобу г. А.... уважительною и справедливою. Комитетъ, большинствомъ 12 противъ 8, утвердилъ мнѣніе В.... Очевидно, что къВ.... тутъ только придра-

---

молвнаго простора. Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству настоящее положеніе дѣлъ и его отношенія къ обществу, и въ чемъ замѣчаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ „Парусѣ" съ полной откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, — разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что видно еще не созрѣло перо для безоглядочной правды". Газета была прекращена на 2-мъ листѣ. (См. біографію Кошелева, т. II, стр. 435.)

ись, а собственно исключили его за мою исторію. Его тогда отѣли исключить, но я упросилъ этого не дѣлать. В.... былъ главнымъ дѣятелемъ въ моей исторіи. Теперь мы всѣ подписали просьбу къ Государю и просили милосердія для оварищей нашихъ, заслужившихъ *справедливый* Его гнѣвъ. Меня пришли просить, чтобъ я подписалъ эту просьбу,— и отвѣчалъ, что тѣмъ охотнѣе это сдѣлаю, что знаю, какъ ало онъ противъ меня дѣйствовалъ. Это прошеніе пошло въ Питеръ *черезъ губернатора*.

„Теперь у насъ въ комитетѣ совершенно смирно. Опять ачались пренія, и перестали другъ къ другу привязываться. Надѣлъ положили дрянной:

въ	1-й	полосѣ	1½ д.	съ усадьбою
„	2-й	„	1½ „	кромѣ усадьбы
„	3-й	„	2 „	съ усадьбою
„	4-й	„	3 „	съ усадьбою.

„Этотъ надѣлъ потому особенно дуренъ, что во 2-ю полосу они упрятали полгуберніи; а въ 4-й полосѣ за Окою — тѣ ѣзды, гдѣ земля песчаная и почти ничего не стоитъ; я по-алъ мнѣніе, которое взбѣсило многихъ и я прошу это по-оженіе пересмотрѣть. Я пришлю къ Вамъ оба мнѣнія мои ю надѣлу.

„Съ моимъ надѣломъ согласились только четверо; надѣлъ олемина былъ также забалотированъ тринадцатью противъ осьми; надѣлъ утвержденный предложенъ г. Офросимовымъ.

„Теперь мы путаемся въ повинностяхъ. Почти все забаотировываемъ. Радъ, что одно мое мнѣніе выбалотировано: сякій крестьянинъ имѣетъ право освободиться отъ барщины зносомъ положеннаго оброка; но онъ долженъ только преду-редить помѣщика до 1-го января со взносомъ впередъ одной трети оброка, и тогда съ 1-го апрѣля онъ поступаетъ на оброкъ. Не знаю, какъ это прошло. Дм. Самаринъ было предло-килъ отмѣнить барщину въ за-Окской сторонѣ, гдѣ всего 70 имѣній барщинскихъ; но это мнѣніе было отвергнуто всѣми ленами, кромѣ насъ двоихъ. Вчера всѣ мнѣнія о повинно-стяхъ забалотировывались. Авось, послѣ завтра, мы будемъ счастливѣе.

„Мы просимъ объ отсрочкѣ двухмѣсячной. Губернаторъ возвратился изъ Петербурга и говоритъ, что намъ дадутъ отсрочку только на одинъ мѣсяцъ.

„Любопытно знать, какъ мы кончимъ повинности. Мы убавили надѣлъ въ 1-й, 2-й и 3-й полосѣ по десятинѣ на душу и, пожалуй, назначимъ двухдневную повинность съ тягла. Хорошо улучшеніе быта!

„Предположеніе о полиціи я къ Вамъ отправилъ. Журналовъ нашихъ я къ Вамъ не посылаю, потому что не стоитъ ихъ переписывать. Они страшно огромны и глупы.

„Я пришлю къ Вамъ мою записку, поданную губернатору, объ оцѣнкѣ усадебъ. Намъ объявлено Высочайшее повелѣніе, чтобъ мы не цѣнили крѣпостного труда. Мы съ Самаринымъ поддерживали и поддерживаемъ систему оцѣнки повинностей. Какъ намъ въ затруднительныхъ случаяхъ велѣно испрашивать разрѣшенія у начальника губерніи, то мы подали записку о томъ, какъ цѣнить усадьбу. Губернаторъ отправляетъ ее въ Питеръ. Любопытно, какой будетъ отвѣтъ.

„Парусъ“ окончательно запрещенъ. Аксаковъ цѣлъ. „Бесѣду“ было пріостановили за поэму графа Толстого, но опять разрѣшили. Теперь неизвѣстно выпустятъ ли № 1-й „Благоустройства“, ибо, какъ Вы вѣроятно знаете, изъ Питера пришло страшное предписаніе: *всѣ* статьи по крестьянскому вопросу присылать въ Питеръ. Это состоялось по милости Кокоревской статьи въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ „Милліардъ въ туманѣ“ [1]).

Каково: запрещено намъ литографировать журналы! Это просто нелѣпо.

Изъ Питера вѣсти дурныя: всѣми комитетами недовольны; не хотятъ болѣе составлять въ Петербургѣ комитета изъ членовъ отъ губерній, а предполагаютъ призывать ихъ въ комиссію, которая при Главномъ Комитетѣ — такъ для справокъ и свѣдѣній. Авось до сентября все это еще перемѣнится.

Знаете, что очень смѣшно: наше большинство хотѣло было *все* выходить въ отставку по случаю исключенія В.... и А.... но утро вечера мудренѣе: всѣ остались препокойно въ комитетѣ.

„Это мое письмо съ первою почтою отправьте къ Самарину въ Самару. Ожидаю завтра вѣстей отъ Аксакова. Вдобавокъ

---

[1]) Ст. *Кокорева* „Милліардъ въ туманѣ“ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 8 и 9 января 1859 г. развивала мысль о выкупѣ, которую Кокоревъ высказалъ впервые въ своей рѣчи на знаменитомъ обѣдѣ литераторовъ 28 декабря 1857 г., см. выше стр. 92.

онъ поссорился съ Гиляровымъ, который пишетъ ко мнѣ, что не можетъ цензуровать „Бесѣду“ и „Благоустройство“, пока Аксаковъ ими завѣдуетъ. Охъ, бѣдовый этотъ Ив. Серг. Аксаковъ. Онъ все сгубитъ!

„По Высочайшему повелѣнію, министръ просилъ нашего губернскаго предводителя остаться, но онъ по болѣзни не вступаетъ. Вице-президентъ ведетъ дѣло очень порядочно.

„Мы теперь жестоко работаемъ и на масляницѣ будемъ имѣть три засѣданія“.

II.

7-го февраля кн. Черкасскій получилъ отъ Аксакова слѣдующую депешу: „Цензура не пропускаетъ ни проекта ни записки. „Благоустройство“ сѣло на мель. Нынче съ почтой подробно пишу. Вашъ Аксаковъ“. Въ тотъ же день онъ писалъ:

Москва, 7 февраля 1859 г.

„Чувствую и понимаю, любезнѣйшій князь, все Ваше нетерпѣніе узнать подробности моего дѣла, а также и прочихъ обстоятельствъ, касающихся „Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“. Вѣроятно, Вы даже сѣтуете на меня за мое молчаніе. Все это оттого, что писать пришлось бы очень много, а у меня съ запрещеніемъ „Паруса“ нѣсколько ослабла энергія. Впрочемъ, у меня къ Вамъ начато было большое письмо, но усилившаяся болѣзненность припадковъ моего отца отвлекла меня также отъ дѣла.

„Начну съ того, что ближе къ Вамъ и что требуетъ Вашего дѣятельнаго участія,— съ „Сельскаго Благоустройства“. Оно печаталось себѣ благополучно, нѣсколько запоздало, потому что нѣкоторыя статьи были поздно присланы, но книжку можно было бы, во всякомъ случаѣ, выпустить 30-го или 31-го января. Къ несчастію, корректуры къ цензору попали довольно поздно (кромѣ нѣкоторыхъ): онѣ могли бы быть доставлены недѣлей раньше (и тогда бы все сошло благополучно), но посылка къ Вамъ и къ Кошелеву задержала эту доставку, потому что и Вы и Кошелевъ могли сдѣлать разныя измѣненія и вставки. Какъ бы то ни было, только 28-го января корректуры еще не были всѣ подписаны цензоромъ Гиляровымъ. 28-го января получено и предъявлено цензурному комитету предписаніе министра народнаго просвѣщенія, съ про-

писаніемъ Высочайше утвержденнаго положенія Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, состоявшагося вслѣдствіе статьи Кокорева „Милліардъ въ туманѣ“. Надо Вамъ сказать, что эта статья подняла страшный шумъ въ Петербургѣ. Бутковъ съ компаніей сейчасъ обратились съ запросомъ къ Ковалевскому. По справкѣ оказалось, что эту статью разрѣшилъ напечатать самъ Ланской. Тогда комитетъ написалъ министру, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшаетъ относительно смысла и содержанія, а не относительно *слога* и *выраженій*, и что цензоръ все-таки виноватъ. Вотъ поэтому-то случаю и состоялось рѣшеніе Высочайше утвержденное Главнаго Комитета. Въ немъ сказано, между прочимъ, что статья Кокорева заключаетъ въ себѣ много неумѣстныхъ разсужденій, и потому запрещается ее перепечатывать и даже упоминать объ ней. Но главное заключается въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ Высочайшаго повелѣнія: 1) въ статьяхъ о выкупѣ не допускать постороннихъ разсужденій, 2) какъ статьи о выкупѣ, такъ и вообще *всѣ* статьи по крестьянскому вопросу представлять, **не пропуская,** *непремѣнно* въ Петербургъ на разсмотрѣніе чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, а отъ него *во всѣ прочія* министерства *по принадлежности*, съ тѣмъ однакоже, что одобреніе частныхъ министерскихъ цензуръ не снимаетъ отвѣтственности съ цензора министерства народнаго просвѣщенія. Каково!!... *Въ этотъ же день* вступили въ должность новые цензора Драшусовъ и Наумовъ, а Гиляровъ въ этотъ же день взялъ отпускъ (никого изъ насъ не предупредивъ) и сдалъ свою должность и неподписанныя корректуры Наумову. Взялъ же онъ отпускъ для того, чтобы отдохнуть, чтобы написать свой отчетъ, по порученію министерства, объ евреяхъ (ради чего онъ на казенный счетъ ѣздилъ лѣтомъ 1857 г. за границу) и потому, что у него умиралъ (и умеръ) маленькій ребенокъ. Наумовъ продержалъ у себя корректуру дней пять и не подписалъ, бывъ поставленъ въ совершенное недоумѣніе: онъ вступилъ въ должность въ одно время съ Высочайшимъ повелѣніемъ и потому не имѣлъ даже возможности подписать заднимъ числомъ корректуры... Я обратился опять къ Гилярову съ просьбой прочесть и подписать корректуры заднимъ числомъ. Онъ согласился, хотя и неохотно, и сутокъ черезъ двое прислалъ мнѣ всѣ корректуры, подписанныя заднимъ числомъ, кромѣ проекта

Тульскаго банка и Вашей статьи. Въ запискѣ, при которой онъ прислалъ мнѣ все это, онъ пишетъ, что онъ изнемогъ отъ усталости и домашнихъ обстоятельствъ, что ѣдетъ немедленно къ Троицѣ, и пробудетъ тамъ долго, что статей Вашихъ прочесть не успѣлъ, да онѣ потребовали бы справокъ въ цензурномъ комитетѣ, — можно ли помѣщать подписи, ибо, помнится, за напечатанное съ подписями мнѣніе тульскихъ дворянъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ сдѣланъ цензору выговоръ. Вы знаете Гилярова — какая это больная, капризная натура. Къ тому же онъ труситъ и боится, что за статью Вашу, которая непремѣнно обратитъ на себя вниманіе, достанется ему. Къ тому еще, на этой же недѣлѣ пришла бумага о „Парусѣ“, въ которой, между прочимъ, дѣлается ему, по Высочайшему повелѣнію, строгій выговоръ за пропускъ къ печати статьи въ „Русской Газетѣ“, выражающей сочувствіе „Парусу“. Такимъ образомъ „Сельское Благоустройство“ и сѣло какъ ракъ на мели. Безъ проекта и Вашей записки — этихъ капитальныхъ статей, Кошелевъ не желаетъ выпускать №, а между тѣмъ не даетъ никакого разрѣшенія — что дѣлать.

„Я послалъ ему копію съ министерскаго предписанія, съ тѣмъ, чтобы онъ написалъ въ Петербургъ ко всѣмъ большимъ господамъ о невозможности издавать „Сельское Благоустройство“ при такихъ условіяхъ. Не можете ли Вы, князь, послать со своей стороны Вашу статью въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ее пропустилъ самъ Государь, или что-нибудь въ такомъ родѣ?

„Съ „Бесѣдой“ тоже вышло было несчастіе. За *полчаса* до выпуска — вдругъ письмо отъ министра — поэму Толстого не пропуская, прислать въ Петербургъ; я послалъ, но написалъ письма и телеграфировалъ и на этотъ разъ удачно: черезъ пять дней разрѣшили.

„Разскажу Вамъ исторію „Паруса“ въ краткихъ словахъ: успѣхъ его въ публикѣ огромный. Нѣтъ сомнѣнія, что подписчиковъ и сотрудниковъ было бы множество, и мы притянули бы къ себѣ всѣ молодыя силы или большею частію. Но официальный міръ весь раздраженъ, — особенно Тимашевъ и Долгорукій. Они наговорили Государю, что „Парусъ“ — личное ему оскорбленіе, что я — образецъ черной неблагодарности, что я — вотъ какъ отвѣтилъ на возвращенное мнѣ

право писать, и пр. и пр. Государь раздражился ужасно. Нѣкоторое время шли толки о Вяткѣ и Вологдѣ, о преданіи суду. Кончилось тѣмъ, что отдали все это дѣло на разсмотрѣніе Главнаго Управленія цензуры, которому и велѣно было собраться въ экстренномъ засѣданіи. Къ сожалѣнію, Блудовъ не могъ быть въ засѣданіи, по болѣзни. Главное Управленіе, несмотря на то, что министерство иностранныхъ дѣлъ объявляло себя *противъ запрещенія* „Паруса“ (находя это невыгоднымъ по отношенію къ славянамъ),—рѣшило запретить. Я въ это время былъ въ Петербургѣ, но на другой день послѣ засѣданія уѣхалъ. Журналъ Главнаго Управленія пробылъ у Государя дня три и былъ имъ утвержденъ, а на дняхъ получена и здѣсь бумага, излагающая все это рѣшеніе: четыре статьи названы неблагонамѣренными: двѣ мои передовыя, статья о мѣщанахъ и статья академика Погодина. Про меня сказано, что я употребилъ во зло всемилостивѣйше возвращенное мнѣ право, и потому не заслуживаю довѣрія, какъ издатель, что я предсказываю (во 2-й статьѣ) правительству съ дерзостью неуспѣхъ, возбуждаю къ сопротивленію цензурѣ, и пр. и пр. Про статью Погодина, что она представляетъ „ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и вмѣшательство частнаго лица въ дѣла и распоряженіе правительства.

„Однимъ словомъ, велѣно: 1) газету прекратить; 2) московскому цензурному комитету сдѣлать выговоръ; 3) К.... по недостатку цензурной способности, причислить къ министерству для употребленія въ другой болѣе соотвѣтственной его способностямъ должности; 4) редактору „Русской Газеты“ Полю, который одинъ изъ всѣхъ журналистовъ поспѣшилъ выразить свое полное сочувствіе „Парусу“, сдѣлать строгое предостереженіе, что если и на будущее время газета его будетъ выражать сочувствіе къ направленію неблагонамѣренному, то подвергнется запрещенію, и 5) цензору Гилярову — строгій выговоръ за пропускъ статьи въ „Русской Газетѣ“.

„Теперь я приступаю къ ликвидаціи моихъ дѣлъ и къ возвращенію денегъ подписчикамъ. Прощайте! Обнимаю Васъ. Мой низкій поклонъ княгинѣ. Поклонитесь Елагину.

„Весь Вашъ *И. Аксаковъ*“.

А. И. Кошелевъ — кн. Черкасскому. Рязань, *11 февраля 1859 г.*

„Пишу къ Вамъ только два слова, дражайшій князь. Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, въ силу коего *всѣ* статьи по крестьянскому вопросу *непремѣнно* должны быть отсылаемы на предварительную цензуру чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ и *всѣхъ* министерствъ и главныхъ управленій, до которыхъ *можетъ что-либо* касаться въ статьяхъ, — я завтра ѣду въ Петербургъ на три дня. Если не выхлопочу льготу, то прекращу „Сельское Благоустройство“. Нѣтъ никакой возможности издавать при такомъ порядкѣ вещей. Не хочу закрыть, не постучавши во всѣ двери; а потому ѣду. Пишите ко мнѣ одинъ разъ въ Москву и потомъ опять въ Рязань. Я располагаю здѣсь быть къ Чистому понедѣльнику. Посылаю къ Вамъ:

„1) Журналы и положенія тверского комитета. Положеніе кончено. Оно выгодно для помѣщиковъ и для крестьянъ, но для правительства — ой, ой, ой! Первые получаютъ на душу съ 4 десят. 145 р., или оброкъ съ души по 8 р. 70 к. изъ *казначейства*. Крестьяне получаютъ по 4 десят. и платятъ по 8 р. 70 к. За дворовыхъ помѣщики получаютъ отъ правительства по 60 руб. за ревизскую душу. Pas mal! Дай Богъ правительству добраго здоровья и генеральскій чинъ.

„2) Копіи съ самарскихъ постановленій. Если у Васъ не всѣ отчетныя вѣдомости, то увѣдомьте.

„3) Мое мнѣніе объ оцѣнкѣ усадебъ. Скажите мнѣ свое мнѣніе объ этомъ, а мнѣніе это отправьте къ Самарину.

„У насъ надѣлъ слѣдующій на душу:

„1-я полоса $1\frac{1}{4}$
„2 „ $1\frac{1}{2}$ } въ этихъ двухъ полосахъ 9 уѣздовъ.

„3 „ $1\frac{3}{4}$
„4 „ 2
„5 „ $2\frac{1}{4}$
„6 „ $2\frac{1}{2}$ } 3 уѣзда.
„7 „ $2\frac{3}{4}$
„8 „ 3

„Распредѣленіе просто мошенническое!

„Повинности за полевую землю вездѣ одинакія — 7 р. 50 к. съ души или 25 рабочихъ дней. Мы подали мнѣніе противъ.

„Усадьбы будутъ цѣниться особо, и съ нихъ будетъ назначено по 2% съ рубля.

„Прощайте. Это письмо отправьте къ Самарину вмѣстѣ съ моимъ мнѣніемъ“.

Извѣстіе, что цензура не пропускаетъ проекта Вольн. Тульск. земск. кредитнаго общества и объяснительной къ нему записки очень разстраивало кн. Черкасскаго, который придавалъ большое значеніе какъ проекту своему, такъ и допущенію полной гласности въ обсужденіи вопроса о выкупѣ.

Кн. Черкасскій былъ противъ всеобщаго, немедленнаго, единовременнаго выкупа, находя еще, что подобная мѣра не оправдывается требованіями времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ, что дарованіе крестьянамъ, въ силу закона, права выкупа земли за извѣстную цѣну будетъ безполезно и не дѣйствительно, если правительство не придетъ имъ тутъ на помощь; отсрочка же на неопредѣленное время окончательной развязки дѣла могла только, по его мнѣнію, возбудить плачевный антагонизмъ насильственно связанныхъ между собою сословій и повлечь за собой совершенное разореніе дворянства. Въ учрежденіи прочныхъ, обезпеченныхъ правительствомъ вольныхъ кредитныхъ обществъ кн. Черкасскій видѣлъ естественное и какъ бы необходимое дополненіе ко всякому отдѣльному комитетскому положенію о будущемъ крестьянскомъ устройствѣ. Не имѣя притязанія на полное, всестороннее разрѣшеніе всѣхъ связанныхъ съ такого рода учрежденіями вопросовъ, князь, въ своемъ проектѣ, излагалъ лишь главныя основныя мысли, общія черты желательнаго типа кредитнаго учрежденія и въ „Пояснительной запискѣ“ подробно развивалъ свой взглядъ на необходимость его, доказывая притомъ полную безопасность для правительства гарантировать такого рода предпріятія. „Однажды пущенная въ ходъ финансовая операція выкупа“, писалъ онъ, „заключаетъ въ себѣ столько внутренней силы и представляетъ столько неоспоримыхъ вещественныхъ выгодъ, что дѣлаетъ невозможнымъ всякое состязаніе съ нею начала стараго обязательнаго труда, и неотразимою силою вещей должна въ самомъ скоромъ времени привесть къ полному его упраздненію, и къ водворенію на мѣсто его новаго разумнаго порядка вещей“.

По полученіи писемъ И. С. Аксакова и Кошелева, кн. Черкасскій рѣшился немедленно написать къ вліятельнымъ лицамъ въ Петербургъ и хлопотать всѣми силами о снятіи съ этихъ статей цензурнаго запрещенія.

Онъ писалъ Аксакову: Тула, *февраль 1859 г.*

„Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, я полагалъ, что успѣю вчера съ вечера отправить къ Вамъ Петербургскія письма, и потому не успѣю къ Вамъ писать. Вышло наоборотъ: писалъ до 3 часовъ ночи и не дописалъ, отправлю ихъ утромъ, и потому вотъ и Вамъ словечко. Сдѣлайте милость отправьте прилагаемыя 4 письма: 1) къ Великой Княгинѣ, 2) къ ея фрейлинѣ Кн. Львовой 3) къ Ланскому, 4) Ковалевскому или съ Кошелевымъ, или немедленно по желѣзной дорогѣ [1]). Къ первому, третьему и четвертому приложите по полной корректурѣ проекта, пояснительной записки и таблицъ. Переплетенный экземпляръ — для Великой Княгини. Во избѣжаніе придирокъ надпишите сверху на каждомъ экземплярѣ, 4 корректуры. Сверхъ того, внизу, къ подписямъ прибавьте еще двѣ (я получилъ отъ этихъ двухъ лицъ письма):

„1) Александръ Васильчиковъ, епифанскій помѣщикъ.

„2) Князь Евгеній Львовъ, алексинскій помѣщикъ.

„Послѣдняя подпись важна, ибо онъ братъ княжны Львовой, фрейлины великой княгини.

„Благодарю Васъ за письмо, я на дняхъ напишу подробно. Душевно кланяюсь Кошелеву и желаю ему успѣха. Два письма къ Ковалевскому и къ Ланскому я нарочно не запечаталъ, чтобъ могли прочесть ихъ. Ланского я почти не знаю; былъ у него два раза только, съ письмомъ отъ великой княгини по возвращеніи моемъ изъ Рима. Но думаю, что все лучше было и къ нему написать.

„Поклонъ мой Константину и всѣмъ Вашимъ. Душевно сокрушаюсь о болѣзни батюшки. Есть ли еще въ продажѣ экземпляръ двухъ № „Паруса?“ А вѣдь я думаю, Вы не безъ убытка? Весь Вашъ кн. *В. Черкасскій*“.

Кн. Черкасскій — Аксакову. Тула, *20 февраля 1859 г.*

„Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, письмо, на дняхъ отъ

---

[1]) См. въ Прилож. № 12. — Письма къ Ланскому, Ковалевскому и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и отвѣты Л. Абаза и Ланского.

Васъ полученное моею женою, меня душевно порадовало[1]). До меня доходили уже кое-какіе темные слухи о томъ же предметѣ, о которомъ Вы съ такою благоразумною таинственностью пишете; съ нетерпѣніемъ буду теперь, особенно по возвращеніи Кошелева, ожидать болѣе подробныхъ вѣстей.

„Желаю Вамъ успѣха, но если бы дѣло окончательно удалось, позволю себѣ одинъ Вамъ дружескій совѣтъ. Вы знаете, что я въ бытность мою въ Москвѣ, когда всѣ пріятели и враги на Васъ нападали, крайне умѣренно принималъ участіе въ этомъ преслѣдованіи, сознавая затруднительность Вашего положенія и вмѣстѣ, относительныя подчасъ, у насъ выгоды сильныхъ дѣйствій. Зато теперь, если дѣло поправится на какихъ бы то ни было основаніяхъ, умоляю Васъ, не скомпрометировать пріобрѣтеннаго съ такимъ трудомъ и пожертвованіями. Довлѣетъ дневи злоба его. Всего вдругъ нельзя. Успокойтесь на этомъ и удовольствуйтесь успѣхомъ и, что еще важнѣе, не колите имъ никому въ глаза. Теперь-то именно настанетъ и для Васъ минута доказать Вашимъ врагамъ, что у Васъ есть не только пылъ и жаръ, но еще и необходимый всякому публичному человѣку — тактъ. Для человѣка, тѣмъ или другимъ путемъ достигшаго того, чего онъ искалъ — это легко; и — скажу Вамъ откровенно и прямо (увѣренъ, что Вы на меня сердиться не будете), если Вы не воспользуетесь этими благопріятными обстоятельствами, какъ слѣдуетъ, Вы сдѣлаете страшную ошибку. Таково, по крайней мѣрѣ, мое самое искреннее мнѣніе.

„Что сказать Вамъ о нашемъ комитетѣ? А вотъ что: сдѣлайте одолженіе, поблагодарите Хомякова отъ меня за его письмо къ Елагину, которое я сегодня у него читалъ. Хотя Елагинъ до этого уже почти рѣшился, однако это письмо было почти необходимо для того, чтобы окончательно установить его взглядъ и успокоить въ немъ совѣсть Бѣлевскаго дворянина и представителя уѣзда[2]). Я нарочно не предупре-

[1]) Письма этого въ архивѣ кн. Черкасскаго не имѣется, вѣроятно въ немъ шла рѣчь о новомъ журналѣ „Славянскомъ Вѣстникѣ“, который затѣвалъ И. С. Аксаковъ, намѣреваясь назвать его „Пароходъ“.

[2]) Хотя въ цирк. мин. отъ 15 января 1858 и было разъяснено, что мнѣнія, выраженныя на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, не должны быть обязательны для членовъ губернскихъ комитетовъ, тѣмъ не менѣе многіе считали себя связанными ими; такъ, бар. Менгденъ и Ушаковъ — Богородицкаго уѣзда обѣщались не итти далѣе 2 дес. надѣла; Пушкинъ — Веневскаго далѣе 1 дес...

ждалъ Хомякова, ибо былъ увѣренъ въ свойствѣ его отвѣта и не хотѣлъ, чтобы могло быть и тѣни подозрѣнія въ стачкѣ. Послѣднее время было для меня здѣсь крайне тяжело, не столько отъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое на меня ежедневно производитъ и усиливаетъ большинство, сколько отъ внутреннихъ раздоровъ нашего разнокалибернаго меньшинства. Одно время я былъ убѣжденъ, что останусь самъ-другъ съ Самаринымъ... Между нами сказать, я одинъ день, въ день кризиса, напрямки просилъ меньшинство разойтись явно и немедленно, если они не примутъ 2-хъ-десятиннаго надѣла, какъ крайнюю мѣру возможныхъ для меня уступокъ, и возвратить мнѣ, такимъ образомъ, полную свободу дѣйствій. Къ счастію, рѣшительность подѣйствовала, и я изъ десяти членовъ, изъ коихъ одинъ Ушаковъ уже окончательно, къ великому моему удовольствію, сданъ въ большинство и отпѣтъ [1]),

---

Въ архивѣ кн. Черкасскаго № 30 сохранились доводы Елагина въ пользу 2 дек. *Тамъ же* письмо А. П. Елагиной отъ 13 февраля 1859 г.: „Какимъ образомъ отступилъ Николай отъ крещеной вѣры? въ чемъ именно? и что нужно для причисленія его вновь въ православіе? прошу васъ не сомнѣваться, что хотя я и Бѣлевская дворянка, но готова материнскими совѣтами содѣйствовать вамъ противъ разоренія крестьянъ“...

[1]) Переходъ Ушакова отъ „меньшинства“ въ большинство совершился съ трескомъ: 26-го февраля онъ прочелъ въ комитетѣ слѣдующее заявленіе (журн. ст. 2): „Бывши въ меньшинствѣ гг. членовъ нашего комитета, перехожу къ большинству, потому что оно не распоряжается собственностью помѣщиковъ, по своему произволу; если дѣлаетъ уступки, въ пользу крестьянъ, для улучшенія ихъ быта, то съ согласія гг. помѣщиковъ, своихъ уѣздовъ, и за сдѣланныя уступки не старается стѣснять права гг. помѣщиковъ. Меньшинство же гг. членовъ, по моему мнѣнію, напротивъ, хочетъ дѣйствовать и распоряжаться собственностію помѣщиковъ по своему произволу, и еще этого мало, старается отстранить и стѣснить права помѣщиковъ, противъ ихъ собственности, что̀ видно по ихъ составленнымъ главамъ проектовъ; какую имѣютъ цѣль гг. члены меньшинства изъ вышеписаннаго, я не понимаю. Гг. члены отъ правительства одни могутъ такъ дѣйствовать; но намъ, членамъ, выбраннымъ отъ дворянства, слѣдовать за ними грѣшно будетъ передъ Богомъ, предъ дворянствомъ и предъ своею совѣстью“. На что г. *Бибиковъ* изъяснилъ: „Такъ какъ я подписывалъ мнѣнія, представленныя гг. членами меньшинства, а г. Ушаковъ гласно объявляетъ о переходѣ своемъ отъ гг. членовъ меньшинства, и можно было бы подумать, что эти наименованія обозначаютъ какія-нибудь *касты*, то долгомъ считаю объяснить, что я ни къ какой *кастѣ* не принадлежу, а соглашаюсь съ тѣми, чьи убѣжденія и мнѣнія согласны съ моими“; съ чѣмъ согласились гг. члены *Пушкинъ* и *Тихменевъ*. На сіе *кн. Черкасскій отвѣчалъ:* „Что нынѣшнее мнѣніе г. Ушакова находится въ противорѣчіи съ имъ самимъ подписанными, двумя изъ трехъ главъ, представленныхъ меньшинствомъ гг. членовъ“. Далѣе кн. Черкасскій не понимаетъ, почему

а слѣдовательно изъ девяти — могу, кажется, навѣрное разсчитывать на шесть: Самарина, Менгдена, Елагина, Тихменева, Черкасова, и себя. Другіе Богъ вѣсть! Но и то хорошо! По крайней мѣрѣ, меньшинство сохранится, хотя и въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Скажите Хомякову, что я, по крайней мѣрѣ, столько же перетерпѣлъ въ этомъ междоусобіи, сколько веселился въ теченіе 4 мѣсяцевъ и на выборахъ въ явной ссорѣ съ большинствомъ и дворянствомъ, — до того, что комитетъ мнѣ почти надоѣлъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать будущей недѣли, когда окончательно рѣшится вопросъ о надѣлѣ и повинностяхъ. Борьба съ членами меньшинства для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе я люблю и уважаю каждаго изъ нихъ и чѣмъ болѣе я вижу въ каждомъ или искренность экономическаго убѣжденія, или дворянскую добросовѣстность. Но увы! Мы еще не привыкли къ парламентаризму и къ сужденію объ интересахъ нѣсколько общихъ. И наши комитеты были бы торжествомъ для Николая Павловича, будь онъ живъ!

„На дняхъ вышлю Вамъ мнѣніе, прочитанное мною комитету насчетъ усадебъ [1]), за которое большинство на меня ужасно гнѣвно. На будущей недѣлѣ прочту мнѣніе о надѣлѣ, которое также пришлю Вамъ [2]). Пожелайте мнѣ въ этомъ успѣха. Я, признаюсь, искренно желаю, чтобы меньшинство наше представило проектъ добросовѣстный, который правительство могло бы по совѣсти принять въ основаніе будущаго своего Положенія для нашей мѣстности. Для этого я сдѣлалъ страшныя для себя уступки въ вопросѣ о надѣлѣ, ибо считаю въ глубинѣ души, что двухдесятинный надѣлъ слишкомъ малъ. По крайней мѣрѣ, онъ хорошъ тѣмъ, что онъ почти обезпечиваетъ крестьянина въ лучшихъ уѣздахъ и въ нихъ не слишкомъ далеко удаляется отъ надѣла существующаго, а въ уѣздахъ плохихъ — дворянство, пожалуй, само станетъ навязывать землю крестьянамъ.

г. Ушаковъ въ особенности указываетъ на членовъ отъ правительства, какъ могущихъ дѣйствовать какимъ-то особеннымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе возникавшаго уже не разъ въ комитетѣ вопроса о положеніи гг. членовъ отъ правительства, онъ симъ имѣетъ честь опять повторить, что если подъ симъ разумѣется, что гг. члены отъ правительства дѣйствуютъ на основаніи какихъ-либо тайныхъ инструкцій, то это совершенно несправедливо".

[1]) См. приложеніе 15.

[2]) Приложеніе № 16.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія Кошелева; желалъ бы знать также, одобряете ли Вы общій тонъ и содержаніе моихъ писемъ къ Ланскому и Ковалевскому? Я нарочно избралъ форму самую мягкую, учтивую и почти искательную, чтобы подъ ней имѣть возможность сказать правду рѣзкую, но въ глаза меньше колющую. Не знаю, успѣлъ ли? Во всякомъ случаѣ прощайте и пишите. Да все-таки не слишкомъ ли ничтожна для „Бесѣды“ моя статейка, писанная для „Паруса“? Боюсь, что въ „Бесѣдѣ“ она окажется уже слишкомъ безобразно коротка и ничтожна. Что годится для газеты, не годится для *Revue*. Подумайте хорошенько; но, впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. Душевный поклонъ батюшкѣ. Я читалъ Мартинистовъ съ величайшимъ наслажденіемъ; напишите, пожалуйста, истинную фамилію Рубановскаго. Константина обнимаю отъ души, равно и Васъ самихъ.

„Преданный Вамъ Кн. *В. Ч.*“

„P. S. А Кавелина статья въ „Атенеѣ“ слаба.

Кн. Черкасскій писалъ Кошелеву: *21 февраля 1859 г.*

„По доходящимъ до насъ слухамъ, Вы, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, возвратились изъ Петербурга. Полагаю, что Вы въ Москвѣ пробудете недолго и отправитесь по весьма маломъ промедленіи въ Рязань, куда поэтому я къ Вамъ и пишу. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ Васъ или Аксакова извѣстій о результатахъ Вашего путешествія, но, признаюсь, по особенной его быстротѣ, полагаю, что едва ли оно могло увѣнчаться значительнымъ успѣхомъ. Кажется, напротивъ, — дѣла въ настоящую минуту пошли въ другую сторону, и приходится опять у моря ждать погоды.

„Трудно не подумать внутренно, что такія перемѣны встрѣчаются уже черезчуръ часто и крайне невыгодны для нашего брата, пишущаго издали и потому лишеннаго возможности ловить удобный случай на лету. Говорятъ, миновала послѣдняя надежда и на дальнѣйшее продолженіе „Паруса“.

„Очень любопытенъ я знать подробности этого дѣла; авось Иванъ Сергѣевичъ что-нибудь напишетъ. Особенно невыгодно для насъ то, что „Русскій Вѣстникъ“ и въ усъ себѣ не дуетъ, равно какъ и „Современникъ“ и продолжаютъ себѣ печатать о выкупѣ, между тѣмъ какъ намъ закрытъ ротъ. Не понимаю, какъ себѣ объяснить это...

„Нашъ комитетъ идетъ скверно попрежнему, и мы подви-

гаемся медленно. Теперь мы на 4-й главѣ. Меньшинство, уже уменьшившееся, продолжаетъ каждый разъ подавать свои главы, въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній. Но бѣда въ томъ, что оно само чуть-чуть не распалось, и я могъ удержать часть его (и то остался только самъ-шёстъ) цѣною страшныхъ уступокъ. Я долженъ былъ уступить своему меньшинству полдесятины нормальнаго надѣла, ограничивъ его двумя десятинами вмѣсто 2½. Не сдѣлай я это, я остался бы самъ-другъ съ Самаринымъ, и всѣ прочіе пристали бы къ надѣлу въ одну десятину. Впрочемъ, я оговариваю себя въ журналахъ, объясняя, что сдѣлалъ эту жертву ради согласія, но сохраняя личное свое мнѣніе. Что Вы скажете о всемъ этомъ? Еще другая поправка вынужденной у меня уступки состоитъ въ томъ, что мы (т.-е. малое меньшинство) не принимаемъ раздѣленія губерній по категоріямъ, слѣдовательно, нашъ надѣлъ есть обязательный и для лучшихъ уѣздовъ, гдѣ онъ уже весьма близко подходитъ къ существующему надѣлу; а въ прочихъ — помѣщики сами рады будутъ навязывать свою землю, а крестьяне, будучи довольно промышленны, нуждаются въ ней гораздо меньше. Впрочемъ, напишите свое мнѣніе.

„Вашу записку объ усадьбахъ прочелъ внимательно. Эту самую мысль я развивалъ еще прошлаго года въ Римѣ, въ запискѣ для Великой Княгини[1]). Но для того, чтобы

---

[1]) См. прилож. № 3. Разсматривая въ то время вопросъ съ точки зрѣнія правительственной программы, князь признавалъ, что оцѣнка усадебъ не можетъ быть одна и та же для всей Россіи, но полагалъ, что могутъ быть опредѣлены заранѣе неизмѣнныя общія начала: 1) Нигдѣ крестьянскія строенія не должны включаться въ оцѣнку. 2) Въ среднихъ губерніяхъ оцѣнка 1 дес. усадебной земли (грунта) не должна превышать 150 руб. 3) Въ оброчныхъ, промышленныхъ губерніяхъ оцѣнка усадебной земли должна быть выше, чѣмъ въ барщинскихъ. Для обузданія произвола здѣсь можно установить, что оцѣнка усадебъ не должна превышать ½ всей суммы, образуемой капитализаціей крестьянскаго оброка по 6% расчету. 4) Въ основаніе раздѣла усадебной земли всего справедливѣе принять тягольный расчетъ, съ воспрещеніемъ впредь дальнѣйшихъ передѣловъ усадебной земли. Отводы изъ мірской земли новыхъ усадебныхъ мѣстъ должны быть разрѣшены за извѣстную плату. 5) Наконецъ, всюду, гдѣ только это будетъ возможно, слѣдуетъ требовать отъ крестьянина единовременнаго выкупа усадебъ, а не въ разсрочку. См. мнѣніе кн. Черкасскаго по вопросу объ усадьбахъ въ письмѣ къ Кошелеву отъ 29 іюня 1858 г. Здѣсь онъ предлагалъ отступить отъ программы и начать всѣ пренія съ вопроса объ утвержденіи за крестьянами ихъ крестьянской земли, или извѣстной части ея, безъ различія усадебъ и пр. земли, но съ дарованіемъ права выкупа на всю (стр. 115.)

она осуществилась, необходимо одно условіе: имѣть предварительную положительную цифру нормальнаго оброка или оцѣнки полевой земли. А этого отъ комитета не добьешься, и правительство можетъ получить лишь отъ экспертовъ. Наше меньшинство всю повинность, вѣроятно, оцѣнитъ въ видѣ процента со стоимости земли, оцѣнивъ отдѣльно полевую и усадебную земли. Большинство стремится ужасно, и если оно не передѣлаетъ своего проекта совсѣмъ, передъ самымъ концомъ засѣданій, то это будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, курьезнѣйшее изъ всѣхъ комитетскихъ произведеній. Надѣлъ они, вѣроятно, примутъ отъ 1 до 1¼ десятины; не дадутъ права выходить на оброкъ безъ согласія помѣщика; сохранятъ всѣ помѣщичьи мѣры взысканія, и усадьбы дадутъ только въ пользованіе или, по крайней мѣрѣ, окружатъ выкупъ всякаго рода невозможностями. О выкупѣ полевой земли они не хотятъ и слышать. Чудной народъ!...[1])

„Отсрочку мы себѣ просили на мѣсяцъ до 5-го апрѣля. Да скажите, пожалуйста, какъ у Васъ выберутъ депутацію одну отъ всего комитета, или — двѣ отъ большинства и меньшинства врознь. Меня это очень интересуетъ, потому что я хотѣлъ бы подбить губернатора войти объ этомъ съ вопросомъ къ министру. Какъ Вы думаете на этотъ счетъ? За симъ прощайте, отъ души обнимаю Васъ и Дмитрія Ѳедоровича. Не лѣнитесь и пишите поподробнѣе.

„Душевно преданный кн. *В. Черкасскій*“.

Письмо князя скрестилось съ письмомъ Кошелева, который писалъ: Москва, *20 февраля 1859 г.*

„Вчера возвратился я изъ Петербурга, дражайшій князь, и спѣшу Вамъ сказать нѣсколько словъ.

„Ваша статья при Вашихъ письмахъ передана мною лично Ланскому и Ковалевскому и чрезъ посредство кн. Одоевскаго

---

[1]) Пренія о выкупѣ въ журналѣ № 43 *отъ 17-го февраля*. Кн. Черкасскій представилъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ проектъ вольнаго кредитнаго общества *18-го февраля* (журналъ № 4). Въ архивѣ кн. Черкасскаго № 30 сохранилась слѣдующая оригинальная телеграмма (отъ 7-го марта), указывающая какъ будто на то, что и относительно выкупа были кое-какія разногласія въ меньшинствѣ: „Тула. Кн. Черкасскому. Безъ выкупа всякъ не правъ. Кто правѣе, тотъ не правъ, поэтому Николай (Елагинъ) правъ. Елагина, Хомяковъ, Чижовъ, вся „Бесѣда“.

Великой Княгинѣ. Я вручилъ также экземпляръ Я. И. Ростовцеву. Всѣ обѣщали ее пропустить и въ скоромъ времени прислать дозволеніе въ Москву.

„По поводу Высочайшаго повелѣнія, въ силу котораго всѣ статьи по крестьянскому вопросу должны быть препровождаемы въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе не только министерства внутреннихъ дѣлъ, но всѣхъ министерствъ и главноуправленій, до коихъ могутъ касаться обсуждаемые предметы, я подалъ записку министру народнаго просвѣщенія и копію передалъ Ланскому и Ростовцеву. Всѣ обѣщали ходатайствовать объ отмѣнѣ этого Высочайшаго повелѣнія. Я поставилъ вопросъ такъ: полезенъ ли мой журналъ для правительства? Если полезенъ (въ чемъ они всѣ согласны), то отмѣните Высочайшее повелѣніе, при которомъ — я не имѣю возможности издавать журналъ; въ противномъ случаѣ я долженъ его закрыть. Я надѣюсь, что моя поѣздка будетъ не безъ результата благопріятнаго.

„Въ Петербургѣ вообще атмосфера весьма тяжела. Надобно ожидать перемѣны или къ худшему или къ лучшему; но въ этомъ положеніи дѣла оставаться не могутъ. Ростовцевъ съ Ланскимъ и Блудовымъ тянутъ на добрый путь; а другая партія, гораздо многочисленнѣе и располагающая большими способностями, тормозитъ изо всѣхъ силъ. Что изъ этого выйдетъ — Богъ вѣсть!

„Въ Петербургѣ недовольны всѣми полученными положеніями (нижегородскихъ 2, петербургскихъ 1, московскихъ 2, симбирскихъ 3 (проекта), костромскихъ 1). Ожидаютъ тверское. Тамъ, т.-е. въ Петербургѣ, сильнѣйшее расположеніе къ выкупу; только объ немъ и толкуютъ.

„Учреждена въ Петербургѣ при Главномъ Комитетѣ редакціонная комиссія, которая теперь приступаетъ къ начертанію первыхъ 3 главъ, потомъ займется 8-й и 9-й главами, потомъ 7-й главой; наконецъ, приступитъ къ 4-й, 5-й, 6-й и 10-й главамъ. Она подъ предсѣдательствомъ Ростовцева и составлена изъ Соловьева, Жуковскаго, чиновниковъ отъ 2-го отдѣленія (вѣроятно, Попова), министерства юстиціи, госуд. имущ. и финансовъ. Въ этотъ комитетъ будутъ призваны нѣкоторые члены изъ губернскихъ комитетовъ по закрытіи оныхъ.

„Изъ тамбовскаго комитета исключены за постоянныя попытки къ задержанію хода дѣлъ въ комитетѣ и за мнѣнія

противныя началамъ, указаннымъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, трое: двое Б... и князь Е... Слѣдовательно, и статскій совѣтн. Б... изгоняется не только изъ журналовъ, т.-е. изъ литературы, а также и изъ комитетовъ. Изъ новгородскаго исключенъ одинъ членъ за пьянство и буйство. Хотятъ, кажется, исключить изъ тульскаго комитета какого-то В...[1]), но это еще не рѣшено.

„Вообще въ Петербургѣ хотятъ дѣйствовать энергически. Окончаніемъ освобожденія торопятся жестоко. Боюсь даже, что слишкомъ этимъ заспѣшатъ. Рѣшительно хотятъ къ ноябрю это дѣло покончить.

„Пишу къ Вамъ безтолково, потому что крайне тороплюсь. Завтра ѣду въ Рязань. Намъ даютъ отсрочку на 1½ мѣсяца, т.-е. до 10-го апрѣля. Пишите въ Рязань. Прощайте.

„Душевно Вашъ *А. Кошелевъ*.

„Много любопытнаго могъ бы Вамъ разсказать, да не по почтѣ. Скажите, когда думаете покончить дѣла въ Тулѣ. Мы кончимъ не ранѣе конца апрѣля.

---

[1]) Страннымъ является то обстоятельство, что объ исключеніи В... изъ комитета шла рѣчь еще до исторіи его дуэли съ Черкасскимъ, о которой см. ниже въ письмѣ князя отъ 7-го марта. Предположеніе, что въ Петербургѣ заранѣе извѣстно было о готовившейся исторіи — мало вѣроятно. Причина неудовольствія противъ В... въ Петербургѣ скорѣе кроется въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. 11 ноября 1858 г. г. В... прочелъ въ комитетѣ свое мнѣніе, съ предложеніемъ исходатайствовать, чтобы по составленіи проекта, онъ былъ бы предъявленъ всѣмъ дворянамъ съ правомъ представлять въ комитетъ, въ теченіи 2 мѣсяцевъ, свои возраженія на него и дополненія, которыя подлежали бы затѣмъ разсмотрѣнію вмѣстѣ съ постановленіями комитета. „Можно ли", вопрошалъ онъ, „отвергнуть безъ разсмотрѣнія исканіе защиты противъ рѣшеній комитета, когда съ нимъ сопряжены и нарушеніе правъ собственности, и истекающее изъ того благосостояніе цѣлыхъ семействъ, которыхъ достояніе можетъ быть какимъ-нибудь не вполнѣ обдуманнымъ постановленіемъ безвозвратно разстроено". По выслушаніи этого мнѣнія, комитетъ не обсуждалъ его, когда 9-го декабря было получено предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, что мнѣніе В... не можетъ быть принято комитетомъ. Тѣмъ не менѣе В... въ засѣданіи 8-го января поставилъ вопросъ: считаютъ ли гг. дворяне предложенную имъ мѣру полезной? Несмотря на возраженіе кн. Черкасскаго (поддержаннаго меньшинствомъ), что, принимая во вниманіе предписаніе министра, онъ считаетъ неумѣстнымъ обсуждать предложеніе В..., большинство формулировало свое сочувствіе къ нему такъ: что хотя имѣется предписаніе министра, о непринятіи его къ исполненію, но что, со своей стороны, они не могутъ не признать его для существа самаго дѣла полезнымъ, и опредѣлили: записать о томъ въ журналъ"...

„Посылаю къ Вамъ петербургскій проектъ, обзоръ основаній и замѣчанія генералъ-губернатора. Перепишите это для себя поскорѣй и отправьте этотъ экземпляръ къ Самарину въ Самару".

И. С. Аксаковъ — кн. Черкасскому. Москва, *мартъ 1859 г.*

„Посылаю Вамъ, любезный князь, бумаги, полученныя въ московскомъ цензурномъ комитетѣ и сообщенныя намъ офиціально. Хорошо?! Вчера новые цензоры получили по выговору, а Драшусовъ — строгій выговоръ за то, что пропускаетъ статьи по крестьянскому вопросу не представляя въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Подтверждено, чтобы непремѣнно *всѣ* статьи по крестьянскому вопросу посылать предварительно въ Петербургъ. Поэтому комитетъ пріостановилъ выпускъ въ свѣтъ 2-го № „Сельскаго Благоустройства", который долженъ былъ выйти въ свѣтъ послѣзавтра, и спрашиваетъ министра.

„Польское Слово" запрещено, и редакторъ Огризко сидитъ въ крѣпости.

„Конечно, Вы не будете бранить меня за то, что я отказался отъ „Славянскаго Вѣстника". Я не могу подписать такихъ условій, не уронивъ своего достоинства. Къ тому же нѣтъ возможности перевести подписчиковъ „Паруса" на новую газету, не упомянувъ о „Парусѣ" въ объявленіи. Впрочемъ, тутъ не я одинъ. Чижовъ вовсе не намѣренъ, будучи въ этомъ дѣлѣ съ боку припекой, компрометировать себя понапрасну [1]).

„По случаю полученныхъ въ московскомъ цензурномъ комитетѣ бумагъ, редакторы собираются протестовать каждый отъ себя. Но сомнительно, чтобы Катковъ на это согласился!

„О статьѣ Вашей ни слуху ни духу!

„Обнимаю Васъ. *И. Аксаковъ.*

Въ то же время бар. Раденъ писала кн. Екатер. Алекс. Черкасской:

„St. Pétersbourg $^{9}/_{21}$ Mars. 1859... Je recommence par vous transmettre comme d'habitude, mille choses affectueuses de la part de M-me la Grande Duchesse pour vous et le Prince. Malgré bien des obstacles et de fâcheux contretemps, le moment approche et vous nous arriverez pour tout

---

[1]) См. приложеніе № 17. Письмо Аксакова къ Ковалевскому.

de bon, le Prince laissera derrière lui les agitations et les ennuis de Son Comité de Gouvernement, — plût au Ciel qu'il ne trouvât ici qu'entente et bon vouloir. On incline de plus en plus vers l'idée d'un rachat raisonnable; c'est en général une étude infiniment curieuse que celle de l'accroissement, du déclin, de la transformation des opinions: quant aux principes et aux convictions, qui ont de leur nature une nuance d'éternité, il y en a si peu, qu'on ne fait guère attention à cette minorité-là. On a beaucoup parlé durant quelques jours d'un délit de presse, suivi de représailles assez violantes; le „Польское Слово" a été étouffé dans son berceau par le Prince, намѣстникъ de Pologne, et le rédacteur de ce journal médite sous les verrous sur l'inconvénient qu'il y a à parler de choses qui n'ont pas encore cent ans. La censure joue en attendant le rôle d'un souverain constitutionnel — elle n'est pas responsable[1]).

III.

Кн. Черкасскій писалъ Самарину:

Тула 20 февраля 1859 г.

„Давно уже собираюсь къ Вамъ писать, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, и поблагодарить Васъ за Ваши разныя ко мнѣ присылки. Но все былъ недосугъ; къ тому же комитетскія дѣла наши шли все это время такъ скверно, не только въ большинствѣ, но и въ меньшинствѣ, что не хотѣлось брать и пера въ руки, предвидя, что придется говорить объ утомительныхъ и

[1]) Начинаю опять съ того, что по обыкновенію передаю Вамъ много любезныхъ пожеланій отъ Е. В. Великой княгини для Васъ и для князя. Несмотря на множество помѣхъ и непріятныхъ препятствій, время приближается и Вы взаправду пріѣдете къ намъ; князь оставитъ за собой всѣ волненія и непріятности своего губернскаго комитета. Дай Богъ, чтобъ здѣсь онъ нашелъ только согласіе, хорошія намѣренія и доброжелательство! Здѣсь все болѣе и болѣе склоняются къ мысли о разумномъ выкупѣ; вообще необычайно интересно наблюдать за ростомъ, упадкомъ и видоизмѣненіемъ мнѣній; что же касается принциповъ и убѣжденій, которые по своему свойству все же имѣютъ оттѣнокъ вѣчности, ихъ такъ мало, что на это меньшинство не обращаютъ никакого вниманія. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней много было толковъ о случаѣ нарушенія закона о печати, вызвавшемъ суровое возмездіе; „Польское Слово" было подавлено въ колыбели своей княземъ, намѣстникомъ Польши, и редакторъ этого журнала подъ замками размышляетъ о неудобствѣ говорить о вещахъ, которыя не имѣютъ еще столѣтней давности. А цензура пока играетъ роль конституціоннаго монарха — она не отвѣтственна.

тяжелыхъ междоусобіяхъ. Наше меньшинство составлено изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что я было отчаялся его вовсе удержать и готовился остаться самъ-другъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ. Теперь, послѣ нѣкоторыхъ энергическихъ усилій, опасность отчасти миновала, и за окончательнымъ выбытіемъ изъ меньшинства одного члена, и за сомнительностію трехъ другихъ, (которые впрочемъ еще не совсѣмъ безнадежны), я имѣлъ надежду остаться самъ-шестъ (ce qui est encore assez respectable). Конечно, я долженъ былъ сдѣлать уступки, но вотъ что отстоялъ: существующій надѣлъ *по всей губерніи* до размѣровъ двухъ десятинъ на душу. Гдѣ существующій надѣлъ больше, тамъ — нормальный двухдесятинный надѣлъ. (Моя мысль, Вы знаете, была — 2 ½ десятины). Но если взять во вниманіе, что мы не сдѣлаемъ категорій уѣздныхъ и что слѣдовательно, въ лучшихъ уѣздахъ будетъ дано двѣ десятины на душу, а въ худшихъ крестьяне имѣютъ промыслы, и помѣщики сами рады будутъ имъ навязать землю — то дѣло окажется сносно. Но чего и это мнѣ стоило — трудно разсказать. Я былъ на краю прямой и совершенной ссоры.

„Мы принимаемъ (т.-е. меньшинство наше) надѣлъ по душамъ, и я считаю это болѣе правильнымъ[1]). Вы принимаете по тягламъ, и приравниваете другъ къ другу тягольные надѣлы въ разныхъ полосахъ. Вы выигрываете черезъ это возможность установить всюду равномѣрную повинность съ тягла; но Вы впадаете въ страшно сложный расчетъ для опредѣленія надѣла и проч., сообразно Вами присланному мнѣ списку. Къ тому же, по Вашему предположенію, не остается рѣшительно ни одного имѣнія безъ ломки надѣла и числа тяголъ. Наша невыгода — разнообразіе повинностей въ каждомъ имѣніи. Зато — оставленіе существующаго надѣла въ имѣніяхъ, гдѣ теперь до двухъ десятинъ на душу, безъ всякой ломки; со-

[1]) Вопросъ о томъ: „какое слѣдуетъ принять основаніе для надѣла крестьянъ землею — по душамъ или тягламъ?“ былъ поставленъ въ тульскомъ комитетѣ 18-го февраля (Журн. 44); 16 голосовъ отвѣчали: „по тягламъ“, 7 голосовъ — „по душамъ“, при чемъ кн. Черкасскій изъяснилъ: „По душамъ,—и притомъ думаю, что всѣ тѣ, которые отвѣчаютъ „по тягламъ“, въ сущности говорятъ только о назначеніи по числу душъ, ибо имъ невозможно не опредѣлить нормальнаго отношенія числа тяголъ къ числу душъ, или не принять существующаго отношенія. Иначе помѣщикъ, имѣющій 100 душъ, могъ бы оставить въ своемъ имѣніи одно тягло, и тѣмъ произвольно убавить опредѣленный комитетомъ размѣръ поземельнаго крестьянскаго надѣла“.

храненіе всюду существующаго числа тяголъ, и, слѣдовательно, во множествѣ случаевъ, избѣжаніе необходимости земельнаго передѣла; наконецъ легкій расчетъ повинности тягольной, доступный каждому мужику.

Вотъ мною предлагаемая система:

„Вы, по составленной нами для поземельнаго банка оцѣнкѣ [1]), оцѣниваете всю капитальную цѣнность крестьянскаго надѣла; кладете 6% на капиталъ. Вотъ оброкъ. За симъ, если хотите узнать барщинскую повинность, обратите сей денежный оброкъ на рабочіе дни, считая мужской день конный въ 18 к. сер., а бабій — въ 6 к. сер., и принимая отношеніе числа первыхъ ко вторымъ, какъ 4 къ 3. Вотъ и все.

„Оцѣнка рабочихъ дней — почти произвольна, но она выведена изъ приравненія оброка, въ 22 р. 50 к., барщинѣ въ 100 мужскихъ и 75 бабьихъ дней.

Какъ Вы находите? Мнѣ кажется, по этому правилу расчетъ доступенъ всякому мужику въ каждомъ имѣніи; и мужику наглядно представляется выгода перехода на оброкъ. Знаю, что противъ разнообразія, порождаемаго моею системою, можно многое сказать; но зато не забудьте, что для насъ, унаваживающихъ землю, т.-е. для нашихъ тульскихъ крестьянъ, несравненно важнѣе избѣжать передѣла земли, чѣмъ для Вашихъ степныхъ мужиковъ. Къ тому же, мнѣ кажется, мужику нагляднѣе улучшеніе и измѣненіе въ его быту.

„Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта; особенно желалъ бы знать, очень ли Вы будете на меня пенять за сдѣланную мною уступку ½ десят. на душу.

„Признаюсь, при крайней перѣшительности нашего правительства, счелъ выгоднѣе сдѣлать эту уступку и явиться передъ правительствомъ съ двухдесятиннымъ надѣломъ отъ имени меньшинства комитета, чѣмъ допустить три проекта отъ одного комитета и остаться одному при 2½ десятинномъ надѣлѣ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но думаю, что двухдесятинный надѣлъ, поддержанный меньшинствомъ, имѣетъ больше шансовъ успѣха, чѣмъ 2½-десятинный надѣлъ, поддерживаемый мною однимъ. А если бъ я распорядился иначе, то все меньшинство было готово переѣхать въ большинство и фанатически защищать одно-десятинный надѣлъ. Впрочемъ, я

---

[1]) См. таблицу въ прилож. № 12.

объявилъ и на дняхъ объявлю еще письменно (со внесеніемъ въ журналъ) въ комитетѣ, что мои личныя убѣжденія не измѣнились, но что я уступилъ ради желанія сохранить общую связь меньшинства; такъ что окончательно я остаюсь свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ во всякой иной инстанціи, если бы былъ куда потребованъ для объясненія своего личнаго мнѣнія.

„Теперь, такъ же какъ Вы, составляю общій сводъ, т.-е. стараюсь сдѣлать вещь рѣшительно невозможную, по крайней неполнотѣ и особенно сбивчивости и отсутствію всякаго однообразія въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ[1]). Срокъ нашихъ засѣданій кончается 5-го марта. Во вниманіе бывшихъ выборовъ и праздниковъ, мы просили о продолженіи срока на одинъ мѣсяцъ, до 5-го апрѣля.

„О судьбѣ „Паруса“ Вы вѣроятно слышали, быть можетъ также, и о послѣдующихъ переговорахъ. Кошелевъ поѣхалъ въ Петербургъ, откуда запрещено (по случаю статьи „Милліардъ въ туманѣ“, Кокорева) печатать что бы то ни было о выкупѣ безъ цензуры разныхъ министерствъ. Я съ Кошелевымъ писалъ къ Ланскому и Ковалевскому, вмѣстѣ и мягко по формѣ и рѣзко по содержанію, жалуясь на запретъ моего проекта и пояснительной къ нему записки. Послалъ также корректуру къ В. К. Еленѣ Павловнѣ. Не знаю — что будетъ изъ всего этого?

„А между тѣмъ прощайте. Душевно Васъ обнимаю. Желаю Вамъ успѣха, и Вамъ и себѣ, и нѣсколько сомнѣваюсь въ немъ. Кн. *В. Ч.*

„P. S. Проектъ нашего большинства — верхъ безобразія: явное продолженіе крѣпостного состоянія подъ названіемъ срочно-обязаннаго; съ надѣломъ одной десятины съ небольшимъ на душу и безъ права перехода на оброкъ; усадьбы — въ пользованіе или, по крайней мѣрѣ, совершеннѣйшія затрудненія для выкупа. Каково! Мы представляемъ нашу главу всякій разъ (сейчасъ по принятіи ими своей) въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія. И они бѣсятся и меня ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ. По случаю восшествія на престолъ, ректоръ здѣшней семинаріи, съ благословенія архіерея, сказалъ проповѣдь противъ дворянства — сильную, но къ сожалѣнію въ чиновничьемъ духѣ. Дворяне взбѣшены“.

[1]) Въ арх. кн. Ч—аго. № 11 и 12. Сводъ свѣд.

Свое мнѣніе о надѣлѣ Ю. Ѳ. Самаринъ подробно развилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Кошелеву.

Самара 1 марта 1859 г.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я давно къ Вамъ не писалъ, потому что былъ все это время въ тяжеломъ полузабытьи отъ невыносимо утомительной работы — передѣлки сводовъ, составленныхъ по уѣздамъ.

„Вы знаете, что въ вопросѣ о надѣлѣ я придерживался слѣдующей системы: 1) Опредѣлить по полосамъ нормальный надѣлъ землею (равно какъ и повинность) на тягло. 2) Опредѣлить maximum и minimum личнаго состава тягла, а именно отъ $2^1/_3$ до $2^2/_3$ душъ мужскихъ и *не менѣе* 3 душъ женскихъ. 3) При разбивкѣ губерніи на полосы и при опредѣленіи нормальнаго надѣла, по возможности придерживаться существующаго факта. 4) Гдѣ надѣлъ существующій теперь окажется ниже нормальнаго, тамъ прирѣзать, но во всякомъ случаѣ оставить помѣщику право удержать за собою $^1/_3$ всей земли въ имѣніи. 5) Если на оборотъ окажется: a) что надѣлъ выше нормальнаго или не ниже его и повинность легче установленной комитетомъ (это встрѣчается въ 9 или 10 оброчныхъ имѣніяхъ), тамъ оставить навсегда неприкосновеннымъ существующій порядокъ вещей; b) если надѣлъ ниже нормальнаго и повинность легче устанавливаемой теперь (въ 3 — 4 оброчныхъ имѣніяхъ), предоставить на выборъ крестьянамъ перейти на новое положеніе, т.-е. получить дополнительную нарѣзку и обязаться къ уплатѣ добавочнаго оброка или остаться при прежнемъ порядкѣ вещей; c) если, наконецъ, и надѣлъ и повинность выше нормальныхъ, тамъ предоставить на выборъ крестьянамъ удержать прежній надѣлъ, обязавшись, что придется за излишнюю землю приплачивать деньгами сверхъ двухдневной барщины, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть усилена, или отказаться отъ земли свыше нормальной пропорціи и воспользоваться облегченіемъ повинности.

„Все это было принято кромѣ ст. 5-й, которую я горячо отстаивалъ, но не могъ отстоять, несмотря на поданное мною краснорѣчивое мнѣніе, которое я Вамъ пришлю.

„Чтобы привести въ извѣстность существующій фактъ надѣла, я обратился къ сводамъ статистическихъ свѣдѣній, представленныхъ гг. членами комитета (всего 7). Но тутъ, къ ужасу

моему, я убѣдился, что они всѣ составлены такъ небрежно, что ими рѣшительно не было возможности воспользоваться. Я объ этомъ заявилъ комитету и принялся самъ по подлиннымъ описаніямъ имѣній передѣлывать своды (около 800 описаній). Работа дьявольская, отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы. Вы и Черкасскій, при прочтеніи моего письма, разумѣется, пожатіемъ плечъ выразите сожалѣніе о моемъ рвеніи, которое Вамъ покажется совершенно излишнимъ, но выслушайте до конца. Этою работою (не забуду ее по гробъ) мнѣ удалось доказать, что во всѣхъ представленныхъ выводахъ надѣлъ у крестьянъ уменьшенъ гдѣ на 1½, гдѣ на 2, а гдѣ и на 4 десятины на тягло. Разумѣется, полнаго надѣла, какого я требую, мнѣ не дадутъ, но все же я, навѣрное, натяну гдѣ одну, а гдѣ и три десятины. Далѣе, принятая мною система опредѣленія надѣла по средней цифрѣ теперешняго, выгодна потому, что два или три *большихъ* имѣнія съ обильнымъ надѣломъ скрашиваютъ цѣлый уѣздъ и поднимаютъ среднюю цифру въ массѣ мелкихъ и среднихъ имѣній; наконецъ мое предположеніе поступитъ на разсмотрѣніе правительства не въ видѣ голословнаго мнѣнія, а подкрѣпленнымъ свѣдѣніями, доставленными самими помѣщиками. Разумѣется, за пересмотръ, передѣлку и перевѣрку сводовъ на меня страшно злились, но я однако дѣло свое сдѣлалъ.

„На-дняхъ приступимъ къ баллотировкѣ надѣловъ. Мнѣнія по этому вопросу обозначаются слѣдующимъ образомъ.

„1. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ я и три члена, готовые итти со мной въ огонь и въ воду, просимъ 8½ десятинъ на тягло; намъ даютъ 8.

„2. Въ Самарскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и въ половинѣ Бузулукскаго я требую 12 десят. на тягло; мнѣ даютъ 10¼, а нѣкоторые только 9.

„3. Въ южной части Бузулукскаго (къ югу отъ рѣки Самары) и въ сѣверо-восточной Николаевскаго я требую 13 десятинъ, въ центрѣ Николаевскаго 14 десят.; мнѣ даютъ повсемѣстно 9.

„4. Новоузенскій я дѣлю на три полосы и требую: a) для западной полосы, отъ Волги до вершины Узеня и вершины Кушула, — 15 десят.; b) отъ восточной границы первой полосы до рѣки Семенихи (тутъ и Ваше имѣніе) 17 десят.; c) для остальнаго уѣзда — 21 десят. Мнѣ даютъ на выборъ:

16½ десят. повсемѣстно, или 21 десят. съ солонцами безъ различія.

„Разумѣется, моего надѣла не примутъ, но я надѣюсь довести ихъ до того, что дадутъ въ трехъ полосахъ 8, 11 и 17. Страсти, временно усыпленныя, по возбужденіи вопроса о надѣлѣ, разыгрались съ необычайной силою. На меня злятся ужасно. Теперь противная партія ищетъ подкрѣпленія и приглашаетъ въ качествѣ экспертовъ на засѣданія комитета всѣхъ помѣщиковъ, какіе подъ руку попадутся, и указываетъ имъ на меня пальцемъ, какъ на ихъ лютаго врага.

„Не много бы отъ моей личности осталось, если бы придать исполнительную силу тѣмъ взглядамъ, съ которыми я встрѣчаюсь въ комитетѣ. Il y a de l'orage dans l'air et je ne sais pas si l'athmosphère s'éclercira sans que le tonnère gronde.

„Передъ этимъ мы цѣлую недѣлю разсуждали о средствахъ обезпечить исправность повинностей. Я предложилъ во-первыхъ: круговую поруку, что и принято единогласно; во-вторыхъ: *обществу* предоставить надъ каждымъ членомъ право конфискаціи имущества, отнятія земли (кромѣ усадебной), отдачи въ работу, сдачи въ рекруты и продажи квитанціи, ссылки, — тоже принято. Въ случаѣ неисправности всего общества, если недоимка ниже 300 р. — конфискацію хлѣба въ полѣ по уборкѣ, до своза; если недоимка выше 300 р. — отдача рекрута по жребію и продажа квитанціи съ торговъ, но не членамъ неисправнаго общества. Все это принято большинствомъ. Предложено еще другими членами обращеніе недоимщиковъ на барщину и конфискацію земли въ пользу помѣщика. Ни той, ни другой мѣры я не допустилъ. Но предложенная мною и принятая большинствомъ мѣра отдачи жеребьеваго рекрута вызвала сильнѣйшую оппозицію съ разныхъ сторонъ[2]); во-первыхъ, со стороны губернатора, архіерея, благонамѣренныхъ чиновниковъ и многихъ благородныхъ людей, *непомѣщиковъ;* во-вторыхъ, со стороны плантаторовъ, которые рады были, подъ предлогомъ уваженія къ человѣческой личности, оставить за собою надежду, послѣ двухъ неурожайныхъ годовъ или скотскихъ падежей, выхватить большую часть земли изъ-подъ ногъ крестьянъ. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль меня ругали и въ комитетѣ и

---

[1]) „О жеребьевомъ рекрутѣ". Соч. Ю. Ѳ. Самарина. Т. III, 232 стр.

внѣ комитета, и я выдержалъ почти то же, что Черкасскій по поводу розогъ. Послѣ долгихъ преній я подалъ письменное мнѣніе, съ котораго посылаю Вамъ копію.

„Вотъ главное по нашему комитету.

„Вы знаете вѣроятно, что намъ запретили печатать наши журналы и мнѣнія и пускать посѣтителей въ комитетъ; вслѣдствіе этого порядочныхъ людей у насъ не бываетъ.

„Еще два слова объ усадьбахъ. Мы положили оброкъ огульно за полный нормальный надѣлъ, со включеніемъ усадьбы въ 25 руб. (я предлагалъ 23). Теперь рождается вопросъ, какая доля этого оброка падетъ на усадьбу? Я предложу слѣдующее. Оброкъ дѣлится на число десятинъ, составляющихъ нормальный надѣлъ въ каждой полосѣ. *Частное* покажетъ, чѣмъ оплачивается каждая десятина *кругомъ*. Дозволить помѣщику цѣнить усадебную землю не свыше какъ въ 3, въ $2^1/_2$, 2 и въ $1^1/_2$ раза противъ той средней цифры, а именно: 1) въ большихъ пристаняхъ (какъ напримѣръ въ Майнѣ?) втрое дороже противъ средней платы за десятину; 2) при Волгѣ и около Самары, въ районѣ 20 верстъ въ $2^1/_2$ раза; 3) въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ вообще — въ 2 раза, на томъ основаніи, что въ этихъ безводныхъ уѣздахъ мѣсто усадебное для поселенія есть уже рѣдкость довольно цѣнная; 4) во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ въ $1^1/_2$ раза.

„Для выкупа оброкъ, платимый за пользованіе, капитализируется изъ 6%. Мы просимъ отсрочки на три мѣсяца, губернаторъ проситъ за насъ на два мѣсяца; получимъ вѣроятно на одинъ. Мои комитетскіе враги поднялись на штуку: созвать общій дворянскій съѣздъ для выбора депутатовъ въ Петербургъ, чтобы имѣть поводъ пожаловаться въ собраніи дворянству на комитетъ. Но, разумѣется, имъ указали, что выборъ депутатовъ предоставленъ комитету. Тогда они изобрѣли: созвать уѣздные съѣзды, подъ предлогомъ назначенія жалованья депутатамъ, а въ сущности, чтобы просить о губернскомъ съѣздѣ для выбора депутатовъ и чтобы меня предать анаѳемѣ. Уѣздныя собранія разрѣшены. Будетъ возня!

„Былъ у насъ на масляницѣ обѣдъ по подпискѣ, всѣхъ наличныхъ воспитанниковъ русскихъ университетовъ человѣкъ до 70. Я говорилъ Speach, отъ имени Московскаго, на тему, что безсиліе университетскаго образованія доказывается

безмыслiемъ нашего общества, отсутствiемъ надежныхъ, закаленныхъ характеровъ, серьезности, навыка къ труду и потребности разумныхъ убѣжденiй. Все это не для печати. Однако пора, завтра засѣданiе, а уже три часа ночи. Будьте здоровы и напишите мнѣ, что Вы вынесете изъ Петербурга.

„Посылаю Вамъ журналы нашего комитета №№ 38—52, печатную вѣдомость и мое мнѣнiе о жеребьевомъ рекрутѣ.

„А читали ли Вы статью Кавелина объ общинѣ? Вы должны быть съ нимъ совершенно согласны. Я—не во всемъ, но все же эта статья дѣлаетъ честь его добросовѣстности".

Среди писемъ этой эпохи, въ архивѣ кн. Черкасскаго находится въ копiи письмо Ю. Ѳ. Самарина къ А. О. Смирновой, написанное почти одновременно съ только что приведеннымъ письмомъ его къ Кошелеву. Не имѣя прямого отношенiя къ кн. Черкасскому, оно такъ живо передаетъ настроенiе и борьбу главнѣйшихъ, доблестныхъ руководителей членовъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, что мы считаемъ необходимымъ сдѣлать изъ него выписку.

Самара 13 марта 1859 г.

. . . . . .

„Въ жизнь мою не работалъ я такъ усиленно, — писалъ Самаринъ, — какъ съ 1-го января. Прочiе члены комитета безъ боя, даже безъ сопротивленiя — зато и спасибо не сказавши — уступили мнѣ всю работу, такъ что теперь комитетъ сосредоточился въ моемъ лицѣ. Изъ остальныхъ — нѣкоторые идутъ за мною вслѣдъ, другiе перечатъ и интригуютъ на каждомъ шагу, но дѣла на руки не берутъ, ропщутъ на мой деспотизмъ и всякiй разъ обращаются ко мнѣ для составленiя проектовъ, представленiй, сводовъ статистическихъ свѣдѣнiй. Въ то же время они сзываютъ дворянскiе съѣзды, чтобы сдѣлать постановленiе: о *не ассигнованiи мнѣ жалованья* на счетъ дворянства (замѣтьте *мнѣ одному)*, если бъ большинство комитета избрало меня депутатомъ въ Петербургъ. Я работаю аккуратно по 12 часовъ въ сутки и не могу сказать, чтобы совершенно безслѣдно. Кое что удалось сдѣлать, а именно: спустить барщину съ трехъ дней на два, а женскую зимнюю на одинъ день; удержать теперешнiй надѣлъ земли; усилить личный составъ тягла (вмѣсто 2½ мужскихъ душъ и 2½ женскихъ — 2½ мужскихъ и 3 женскихъ на тягло) и т. д. Вообще, если не весь комитетъ, то по крайней мѣрѣ

меньшинство, къ которому я принадлежу, дошло до крайняго предѣла тѣхъ уступокъ, которые можетъ сдѣлать дворянство, не подвергая себя конечному разоренію, а государство соціальному банкротству. Иными словами, мы сдѣлали все, что можно сдѣлать безъ вознагражденія, путемъ правильныхъ законодательныхъ преобразованій, а не революціонныхъ мѣръ.

Между нами будь сказано: наши потери будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ); но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями? Подойдутъ ли они хоть близко къ его надеждамъ?—вотъ вопросъ, который торчитъ у меня въ мозгу какъ осиновый колъ, и котораго я не могу себѣ разрѣшить, потому что я просто неглупый малый, а не геніальный человѣкъ съ даромъ историческаго предвидѣнія. Знаменія многозначительныя, хотя и ускользающія отъ общественнаго вниманія, совершаются у насъ въ глазахъ. Самое первое и важное—это небывалое никогда, безпримѣрное спокойствіе всего крѣпостного сословія. Ни откуда ни жалобы, ни стона, ни признака нетерпѣнія. Все молчитъ и выжидаетъ—что будетъ? Что же таится подъ этимъ величавымъ молчаніемъ? Что именно—трудно сказать, но таится что-то грозное. Въ то время какъ мы муштровали солдатиковъ, строили и театры и цирки, возстановляли въ Европѣ австрійскіе порядки и не думали объ 11 милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки жилъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго въ глубь земли, какъ образованіе ростка, корня—вообще какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали; мы не только не приступали къ дѣлу, даже ничего не подготовляли для будущаго приступа. 15 томовъ Свода Законовъ и 32 къ нимъ продолженія вышли въ теченіе 20 лѣтъ, и въ этой грудѣ Вы не найдете ни одной статьи, которая бы въ чемъ-нибудь улучшала положеніе крѣпостного сословія. Теперь мы стали втупикъ, потому что мы застигнуты врасплохъ вопросомъ, который не былъ никѣмъ *возбужденъ*, а *встерся* къ намъ самъ, какъ непрошен-

ный гость, который долго и безплодно стучался въ дверь и звонилъ въ колокольчикъ. Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши *средства:* вотъ въ двухъ словахъ, какъ представляется мнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Подъ *средствами* я разумѣю не только деньги, но и тотъ запасъ свѣдѣній, данныхъ, ума и воли, которыми располагаетъ правительство. Не правда ли, что дѣло довольно похоже на неминуемое банкротство? И признаюсь Вамъ, хотя я въ душѣ своей питаю глубочайшее отвращеніе къ переворотамъ и насиліямъ всякаго рода, хотя я гораздо болѣе консерваторъ, чѣмъ Яковъ Ростовцевъ, Сергій Ланской и Алексѣй Орловъ, но иногда мнѣ приходитъ на умъ, что сильная, всеобщая встряска для насъ необходима, хотя бы для того, чтобы покончить съ дворянской лѣнью, пробудить насъ отъ хронической спячки и очистить нравственную атмосферу, слишкомъ ужъ отяжелѣвшую отъ зловонныхъ испареній.

„Да-съ, Александра Осиповна, загадочная землица! Смотрите во всѣ глаза и Вы не найдете въ ней ничего выработаннаго, ничего готоваго, чѣмъ бы мы могли въ собственныхъ нашихъ глазахъ оправдать наши надежды на будущее. Съ другой стороны, нельзя же не признать, что во всей Европѣ существуетъ только одинъ народъ, носящій Христа въ душѣ своей, только одинъ, для котораго не порвалась нить, связывающая земное съ небеснымъ, котораго взоры сами собою безпрестанно обращаются кверху, а пальцы складываются для крестнаго знаменія при всякомъ событіи грустномъ и радостномъ. Не раздѣляю я того монашескаго взгляда, къ сожалѣнію довольно у насъ распространеннаго, будто бы смыслъ для разумѣнія божественнаго можетъ существовать одиноко въ душѣ человѣка, не воздѣйствуя на другія способности. Этотъ смыслъ есть первое условіе всякаго образованія умственнаго и гражданскаго, есть ручательство за силу, крѣпость, глубину и здоровье духа. Въ наукѣ, на службѣ, на войнѣ, въ домашнемъ быту, въ торговлѣ, въ промыслахъ, во всемъ онъ долженъ заявить себя, и мы ужъ видѣли задатки этихъ будущихъ проявленій. Вспомните Гоголя, который изнемогъ, когда почуялъ громадность задачи, выросшей передъ нимъ, задачи обновленія художества въ живой струѣ христіанства. Все же онъ одинъ ее почуялъ, тогда какъ ни Гёте, ни Байронъ, никто ее не подозрѣвалъ. И много еще падетъ и исчах-

нетъ благородныхъ дѣятелей и передовыхъ людей, которыхъ вся бѣда состоять будетъ въ томъ, что тѣсная грудь одинокаго человѣка не вмѣститъ въ себѣ задачи, заданной цѣлому народу. Но наконецъ озарится же когда-нибудь и весь народъ сознаніемъ своего призванія!...

„Одна эта вѣра кое-какъ поддерживаетъ меня и спасаетъ отъ отчаянія; но бываютъ минуты тяжелыя".

IV.

Кн. Черкасскій — Ю. Ѳ. Самарину. Тула, *7 марта 1859 г.*

„Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, письмо Кошелева изъ Рязани. Изъ содержанія его Вы увидите, что дѣла комитетскія идутъ далеко не хорошо. Наши, если только возможно, еще хуже: большинство наше превзошло въ нелѣпости и притязательности всѣ доселѣ бывшія и будущія большинства; меньшинство таетъ, и мнѣ стоило самыхъ томительныхъ усилій, чтобъ удержать его въ числѣ 6 человѣкъ, включая сюда и меня, и Петра Ѳедоровича; боюсь, что до конца мы не дойдемъ и въ этомъ скромномъ количествѣ. Вотъ имена нашихъ въ настоящую минуту: Елагинъ, бар. Черкасовъ, Тихменевъ, бар. Менгденъ, Петръ Ѳедоровичъ и я. И кабы Вы знали, чего мнѣ стоило, чтобы не дать разойтись и этому малому стаду, и какъ все оно еще не прочно. Того и гляди — къ концу останемся мы вдвоемъ съ Вашимъ братомъ, т.-е. останемся въ томъ случаѣ, если въ теченіе предстоящаго, послѣдняго мѣсяца до 5-го апрѣля, я не выбуду вслѣдствіе какой дуэли; а едва ли этого минешь.

„На-дняхъ я былъ на мази, принявъ уже вызовъ отъ нѣкоего г. В..., оскорбившагося будто бы моими словами, (что онъ, вѣроятно, не понимаетъ истинныхъ выгодъ дворянства)[1]), мною сказанными ему въ отвѣтъ на его дерзкое за-

---

[1]) Противъ этого мѣста Ю. Ѳ. Самаринымъ было сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Возражая В..., князь употребилъ выраженіе: „медвѣжья услуга", которую можно оказать дворянству при самомъ искреннемъ ему сочувствіи. Во время спора это выраженіе прошло незамѣченнымъ, и пренія продолжались. Недруги князя, вспомнивъ, что басня Крылова начинается словами: „Услужливый дуракъ опаснѣе врага", воспользовались случаемъ, чтобы поджечь г. В..., человѣка степеннаго и сравнительно незадорнаго, и побудить его къ вызову князя на дуэль. Какъ сказано въ письмѣ князя, всего возмутительнѣе были

мѣчаніе, что я разнаго съ нимъ мнѣнія, потому что я членъ отъ правительства и, вѣроятно, не сочувствую дворянству и взялъ за правило стараться ему вредить и пр. Вся штука была, безъ сомнѣнія, подготовлена въ большинствѣ заранѣе, и меня хотѣли или запугать, или заставить выйти изъ комитета и т. д. Секундантъ В... объявилъ даже Вашему брату, бывшему моимъ секундантомъ, что если я не буду изведенъ этою дуэлью, то у меня ихъ будетъ еще нѣсколько и пр. Словомъ, кажется, вслѣдствіе неудачи на выборахъ, теперь хотятъ меня извести иначе. Но что будетъ, то будетъ, а я не выйду и не уступлю.

„На первый случай они хотѣли меня запугать: я объявилъ, что никакихъ объясненій не дамъ, если В... самъ единовременно не объяснитъ, что онъ не имѣлъ намѣренія меня оскорбить, и что въ такомъ только случаѣ сдѣлаю то же самое объявленіе. Объявилъ также, что въ противномъ случаѣ буду драться: что на 25 шагахъ уступлю свое право на первый выстрѣлъ, и будемъ стрѣлять вмѣстѣ, а на шести — сохраню за собою право перваго выстрѣла. Послѣ двухдневныхъ преній противники, кажется, струсили, и В..., прежде вызывавшій меня, какъ оскорбителя, рѣшился объяснить, что онъ не имѣлъ намѣренія меня обидѣть, и получилъ отъ меня то же объясненіе. Но думаю, — это не надолго, и, вѣроятно, на дняхъ будетъ опять какая-нибудь исторія. Признаюсь, все это нѣсколько тягостно; но все это было бы еще ничего, еслибъ не соединялось съ сознаніемъ полной и совершенной безплодности комитетовъ. Нашъ комитетъ можетъ во всѣхъ отношеніяхъ служить лучшимъ и совершеннѣйшимъ образцомъ. Трудно найти что-нибудь совершеннѣе, и для наблюдателя онъ, конечно, занимателенъ до крайности.

„Но труднѣйшая изъ задачъ въ немъ для меня есть, безъ всякаго сомнѣнія, споры не съ большинствомъ, а съ меньшинствомъ. Это — споры тяжелые, утомительные и въ высшей степени непріятные тѣмъ болѣе, что людей этихъ я люблю и уважаю. Дабы сохранить въ лицѣ ихъ хоть тѣнь согласія

заявленія секундантовъ В..., которые дѣйствовали какъ бы не отъ имени г-на В..., а отъ имени „большинства“. Г-нъ В..., въ качествѣ посредника перваго призыва, былъ ревностнымъ исполнителемъ Положенія 19-го февраля и неоднократно впослѣдствіи выражалъ свое сочувствіе князю Черкасскому“.

дворянства на разумныя перемѣны, я былъ принужденъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и, между прочимъ, въ вопросѣ о надѣлѣ вмѣсто 2½ десят. остаться при двухъ. Иначе я остался бы совершенно одинъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ. Правда конечно, что наша земля цѣннѣе, чѣмъ гдѣ-либо, даже гораздо цѣннѣе, чѣмъ въ Рязани, гдѣ Кошелевъ удовольствовался тѣмъ же въ хорошихъ уѣздахъ. Но все-таки — немного маловато. Впрочемъ, я прямо оговорилъ свое мнѣніе.

„Препровождаю къ Вамъ поданное мною, по этому случаю, письменное мнѣніе, которое окончательно раздражило наше большинство. (Прилож. № 16.)

„Прощайте, будьте здоровы. Душевно Васъ обнимаю и желаю Вамъ успѣха, котораго, видно, мнѣ здѣсь не имѣть. Авось Вашъ комитетъ будетъ благоразумнѣе.

„Мы должны были закрыться вчера, но по причинѣ выборовъ и праздниковъ ждемъ себѣ отсрочки до 5-го апрѣля.

„Прощайте. Кн. *В. Черкасскій*“.

Отвѣчая на письма Кошелева отъ 11 и 20 февраля 1859 г., князь писалъ ему (письмо безъ числа):

„Оба письма Ваши — подробное изъ Москвы и первое изъ Рязани — я получилъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, и поспѣшилъ отправить ихъ къ Самарину тогда же. Давно не писалъ Вамъ какъ потому, что былъ очень занятъ и что сперва писать было нечего, такъ послѣднее время потому, что вдругъ вышла здѣсь въ комитетѣ у меня исторія съ В..., чуть-чуть не кончившаяся дуэлью [1]).

„... Правда, что большинство на меня озлобилось до крайности, и, признаюсь, я не слишкомъ увѣренъ, чтобы подобная исторія не повторилась еще разъ, и тогда она неминуемо

---

1) Къ сожалѣнію ни въ архивѣ кн. Ч—аго, ни по справкѣ, въ арх. тульск. депутатск. собр. — не сохранилось журналовъ комитета за мартъ и апрѣль; при чемъ оказывается, что въ архивѣ кн. Ч аго журналы тульскаго комитета имѣются въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ арх. тульск. депутатск. собр. Грустно, что столь важные и цѣнные для исторіи документы, могутъ уцѣлѣть у насъ лишь случайно; и нельзя не подивиться, что до сихъ поръ не обращено достаточнаго вниманія на собраніе документовъ, утрата которыхъ для исторіи реформы будетъ незамѣнимой.

должна будетъ дойти до окончательной развязки. Какъ бы то ни было, что будетъ, то будетъ, а я своего обращенія не перемѣню ни на волосокъ.

„Посылаю Вамъ при семъ разгнѣвавшее большинство мнѣніе о земельномъ надѣлѣ крестьянъ; (прилож. 16), я сдѣлалъ въ немъ однако уступки меньшинству, какъ Вы увидите. Я не гнался за категоріями по уѣздамъ для того, чтобы удержать непремѣнно двѣ десятины на душу въ лучшихъ уѣздахъ; въ плохихъ — сами помѣщики скоро будутъ нарѣзывать земли больше, а крестьяне, пожалуй, не слишкомъ погонятся за большимъ надѣломъ. Впрочемъ, не знаю, въ сущности раздѣлъ по категоріямъ можетъ быть нѣсколько справедливѣе даже въ нашей губерніи, хотя она представляетъ менѣе разнообразія, чѣмъ другія.

„Мы, меньшинство (убавившееся теперь до 6 и, можетъ-быть, до 5 человѣкъ), подаемъ наши главы въ трехдневный срокъ по журнальномъ принятіи главъ большинства. Такимъ образомъ мы представили ихъ три: 2-я, 5-я и 7-я готовы. Теперь готовятся остальныя. Намъ срокъ кончился 5-го марта, но мы хотимъ засѣдать до 5-го апрѣля, основываясь на томъ, что мы во время выборовъ были распущены по Высочайшему повелѣнію. Губернаторъ намъ не мѣшаетъ, хотя и не получилъ еще отвѣта на наши представленія объ этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ уѣздныхъ сводовъ готовы еще только пять и то въ крайне неполномъ и безобразномъ видѣ. Надобно сказать, Вы правы, говоря, что всѣ комитеты наши — мертвечина.

„Увидимъ, что сдѣлаютъ въ Петербургѣ. Затѣмъ прощайте. Душевно обнимаю Васъ и Самарина и желаю Вамъ, если не успѣха, то, по крайней мѣрѣ, безмятежнаго окончанія трудовъ.

„Душевно преданный кн. *В. Ч.*“

Ю. Ѳ. Самаринъ — кн. Черкасскому. Самара, *мартъ 1859 г.*, (безъ числа).

„Любезнѣйшій князь, сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ 7-го марта, которое не мало меня встревожило. Хотя, конечно, дѣло стóитъ того, чтобы хорошему человѣку подставить свой лобъ подъ пистолетное дуло, но все же надобно, чтобы отъ этого могла произойти какая-нибудь польза, а судя по Вашему письму, я не могу постигнуть, изъ чего Вы бьетесь и дѣлаете уступки. Если бъ Вы могли склонить большинство на свою сторону — дѣло иное; но разъ дознано

и доказано, что Вы останетесь во всякомъ случаѣ при незначительномъ меньшинствѣ, то двое ли, трое или четверо подпишутъ Вашъ проектъ — въ этомъ, по моему убѣжденію, нѣтъ рѣшительно ни малѣйшей разницы. Не стоитъ изъ-за этого терять время и надрываться въ безплодныхъ спорахъ съ почтенными людьми.

„Я извѣдалъ этого рода пытку и знаю, что споры, въ которыхъ Васъ даже не поддерживаетъ вдохновеніе расшевелившейся желчи — хуже всего. Мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходитъ сравнивать мое положеніе въ комитетѣ съ Вашимъ, не думаю Вамъ давать и совѣтовъ, но казалось бы мнѣ, что, по ходу дѣлъ у Васъ, Вы могли бы наложить печать молчанія на свои уста, махнуть рукою на комитетъ, не выходя изъ него, и беречь свои силы для Петербурга.

„Нашъ комитетъ теперь въ курьезномъ положеніи. Надобно писать проектъ. Всѣ эти господа привыкли, чтобы я за нихъ работалъ, и они требуютъ, чтобы я писалъ проектъ, но только не внося въ него ничего отвергнутаго большинствомъ и не исключая изъ него ничего принятаго большинствомъ. Я, разумѣется, отказываюсь писать на этихъ условіяхъ и отвѣчаю имъ, что я самостоятельный членъ съ личнымъ мнѣніемъ и голосомъ, а не письмоводитель большинства, и что у меня уже готовъ проектъ, который будетъ подписанъ Рычковымъ, Шишковымъ, Лазаревымъ и Мухановымъ; этого они ужасно боятся. Теперь у насъ идутъ переговоры, въ которыхъ я лично не принимаю участія, ибо я играю роль Елены между троянцами и греками. Для самолюбія лестно! Да сохранитъ Васъ Богъ.

„P. S. Мнѣнія Вашего, о которомъ Вы упоминаете въ своемъ письмѣ, — я не получалъ“.

И. С. Аксаковъ — кн. Черкасскому. Москва, *мартъ 1859 г.* (безъ числа).

„Ну, мой любезнѣйшій князь, какъ перетревожило было насъ извѣстіе объ этой дуэли! Какъ радъ я, что она не состоялась, и какъ благодарны всѣ мы Вамъ, что Вы, наконецъ, уступили общимъ стараніямъ. Въ сущности, ни съ той ни съ другой стороны не было ни одного такого оскорбленія, которое требовало бы подобной расправы. Я знаю подробности этого дѣла не только изъ писемъ Самарина, фонъ Менгдена и Елагина, но изъ разсказовъ другой стороны — Свѣчина. Онъ

очень не благоволитъ къ Вамъ вообще, но въ этомъ дѣлѣ отдаетъ полную справедливость Вашей готовности дать удовлетвореніе, хвалитъ и В... и С..., но очень ругаетъ З..., дѣйствовавшаго вопреки всѣмъ правиламъ, налагаемымъ обычаемъ на секундантовъ[1]).

„Ну, слушайте князь, Вы сами знаете, что я бы не сталъ Вамъ давать совѣтовъ, противныхъ понятіямъ о чести, какъ бы условны они ни были, но скажу Вамъ однако: если Вы ненужнымъ дразненіемъ и оскорбительностью рѣчей не парламентскою подадите новый поводъ къ дуэли и дадите себя убить, это — извините — будетъ просто *глупо*. Да, *глупо!*

„Вы не должны тѣшить себя постояннымъ униженіемъ Вашихъ противниковъ и безъ надобности раздражать ихъ. Вообще, совѣтую Вамъ въ Вашихъ отвѣтахъ никогда не упоминать *лицъ*, а имѣть дѣло съ *мнѣніемъ*. Большинство, чувствуя свою несостоятельность и бездарность, видя неминуемое свое пораженіе, разумѣется, раздражается и, разумѣется, будетъ прибѣгать къ единственному своему оружію — оскорбленіямъ и дуэлямъ. Неужели Вы такъ спроста и поддадитесь на этотъ грубый способъ рѣшать вопросы не *чести*, а вопросы *мнѣній о надѣлѣ земли*, объ усадьбахъ и пр.? Вѣдь это просто смѣшно. Вѣдь можетъ дойти до того, что нельзя будетъ сказать: „такой-то надѣлъ земли по нашему мнѣнію будетъ несправедливостью“. Потребуютъ дуэли и за это, когда само правительство не оскорбляется подобными замѣчаніями!

„Прощайте, князь! Мы всѣ горячо обнимаемъ Васъ, всѣ горячо благодаримъ Васъ, что Вы живы, но требуемъ отъ Васъ, чтобы Вы изволили быть живы и впредь, словомъ — берегли себя. Петру Ѳедоровичу Самарину всѣ Ваши друзья приносятъ искреннюю благодарность за то, что умѣлъ такъ умно согласить наше желаніе сохранить Васъ съ требованіями самаго щекотливаго, взыскательнаго благородства. Обнимаю Васъ отъ всей души. Весь Вашъ *И. Аксаковъ*.

„Пишу особой запиской, потому что не знаю, извѣстна ли княгинѣ вся эта исторія о дуэли“.

Кн. Черкасскій отвѣчалъ Аксакову: Тула. *Мартъ (15) 1859. Вторникъ*.

„Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, получилъ оба Ваши

[1]) См. „Изъ воспоминаній Е. И. Раевской“ („Русскій Арх.“ 1896 г., № 2, стр. 235).

письма и за оба весьма Васъ благодарю; въ томъ, что Вы ко мнѣ пишете по поводу нашихъ комитетскихъ дѣлъ есть много справедливаго, но, знаете, каждое положеніе имѣетъ, какъ бы сказать, свой fatum, свои необходимыя послѣдствія, и я убѣжденъ, что при званіи члена отъ правительства трудно избѣгнуть такихъ послѣдствій, какія повстрѣчались для меня и что только не уклоняясь отъ нихъ можно сохранить свое положеніе; къ тому жъ опять-таки держусь мнѣнія и Наполеона и Филидора[1]) — вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной. Впрочемъ, безъ сомнѣнія ни та, ни другая не исключаетъ благоразумія. Вы можете быть увѣрены, что и меня оно не оставитъ. Къ тому же и комитетскія наши дѣла вообще, и мое присутствіе здѣсь въ особенности, приближаются къ концу. Я сегодня отвѣчаю Ростовцеву, если не получу отвѣта отъ Кошелева (къ коему посланъ эстафетъ), что выѣду отсюда 5-го апрѣля, въ день закрытія комитета. Николай Елагинъ и я прочли Вашъ протестъ. Не спорю — онъ можетъ быть полезенъ, но онъ слишкомъ рѣзокъ. Должно многое смягчить и все вообще укоротить; ни Ковалевскій, ни Государь въ особенности не будутъ имѣть терпѣнія его прочесть. Я ни подъ какимъ видомъ не думаю, чтобы слѣдовало называть членовъ Bureau de presse. Это было бы крайне неловко. Должно *непремѣнно* исключить ихъ имена Также *непремѣнно* исключить въ концѣ повтореніе о сотрудникахъ, далеко живущихъ, и проч. Уничтожить выраженіе — *какое-то инквизиторское судилище*. Непременно выкинуть слово о русскомъ платьѣ. Все это и многое другое замѣчено мною и Елагинъ одного со мной мнѣнія; и *непремѣнно*, опять повторяю, все сократить. Только въ такомъ видѣ можно это подписать, — и тогда подпишите мое имя, я вполнѣ согласенъ. Я въ такомъ же смыслѣ, признаюсь Вамъ, писалъ и къ Кошелеву, хотя не успѣлъ сообщить ему подробности. Боюсь только не уѣхалъ ли онъ въ Москву, получивъ также назначеніе, ибо до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Сейчасъ на этотъ счетъ буду телеграфировать къ Вамъ.

„*Середа*. Отъ Кошелева все еще нѣтъ отвѣта, а судя по Вашему телеграфу онъ еще въ Рязани; да къ тому же если онъ неохотно подписываетъ, то дѣло, видно, не состоится

---

[1]) Филидоръ — извѣстный „шахматный король“.

въ этомъ видѣ. Какъ бы то ни было, если бы онъ пріѣхалъ въ Москву, если бы всѣ согласились подписать протестъ *съ измѣненіями, мною Вамъ замѣченными*, — я согласенъ также.

„Не сердитесь на меня, я право думаю, что эти измѣненія необходимы. Вы видите — мы проходимъ теперь черную полосу: все, что будетъ возможно завтра, еще не возможно сегодня и породитъ еще пущее раздраженіе. Не должно вызывать худшаго; другое дѣло — объясненіе откровенное, смѣлое, но скажу Вамъ, что Вы писали ко мнѣ — не должно дразнить!

„Прощайте. Будьте здоровы. До свиданія. Душевно Васъ обнимаю, хотя бы Вы меня посылали и къ чорту.

„Кн. *В. Черкасскій*“.

Кн. Черкасскій писалъ А. И. Кошелеву *14 марта 1859 г.*:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Спѣшу къ Вамъ написать два слова и прошу столь же спѣшнаго отвѣта. Пишу по поводу двухъ, сейчасъ мною полученныхъ, бумагъ: одна отъ Ростовцева [1]), отъ 9-го марта, которою онъ приглашаетъ въ члены-эксперты; другая — проектъ бумаги Ковалевскому отъ имени редакціи и сотрудниковъ „Бесѣды“ и „Благоустройства“.

„Что касается до второй, то я считаю полезной подачу ея, но необходимымъ — смягченіе ея тона; предположеніе о необходимыхъ поправкахъ я напишу завтра къ Ивану Сергѣевичу. Надобно говорить правду, но не дразнить и не назы-

---

[1]) „Мин. Гос., князь Владиміръ Александровичъ,— писалъ Ростовцевъ,— Государю Императору благоугодно было возложить обсужденіе проектовъ и окончательное составленіе положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, на особыя редакціонныя комиссіи, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Въ составъ этихъ комиссій назначаются, между прочимъ, члены-эксперты преимущественно изъ членовъ губернскихъ комитетовъ и другихъ опытныхъ помѣщиковъ.

„Многочисленные и почтенные труды Ваши по крестьянскому вопросу проявившіеся какъ въ литературной Вашей дѣятельности, такъ и въ средѣ комитетскихъ Вашихъ занятій, побуждаютъ меня, съ Высочайшаго одобренія, пригласить Васъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, если только обстоятельства Ваши дозволятъ, принять на себя должность члена-эксперта въ комиссіяхъ для составленія положеній о крестьянахъ.

„Въ случаѣ принятія сего приглашенія имѣю честь просить Васъ почтить меня о томъ увѣдомленіемъ и поспѣшить прибытіемъ въ Петербургъ, гдѣ комиссіи наши уже открыли свои засѣданія.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и искренней преданности. *І. Ростовцевъ*“.

вать поименно Тимашева, Муханова и Адлерберга. Тѣмъ болѣе, что К... трусъ и готовъ будетъ сейчасъ выдать; а Катковъ едва ли напишетъ такъ прямо и откровенно и тѣмъ испортитъ наши дѣла. Что Вы думаете и какъ Вы рѣшите?

„Предложеніе Ростовцева я, разумѣется, охотно и очень охотно принимаю, хотя оно будетъ мнѣ тягостно въ финансовомъ отношеніи тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, и жена моя поѣдетъ въ Питеръ со мною. А это станетъ въ копѣечку. Но вотъ что: мнѣ непремѣнно хочется кончить наши комитетскія дѣла въ Тулѣ, что невозможно до 5-го апрѣля, и слѣдовательно, мнѣ хочется не ѣхать въ Петербургъ до 5-го апрѣля, хотя Ростовцевъ и проситъ поспѣшить. Мнѣ хотѣлось бы пріѣхать въ Питеръ съ готовымъ нашимъ тульскимъ Положеніемъ, съ которымъ, — боюсь — безъ меня удовлетворительно не сладятъ. Какъ поступите вы? Я буду ждать Вашего мнѣнія для своего отвѣта Ростовцеву. Напишите поскорѣе, ради Бога. Прощайте. Душевно Васъ обнимаю.

„Я послалъ Вамъ три наши главы. На дняхъ вышлю еще двѣ или три. Въ окончательномъ экземплярѣ кое что перемѣстится изъ одной главы въ другую. Кланяюсь Дмитрію Ѳедоровичу и обоихъ Васъ обнимаю. Душевно преданный.

„Кн. *В. Черкасскій.*

„P. S. Елагина я еще не видалъ“.

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ кн. Черкасскому. Рязань *16 марта 1859 г.*

Вчера получилъ Ваше письмо по эстафетѣ, дражайшій князь; не отвѣчалъ тотчасъ, ибо ждалъ сегодняшней почты изъ Москвы. Отъ Ростовцева я никакого письма и предложенія не получалъ. По слухамъ изъ Питера, я не включенъ въ число членовъ-экспертовъ, хотя прежде и министръ и Ростовцевъ мнѣ говорили, что я буду вызванъ. Чему это приписать — не знаю. Видно, добрые мои пріятели о томъ похлопотали.

„Если бъ я былъ вызванъ, то я конечно бы просилъ оставить меня въ Рязани до окончанія дѣла въ комитетѣ; да и къ чему теперь торопиться въ Питеръ: прежде Ѳоминой настоящія работы не начнутся.

„Протеста, присланнаго Ив. Серг. Аксаковымъ отъ имени редакціи и сотрудниковъ „Бесѣды“, я, конечно, не подпишу,

а я составилъ изъ этой записки письмо къ Ковалевскому отъ имени моего, какъ издателя „Русск. Бесѣды“ и „Сельск. Благоустройства“. Письмо довольно сильное, но безъ всякой раздражительности. Копію съ него къ Вамъ посылаю. Прилагаю также копіи съ первыхъ трехъ главъ комитетскихъ и нашихъ. Нѣтъ! Комитетскихъ не посылаю, ибо въ нихъ дѣлаются перемѣны ежедневныя.

„Вчера не отправилъ къ Вамъ эстафета, ибо думалъ, что не вызовутъ ли меня черезъ губернатора. Его не было въ городѣ; онъ возвратился только сегодня поутру. Нѣтъ! рѣшительно меня не вызываютъ! Это очень досадно!

„Сообщите мнѣ Ваши замѣчанія на наши три главы. Конечно, въ нихъ будутъ еще перемѣны и не малыя.

„Прощайте. Вамъ душевно преданный *А. К.*

„P. S. Глава IV и V у меня готовы. Въ комитетѣ мы сегодня разсматриваемъ редакцію главы V. Къ сроку, т.-е. 10 апрѣля мы кончимъ“.

Убѣжденіе, высказанное кн. Черкасскимъ въ его письмѣ къ Аксакову, что при званіи члена отъ правительства трудно избѣгнуть такихъ послѣдствій, какія встрѣтились ему въ исторіи съ В..., — нашло себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина.

Самара 25 марта 1859.

„На послѣднее Ваше письмо, любезнѣйшій князь, я отвѣчалъ нѣсколько хвастливо, за что и былъ немедленно наказанъ. Чуть-чуть не довелось мнѣ подставить лба одному изъ членовъ, который осмѣлился сказать предсѣдателю въ комитетѣ, что нѣкоторые члены (т.-е. я и Рычковъ) пользуются его покровительствомъ. Я его тутъ же оборвалъ какъ слѣдуетъ, а прочіе члены заставили его извиниться. Я отвѣчалъ ему: que jamais l'injure ne monterait jusqu'à la hauteur de mon dédain...

„Я получилъ отъ Ростовцева очень лестное приглашеніе въ Петербургскій приготовительный комитетъ въ качествѣ эксперта съ правомъ голоса и съ просьбою пріѣхать немедленно. Милютинъ мнѣ пишетъ, что Вы получите такое же приглашеніе, вѣроятно уже получили [1]). Призваны еще Павловъ, Булыгинъ (изъ Москвы) Галаганъ, Тарновскій, Шиш-

---

[1]) Письмо Милютина къ Ю. Ѳ. Самарину напечатано въ запискахъ М. А. Милютиной. См. „Русск. Стар.“ 1899 г. № 2, стр. 285 — 286.

ковъ и Желѣзновъ. Имени Кошелева нѣтъ, я имъ написалъ, что это непростительная забывчивость, если точно онъ не попалъ въ списокъ.

„Я поѣду въ началѣ мая, — Вы когда? Одинъ или съ княгинею? Гдѣ думаете остановиться? Мы тамъ исхарчимся.

„Вашу записку получилъ и сообщаю кое-какія замѣчанія. Посылаю Вамъ два мои мнѣнія о надѣлѣ. Мы кончаемъ завтра. IX и X главы я составилъ одинъ. Почти все принято. Теперь мнѣ остается редижировать проектъ отъ меньшинства.

Замѣчанія на записку о надѣлѣ.

„1. Всѣ системы подведены подъ три разряда: 1) Система существующаго надѣла. 2) Система недостаточнаго надѣла. 3) Система средняго. Я признаю еще 4-ю, которой придерживаюсь, — средняго надѣла съ предоставленіемъ крестьянамъ права удержать за собою и то количество земли, которымъ они владѣютъ теперь свыше нормальнаго надѣла за соразмѣрно возвышенную повинность. Объ этомъ я подалъ особое мнѣніе, которое прилагается.

„2. Вы, мнѣ кажется, преувеличиваете выгоды, ожидаемыя отъ удержанія нынѣ существующаго надѣла и упускаете изъ виду, во-первыхъ, что во многихъ мѣстахъ онъ слишкомъ скуденъ, не обезпечиваетъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ не обезпечитъ въ будущемъ, когда сложится съ помѣщика обязанность помогать имъ; во-вторыхъ, что сохраняя неизмѣннымъ количество земли, которымъ владѣютъ крестьяне, нельзя же требовать, чтобы земля эта оставалась въ тѣхъ же границахъ и въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ она находится теперь. Это было бы крайне затруднительно и невыгодно даже въ Тульской губ. и совершенно невозможно въ $^2/_3$ Самарской гдѣ нѣтъ отдѣльно отмежеванныхъ крестьянскихъ полей, а ежегодно отводится крестьянамъ пахотная земля по числу тяголъ, рядомъ съ господскою пашнею въ разныхъ мѣстахъ. Коль же скоро вы допустите обмѣнъ и перестановку границъ, Вы не избѣгнете ломки.

„3. На конфискацію крестьянской земли за недоимки я никакъ не могу согласиться, потому что считаю эту мѣру гибельною

---

[1]) Письмо Милютина къ Ю. Ѳ. Самарину напечатано въ запискахъ М. Л. Милютиной. См. „Русск. Стар.“ 1899 г. № 2, стр. 285—286.

въ равной степени и для помѣщиковъ и для крестьянъ: 1) для помѣщиковъ, ибо, если вы дадите право обществу расквитаться съ помѣщикомъ за недоимку, отдавъ ему нынче $^1/_{10}$, завтра $^1/_5$ и т. д. крестьянской земли, то вы подорвете основное положеніе переходнаго состоянія, т.-е. обязательность повинности. Это все равно, что дать крестьянамъ немедленно право перехода. Не надобно забывать, что на сколько бы мы ни уменьшили повинность (больше какъ на $^1/_3$ нельзя), держать землю за установленную повинность, въ первое время все-таки будетъ не право, а тягость, или смягченная крѣпость, особенно въ Самарской губерніи, гдѣ оброчная плата за десятину нови окупается одною ея вспашкою. 2) Для крестьянъ, ибо при ихъ безкапитальности они бы не выдержали двухъ неурожайныхъ годовъ къ ряду, не лишившись значительной доли земли. Это подорвало бы всю хозяйственную будущность поселянъ. 3) Наконецъ конфискація, какъ мѣра *повидимому* совершенно справедливая и *достаточная* для обезпеченія помѣщика — ослабляетъ и даже подрываетъ всякое другое обезпеченіе, въ томъ числѣ и круговую поруку. „Зачѣмъ намъ приплачивать изъ своей сумы за недоимщиковъ, — скажутъ крестьяне, — на вотъ, бери ихъ землю“, а про себя подумаютъ: „намъ же придется сдавать ее, не станешь ты самъ разводить хозяйство на какихъ-нибудь шести десятинахъ“. Правительство скажетъ *то же самое*.

„Не успѣлъ дописать, а еще пункта на три Вашего мнѣнія хотѣлось бы возразить. Въ существѣ съ прочимъ вполнѣ согласенъ, а изложеніемъ наслаждался“.

Князь Черкасскій писалъ Кошелеву. Тула *27 марта 1859 г.*

„Давно уже, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, собирался я писать къ Вамъ, но въ настоящую минуту — при скоромъ окончаніи комитета и въ виду собственнаго отъѣзда на все лѣто — по собственнымъ дѣламъ такъ много дѣлъ и необходимыхъ распоряженій, что едва нахожу время. Въ настоящее время началъ писать обзоръ основаній: главы всѣ у насъ готовы кромѣ 6-й, которая дописывается, и 10-й, которая написана Самаринымъ, но еще не читана. Впрочемъ, полнаго согласія еще нѣтъ въ принятіи всего этого меньшинствомъ; и все обозначится только при окончательной подписи. Вѣроятно намъ 9-го числа придется подать весь свой проектъ съ приложеніями и раскланяться; а большинство, кажется, хочетъ

ждать той минуты, покуда губернаторъ явится съ метлой и ихъ всѣхъ выгонитъ вонъ. Не могу не сказать, что онъ въ такомъ случаѣ поступитъ весьма благоразумно; впрочемъ. мнѣ извѣстно, что онъ писалъ министру и просилъ на этотъ предметъ наставленій. Сегодня наше большинство составило противъ него громоносный журналъ за присланное имъ въ комитетъ, — если правду сказать — не очень осторожное отношеніе съ нѣкоторыми укоризнами лично противъ нѣкоторыхъ членовъ большинства. Его спасаетъ то, что мы этого не хотимъ, иначе онъ бы могъ поплясать. Зато большинство взбѣшено и хочетъ жаловаться министру: я полагаю, все кончится ничѣмъ, благодаря скорому окончанію комитета[1]).

„Я получилъ Ваше письмо къ Ковалевскому: очень, хорошо; во всякомъ случаѣ очень радъ, что Вы не подписали протестъ въ томъ видѣ, въ какомъ его прислалъ Ив. Серг. Я ему писалъ, что необходимо измѣнить многое и укоротить все, ибо никто не имѣль бы терпѣнія дочитать до конца.

„Не скрою отъ Васъ, что неназначеніе Ваше въ Петербургъ меня крайне огорчило, сколько за Васъ, (ибо это — несправедливость въ высшей степени), сколько за самый успѣхъ дѣла, ибо я боюсь, что Самаринъ и я будемъ нѣсколько тамъ затерты, среди множества лицъ незнакомыхъ или враждебныхъ,— сколько наконецъ, и за общее очевидное направленіе; ибо по моему мнѣнію — Вы, должно-быть, исключены изъ числа призванныхъ, въ качествѣ журнальнаго редактора. Мнѣ кажется, все это въ связи съ настоящимъ гоненіемъ на цензуру. Но признаюсь — я вмѣстѣ питаю надежду, что распоряженіе, до Васъ касающееся, еще можетъ быть измѣнено. Напишите, ради Бога, не увидимся ли мы въ Москвѣ: я покидаю Тулу сейчасъ по закрытіи комитета, и проведу первые только два или три дня Святой недѣли въ Москвѣ. Неужели Вы туда не пріѣдете? Очень и очень хотѣлось бы о многомъ потолковать съ Вами.

[1]) Въ архивѣ кн. Черкасскаго, № 10, А, сохранился черновой проектъ прошенія на Высочайшее имя, написанный княземъ отъ лица комитета. Мы узнаемъ отсюда, что въ апрѣлѣ (?) начальникомъ губерніи было объявлено Высочайше утвержденное положеніе главнаго комитета по крестьян. дѣлу, которымъ членамъ большинства сдѣланъ строгій выговоръ, а В... повелѣвалось вовсе удалить изъ комитета. Въ прошеніи комитетъ испрашивалъ себѣ „снятіе съ нихъ выраженія Монаршаго гнѣва“ и дозволенія не подвергать исключенію В... изъ числа членовъ комитета.

„Прощайте, надѣюсь, — до свиданія. На-дняхъ, думаю, можно будетъ опять Вамъ выслать нѣсколько главъ. Душевно обнимаю. Князь *В. Черкасскій*“.

А. И. Кошелевъ отвѣчалъ Черкасскому. Рязань, *5 апрѣля 1859 г.*

„Письмо Ваше, дражайшій князь, отъ 27-го марта мною получено вчера, 4-го апрѣля. Чудная почта!

„У насъ все оканчивается благополучно 9-го апрѣля. Мы вносимъ свой проектъ и обзоръ 8-го, а комитетскій проэктъ будетъ подписанъ 7-го, а обзоръ — 8-го. Выборы будутъ 8-го, но мы впередъ знаемъ, кого выберутъ — людей вполнѣ достойныхъ вести комитетскій проектъ (Офросимова и Ретькина). Но большинство нашло, что сдѣлано слишкомъ много въ пользу крестьянъ, а потому прибавило въ пользу крестьянъ — всѣ ночные караулы при господскихъ заведеніяхъ; въ пользу дворовыхъ — отнять мясныя порціи, прежде данныя, и въ пользу тѣхъ и другихъ: право представлять буйныхъ, грубыхъ и непослушныхъ людей въ распоряженіе правительства. Хорошо? Нашъ проектъ, кажется, недуренъ. Редакція могла бы быть лучше, ибо спѣшныя работы много ей повредили. Но вѣдь это матеріалы.

„Я выѣзжаю въ пятницу, и въ субботу къ вечеру надѣюсь быть въ Москвѣ. Очень радъ, что мы тамъ увидимся и обо многомъ перетолкуемъ. Въ Тамбовѣ также кончается 9-го или 10-го апрѣля. Прощайте. *Кошелевъ*“.

Въ заключеніе этой главы и чтобы покончить съ дѣлами тульскаго комитета, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ бар. М... къ кн. Черкасскому, писанныхъ вскорѣ послѣ отъѣзда князя изъ Тулы, а также и выдержки изъ писемъ самого князя.

Бар. М.— кн. Черкасскому. Тула, *апрѣль* (безъ числа).

„Большинство денно и нощно работаетъ, но, по словамъ писарей комитета, никакъ не могутъ согласиться отъ раздвоенія на двѣ партіи: Чижовъ и Новосельскій — достойные представители каждой изъ нихъ. Насъ приглашаютъ безпрестанно письмами, то отъ президента, то отъ губернскаго предводителя, явиться: я всякій разъ отвѣчаю, что не знаю, про какой комитетъ они говорятъ и прошу меня увѣдомить, не полу-

чено ли предписаніе приступить ко второму періоду и не утвержденъ ли нашъ проектъ, такъ какъ другого въ комитетѣ не было сдѣлано. Минин меня коститъ на всѣхъ перекресткахъ. Пушкинъ къ нимъ ѣздитъ частенько, хотя и клянется, что не принимаетъ никакого участія, а только чтобы позабавиться. Ты, вѣроятно, знаешь, что онъ отъ „меньшинства“ ѣдетъ въ Петербургъ: они съ Тихменевымъ кидали жребій — палъ на Пушкина, чему онъ очень счастливъ.

„Дараганъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ тебя письма; напиши ты ему нѣсколько строкъ, ты его этимъ крайне утѣшишь. Его также большинство бомбардируетъ письмами, на которые онъ, впрочемъ, отвѣчалъ согласно моему совѣту. Его именно безпокоила жалоба большинства на его глупую бумагу, и онъ былъ бы очень радъ, когда пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга“.

На это письмо бар. М. кн. Черкасскій отвѣчалъ двумя письмами изъ Петербурга, которыя, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Бар. М. въ письмѣ отъ *27-го мая* опять напоминаетъ князю о Дараганѣ: „напиши ему, — писалъ онъ, — нѣсколько строкъ изъ Петербурга, онъ этого ждетъ, какъ манны небесной“.

Побуждаемый письмами бар. М., кн. Черкасскій написалъ Дарагану:

„Je m'empresse, mon Général, de Vous écrire quelques mots afin de Vous faire part de ce qui peut Vous intéresser personnellement dans nos dernières complications du Comité de Toula. J'ai vu M-rs Lanskoy, Milutine, Solovief, et d'après tout ce que j'ai recueuilli, il me parait que personne n'a rien à dire contre Vous dans Vos démélés avec le Comité. L'arrangement définitif de cette question doit avoir eu lieu hier. On m'a dit que l'on permettrait à la majorité d'achever son projet toute seule, et que l'on ne réclamerait pas à cet effet le concours de la minorité qui a achevé son travail. De cette manière tout le monde sera contant. On fera aussi venir ici un député de la minorité. Mais très probablement ce ne sera pas encore de si tôt. Les travaux dans nos Comissions ont commencé depuis le 4 Mars; mais depuis mon arrivée il n'y eut encore qu'une seule séance. C'était la dixième. Agréez l'assurance etc.“ [1]).

[1]) „Ваше Превосходительство! Спѣшу написать Вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить Васъ о томъ, что можетъ лично интересовать Васъ въ на-

Одновременно съ этимъ, кн. Черкасскій писалъ бар. М...: „Не знаю, получилъ ли ты два письма, мною тебѣ адресованныя въ Епифань... я писалъ тебѣ весьма подробно и нѣсколько конфиденціально насчетъ всего происходящаго здѣсь и разсказывалъ тебѣ въ главныхъ чертахъ то, что происходитъ по нашему вопросу въ Петербургѣ, а также и то, что касается нашего большинства и меньшинства. Рѣшительно дѣла большинства здѣсь состоятъ не въ авантажѣ, такъ что я самъ старался о томъ, чтобы имъ кое-что устроить, да не удалось; напримѣръ, сталъ просить о В..., но дѣло уже было рѣшено противъ него въ Главномъ комитетѣ. Къ счастію, дѣло У..., кажется, уладилось и по крайней мѣрѣ, противъ него не предпримутъ ничего особеннаго“.

шихъ послѣднихъ компликаціяхъ въ тульскомъ комитетѣ. Я видѣлъ Ланского, Милютина, Соловьева и по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось собрать, мнѣ сдается, что никто не имѣетъ сказать ничего противъ Васъ въ Вашихъ передрягахъ съ комитетомъ. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса должно было произойти вчера. Мнѣ сказали, что большинству разрѣшатъ одному окончить проектъ, и что для этого не станутъ требовать содѣйствія меньшинства, которое окончило свою работу. Такимъ образомъ, всѣ будутъ довольны. Вызовутъ сюда также депутата отъ меньшинства. Но, по всей вѣроятности, это случится не такъ скоро. Работы въ нашихъ комиссіяхъ начались съ 4-го марта, но съ моего пріѣзда было только одно засѣданіе. Оно было десятое. Примите увѣреніе и т. д.“

КОНЕЦЪ 2-й ЧАСТИ.

Приложеніе № 1.

1-й проектъ поетепеннаго освобожденія крестьянъ.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обратилъ на себя вниманіе какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ. Въ стремленіи своемъ возсоздать гражданскую личность цѣлаго сословія, составляющаго огромное большинство русскаго народа, правительство разнообразными путями старалось достигнуть своей цѣли: оно провозгласило крестьянъ казенныхъ свободными, даровавъ имъ право пріобрѣтать на собственное имя землю; оно учредило „свободныхъ хлѣбопашцевъ“; наконецъ указомъ 1 апрѣля 1841 года[1]) оно вызвало на это поприще и дѣятельность частныхъ лицъ, предоставивъ дѣло освобожденія произвольному соглашенію самихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Отселѣ становится священнымъ долгомъ каждаго гражданина спѣшить съ своей лептой на жертвенникъ пользы общественной и подвергнуть безпристрастному суду общественному то, что могли внушить ему обстоятельства или опытъ...

При изысканіи этихъ средствъ мы не должны упускать изъ виду, что въ настоящемъ вопросѣ принимаютъ живое участіе три лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои собственные интересы, часто находящіеся въ борьбѣ съ выгодами другихъ сторонъ: это — самъ крестьянинъ, помѣщикъ и государство. Примирить по возможности противорѣчащія выгоды этихъ сторонъ — вотъ главная задача!... Выгоды крестьянина требуютъ, чтобы, получая свободу, онъ не вступилъ въ бѣдственный разрядъ бобылей, пролетаріевъ. Онъ долженъ имѣть осѣдлость, принадлежать къ общинѣ, имѣть недвижимую собственность. Свобода будетъ ему постылымъ даромъ или, лучше, гибелью, если не соединить съ нею твердаго поземельнаго владѣнія, которое для бѣдняка, особенно лишеннаго всякаго образованія, есть лучшая нравственная опора.

---

[1]) Здѣсь очевидно ошибка: указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, о которомъ идетъ рѣчь, обнародованъ 2 апрѣля 1842 года. *Примѣч. изд.*

Выгода помѣщика требуетъ напротивъ, чтобы поземельная собственность осталась за нимъ: при настоящемъ государственномъ устройствѣ она одна отдѣляетъ его отъ низшихъ по политическому достоинству классовъ; одна она можетъ сохранить его вліяніе на народъ, поставивъ пролетарія въ безусловную зависимость отъ землевладѣльца.

Среди этихъ двухъ противорѣчащихъ стремленій возвышается интересъ высшій, государственный: чуждое эгоистическимъ выгодамъ той и другой стороны, государство одно вполнѣ можетъ сознавать высшія, общественныя потребности и поставить себя превыше личныхъ предразсудковъ и личныхъ страстей. Государство дѣйствуетъ во имя будущности, и потому оно должно искать твердаго упроченія судьбы крестьянъ, а не установленія какого-нибудь частнаго отношенія, которое сейчасъ пришлось бы опять измѣнить. Поэтому, съ одной стороны, государство должно стремиться къ полному матеріальному обезпеченію крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно забывать съ другой — что законныя выгоды помѣщика не могутъ быть принесены въ жертву другому сословію, что нравственное вліяніе помѣщичьей власти есть во всякомъ случаѣ могучій рычагъ въ рукахъ опытнаго управленія.

Изъ соображенія этихъ трехъ первенствующихъ въ дѣлѣ эманципаціи интересовъ, выводятся три главные, доселѣ исключительно имѣвшіеся въ виду, способа освобожденія крестьянъ.

1) Освобожденіе ихъ безъ награжденія ихъ землею и съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому — или полнымъ, какъ бывало у насъ встарь, или ограниченнымъ, какъ то было положено для губерній остзейскихъ.

2) Освобожденіе съ извѣстнымъ, бо́льшимъ или меньшимъ, количествомъ земли, въ видѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ и съ разрушеніемъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ помѣщику.

3) Учрежденіе крестьянъ обязанныхъ.

Разсмотримъ каждое:

1) Естественно, что помѣщики лучше всего желали бы освобожденія крестьянъ безъ земли: имъ хотѣлось бы дать имъ свободу и поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость, основанную на слишкомъ неравномъ между богатымъ землевладѣльцемъ и бѣднымъ бобылемъ договорѣ, въ зависимость большую даже, нежели зависимость теперь существующая, ибо она не смягчалась бы даже вліяніемъ чувства нравственнаго, которое теперь играетъ также важную роль въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Но

едва ли кто-нибудь можетъ серіозно подумать о подобномъ предположеніи: достаточно вспомнить, что такое положеніе вещей существовало у насъ уже 250 лѣтъ тому назадъ; чтобы найти исходъ изъ него Россія принуждена была пожертвовать даже свободою большинства народа. Исторія не возвращается къ однажды исчерпаннымъ формуламъ. Что̀ касается до болѣе или менѣе остроумныхъ видоизмѣненій того же самаго плана, придуманныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія изобрѣтательнымъ умомъ нѣмцевъ, горькій опытъ остзейскихъ губерній достаточно обнаруживаетъ всю важность и обманчивость слишкомъ корыстныхъ расчетовъ.

2) Гораздо возвышеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ другой планъ — учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Къ несчастію, въ первообразномъ своемъ начертаніи онъ едва ли имѣетъ большую практическую исполнимость: слишкомъ немногіе помѣщичьи крестьяне довольно богаты, чтобы воспользоваться открывшеюся для нихъ возможностію откупаться съ достаточнымъ количествомъ земли отъ господъ своихъ.

Впрочемъ планъ этотъ нашелъ сочувствіе въ благородномъ тульскомъ дворянствѣ: на выборахъ 1843—44 года нѣсколько гг. дворянъ входили къ г. начальнику губерніи съ проектомъ — отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю, съ награжденіемъ ихъ землею по 1 дес. на ревизскую душу и освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобождаемыхъ крестьянъ изъ долга Опекунскому Совѣту 45 р. сер. Съ самаго перваго взгляда представляются слѣдующіе недостатки въ предложенномъ планѣ: a) вознагражденіе, требуемое гг. дворянами можетъ быть нѣсколько уменьшено безъ значительнаго для нихъ ущерба. b) Уступаемое ими крестьянамъ количество земли слишкомъ мало: ибо считая даже по 3 души на тягло, на каждое тягло по этому расчету приходилось бы, слѣдовательно только по 3 каз. дес., исключая отсюда необходимую для крестьянъ десятину луговъ и землю, находящуюся подъ дворищемъ, конопляникомъ и огородомъ, остается немного болѣе $^1/_2$ дес. тридцатной въ полѣ на тягло, или менѣе половины того, что теперь въ Тульской губ. составляетъ minimum оставляемой на долю крестьянина земли. Съ этого бездѣльнаго клочка земли тягло на 3-хъ душахъ рѣшительно не можетъ прокормиться при теперешнемъ состояніи земледѣлія. Слѣдов. подобнымъ распоряженіемъ значило бы поставить крестьянина въ полную денежную зависимость отъ сосѣда-землевладѣльца, у котораго онъ долженъ бы былъ принанимать себѣ землю. Конечно, количество уступаемой крестьянамъ въ собствен-

ность земли не должно превышать мѣры необходимаго для его содержанія, — иначе сосѣдній помѣщикъ не будетъ въ состояніи найти наемныхъ рукъ для обработки собственной земли, а равно и отдавать собственныя порожнія земли внаймы жителямъ близъ лежащихъ селеній. Но тѣмъ не менѣе эта необходимая мѣра должна быть соблюдена. с) Этотъ планъ мгновенно разрываетъ всѣ связи между помѣщикомъ и крестьянами и лишаетъ ихъ той естественной опоры, того, такъ сказать, воспитанія, которое они отъ него легко и удобно принять могутъ при продолженіи, даже въ состояніи свободы крестьянъ, нравственно-юридическихъ отношеній между ними и бывшимъ владѣльцемъ. Съ другой стороны съ осуществленіемъ этого плана, правительство становится въ непосредственное соприкосновеніе со всею нимало не приготовленной къ свободѣ массою помѣщичьихъ крестьянъ, чрезъ что все государственное и мѣстное управленіе должно было бы неимовѣрнымъ образомъ осложниться. — На это предложеніе свое господа дворяне получили слѣдующій отвѣтъ: что правительство принять его не можетъ, ибо оно прямо противорѣчитъ основной мысли его — сохранить за дворянствомъ поземельную собственность.

3) *Учрежденіе крестьянъ обязанныхъ* довершаетъ пятый годъ своего существованія[1]); въ теченіе этого уже довольно продолжительнаго срока осуществились только два примѣра установленія этого сложнаго отношенія, и то подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Уже этого одного достаточно, чтобы понять, какъ далеко оно не соотвѣтствуетъ потребностямъ народнымъ. Ближе всматриваясь въ учрежденіе это, мы открываемъ въ немъ слѣдующія два главныя неудобства: во-1-хъ, отсутствіе для помѣщика всякаго возможнаго внѣшняго обезпеченія, что заключенныя условія будутъ свято сохранены; отношеніе слишкомъ сложное заставляетъ сильно сомнѣваться, чтобъ при нѣсколько возвышенномъ оброкѣ, въ натурѣ или деньгами, онъ могъ быть легко взыскиваемъ съ почитающихъ себя почти свободными крестьянъ; во-2-хъ, учрежденіе это не могло быть принято, какъ послѣднее слово законодательства для устроенія судьбы низшаго сословія: ибо, съ одной стороны, оно приковываетъ крестьянина къ землѣ, къ одному мѣсту, не менѣе состоянія крѣпостного, съ другой — освящаетъ навѣки въ крестьянскомъ быту общинное вла-

---

[1]) Такъ какъ кн. Черкасскій полагалъ, что указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ обнародованъ въ 1841 году (см. стр. 1), мы можемъ предположить, что настоящій проектъ написанъ въ 1846 г.

дѣніе землею, эту самую первообразную и несовершенную форму поземельной собственности. Зато, разсматриваемое только какъ ступень переходная между крѣпостнымъ состояніемъ и полной свободой, учрежденіе обязанныхъ крестьянъ представляетъ ту огромную выгоду, что значительно облегчаетъ этотъ переходъ и постепенно воспитываетъ крестьянъ для этого новаго состоянія, мало-по-малу замѣняя для него власть помѣщика властью общины.

Итакъ, для начертанія плана должно избрать срединный путь между свободными хлѣбопашцами и обязанными крестьянами, стараясь совмѣстить выгоды тѣхъ и другихъ и избѣгнуть ихъ недостатковъ.

На это возразятъ: но правительство рѣшительно объявило, что оно не сочувствуетъ плану надѣленія крестьянъ землею въ собственность: слѣдовательно всякое подраженіе проекту тульскихъ дворянъ становится невозможнымъ...

Въ дѣлѣ столь важномъ и новомъ позволено всякому человѣку заблуждаться, лишь бы онъ заблуждался добросовѣстно и безкорыстно. Намъ кажется, что едва ли въ отвѣтѣ, сообщенномъ правительствомъ, гг. тульскимъ дворянамъ, не скрывается болѣе глубокая мысль. Дѣйствительно, насчетъ продолженія за дворянствомъ собственности поземельной, уже самый предложенный проектъ достаточно долженъ былъ успокоить правительство: онъ изъ дворянской собственности выдѣлялъ крестьянамъ слишкомъ незначительное количество, которое притомъ, какъ замѣчено выше, скорѣе ставило ихъ въ еще большую зависимость отъ помѣщика, нежели обезпечивало имъ независимую участь. Итакъ, можно полагать, что болѣе глубокая мысль руководила правительствомъ въ его отказѣ: смѣемъ догадываться, что Высочайшаго утвержденія не воспослѣдовало потому, что планъ этотъ не представлялъ достаточныхъ ручательствъ съ другой стороны; онъ разрывалъ всѣ связи нравственнаго порядка между договаривающимися сторонами и такимъ образомъ лишалъ государственное управленіе необходимаго на время посредствующаго звена между имъ и крестьяниномъ — власти помѣщичьей. Сохранись она въ той мѣрѣ, въ какой она изложена въ Положеніи объ обязанныхъ крестьянахъ, и правительство будетъ едва ли не равнодушно — получитъ ли помѣщикъ отъ крестьянина единовременное вознагражденіе, или будетъ взимать съ него годичный оброкъ.

На этомъ основаніи смѣемъ предложить слѣдующій планъ.

Помѣщикъ выдѣляетъ крестьянамъ своимъ на каждое тягло (считая тягло по 3 ревизскихъ души) по сор. десятинѣ въ полѣ, и еще

сор. десятину на луга, огороды, дворище и проч., итого на тягло 4 сор. десятины, или $5^1/_3$ дес. казенныхъ, что составляетъ на душу 1 дес. и 1866 саж. = 1 д. $^{31}/_{40}$. Цѣнность десятины можно положить въ 37 руб. сер. Итого цѣнность уступаемой земли = 65 руб. 68 к. сер.

На крестьянъ съ землею приходится долга Опекунскому Совѣту 50 руб. сер. Итакъ каждое тягло должно въ теченіе 37 лѣтъ платить въ оный по 9 руб. сер.

Остальная затѣмъ часть цѣнности уступаемой земли съ крестьянъ не взыскивается помѣщикомъ, но они подъ названіемъ крестьянъ обязанныхъ облагаются годовымъ оброкомъ — по 1 четв. ржи и по 2 четв. овса съ тягла или со всего количества сор. дес. въ полѣ.

Отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ остаются такъ, какъ они изложены въ актѣ гр. Воронцова.

Хлѣбъ собирается помѣщикомъ натурою по примѣрному замолоту въ самое время уборки и въ снопахъ привозится крестьянами на его гумно. Дозволяются всякія сдѣлки съ обоюднаго согласія, для замѣненія оброка натурою оброкомъ денежнымъ.

Повинности, такимъ образомъ возлагаемыя на крестьянъ, гораздо легче теперь существующихъ: оброчные крестьяне Веневскаго уѣзда при этомъ же самомъ количествѣ земли нигдѣ не платятъ менѣе 15 руб. сер. съ тягла, кромѣ разныхъ поборовъ. Полагая же четв. ржи по 7 р. 50 к., а четв. овса въ 5 р., весь предположенный здѣсь оброкъ не превышаетъ 14 руб. сер. Крестьяне, состоящіе на запашкѣ, конечно еще гораздо болѣе отягчены.

При этомъ въ теченіе 37 лѣтъ обязанные крестьяне освобождаются отъ казеннаго долга. Отъ правительства зависитъ дозволить имъ откупаться отъ него и прежде означеннаго срока, буде они на то могутъ собрать нужный капиталъ.

Помѣщикъ же при такомъ, далеко не излишнемъ, надѣленіи крестьянъ землею, легко можетъ съ выгодою отдавать имъ свои порожнія земли внаймы, или, и самъ занимаясь обработкою ихъ, найти между ними вольныхъ работниковъ.

Правительство безъ всякаго пожертвованія съ своей стороны содѣйствуетъ освобожденію крестьянъ, и продолженіе власти помѣщичьей, въ законныхъ предѣлахъ ограниченной, служитъ ей лучшимъ ручательствомъ сохраненія спокойствія общественнаго.

Отъ правительства можетъ зависѣть постановить:

1) Чтобъ по истеченіи 37-лѣтн. срока и уплаты казеннаго долга, но не прежде, крестьяне могутъ откупиться окончательно отъ помѣ-

щика и платимаго ему оброка, единовременно внести ему извѣстную напередъ назначенную сумму денегъ по оцѣнкѣ уступаемой земли.

2) Чтобъ, откупившись окончательно отъ помѣщика, они могли, наконецъ, приступить и къ внутреннему межеванію отдѣльныхъ участковъ волостной дачи.

(Съ черновой въ арх. кн. Черкасскаго, № 30).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Записка кн. В. А. Черкасскаго: О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія въ концѣ 1856 года.

Печатая здѣсь полностью проектъ кн. Черкасскаго „О постепенномъ исходѣ изъ крѣпостного состоянія“ мы не только желаемъ положить предѣлъ дальнѣйшему недоразумѣнію, приписавшему кн. Черкасскому авторство неизвѣстно кѣмъ составленной записки, но и сообразуемся въ этомъ случаѣ съ желаніемъ, высказаннымъ однажды самимъ княземъ по слѣдующему поводу.

Въ 1870 г., гр. Орловъ-Давыдовъ, одинъ изъ ярыхъ противниковъ кн. Черкасскаго въ его дѣятельности по вопросу освобожденія крестьянъ, обратился къ нему съ просьбою, разрѣшить привести нѣкоторыя выдержки изъ его проекта въ предпринятомъ имъ трудѣ о земледѣліи въ Россіи. На любезное письмо графа князь отвѣчалъ:

„Permettez moi, M-r le Comte, de commencer par Vous exprimer ma reconnaissance pour la courtoisie dont Vous avez bien voulu faire preuve à mon égard, qui m'impose l'obligation d'une entière franchise. J'ai reçu le billet que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire hier, et il me met je l'avoue dans un certain embarras, que je ne trouve pas nécessaire de Vous dissimuler. Je n'ai pas sous la main le mémoire, auquel Vous faites allusion; peut-être même n'en ai-je plus même une copie en ma possession; pour le savoir exactement, je devrais faire des recherches dans mes archives domestiques relégués aujourd' hui à la campagne. Il me faut donc pour décider la question que Vous voulez bien me poser, m'en remettre à de vagues souvenirs, datant à peu près d'il y a 13 ou 14 ans, par-dessus lesquelles ont passé bien des choses. Vous dirai-je, M-r le

Comte, qu'à mon avis tout auteur, dont l'œuvre, petite ou grande, n'aura pas pour une raison quelconque été livrée à la publicité, n'a qu'à redouter d'être cité partiellement, tant que tout son écrit n'aura pas été mis dans son entier sous les yeux des lecteurs. Vous dirai-je, que cette vérité me parait surtout applicable aux œuvres de circonstances, nées avec le jour et destinées à mourir avec lui. Le mémoire en question n'avait autant que je m'en souviens de signification véritable qu'en tant que les premières pages se rattachaient à la conclusion, qui engageait le Gouvernement à prendre dans un avenir plus ou moins rapproché et après une série de mesures préparatives, l'initiation d'une émancipation générale des serfs, basée sur le principe absolu de la dotation territoriale du paysan. Des citations partielles, tirées peut-être de la première partie de ce mémoire, pourraient-elles rendre fidèlement l'idée de l'auteur et vice versa?"...

D'un autre côté ce mémoire n'était pas comme Vous le savez destiné à la publicité! Il n'avait en vue qu'un avertissement sincère et presque confidentiel donné au Gouvernement, que personne ne croyait à cette époque décidé à entrer dans les voies d'une réforme radicale. Dans l'opinion de tous ceux qui s'intéressaient à la question de l'émancipation, il s'agissait alors plutôt d'engager le Gouvernement à entrer dans la voie nouvelle, ne fut ce qu'avec une certaine timidité et de lui indiquer des moyens simples, faciles, peu décisifs et ne tranchant pas dans le vif[1]). Le public lui-même était encore bien loin de la décision dont il a fait preuve plus tard dans cette même question; et chacun de ceux auxquels il a été donné de prendre part aux émouvantes péripéties de ce drame historique, n'a certainement pas prévu en 1856 la majestueuse facilité avec laquelle ce drame a pu se dérouler au grand honneur

---

[1]) **Примѣчаніе изд.** А. П. Кошелевъ (въ своихъ „Запискахъ" стр. 93) разсказываетъ, что когда его проектъ освобожденія крестьянъ былъ готовъ и онъ прочелъ его своимъ пріятелямъ, Ю. Ѳ. Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предлагаемыхъ мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ! не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ итти назадъ". А. кн. Черкасскій, напротивъ того, выразился такъ: „Нѣтъ! отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки, дѣйствительно, радикальны, но не бѣда — изъ большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать".

et au grand bonheur de notre pays. Bien des opinions ont varié et ont pu même changer du tout au tout au milieu des immenses évolutions qui s'opéraient autour de nous. Bien peu de personnes heureusement ont continué à *ne rien apprendre et à ne rien oublier*. Au milieu d'un courant aussi général que généreux qui, à un moment donné, a entraîné la société toute entière, je ne saurais certainement pas seul élever la prétention de n'avoir pas pour ma propre part modifié jusqu'à un certain point mes opinions primitives et de ne pas risquer de pouvoir être mis dans une certaine mesure en contradiction partielle plus apparente d'ailleurs que réelle, avec ce que j'ai pu dire ou écrire plus tard dans des circonstances toutes différentes".

„Le lecteur sera-t-il prévenu de toutes ces circonstances? Et saurait-il d'ailleurs y prendre le moindre intérêt, si par hasard on lui en parlait?"

„Ces réserves faites et quoique je n'aie *jamais*, je me plais à le répéter, destiné le mémoire en question à la publicité, je ne verrais pas d'obstacle à ce qu'il vit le jour en dehors et indépendamment de mon initiative personnelle, si Vous le croyez absolument nécessaire au triomphe des idées que Vous soutenez, M-r le Comte, et que je respecte sans les partager. Je tiendrais seulement à ce que mon écrit ne soit pas cité d'une manière fragmentaire, mais qu'il puisse être en même temps livré au public dans son ensemble comme pièce justificative de l'ouvrage qui le citerait, et accompagné ne fut ce que de cette lettre qui lui servirait de complément, d'explication et d'introduction indispensable"...

Милостивый Государь

Князь Владимиръ Александровичъ!

На письмо Вашего Сіятельства отъ 1-го января имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ доставленную господину министру внутреннихъ дѣлъ записку: „О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія“, и что Его Высокопревосходительство поручилъ мнѣ благодарить Васъ за предпринятый Вами трудъ, который своевременно будетъ разсмотрѣнъ.

Исполняя симъ порученіе Сергѣя Степановича, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

А. Левшинъ.

9 января 1857 г.

(Подлинн. въ арх. кн. Черкасскаго, № 6).

Записка о лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія.

Уже болѣе девяти мѣсяцевъ Россія пользуется выгодами цѣною многой крови и пожертвованій купленнаго мира. Общественная молва, согласная въ томъ и съ официальными удостовѣреніями, возвѣщаетъ, что правительство послѣ двухлѣтней напряженной борьбы Россіи съ цѣлой Европой рѣшительно хочетъ направить ее на путь временно покинутый внутренняго преуспѣянія вещественнаго и духовнаго. Самъ собою естественно возникаетъ въ общественномъ сознаніи цѣлый рядъ вопросовъ внутренней политики, ожидая отъ правительства и отчасти отъ общественнаго мнѣнія разрѣшенія своего въ томъ или другомъ смыслѣ. Между ними первое, самое яркое мѣсто занимаетъ вопросъ о продолженіи, видоизмѣненіи или коренномъ уничтоженіи крѣпостного права.

Самое возникновеніе этого вопроса въ той силѣ, въ какой слышится онъ въ сознаніи каждаго человѣка, какъ бы впрочемъ ни былъ онъ лично къ нему расположенъ, избавляетъ безпристрастнаго созерцателя отъ празднаго и ни къ чему не ведущаго труда доказывать, что учрежденіе это въ настоящемъ развитіи своемъ стало вредно для общества и государства и что необходимо искать средствъ для врачеванія этого зла.

По этому самому и мы оставимъ безъ вниманія эти общія разсужденія, способныя лишь раздражать умы и излишнія для всѣхъ тѣхъ, кто признаетъ несомнѣнную потребность въ настоящее время разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ и осмѣлимся предложить на всеобщее обсужденіе тѣ данныя къ разрѣшенію его, которыя внушило намъ долговременное и безпристрастное наблюденіе внутренняго русскаго быта.

Прежде всего обратимъ вниманіе наше на постоянное періодическое возникновеніе этихъ вопросовъ въ общественномъ сознаніи. Намъ извѣстно, что они сильно занимали уже умы въ царствованіе блаженной памяти императрицы Екатерины II. Императоръ Павелъ Петровичъ издалъ законъ о трехдневной

барщинѣ. Въ царствованіе Александра Благословеннаго, подъ вліяніемъ тѣхъ же заботъ, возникло въ 1803 г. февраля 20-го законоположеніе о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Движеніе, единожды возбужденное, не прерывалось совершенно и во все царствованіе Александра I. Въ промежуткѣ глубокаго, ничѣмъ не нарушеннаго мира между 1831 и 1848 годами можно еще прослѣдить два сильнѣйшихъ пароксизма той же мысли въ 1842 и 1847 годахъ, породившіе указъ 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, указъ о дозволеніи крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга, выкупаться на волю цѣлыми селеніями, и инвентари, введенные въ западныхъ губерніяхъ Русской имперіи. Наконецъ и нынѣ опять, едва пришла къ концу война съ Европою, и вновь озабочена Россія тою же мыслію.

Обыкновенно, послѣ каждаго такого пароксизма, общественное мнѣніе, подкупленное внѣшними выгодами стараго порядка вещей и утомленное безплоднымъ умничаньемъ, еще покрѣпче затянувъ старый неразрѣшимый узелъ и затемнивъ еще болѣе для будущаго поколѣнія неразгаданный вопросъ, на время успокоивается и вновь предается сладостной дремотѣ, покуда вновь не разбудятъ его спѣшные шаги недремлющей исторіи. Особенно случалось такъ въ послѣднее тридцатилѣтіе; грустно будетъ каждому русскому горячо любящему отечество свое, если и настоящая эпоха не окажется плодовитѣе на практическіе результаты.

Это безплодіе большей части вышеприведенныхъ нами попытокъ легко объяснится, если мы вникнемъ въ сущность тѣхъ самыхъ средствъ, которыя большею частію прилагались къ разрѣшенію возникавшихъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, есть два способа для разрѣшенія всякаго дѣла, а въ томъ числѣ и всякаго важнаго политическаго вопроса; два средства врачеванія всякаго политическаго зла: можно стремиться или къ всецѣлому мгновенному его искорененію, къ мгновенному болѣзненному преобразованію на новый ладъ всѣхъ тѣхъ жизненныхъ отношеній, въ коихъ проявляется извѣстное зло; или можно, довольствуясь болѣе скромнымъ поприщемъ, приложить всѣ заботы свои лишь къ исцѣленію самыхъ вопіющихъ язвъ, къ устраненію лишь главныхъ причинъ и главныхъ проявленій зла, къ постепенному врачеванію, а не къ искорененію зла. Словомъ суще-

ствуютъ двѣ политики: политика коренныхъ преобразованій и политика палліативовъ.

Къ сожалѣнію правительство, увлеченное, конечно, горячимъ желаніемъ общественной пользы, искало, кажется, результатовъ слишкомъ общихъ и спѣшныхъ, упуская изъ виду возможныя и близкія данныя, подъ рукою лежащія; оно стремилось само изобрѣсти новыя жизненныя формулы и извнѣ привить ихъ обществу, не довѣряя его самодѣятельному развитію и не вызвавъ его самого къ законному участію въ изобрѣтеніи этихъ формулъ. Мы, конечно, не скажемъ ничего новаго, если выразимъ убѣжденіе, что постоянною, задушевною мыслію прошедшаго царствованія было однообразное опредѣленіе отношеній сословія крестьянскаго къ помѣщикамъ, инвентарное ихъ регулированіе, словомъ — коренной переворотъ въ экономическихъ законахъ, на коихъ двѣсти лѣтъ покоилась Россія. Мысль эта, чуждая русскому духу и русскимъ обычаямъ, естественно не нашла себѣ почвы, и слишкомъ широко задуманное преобразованіе не осуществилось. Въ самомъ дѣлѣ едва ли возможно представить себѣ задачу многосложнѣе и труднѣе: правительству предстояло привести въ извѣстность разнообразныя въ каждой мѣстности и различныя почти въ каждомъ имѣніи повинности крестьянъ къ помѣщикамъ и столько же разнообразныя выгоды имъ отъ послѣднихъ предоставленныя, подвесть, часто къ одновременному ущербу обѣихъ сторонъ, всѣ эти разнообразнѣйшія отношенія подъ одну или подъ нѣсколько общихъ юридическихъ формулъ, дать этимъ новымъ учрежденіямъ силу и крѣпость стародавняго быта, вопреки исконнымъ часто для всѣхъ любезнымъ привычкамъ, наконецъ мгновенно, безъ всякаго предварительнаго пріуготовленія, перевесть всю огромную массу юридическихъ отношеній сельской жизни изъ мягкой области обычнаго права, гдѣ привыкли они покоиться, въ жесткую сферу печатнаго законоположенія и полицейскаго вмѣшательства. Мы не говоримъ уже о многихъ другихъ неизбѣжныхъ трудностяхъ при установленіи такого новаго порядка вещей: о совершенной невозможности на первые три, четыре года доставить сельской промышленности новыя рабочія силы въ замѣну необходимо имѣющихъ въ значительной степени уменьшиться прежнихъ обычныхъ барщинскихъ средствъ; о неизбѣжномъ развитіи враждебнаго настроенія между сословіями

крестьянъ и помѣщиковъ; наконецъ, о невозможности правильнаго полицейскаго надзора за строгимъ обоюднымъ соблюденіемъ инвентарей, особенно въ среднихъ губерніяхъ, гдѣ помѣщичьи имѣнія вообще многочисленны и дробны [1]).

Здѣсь не мѣсто подробно разбирать всѣ недостатки, всѣ невозможности инвентарныхъ положеній въ примѣненіи ихъ къ великороссійскимъ губерніямъ. Подробное изложеніе ихъ можетъ быть предметомъ особаго, обширнаго труда. Скажемъ еще только, что мысль объ инвентарномъ опредѣленіи сельскихъ отношеній, совершенно чуждая современному русскому быту, зашла къ намъ изъ Германіи, особенно Пруссіи и Австріи, гдѣ имѣла она твердую основу, которой лишена въ Россіи: дѣйствительно, и въ Пруссіи и въ большей части Австріи, еще далеко до Фридриха Великаго и Іосифа, установились въ селахъ эти инвентарныя отношенія сами собою, въ силу стародавнихъ договоровъ и обычаевъ, почти съ незапамятныхъ временъ и большею частію подъ вліяніемъ нахлынувшаго германскаго завоеванія и письменности и германской склонности къ юридической опредѣлительности на сельскую общину славянскую, обращенную въ барщинское подданство; въ XVIII вѣкѣ въ Германіи уже рѣдкое рыцарское имѣніе не имѣло своего стародавняго строго наблюдавшагося инвентаря, и даже во многихъ мѣстахъ цѣлые округи управлялись сходственными инвентарями. Законодателю оставалось только смягчить эти устарѣвшія, но всегда опредѣлительныя положенія, запретить упраздненіе крестьянскихъ хозяйствъ или самовольное обрѣзываніе помѣщиками общинной земли, и постановить условія, на коихъ крестьянинъ могъ откупить свое хозяйство отъ господской барщины. Конечно, далеко не въ подобныхъ условіяхъ находимся мы теперь, а потому и далеко непримѣнимо къ нашимъ помѣщичьимъ имѣніямъ нѣмецкое законодательство. Одни только такъ называемыя у насъ государственныя — удѣльныя и прочихъ наименованій казен-

[1]) Изъ таблицъ Кеппена, коими пользовался г. Тенгоборскій, видно, что въ Кіевской губерніи на 1262 помѣщиковъ приходится 501.834 души, т.-е. около 400 душъ на одного помѣщика; а въ Тульской на 4152 помѣщиковъ 415.578 душъ крѣпостныхъ крестьянъ, слѣдовательно около 100 душъ на одного помѣщика. Изъ статистики Смоленской губерніи г. Соловьева мы узнаемъ, что въ Духовщинскомъ уѣздѣ приходится на каждаго помѣщика еще меньшее число душъ крѣпостныхъ крестьянъ, а именно — 36, и во всей Смоленской губерніи — на одного помѣщика 67 душъ.

ныя имущества представляютъ аналогію съ положеніемъ доменовъ и обитавшихъ на нихъ крестьянъ въ Пруссіи въ XVIII вѣкѣ; а потому и къ нимъ однимъ можетъ покуда съ успѣхомъ быть примѣнено прусское аграрное законодательство. Объ этомъ будетъ объяснено ниже.

Все нами до сихъ поръ сказанное естественно приводитъ къ тому заключенію, что въ настоящую минуту желательно было бы видѣть на время оставленными правительствомъ планы уничтоженія крѣпостного права, слишкомъ общіе, неопредѣленные и преждевременные, невозможность выполненія коихъ можетъ только отдалить желанную минуту нормальнаго разрѣшенія всѣхъ трудностей; желательно въ особенности, чтобы правительство рѣшительно отказалось отъ личнаго изобрѣтенія и отъ притязаній къ приведенію въ исполненіе новыхъ общихъ формулъ сельскихъ отношеній, взращенныхъ и выработанныхъ въ канцелярской атмосферѣ, а не въ народной сознательной жизни. Пора вмѣсто того и давно пора приняться за нѣкоторыя практическія мѣры, которыя бы достаточны были для временнаго врачеванія зла, не въ силахъ будучи возбудить ни слишкомъ упорнаго сопротивленія высшихъ классовъ, ни слишкомъ преждевременныхъ надеждъ низшихъ слоевъ народа, которыя пришлись бы по плечу современному общественному развитію русскаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ не потребовали бы отъ государства слишкомъ энергическаго напряженія правительственныхъ струнъ. Пора вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить въ этомъ дѣлѣ обществу слишкомъ долго заглушенный свободный голосъ его, выслушать его мнѣніе, вызвать несомнѣнно присущую ему изобрѣтательность и самодѣятельность, которыя никакою лихорадочною дѣятельностію правительства замѣнены быть не могутъ. Откровенно вопрошенное общество, безъ сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ запасѣ практическаго опыта своего и готовыя формулы, и тайну новыхъ искомыхъ отношеній.

Съ полною откровенностію и горячимъ желаніемъ пользы общественной, осмѣлимся мы здѣсь въ краткихъ словахъ обозрѣть тѣ главныя законодательныя мѣры, которыя съ своей стороны считаемъ мы возможными, но вмѣстѣ и совершенно необходимыми. Мы будемъ излагать ихъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

1. Постановленіе отъ правительства нормальной цѣны, за которую каждый крѣпостной крестьянинъ, въ губерніяхъ, гдѣ

еще не введены инвентари, имѣлъ бы право требовать отпущенія своего на волю съ семействомъ своимъ безъ земли.

2. Дарованіе дворовымъ людямъ права по достиженіи 35-лѣтняго возраста, требовать безвозмезднаго отпущенія своего на волю.

3. Рѣшительное запрещеніе помѣщикамъ, какъ во время народныхъ переписей или ревизій, такъ и между ними, вновь переводить крѣпостныхъ людей своихъ изъ званія крестьянъ въ званіе дворовыхъ.

4. Воспрещеніе присутственнымъ мѣстамъ совершать купчія, дарственныя или какого бы то ни было другого наименованія крѣпостные акты, по коимъ изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого переходили бы крѣпостные люди безъ земли въ числѣ менѣе 50 наличныхъ душъ.

5. Введеніе нѣкоторой гласности въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

6. Немедленное исключеніе, не ожидая новой ревизіи, изъ помѣщичьяго оклада крестьянъ, отпущенныхъ имъ на волю безъ земли.

7. Облегченіе для вольноотпущенныхъ приписки къ обществамъ.

8. Допущеніе правительствомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ указа 2 апрѣля 1842 года въ договорахъ, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами при отпущеніи послѣднихъ въ обязанные крестьяне.

9. Дозволеніе помѣщикамъ отпускать *деревни свои* въ свободные хлѣбопашцы послѣ смерти своей духовными завѣщаніями, и притомъ, какъ въ благопріобрѣтенныхъ, такъ и родовыхъ имѣніяхъ.

10. Дозволеніе почетнымъ гражданамъ покупать имѣнія помѣщичьи, заключая при этомъ съ крестьянами договоры.

11. Искорененіе по возможности безпомѣстнаго и мелкопомѣстнаго владѣнія крѣпостными людьми.

12. Воспрещеніе банковымъ учрежденіямъ впредь принимать вновь въ залогъ и допускать перезалогъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми; и облегченіе залога незаселенныхъ земель въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

13. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже введены инвентари, поддержаніе ихъ и дополненіе нѣкоторыми новыми постановленіями.

14. Поощреніе владѣльцевъ всѣми зависящими отъ правительства нравственными средствами къ отпущенію на волю крестьянъ въ ихъ имѣніяхъ.

15. Допущеніе литературнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ состояніи по крайней мѣрѣ въ повременныхъ изданіяхъ обществъ сельскаго хозяйства и обращеніе на него вниманія преподавателей политико-экономическихъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

1. Постановленіе отъ правительства нормальной цѣны, за которую каждый крѣпостной крестьянинъ въ губерніяхъ, гдѣ еще не введены инвентари, имѣлъ бы право требовать отпущенія своего на волю съ семействомъ своимъ безъ земли.

Каждому мыслящему человѣку, конечно, приходилось слышать самые разнорѣчивые и всегда въ ту или другую сторону пристрастные отзывы о крѣпостномъ состояніи. Между тѣмъ какъ одни, и особенно въ послѣднее время, видѣли въ немъ якорь спасенія для современнаго государства, выхваляя благодѣтельное вліяніе его на ослабленіе нищенства и пролетаріата и сопряженныхъ съ ними язвъ, другіе съ неумолимою строгостію порицаютъ его, видя въ немъ произвольныя оковы, наложенныя на человѣчество, унижающія его достоинство, осуждающія его на вѣчную безысходную нищету нравственную и вещественную. Не вдаваясь ни въ ту, ни въ другую крайность, мы осмѣлимся выразить то искреннее убѣжденіе, что въ настоящее время, при настоящей, къ сожалѣнію вообще еще низкой степени развитія у насъ большинства народнаго, при искусственномъ вѣковомъ развращеніи его самымъ учрежденіемъ крѣпостного права, послѣднее является имѣющимъ весьма неравномѣрное и неоднообразное дѣйствіе на отдѣльныхъ членовъ народа. Будучи въ вещественномъ, и притомъ въ одномъ только вещественномъ, отношеніи учрежденіемъ отчасти благотворнымъ для крестьянина необразованнаго, развратнаго и облѣнившагося, оно падаетъ бременемъ невыносимымъ на каждаго кто сохранилъ и развилъ въ себѣ искру свѣта Божьяго, кто хотя нѣсколько воспиталъ себя духовно, кто трудомъ своимъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ капиталъ и ощутилъ уже потребность и нужду въ обезпеченіи противъ слѣпого произвола безотвѣтственной власти господина или приказчика его. Для такого человѣка узы крѣпостного быта не нужны, ибо онѣ не представляютъ

ему никакого вознагражденія за тягости свои, и нестерпимы, въ особенности, когда онѣ соединяются съ ежеминутными неизбѣжными стѣсненіями и неуравнительностями господской барщины. Самое наглядное благоразуміе требуетъ, чтобы государство поспѣшило, ради прочности самаго учрежденія, устранить эти зародыши броженія, дать имъ правильный, законный исходъ, перенести ихъ въ другую, болѣе свободную, сферу, гдѣ они могли бы безъ вреда и, напротивъ, съ пользою для общества развиться и получить разумное направленіе. Никого, хотя нѣсколько знакомаго съ народнымъ и хозяйственнымъ бытомъ русскимъ, конечно, не удивимъ мы, когда скажемъ, что въ имѣніяхъ земледѣльческихъ, тягость барщины преимущественно падаетъ на крестьянина исправнаго и лошаднаго; а въ имѣніяхъ оброчныхъ крестьянинъ промышленный и денежный слишкомъ часто представляетъ предметъ постыднаго торга владѣльцевъ, систематически притѣсняющихъ его, дабы вынудить его подѣлиться съ ними нажитымъ капиталомъ, хотя бы подъ благовиднымъ предлогомъ отпуска его на волю за огромную, разорительную сумму. Съ другой стороны, часто случается, что подъ вліяніемъ непонятныхъ предразсудковъ многіе, даже и честные, и добрые, владѣльцы ни за какія деньги не соглашаются даровать свободу нетерпѣливо по ней вздыхающимъ и вполнѣ достойнымъ ея крестьянамъ.

Отъ правительства зависитъ, безъ всякаго нарушенія правъ частной собственности, прекратить это зло, и вызвать къ гражданской жизни тысячи людей полезныхъ. *Законъ долженъ установить извѣстный тахітит*, выше коего помѣщикъ не имѣлъ бы права требовать съ крестьянина своего за отпускъ его на волю. Крестьянину не должно быть дозволено откупаться на этомъ основаніи на волю иначе, какъ безъ раздробленія семейства. Раздробленіемъ семейства должно быть признано нынѣ существующее легальное опредѣленіе онаго; и сверхъ того должно быть постановлено, что во всякомъ случаѣ нисходящіе родственники не могутъ требовать отпущенія своего на волю безъ прямыхъ восходящихъ членовъ семейства. Крестьянинъ, желающій откупиться на волю, долженъ при прошеніи о томъ представить въ мѣстный уѣздный судъ слѣдующія съ него деньги, и немедленно послѣ этого ставится закономъ подъ покровительство стряпчаго на томъ же основаніи, какъ опредѣлено то о людяхъ, отыски-

вающихъ свободы изъ крѣпостного состоянія, съ тою только разницею, что паспортъ ему долженъ быть выданъ не по постановленіи о немъ рѣшенія въ первой инстанціи, а немедленно самимъ стряпчимъ по личномъ удостовѣреніи послѣдняго въ взносѣ крестьяниномъ въ уѣздный судъ денегъ за выкупъ на волю въ потребномъ количествѣ, и притомъ въ тотъ же самый день[1]). Стряпчій, въ случаѣ неправильности дѣйствій его, долженъ быть подверженъ штрафу въ пользу помѣщика, кромѣ отвѣтственности передъ начальствомъ, и надзоръ за дѣйствіями его въ сихъ дѣлахъ долженъ быть возложенъ на уѣзднаго предводителя. Рѣшеніе уѣзднаго суда, благопріятное для крестьянина, не должно подлежать апелляціи помѣщика и должно считаться рѣшительнымъ; рѣшеніе же, содержащее отказъ въ свободѣ крестьянину, должно подлежать тому же ходу, какъ и нынѣ существующія дѣла объ отыскивающихъ свободу. Отпускная должна быть выдаваема присутственнымъ мѣстомъ крестьянину, не взирая ни на какія запрещенія на имѣніе помѣщика, ниже на залогъ и просрочку его въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и безъ предварительнаго испрашиванія согласія послѣдняго. Но въ случаѣ залога имѣнія, или частнаго или казеннаго запрещенія, представленная крестьяниномъ выкупная цѣна не выдается судомъ помѣщику, а отсылается имъ въ Опекунскій Совѣтъ или Приказъ общественнаго призрѣнія.

Законъ долженъ далѣе опредѣлить крестьянину одинъ срокъ въ году для предъявленія суду законнымъ порядкомъ требованія своего объ отпускѣ его на волю. Срокъ этотъ долженъ быть, конечно, не слишкомъ кратковременный и притомъ долженъ непремѣнно приходиться въ осень, когда хлѣбъ съ полей убранъ, работы полевыя всѣ кончены, крестьянину открывается свободное время для выѣзда изъ селенія и перехода въ другое мѣсто жительства, и, наконецъ, владѣльцу не можетъ причинить разстройства выбытіе изъ имѣ-

---

[1]) Само собою разумѣется, что всѣ эти формальности должны быть постановлены лишь въ огражденіе крестьянина на тотъ случай, когда онъ могъ бы отъ помѣщика своего или управляющаго встрѣтить препятствіе въ полученіи желаемой свободы; въ случаѣ же обоюднаго согласія помѣщика и крестьянина, законъ долженъ устранить соблюденіе всѣхъ вышеприведенныхъ формальностей и предоставить первому право во всякое время выдавать крестьянину своему отпускную безъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ.

нія его нѣсколькихъ тяголъ. Едва ли во всѣхъ этихъ отношеніяхъ найдется въ году срокъ удобнѣе *осенняго* Юрьева дня, освященнаго древнимъ нашимъ законодательствомъ. Извѣстно, что первый Судебникъ Іоанна III назначалъ для крестьянскаго отказа срокъ двѣ недѣли до Юрьева дня осенняго и двѣ недѣли по Юрьевѣ днѣ; второй судебникъ, Грознаго, опредѣлилъ одну недѣлю до и одну недѣлю по Юрьевѣ днѣ.

Право выкупа на волю за извѣстный maximum должно, по мнѣнію нашему, быть предоставлено однимъ только крестьянамъ, а не дворовымъ людямъ, такъ какъ въ послѣднихъ, постоянно и близко обращающихся съ господскимъ имуществомъ, подобное право могло бы породить иногда гибельное искушеніе—присвоить себѣ ввѣренное имъ добро и достигнуть желанной свободы путемъ воровства. Вотъ почему для облегченія ихъ участи осмѣливаемся мы ниже предложить иную, болѣе сообразную съ положеніемъ ихъ, мѣру.

Наконецъ, право выкупа безъ земли должно быть предоставлено, по мнѣнію нашему, лишь крестьянамъ тѣхъ губерній, въ коихъ не введены еще правительствомъ инвентарныя положенія. Въ послѣднихъ должны быть имъ предоставлены другого рода права, болѣе сообразныя съ достигнутыми уже результатами, о чемъ подробнѣе также сказано будетъ ниже.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: какъ высокъ долженъ быть этотъ maximum выкупа крестьянскаго? Для того, чтобы предлагаемая мѣра была дѣйствительна, законный maximum не долженъ быть такъ высоко поднятъ, чтобы крестьянинъ могъ потерять надежду трудолюбіемъ и бережливостію когда-нибудь, хотя бы послѣ многолѣтняго томленія, осилить выплату его. Притомъ, конечно, не должно быть упускаемо изъ виду правительствомъ, что назначеніе этого maximum'а постоянно должно быть разсматриваемо какъ дарованное крѣпостному человѣку средство законнаго исхода изъ первобытнаго своего положенія, а не какъ благовидная мѣра для затрудненія ему этого исхода, лишь только прикрытая ложною внѣшностью филантропическаго чувства. Подобная насмѣшка надъ лучшими чувствами человѣчества, конечно, немыслима въ правительствѣ, сознающемъ свое высокое достоинство и назначеніе, и могла бы породить лишь послѣдствія гибельныя для общественнаго спокойствія. Назначенная отъ закона выкупная цѣна должна быть высока лишь настолько, на-

сколько нужно это для обезпеченія за владѣльцемъ средней торговой цѣнности его имущества, которое отъ выкупа на волю крестьянина должно только видоизмѣняться въ составѣ своемъ, а отнюдь не уменьшаться, и для обезпеченія общества гражданскаго отъ внезапнаго наплыва на него массы новыхъ полноправныхъ гражданъ, несостоятельныхъ и незрѣлыхъ. Обѣ цѣли эти, конечно, вполнѣ достигнутся, если закономъ принятъ будетъ повсемѣстно по всей Россіи однообразный maximum *во сто рублей* серебромъ за наличную душу мужского пола; *при мужчинѣ женщина*, къ тому же нераздробимому семейству принадлежащая, *не должна платить ничего;* отдѣльная отъ семейства наличная женская душа должна быть оцѣнена закономъ въ половину противъ мужской[1]).

Наконецъ, выкупаясь на волю, крестьянинъ сохраняетъ право собственности на все свое движимое имѣніе безъ исключенія, а равно и на пріобрѣтенныя имъ на собственныя свои деньги, съ разрѣшенія помѣщика своего, земли; но усадьба его и посѣянный на землѣ хлѣбъ должны оставаться въ пользу помѣщика.

Не лишнимъ считаемъ мы здѣсь замѣтить, что назначеніе выкупа однообразнаго по всей Россіи, полезно въ томъ отношеніи, что такое однообразіе естественно устранитъ всякую возможную попытку помѣщиковъ, владѣющихъ имѣніями въ различныхъ губерніяхъ, причислять всѣхъ тѣхъ крестьянъ, коимъ средства ихъ позволили бы отойти на волю, изъ имѣній тѣхъ губерній, гдѣ maximum выкупа былъ бы ниже къ деревнямъ своимъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ maximum этотъ былъ бы закономъ установленъ нѣсколько выше.

Сто рублевый серебромъ выкупъ крестьянъ конечно вполнѣ обезпечиваетъ помѣщика отъ всякаго убытка (не говоря уже о губерніяхъ хлѣбопашественныхъ), но даже и въ сѣверныхъ приволжскихъ промышленныхъ губерніяхъ; несомнѣнно, что и въ тѣхъ и въ другихъ выгодно отпускать крестьянъ по

---

[1]) Быть можетъ еще справедливѣе было бы соразмѣрить выкупную цѣну возрасту выкупающагося, составивъ такимъ образомъ цѣлую лѣствицу цѣнъ, основанную среднимъ числомъ на сторублевой оцѣнкѣ крѣпостной души; мы полагаемъ, что лѣствица эта должна представлять не болѣе трехъ или четырехъ подраздѣленій, а именно: мужчина отъ 18 до 50 лѣтъ можетъ быть оцѣненъ въ 150 руб. сер., мальчикъ отъ 14 до 18 л. — въ 100 руб. сер., дѣти ниже 14 лѣтъ и старики свыше 50 лѣтъ — въ 50 руб. сер..

сто рублей серебромъ за душу, сохраняя усадьбу, землю, луга, лѣса. Исключенія изъ этого общаго правила будутъ рѣдки и большею частію основаны на какомъ-либо злоупотребленіи; и если выгоды, отъ подобнаго рода оборота проистекающія, будутъ безспорно на первый разъ нѣсколько менѣе въ губерніяхъ приволжскихъ, чѣмъ въ степныхъ, то зато въ первыхъ скоро вознаградитъ помѣщиковъ быстрое распространеніе охоты крестьянъ къ свободѣ и вслѣдствіе того несравненно бо́льшая количественность крестьянскихъ выкуповъ.

Не менѣе безосновательно было бы возраженіе, слишкомъ часто наобумъ повторяемое, что подобная система скоро должна привести насъ къ пролетаріату. Мысль эта, нынѣ сдѣлавшаяся обиходною и служащая послѣднимъ діалектическимъ убѣжищемъ для всѣхъ несостоятельныхъ и въ особенности для недобросовѣстныхъ защитниковъ крѣпостного права, есть безъ сомнѣнія одна изъ нелѣпѣйшихъ, которымъ когда-либо удавалось овладѣвать умами людей. Если принять, что на основаніи новаго закона въ теченіе десяти лѣтъ могли бы выкупиться на волю, въ губерніяхъ приволжскихъ цѣлые 20% крѣпостного народонаселенія, а въ прочихъ губерніяхъ (за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ уже введены инвентари) цѣлые 10%, то и въ такомъ случаѣ, при такомъ поистинѣ блистательномъ результатѣ, число крѣпостныхъ людей въ Россіи такимъ путемъ достигшихъ свободы дошло бы въ теченіе десяти лѣтъ лишь до милліона душъ мужского пола или до двухъ милліоновъ душъ обоего пола. Присоединивъ къ тому всю массу нынѣ существующаго городского народонаселенія [1]), т.-е. около 5.328.000 жителей обоего пола, мы получимъ все еще только 7.300.000 душъ, т.-е. менѣе 11% всего народонаселенія Россіи. Не такую пропорцію находимъ мы на Западѣ, который, слѣдовательно, и не долженъ быть непрестанно приводимъ въ примѣръ для устрашенія нашего воображенія. Во Франціи городское народонаселеніе составляетъ около $^1/_3$, а въ Англіи болѣе $^2/_3$ всего народонаселенія. Въ указываемыхъ ему нами размѣрахъ, пролетаріатъ,

[1]) Tengoborsky, Etudes, tome I page 150; онъ включаетъ сюда духовенство, дворянство, чиновниковъ, временно проживающихъ въ городахъ крестьянъ. Собственно же мѣщанъ и цеховыхъ обоего пола только 2.773.416; теперь вѣроятно около 3.000.000.

можно сказать съ твердою увѣренностію, не только не вреденъ и не опасенъ, но даже совершенно для Россіи необходимъ: пускай часть крѣпостныхъ крестьянъ, незрѣлая для гражданской свободы и не умѣющая купить ее себѣ собственнымъ трудомъ, останется еще на время подъ опекою помѣщичьей власти, составляя вмѣстѣ съ государственными крестьянами обширное осѣдлое сословіе; но безъ значительной массы зрѣлаго, дѣятельнаго свободнаго населенія, способнаго передвигаться туда, куда зоветъ его голосъ развивающейся промышленности, мануфактурной и земледѣльческой, не будетъ никогда въ Россіи фабрикъ, способныхъ состязаться съ Европою и удовлетворять отечественнымъ нуждамъ въ случаѣ разрыва съ Западомъ, не разовьются никогда вполнѣ и всѣ громадныя средства нашего степного земледѣлія, безотлагательно требующаго себѣ нынѣ помощи многихъ и многихъ новыхъ рукъ. Въ настоящее время вольный трудъ въ Россіи вмѣстѣ и дорогъ до крайности и крайне скуденъ по количественности предложенія своего: послѣднее ясно доказывается тѣми невѣроятными усиліями, которыхъ стóитъ привлеченіе къ себѣ рабочихъ рукъ каждому, вновь учреждаемому на коммерческой ногѣ производству фабричному и сельскохозяйственному, и которыя вполнѣ оцѣнить можетъ лишь человѣкъ, самъ испытавшій и прошедшій чрезъ этотъ мучительный опытъ. Дороговизна же труда (конечно относительная — сравнительно съ цѣнами производимыхъ имъ предметовъ), кромѣ другихъ доводовъ, можетъ быть ясно доказана уже и тѣмъ замѣчательнымъ явленіемъ, исключительно принадлежащимъ Россіи и нигдѣ въ иныхъ земляхъ не повторяющимся, что у насъ нѣсколько сословій, лишенныхъ всякой собственности, живя единственно трудами голыхъ рукъ своихъ, въ состояніи этимъ путемъ не только прокормить себя, но еще сверхъ того уплачивать съ труда своего огромнѣйшій прямой налогъ, какого нигдѣ не видано. Мы говоримъ о дворовыхъ людяхъ, по паспортамъ живущихъ, о мѣщанахъ и цеховыхъ. Слишкомъ извѣстны огромные оброки, платимые первыми господамъ своимъ; мѣщанамъ не много лучше; для примѣра приведемъ повинности мѣщанъ московскихъ, которые платятъ податей ежегодно по 6 руб. сер. съ каждой души мужского пола, попавшей въ ревизію, и сверхъ того берутъ паспорты; плакатный же паспортъ стóитъ одною бу-

магою 1 руб. 45 коп. сер., а со всѣми расходами обходится мѣщанину никакъ не менѣе какъ въ 3 руб. сер.

Въ пользу допущенія въ отечествѣ нашемъ стѣсненнаго въ благоразумные размѣры пролетаріата говоритъ еще и грозящая невозможность безъ помощи его сохранить по уничтоженіи крѣпостного права, хотя бы и въ далеко уменьшенномъ количествѣ, значительныя сельскія хозяйства помѣщичьи. Между тѣмъ важность соблюденія ихъ столько же очевидна, сколько очевидна и затруднительность продолженія имъ своего существованія безъ помощи пролетаріевъ, при упраздненіи прежнихъ барщинскихъ средствъ: дѣльное помѣщичье хозяйство есть безспорно лучшій разсадникъ раціональнаго хозяйства, единственный источникъ и единственное средство научнаго хозяйственнаго образованія крестьянъ; только отсюда можетъ крестьянинъ научиться пользѣ усовершенствованныхъ орудій земледѣльческихъ, улучшеннаго скотоводства, болѣе сложныхъ сѣвооборотовъ, хорошихъ экономическихъ построекъ. Съ другой стороны почти всѣ эти, десятками лѣтъ постояннаго труда и заботливости созданныя и не малыхъ капиталовъ стоившія, усовершенствованныя хозяйства помѣщичьи необходимо должны будутъ мгновенно упразднiться, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, въ случаѣ единовременнаго полнаго освобожденія всего крѣпостного сословія, съ надѣленіемъ его значительнымъ количествомъ земли; ибо несомнѣнное внезапное вздорожаніе вольнонаемнаго труда, конечно, сдѣлаетъ на время всякую хозяйственную обработку значительныхъ поземельныхъ пространствъ невыгодною и, слѣдовательно, невозможною. Одно лишь заблаговременное усиленіе этихъ вольнонаемныхъ рабочихъ силъ, посредствомъ образованія сословія (не слишкомъ многочисленнаго) свободныхъ безземельныхъ крестьянъ, можетъ спасти отъ угрожающаго долговременнаго непроизводительнаго застоя обширные вещественные и умственные капиталы, начинающіе теперь уже охотно скопляться въ этихъ улучшенныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ и хозяйствахъ.

Не забудемъ далѣе слѣдующихъ важнѣйшихъ соображеній.

Во-первыхъ, большая часть отпущенниковъ останется на постоянномъ жительствѣ на прежнихъ мѣстахъ и будетъ попрежнему нанимать земли у старыхъ помѣщиковъ своихъ, если только послѣдніе на это согласятся; это явленіе повто-

рится, конечно, не только въ губерніяхъ земледѣльческихъ, гдѣ крестьяне къ хлѣбопашеству пріобыкли и трудно имъ отъ него оторваться, но въ особенности въ промышленныхъ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ для крестьянина, идущаго вдаль въ заработокъ, слишкомъ важно оставить жену и дѣтей въ знакомомъ ему мѣстѣ, среди родныхъ и давнихъ сосѣдей, гдѣ притомъ обиліе луговъ и лѣсовъ и важность для промышленнаго крестьянина центра, уже вполнѣ развитаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, всегда склонятъ отпущенника, не взирая на бѣдность почвы, къ значительнымъ пожертвованіямъ, лишь бы не покидать вовсе родного края.

Во-вторыхъ, отъ правительства зависитъ нѣкоторыми косвенными мѣрами привязать отпущенниковъ къ стародавнимъ осѣдлостямъ ихъ, доставивъ владѣльцамъ возможность продавать имъ усадебныя земли даже въ такомъ случаѣ, когда имѣнія будутъ заложены: это можетъ быть достигнуто посредствомъ весьма немногосложныхъ распоряженій, лишь бы кредитныя учрежденія, съ крайнею упорностію всегда противящіяся выходящимъ изъ круга ихъ ежедневной дѣятельности мѣрамъ, не забыли бы, что они созданы для пользы общества и государства и *должны соображать свои дѣйствія съ общественными потребностями, а не общество для нихъ создано и не государство къ нимъ приписано.* Стоитъ только въ пользу вольноотпущенныхъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, воспрещающаго отчужденіе малѣйшаго клочка земли изъ заложеннаго имѣнія, дозволивъ помѣщику продавать таковую, но не иначе какъ вольноотпущенному изъ того же имѣнія и съ взносомъ каждый разъ въ кредитное учрежденіе хотя бы по 15 р. сер. за десятину; запрещеніе продавать на этомъ основаніи землю можетъ быть сохранено лишь для имѣній до крайности малоземельныхъ и, слѣдственно, слишкомъ мало обезпечивающихъ кредитное учрежденіе, имѣющихъ, напримѣръ, менѣе 2 десятинъ на душу.

Въ-третьихъ, если даже за всѣмъ тѣмъ, вслѣдствіе предлагаемаго нами новаго закона, большое число отпущенниковъ, особенно изъ губерній центральныхъ, малоземельныхъ, дѣйствительно покинули бы любезныя себѣ жилища и родныя урочища, и пошли бы искать себѣ счастія въ другихъ, болѣе привольныхъ, краяхъ отечества нашего, то и подобный исходъ дѣла, конечно, не можетъ быть почтенъ результатомъ

бѣдственнымъ: разумная справедливость требуетъ, чтобы мы отнюдь не смѣшивали въ понятіяхъ нашихъ нищаго, голоднаго и безнравственнаго пролетарія, ищущаго лишь добыть себѣ perſas et neſas скудный кусокъ хлѣба, отъ рачительнаго и умнаго крестьянина, умѣвшаго въ благородномъ потѣ лица, безъ всякой посторонней помощи, многолѣтними трудами, снискать себѣ свободу, и который, слѣдовательно, знаетъ ей цѣну; такой отпущенникъ всюду внесетъ съ собою и чувство личнаго достоинства, и упорный трудъ, и практическое знаніе хозяйственнаго дѣла, и даже почти всегда уже готовый капиталецъ или, по крайней мѣрѣ, умѣніе скоро и честно его добыть. Дай Богъ отечеству нашему поболѣе такихъ родныхъ переселенцевъ: тогда сами собою процвѣтутъ отдаленныя степи наши заволжскія, прикубанскія, таврическія и новороссійскія, и населятся не сонными татарами и не безпутными жидовскими колоніями, а благороднымъ русскимъ племенемъ, съ коимъ всюду внесутся вѣра православная и чувство народное; и куда бы ни вторглось тогда оружіе западныхъ державъ, оно всюду встрѣтитъ, вмѣсто готовыхъ къ измѣнѣ татаръ, русскую грудь и сердце русское.

Въ-четвертыхъ, отъ правительства безъ сомнѣнія зависитъ, почти одновременно съ дарованіемъ крестьянамъ права одиночнаго выкупа изъ крѣпостного состоянія, открыть въ бо́льшихъ или ме́ньшихъ размѣрахъ распродажу пустопорожнихъ казенныхъ земель мелкими участками, такъ чтобъ пріобрѣтеніе ихъ сдѣлать доступнымъ новымъ отпущенникамъ. Для этого должны быть назначены въ продажу казенныя земли не только въ отдаленныхъ губерніяхъ, но еще и пустопорожнія оброчныя статьи въ тѣхъ среднихъ губерніяхъ, гдѣ съ самаго начала сильнѣе обнаружится стремленіе крестьянъ воспользоваться новымъ имъ дарованнымъ правомъ выкупаться на волю. Всѣ эти назначенныя въ продажу земли должны быть предварительно разбиты на небольшіе участки различной величины сообразно мѣстному удобству, и каждый долженъ быть снятъ особо на планъ; должно быть также дозволено желающимъ покупщикамъ складываться и покупать большіе участки вмѣстѣ въ нераздѣльное общее владѣніе свое. Половина покупной цѣны каждаго участка можетъ, если купившій пожелаетъ, быть оставлена за нимъ въ долгу, на правилахъ обыкновенныхъ банковыхъ ссудъ. Словомъ, должны быть пре-

доставлены пріобрѣтателямъ изъ крестьянъ всевозможныя удобства и льготы къ свободному пріобрѣтенію и безпрепятственному пользованію продаваемыми казенными участками. Такимъ образомъ, легко можетъ быть достигнута троякая цѣль: во-первыхъ, облегченіе вновь выкупившимся на волю помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтенія себѣ новой прочной осѣдлости; во-вторыхъ, болѣе согласное съ выгодами народнаго богатства употребленіе нынѣ втунѣ лежащаго, и часто почти мертваго капитала, представляемаго государственными имуществами; въ-третьихъ, открытіе для правительства новаго источника почти неизсякаемыхъ богатствъ и средствъ для позднѣйшаго приведенія къ концу дѣла освобожденія крѣпостного сословія черезъ справедливое вознагражденіе владѣльцевъ.

Наконецъ, *въ-пятыхъ*, скажутъ намъ: правительство рѣшительно полагаетъ чрезвычайную важность въ сохраненіи между крестьянами общиннаго начала и общественной собственности и не признаетъ ни малѣйшей выгоды для государства въ учрежденіи, даже въ предлагаемыхъ нами благоразумныхъ размѣрахъ, сословія свободныхъ безземельныхъ крестьянъ. Мы далеки отъ мысли оспаривать выгоду, представляющуюся при упраздненіи власти помѣщичьей надъ крѣпостными ихъ людьми, отъ сохраненія неприкосновеннымъ того начала общиннаго управленія, которое безспорно глубоко коренится въ нравахъ и свойствахъ нашего народа и можетъ при таковомъ переворотѣ служить лучшимъ ручательствомъ соблюденія общественнаго спокойствія. Мы, напротивъ, несравненно менѣе вѣруемъ въ безусловное совершенство общественнаго владѣнія землею и смѣемъ думать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ гражданственности, умноженіемъ народонаселенія и возвышеніемъ поземельной цѣнности, наши сельскія общества, сохранивъ лишь общинное управленіе, покинутъ сами собою эту первообразную, несовершенную форму владѣнія поземельнаго и путемъ естественнаго свободнаго развитія дойдутъ до болѣе или менѣе общаго приложенія понятія о частной собственности. Тѣмъ не менѣе, каково бы ни было наше личное воззрѣніе на сей предметъ, но во всякомъ случаѣ предлагаемая нами мѣра одиночнаго выкупа изъ крѣпостного состоянія весьма легко можетъ быть согласована съ вышеприведеннымъ воззрѣніемъ правительства: стóитъ только по-

становить, что откупающіеся на волю изъ крѣпостного состоянія крестьяне должны непремѣнно приписываться къ обществамъ казенныхъ крестьянъ, и дозволить имъ безплатную приписку къ нимъ вездѣ, гдѣ на каждаго казеннаго крестьянина приходится болѣе трехъ десятинъ на душу; приписка къ городамъ можетъ быть воспрещена вовсе или, по крайней мѣрѣ, затруднена законнымъ наложеніемъ на каждаго приписывающагося въ мѣщане значительнаго единовременнаго взноса въ пользу городского общества.

Само собою разумѣется, что это должно во всякомъ случаѣ относиться до однихъ крестьянъ, а не до дворовыхъ людей.

Такимъ образомъ, завѣтное начало нынѣ существующаго общиннаго устройства не будетъ нарушено; вышедшіе на волю крѣпостные крестьяне, оставивъ свое общество, немедленно перейдутъ въ другое, столько же твердо и быть можетъ еще тверже организованное; перемѣнятся лишь имена и мѣстоположенія нѣкоторыхъ обществъ; самое же начало общинное сохранится свято и неприкосновенно. Неужели и этого слишкомъ мало? Неужели для спасенія Россіи необходимо, чтобъ крестьяне непремѣнно продолжали жить въ сельскихъ обществахъ, носящихъ названія — напримѣръ, села Иванова, Павловска и проч.? и неужели погибнетъ Россія, если тѣ же крестьяне перейдутъ въ близлежащія другія сельскія общества, на тѣхъ же началахъ живущія, но носящія лишь другія названія? Мы этому съ трудомъ повѣримъ!

Изъ всего вышесказаннаго кажется ясно, что установленіе законной обязательной для помѣщика цѣны выкупа на волю крѣпостныхъ крестьянъ есть безспорно эманципаціонная мѣра, наиболѣе благопріятствующая развитію въ народѣ всѣхъ лучшихъ нравственныхъ началъ: чувствъ трудолюбія, бережливости и истиннаго сознанія человѣческаго достоинства; неисчислимы тѣ благія сѣмена, которыя непремѣнно разовьетъ въ сердцѣ простолюдина подобный законъ, единожды усвоенный себѣ народомъ и оправданный передъ нимъ въ жизни нѣсколькими наглядными примѣрами. Во сколько можетъ быть вредно для общества внезапное облеченіе въ полную гражданскую правомѣрность людей, къ тому не пріуготовленныхъ собственнымъ внутреннимъ своимъ развитіемъ и ничѣмъ не умѣвшихъ заслужить этой высокой чести, въ такой же точно мѣрѣ, съ другой стороны, выгодно и честно для государства пріі-

обрѣтеніе массы новыхъ полноправныхъ гражданъ путемъ собственной ихъ заслуги и труда.

Но, кромѣ нравственнаго характера своего, предлагаемая нами мѣра отличается еще практическимъ своимъ характеромъ и согласіемъ своимъ съ народной жизнію и обычаями нашими. Обычай выкупаться на волю при первой къ тому возможности не переводился никогда у нашего крѣпостного крестьянина. Въ послѣднее время примѣры стали еще значительно учащаться, чѣмъ большею частію долженъ быть объясняемъ и тотъ любопытный фактъ современной статистики, что въ промежутокъ времени между 8-й и 9-й ревизіями цифра крѣпостного народонаселенія не только не увеличилась, но еще и уменьшилась, между тѣмъ какъ всѣ прочія сословія въ государствѣ получили значительное приращеніе[1]).

Намъ извѣстны даже примѣры приложенія къ цѣлымъ имѣніямъ нынѣ предлагаемой нами мѣры: такъ, напримѣръ, удалось намъ слышать въ селѣ Ивановскомъ графа Димитрія Николаевича Шереметева, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе разрѣшенія графа всѣмъ желающимъ выйти на волю со взносомъ за себя по 1000 руб. сер. за душу, этою льготою воспользовались многіе жители тамошніе, и всѣ почти остались жить на родинѣ своей. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, въ тульскомъ имѣніи своемъ, уже давно дозволилъ всѣмъ желающимъ крестьянамъ выкупаться на волю, взнося за себя только по 100 рублей серебромъ за душу; графскіе крестьяне утверждали намъ, что не взирая на крайне легкій оброкъ, платимый ими, на отличные заработки, доставляемые имъ Михайловскимъ свеклосахарнымъ заводомъ, на предоставляемую имъ полную свободу въ промыслахъ и истинно благодѣтельное управленіе ими, нашлись, однако, даже и между ними охотники до свободы, и что было бы ихъ вдесятеро болѣе, если бы графъ согласился продавать отпущенникамъ своимъ сколько-нибудь земли, хотя бы и за дорогую цѣну. Они говорили намъ, что изъ вотчины ихъ вышло болѣе 100 душъ, изъ коихъ часть перешла жить на кавказскую линію, а часть продолжаетъ жить въ имѣніи, нанимая землю отъ конторы; другіе же пріискиваютъ купить земли по сосѣдству.

[1]) По 8-й ревизіи считалось крѣпостныхъ людей 10.807.439 душъ, а по 9-й — 10.595.999 душъ.

Слышно, что графъ Бобринскій недавно еще уменьшилъ выкупную цѣну, понизивъ ее, кажется, до 75 рублей сер. за душу. Намъ извѣстны еще два небольшія имѣнія тульской губерніи[1]), бывшія на барщинѣ, гдѣ введено подобное положеніе и выкупная цѣна назначена за душу отъ 60 до 100 руб. серебромъ, глядя по числу взрослыхъ мужчинъ въ семействѣ, и гдѣ притомъ уплата выкупной суммы разсрочивалась на два и на три года, для облегченія крестьянъ; намъ извѣстно, что въ одномъ изъ этихъ имѣній изъ 124 первоначальныхъ тяголъ откупилось до 70, и изъ нихъ почти всѣ до сихъ поръ живутъ на господской землѣ, нанимая ее уже болѣе 10 лѣтъ; въ другомъ изъ 90 тяголъ выкупилось 40 и также продолжаютъ жить въ имѣніи.

Въ заключеніе вспомнимъ, что предлагаемая нами мѣра не есть произвольная выдумка частныхъ лицъ, но уже давно принята и освящена не только иностраннымъ[2]), но и нашимъ отечественнымъ законодательствомъ, положившимъ его въ основаніе учрежденія имѣній вѣдомствъ удѣльнаго и конноваводскаго: за крестьянами обоихъ этихъ вѣдомствъ законъ признаетъ право испрашивать себѣ увольненіе, взнося за себя 1500 или 600 руб. сер. за душу, смотря по тому, желаютъ ли они перейти въ купечество или въ мѣщанство (Св. Зак. изд. 1842 г., I, III, IX, т., 488 и 489). 1004-я и 1005-я статьи того же тома утвердили существующій въ Грузіи, въ сущности сходный съ симъ, обычай: тамъ крестьянамъ, принадлежащимъ къ продаваемому, по несостоятельности помѣщика, съ публичныхъ торговъ имѣнію, предоставляется право пріобрѣтать свободу, заплатя самимъ за себя послѣдне состоявшуюся на торгахъ за таковое имѣніе цѣну, или, въ случаѣ неявки желающихъ торговаться, дозволяется крестьянамъ внести за себя полную по оцѣнкѣ сумму. Притомъ это же самое правило распространено въ Грузіи какъ на крестьянъ, продаваемыхъ одними помѣщиками другимъ, частнымъ образомъ, въ составѣ цѣлыхъ имѣній или деревень, такъ и на отдѣльныхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, продаваемыхъ вышеозначеннымъ образомъ безъ земли.

---

[1]) Оба имѣнія эти состоятъ въ Веневскомъ уѣздѣ. Одно изъ нихъ принадлежитъ составителю этой записки; другое — матери его.

[2]) Французское правительство закономъ 18 іюня 1845 года ввело ее въ американскихъ своихъ колоніяхъ, гдѣ она увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ.

Въ 1847 году, подъ вліяніемъ впервые значительно именно въ то время распространившихся у насъ толковъ о пользѣ дарованія отъ правительства крестьянамъ права откупаться на волю изъ крѣпостного состоянія за извѣстный maximum взноса, было издано узаконеніе, распространившее и на Россію грузинскій обычай. Къ сожалѣнію, изъ него взята была составителями новаго закона для примѣненія къ Россіи часть именно самая не практическая. Разрѣшено было крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ, въ теченіе мѣсячнаго срока выкупаться на волю въ полномъ составѣ имѣнія; отдѣльно же продаваемымъ лицамъ право это предоставлено не было. Само собою очевидно, что при всемъ благомъ желаніи правительства подобная мѣра не могла принести никакой пользы: ясно, что для крестьянина возможенъ лишь одиночный выкупъ; выкупъ же цѣлымъ селеніемъ всегда останется ему недоступенъ, ибо предполагаетъ существованіе у крестьянъ весьма значительныхъ капиталовъ, чего конечно нѣтъ и быть не можетъ, и къ тому же всегдашнее согласіе крестьянъ богатыхъ выплачивать выкупную сумму за бѣднѣйшихъ безъ всякой надежды на возвратъ ея. По этому самому и мѣра эта, вскорѣ обнаружившая полную свою непрактичность, должна была быть отмѣнена правительствомъ.

Тѣмъ не менѣе, конечно, очевидно каждому, что неудавшійся опытъ отнюдь не можетъ служить къ опроверженію мѣры, предлагаемой нами.

II. Дарованіе дворовымъ людямъ права по достиженіи 35-лѣтняго возраста требовать безвозмезднаго отпущенія своего на волю.

Мы уже выше упомянули причину, по которой, по мнѣнію нашему, не должно быть предоставлено дворовымъ людямъ право за извѣстный выкупъ требовать увольненія своего изъ крѣпостного состоянія. Для нихъ долженъ быть изобрѣтенъ особаго рода исходъ изъ онаго [1]). Для этого предоставляются два способа:

---

[1]) Въ таблицѣ, составленной г. Корсаковымъ, вычисленной имъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ каждой епархіи Св. Синоду за 1835 г. и помѣщенной въ матеріалахъ для статистики, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію 1841 года, показано число дворовыхъ мужеска пола 1.124.546 душъ, женска пола 1.181.820 Напротивъ, офиціальныя показанія 9-й ревизіи представляютъ намъ только

Во-первыхъ, могло бы быть постановлено закономъ, что, начиная съ извѣстнаго срока, всѣ вновь нарождающіеся младенцы этого сословія съ рожденіемъ своимъ пріобрѣтаютъ и свободу. Метода эта была приложена къ чернымъ невольникамъ въ нѣкоторыхъ американскихъ колоніяхъ. Мы смѣемъ думать, что она представляетъ значительныя неудобства: она обусловливаетъ освобожденіе человѣка, которое, по мнѣнію нашему, всегда должно покоиться на основаніи нравственномъ, однимъ рожденіемъ, т.-е. фактомъ совершенно не зависящимъ отъ какой-либо личной заслуги, отчуждаетъ дѣтей отъ родителей ихъ; лишаетъ дѣтей въ самый трудный и опасный періодъ ихъ возраста и развитія благодѣтельнаго призрѣнія владѣльца, никакими матеріальными выгодами уже болѣе не побуждаемаго къ правильному ихъ соблюденію и воспитанію; наконецъ, вводитъ въ гражданское общество и облекаетъ гражданской полноправностію юношей незрѣлыхъ, а не людей пріобыкшихъ къ послушанію и порядку.

По этому самому предпочитаемъ мы и осмѣливаемся предложить 2-й способъ, по мнѣнію нашему несравненно болѣе цѣлесообразный.

Мы думаемъ, что несравненно лучше было бы закономъ даровать каждому дворовому человѣку право по достиженіи имъ 35-лѣтняго возраста требовать немедленнаго безвозмезд-

---

слѣдующія числа: 521.939 душъ дворовыхъ мужеска пола и 513.985 женскаго. Разница обѣихъ цифръ, какъ видно, изумительна.

Причину этого страннаго разногласія мы думаемъ найти въ нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ: во-1-хъ, въ должности дворовыхъ людей весьма часто въ великороссійскихъ губерніяхъ опредѣляются ребята изъ большихъ крестьянскихъ семей, которые на дѣлѣ переходятъ совершенно въ господскіе дворы, продолжая однако по ревизскимъ сказкамъ числиться при семьяхъ своихъ въ крестьянствѣ.

Во-2-хъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ особыхъ дворовыхъ почти вовсе нѣтъ, и всѣ почти дворовые числятся въ крестьянствѣ; весьма часто, вмѣстѣ съ дворовою сдужбою своею продолжая и крестьянскій посѣвъ свой.

Поэтому, думаемъ мы, свѣдѣнія гражданскаго правительства обнимаютъ лишь тѣхъ изъ дворовыхъ, которые издавна состоятъ таковыми; напротивъ, въ синодальныхъ свѣдѣніяхъ, приходскими священниками, коротко-знающими истинное состояніе каждаго изъ духовныхъ дѣтей своихъ, включены въ число дворовыхъ людей и всѣ новобранцы изъ крестьянъ, хотя бы они даже продолжали офиціально числиться при семьяхъ своихъ. Вотъ почему мы смѣемъ думать, что синодальныя свѣдѣнія точнѣе гражданскихъ. Мы думаемъ даже, что съ 1835 года число дворовыхъ значительно еще усилилось.

наго отпущенія своего на волю. Мы думаемъ, что вмѣстѣ съ нимъ должны получать свободу и всѣ дѣти его, не достигнувшіе совершеннолѣтія. Само собою разумѣется, что 35-лѣтній дворовый человѣкъ, не желающій воспользоваться свободою, не долженъ быть къ тому принуждаемъ. Но впослѣдствіи ему должно быть предоставлено право въ положенный закономъ ежегодный срокъ возобновлять свое требованіе, ежели онъ того пожелаетъ. Сроки для предъявленія требованія на свободу и прочія формальности, должны быть одинаковы какъ для дворовыхъ людей, такъ и для крестьянъ, съ тою только разницею, что въ случаѣ поданія дворовымъ человѣкомъ прошенія въ уѣздный судъ о выдачѣ ему отпускной, онъ не обязанъ представлять ни выкупной цѣны, ни даже свидѣтельства о рожденіи, такъ какъ судъ о годахъ его можетъ всегда навести справку въ мѣстномъ казначействѣ.

Мы думаемъ, что такое постановленіе, благодѣтельное для дворовыхъ людей, не нарушитъ существенныхъ выгодъ помѣщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ достаточно для огражденія общества отъ наводненія его негодяями. Дворовый, пробывшій у помѣщика своего до 35-лѣтняго возраста и не заслужившій во все это время отдачи своей въ рекруты, конечно впередъ уже расплатился съ помѣщикомъ своимъ за даруемую ему свободу и представляетъ обществу изрядное ручательство нравственности. Къ тому же онъ вступаетъ въ такіе года, гдѣ уже болѣе начинаетъ радѣть о своей семьѣ, чѣмъ о выгодахъ владѣльца, для котораго, слѣдовательно, утрата его становится менѣе чувствительна; тѣмъ болѣе, что домашняя расправа съ нимъ въ случаѣ худого поведенія день ото дня представляетъ все болѣе и болѣе затрудненій. Съ другой стороны, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что дворовый человѣкъ, имѣющій въ виду безвозмездное отпущеніе свое на волю въ 35 лѣтъ, конечно усугубитъ усердіе свое, дабы не подпасть до желаннаго срока гнѣву владѣльца и не быть отданнымъ въ рекруты.

Остается лишь одно опасеніе, а именно: что сами помѣщики станутъ систематически сбывать въ солдаты своихъ дворовыхъ до достиженія ими этого возраста. Не отвергая безусловно возможности частныхъ злоупотребленій, мы смѣемъ, однако, выразить убѣжденіе, что нравственное чувство невольно привязывающее насъ къ лицамъ постоянно насъ окружающимъ,

представитъ лучшее и несомнѣнное ручательство противъ обобщенія подобнаго поступка. Къ тому же запрещеніе комплектовать дворовыхъ людей изъ сословія крестьянскаго поневолѣ заставитъ помѣщиковъ несравненно болѣе дорожить первыми, а слѣдственно и лучше съ ними обходиться.

III. Рѣшительное запрещеніе какъ во время народныхъ переписей или ревизій, такъ и между ними, вновь переводить крѣпостныхъ людей изъ званія крестьянъ въ званіе дворовыхъ.

Мы вполнѣ убѣждены, что въ настоящую минуту слишкомъ было бы преждевременно, затруднительно и даже невозможно ближе опредѣлить отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и точнѣе соразмѣрить натуральныя и денежныя повинности, правимыя первыми въ пользу послѣднихъ, съ выгодами, имъ отъ нихъ предоставляемыми; мы теперь еще считаемъ невозможнымъ даже совершенное единожды навсегда легальное отдѣленіе отъ господскихъ полей участковъ крестьянскихъ (Bauerland), и полагаемъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ лучшимъ покуда обезпеченіемъ для крестьянъ можетъ служить мѣстный обычай и доселѣ еще не вполнѣ исчезнувшая нравственная мягкость взаимной связи владѣльца съ крестьяниномъ, подкрѣпленныя бдительнымъ надзоромъ правительства и введеніемъ, какъ мы постараемся изложить ниже, нѣкоторой гласности въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти. Тѣмъ не менѣе намъ кажется совершенно необходимымъ рѣшительное запрещеніе, какъ во время народныхъ переписей или ревизій, такъ и между ними, вновь переводить крѣпостныхъ людей изъ званія крестьянъ въ званіе дворовыхъ людей. Въ пользу этой мѣры убѣждаемся мы слѣдующими соображеніями.

Во-первыхъ, нравственный уровень крестьянина вообще стоитъ несравненно выше нравственнаго уровня дворовaго человѣка; это легко объясняется болѣе развитымъ въ крестьянинѣ чувствомъ собственности, его домовитостію, непосредственно лежащею на немъ отвѣтственностію за благосостояніе всего семейства; наконецъ, безпрерывнымъ участіемъ его въ мірской сходкѣ; по этому самому и всякій переходъ крестьянина даже самаго бѣднаго и нерадиваго въ дворовые не можетъ быть разсматриваемъ иначе какъ нравственнымъ для него паденіемъ; для нравственнаго достоинства крестьянина выгоднѣе было бы даже, при безлошадіи, потерять пахатную

землю, остаться при одной избенкѣ и огородѣ, и съ нихъ править трехдневную пѣшую барщину, лишь бы не утратить крестьянства и привычки къ собственному крову.

Во-вторыхъ, однимъ рѣшительнымъ воспрещеніемъ перевода крестьянъ во дворъ можетъ быть только положенъ предѣлъ всегда присущему искушенію помѣщика распространять свою запашку и хозяйство на счетъ запашки и хозяйства крестьянскаго, и такимъ образомъ косвенно, хотя, конечно, только приблизительно, достигается цѣль многотруднаго учрежденія отдѣльнаго Bauerland; если бы даже владѣлецъ, лишенный закономъ права переводить крестьянъ въ свой дворъ, рѣшился прибѣгнуть къ хитрости и сталъ убавлять число тяголъ, для присвоенія себѣ чрезъ то части крестьянской земли, то и въ такомъ случаѣ — скажемъ мы смѣло — міру будетъ легче, чѣмъ при переводѣ крестьянъ въ дворовые; ибо крестьяне пріобрѣтутъ, по крайней мѣрѣ, значительное число затяглыхъ, для которыхъ станетъ доступенъ всякій вольный промыслъ на сторонѣ и принесетъ имъ выгоды несомнѣнно существеннѣйшія, чѣмъ скудный кусокъ хлѣба за барскою застольною.

Наконецъ, въ-третьихъ, мѣра эта принадлежитъ къ числу тѣхъ наглядныхъ практическихъ мѣръ, которыя, будучи однажды предписаны закономъ, дѣйствительно осуществляются при самомъ поверхностномъ наблюденіи высшаго начальства.

Къ сожалѣнію, невозможно сказать того же о многихъ другихъ, съ перваго взгляда болѣе обѣщающихъ, но по существу своему осужденныхъ если не вѣчно, то по крайней мѣрѣ слишкомъ долго оставаться въ области законодательной теоріи и правительственнаго самообольщенія.

IV. Воспрещеніе присутственнымъ мѣстамъ совершать какого бы то ни было наименованія крѣпостные акты, по коимъ изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого переходили бы крѣпостные люди безъ земли въ числѣ менѣе 50-ти наличныхъ душъ мужескаго пола.

Торговля крестьянами на свозъ безъ земли представляетъ безспорно одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ крѣпостного права. Противъ нее рано уже возсталъ законодатель; мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести подлинныя слова указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 1721 году апрѣля 15-го безсмертнымъ Петромъ, котораго конечно ни-

кто не упрекнетъ въ излишней филантропической чувствительности. „Обычай былъ въ Россіи, — говоритъ великій государь, — который и нынѣ есть, что и крестьянъ, и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, что во всемъ свѣтѣ не водится, и начинаетъ отъ семей — отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ; а Его Царское Величество указомъ оную продажу людямъ пресѣчь; а если не возможно будетъ того вовсе пресѣчь, тобы, хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми семьями, а не порознь, и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія, какъ высоко Правительствующіе Гг. Сенаторы заблагоразсудятъ".

Благая мысль Петра осуществилась отчасти лишь въ царствованіе въ Бозѣ почившаго государя Николая Павловича, указами 1833 года мая 2-го и 1841-го января 2-го рѣшительно воспретившаго продажу крѣпостныхъ людей съ раздробленіемъ семейства. Кромѣ того, указомъ императора Александра I, перешедшимъ въ 998-ю статью IX т. Св. Зак. воспрещено было публиковать о продажѣ крестьянъ на свозъ. Къ сожалѣнію, столбцы прибавленій къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" уже лѣтъ восемь непрестанно испещряемые подобными публикаціями, свидѣтельствуютъ о несоблюденіи такого постановленія.

Такимъ образомъ продажа крѣпостныхъ людей на свозъ донынѣ существуетъ еще какъ явленіе въ полной мѣрѣ законное. Въ пользу ея говоритъ только одно обстоятельство — это трудность, не прибѣгая къ этому средству, заселить обширныя степи со всѣхъ сторонъ опоясывающія Россію. Мы не хотимъ отвергать важности подобнаго довода, а потому, не взирая на всѣ страшныя и безнравственныя явленія, безспорно сопровождающія законное существованіе подобнаго обычая, мы осмѣлимся пожелать лишь одного, чтобы положены были, по крайней мѣрѣ, рѣшительныя преграды постыдной торговлѣ рекрутами, которая, къ несчастію, слишкомъ часто порождается законною возможностью продавать и покупать людей на свозъ безъ земли, не стѣсняя впрочемъ послѣдняго рода сдѣлокъ, когда есть нравственное основаніе думать, что онѣ дѣйствительно имѣютъ цѣлію заселеніе пустыхъ пространствъ.

Мы смѣемъ думать, что этого легко достигнуть посредствомъ вышеприведенной нами мѣры.

Нельзя не отдать полной справедливости добросовѣстнымъ стараніямъ правительства прекратить торговлю рекрутами уже заклейменную императрицею Екатериною II и осмѣянную Фонвизиномъ. Такимъ образомъ между прочимъ въ 1844 г. вышелъ указъ, запретившій представлять для сдачи въ рекруты людей, купленныхъ до истеченія цѣлаго года со времени перечисленія въ вотчину, за которую они ставятся. Къ сожалѣнію, законъ этотъ ввелъ въ нѣкоторый убытокъ крестьянъ, покупающихъ за себя рекрутъ, заставивъ ихъ лишній годъ кормить и поить покупаемыхъ людей, и послужилъ лишь къ вящшему развращенію послѣднихъ, въ теченіе цѣлаго года безнаказанно предающихся гнуснѣйшему распутству, обыкновенно поощряемому купившими людей хозяевами и сельскими начальниками, а между тѣмъ, такъ называемые охотники продолжали и продолжаютъ понынѣ покупаться и продаваться для представленія въ рекруты. Во всѣхъ лучшихъ имѣніяхъ промышленныхъ приволжскихъ губерній рѣдкій достаточный крестьянинъ ставитъ сына своего въ рекруты, послѣдніе всегда покупаются отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, иногда даже въ юномъ возрастѣ и въ такомъ случаѣ вскармливаются въ хозяйской семьѣ, завѣдомо подготовляясь къ появленію въ рекрутскомъ присутствіи немедленно по минованіи 20-го года. При всеобщности обычая и невозможности для крестьянина инымъ путемъ, хотя бы и съ значительнѣйшими пожертвованіями исправить за сыновей своихъ эту тягостную повинность, самому человѣколюбивому помѣщику становится невозможнымъ отказать крестьянамъ своимъ въ довѣренности для покупки на свозъ безъ земли людей, по прошествіи года обращаемыхъ въ рекруты. Онъ немедленно прослылъ бы безсмысленнымъ притѣснителемъ въ глазахъ подданныхъ своихъ: ибо послѣдніе мало стали бы цѣнить филантропію его, не спасающую крестьянъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей ихъ отъ той же продажи въ рекруты въ другія руки, а ихъ самихъ осуждающую на отправленіе натурою невыносимѣйшей для нихъ повинности[1]).

[1]) **Примѣч. изд.** Въ біографіи А. И. Кошелева, т. II, стр. 85, читаемъ слѣдующую замѣтку изъ его журнала: *„17 марта* (1851 года). Въ четвергъ 15-го и въ пятницу 16-го провели мы вечера — первый у Хомякова, а второй у князя Черкасскаго,

Правительству легко убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами, истребовавъ изъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ: Владимирской, Ярославской, Нижегородской и другихъ — свѣдѣнія о поставленныхъ въ рекруты людяхъ за многія лучшія имѣнія въ этихъ губерніяхъ въ теченіе послѣднихъ 20 годовъ. Мы убѣждены, что во многихъ вотчинахъ $^3/_4$ рекрутъ окажутся сданными изъ людей купленныхъ и исключеніемъ явятся, быть можетъ, лишь послѣдніе два или три набора, по значительности своей вскорѣ истощившіе заготовленные запасы квитанцій и заставшіе многихъ зажиточныхъ крестьянъ совершенно врасплохъ.

Единственное практическое средство прекратить зло, это — запрещеніе совершать какіе бы то ни было крѣпостные акты, по коимъ изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого переходили бы крѣпостные люди безъ земли въ числѣ менѣе 50 наличныхъ душъ мужескаго пола. Такимъ постановленіемъ нимало не стѣснится колонизація степей: ибо, кто покупаетъ людей для населенія ими пустопорожнихъ земель, того и собственная выгода заставляетъ пріобрѣтать ихъ не поодиночкѣ, платя за нихъ въ такомъ случаѣ слишкомъ высокую цѣну, но цѣлымъ уселкомъ изъ малоземельныхъ имѣній, съ платою за нихъ и съ имуществомъ ихъ не болѣе какъ по 30 р. или 40 р. сер. за душу. Такого покупщика на свозъ крестьянскихъ душъ предлагаемый нами законъ не стѣснитъ нимало; но зато онъ сдѣлаетъ рѣшительно невозможною всякую покупку людей для сдачи ихъ въ рекруты, ибо куда дѣнется покупщикъ, которому нужно только 3 или 4 рекрута съ остальными 46 или 47 душами? Очевидно, подлогъ сдѣлается невозможенъ; развѣ только для огромныхъ имѣній тысячъ въ пять или шесть душъ, ставящихъ за разъ не менѣе 25 или 30

и единственный разговоръ былъ — уничтоженіе крѣпостного права. Главный предметъ спора: я требовалъ между нами безусловнаго запрещенія продажи и покупки людей, Хомяковъ отстаивалъ покупку для переселенія изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи, князь Черкасскій — *для отдачи въ рекруты* за оброчныя имѣнія (курсивъ въ подлин.), т.-е. не онъ покупаетъ и получаетъ отъ того выгоды, но крестьяне подъ его именемъ. При этомъ Черкасскій сказалъ, что онъ того мнѣнія, что цѣль освящаетъ средства. Это сказано было такъ, что я нѣсколько измѣнилъ мое мнѣніе насчетъ его". Прилагаемъ эту выписку къ настоящему §, который поясняетъ мысли, высказанныя въ этомъ спорѣ, и истинный смыслъ вѣроятно нѣсколько рѣзко сказанныхъ Черкасскимъ словъ, отъ которыхъ покоробило А. И. Кошелева.

рекрутъ. Въ такихъ размѣрахъ злоупотребленіе сдѣлается много рѣже и мѣстной правительственной власти всегда легко будетъ его изобличить.

V. Введеніе нѣкоторой гласности въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

Если правительство, движимое чувствомъ довѣрія къ дворянству, соглашается сохранить еще за нимъ на время прежнія права его надъ крѣпостными людьми, то съ другой стороны, ему невозможно не усугубить бдительности своей и наблюденія надъ образомъ употребленія этой власти. Этотъ контроль надъ дѣйствіями помѣщиковъ производится нынѣ частію чрезъ избранныхъ изъ среды ихъ предводителей, частію чрезъ правителей и чиновниковъ коронныхъ. Мы смѣемъ думать, что онъ до тѣхъ поръ не принесетъ желанныхъ плодовъ, покуда не порученъ будетъ новому, безпристрастному, доселѣ отчасти избѣгаемому судьѣ: судья этотъ — само общество, общественное мнѣніе. Въ дѣлѣ общественныхъ язвъ и пороковъ, общественное мнѣніе, могущее смѣло и ясно высказаться, есть единственный возможный цѣнитель: приговоры его неподкупны; власть его признается всѣми; рѣшенія его никакою земною властью отмѣнены быть не могутъ. Мы полагаемъ, что суду этого безпристрастнаго цѣнителя всякаго добра и зла должны быть по возможности подвергнуты всѣ обнаруживающіяся явленія злоупотребленія помѣщичьей власти. Не полагаемъ, чтобы для этого всѣ подобные поступки должны были обсуживаться гласно всѣми газетами и журналами. Нимало: въ странѣ, гдѣ законъ признаетъ крѣпостное состояніе за фактъ правомѣрный, подобная безграничная свобода обсужденія явленій его была бы, конечно, безразсудна. Но само дворянское общество, каждые три года офиціально созываемое для выборовъ, представляетъ уже весьма достаточную и, конечно, не могущую быть оподозрѣнною въ излишнелиберальномъ духѣ среду гласности.

Достаточно будетъ на первый разъ, если правительство предпишетъ губернскимъ предводителямъ на каждомъ губернскомъ дворянскомъ съѣздѣ въ первые же дни собранія представлять дворянству подробный отчетъ о всѣхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей власти, доходившихъ въ продолженіе истекшаго трехлѣтія до разсмотрѣнія депутатскаго собранія. А такъ какъ губернскій предводитель можетъ какими-либо соображе-

ніями быть отклоненъ отъ представленія отчета вполнѣ добросовѣстнаго, то необходимо, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлена была дворянству другая подобная же записка отъ имени начальника губерніи съ изложеніемъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые дошли до его разсмотрѣнія. Обѣ записки эти должны быть на счетъ дворянства напечатаны въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, чтобы каждый изъ пріѣхавшихъ на съѣздъ дворянъ могъ получить таковой. Наконецъ не худо бы было потребовать, чтобы начальникъ губерніи и губернскіе предводители обязаны были доставлять по одному экземпляру записокъ своихъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, котораго высшій контроль можетъ также отчасти воспрепятствовать преднамѣренному въ нихъ искаженію фактовъ или сокрытію ихъ.

VI. Немедленное, не ожидая новой ревизіи, исключеніе изъ помѣщичьяго оклада всѣхъ крестьянъ, отпускаемыхъ на волю безъ земли.

Первое основаніе этому положено уже указомъ 1830 г. марта 19-го, перешедшемъ въ 771 ст. IX т. Св. Зак., по которой крестьяне, отпущенные помѣщикомъ даже и не цѣлыми селеніями въ свободные хлѣбопашцы, должны быть исключаемы платежомъ податей изъ-за тѣхъ помѣщиковъ, за коими они въ окладѣ состояли записанными. Указомъ же 1846 г. это же самое, поистинѣ благодѣтельное, распоряженіе распространено и на отпускаемыхъ на волю безъ земли дворовыхъ людей, покуда число отпущенниковъ не превышаетъ 10% всего количества ревизскихъ душъ въ имѣніи.

Законъ этотъ безспорно значительно подвинулъ впередъ дѣло увольненія дворовыхъ людей. Мы смѣемъ думать, что распространеніе этого же правила и на крестьянъ, и притомъ въ какомъ бы они числѣ ни были на волю отпускаемы, было бы истиннымъ благодѣяніемъ для нихъ и болѣе подвинуло бы дѣло эманципаціи, чѣмъ какая бы то ни было иная мѣра. Оставленіе вольноотпущенниковъ въ помѣщичьемъ окладѣ до новой ревизіи полагаетъ нынѣ непреодолимыя почти препятствія къ освобожденію крестьянъ своихъ владѣльцу, исполненному даже ревностнѣйшаго желанія совершить это доброе дѣло, и притомъ не столько страшитъ его обязанность нѣсколько лѣтъ сряду платить за выбывшихъ крестьянъ денежныя подати, сколько необходимость править за нихъ всякаго рода натуральныя повинности и въ особенности ре-

крутство. Вотъ почему, покуда нынѣшнее законоположеніе не будетъ отмѣнено, невозможно будетъ ожидать и увольненія людей изъ крѣпостного состоянія въ значительныхъ размѣрахъ.

Противъ справедливости предлагаемаго нами измѣненія, ясно сознанной и самимъ правительствомъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ двухъ указовъ, конечно, никто спорить не станетъ; а потому и доказывать ее считаемъ мы излишнимъ. Возраженія могутъ касаться лишь стороны практическаго его осуществленія: говорятъ, что немедленное исключеніе изъ помѣщичьяго оклада отпускаемыхъ на волю крестьянъ, при значительномъ усиленіи числа отпущенниковъ, лишитъ правительство значительнаго дохода и можетъ значительно сократить число рекрутъ, доставляемыхъ наборами.

На это возразимъ мы слѣдующее: во-первыхъ, назначеніе новой народной переписи или ревизіи всегда исключительно зависитъ отъ воли самого правительства; самая ревизія не стоитъ правительству почти ни копѣйки денегъ и хлопотъ весьма мало; притомъ, въ случаѣ замѣченнаго усиленнаго увольненія крестьянъ изъ крѣпостного состоянія можетъ всегда новая ревизія быть назначена для однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не распространяя ее на прочія сословія; наконецъ, чѣмъ чаще производятся переписи, тѣмъ выгоднѣе это для казны и тѣмъ уравнительнѣе становится для податныхъ сословій раскладка податная; слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ правительству возобновлять переписи гораздо чаще, чѣмъ это дѣлалось донынѣ, и тѣмъ избѣгать уменьшенія податныхъ окладовъ своихъ; во-вторыхъ, весьма цѣлесообразно было бы обязать закономъ вольноотпущенныхъ приписываться непремѣнно къ какому-либо обществу никакъ не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ послѣ полученія ими свободы, облегчивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ самыя средства приписки; такую пятилѣтнюю льготу считаемъ мы совершенно необходимою для ознакомленія вольноотпущеннаго съ своимъ новымъ бытомъ и для доставленія ему возможности установить прочнымъ образомъ свой новый родъ жизни. Тогда крайній предѣлъ убытка, терпимаго правительствомъ отъ немедленнаго исключенія изъ помѣщичьяго оклада каждой отпускной души, не будетъ превышать потерянныхъ подушныхъ денегъ, т.-е. 4 руб. 50 коп. сер. съ души, или, въ другихъ словахъ, правительство каждому

увольняемому изъ крѣпостного состоянія крестьянину сдѣлаетъ косвенное вспомоществованіе, ни въ какомъ случаѣ не превышающее 4 руб. 50 коп. сер. на душу; поистинѣ, такое пожертвованіе со стороны казны должно быть названо совершенно ничтожнымъ, и лучшаго употребленія средствъ своихъ ей, конечно, невозможно было бы сдѣлать.

Съ другой стороны, уменьшеніе числа рекрутъ доставляемыхъ наборами не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ значительно; если бы даже число увольненій изъ крѣпостного состоянія могло дойти въ теченіе 5 лѣтъ до громадной цифры 500.000 душъ, то и тогда въ послѣдній этого пятилѣтія наборъ недостало бы только 2500 или 3000 рекрутъ, которыхъ и легко и всегда справедливо было бы разложить на всю массу народонаселенія имперіи, съ каждыхъ 8000 ревизскихъ душъ пришлось бы назначить по одному лишнему рекруту.

VII. Облегченіе для вольноотпущенныхъ приписки къ обществамъ.

Съ послѣднимъ вопросомъ находится въ тѣсной связи — облегченіе для вольноотпущенныхъ приписки къ обществамъ. Доставленіе имъ къ тому удобныхъ средствъ тѣмъ болѣе необходимо, что обязанность приписываться налагается на нихъ въ интересѣ чисто государственномъ, ради облегченія правительству государственной и финансовой администраціи, и что упущеніе приписки въ положенное закономъ время влечетъ за собою тяжкое наказаніе [1]).

Между тѣмъ, вольноотпущенный, при выполненіи закономъ требуемаго отъ него обряда приписки, постоянно встрѣчаетъ сильнѣйшія затрудненія и подвергается разорительной проволочкѣ и расходамъ. Намъ часто случалось слышать, что приписка вольноотпущеннаго къ казенному селенію обходилась ему рублей отъ 150 до 200 сер., т.-е. почти столько же, а иногда и болѣе, чѣмъ самое увольненіе изъ крѣпостного

---

[1]) Отпущенный на волю лично, безъ земли, обязывается избрать опредѣленный образъ жизни въ состояніи городскихъ или сельскихъ свободныхъ обывателей и причислится по оному въ какое-либо званіе, не далѣе какъ при первой послѣ увольненія его ревизіи; если же кто изъ вольноотпущенныхъ при ревизіи ни въ какое состояніе не запишется, то изъ нихъ взрослые и годные опредѣляются въ военную службу, а неспособные отсылаются на поселеніе. (Св. Зак. т. IX, ст. 1069).

состоянія. Не мало расходовъ влечетъ также за собою приписка къ инымъ городскимъ обществамъ, несмотря на то, что городъ не имѣетъ собственности подобно казенному селенію, и что вступающій въ городское общество получаетъ чрезъ то лишь участіе въ общественныхъ городскихъ расходахъ, не пріобрѣтая никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Само собою разумѣется, что не малая часть этихъ разорительныхъ расходовъ по припискѣ къ обществамъ не идетъ въ прокъ и послѣднимъ, заключаясь большею частію въ поминкахъ дѣлопроизводителямъ и такъ называемыхъ харчахъ.

Съ другой стороны, и сами общества, большею частію выплачивая казенныя подати за недоимщиковъ, часто бываютъ принуждены при принятіи въ среду свою новыхъ членовъ, обезпечивать себя заранѣе противъ возможной ихъ въ послѣдствіи времени несостоятельности. Такимъ образомъ одно зло неизбѣжно порождаетъ другое; и поднятый нами вопросъ въ сущности находится въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ внутреннимъ устройствомъ податныхъ обществъ и можетъ быть окончательно разрѣшенъ лишь съ преобразованіемъ ихъ самихъ и нынѣ существующей въ нихъ раскладки казенныхъ податей и общественныхъ сборовъ.

Впрочемъ и теперь уже, до наступленія коренного переворота, можетъ быть значительно облегчена участь приписывающихся вольноотпущенниковъ: для этого долженъ быть закономъ опредѣленъ maximum того, что дозволяется каждому обществу требовать за приписку, со вмѣненіемъ каждому обществу въ непремѣнную обязанность немедленно приписать просителя, представившаго въ оное правительствомъ опредѣленную наивысшую сумму, и со снятіемъ съ самого просителя всякой отвѣтственности въ случаѣ, если бы и затѣмъ общество въ установленный срокъ не приняло его въ среду свою.

VIII. Допущеніе правительствомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ указа 1842 года апрѣля 2-го въ договорахъ, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами при поступленіи послѣднихъ въ званіе обязанныхъ крестьянъ.

Указъ 1842 года, апрѣля 2-го, не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій; причина такого безплодія его теперь ясно сознаются всѣми:

Во-первыхъ, общественное мнѣніе, приписывая, быть можетъ, и совершенно, ошибочно нѣкоторыя заднія мысли законодателю,

отказалось слѣдовать за нимъ по указанному пути, какъ бы страшась, чтобы два-три сколько-нибудь удачныхъ опыта не повлекли за собою обязательнаго повсемѣстнаго введенія новаго учрежденія.

Во-вторыхъ, указъ сей, подражая въ этомъ отношеніи старому Положенію о свободныхъ хлѣбопашцахъ, окружилъ заключеніе договоровъ такою бездной формальностей и проволочекъ, что уже этого одного достаточно было бы, чтобы отбить и у владѣльцевъ и у крестьянъ всякую охоту къ заключенію ихъ. Достаточно будетъ упомянуть, что всякій такой договоръ долженъ восходить на разсмотрѣніе министерства и отъ него долженъ быть повергаемъ на Высочайшее государя императора утвержденіе. Кромѣ того, изъ каждой проходимой ими инстанціи договоръ можетъ быть возвращаемъ договаривающимся сторонамъ для пополненія и исправленія согласно замѣчаніямъ разсматривающаго лица. Очевидно, такой сложный порядокъ едва ли могъ бы быть соблюденъ, если бы, какъ должно желать, подобные договоры заключались часто. Мы смѣемъ думать, что окончательное утвержденіе ихъ могло бы съ великою пользою быть предоставлено начальникамъ губерній, всегда близко знакомымъ съ ходомъ и сущностію дѣла.

Но *третья* и главная причина несостоятельности вышеприведеннаго узаконенія, это — совершенная въ силу его необезпеченность помѣщика въ возможности взыскать съ обязанныхъ крестьянъ слѣдующіе ему платежи и повинности. Законъ въ этомъ отношеніи выразился самымъ неопредѣленнымъ образомъ, предоставивъ владѣльцу, въ случаѣ неисправности крестьянъ, обратиться къ земской полиціи съ требованіемъ о понужденіи ихъ. Общественное мнѣніе растолковало дѣло такъ, и на сей разъ, кажется, безошибочно, что неисправности со стороны крестьянъ, ничѣмъ не побуждаемыхъ къ точному отправленію повинностей своихъ, окажутся немедленно, а что земская полиція, состоящая въ каждомъ уѣздѣ лишь изъ десятка чиновниковъ и почти столькихъ же разсыльныхъ, и лишенная всякаго законнаго указанія на какой-либо спеціальный способъ взысканія, окажется безсильною къ пресѣченію зла.

Итакъ, прежде всего должно обезпечить владѣльца, снабдивъ его какимъ-либо спеціальнымъ средствомъ взысканія слѣдующихъ ему по договору повинностей съ крестьянина

неисправнаго. Какъ бы мы ни стали умудряться надъ разрѣшеніемъ этой трудности, мы должны съ полною откровенностію сознаться, что она добросовѣстно можетъ быть разрѣшена лишь однимъ образомъ — предоставленіемъ помѣщику естественно принадлежащаго ему права удалять неисправнаго крестьянина съ своей земли. Только этимъ способомъ можетъ быть соблюдено въ своей цѣлости признанное закономъ право владѣльца на свою землю, какъ на неотъемлемую собственность, и — скажемъ болѣе — только имъ можетъ быть достойно сохранена нравственность крестьянина, его свободныя отношенія къ владѣльцу и къ общинѣ своей.

Мы не станемъ отвергать, что пользованіе владѣльца этимъ правомъ ссылать съ земель своихъ недоимщика, должно быть окружено нѣкоторыми предосторожностями и ограниченіями. Лучшими почитаемъ мы слѣдующія: во-первыхъ, владѣлецъ не долженъ ссылать обязаннаго крестьянина, покуда послѣдній не задолжаетъ полнаго годового платежа; во-вторыхъ, обществу обязанныхъ крестьянъ должно быть предоставлено, буде оно захочетъ, внести за ссылаемаго крестьянина всю числящуюся за нимъ сполна недоимку, и въ такомъ случаѣ владѣлецъ уже лишается права требовать удаленія его изъ имѣнія[1]).

На такихъ условіяхъ, думаемъ мы, договоры съ крестьянами могли бы быть заключаемы, и быть можетъ они постепенно взошли бы въ обычай, преимущественно въ губерніяхъ промышленныхъ. Вообще же, при установленіи столь новыхъ и столько сложныхъ отношеній, договаривающимся сторонамъ долженъ быть предоставляемъ возможно большій просторъ; и ихъ отнюдь не слѣдуетъ стѣснять напередъ установленными произвольными формами.

IX. Дозволеніе помѣщикамъ отпускать деревни свои въ свободные хлѣбопашцы послѣ смерти своей духовными завѣщаніями, и притомъ какъ благопріобрѣтенныхъ, такъ и въ родовыхъ имѣніяхъ своихъ.

---

[1]) Сосланному владѣльцемъ съ земли своей обязанному крестьянину долженъ быть предоставленъ закономъ девятимѣсячный срокъ для приписки къ какому-либо обществу, на томъ же основаніи, какъ предоставляется это Св. Зак., т. IX, ст. 1082 и т. V, ст. 414, людямъ, безъ земли отчуждаемымъ изъ помѣщичьяго владѣнія въ казенное; и на томъ же основаніи должно быть также поступлено съ нимъ въ случаѣ, если обязанный въ вышеупомянутый девятимѣсячный срокъ, онъ не припишется вновь куда-нибудь.

Если вообще справедливо, что увольненіе крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, и притомъ прочнымъ образомъ, съ надѣленіемъ ихъ достаточнымъ количествомъ земли и угодій, едва ли можетъ быть достигнуто иначе какъ съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ со стороны владѣльца, то мы невольно недоумѣваемъ, встрѣчая въ законѣ запрещеніе владѣльцамъ увольнять крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы по духовнымъ завѣщаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли встрѣчается въ жизни человѣка минута, когда онъ болѣе готовъ бываетъ ко всякой жертвѣ на пользу ближняго, ко всякому доброму дѣлу, какъ та страшная минута, когда начинаетъ онъ помышлять о близкомъ концѣ своемъ, о продолжительной жизни своей, не увѣнчанной ни малѣйшимъ подвигомъ на пользу страждущей братіи, трудами своими питавшей его столько лѣтъ; когда, наконецъ, естественно должна родиться въ немъ мысль, что вѣроятно и наслѣдники его такъ же проживутъ жизнь свою въ безпечности, и такъ же мало, какъ и онъ самъ, сдѣлаютъ въ пользу крестьянъ. Въ эти послѣднія торжественныя минуты жизни своей, когда и самое пожертвованіе становится человѣку несравненно легче, ибо не сопряжено съ лишеніемъ безъ того уже ускользающихъ отъ него благъ, въ эти минуты, говоримъ мы, не одинъ человѣкъ рѣшился бы искупить пустоту своей жизни увольненіемъ въ свободные хлѣбопашцы, посредствомъ духовнаго завѣщанія, вѣрно служившихъ ему во всю жизнь крестьянъ своихъ. Между тѣмъ, законодатель, вызвавшій къ жизни это новое учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ и слѣдственно, безъ сомнѣнія, считающій его полезнымъ и долженствующій бы заботиться о быстрѣйшемъ его распространеніи, этотъ самый законодатель закрываетъ самъ обильнѣйшій источникъ увольненія крѣпостныхъ крестьянъ въ это званіе. Мы невольно недоумѣваемъ о причинахъ, могшихъ его къ тому побудить; невозможно предположить, чтобы его къ тому подвинуло желаніе сохранить въ дворянскихъ семьяхъ имѣнія родовыя, ибо въ 773 ст. Свода сказано, что запрещается увольненіе въ свободные хлѣбопашцы духовнымъ завѣщаніемъ даже и хотя бы сіи крестьяне принадлежали къ благопріобрѣтенному имѣнію; слѣдственно законъ, не то имѣлъ въ виду; да и цѣль такая была бы слишкомъ мелка. Невозможно также, чтобы законодатель желалъ этимъ предупредить насиліе воли умираю-

щаго владѣльца окружающими его крѣпостными людьми; ибо мы имѣемъ форму завѣщанія, вполнѣ обезпечивающую отъ возможности подобнаго насилія; это завѣщаніе отъ крѣпостныхъ дѣлъ: слѣдственно, естественнѣе было бы, не воспрещая вовсе увольненія крѣпостныхъ людей въ свободные хлѣбопашцы духовными завѣщаніями, постановить только, что завѣщанія такія должны быть совершаемы отъ крѣпостныхъ дѣлъ. Если къ тому побудило правительство опасеніе невозможности соблюсти при совершеніи духовнаго завѣщанія всѣхъ формальностей, сопровождающихъ обыкновенный увольнительный актъ въ свободные хлѣбопашцы, то проще было бы, какъ мы уже и выше сказали въ отношеніи къ обязаннымъ крестьянамъ, устранить эти самыя формальности, большею частію ненужныя; единственная же необходимѣйшая формальность — удостовѣреніе въ томъ, что крестьяне съ благодарностію пріемлютъ волю завѣщателя — могла бы быть выполнена и по смерти послѣдняго.

Наконецъ, и расчеты съ кредитными учрежденіями въ случаяхъ, когда имѣніе заложено не должны бы были служить препятствіемъ: для кредитнаго учрежденія, обезпеченнаго свидѣтельствомъ гражданской палаты, залогъ во всякомъ случаѣ достаточенъ; и если крестьяне по смерти завѣщателя изъявляютъ согласіе принять на себя уплаты банковаго долга, то никакого дальнѣйшаго затрудненія ни для кого быть не можетъ. Остаются, слѣдственно, только два случая, въ коихъ воля завѣщателя можетъ встрѣтить затрудненія къ осуществленію своему: 1) когда имѣніе завѣщателя обременено долгами частными; 2) когда завѣщатель предоставилъ крестьянамъ въ собственность не всю землю, заложенную въ кредитномъ учрежденіи, но только часть ея. Въ виду послѣдняго случая, правительство, отъ котораго кредитныя учрежденія находятся въ совершенной и полной зависимости точно такъ же, какъ и всѣ прочія присутственныя мѣста, легко можетъ заранѣе установить извѣстный размѣръ земли, необходимый для обезпеченія какъ долга кредитнаго учрежденія, такъ и благосостоянія крестьянъ, предоставивъ завѣщателю всею излишнею затѣмъ землею распорядиться по собственному произволу. Если же завѣщатель обремененъ частными долгами, законодатель, имѣя въ виду вящее утвержденіе частнаго кредита, конечно поступитъ съ полнымъ благоразумiемъ, не признавая

въ такомъ случаѣ воли завѣщателя, или наложивъ на нее какія-либо ограниченія, которыя весьма легко могутъ быть придуманы.

Во всякомъ случаѣ, уничтоженіе воли завѣщателя по причинѣ чрезмѣрныхъ частныхъ долговъ, будетъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, которому, безъ всякаго сомнѣнія, не малое число крѣпостныхъ людей, безъ малѣйшаго пожертвованія отъ правительства и безъ всякаго сотрясенія общественнаго быта, будутъ обязаны неоцѣненными благами свободы и собственности.

X. *Дозволеніе почетнымъ гражданамъ покупать имѣнія помѣщичьи, заключая съ крестьянами договоры.*

Быстрое развитіе въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ отечественной промышленности и торговли положило начало образованію у насъ богатаго и уже многочисленнаго средняго сословія, отчасти получившаго даже отъ покойнаго государя корпоративное устройство подъ именемъ почетнаго гражданства.

Въ рукахъ нашихъ почетныхъ гражданъ и купцовъ ежедневно скопляются значительные капиталы, и, безъ сомнѣнія, охотно и съ не малою пользою для государства были бы направлены ими на оживленіе земледѣлія изнемогающаго отъ всеобщаго дворянскаго безденежья, если бы не препятствовало тому населеніе почти всѣхъ земель крѣпостными людьми, владѣніе коими составляетъ исключительное преимущество дворянскаго сословія. Съ открытіемъ этого новаго обширнаго поприща для дѣятельности средняго сословія, немедленно процвѣли бы земледѣліе и скотоводство, подкрѣпленные значительными часто втунѣ лежащими капиталами, возвысилась бы цѣнность поземельной собственности и, безъ сомнѣнія, улучшилось бы и благосостояніе самого дворянства. Кромѣ того, правительство легко могло бы при этомъ достигнуть еще и другой косвенной, но тѣмъ не менѣе важной цѣли постепеннаго увольненія крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, дозволивъ почетнымъ гражданамъ покупать имѣнія помѣщичьи съ тѣмъ, чтобы при этомъ заключаемы были у нихъ съ крестьянами договоры. Мы твердо убѣждены, что подобныя сдѣлки быстро распространились бы особенно въ промышленныхъ округахъ, гдѣ купечество и безъ того уже владѣетъ многими фабриками и дачами. Такіе, исключительно основан-

ные на взаимныхъ выгодахъ договоры представили бы готовые типы для договоровъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, и имѣли бы, безспорно, рѣшительное вліяніе на постепенное любовное разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса.

XI. Искорененіе по возможности безпомѣстнаго и мелкопомѣстнаго владѣнія крѣпостными людьми.

Если власть господъ надъ крѣпостными людьми, ввѣренная лицамъ по состоянію своему и образованности заслуживающимъ довѣрія правительства, можетъ во многихъ случаяхъ быть названа благотворною опекою, и представляетъ достаточное ручательство благосостоянія крестьянъ, то, съ другой стороны, трудно найти явленіе, менѣе соотвѣтствующее успѣхамъ современнаго просвѣщенія и истиннымъ пользамъ народа, чѣмъ допущенное донынѣ закономъ владѣніе крѣпостными людьми безпомѣстное и мелкопомѣстное. Въ первомъ случаѣ оно безспорно является уже чисто личнымъ рабствомъ. Почти всегда тотъ же характеръ носитъ и второго рода владѣніе крѣпостными людьми; всѣмъ извѣстно, что мелкопомѣстные дворяне, имѣющіе не болѣе 20 душъ, и весьма часто еще менѣе, вообще не надѣляютъ ихъ поземельными участками, но кормятъ ихъ за своею застольною, и сами не всегда надѣясь досыта, далеко находятся не въ состояніи содержать ихъ удовлетворительно, хотя бы даже и сами того желали. Излишне было бы говорить, что бѣдность и сопряженное съ нею невѣжество, въ коемъ безвыходно коснѣетъ мелкопомѣстное дворянство, грубость нравовъ, развивающихся въ немъ подъ вліяніемъ гнетущихъ обстоятельствъ, и безчеловѣчное воззрѣніе на людей, какъ на домашній скотъ, дѣлаютъ быть послѣднихъ въ подобной средѣ вполнѣ и безусловно невыносимымъ. Не благотворнѣй дѣйствуетъ возможность владѣть рабами и на самихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, развращая ихъ еще болѣе, чѣмъ растлеваются нравы ихъ крѣпостныхъ людей. Мелкопомѣстные дворяне отчуждаются всѣми мелкими интересами своими отъ окружающаго ихъ общества и государства, дѣлаются ненужными и большею частію вредными членами его и всѣмъ бытомъ своимъ позорятъ честь своего сословія и растравляютъ безъ того уже слишкомъ живыя язвы вскормившаго ихъ крѣпостного состоянія. Между тѣмъ, число крестьянъ, принадлежащихъ имъ, страшно велико; Тенгоборскій въ сочиненіи своемъ о Россіи приводитъ слѣдующія

цифры, извлеченныя изъ статистическихъ таблицъ Кеппена, и основанныя на данныхъ 8-й ревизіи:

а) Крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ однодворцамъ 10.978 душъ мужескаго пола.

б) Крѣпостныхъ людей, владѣемыхъ въ числѣ 20 или менѣе душъ — 450.037 душъ мужескаго пола, принадлежащихъ 58.457 помѣщикамъ[1]), т.-е. на каждаго владѣльца приходится среднимъ числомъ $7^{7}/_{10}$ душъ. Изъ этого числа, 450.037 душъ, по показаніямъ того же Кеппена, 62.378 душъ находится во владѣніи дворянъ вовсе безъ земли; за симъ собственнаго крестьянъ мелкопомѣстнаго съ землею владѣнія окажется 388.000 душъ мужескаго пола. Цифры эти, теперь довольно уже общеизвѣстныя, краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ. Какое же найти врачеваніе для этого зла?

Скажемъ прямо: безъ нѣкотораго денежнаго пожертвованія со стороны казны или правительства оно невозможно тѣмъ болѣе, что при совершеніи этого истинно благодѣтельнаго переворота правительство должно постоянно имѣть въ виду двѣ цѣли; во-первыхъ, не искать конечнаго разоренія бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянства, и безъ того уже удрученнаго нищетою, но всячески стараться облегчить для него тяжкій въ его жизни переворотъ, хотя бы съ нѣкоторыми пожертвованіями со стороны правительства, или, въ другихъ словахъ, — со стороны всего общества, интересамъ коего приносятся такимъ образомъ въ жертву личныя выгоды мелкаго дворянства; во-вторыхъ, тщательно наблюсти, чтобы при совершеніи этого преобразованія положеніе крѣпостныхъ людей мелкопомѣстнаго дворянства отъ рѣзкости правительственныхъ мѣръ, или небреженія казенныхъ чиновниковъ не было ухудшено, вмѣсто того, чтобы улучшиться.

Такое отягченіе ихъ участи непремѣнно воспослѣдовало бы, напримѣръ, если бы дозволено было безпомѣстнымъ или мелкопомѣстнымъ дворянамъ продать своихъ крѣпостныхъ людей безъ земли; ибо въ такомъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, почти всѣ годные изъ нихъ къ военной службѣ будутъ немедленно по уменьшеннымъ цѣнамъ проданы въ рекруты, и отечество наше на время представитъ печальное

[1]) Достойно замѣчанія, что эти мелкопомѣстные владѣльцы составляютъ болѣе половины всѣхъ помѣщиковъ въ Россіи, число коихъ вообще простирается до 109.318 человѣкъ.

зрѣлище обширнаго торжища человѣческой крови. Словомъ, предлагаемое преобразованіе должно быть совершено съ полнымъ уваженіемъ къ благопріобрѣтеннымъ правамъ мелкопомѣстнаго дворянства и съ практическимъ сознаніемъ выгодъ и нуждъ крѣпостного народонаселенія.

Для этого мы предлагаемъ нижеслѣдующія мѣры:

Во-первыхъ, для крѣпостныхъ людей, владѣемыхъ безъ земли, и для крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ однодворцамъ, которые по существу своему должны быть подведены подъ одинъ разрядъ съ первыми: правительство, признавъ за каждымъ крестьяниномъ право выкупаться изъ крѣпостного состоянія за извѣстную плату, имѣетъ несомнѣнное право и само выкупать его на волю за ту же сумму; въ такомъ случаѣ оно является лишь постороннимъ лицомъ, ссужающимъ крестьянину эти деньги подъ извѣстными условіями. Итакъ, правительство, издавъ законъ о maximum'ѣ крестьянскаго выкупа, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ право немедленно объявить свободными всѣхъ крестьянъ, безъ земли владѣемыхъ, подъ условіемъ платы за нихъ изъ казны владѣльцамъ по 100 р. сер. за душу. Если правительство пожелаетъ приступить къ освобожденію этихъ людей до изданія закона о наивысшей цѣнѣ выкупа на волю или, если издавши послѣдній, — оно назначитъ maximum болѣе высокій, такъ что пожертвованіе, исчисленное на этомъ новомъ основаніи, окажется слишкомъ для него значительнымъ, то въ такомъ случаѣ легко можетъ быть найдено иное основаніе для исчисленія вознагражденія слѣдуемаго владѣльцамъ, по которому цифра необходимаго пожертвованія казны будетъ еще нѣсколько ниже первоначально нами предложенной; а именно: правительство можетъ тогда объявить, что, находя безпомѣстное владѣніе крѣпостными людьми совершенно несовмѣстнымъ съ современными требованіями общества и государственною пользою, оно обращаетъ на такомъ правѣ владѣемыхъ крѣпостныхъ людей въ казенное вѣдомство съ удовлетвореніемъ за нихъ изъ казны владѣльцевъ по низшей оцѣнкѣ, установленной для писанія крѣпостныхъ актовъ, т.-е. по 90 р. сер. за душу. Оцѣнка эта, и по совѣсти неразорительная для владѣльцевъ, не будетъ лишена законнаго основанія; ибо если она признается закономъ достаточною для крѣпостныхъ людей, отчуждаемыхъ съ землею, хотя бы и

въ худшихъ губерніяхъ Россіи, то тѣмъ справедливѣе будетъ она въ приложеніи къ крѣпостнымъ людямъ, владѣемымъ вовсе безъ земли. Уволеннымъ такимъ образомъ людямъ изъ крѣпостного состоянія должно быть предоставлено право приписки къ ближайшимъ отъ прежнихъ мѣстъ ихъ приписки обществамъ казенныхъ крестьянъ и городскимъ безъ согласія послѣднихъ на томъ же основаніи, какъ предоставлено это нѣкоторымъ лицамъ IX т. Св. Зак. ст. 495, 496, 497, 648, 649. Само собою разумѣется, что тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ на собственный счетъ приписаться къ какому-либо обществу по собственному избранію, это должно быть предоставлено сходственно 414 ст. IX т. Св. Зак.

Что же касается, во-вторыхъ, до крестьянъ мелкопомѣстнаго дворянства, владѣемыхъ съ землею, то мы полагаемъ, что правительство прежде всего должно объявить свою рѣшительную волю единожды навсегда, въ видахъ государственной пользы, прекратить это мелкопомѣстное владѣніе крѣпостными людьми, и для этого постановить пятилѣтній срокъ помѣщикамъ, владѣющимъ менѣе чѣмъ 21 душою, для продажи имѣній своихъ такимъ дворянамъ, кои владѣютъ не менѣе какъ 100 душами. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть повелѣно, чтобы впредь населенныя крѣпостными людьми имѣнія, состоящія нынѣ въ составѣ болѣе ста душъ, ни подъ какимъ видомъ не могли быть дробимы на участки менѣе ста душъ, а теперь уже не достигающія этой цифры имѣнія не должно быть вовсе дозволено раздроблять далѣе; и притомъ, то и другое — подъ страхомъ немедленнаго отобранія таковыхъ участковъ въ казну по цѣнѣ, установленной для писанія крѣпостей. Тѣ же самыя послѣдствія должны быть объявлены и для всѣхъ нынѣ существующихъ имѣній, не превышающихъ 20 душъ, которыя въ пятилѣтній срокъ не будутъ проданы помѣщикамъ, владѣющимъ не менѣе какъ ста душами. Всѣ таковыя имѣнія, по истеченіи пяти лѣтъ отобранныя въ казну, могутъ быть приписаны къ ближайшимъ казеннымъ селеніямъ и обществамъ, и вновь пріобрѣтенные въ казну крестьяне уравнены съ послѣдними въ пользованіи угодьями и платежѣ податей и повинностей.

Мы убѣждены, что если бы даже часть мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ не воспользовались бы пятилѣтнею льготою, и казна была бы принуждена оставить за собою имѣнія ихъ по

объявленной цѣнѣ, то она въ общей сложности не осталась бы въ убыткѣ, ибо оброчная подать съ пріобрѣтенныхъ ею крестьянъ должна съ лихвою покрыть проценты съ пожертвованнаго ею капитала. Такимъ образомъ, не вознагражденное пожертвованіе казны будетъ состоять единственно изъ какихъ-либо 7.300.000 рублей серебромъ за увольненіе изъ крѣпостного состоянія по 100 руб. сер. за душу 62.000 душъ безъ земли владѣемыхъ людей, и около 11.000 душъ крестьянъ однодворческихъ. Не полагаемъ, чтобы такое, поистинѣ ничтожное, пожертвованіе, принесенное во имя священнѣйшихъ правъ человѣчества и существеннѣйшей выгоды государства — нравственности общественной, могло показаться кому бы то ни было несоразмѣрнымъ съ средствами Россійской имперіи.

Для полноты считаемъ мы долгомъ упомянуть здѣсь, что предложенная нами цѣль уничтоженія безпомѣстнаго и мелкопомѣстнаго владѣнія крѣпостными людьми, конечно можетъ быть достигнута еще и инымъ не налагающимъ на казну никакого денежнаго пожертвованія, путемъ: правительство можетъ на основаніи того, всеобщаго почти факта, что крестьяне, владѣемые въ числѣ менѣе 21 души, никогда не надѣляются отъ владѣльцевъ своихъ землею, — признать ихъ дворовыми людьми и, какъ таковыхъ, подчинить дѣйствію предлагаемаго нами для послѣднихъ постановленія о безвозмездномъ ихъ увольненіи безъ земли изъ крѣпостного состоянія по достиженіи 35-лѣтняго возраста. Впрочемъ мы сами считаемъ такой способъ увольненія ихъ гораздо несовершеннѣе вышеизложенныхъ нами, какъ потому, что онъ болѣе нарушаетъ благопріятныя права и безъ того бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянства, такъ и потому, что такимъ образомъ самое дѣло увольненія крестьянъ сихъ отсрочено было бы на неопредѣленное и продолжительное время.

XII. Воспрещеніе банковымъ учрежденіямъ впредь принимать вновь въ залогъ или допускать перезалогъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми.

Если бы правительство рѣшилось привести въ исполненіе всѣ вышеприведенныя предлагаемыя нами 11 мѣръ для постепеннаго искорененія крѣпостного состоянія, то уже въ первое десятилѣтіе могли бы быть, безъ сомнѣнія, достигнуты важные результаты.

Мы полагаемъ, что вѣроятные эти результаты могутъ довольно безошибочно быть оцѣнены и изображены слѣдующими цифрами:

Во-первыхъ, крестьянъ, имѣющихъ вѣроятно въ теченіе перваго десятилѣтія воспользоваться правомъ выкупа на волю за извѣстный maximum, можно, какъ мы выше видѣли, предполсжить 1.000.000 душъ мужескаго пола;

во-вторыхъ, дворовыхъ по достиженіи 35 лѣтъ имѣющихъ безвозмездно получить свободу съ несовершеннолѣтними дѣтьми, изъ 1.182.000 душъ нѣсколько менѣе половины всего количества, т.-е. 500.000 душъ мужескаго пола;

въ-третьихъ, безпомѣстно владѣемые и однодворческіе крѣпостные крестьяне, должны быть выкуплены на волю казною всѣ, т.-е. 73.000 душъ;

въ-четвертыхъ, изъ мелкопомѣстно владѣемыхъ въ числѣ менѣе 21 души, можетъ послѣ 5-лѣтняго льготнаго срока остаться въ рукахъ казны около половины, т.-е. 185.000 душъ мужескаго пола;

въ-пятыхъ, почетными гражданами будетъ пріобрѣтаемо ежегодно и обращаемо въ обязанные крестьяне или свободные хлѣбопашцы около 50.000 душъ ежегодно, а въ теченіе 10 лѣтъ до 500.000 душъ мужескаго пола;

въ-шестыхъ, дозволеніе отпускать крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы духовными завѣщаніями должно возвысить ежегодное число отпускаемыхъ до 30.000, а въ 10 лѣтъ до 300.000.

Итого въ теченіе 10 лѣтъ должно вѣроятно изъ крѣпостного состоянія выйти на волю, съ землею или безъ земли, до 2.567.000 душъ мужескаго пола.

Такой результатъ, даже только приблизительно достигнутый и притомъ съ самыми незначительными пожертвованіями со стороны казны, уже самъ въ себѣ былъ бы весьма блистателенъ.

Но если бы и за всѣмъ тѣмъ предполагаемый успѣхъ могъ бы показаться слишкомъ медленъ, то отъ правительства опять зависѣло бы дать еще сильнѣйшій толчокъ дѣлу, посредствомъ новой законодательной мѣры, которая конечно имѣла бы сильнѣйшее вліяніе на поощреніе владѣльцевъ къ добровольному преобразованію отношеній ихъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Правительству стоитъ только воспре-

тить банковымъ учрежденіямъ (у коихъ[1]) нынѣ состоитъ въ залогѣ до 6 ½ милліоновъ душъ помѣщичьихъ крестьянъ) принимать вновь въ залогъ или допускать до перезалога имѣнія, населенныя крѣпостными людьми. Мы убѣждены, что не пройдетъ тогда полнаго 37-лѣтняго срока залога имѣній и вся масса помѣщичьихъ имѣній безъ всякаго видимаго принужденія преобразуется на новый ладъ сама собою, единымъ вліяніемъ вызванной къ дѣятельности и зрѣло обдуманной воли самихъ владѣльцевъ.

На предлагаемую нами мѣру мы предвидимъ лишь одно существенное возраженіе, а именно то, что привыкшіе скопляться въ банкахъ русскіе капиталы, вслѣдствіе значительнаго временнаго сокращенія помѣщичьихъ займовъ, не найдутъ себѣ правильнаго употребленія, и, переполнивъ банковыя кладовыя, сдѣлаются для всѣхъ нашихъ кредитныхъ учрежденій невыносимымъ бременемъ.

Возраженіе это, конечно, вполнѣ устраняется слѣдующими соображеніями:

Во-первыхъ, въ случаѣ временнаго сокращенія помѣщичьихъ займовъ, казна не перестаетъ являться, какъ уже и нынѣ бываетъ, самымъ вѣрнымъ и постояннымъ потребителемъ излишнихъ въ банкахъ лежащихъ вкладовъ. Она въ такомъ случаѣ можетъ съ пользою употребить ихъ для пріобрѣтенія въ пользу кредитныхъ учрежденій значительныхъ паевъ въ желѣзныхъ дорогахъ и иныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, вызвать къ жизни которыя всегда зависитъ отъ воли самого правительства. Паи въ правильно задуманныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ обезпечатъ, конечно, банковыхъ вкладчиковъ не хуже помѣщичьихъ имѣній; а Россія отъ развитія новаго, не початаго еще, источника богатства, получитъ, безъ сомнѣнія, выгоды не маловажныя во всѣхъ отношеніяхъ.

Во-вторыхъ, не менѣе полезно было бы, съ другой стороны, воспользоваться такимъ временнымъ скопленіемъ капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ для совершенія давно предлагаемаго и доселѣ вслѣдствіе разныхъ опасеній постоянно откладываемаго уменьшенія процентовъ, платимыхъ банковымъ вкладчикамъ.

---

[1]) Къ 1 января 1856 года состояло въ залогѣ душъ: въ опекунскихъ совѣтахъ 5.393.272; въ государственномъ заемномъ банкѣ — 635.522; и еще нѣсколько сотъ тысячъ въ приказахъ.

Проценты эти легко могутъ быть убавлены съ 4% на 3%; между тѣмъ, полезно было бы продолжать взимать съ старыхъ банковыхъ должниковъ 6%; пять же процентовъ брать лишь съ закладывающихъ вновь, или вновь перезакладывающихъ свои имѣнія и чьи земли уже болѣе не заселены крѣпостными людьми. Такое уменьшеніе процентовъ въ пользу владѣльцевъ, вошедшихъ съ крестьянами своими въ какія-либо добровольныя сдѣлки, послужило бы для нихъ, безъ сомнѣнія, не маловажною преміею. Впрочемъ, отказъ въ кредитѣ владѣльцамъ, упорно стоящимъ за свое старое крѣпостное право, непремѣнно долженъ сопровождаться другою мѣрою, а именно оцѣнкою земель и постановленіемъ правилъ для выдачи изъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій ссудъ подъ незаселенныя земли въ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующихъ если не превышающихъ нынѣ допускаемыя ссуды подъ залогъ имѣній заселенныхъ. Иначе владѣлецъ, отпустившій на волю крестьянъ своихъ, будетъ справедливо считать себя обиженнымъ сравнительно съ тѣми, которые удерживали свои владѣльческія права.

И теперь уже въ высшей степени несправедливо то, что незаселенныя земли не принимаются въ залогъ подъ ссуду денегъ въ опекунскихъ совѣтахъ, пользуясь въ этомъ отношеніи лишь тощими средствами приказовъ общественнаго призрѣнія; это ни на чемъ не основанное исключеніе ихъ изъ круга благотворной дѣятельности опекунскихъ совѣтовъ настоятельно требуетъ скораго и полнаго отмѣненія своего.

XIII. Поддержаніе инвентарей въ тѣхъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ они уже введены, и дополненіе ихъ нѣкоторыми новыми постановленіями.

Считая вообще правильное введеніе и добросовѣстное выполненіе инвентарей дѣломъ въ Россіи почти невозможнымъ, мы тѣмъ не менѣе смѣемъ выразить надежду, что правительство, однажды употребивъ столько усилій для введенія ихъ, и отчасти, хотя въ слабой мѣрѣ, достигнувъ цѣлей своихъ, не прекратитъ ихъ дѣйствія въ тѣхъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ они теперь уже существуютъ и гдѣ окончательно-почва для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнѣе, чѣмъ въ губерніяхъ великороссійскихъ. Отступленіе отъ нихъ въ настоящую минуту не могло бы не имѣть плачевныхъ послѣдствій, поколебавъ въ основаніи сввемъ чувство дввѣрія къ правитель-

ству и благодарности крестьянскаго народонаселенія западныхъ губерній, которое есть лучшее и самое прочное основаніе тамъ русскаго владычества и русскаго вліянія. Но, съ другой стороны, уже одно поверхностное разсмотрѣніе введенныхъ въ дѣйствіе инвентарей, заставляетъ насъ увѣриться, что необходимо ихъ дальнѣйшее развитіе и исправленіе не въ выгоду которой-либо одной изъ тяжущихся сторонъ, но въ видахъ правильнѣйшаго соблюденія пользы обоюдной и правильнаго развитія народнаго богатства. Указаніе необходимыхъ отдѣльныхъ измѣненій должно конечно быть возложено на мѣстные комитеты и мѣстныхъ спеціальныхъ людей; съ своей стороны мы осмѣливаемся указать только на одинъ пропускъ, низводящій по нашему мнѣнію нынѣ существующіе инвентари на степень мелкой ученической полумѣры, не заключающей въ себѣ никакихъ сѣмянъ будущаго могущественнаго благотворнаго развитія. Мы смѣемъ думать, что существеннѣйшую принадлежность всякаго правильно составленнаго инвентаря, гдѣ бы ни былъ послѣдній введенъ — въ имѣніяхъ ли помѣщичьихъ, или государственныхъ, или удѣльныхъ — составляетъ законное опредѣленіе того денежнаго капитала, единовременною уплатою котораго владѣльцу своему крестьянинъ можетъ освободить себя и все потомство свое отъ исправленія, въ пользу его, барщинскихъ повинностей или ежегоднаго платежа ему оброка, и обратить въ полную себѣ частную собственность участокъ земли, дотолѣ владѣемой имъ, на тягло или на душу на правѣ временнаго пользованія.

Впослѣдствіи правительство можетъ предоставить себѣ право еще болѣе споспѣшествовать подобнымъ операціямъ учрежденіемъ для крестьянъ вспомогательныхъ заемныхъ банковъ и обращеніемъ на пользу низшаго сельскаго сословія могущаго дѣйствія финансоваго начала погашенія (amortissement:) Но во всякомъ случаѣ вездѣ, гдѣ уже дѣйствуетъ правильный инвентарь, гдѣ, слѣдовательно, могутъ съ несомнѣнною вѣрностію быть исчислены и оцѣнены вещественныя, рабочія, или денежныя ежегодныя послуги, исправляемыя селяниномъ въ пользу землевладѣльца, тамъ правительство должно признать за крестьяниномъ, трудолюбіемъ и бережливостію умѣвшимъ нажить себѣ деньги, право капитализировать ренту, уплачивать капиталъ этотъ владѣльцу и самому восходить такимъ образомъ на степень полноправнѣйшаго гражданина, независи-

маго вотчинника. Только путемъ такого усовершенствованія нынѣ существующихъ инвентарей можетъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они введены постепенно, безъ всякаго насильственнаго переворота, образоваться крѣпкое, самобытное, истинно полезное для государства сословіе крестьянъ вотчинниковъ; только такимъ образомъ можетъ быть простолюдинъ поощренъ къ труду и бережливости указаніемъ ему близкой и всегда возможной для него награды. Иначе, инвентарь является лишь безсмысленнымъ яблокомъ раздора между помѣщикомъ и крестьяниномъ, непрестаннымъ поводомъ къ неразрѣшимымъ ихъ между собою столкновеніямъ, учрежденіемъ обоюдно безнадежнымъ и безвыходнымъ, не представляющимъ ни помѣщику правильнаго обезпеченія его собственности и ренты или дохода, ни крестьянину достаточнаго поощренія къ развитію его трудолюбія и бережливости и надежды на прочное улучшеніе его матеріальнаго и политическаго благосостоянія.

XIV. Поощреніе владѣльцевъ всѣми зависящими отъ правительства нравственными средствами къ отпущенію на волю крестьянъ въ ихъ имѣніяхъ.

Мы изложили въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ тѣ положительныя законодательныя мѣры, которыми правительство можетъ и, по мнѣнію нашему, должно содѣйствовать дѣлу освобожденія крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, тѣ вещественныя разнообразныя облегченія и льготы, которыми, съ одной стороны, оно можетъ отчасти умалить убытки, необходимо сопряженные съ подобнымъ хозяйственнымъ переворотомъ для владѣльцевъ, съ другой же — побудить крестьянина и поощрить его къ мужественному напряженію всѣхъ силъ своихъ для пріобрѣтенія себѣ свободы путемъ личнаго труда.

Во всемъ вышеизложенномъ правительство, постановивъ извѣстныя правила, однажды начертавъ ихъ для руководства частныхъ лицъ, остается за симъ если не равнодушнымъ, то, по крайней мѣрѣ, спокойнымъ зрителемъ трядущихъ результатовъ, ожидая лишь отъ возбужденной общественной самодѣятельности оправданія своихъ надеждъ и предначертаній.

Но этимъ не ограничивается задача, выпавшая, по мнѣнію нашему, на долю правительства: ему предлежитъ еще иная цѣль, иная задача: ему предстоитъ содѣлаться нравственнымъ руководителемъ убѣжденій общественныхъ въ этомъ столько важномъ и столько сложномъ вопросѣ, ибо подобный руко-

водитель въ этомъ дѣлѣ для нашего общества необходимъ. Историческими условіями новѣйшей русской жизни правительство поставлено во главѣ движенія общественнаго: трудно въ настоящее время какой-либо важной общественной мысли окрѣпнуть, развиться и принесть скорые плоды, если она не найдетъ себѣ твердой и несомнѣнной опоры въ правительствѣ, если послѣднее не будетъ ей сочувствовать и не выразитъ этого сочувствія своего яснымъ и несомнѣннымъ образомъ. Въ особенности справедливо это, говоря о мысли преобразованія сельскихъ крѣпостныхъ отношеній, мысли, естественно имѣющей себѣ столько отъявленныхъ и жаркихъ враговъ въ кругу самаго образованнаго общества и враждебно сталкивающейся въ немъ съ самыми животрепещущими, жизненными интересами — вещественными выгодами помѣщиковъ и сословными предразсудками дворянства. Далеко еще не всеобще стало у насъ вѣрованіе въ необходимость преобразованія крѣпостного состоянія; изумительно малочисленъ еще тѣсный кружокъ людей довольно отважныхъ, чтобъ принять вызовъ правительства, когда онъ воспослѣдуетъ, и готовыхъ смѣло выступить впередъ по тернистому пути личныхъ опытовъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, сопряженномъ съ возможностію убытка денежнаго и несомнѣнностію общественнаго неблагорасположенія къ нововводителямъ.

Мы полагаемъ, что въ настоящее время здѣсь-то именно начинается постоянно дѣятельная роль правительства, его нравственное участіе въ дѣлѣ эманципаціонномъ, его вполнѣ законное на него вліяніе: ему предстоитъ, не выражая всенародно и гласно ни малѣйшей торопливости къ осуществленію мысли своей, стараться путемъ убѣжденія и просьбы склонять къ преобразованіямъ въ имѣніяхъ своихъ значительнѣйшихъ изъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ, преимущественно изъ непосредственно окружающихъ престолъ; съ тѣми же просьбами и убѣжденіями должно оно обращаться и ко всѣмъ тѣмъ изъ жителей губернскихъ, которые, хотя бы они жили и вдали отъ столицъ, но по нравственному характеру своему, уму или богатству успѣли пріобрѣсть себѣ вліяніе въ обитаемыхъ ими мѣстностяхъ; слово государево, благодаря Бога, у насъ въ Россіи еще такъ сильно и такъ искренно и глубоко уважено, что оно легко можетъ произвести въ обществѣ многое, что безсильны произвесть и безличный законъ и самая суетли-

вая дѣятельность начальства. Мы твердо увѣрены, что ласковое пригласительное слово въ устахъ государевыхъ, обращенное къ приближеннымъ его лицамъ и ко всякому незакоснѣлому въ предразсудкахъ дворянину, заключаетъ въ себѣ самомъ болѣе чарующей силы, чѣмъ всѣ въ мірѣ указы, и станетъ для русскаго человѣка болѣе убѣдительнымъ доводомъ, чѣмъ всевозможныя отвлеченныя сужденія и числительныя доказательства. Само собою разумѣется, что подобная политика тогда только принесетъ полную дань обильныхъ плодовъ, когда она сопряжена будетъ съ неуклонною послѣдовательностію, когда не допущено ею будетъ себѣ противорѣчія въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ начальствъ, когда, наконецъ, единожды склонившимся къ нововведенію лицамъ не будетъ ни въ какомъ случаѣ угрожать внезапная перемѣна воззрѣнія правительства на дѣло эманципаціи, способная лишить ихъ предъ обществомъ лучшей ихъ нравственной опоры. Только при существованіи всѣхъ этихъ условій возможенъ полный успѣхъ; но при существованіи ихъ успѣхъ несомнѣненъ, чтобы прославить царствованіе.

XV. Допущеніе литературнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ повременныхъ изданіяхъ обществъ сельскаго хозяйства, и обращеніе на него вниманія преподавателей политико-экономическихъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Наконецъ, не довольствуясь однимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ своимъ на болѣе близкихъ къ себѣ лицъ, правительство можетъ и должно еще искать лучшихъ средствъ къ постепенному распространенію въ самомъ обществѣ, въ средѣ дворянской, въ читающей публикѣ здравыхъ экономическихъ понятій и постепенно подготовлять самое общественное мнѣніе къ разумному и свободному воспринятію начатыхъ и готовимыхъ въ близкой будущности сословныхъ преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрованіе въ пользу и возможность дальнѣйшаго существованія крѣпостного права покоится у насъ не на одномъ только сознаніи вещественныхъ выгодъ, проистекающихъ изъ онаго для сословія помѣщиковъ, но еще и на превратныхъ и въ высшей степени ложныхъ экономическихъ понятіяхъ, къ сожалѣнію, глубоко укоренившихся и донынѣ преобладающихъ въ обществѣ нашемъ. Противъ подобныхъ ложныхъ теорій и хозяйственно-научныхъ предубѣ-

жденій указы и учрежденія безсильны: мракъ невѣжества можетъ быть разсѣянъ лишь свѣточемъ науки; вѣрованія, коренящіяся въ сознательномъ убѣжденіи, могутъ быть искоренены лишь столько же сознательнымъ научнымъ опроверженіемъ стараго ложнаго взгляда. Словомъ, правительство должно здѣсь неминуемо призвать въ помощь своей матеріальной силѣ силы духовныя науки, просвѣщенія, свободной мысли.

Во-первыхъ, во всѣхъ тѣхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ цѣною значительныхъ денежныхъ пожертвованій содержитъ оно преподавателей и каѳедры политико-экономическихъ наукъ, гдѣ образуется цвѣтъ русскаго дворянства, гдѣ обучаются юноши, призванные впослѣдствіи сами владѣть крѣпостными людьми и занимать почетнѣйшія мѣста въ государственномъ управленіи или, по крайней мѣрѣ, въ свою очередь передавать будущимъ поколѣніямъ здравыя начала науки и гражданскаго просвѣщенія, — во всѣхъ сихъ заведеніяхъ, говоримъ мы, должно быть вмѣнено преподавателямъ въ строжайшую обязанность подробно разсматривать экономическія условія крѣпостного состоянія и указывать слушателямъ своимъ вредное вліяніе этого учрежденія на народное богатство. Такимъ образомъ постепенно образуется новое поколѣніе, не только готовое сочувствовать, но еще и умѣющее содѣйствовать благимъ видамъ правительства къ освобожденію крестьянъ, поколѣніе котораго юношескія, но искреннія и горячія убѣжденія не останутся и въ семейномъ кругу безъ медленнаго, но зато вѣрнаго вліянія на людей старшихъ годами; тогда исчезнетъ также это безобразное, исключительно Россіи принадлежащее явленіе множества юношей, въ особенности изъ высшаго аристократическаго круга или коснѣющихъ въ тупоумномъ и зловѣщемъ равнодушіи къ живѣйшему вопросу русской современности, или съ раннихъ лѣтъ своихъ научившихся болѣе или менѣе искренно ненавидѣть всякое въ этомъ дѣлѣ задумываемое правительствомъ преобразованіе и противопоставлять ему наслѣдованную отъ отцовъ то апатическую, то озлобленную политику бездѣйствія и голословнаго охужденія.

Во-вторыхъ, необходимо допущеніе въ благоразумныхъ размѣрахъ литературнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ состояніи, для возможнаго уясненія всѣхъ сторонъ его людямъ уже взрослымъ, самой собственно такъ называемой публикѣ.

Сколь полезно подобное печатное разсмотрѣніе всякаго важнаго общественнаго вопроса, близко знакомаго публикѣ и всѣми точками своими ея соприкасающагося, въ томъ уже и само правительство наше имѣло случай убѣдиться въ предшествующее царствованіе, безъ сомнѣнія обязаннаго успѣхомъ спеціальнаго размежеванія единственно введенію всѣхъ подробностей сей мѣры въ область свободнаго литературнаго обсужденія; всѣ образованные помѣщики въ то время взялись за перо и спѣшили въ разныхъ хозяйственныхъ изданіяхъ уяснить дѣло отсталымъ и путемъ дѣльнаго практическаго сужденія убѣдить ихъ въ пользѣ правительственныхъ требованій; всѣ подробности послѣднихъ были со всѣхъ сторонъ свободно разсмотрѣны и оцѣнены, образовалась по поднятому вопросу цѣлая литература, безспорно остающаяся замѣчательнымъ памятникомъ тогдашней эпохи; и дѣло въ высшей степени трудное, какъ по сложности своей, такъ и по сцѣпленію своему со всѣми матеріальными интересами, будучи ясно сознано обществомъ, вскорѣ увѣнчалось блистательнѣйшими послѣдствіями. Да послужитъ это примѣромъ и поощреніемъ и для настоящаго времени. На первый разъ можно было бы, не дѣлая вопроса о крѣпостномъ состояніи предметомъ общей журнальной полемики, дозволить всѣмъ нынѣ существующимъ обществамъ сельскаго хозяйства помѣщать въ повременныхъ изданіяхъ своихъ, преимущественно читаемыхъ помѣщиками, лучшія ими разсмотрѣнныя разсужденія о крѣпостномъ трудѣ, хотя бы и не клонящіяся къ оправданію его; и притомъ формально разрѣшить имъ свободное обсужденіе этого вопроса въ засѣданіяхъ своихъ, разумѣется не стѣсняя ничѣмъ мнѣній, выражаемыхъ по оному членами. Личный тактъ членовъ и предсѣдателей сихъ засѣданій и личныя выгоды ихъ, какъ дворянъ и помѣщиковъ, могутъ служить лучшимъ ручательствомъ умѣреннаго и спокойнаго характера этихъ полезныхъ сходбищъ, лишь бы правительство твердо поддержало въ нихъ полную свободу мнѣній, а практическія свѣдѣнія всѣхъ участвующихъ въ нихъ не позволяютъ сомнѣваться въ пользѣ ихъ занятій и удобоприлагаемости ихъ выводовъ. Такое предварительное обсужденіе экономической стороны вопроса въ обществахъ сельскаго хозяйства предшествовало во всей Германіи XVIII вѣка и даже въ нашихъ остзейскихъ областяхъ самому уничтоженію крѣпостного состоянія. Этой благоразум-

ной политики держался въ Пруссіи самъ Фридрихъ Великій, котораго, конечно, никто не упрекнетъ въ близорукости. Ей же была вѣрна и императрица Екатерина II, царствованіе которой завѣщало намъ замѣчательныя въ этомъ отношеніи сочиненія Фонвизина и нѣсколько печатныхъ критическихъ разсужденій о крѣпостномъ состояніи, писавшихся по вызову Академіи.

Заключеніе.

Мы изложили съ полною откровенностію, по крайней силѣ разумѣнія нашего, тѣ существеннѣйшія практическія измѣненія, которыя, по мнѣнію нашему, въ настоящую минуту могутъ и должны быть внесены въ законы, опредѣляющіе у насъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Мы старались провести при этомъ слѣдующія главныя основныя начала:

1. Россія въ настоящую минуту не требуетъ еще немедленнаго радикальнаго преобразованія крѣпостного состоянія.

2. Но настоятельно необходимо устраненіе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ злоупотребленій его и врачеваніе нѣкоторыхъ наиболѣе болѣющихъ язвъ его.

3. Поэтому правительство должно перестать дразнить общественное мнѣніе и непрестанно угрожать ему принятіемъ общихъ, большею частью разорительныхъ и несбыточныхъ формулъ эманципаціонныхъ, способныхъ лишь волновать умы и возбуждать ложныя надежды въ крѣпостномъ народонаселеніи.

4. Оно должно, цѣлою совокупностію взаимно тѣсно связанныхъ между собою законодательныхъ мѣръ, стараться возбудить самодѣятельность общества, косвеннымъ образомъ направивъ ее на дѣло эманципаціи.

5. Самодѣятельность эта должна быть развита въ помѣщикахъ законнымъ облегченіемъ для нихъ всѣхъ безъ исключенія способовъ отпущенія крестьянъ на волю.

6. Въ крестьянахъ же принятіемъ мѣръ къ сильнѣйшему возбужденію въ нихъ духа трудолюбія и бережливости доставленіемъ имъ законныхъ средствъ къ свободному исходу

изъ крѣпостного состоянія, облегченіемъ имъ приписки къ нынѣ существующимъ болѣе или менѣе свободнымъ въ государствѣ состояніямъ.

7. Вообще, вопросу о преобразованіи крѣпостного состоянія должно быть дано право гражданства въ области свободнаго, даже письменнаго обсужденія.

8. Владѣльцы, отказывающіеся слѣдовать добровольно по пути, открываемому имъ отъ правительства, могутъ быть къ тому косвенно поощряемы временнымъ закрытіемъ для нихъ источниковъ общественнаго кредита.

9. Наижелательнѣйшею формою перехода крѣпостныхъ крестьянъ въ новую свободную жизнь, должно безъ сомнѣнія быть признано отпущеніе ихъ на волю съ землею.

10. Впрочемъ, правительство отнюдь не должно увлекаться одностороннимъ воззрѣніемъ на дѣло и страшиться отпущенія на волю двухъ или трехъ милліоновъ жителей безъ земли, такъ какъ крѣпостной трудъ, въ свое время достаточный, уже давно пересталъ удовлетворять разнообразнымъ нуждамъ быстро развивающагося общества, и современный ходъ русской промышленности, не только фабричной, но и земледѣльческой, настоятельно начинаетъ требовать образованія массы свободнаго труда, способнаго по зову нуждъ частныхъ и общественныхъ свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто, какъ ясно доказала это и настоящая война.

11. Лѣтъ черезъ пятнадцать или двадцать, когда совокупность вышеприведенныхъ предлагаемыхъ нами мѣръ, принесетъ уже плоды свои, и завершится такимъ образомъ первый такъ сказать пріуготовительный періодъ законодательной дѣятельности, когда дворянство само глубоко сознаетъ важность и необходимость преобразованія, когда послѣднее успѣетъ сдѣлаться существеннѣйшею потребностью и для всѣхъ крестьянъ бѣднѣйшихъ, безсильныхъ достигнуть свободы безъ дѣятельной помощи со стороны государственной власти, тогда настанетъ для правительства рѣшительная минута приступить къ коренному преобразованію сельскихъ отношеній, *освободить остальныхъ* крѣпостныхъ крестьянъ *съ сохраненіемъ за ними поземельной собственности и общиннаго управленія*, а дворянство обезпечить за утрату части его собственности справедливымъ вознагражденіемъ, для котораго государственный кредитъ при благоразумномъ финансовомъ управленіи

легко долженъ изыскать средства. Все это — дѣло отдаленное. Покуда — „довлѣетъ дневи злоба его“.

Утвердивъ эти главныя начала нашего воззрѣнія, мы не можемъ не коснуться заранѣе одного возраженія, уже теперь слишкомъ часто раздающагося въ устахъ людей, имѣющихъ притязаніе на практическую смѣтливость, и единогласно повторяемаго за ними толпою слѣпыхъ поклонниковъ старины, обрадованныхъ нечаянною находкою благовиднаго предлога для отсроченія страшнаго для нихъ преобразованія: мы говоримъ о томъ, къ сожалѣнію, распространяющемся взглядѣ, будто бы всякій опытъ даже постепеннаго преобразованія сельскихъ отношеній непремѣнно долженъ быть отсроченъ до окончательнаго завершенія всей массы административныхъ реформъ, необходимость коихъ осязательно указана предшествующею войною и давно уже глубоко сознается общественнымъ мнѣніемъ. Да! Преобразованіе администраціи государственной конечно необходимо и притомъ не въ однихъ только высшихъ министерскихъ областяхъ ея, гдѣ недостатки ея, ускользая отъ взоровъ простыхъ гражданъ, всего ближе извѣстны самому верховному правительству, но еще и въ низшихъ ея ближайшихъ къ народу слояхъ, гдѣ язвы ея во всей наготѣ своей раскрыты и доступны взорамъ всѣхъ и каждаго. Необходимы — всеобщее упрощеніе безконечнаго нынѣ дѣлопроизводства, сокращеніе разорительнаго числа судебныхъ инстанцій, дарованіе всѣмъ лицамъ мѣстныхъ управленій достаточнаго жалованья, которое доставило бы честному чиновнику точку опоры противъ непосильныхъ часто искушеній, необходимо — призваніе мѣстнаго дворянства къ истинному серіозному контролю надъ дѣятельностью губернскихъ властей, необходимо, наконецъ, глубокое изученіе вопроса о томъ, какимъ образомъ могутъ быть постепенно подготовлены новое мѣстное *приходское управленіе* и приходскія власти въ замѣну долженствующей мало-по-малу исчезнуть власти помѣщичьей; все это необходимо, но не менѣе необходимо твердо предпринятое и неуклонно преслѣдуемое постепенное преобразованіе отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Оба преобразованія необходимы и оба должны быть совершены одновременно, дружно, связно. Хотѣть отдѣлить одно преобразованіе отъ другого, предпослать одно другому упустить изъ виду одно ради другого, и мечтать,

что ради добраго намѣренія или хитрой задней мысли дѣятеля исторія остановитъ свое несокрушимое теченіе въ какой бы то ни было области народной жизни, значитъ не постигать смысла исторіи, не понимать что̀ есть жизнь, государство. народъ. Государство не есть механически сложившееся цѣлое, изъ лоскутовъ сшитое платье, при обветшаніи котораго одинъ рукавъ можетъ быть искусно подвергнутъ починкѣ независимо отъ другого. Государственное устройство и государственная администрація, жизнь сословная и народное управленіе не суть такія другъ другу чуждыя, взаимно другъ на друга не воздѣйствующія и между собою китайскими стѣнами разграниченныя области, взаимная живая связь коихъ могла бы быть безнаказанно забываема или отрицаема государственнымъ дѣятелемъ. Правильное сословное устройство, сообразное требованіямъ вѣка, есть лучшее обезпеченіе правильнаго мѣстнаго и государственнаго управленія. Скажемъ болѣе: совершить оба преобразованія одновременно, дружно и между собою связно, не въ примѣръ легче, чѣмъ достигнуть въ одной которой-либо изъ сихъ областей сколько-нибудь значительнаго результата безъ воздѣйствія на другую; ибо при совокупномъ преобразованіи всѣхъ частей, всякій добытый результатъ въ одной сферѣ немедленно служитъ точкою опоры и вмѣстѣ точкою отправленія въ другой; напротивъ, въ реформахъ, исключительно направленныхъ на одну часть, всякая новая мѣра немедленно приходитъ во враждебное столкновеніе со всею внѣшнею совокупностью учрежденій и въ безплодной борьбѣ съ нею израсходываетъ всю живую силу, предназначенную было на добытіе результатовъ положительныхъ. Спросимъ также у недальновидныхъ возражателей, какимъ образомъ опредѣлятъ они ту рѣшительную минуту, когда, по мнѣнію ихъ, завершено будетъ окончательно административное преобразованіе? И неужели такое преобразованіе управленія можетъ когда-либо прекратиться, завершиться? Неужели для преобразователя въ дѣлѣ управленія, особенно въ такомъ обширномъ и многообразномъ государствѣ, какова Россія, можетъ когда-нибудь настать минута полнаго самоудовлетворенія, когда бы пришлось правительству сложа руки насладиться результатомъ трудовъ своихъ и съ полною беззаботностью о дѣлѣ управленія приняться за преобразованіе сословное? Достаточно будетъ вспо-

мнить, что новое управленіе, заведенное Петромъ I, подверглось въ теченіе 150 лѣтъ кореннымъ преобразованіямъ при Екатеринѣ, съ учрежденіемъ о губерніяхъ; при Александрѣ I, съ учрежденіемъ министерствъ; при Николаѣ I, съ обнародованіемъ свода законовъ и значительными измѣненіями въ службѣ по выборамъ, и что оно все-таки вновь ждетъ себѣ опять въ настоящемъ новаго совершеннаго преобразованія, которое въ свою очередь едва ли опять удовлетворитъ общество на долгое время.

Наконецъ, мы осмѣлимся въ заключеніе выразить еще и то твердое убѣжденіе наше, что всѣхъ предлагаемыхъ нами мѣръ къ постепенному установленію новыхъ сельскихъ отношеній будетъ недостаточно безъ значительнаго преобразованія и системы управленія самихъ имуществъ государственныхъ, безъ внесенія въ оное новыхъ животворящихъ началъ вмѣсто того безвыходнаго коснѣнія, въ коемъ оно находится нынѣ.

Правительство, благоразумно умѣривъ и стѣснивъ кругъ своего законодательнаго воздѣйствія на образованіе отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, найдетъ на этомъ новомъ поприщѣ обширную, не легко исчерпываемую сферу дѣятельности. Преобразованіе управленія государственныхъ имуществъ должно взять себѣ въ образецъ переворотъ совершенный въ Пруссіи великимъ Штейномъ, вызвавшій къ жизни могучее сословіе крестьянъ-вотчинниковъ и огромныя финансовыя средства и доставившій чрезъ то Пруссіи возможность блистательнаго исхода изъ временнаго политическаго уничиженія послѣ крушенія своего подъ Іеною и Тильзитскаго мира. Изображеніе главныхъ началъ такого преобразованія, должно быть предметомъ особеннаго труда.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

О главныхъ и существеннѣйшихъ условіяхъ успѣха новаго положенія.

(Двѣ записки, составленныя для В. Кн. Елены Павловны.)

ЗАПИСКА 1-я.

Послѣднія правительственныя мѣры въ пользу освобожденія крестьянъ въ основаніи своемъ покоятся на весьма счастливой мысли: съ одной стороны, доставить крестьянину возможность пріобрѣсти

въ неотъемлемую частную собственность[1]) осѣдлость свою: дворъ, огородъ, съ другой — согласно давнему моему убѣжденію и желанію, обезпечить крестьянскому обществу вѣчное пользованіе, за единожды опредѣленную плату, мірскою землею въ необходимыхъ для него размѣрахъ. Черезъ это, во-1-хъ, призывается самъ крестьянинъ къ прямому и личному участію въ дѣлѣ искупленія своего изъ крѣпостного состоянія, во-2-хъ, открывается ему пріобрѣтеніе личной частной собственности, имѣющей служить драгоцѣннымъ средствомъ обезпеченія исправнаго платежа каждымъ крестьяниномъ казенныхъ податей и общественныхъ повинностей своихъ помѣщику или міру за пользованіе мірскою землею. Въ послѣдствіи же времени, когда правительство убѣдится въ необходимости учредить крестьянскіе банки или перевести въ той или другой формѣ долги опекунскихъ совѣтовъ съ дворянъ на освобожденное крестьянское сословіе, тогда эти, въ личную собственность пріобрѣтенныя усадьбы, вполнѣ обезпечатъ исправный взносъ крестьянами процентовъ въ банковыя учрежденія, являясь для послѣднихъ добавочнымъ къ мірской землѣ залогомъ, и притомъ залогомъ, всегда легко отчуждаемымъ безъ вреда для крестьянскаго общества; такъ что вся эта на первый разъ страшная кредитная операція, не будетъ сопряжена для казны ни съ малѣйшимъ рискомъ[2]). Для пріобрѣтенія крестьянами уса-

---

[1]) Такъ, кажется, долженъ быть понятъ смыслъ, выраженный въ изданныхъ документахъ. Можно пожалѣть, однако, о крайней неясности 2-го пункта II статьи отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-пб. генералъ-губернатору. Польза введенія для крестьянъ права частной личной собственности на ихъ усадьбы не должна, кажется, подлежать никакому сомнѣнію. Выгоды этого учрежденія, въ финансовомъ отношеніи, изложены нѣсколько ниже. Что же касается до самихъ крестьянъ, то уже одно то обстоятельство сильно говоритъ въ пользу начала личной собственности усадебной, что во многихъ мѣстностяхъ земля уже теперь на практикѣ подѣлена между крестьянскими дворами въ видѣ постоянныхъ участковъ; на строеніе же крестьянинъ нигдѣ не смотритъ иначе, какъ на свое личное созданіе и полновластную принадлежность, и онъ къ нему привязывается и любитъ его какъ бы часть своего собственнаго тѣла или семейства, какъ безмолвнаго свидѣтеля всѣхъ своихъ горестей и трудовъ и немногихъ свѣтлыхъ минутъ своей жизни. Насильственно вводить безпрестанные передѣлы огородовъ и усадебныхъ мѣстъ, которые во многихъ случаяхъ могутъ повлечь за собою переламываніе старыхъ крестьянскихъ гнѣздъ и пепелищъ, было бы и безразсудно и невозможно.

[2]) Если предположить, что въ среднихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ должно быть предоставлено крестьянамъ среднимъ числомъ до $2^1/_2$ десятинъ на душу, а въ сѣверныхъ оброчныхъ до 5 десятинъ на душу, то усадьба крестьянская, пріобрѣтенная въ личную частную собственность, нигдѣ не будетъ имѣть капи-

дебъ въ частную, личную собственность, г. министръ внутреннихъ дѣлъ назначаетъ, въ видѣ переходнаго состоянія, срокъ не имѣющій превысить 12 лѣтъ. Спрашивается — что̀ однако, если крестьяне въ теченіе 12 лѣтъ не пріобрѣтутъ себѣ усадебъ въ частную собственность? Что̀ если будучи обезпечены во владѣніи мірскою землею, они дома свои и безъ выкупа считая своими, уповая что ихъ изъ оныхъ во всякомъ случаѣ не выгонять, наслышавшись, что пріобрѣтеніе усадебъ принесетъ имъ какія-то отвлеченныя выгоды только черезъ 12 лѣтъ, а надѣясь, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда надѣется крестьянинъ, что на милость нѣтъ образца, и что пожалуй черезъ роковыя 12 лѣтъ правительство увидитъ себя принужденнымъ и безъ выкупа утвердить за ними усадьбы въ собственность, что̀ если вслѣдствіе всѣхъ сихъ и множества иныхъ не невозможныхъ соображеній, крестьяне всѣ, или, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, не сумѣютъ или не захотятъ воспользоваться даруемымъ имъ правомъ — купить свои усадьбы? Напрасно станутъ противъ этого искать врачеванія даже въ присоединеніи къ обыкновеннымъ повинностямъ крестьянъ еще извѣстной ежегодной уплаты за усадьбу, разложенной на 12 лѣтъ, въ видѣ платежа *обязательнаго*. Очевидно для всякаго, что невозможно принудительными полицейскими мѣрами заставлять человѣка пріобрѣтать покупкою для себя то, что̀ ему кажется легче достигнуть инымъ образомъ, безъ всякаго пожертвованія, лишь съ помощію выжиданія, упрямства и терпѣнія. На сторонѣ крестьянина будетъ всегда, несокрушимая никакою властію, сила инерціи, выраженіемъ коей явятся недоимки. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе перваго приготовительнаго срока, крестьяне, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ обременены оброкомъ или повинностями не менѣе нынѣ существую-

---

тальную цѣнность менѣе цѣнности всей отрѣзанной крестьянамъ земли, или, въ другихъ словахъ, цѣнность крестьянской усадьбы, пріобрѣтенной въ личную собственность, будетъ равна, по крайней мѣрѣ, суммѣ пяти годовыхъ платежей въ банкѣ. Такое добавочное обезпеченіе можно поистинѣ назвать огромнымъ. Для большаго уясненія дѣла, обратимся къ примѣру самому невыгодному, именно, къ имѣнію хлѣбопашественному, гдѣ цѣнность усадьбы всегда будетъ ниже цѣнности усадебъ въ округахъ промышленныхъ: вся отведенная крестьянамъ земля на 100 душъ или 250 десятинъ, сто́итъ по большей мѣрѣ въ Тульской губерніи по 40 р. с. за десятину — 10000 р. с.; изъ оной приблизительно можно считать усадебной земли 25 десятинъ, которая, будучи оцѣнена только по 100 р. с. за десятину, предоставитъ капиталъ въ 2500 р. с., независимо отъ стоимости всѣхъ строеній.

щихъ, вѣроятно и нѣсколько бо́льшими, вслѣдствіе введенія улучшеннаго общественнаго управленія, училищъ, взаимнаго застрахованія отъ огня. Ко всѣмъ симъ тягостямъ присоединить еще принудительный, добавочный, ежегодный платежъ крестьянина помѣщику за осѣдлость, (деньгами, натурою или работою), было бы столько же невозможно на дѣлѣ, сколько странно по самой мысли. Итакъ, остается лишь одно средство — представить крестьянину съ одной стороны ясныя, наглядныя, осязательныя и практическія выгоды, немедленно сопряженныя для него съ актомъ пріобрѣтенія себѣ усадьбы въ частную собственность, а съ другой — угрожать ему наоборотъ, столько же положительными, и притомъ неминуемыми невыгодами, въ случаѣ если бы онъ въ теченіе указанныхъ 12 годовъ не пріобрѣлъ своей усадьбы и не расплатился за нее. Лучшею угрозою было бы объявить, что всякій крестьянинъ, который въ теченіе 12 лѣтъ не выкупитъ своей усадьбы, потеряетъ по истеченіи сего срока право на участіе въ мірской землѣ и будетъ приписанъ къ крестьянскому обществу на правахъ бобыля или батрака, не владѣющаго тягловою землею. Также могло бы быть дозволено такового, по мірскому приговору, ставить на первыя рекрутскія очереди. Напротивъ лу́чшее поощрительное средство есть ясное и твердое обѣщаніе крестьянину, что онъ, съ пріобрѣтеніемъ въ собственность усадьбы своей, получитъ немедленно черезъ это самое eo ipso, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ сроковъ и распоряженій правительства, право свободно переходить съ мѣста на мѣсто безъ всякаго ограниченія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если цѣна за усадьбу́ будетъ назначена согласная съ совѣстью и здравымъ смысломъ, то при таковомъ поощреніи, не только 12-ти годовъ, но даже половины этого срока будетъ достаточно, чтобы вся Россія выкупилась на волю съ своими усадьбами. Крайне несправедливо было бы думать, что дозволеніе перехода при такихъ условіяхъ должно породить сильное бродяжничество. Можно напротивъ съ полною достовѣрностью предсказать, что на дѣлѣ переходы будутъ рѣдки, по той ясной причинѣ, что ничто не будетъ къ тому побуждать выкупившагося крестьянина. Владѣя на правахъ частной и неотъемлемой собственности дворомъ и усадьбою въ мѣстности, ему издавна привычной въ отношеніи промысловомъ и любезной какъ родина, имѣя сверхъ того какъ членъ общины крестьянской, неоспоримое право на тягловое участіе во владѣніи достаточною мірскою землею за цѣну сходную, не превышающую средней нормальной цѣны

земельнаго найма въ другихъ мѣстахъ[1]), огражденный закономъ и свободою отъ чужого насилія, словомъ, связанный съ своею мѣстностью всѣми узами вещественныхъ выгодъ и нравственнаго единства, онъ едва ли можетъ возъимѣть и мысль покинуть родной очагъ, всѣмъ его къ себѣ привлекающій; мысль эта придетъ въ голову развѣ лишь крестьянину богатому до чрезвычайности, владѣющему значительными капиталами и котораго могутъ переманить въ городъ виды на болѣе обширную торговлю; но всѣмъ понятно, что подобное исключеніе будетъ всегда крайне рѣдко и не представитъ въ административномъ отношеніи никакихъ особенныхъ затрудненій. Противъ немедленнаго дарованія крестьянину полной свободы могутъ быть приведены только слѣдующія возраженія: 1) помѣщику будетъ непріятно имѣть въ бывшей деревнѣ своей въ теченіе 12-лѣтняго приготовительнаго періода, людей вполнѣ свободныхъ и вотчинниковъ, живущихъ рядомъ съ остальными его крестьянами еще не свободными и съ ними находящимися въ безпрестанномъ общеніи. Но какъ это ни непріятно на первый взглядъ, дворянство должно привыкнуть къ этой мысли, — какъ скоро правительствомъ принята къ исполненію система освобожденія постепеннаго, и система эта самимъ дворянствомъ вообще предпочтена освобожденію крестьянъ единовременному. Напротивъ, несравненно опаснѣе было бы для общественнаго спокойствія дать многимъ крестьянамъ право и возможность выкупить свою усадьбу, и отчасти свою личную свободу и, между тѣмъ, оставить ихъ на цѣлыя 12 лѣтъ въ насильственномъ нерасторгаемомъ союзѣ съ помѣщикомъ, котораго они слишкомъ часто уже успѣли прежде, и иногда къ сожалѣнію, не безъ основанія, возненавидѣть. Съ другой стороны, эти первые, уже выкупившіеся на волю крестьяне, составятъ въ каждомъ селеніи ту необходимую и независимую среду, мѣстной гласности, безъ которой невозможно ожидать добросовѣстнаго приложенія эманципаціонныхъ мѣръ, ибо дворянство, даже принявъ ихъ болѣе или менѣе искренно къ исполненію, тѣмъ не менѣе, естественно будетъ во многихъ случаяхъ расположено обходить ихъ смыслъ и искажать оный въ приложеніи. 2) Свобода перехода выкупившихъ свою усадьбу крестьянъ, можетъ разорвать

[1]) Изъ приведенныхъ далѣе соображеній будетъ ясно, что при правильномъ выполненіи послѣднихъ правительственныхъ мѣръ ежегодный платежъ крестьянина помѣщику, по пріобрѣтеніи имъ въ собственность усадьбы, не долженъ превышать ни въ сѣверныхъ ни въ южныхъ губерніяхъ средней наемной цѣны самой земли.

ихъ связь съ общиною. Но и это несправедливо: новое Положеніе обезпечиваетъ самостоятельность мірского общества; выкупившійся крестьянинъ не перестаетъ оставаться съ нимъ въ полномъ общеніи какъ по пользованію тягловыми землями, такъ и по несенію всѣхъ тягостей съ этимъ пользованіемъ сопряженныхъ; онъ долженъ отправлять всѣ повинности и оброки согласно мѣстному Положенію и также отправлять всѣ казенныя подати наравнѣ съ другими. Все это тѣмъ легче исполнить, что по новому Положенію каждый крестьянинъ, свободный или даже крѣпостной, имѣетъ прямыя сношенія собственно лишь съ мірскими расправами и мірскими судами, и мірское начальство составляетъ посредствующее звено между имъ и помѣщикомъ. Въ случаѣ, если бы крестьянинъ захотѣлъ сойти, законъ можетъ обязать его предварительно взнести въ мірское общество сумму, равняющуюся только количеству всѣхъ слѣдующихъ съ него казенныхъ податей и повинностей до истеченія 12-лѣтняго срока (по минованіи коего, само собою разумѣется, необходимо должна будетъ по всей имперіи наступить новая ревизія). Отъ рекрутства выкупившійся можетъ, въ видѣ поощренія, быть освобожденъ въ теченіе 5 лѣтъ, въ продолженіе коихъ рекрутскія доли, имъ представляемыя, должны быть сложены и съ самаго общества; а по истеченіи льготныхъ 5 лѣтъ онъ долженъ вновь поступать въ общую рекрутскую очередь съ тѣмъ обществомъ, въ коемъ онъ живетъ или куда онъ вновь вышелъ. Вообще, выкупившіе свою усадьбу крестьяне должны быть подчинены земской полиціи, а не какому-либо иному вѣдомству, и притомъ должны быть поставлены подъ особенное покровительство имѣющихъ образоваться новыхъ уѣздныхъ присутствій. Совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній заставляетъ глубоко сожалѣть, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отношеніи своемъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, неясно объяснился насчетъ степени свободныхъ правъ крестьянъ, послѣ того какъ ими выкуплены будутъ усадьбы, и, какъ будто бы даже напротивъ, — далъ провидѣть желаніе правительства — оставить ихъ крѣпкими, къ первоначальному мѣстожительству до совершеннаго истеченія переходнаго 12-лѣтняго срока. — II. — Другое необходимое условіе новаго Положенія состоитъ въ добросовѣстной, не слишкомъ возвышенной оцѣнкѣ крестьянскихъ усадебъ. Въ отношеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ ковенскому генералъ-губернатору сказано было во 2-мъ пунктѣ II статьи, что „платежъ крестьянъ за усадьбу свою не долженъ превышать дѣйствительной цѣнности сихъ усадебъ“.

Въ другомъ отношеніи г. министра къ с.-петербургскому генералъ-губернатору высказано уже иное правило въ 6 п. II статьи: „размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ". Весьма знаменательно такое коренное разнорѣчіе въ Положеніяхъ для двухъ мѣстностей, равно обиженныхъ природою въ отношеніи къ качеству почвы и слѣдовательно находящихся въ весьма сходныхъ экономическихъ условіяхъ[1]); разнорѣчіе это невольно наводитъ на мысль, что единожды пошедши по такому пути коренныхъ уступокъ, правительство легко можетъ быть заведено и далѣе, къ крайнему ущербу первоначальной своей мысли и блага общественнаго. Если даже принять, что различіе, во всякомъ случаѣ неправильное въ приложеніи своемъ къ губерніямъ бѣлорусскимъ и С.-Петербургской, не лишено нѣкотораго основанія въ приложеніи къ мѣстностямъ, совершенно между собою не сходнымъ, каковы напр., съ одной стороны — вся совокупность губерній черноземныхъ, хлѣбопашественныхъ и барщинскихъ, а съ другой — группа губерній оброчныхъ, промышленныхъ и безхлѣбныхъ, то во всякомъ случаѣ должна быть заранѣе принята твердая и неуклонная система дѣйствій, отъ коей не должно ни въ какомъ случаѣ отступать. Невозможно не пожелать прежде всего, чтобы члены отъ правительства, назначаемые въ губернскіе комитеты, имѣли бы особенное наблюденіе за тѣмъ, чтобы комитеты не оцѣняли усадебной земли слишкомъ дорого, съ цѣлью затруднить крестьянамъ пріобрѣтеніе ея, и такимъ образомъ, отстрочить на возможно долгое время, окончательное ихъ освобожденіе. Далѣе: должно бы быть принято за неизмѣнное начало, что дворянство ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права извлекать для себя изъ нынѣ совершающагося переворота какія-либо новыя выгоды и увеличивать посредствомъ онаго нынѣ взимаемые съ крестьянъ законные свои доходы. А потому — если помѣщику будетъ предоставлено получать отъ крестьянина часть слѣдующаго себѣ вознагражденія подъ видомъ платы за крестьянскую усадьбу, то ровно на таковую же сумму, и въ той же самой пропорціи *должны быть уменьшены повинности* крестьянина, имѣемыя имъ быть впослѣдствіи правимы въ пользу помѣщика, за одно уже пользованіе мірской землей. Напримѣръ, въ оброчномъ имѣніи, если крестьянинъ до сихъ поръ платилъ помѣщику оброка 8 руб. с.

[1]) Лишь самая незначительная часть С.-Петербургской губерніи, а именно ближайшая къ столицѣ и къ Царскому Селу, можетъ быть названа промышленною и зажиточною; большая же часть ея не можетъ похвалиться ни тѣмъ ни другимъ.

съ души, въ настоящее время представляющихъ вмѣстѣ и наемъ усадьбы и плату за общинную землю, и если теперь усадьба будетъ оцѣнена въ капитальную сумму, равняющуюся, предположимъ, 50 р. с. на каждую душу, то самая строгая справедливость требуетъ, чтобы на крестьянина, уже выкупившаго свою усадьбу и свободнаго, былъ наложенъ не прежній оброкъ, а оброкъ отнюдь не выше 5 р. 50 к. с. съ души, такъ какъ остальные 2 р. 50 к. вполнѣ представляются процентомъ съ уже полученнаго помѣщикомъ капитала за крестьянскую усадьбу. Иначе матеріальное состояніе крестьянина только ухудшится новымъ Положеніемъ, которое заставитъ его внесть помѣщику часть капитала и, между тѣмъ, не уменьшитъ ежегодно платимой имъ ренты. Такъ точно и въ имѣніи барщинскомъ: по окончаніи между крестьяниномъ и помѣщикомъ расчета за купленную крестьяниномъ усадьбу, барщина, впослѣдствіи правимая крестьяниномъ въ уплату за мірскую землю, должна быть уменьшена на количество, соразмѣрное проценту съ внесеннаго или заработаннаго крестьяниномъ за свою усадьбу капитала. Въ какую именно сумму должны быть оцѣнены крестьянскія усадьбы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, это, конечно, невозможно опредѣлить безъ точнаго изслѣдованія мѣстныхъ обстоятельствъ, произведеннаго съ помощію мѣстныхъ же жителей и дворянъ. Тѣмъ не менѣе, можно заранѣе опредѣлить слѣдующія, кажется неизмѣнныя, общія начала: 1) Нигдѣ цѣна строеній крестьянскихъ не должна быть включена въ число элементовъ, составляющихъ полную цѣнность крестьянской усадьбы, ибо повсемѣстно крестьянинъ строитъ свой домъ на собственныя свои деньги и средства. Работа строительная, составляющая главную цѣнность крестьянскаго дома, всегда принадлежитъ ему или имъ самимъ заплачена; лѣсъ, употребляемый на внутреннюю отдѣлку дома, всегда пріобрѣтенъ имъ самимъ; иструбы почти всегда (т.-е. изъ двадцати случаевъ въ девятнадцати) куплены на его же деньги, за исключеніемъ только случаевъ пожара или переселенія, которые единственно не могутъ входить въ расчетъ и должны падать на счетъ помѣщика, какъ обязаннаго и всегда выгадывающаго застрахователя крестьянскаго имущества. Только въ случаѣ принудительной постройки каменныхъ избъ, вообще мало любимыхъ нашимъ народомъ, богатые владѣльцы оказываютъ дѣйствительное пособіе крестьянамъ, но это, очевидно, есть лишь дѣло отрывочной благотворительности или самоугождающей фантазіи. Наконецъ, даже въ имѣніяхъ оброчныхъ, гдѣ довольно часто крестьяне для построекъ пользуются лѣсомъ изъ своихъ

дачъ (точная принадлежность коихъ міру или барину не ясно опредѣлена), это обстоятельство едва ли можетъ оправдать притязанія дворянства на крестьянское строеніе, такъ какъ въ составѣ оброка обыкновенно заключается и премія за пользованіе симъ лѣсомъ. 2) Въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и черноземныхъ, и преимущественно въ среднихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ самъ собою уже, съ нѣкотораго времени, при продажахъ и покупкахъ нѣсколько крупныхъ имѣній, установился обычай оцѣнивать однѣ только земли, господскія строенія и лѣса, не обращая никакого вниманія на стоимость самихъ крестьянъ какъ земледѣльческаго орудія, гдѣ притомъ весьма часто пустопорожняя земля продается дороже населенной, во всѣхъ сихъ губерніяхъ—должна быть оцѣнена одна только усадебная земля или одинъ только грунтъ усадебный. Оцѣнка эта вообще никогда не можетъ превышать 150 р. с. за каждую десятину, такъ какъ это есть наивысшая цѣна, которой достигаютъ только отличные огороды и табачныя плантаціи. 3) Въ губерніяхъ оброчныхъ и промышленныхъ[1]) всего труднѣе опредѣлить составные элементы цѣнности имѣнія; вообще, дровяные лѣса и луга имѣютъ на образованіе оныхъ несравненно большее вліяніе, чѣмъ обыкновенно предполагается. Цѣнность самого лица, крестьянина, какъ умнаго и дѣятельнаго промышленнаго орудія, естественно не можетъ быть принята и допущена правительствомъ въ число составныхъ элементовъ цѣнности имѣнія. Но зато усадебный грунтъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, несравненно высшую стоимость въ этихъ губерніяхъ, чѣмъ въ барщинскихъ, по той же самой простой причинѣ, которая возвышаетъ цѣнность земли городской сравнительно съ сельскою. Поэтому и дворянскіе комитеты поступятъ, конечно, несправедливо, если они въ мѣстностяхъ промышленныхъ возвысятъ оцѣнку крестьянскихъ усадебъ противъ губерній барщинскихъ. Для обузданія, однако, всякаго своекорыстнаго произвола, окончательно обращающагося всегда къ невыгодѣ поддающихся его внушеніямъ

[1]) Среднее мѣсто между центральными земледѣльческими и оброчными губерніями, занимаютъ губерніи хлѣбородныя, многоземельныя, каковы: Новороссійская, Самарская и Оренбургская; здѣсь и оцѣнка усадебъ должна принять характеръ средній между двумя предлагаемыми системами. Впрочемъ, не должно терять изъ виду то, что помѣщики сихъ губерній, далеко не такъ жалки, какъ они охотно желаютъ представиться, и что освобожденіе крестьянъ, имѣющее весьма скоро установить правильный къ нимъ притокъ народонаселенія, должно принесть имъ болѣе выгодъ, чѣмъ кому бы то ни было; такъ что, въ окончательномъ результатѣ своемъ, оно имѣетъ быть произведено какъ бы въ ихъ личную пользу.

сословій, слѣдовало бы постановить, что эта оцѣнка усадебъ ни въ какомъ случаѣ не должна превышать 1/2 всей суммы, образуемой капитализаціею настоящаго крестьянскаго оброка по 6% расчету. Такая оцѣнка составляетъ крайній возможный предѣлъ и должна быть допускаема лишь для мѣстностей особенно благопріятныхъ въ промышленномъ отношеніи. Она основана на томъ соображеніи, что наемная цѣна всей прочей земли владѣемой крестьянскимъ міромъ (пашни, луговъ, дровяного лѣса), всегда и вездѣ представляетъ ежегодную ренту, превышающую, хотя нѣсколько, половину оброка; слѣдовательно, оброчный крестьянинъ, заплативъ за свою усадьбу половину капитала, представляемаго прежнимъ своимъ оброкомъ и получивъ черезъ то право свободнаго перехода, тѣмъ не менѣе, будетъ всегда привязанъ къ своей осѣдлости выгодою найма, въ ближайшемъ отъ своего двора разстояніи, достаточнаго количества угодій по существующей средней торговой цѣнѣ. 4) Все же важно, наконецъ, опредѣлить, особливо въ имѣніяхъ барщинскихъ, какое именно количество усадебной земли должно будетъ быть приписано къ каждому крестьянскому двору, ибо отъ этого зависитъ количество выкупной суммы, въ случаѣ если оцѣнка усадебъ будетъ, какъ слѣдуетъ, исключительно основана на оцѣнкѣ усадебной земли или усадебнаго грунта. *Равный раздѣлъ* всей *усадебной земли* по числу дворовъ *неосновательно*, потому что вслѣдствіе крайняго неравенства рабочихъ силъ въ различныхъ дворахъ, равный надѣлъ оныхъ землею неминуемо долженъ оказаться крайне не соразмѣрнымъ съ ихъ рабочими силами, составляющими истинное богатство каждаго двора, а слѣдовательно и уплата выкупной за усадьбу суммы, очевидно, должна пасть крайне неравномѣрно на крестьянскія семьи. Всего *справедливѣе*, казалось бы, *принять настоящій тягольный расчетъ за постоянное основаніе раздѣла* усадебной земли между крестьянами, приписавъ теперь къ каждому двору однажды навсегда столько дѣлянокъ усадебной земли, сколько нынѣ на лицо во дворѣ тяголъ, и отнынѣ впредь воспретивъ всякій дальнѣйшій передѣлъ этой усадебной земли, какъ во все продолженіе 12-лѣтняго переходнаго періода, такъ и послѣ. По совершенномъ освобожденіи сельскихъ общинъ, съ размноженіемъ народонаселенія и возникновеніемъ ощутительной потребности въ новыхъ усадебныхъ мѣстахъ, можетъ быть разрѣшено обществу *отводить* таковыя нуждающимся *въ частную* собственность *изъ общей мірской земли* за извѣстную плату, дабы иначе не стѣснить поселковъ безпрерывнымъ нагроможденіемъ новыхъ построекъ на однихъ и тѣхъ же

старыхъ мѣстахъ. Для произведенія этихъ новыхъ усадебныхъ отводовъ изъ мірской земли, можно будетъ пользоваться минутами всеобщихъ передѣловъ ея, которые настоящимъ Положеніемъ допускаются по истеченіи извѣстныхъ сроковъ. Вырученныя же за отведенныя новыя усадебныя мѣста деньги могутъ съ пользою для общества быть употреблены на капитальное погашеніе повинностей, правимыхъ въ пользу помѣщиковъ или на другія капитальныя издержки мірскія. 5) Наконецъ, безспорно, весьма желательно было бы, чтобы вездѣ, гдѣ это только возможно и гдѣ оцѣнка усадебъ будетъ произведена добросовѣстно и слѣдовательно не высоко, требовалась отъ крестьянина уплата за усадьбу единовременная, а не разсроченная на многіе годы. Можно утвердительно сказать, что такое требованіе не окажется слишкомъ тягостнымъ для крестьянина во множествѣ мѣстностей, не только промышленныхъ, но и земледѣльческихъ, если въ способѣ оцѣнки не будетъ существенно отступлено отъ вышеизложенныхъ началъ. Въ дополненіе къ сказанному, еще слѣдующія частныя замѣчанія могутъ быть сдѣланы на отдѣльныя статьи новаго Положенія: III. Губернскимъ комитетамъ не худо было бы, ради возможности всесторонняго изученія своего дѣла, призывать въ свою среду для разспросовъ не однихъ только помѣщиковъ и дворянъ, но также и отличныхъ своимъ умомъ и нравственностію крестьянъ и лица всѣхъ прочихъ сословій, близко знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ и потребностями, въ особенности же лучшихъ членовъ сельскаго духовенства. Такимъ образомъ, собранныя ими данныя получатъ особенную полноту и важность и приблизятъ характеръ ихъ занятій къ прекрасному образцу, представляемому знаменитыми англійскими парламентскими изслѣдованіями (Parliament Inquieries). IV. Необходимо торжественное заявленіе, что вся движимость крестьянина составляетъ его полную и неограниченную собственность, которою онъ можетъ располагать по своему произволу и въ которую помѣщикъ не имѣетъ ни малѣйшаго права вступаться. Подобное признаніе безспорнаго права на движимость всегда и вездѣ по справедливости предшествовало всѣмъ мѣрамъ, клонившимся къ окончательному устройству судьбы крѣпостного населенія. V. При упраздненіи крѣпостного состоянія и формальномъ отдѣленіи земли помѣщичьей отъ мірской, необходимо также переложить на землю и соразмѣрно разложить между обѣими этими категоріями земель, платежъ всѣхъ земскихъ повинностей, нынѣ исключительно правимыхъ крестьянами. Подать подушная, по своему спеціальному характеру, естественно должна остаться на крестьянахъ. VI. Сроки для передѣловъ мір-

скихъ земель должны, конечно, въ каждой мѣстности быть соображены съ нынѣ существующими мѣстными обычаями. Эти обычаи часто весьма разнообразны не только въ одной губерніи, но даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Но само собою разумѣется, что комитеты должны бы для каждой мѣстности избрать изъ всѣхъ нынѣ существующихъ сроковъ передѣла самый продолжительный, какъ наиболѣе соотвѣтствующій истиннымъ выгодамъ земледѣлія и добраго хозяйства. VII. Полезно было бы, уже теперь, немедленно установить условія приписки къ имѣющимъ вновь образоваться крестьянскимъ мірскимъ общинамъ, такъ, чтобы выгодами этой дешевой приписки могли бы желающіе изъ вольноотпущенныхъ и кантонистовъ воспользоваться уже въ настоящую ревизію. Этимъ можетъ быть хоть на сколько-нибудь предотвращенъ и вновь направленъ къ селамъ постоянный, нынѣ почти вынужденный при каждой ревизіи, притокъ вольнаго народонаселенія къ городамъ, грозящій постепеннымъ нарушеніемъ у насъ правильнаго соотношенія между населеніемъ городскимъ и сельскимъ. VIII. Тамъ, гдѣ комитеты признаютъ нужнымъ сохранить еще на время барщину, какъ средство отработки крестьяниномъ слѣдующихъ съ него въ пользу помѣщика платежей, барщина никогда не должна утрачивать этотъ характеръ временнаго только своего допущенія правительствомъ, и ясно должно быть провозглашено начало, что отъ крестьянина всегда зависитъ, вмѣсто барщины, свободно избрать для себя денежный оброчный платежъ. Для этого комитетамъ должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность, для каждой мѣстности опредѣлить тотъ оброкъ, платежомъ котораго можетъ всегда быть замѣнено отправленіе барщины. Это опредѣленіе денежнаго оброка должно быть произведено отнюдь не на основаніи оцѣнки каждой изъ нынѣ отправляемыхъ крестьяниномъ барщинскихъ работъ, ибо такой способъ опредѣленія его былъ бы, съ одной стороны самый невыгодный для крестьянъ, а съ другой — самый невѣрный, такъ какъ при совершенномъ въ настоящее время отсутствіи вольнаго труда, а слѣдовательно и правильныхъ цѣнъ на оный, всякая оцѣнка работы должна теперь утверждаться лишь на предположеніяхъ гадательныхъ и, слѣдовательно, будетъ всегда произвольная. Несравненно основательнѣе и обоюдно *справедливѣе* было бы *смотрѣть на барщину исключительно съ точки зрѣнія найма за землю*, или процентнаго платежа, уплачиваемаго крестьяниномъ въ видѣ не денегъ, а работы за временно ссужаемый ему отъ помѣщика поземельный капиталъ, а слѣдовательно, при переложеніи барщины на

оброкъ, опредѣлять послѣдній въ размѣрахъ дѣйствительнаго платежа процентовъ, по 6% расчету съ торговой стоимости количества земли, отходящаго въ вѣчное мірское пользованіе. Напр.: въ хлѣбопашественномъ имѣніи изъ 100 душъ или 40 тяголъ отрѣзывается имъ всего 250 десят. земли, стоящихъ по 40 руб. с. за десятину — 10.000 руб. с.; ежегодный процентъ съ этого капитала составляетъ 600 руб. с. Слѣдовательно, каждое крестьянское тягло не желающее отбывать барщины, можетъ вмѣсто того избрать ежегодный платежъ оброка въ 15 руб. с. Такой, твердо предпринятый образъ дѣйствія, содѣйствуя быстрому и повсемѣстному замѣненію барщины денежнымъ оброкомъ, значительно облегчитъ впослѣдствіи правительству принятіе окончательныхъ мѣръ въ кредитной операціи, имѣющей завершить всѣ денежные расчеты между помѣщиками и крестьянами и составляющей въ будущемъ одинъ изъ неизбѣжныхъ фазисовъ правильнаго развитія аграрнаго вопроса. Съ другой стороны впрочемъ, необходимо, ради справедливаго соблюденія выгодъ землевладѣльцевъ, установить постоянно возобновляющуюся черезъ каждые 10 или 12 лѣтъ повѣрку крестьянскаго оброка по заранѣе опредѣленнымъ правиламъ; эта повѣрка должна состоять въ періодическомъ *согласованіи денежнаго оброчнаго платежа* крестьянъ *съ хлѣбными* или *рабочими цѣнами* посредствомъ возвышенія перваго сообразно съ неизбѣжнымъ, постепеннымъ возвышеніемъ вторыхъ, отнюдь не нарушая однако, этими послѣдующими пересмотрами, первоначально установленнаго соотношенія между этими двумя цѣнностями. Въ Пруссіи подобная система предпринята для постояннаго, на всегдашнее время, уравненія поземельнаго оброка, платимаго крестьянами съ прежнихъ земель государственныхъ имуществъ. IX. Отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору въ 10 п. II статьи вмѣняетъ комитетамъ въ обязанность: „сохранить и опредѣлить права главы семьи крестьянской, права наслѣдства относительно усадебъ и тягловыхъ участковъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семействъ“. Но, спрашивается, могутъ ли губернскіе комитеты имѣть достаточно времени, чтобы заняться добросовѣстнымъ и серіознымъ разрѣшеніемъ столькихъ важныхъ вопросовъ, отчасти вызывающихъ какъ бы на предложенія значительныхъ измѣненій въ нынѣ существующемъ общемъ законоположеніи (особенно въ правѣ наслѣдственномъ)? Не должно ли правительство счесть себя совершенно счастливымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ, если губернскіе комитеты, минуя на сей разъ эти вопросы, тѣсно свя-

занные съ историческимъ и теоретическимъ знаніемъ не только отечественнаго, но и иностраннаго законодательства, ограничатся и безъ того многотрудною задачею разрѣшенія главнаго предлежащаго узла крѣпостныхъ отношеній? Соотвѣтствуетъ ли самый составъ сихъ комитетовъ столь смѣло возлагаемой на нихъ г. министромъ задачѣ? И не основательнѣе ли было бы разрѣшеніе сихъ вопросовъ предоставить уже по истеченіи года какому-либо центральному комитету, составленному изъ лицъ избранныхъ правительствомъ, изъ числа присланныхъ дворянствомъ членовъ въ губернскіе комитеты, съ присоединеніемъ къ нимъ еще отъ правительства немногихъ людей спеціальныхъ? Наконецъ, не слѣдуетъ ли подобному обсужденію предпослать изданіе на русскомъ языкѣ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ сихъ учрежденіяхъ въ другихъ земляхъ и допустить литературное ихъ свободное обсужденіе, прежде чѣмъ правительство призвано будетъ произнести свой окончательный приговоръ. X. Новое Положеніе ограничиваетъ двумя лицами число членовъ, назначаемыхъ въ губернскіе комитеты отъ лица правительства, и предоставляетъ назначеніе ихъ губернаторамъ. Къ сожалѣнію, не вездѣ губернаторы сочувствуютъ новому направленію правительства и не вездѣ, даже по степени своего собственнаго образованія, способны сдѣлать удачный выборъ. Поэтому, не худо было бы, по крайней мѣрѣ предварительно спросить ихъ, кого они имѣютъ въ виду для замѣщенія сихъ важныхъ мѣстъ, дабы можно было собрать нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о предлагаемыхъ ими лицахъ. Правительство могло бы даже само указать имъ на нѣкоторыя уже извѣстныя лица, когда направленіе и способности послѣднихъ ему достовѣрно почему-либо извѣстны. XI. Но даже и при удачномъ выборѣ членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты, нельзя не бояться, чтобы непривычка къ формамъ общественной жизни и къ правильному обсужденію вопросовъ или къ производству серіозныхъ дѣлъ, соединенная съ слишкомъ свойственною намъ, русскимъ, лѣнью и закоренѣлою надеждою на авось, не превратили пренія комитетовъ, ничѣмъ извнѣ не возбуждаемыхъ, въ одну безплодную формальность или безцѣльное и безрядное разнорѣчіе. Единственное врачеваніе противу этого зла, можетъ быть найдено въ сообщеніи комитетскимъ засѣданіямъ той степени гласности, которая совмѣстна съ настоящимъ нашимъ общественнымъ устройствомъ и съ самою сущностію обсуживаемаго вопроса, и которая во всякомъ случаѣ не представляетъ ни малѣйшей опасности для спокойствія общественнаго, а именно: можно и безъ сомнѣнія должно бы предписать, чтобы

засѣданія комитетовъ были публичныя въ томъ смыслѣ, чтобы имѣли право присутствовать при нихъ въ качествѣ зрителей и слушателей, по крайней мѣрѣ, всѣ дворяне той губерніи, имѣющіе не менѣе 100 душъ, а равно и всѣ пріѣзжіе губернскіе и уѣздные предводители другихъ губерній. Подобное распоряженіе, безъ сомнѣнія, немедленно придастъ этимъ засѣданіямъ нѣкоторую степень торжественности, не лишенную полезнаго вліянія на правильный ходъ дѣлъ, поселитъ нѣкоторое соревнованіе между членами комитетовъ, подчиненныхъ такимъ образомъ непосредственному контролю своихъ избирателей, послужитъ въ значительной степени къ скорѣйшему размѣну полезныхъ мыслей; наконецъ, оно явится первымъ, хотя еще слабымъ опытомъ посвященія русскаго дворянства въ чуждыя ему доселѣ формы жизни общественной, привыкнуть къ тайнодѣйствіямъ которой ему уже давно наступила пора. XII. Послѣднее условіе, необходимое для правильнаго установленія новыхъ, никѣмъ еще достаточно не сознанныхъ отношеній, это — совершенная и *неограниченная гласность* всего того, по крайней мѣрѣ, что̀ правительство уже сдѣлало и желаетъ сдѣлать на пользу сельскаго народонаселенія. Пора убѣдиться, что подобныя намѣренія не должно скрывать, хотя бы уже только потому, что скрывать ихъ невозможно при всеобщемъ ожиданіи перемѣнъ, при близости ихъ къ сердцу и выгодамъ каждаго русскаго какого бы онъ ни былъ состоянія и какое бы ни имѣлъ онъ воззрѣніе на это дѣло. Въ настоящемъ случаѣ, близорукая внѣшняя осторожность, внушающая унизительныя для правительства попытки — скрывать отъ народа то, чѣмъ пропитанъ весь русскій воздухъ, что̀ одно только въ области политики занимаетъ русскаго человѣка всѣхъ сословій и что̀ постоянно доходитъ до крестьянина другими неизбѣжными путями: канцелярскими нескромностями, искаженными пересудами, наконецъ, ежедневными разговорами господъ-помѣщиковъ, — эта ложная осторожность должна быть названа верхомъ неосторожнѣйшей отваги и легкомысленнѣйшей самонадѣянности. Правительству несравненно труднѣе выполнить предпринятое имъ дѣло въ средѣ не подготовленной предварительнымъ сознаніемъ предстоящей операціи и всегда ожидающей не то что имѣетъ быть, чѣмъ въ средѣ, ясно и офиціально направленной къ извѣстной заранѣе, съ полною гласностію опредѣленной цѣли. Двусмысленное молчаніе правительства, тайныя разсылки скрываемыхъ отъ народа циркуляровъ, долгая отсрочка распубликованія въ вѣдомостяхъ и газетахъ законодательныхъ мѣръ уже предпринятыхъ, могутъ порождать лишь волненія и ожиданія

чрезмѣрныя, которыя были бы въ корнѣ своемъ предотвращены гласностію. Весь этотъ обветшалый и вездѣ покинутый образъ дѣйствія, способенъ только размножать между крестьянами невинныя жертвы, вовлеченныя въ невольный и вынужденный обманъ невозможностію получить вѣрныя, офиціальныя извѣстія о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства, и только потому упорно защищающія то или другое убѣжденіе, что они добросовѣстно почитаютъ его волею самого государя. Тамъ, гдѣ какъ въ Россіи, правительство стоитъ такъ недосягаемо высоко въ народномъ мнѣніи, гдѣ ясно и откровенно высказанное имъ благоразумное слово имѣетъ еще неограниченную власть надъ волею и сознаніемъ народа, тамъ оно обязано пользоваться этимъ могущественнымъ, ему отъ Бога дарованнымъ орудіемъ, — въ предупрежденіе невинныхъ жертвъ и всегда вреднаго общественнаго волненія. Какъ важна наиполнѣйшая гласность для успѣха настоящаго дѣла въ селахъ, легко объясняется на практикѣ слѣдующимъ соображеніемъ: общественное мнѣніе точно такъ же дѣйствуетъ въ сельской средѣ и между крестьянами, какъ и въ городахъ и такъ называемомъ образованномъ обществѣ; въ каждой мѣстности общественное мнѣніе крестьянъ признаетъ и признало нѣкоторыхъ помѣщиковъ за хорошихъ и честныхъ или, по крайней мѣрѣ, за сравнительно хорошихъ, и готово принять ихъ образъ дѣйствія, въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ, за норму законную, соотвѣтствующую современнымъ видамъ и требованіямъ правительства. Къ такому помѣщику, въ случаѣ важнаго сомнѣнія, всегда сами придутъ его крестьяне за совѣтомъ и съ вопросомъ насчетъ всякихъ ожидаемыхъ перемѣнъ и всегда окажутъ ему довѣріе, даже въ ущербъ самымъ пламеннымъ своимъ надеждамъ, если только у него будетъ въ рукахъ какой-нибудь офиціальный документъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ; его толкованіе этого документа, они всегда предпочтутъ толкованію постоянно и охотно имъ предлагаемому за ведро вина многочисленнымъ классомъ людей, всегда готовыхъ поживиться на счетъ народнаго легковѣрія. На этихъ помѣщиковъ и на ихъ крестьянъ, съ другой стороны, прежде всего устремляются взоры окольныхъ деревень той мѣстности при каждой ожидаемой перемѣнѣ. Если указъ правительства правильно распубликованъ, уважаемый помѣщикъ всегда будетъ имѣть средство убѣдить своихъ крестьянъ въ истинѣ и черезъ нихъ спасительно дѣйствовать и на другихъ. Но при отсутствіи такой необходимой, офиціальной опоры, все нравственное его вліяніе неизбѣжно пропадаетъ вотще, и правительство добровольно лишается

естественной и лучшей своей поддержки. Дворянство Тульской губерніи, какъ слышно, само поняло важность необходимой гласности, и первымъ дѣломъ собравшихся предводителей было, — велѣть списать по 50 копій съ присланныхъ документовъ на каждый уѣздъ, и разослать ихъ по дворянамъ, въ особенности же по всѣмъ мелкопомѣстнымъ. Совокупность всего сказаннаго, заставляетъ горячо желать, чтобы впредь, всякое распоряженіе правительства по настоящему предмету, не только немедленно печаталось во всѣхъ вѣдомостяхъ, но еще немедленно же разсылалось, въ видѣ печатныхъ указовъ по всѣмъ уѣздамъ, для продажи по самой сходной цѣнѣ, дѣлающей ихъ доступными для всѣхъ. Только такимъ образомъ могутъ быть предотвращены всякіе лживые толки и пересуды народные.

ЗАПИСКА 2-я.

Предметомъ предшествующей Записки, было изслѣдованіе главныхъ и существенныхъ условій, необходимыхъ для успѣха новаго Положенія вводимаго правительствомъ, и между коими одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тщательное наблюденіе со стороны верховной власти за добросовѣстною, не слишкомъ возвышенною денежною оцѣнкою въ дворянскихъ комитетахъ крестьянскихъ усадебъ, подлежащихъ выкупу, а равно и повинностей, имѣющихъ еще остаться на крестьянахъ послѣ выкупа этихъ усадебъ.

Въ вышесказанной Запискѣ были, по возможности, подробно изложены тѣ главныя начала, которыя, кажется, должны бы руководствовать правительствомъ въ этой трудной задачѣ и которыхъ строгое и послѣдовательное приложеніе одно только способно устранить всегда грозящую опасность искаженія благихъ намѣреній Государя, своекорыстными и близорукими дѣйствіями комитетовъ, въ случаѣ если послѣдніе будутъ предоставлены своимъ собственнымъ внушеніямъ, не подвергаясь дѣятельному правительственному контролю.

Но, быть можетъ, не лишнее будетъ яснѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ еще съ другой точки зрѣнія, а именно со стороны той особенной, такъ сказать специфической важности, которую правильныя дѣйствіи комитетовъ имѣютъ собственно для самого правительства или казны, на случай возможности будущихъ перемѣнъ, независимо отъ вліянія своего на участь сословія крестьянскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно сомнѣваться, что вводимое нынѣ Государемъ коренное преобразованіе сельскаго хозяйственнаго быта, съ восторгомъ и горячею благодарностью встрѣченное всею

мыслящею частью русскаго общества, не можетъ тѣмъ не менѣе съ такою же безкорыстною радостію быть принято далеко многочисленнѣйшимъ классомъ помѣщиковъ, которые или привыкли, или бѣдностію вынуждены искать себѣ средствъ существованія въ чрезмѣрномъ напряженіи подвластныхъ себѣ рабочихъ силъ и первоначальнымъ воспитаніемъ, путешествіями или литературнымъ обмѣномъ мыслей не научены возможности иного, болѣе правильнаго хозяйственнаго порядка. Очевидно, большая часть дворянства, должна будетъ стать и дѣйствительно станетъ въ положеніе если не явной, то, по крайней мѣрѣ, затаенной оппозиціи къ правительству и всѣми мѣрами будетъ стараться о предотвращеніи отъ себя грозящей опасности. Чѣмъ бо́льшую готовность оно съ перваго взгляда покажетъ итти по указанному ему пути, чѣмъ полнѣе и совершеннѣе оно успѣетъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, тѣмъ легче ему будетъ впослѣдствіи достигнуть своихъ тайныхъ цѣлей при опредѣленіи подробностей новаго Положенія. Средства для этого всегда найдутся въ изобрѣтательности дворянскаго ума и въ томъ обширномъ просторѣ, который самые Высочайшіе рескрипты по здраво обдуманной справедливости не могли не предоставить дворянскому сословію; наконецъ, сѣмена подобныхъ произвольныхъ толкованій и дѣйствій комитетовъ заранѣе уже щедрою рукою разсѣяны въ тѣхъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, противорѣчіяхъ и недоговоркахъ министерскихъ отношеній, существеннѣйшія изъ коихъ уже указаны въ первой Запискѣ.

Всѣми этими обстоятельствами комитеты неминуемо воспользуются, какъ сказано для того, чтобы: во-1-хъ, возвысить чрезмѣрно оцѣнки крестьянскихъ усадебъ, а во-2-хъ, также свыше мѣры опредѣлить и оцѣнить повинности, должныя помѣщикамъ крестьянами, уже выкупившими свои усадьбы. Съ своей стороны, эти два обстоятельства будутъ имѣть неотразимыя послѣдствія — матеріальную невозможность для крестьянскаго сословія собственными средствами пріобрѣсти свои усадьбы и достигнуть свободы.

Такимъ образомъ, долженъ будетъ пройти длиный 12-лѣтній періодъ, въ безплодномъ, томительномъ ожиданіи результата, очевидно невозможнаго, въ ожиданіи, сопряженномъ съ постепеннымъ раздраженіемъ крестьянскаго сословія, самимъ правительствомъ возбужденнаго и послѣ, обманутаго дворянствомъ въ своихъ самыхъ законныхъ и завѣтныхъ надеждахъ.

Здѣсь не мѣсто разсматривать, какія могутъ быть послѣдствія подобнаго порядка вещей для общественнаго спокойствія. Предпо-

ложимъ, что врожденное народу нашему чувство уваженія къ власти и удержитъ его въ предѣлахъ самаго строгаго повиновенія существующему закону. Тѣмъ не менѣе, по истеченіи этихъ 12 лѣтъ, вопросъ, не подвинувшись ни на шагъ, вновь представится въ прежней своей полнотѣ и силѣ, лишь осложенный цѣлою системою всякаго рода дорогихъ оцѣнокъ, уже сдѣлавшихся неизбѣжимымъ основаніемъ (base) всѣхъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ по этому вопросу правительства съ дворянствомъ.

Отложить вновь разрѣшеніе его на нѣсколько лѣтъ, въ видѣ дальнѣйшаго приготовительнаго періода, очевидно будетъ тогда невозможно, да и къ тому же оно было бы безполезно, такъ какъ условія освобожденія крестьянъ черезъ это не измѣнятся, но останутся тѣ же, т.-е. столько же невозможными въ практическомъ своемъ осуществленіи теперь, сколько были и прежде. Уменьшить оцѣнки, сдѣланныя за 12 лѣтъ назадъ, также невозможно; ихъ скорѣе по справедливости должно будетъ возвысить.

Ясно, что тогда наступитъ для правительства минута тяжелыхъ финансовыхъ пожертвованій: казна поневолѣ увидитъ себя принужденною прійти огромными ссудами на помощь крестьянскому сословію и выкупить у дворянства по дорогой оцѣнкѣ тѣ права его, которыя нынѣ, при нѣкоторой послѣдовательности правительственныхъ дѣйствій, могутъ еще быть оцѣнены добросовѣстно и обоюдно безобидно. Тогда уже не будетъ рѣчи о выкупѣ повинностей самими крестьянами; весь капитальный расходъ долженъ будетъ пасть на казну, и даже въ платежѣ себѣ процентовъ по оному она будетъ вынуждена сдѣлать крестьянамъ огромныя льготы.

Примѣромъ тому можетъ отчасти служить намъ Пруссія: несмотря на то, что подъ вліяніемъ цѣлаго ряда попечительныхъ правителей, вопросъ объ освобожденіи крѣпостного сословія развился тамъ правильнѣе чѣмъ въ остальной Европѣ, но и въ ней, первоначально допущенный законами 1821 и 1834 годовъ, неправильный образъ опредѣленія крестьянскихъ выкуповъ (опредѣленіемъ не капитальной цѣнности отрѣзанной крестьянамъ земли, но оцѣнкою отправлявшихся ими за нее работъ) слишкомъ значительно возвысилъ требовавшуюся съ крестьянъ выкупную сумму и тѣмъ вовлекъ впослѣдствіи прусское правительство въ значительные расходы, а именно: онъ заставилъ правительство закономъ 2 марта 1850 года принять на свой счетъ, или на счетъ учрежденныхъ имъ повсемѣстно банковъ, выкупъ всѣхъ еще не выкупленныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, съ прощеніемъ крестьянамъ цѣлой четверти слѣ-

дующихъ съ нихъ процентовъ за ссуженные имъ такимъ образомъ капиталы.

Австрійское правительство должно было принесть еще бо́льшую жертву, и патентами 1849 и 1850 годовъ опредѣлило немедленно уплатить помѣщикамъ государственными облигаціями цѣлую треть имъ слѣдующаго капитальнаго вознагражденія, т.-е. около 400 милл. руб. сер.

Очевидно, если бы въ Пруссіи съ самаго начала не была бы допущена слишкомъ возвышенная оцѣнка крестьянскихъ повинностей, то крестьянамъ было бы возможно выкупить собственными своими средствами несравненно бо́льшую часть ихъ, не прибѣгая къ помощи государственнаго казначейства или основанныхъ имъ банковъ, или, по крайней мѣрѣ, помощь эта ограничилась бы несравненно меньшими суммами и пожертвованіями со стороны государства.

Да послужатъ же хоть намъ на пользу назидательные уроки, заготовленные намъ исторіею на счетъ другихъ народовъ и другихъ государствъ. Пусть правительство убѣдится, что отстаивая нынѣ въ губернскихъ комитетахъ дешевую оцѣнку крестьянскихъ усадебъ и крестьянскихъ мірскихъ земель, оно будетъ не столько защищать выгоды крестьянскаго сословія, сколько свои собственные выгоды и интересы, имѣющіе ясно обнаружиться въ самомъ близкомъ будущемъ. Пусть увѣрится оно, съ другой стороны, что всякая сдѣланная теперь въ этомъ дѣлѣ уступка дворянству, внушенная слабостію или желаніемъ сохранить съ нимъ, во что бы то ни стало, добрыя отношенія и купить миръ съ нимъ принесеніемъ ему въ жертву, повидимому, однѣхъ только выгодъ сословія крестьянскаго, должна окончательно и притомъ неминуемо разрѣшиться по истеченіи первыхъ 12 лѣтъ, страшными, почти неисчислимыми убытками и расходами для самого правительства; ибо послѣднее, по истеченіи приготовительнаго періода, неминуемо должно будетъ послѣдовать примѣру правительствъ Пруссіи и Австріи и прибѣгнуть къ огромной финансовой операціи, для единовременнаго выкупа у помѣщиковъ — и крестьянскихъ усадебъ, и мірскихъ земель. Противъ этого можно сказать: дешевая оцѣнка не избавитъ правительства отъ финансовой операціи для соглашенія выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ; эта операція, во всякомъ случаѣ, неминуема; какъ бы дешево ни были произведены комитетами въ настоящее время оцѣнки, — крестьянинъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи не найдетъ въ собственномъ достаткѣ средствъ къ выкупу своей усадьбы, а если онъ даже и успѣетъ осилить эту часть

предстоящаго ему дѣла, то правительству, тѣмъ не менѣе, невозможно будетъ оставить крестьянина связаннаго (на вѣчныя времена) ежегоднымъ оброчнымъ платежемъ помѣщику за мірскую землю, и оно окончательно увидитъ себя принужденнымъ, тѣмъ или другимъ путемъ, разрѣшить эти отношенія посредствомъ единовременнаго удовлетворенія дворянства. Въ этомъ мнѣніи есть, безъ сомнѣнія, значительная доля истины; но чѣмъ оно справедливѣе, тѣмъ настоятельнѣе представляется для правительства въ будущемъ неминуемость выступить посредникомъ между двумя сословіями и облегчить имъ желанную окончательную развязку посредствомъ какой-либо финансовой сдѣлки, посредствомъ перевода, такъ сказать на себя самого, крестьянскаго долга дворянству; тѣмъ важнѣе для него строгое наблюденіе, уже въ настоящее время, за правильностію и дешевизною оцѣнки, по которой оно чувствуетъ себя призваннымъ выкупить со временемъ мірскія земли и малѣйшее преувеличеніе которой неизбѣжно должно вовлечь его въ непроходимыя финансовыя затрудненія.

Но какія же средства имѣетъ правительство для правильнаго контроля надъ дѣйствіями дворянскихъ комитетовъ? Средства эти двояки: одни носятъ характеръ чисто офиціальный и находятся въ непосредственномъ распоряженіи и власти правительства; другія покоятся въ независящей отъ него средѣ общественной и равно могутъ быть имъ искусно возбуждены и направлены, или презрительно подавлены и отвергнуты въ ущербъ самой власти и общественному довѣрію, пріобрѣтенному ею послѣдними указаніями.

Что касается до первыхъ, то они безъ сомнѣнія прежде всего заключаются, какъ уже объяснено въ предшествующей Запискѣ, въ правильномъ выборѣ членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты и въ неусыпномъ наблюденіи губернаторовъ за дѣйствіями послѣднихъ. Но все это составляетъ лишь какъ бы только приготовительныя дѣйствія со стороны правительства,— настоящая задача его начнется собственно тогда, когда губернскими комитетами, по истеченіи шестимѣсячнаго срока, будутъ представлены составленные ими проекты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что возможное согласованіе и приведеніе въ единство положеній, составленныхъ комитетами губерній сосѣднихъ и между собою сходныхъ въ экономическомъ отношеніи, есть предметъ первой важности. Съ одной стороны, оно упроститъ новое законодательство, предотвративъ излишнее разнообразіе въ положеніяхъ о крестьянахъ настолько, по крайней мѣрѣ, насколько эта пестрота не оправдывается самымъ разно-

образіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ; съ другой — оно даетъ правительству возможность для ревизіи первоначальныхъ положеній, выработанныхъ въ губернскихъ комитетахъ, образовать другіе комитеты лучше составленные, менѣе подчиненные мѣстнымъ вліяніямъ и воззрѣніямъ, и отъ коихъ слѣдовательно, можно будетъ ожидать кромѣ нѣкотораго стремленія къ единству еще и нѣсколько бо́льшую въ своихъ мнѣніяхъ независимость отъ личныхъ корыстныхъ видовъ и расчетовъ.

Наконецъ, невозможно не признать, что, при той преднамѣренной и губительной негласности, которою до сихъ поръ этотъ вопросъ былъ къ сожалѣнію окруженъ, отсроченіе его окончательнаго рѣшенія еще на полгода, въ теченіе коего новые комитеты успѣютъ воспринять мало-по-малу полезное вліяніе литературы и живого слова, можетъ оказаться лишь въ высшей степени благотворно для правильнаго созрѣнія ясныхъ, отчетливыхъ и нѣсколько наукообразныхъ понятій, о лучшихъ средствахъ къ освобожденію крестьянъ. Эта цѣль вполнѣ можетъ быть достигнута предлагаемою передачею Положеній мѣстныхъ комитетовъ на дальнѣйшее и окончательное разсмотрѣніе новыхъ комитетовъ центральныхъ.

Въ извѣстныхъ до сихъ поръ рескриптахъ и даже въ рескриптѣ С.-пб. генералъ-губернатору нѣтъ ни одного слова, которымъ бы правительство себя въ этомъ отношеніи связало и которое могло бы ему помѣшать привести въ исполненіе эту мысль; недавній примѣръ бѣлорусскихъ губерній[1] можетъ, напротивъ, быть разсматриваемъ какъ прямое на нее указаніе. Мѣра эта является, слѣдовательно, не только полезною, но еще и въ полномъ смыслѣ законною, и остается желать, чтобы правительство воспользовалось ею надлежащимъ образомъ.

Для того, чтобы мысль о центральныхъ комитетахъ принесла всѣ тѣ плоды, которые она, повидимому, обѣщаетъ, необходимо, чтобы правительство впредь установило себѣ твердый образъ дѣйствія въ отношеніи къ дворянству и рѣшилось отъ него ни въ какомъ случаѣ не отступать. Этотъ образъ дѣйствія долженъ состоять, во-первыхъ, въ отсутствіи всякой тревожной заботливости о томъ, чтобы исскуственнымъ образомъ возбудить въ возможно большемъ числѣ губерній изъявленія готовности со стороны дворянства къ слѣдованію по указанному Государемъ пути.

Многочисленные адресы губернскаго дворянства ничего не докажутъ и не произведутъ никакого существенно полезнаго результата, доколѣ предложенная нынѣ правительствомъ мысль не созрѣетъ

въ средѣ общественной посредствомъ гласности и литературнаго обсужденія и, уже созрѣвши, не вызоветъ со стороны дворянства участія въ этомъ дѣлѣ, — искренняго, свободнаго и добросовѣстнаго. Въ противномъ случаѣ, размноженіе дворянскихъ комитетовъ послужитъ лишь только къ распложенію по всему пространству Россіи точекъ слѣпого, непроизводительнаго и раздражающаго сопротивленія благимъ видамъ правительства, чего послѣднее должно по возможности избѣгать. Добровольно ограничивъ такимъ образомъ кругъ своей дѣятельности, правительство должно во-вторыхъ, съ тѣмъ большею заботливостью и рвеніемъ направить всѣ свои усилія на одну или двѣ мѣстности внутри Россіи, наиболѣе, повидимому, воспріимчивыя, наиболѣе приготовленныя къ движенію и наиболѣе нуждающіяся въ обновленіи своего хозяйственнаго быта. При самомъ поверхностномъ даже взглядѣ на карту Россіи, немедленно просится на умъ естественное дѣленіе ея на нѣсколько, какъ бы однородныхъ группъ; здѣсь достаточно будетъ привести для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ: 1) губерніи Московская, Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская; 2) Смоленская, Псковская, Новгородская; 3) Тульская, Рязанская, Орловская; 4) Нижегородская, Казанская, Симбирская; 5) Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Воронежская; 6) малороссійскія съ Курской; 7) новороссійскія и пр. и пр.

Изъ всѣхъ этихъ группъ (составъ каждой изъ коихъ не долженъ, однако, быть произвольно усиливаемъ правительствомъ въ ущербъ удобствамъ мѣстной однородности) одна изъ наиболѣе подготовленныхъ къ воспринятію мысли объ освобожденіи крестьянъ есть безъ сомнѣнія совокупность губерній, означенныхъ 3-мъ номеромъ и слагающаяся изъ областей: Тульской, Рязанской и Орловской. Преобладающій въ нихъ тяжелый характеръ барщины, сдѣлаетъ отмѣненіе послѣдней, или даже и всякій рѣшительный шагъ къ тому, явленіемъ отраднымъ для народа и важнымъ для сохраненія и упроченія въ настоящее время общественнаго спокойствія; центральное положеніе этихъ губерній, черезъ которыя пролегаютъ главные внутренніе пути, отчасти сообщитъ выработанному въ нихъ новому устройству, свойство положенія образцоваго для другихъ хлѣбородныхъ мѣстностей Россіи; наконецъ, сравнительно высшая степень образованія дворянства сихъ губерній и нѣкоторая обезпеченность среди предстоящаго хозяйственнаго переворота, находимая имъ въ густотѣ ихъ народонаселенія и доброкачественности почвы, должны служить ручательствомъ сравнительно большей готовности этой части

русскаго дворянства къ предпринятію на себя чести первыхъ тяжелыхъ опытовъ. Въ этой и другихъ мѣстностяхъ, которыя могутъ быть по зрѣломъ размышленіи избраны правительствомъ, послѣднее должно стараться, во что бы то ни стало, возбудить и поддержать движеніе. На это не должны быть пощажены ни мѣстное вліяніе губернаторовъ, ни даже тѣ, всегда могущественныя средства къ возбужденію ревности губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, которыми располагаетъ министерство. Нѣтъ сомнѣнія, что всего дѣятельнѣе оказалось бы слово самого Государя, вмѣстѣ привѣтливое и рѣшительное, сказанное губернскимъ предводителямъ, если бы они были вызваны въ Петербургъ или случайно бы туда пріѣхали. За симъ, по открытіи мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ, необходимо было бы поручить довѣренному лицу отъ правительства: безпрестанно объѣзжать эти комитеты въ предѣлахъ ему отведенной совокупности нѣсколькихъ губерній, тщательно собирать свѣдѣнія о ходѣ ихъ засѣданій, входить съ ними въ полуофиціальныя сношенія по сему предмету, нимало не стѣсняя, впрочемъ, свободы ихъ сужденій, постоянно сближаться съ лучшими изъ ихъ членовъ, приготовляя въ нихъ себѣ будущихъ сотрудниковъ, наконецъ, исподволь, направлять занятія комитетовъ къ одной общей цѣли и стараться заронить въ ихъ труды сѣмена нѣкотораго единства началъ. Успѣшное выполненіе подобной задачи есть, безъ сомнѣнія, дѣло трудное: оно требуетъ человѣка, близко знакомаго не только съ видами правительства, но и съ мѣстными обстоятельствами и къ тому же лично уважаемаго за свои нравственныя и умственныя качества; чѣмъ ближе онъ знакомъ той дворянской средѣ, на которую онъ призванъ дѣйствовать, тѣмъ благотворнѣе можетъ быть и самая его дѣятельность; если онъ въ той же полосѣ владѣетъ имѣніемъ, то и это обстоятельство, внушая дворянству еще большее къ нему довѣріе, можетъ содѣйствовать успѣху его порученія. По составленіи мѣстныхъ Положеній для каждой губерніи, естественно, то же самое лицо должно быть назначено отъ правительства предсѣдателемъ того центральнаго комитета, которому поручится пересмотръ и возможное согласованіе мѣстныхъ проектовъ той группы губерній. Центральные комитеты должны бы быть составлены изъ лицъ назначенныхъ отъ правительства изъ числа первоначально избранныхъ дворянствомъ въ комитеты губернскіе. Правительство должно предоставить себѣ выбрать изъ каждаго губернскаго комитета по три члена для участія въ комитетѣ центральномъ. За симъ, кромѣ предсѣдателя, еще два члена могутъ быть назначены по произволу

правительства изъ извѣстныхъ ему чиновниковъ, спеціально занимавшихся симъ вопросомъ, или изъ посторонних извѣстныхъ ему лицъ. Наполненіе центральныхъ комитетовъ бо́льшимъ числомъ коронныхъ членовъ нужно какъ для того, чтобы избѣгнуть по возможности всякаго вида произвольнаго рѣшенія вопроса верховною властію, такъ и потому, что правительство вполнѣ будетъ обезпечено возможностію выбирать изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ лишь самыхъ просвѣщенныхъ и надежныхъ. Во всякомъ случаѣ, предлагаемый составъ центральныхъ комитетовъ, нимало не нарушая законныхъ и существенныхъ правъ дворянства, представляетъ правительству несравненно болѣе ручательствъ состава, назначеннаго общему комитету губерній Ковенской, Виленской и Гродненской. Въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ, что послѣднему назначено состоять изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, по два изъ каждой губерніи, выбранныхъ самимъ комитетомъ, а не правительствомъ; что въ немъ только одинъ членъ отъ министерства, а другой членъ отъ генералъ-губернатора, но избранный изъ числа помѣщиковъ; что, наконецъ, изъ числа послѣднихъ, долженъ непремѣнно быть правительствомъ назначенъ и предсѣдатель.

Наконецъ, мѣстомъ засѣданія центральнаго комитета, долженъ быть избранъ тотъ изъ губернскихъ городовъ извѣстной группы, который по взаимному соглашенію министерства и предсѣдателя, будетъ найденъ для того удобнѣйшимъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ. Такимъ образомъ, обезпечится спокойствіе и безстрастіе, столько необходимое для успѣха комитетскихъ засѣданій; и вмѣстѣ со всякимъ поводомъ къ скопленію въ столицахъ значительнаго количества дворянскихъ представителей, сами собою устранятся тѣ призраки, которыми озлобленные защитники стараго крѣпостного права теперь ищутъ устрашить правительство и общественное мнѣніе.

Несравненно важнѣе было бы, напротивъ, удалить дворянъ, членовъ центральныхъ комитетовъ, отъ всѣхъ мѣстныхъ вліяній, неразрывно связанныхъ съ тою средою, гдѣ находятся всѣ ихъ связи, знакомства и даже имѣнія, и подвергнуть ихъ болѣе прямому и непосредственному воздѣйствію читающей и мыслящей среды, скопляющейся въ столицахъ и, безъ сомнѣнія, всегда болѣе доступной внушеніямъ просвѣщеннаго великодушія, чѣмъ тѣсный и заглохшій кругъ губернской жизни. Москва или Петербургъ суть тѣ два города, которые естественно указаны для мѣста засѣданій центральныхъ комитетовъ. Въ случаѣ единовременнаго сбора нѣсколькихъ такихъ комитетовъ, не безполезно будетъ раздѣлить ихъ между обѣими сто-

лицами, не потому впрочемъ, чтобы соединеніе ихъ въ одномъ мѣстѣ могло въ самомъ дѣлѣ представить какія-либо неудобства, но единственно съ цѣлью предупредить всякіе злонамѣренные толки озлобленныхъ защитниковъ стараго крѣпостного быта о какихъ-то мнимыхъ опасностяхъ, будто бы кроющихся для государства въ многочисленномъ сосредоточеніи въ одной столицѣ представителей русскаго дворянства.

2) Всѣ эти мѣры останутся однако безплодны, если не допущенъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительный просторъ для печатнаго обсужденія хозяйственной стороны предлежащихъ вопросовъ, какъ бы нечаянно выросшихъ передъ русскимъ обществомъ. Мы должны теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ убѣдиться, что обстоятельства застигли русскую мысль врасплохъ, что она сама требуетъ предварительнаго образованія и подготовленія къ новому дѣлу и что это образованіе можетъ ей быть дано одною только литературою. Академія наукъ подала первый знакъ умственному движенію назначеніемъ премій за лучшую исторію уничтоженія крѣпостного права въ другихъ земляхъ. Если бъ назначенныя преміи были нѣсколько значительнѣе, то благоразумное рѣшеніе академіи не могло бы подвергнуться ни малѣйшей критикѣ. Но, во всякомъ случаѣ, на этотъ вызовъ ея естественно будутъ отвѣчать по преимуществу иностранцы, ближе знакомые чѣмъ русскіе съ своимъ собственнымъ бытомъ и исторіею. Для удовлетворенія жажды дѣятельности русской литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ для указанія ей правильнаго и полезнаго направленія должны быть предложены преміи и вопросы для состязанія, относящіеся къ многообразнымъ хозяйственнымъ интересамъ предлежащаго переворота; такимъ образомъ, возникнутъ труды основательные, зрѣлые и отличающіеся насущною пользою. Комитетамъ должно быть вмѣнено въ обязанность доставлять въ извѣстныя періодическія изданія ежемѣсячные своды своихъ дѣйствій, — чѣмъ и сами они будутъ побуждены къ болѣе добросовѣстному выполненію возложеннаго на нихъ дѣла; а журналамъ съ пользою можетъ быть разрѣшено заниматься критическою оцѣнкою и взаимнымъ сравненіемъ этихъ комитетскихъ отчетовъ.

Само собою разумѣется, что право какъ помѣщать эти статьи, такъ и заниматься разборомъ ихъ, должно по преимуществу быть предоставлено однимъ періодическимъ изданіямъ: трехмѣсячнымъ, мѣсячнымъ и двухнедѣльнымъ, составляющимъ предметъ чтенія болѣе образованнаго круга людей, а не ежедневнымъ газетамъ, уже теперь значительно распространеннымъ въ простонародіи.

Только подобнымъ, такъ сказать постояннымъ тяготѣніемъ печатнаго слова и печатной мысли надъ дремлющею дворянскою средою, можетъ быть достигнуто пробужденіе ея къ живому пониманію дѣйствительныхъ потребностей государства и возбуждена рѣшимость ея къ какимъ-либо серіознымъ пожертвованіямъ на общее благо. Иными путями могутъ быть вынуждены со стороны дворянства уступки, но никогда не будетъ внушено ему спасительное и важное для будущаго — сознаніе ихъ необходимости и строгой справедливости.

Приложеніе № 4.

Программа занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа присланная начальникамъ губерній при отношеніи министра за № 64, 21 апр. 1858 г. (Сборн. правит. распор., т. I.)

По Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, составлена и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу разсмотрѣна подробная программа занятій губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа сія по повелѣнію Е. В. должна быть принята въ руководство дворянскими комитетами.

Первоначальная обязанность, возложенная на губернскіе комитеты заключается: 1) въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, и 2) въ начертаніи общаго о семъ положенія.

По исполненіи сей обязанности, тѣ же комитеты будутъ призваны къ приведенію въ дѣйствіе *Высочайше утвержденныхъ положеній;* затѣмъ имъ же, но въ меньшемъ составѣ, будетъ поручено и *начертаніе проектовъ Общаго Сельскаго Устава,* долженствующаго опредѣлить всѣ подробности быта крестьянъ по новому ихъ устройству.

По такому кругу дѣйствій губернскихъ комитетовъ, занятія ихъ раздѣляются существенно *на три* періода:

1) Опредѣленіе въ особомъ проектѣ положенія главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Дѣйствительное исполненіе, *по каждому имѣнію,* сего положенія, какъ оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

3) Начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для всѣхъ занятій предлогаются слѣдующая общая программа:

Первый періодъ занятій: *изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проекта положенія.* Занятія перваго періода раздѣляются на *предварительныя* и *окончательныя.*

Къ *предварительнымъ* занятіямъ относятся:

1) Собраніе свѣдѣній и

2) Уѣздныя совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ порядкомъ, для сего предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель сего комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разсылаются чрезъ уѣздныхъ предводителей во всѣ дворянскія имѣнія, а членамъ и кандидатамъ комитета поручается. каждому въ опредѣленномъ для него участкѣ, наблюсти, чтобы свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностью и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какія именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго губернскаго комитета.

Въ общихъ видахъ полезно имѣть возможно близкія данныя по слѣдующимъ предметамъ:

1) Число душъ въ каждомъ имѣніи, по сказкамъ народной переписи.

2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тягла и число тяголъ или работниковъ.

3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами.

4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) чрезполосныя.

5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.

6) Отношеніе общаго количества земли десятинами къ массѣ населенія по душамъ.

7) Отношеніе крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тягламъ или работникамъ.

8) Цѣнность усадебъ: строеній и земли.

9) Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходящая цѣна, б) наемная плата съ десятины, в) стоимость обработки, г) средній валовой доходъ съ десятины.

10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая, б) ремесленная, в) заводская и фабричная, г) извозы и пр.

11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки, ихъ размѣры и способъ взиманія, б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужского пѣшаго, мужского коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.

12) Дворовые: а) приписанные къ домамъ и капиталамъ, б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ, в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта.

13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и пр.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.

14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способъ распространенія грамотности, нынѣ существующіе.

15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.

16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 г.

Всѣ сіи свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вносятся въ губернскій комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ министра вн. дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются губернскому комитету[1]).

---

[1]) Само собою разумѣется, что предварительныя занятія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ комитетахъ, которые уже открыты и приступили къ работамъ. Они могутъ, не прерывая своихъ занятій, собрать недостающія имъ свѣдѣнія и соединить всѣ свѣдѣнія въ одинъ общій сводъ.

Окончательныя занятія губернскихъ комитетовъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія заключаются:

1) Въ составленіи общаго свода о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы сіи разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены ниже, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы сіи составляются особою редакціонною комиссіею, о которой сказано будетъ ниже, и впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшихъ занятій комитета, могутъ быть измѣняемы; но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну; и наконецъ,

4) Въ начертаніи самого проекта положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной комиссіи, составленной изъ 3 и не болѣе 4 членовъ комитета. Проектъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ Главномъ Комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

Причины сіи и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются впослѣдствіи, въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: „Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“) и присоединяются къ проекту въ видѣ особаго приложенія.

Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ.

Самый проектъ положенія имѣетъ слѣдующую форму:

Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ NN. губерніи.

I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.

II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.

III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землею.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способы исполненія.

ГЛАВА I.

О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.

Прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными*.

ГЛАВА II.

Сущность срочно-обязаннаго положенія.

Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими землѣ.

Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.

Дозволеніе перехода въ другія селенія отдѣльно лицу или семейству.

Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), не зависящій отъ выкупа усадьбы.

ГЛАВА III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю.

Хозяйственное устройство по усмотрѣнію.

Право залога и продажи.

Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадебъ.

ГЛАВА IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

Въ чемъ заключается усадьба:

1) Усадебныя строенія и

2) Усадебныя земли.

Оцѣнка усадебъ.

Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность черезъ выкупъ.

Право крестьянъ пользованія ими до выкупа.

Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ.

Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежомъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Право продажи или передачи крестьянами усадебъ только однимъ членамъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества.

ГЛАВА V.

Надѣлъ въ пользованіе крестьянъ землею пахотною и другими угодьями.

Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянскихъ земель и правила, для сего постановляемыя*).

ГЛАВА VI.

Повинности крестьянъ.

Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

Отдѣленіе I.

Казенныя повинности.

Повинности денежныя.

Повинности натуральныя.

Способъ раскладки ихъ по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ.

Порядокъ взиманія.

Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностью сельскаго общества.

Отдѣленіе II.

Повинности къ помѣщику.

Повинность денежная (оброкъ).

Повинность натуральная (поденная работа).

Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

Порядокъ отправленія повинностей.

Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою

*) Увеличеніе поземельнаго надѣла впослѣдствіи, по мѣрѣ приращенія населенія, зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но и необязательно для помѣщика.

ответственностью сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей.

Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни и срокъ ихъ службы.

ГЛАВА VII.

Устройство дворовыхъ людей.

Отдѣленіе I.

Дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

Порядокъ обязательной ихъ службы.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Отдѣленіе II.

Дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.

Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.

Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею.

Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ, изъ дворовыхъ людей вообще.

ГЛАВА VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

Соединеніе мелкопомѣстныхъ селеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ селеніямъ.

Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадьбъ.

Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества.

Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

Полицейское устройство въ обществахъ.

Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

ГЛАВА IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку;

б) по внутреннему управленію;

в) по разбору взаимныхъ жа-

ловъ и споровъ между крестьянами;

г) по отправленію крестьянами повинностей,

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

ГЛАВА X

Порядокъ и способъ исполненія новаго Положенія.

Порядокъ исполненія по каждому имѣнію.

Обязанность каждаго помѣщика составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи Положенія, для каждой губерніи Высочайше утвержденнаго.

Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

Подпись сего акта помѣщикомъ.

Повѣрка на мѣстѣ сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ губернскаго комитета.

Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта губернск. комитетомъ.

Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе самимъ помѣщикомъ.

Содѣйствіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего вышеизложеннаго по всей губерніи.

Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому имѣнію до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

Составленный комитетомъ такимъ образомъ *проектъ общаго Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* подписывается всѣми членами и представляется, установленнымъ порядкомъ, министру внутреннихъ дѣлъ. Къ проекту присоединяются, въ видѣ приложеній:

1. Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія. Основанія статей излагаются кратко. Тутъ же, гдѣ будетъ нужно, объясняются причины, по которымъ комитетомъ не приняты тѣ или другія указанія, содержащіяся въ циркулярахъ мин. вн. дѣлъ.

2. Сводъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

По отправленіи сихъ бумагъ, первая часть занятій комитета считается конченною; комитетъ временно закрывается, и вся переписка, которая можетъ встрѣтиться до новаго открытія комитета, производится отъ лица губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя комитета.

Второй періодъ занятій комитета:

Дѣйствительное исполненіе Положенія, комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

Немедленно по полученіи въ каждой губерніи Высочайше утвержденнаго Положенія, губернскій предводитель дворянства открываетъ вновь присутствіе комитета, который въ первыхъ засѣданіяхъ опредѣляетъ весь порядокъ исполненія. Сюда относятся:

Разсылка экземпляровъ Положенія и форма акта, въ каждый уѣздъ, по числу дворянскихъ имѣній.

Опредѣленіе порядка повѣрки членами комитета частныхъ актовъ, помѣщиками составленныхъ.

Разсмотрѣніе сихъ актовъ въ губернскомъ комитетѣ.

Утвержденіе ихъ губернскимъ комитетомъ.

Обращеніе ихъ чрезъ уѣздныя присутствія помѣщикамъ для исполненія.

Надзоръ уѣздныхъ предводителей и уѣздныхъ присутствій за дѣйствительнымъ исполненіемъ помѣщиками сихъ актовъ.

Разрѣшеніе случаевъ, которые могутъ встрѣтиться при исполненіи.

Подготовленіе матеріаловъ для составленія подробнаго Сельскаго Устава.

Примѣчаніе. Помѣщикамъ предоставляется лично присутствовать въ губернскомъ комитетѣ при разсмотрѣніи частныхъ актовъ, ими составленныхъ.

Третій періодъ занятій комитетовъ:

Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или предоставленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ новаго Положенія. Посему губернскіе комитеты и обязаны внимательно наблюдать за ходомъ всего дѣла и отмѣчать всѣ тѣ случаи и обстоятельства, на которые нужно будетъ обратить вниманіе при составленіи Сельскаго Устава.

Подписали: князь Орловъ, Константинъ, графъ В. Адлербергъ, князь Павелъ Гагаринъ, Сергѣй Ланской, графъ В. Панинъ, князь В. Долгоруковъ, Михаилъ Муравьевъ, Константинъ Чевкинъ, Іаковъ Ростовцевъ, Александръ Княжевичъ, государственный секретарь В. Бутковъ.

Приложеніе № 5.

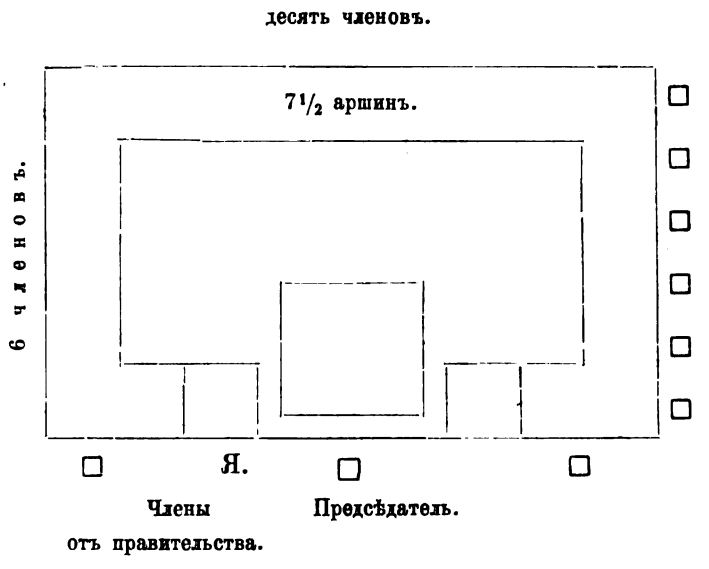
Рапортъ А. И. Кошелева.

Сентябрь 1858 г. Рязань.

Нашъ комитетъ, открытый 26-го августа, до сихъ поръ не имѣетъ ни одного журнала, который могли бы сообщить. Въ первое засѣданіе мы утвердили уставъ довольно плохой для засѣданій и совѣщаній. Во второмъ засѣданіи протолковали о томъ же и кое-что въ уставѣ пополнили. Въ третье засѣданіе мы толковали о мѣрахъ, какія нужно принять къ побужденію помѣщиковъ къ доставленію свѣдѣній. По нѣкоторымъ уѣздамъ собраны $^4/_5$, по другимъ $^3/_5$, а по тремъ уѣздамъ едва $^1/_5$ часть свѣдѣній. Мы положили отправить туда кандидатовъ и отнестись къ предводителямъ. Срокъ нами назначенъ 1-го октября. Думаю, что едва половина помѣщиковъ доставитъ свѣдѣнія. Два засѣданія мы проспорили о предложеніи г-на Офросимова, желавшаго, чтобы мы тотчасъ опредѣлили конечную цѣль, къ которой мы должны стремиться. Его мнѣніе было: предоставить крестьянамъ землю въ пользованіе, на срочно-обязанный періодъ, а потомъ, пусть помѣщики и крестьяне все улаживаютъ по добровольному соглашенію. Это мнѣніе имѣло за себя большинство членовъ комитета, а потому мы предложили: отсрочить рѣшеніе этого вопроса до того времени, когда онъ представится при обсужденіи главъ программы. Мы особенно настаивали на этомъ потому, что имѣли слухъ о словахъ, произнесенныхъ Государемъ въ Москвѣ. Наше предложеніе было принято 12 противъ 10 голосовъ. Теперь мы имѣемъ подлинныя слова Императора. Наши противники призадумались. Не знаю, что изъ этого выйдетъ; но они зубами уцѣпились за землю. Послѣзавтра, т.-е. въ 7-е наше засѣданіе, мы должны приступить къ 1-й главѣ Положенія. Въ 6-е наше засѣданіе мы толковали о томъ, какъ расположить сводъ свѣдѣній. И объ этомъ не могли ничего порѣшить, передали на обсужденіе подготовительной комиссіи, которая составлена довольно хорошо. Она состоитъ изъ 5 членовъ: Офросимовъ (18 голосовъ), князь Волконскій (15 гол.), Бѣляевъ (14 гол.) Евгеній Протасьевъ (13 гол.) и Колеминъ (11 гол.). На меня смотрятъ неблагосклонно, видя во мнѣ (не знаю почему) виновника всѣхъ бѣдъ.

Къ сожалѣнію, нашъ предсѣдатель весьма глухъ, а потому ему крайне трудно, почти невозможно соблюдать тишину и порядокъ

въ совѣщаніяхъ. Къ тому же и зала у насъ глуха такъ, что половина членовъ не слышитъ, что говоритъ другая. Какъ сидятъ у васъ члены?! У насъ вотъ какъ:



Мы не могли придумать лучшаго размѣщенія, хотя сознаемъ въ немъ много неудобствъ; съ угла на уголъ болѣе 9 аршинъ; а какъ зала глуха, то и *слухмянные* плохо слышатъ.

Нашъ губернскій предводитель дѣйствуетъ не самостоятельно. Противъ него сильная партія, и онъ, труся, часто спускаетъ членамъ ея разные безпорядки. Не знаю, что будетъ дальше, а теперь толку еще мало.

Вотъ мое циркулярное посланіе, теперь обращаюсь собственно къ Вамъ.

Что отъ Васъ, дражайшій князь, нѣтъ ни слуха ни духа? Послѣ выборовъ Вы ко мнѣ ни слова не писали; скажите, кто выбранъ и каковы вообще выборы? Отправили ли Вы свою статью къ Ив. Серг. Аксакову въ Москву? Я ее къ Вамъ послалъ въ Тулу въ видѣ посылки и удивляюсь, что до сихъ поръ нѣтъ о ней извѣстія. Она теперь необходима, ибо начали печатать № 9. Ради Бога поскорѣе отправьте, если Вы еще ее не отправили.

Времени для занятій здѣсь довольно. Я устроилъ такъ, что по вторникамъ, вечеромъ принимаю всѣхъ, а по субботамъ зову къ себѣ обѣдать по усмотрѣнію. По прочимъ днямъ ко мнѣ почти никто не

ѣздить. Визиты дѣлаютъ по воскресеньямъ, по утру. Въ комиссіи меня не назначаютъ, и я имѣю полный досугъ заниматься *Сельскимъ Благоустройствомъ*.

Когда открывается Вашъ комитетъ?

Пишите, жена моя теперь здѣсь, и завтра ѣдетъ въ Москву.

Прощайте!

Посылаю Вамъ журналы тверского комитета и мнѣніе Унковскаго. Какова литографія! Мы пишемъ къ нему и спрашиваемъ, какъ это устроить. Онъ прислалъ ко мнѣ 10 экземпляровъ. Этотъ экземпляръ для Васъ.

Приложеніе № 6.

А. Эсмондъ — Ю. Ѳ. Самарину.

Нижній Новгородъ, 12 сентября 1858 г.

Милостивый Государь

Юрій Ѳедоровичъ.

Вскорѣ послѣ полученія мною письма Вашего отъ 18-го іюля, надъ нашимъ комитетомъ пронеслось что-то въ родѣ бури, впрочемъ болѣе достойной смѣха, чѣмъ страха. Большинство никакъ не могло разстаться съ увлекательною мыслью о выкупѣ личности, или, какъ оно выражается, о выкупѣ крѣпостного труда, и послѣ тщетныхъ попытокъ опять возбудить этотъ вопросъ и рѣшить по-своему, оно, озлобленное, подало мнѣніе, въ которомъ изругало нашу либеральную партію, представляя насъ, какъ людей, имѣющихъ цѣль раззорить своихъ собратій дворянъ, покончило патетическимъ опредѣленіемъ обязанностей членовъ комитета, а именно: „защищать права дворянъ отъ стѣсненій при нынѣшнихъ событіяхъ“. Мнѣніе это было прочитано и подано Пѣтово и тутъ же съ большимъ торжествомъ подписано 12 членами (графъ Толстой воздержался отъ подписи), что̀ съ Пѣтово составило большинство. На другое засѣданіе предсѣдатель и трое членовъ, не предупредивши насъ, подали въ отставку, и предсѣдатель назначилъ на свое мѣсто самого же Пѣтово, неизвѣстно по какому праву и вслѣдствіе какихъ соображеній. Такой поступокъ Болтина поразилъ насъ своей не-

сообразностью не менѣе прочихъ; мы, т.-е. Карамзинъ, Нестеровъ, и я, въ тотъ же день подали Муравьеву докладную записку, въ которой, объяснивъ дѣло, объявили, что считая свою обязанность священною, мы не желаемъ выходить въ отставку и просимъ его вновь устроить комитетъ, ибо Пѣтово мы не признаемъ за предсѣдателя и вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ оградить насъ отъ несправедливыхъ обвиненій, взводимыхъ на насъ большинствомъ, — въ желаніи дѣйствовать противъ избравшаго насъ дворянства. Между тѣмъ Муравьевъ представилъ уже въ Петербургъ мнѣніе Пѣтово въ подлинникѣ. Черезъ недѣлю былъ полученъ отвѣтъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который сообщилъ, что по докладу мнѣнія, подписаннаго большинствомъ членовъ Государю, Его Величество приказалъ мнѣніе это отвергнуть, какъ противорѣчащее основаніямъ Высочайшаго рескрипта; автору сдѣлать строгій выговоръ, а дворянамъ, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пѣтово, сдѣлать строгое замѣчаніе. (Собственная резолюція Государя.) Предсѣдателю и членамъ, дѣйствующимъ въ видахъ человѣколюбія и государственной пользы — объявить Монаршее благоволеніе; затѣмъ министръ предписалъ Муравьеву открыть вновь прерванныя засѣданія комитета, и при этомъ объявить Высочайшее повелѣніе. Я не буду Вамъ описывать бурнаго засѣданія при объявленіи губернаторомъ Высочайшаго повелѣнія; болѣе всѣхъ горячился гр. Толстой, который, впрочемъ, мнѣнія не подписывалъ; между множествомъ причинъ, приводимыхъ имъ, по которымъ комитетъ не можетъ итти впередъ, онъ особенно жаловался на то, что комитетъ не читаетъ и не разсматриваетъ его мнѣній; о Пѣтовѣ говорить нечего, послѣ полученія Высочайшаго выговора онъ нѣсколько дней былъ боленъ. Это происшествіе имѣло однакоже очень благопріятное вліяніе на занятія комитета; на другое засѣданіе мы приступили къ пересмотру пройденныхъ главъ проекта; выкупъ личности отвергнутъ единогласно; усадьбы положено предоставить крестьянамъ на выкупъ. За строеніе пробовали назначить деньги, но мы подали мнѣніе (которое посылаю Вамъ), и большинство рѣшилось отдать строенія безвозмездно. За усадебныя земли положена норма — 20 коп. сер. за квадратную сажень вмѣстѣ съ выгономъ, что̀ составитъ 480 руб. сер. за десятину! съ платежомъ до выкупа 1%. Мы опровергали эту цифру, доказывая, что она ни на чемъ не основана, и предлагали цѣнить десятину усадебной земли вчетверо дороже полевой, подобно тому какъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ, что̀ вышло бы гораздо дешевле, но это мнѣніе еще

не баллотировано. Надѣлъ полевой и луговой земли назначенъ по пяти десятинъ на тягло, т.-е. по 2 десятины на душу, а усадьбы оставлены въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь находятся. Повинность опредѣлена слѣдующая: оброкъ отъ 20 до 15 руб. съ тягла, а барщина два дня въ недѣлю, что составитъ 94 дня мужскихъ и столько же женскихъ. Прежде комитетъ принялъ 80 дней мужскихъ и 50 женскихъ, но товарищъ министра Левшинъ выразилъ намъ свое мнѣніе, что мы поступили слишкомъ великодушно, и потому большинство на другой же день измѣнило это положеніе и приняло двухдневную барщину.

На этомъ рѣшеніи засталъ насъ пріѣздъ Государя. О нашихъ праздникахъ Вы можете прочесть въ газетахъ, а потому умалчиваю о нихъ. При нашемъ представленіи Государь благодарилъ дворянство, за его готовность дѣйствовать къ общему благу; и вообще говорилъ съ большимъ чувствомъ. Наканунѣ отъѣзда Карамзинъ былъ приглашенъ, въ числѣ весьма немногихъ, на вечеръ, на которомъ Императрица все время разспрашивала его о положеніяхъ и дѣйствіяхъ нашего комитета.

Вчера мы кончили проектъ Положенія, остается редакція. Къ 1-му октябрю, какъ назначилъ намъ словесно Государь, все кончимъ. Къ несчастію, въ главѣ о полицейскомъ устройствѣ, мы предоставили слишкомъ много власти помѣщику; бороться было трудно, потому что это явное желаніе правительства.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь Вашъ покорный слуга *А. Эсмондъ*.

Приложеніе № 7.

(Письмо къ Левшину).

М. Г. Алексѣй Ираклиевичъ!

Нѣкоторыя встрѣтившіяся мнѣ опасенія при размышленіи о возможномъ будущемъ ходѣ дѣла, нынѣ подлежащаго обсужденію губ. комитетовъ, побудили меня изложить мысли мои о семъ предметѣ письменно въ особой запискѣ, которую имѣю честь при семъ препроводить на просвѣщенное усмотрѣніе Ваше, прося Ваше Превосходительство благоволить сдѣлать изъ нея употребленіе, какое почтете нужнымъ.

Примите, М. Г., искреннее увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности съ которою имѣю честь быть и проч. Кн. В. Ч.

Записка о выборѣ депутатовъ въ Петербургскій комитетъ.

Государю Императору угодно было обѣщать комитетамъ тверскому и костромскому, что въ С.-Пб. призвано будетъ по два члена, избранныхъ отъ каждой изъ нихъ, для окончательнаго обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ[1]).

Вѣроятно, та же самая мѣра будетъ распространена и на всѣ прочіе комитеты. Такимъ образомъ, словомъ Государевымъ устранено вкравшееся мало-по-малу въ умы дворянства опасеніе, что предварительныя занятія губ. комитетовъ останутся одною мертвою буквою, что все дѣло получитъ окончательное рѣшеніе въ Петербургѣ, помимо всякаго участія дворянства; вновь возбуждено довѣріе дворянства къ дѣятельности губ. комитетовъ, и тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ облегчена задача послѣднихъ.

Но не менѣе важности, для благополучнаго исхода принятаго правительствомъ дѣла, представляетъ и самый способъ введенія въ исполненіе воли Государя Императора о назначеніи двухъ членовъ отъ каждаго комитета для окончательнаго обсужденія вопроса.

Въ словахъ Государя Императора, сказанныхъ какъ тверскому, такъ и костромскому дворянству, еще нѣтъ подробнаго и совершенно яснаго указанія, будетъ ли избраніе обоихъ депутатовъ вполнѣ и неограниченно предоставлено самимъ членамъ комитета, или правительство сохранитъ за собою какой-либо контроль надъ ихъ выборомъ.

Между тѣмъ избраніе того или другого способа назначенія комитетскихъ уполномоченныхъ крайне важно въ томъ смыслѣ, что отъ него исключительно будетъ зависѣть составъ того собранія, которое въ С.-Петербургѣ имѣетъ окончательно разсмотрѣть все дѣло.

Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что во всѣхъ губерніяхъ, подъ вліяніемъ отсутствія всякихъ положительныхъ данныхъ о принятіи правительствомъ какого-либо участія въ вознагражденіи дворянства за вѣроятныя его первоначальныя потери, дворянство, съ своей стороны, избрало въ члены комитета лицъ,

---

[1]) Государь, въ рѣчи своей къ тверскому дворянству (11 авг. 1858), сказалъ: „Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствованія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ“. 16-го августа, въ рѣчи къ костромскому дворянству, Государь сказалъ: „Для объясненія вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ“.

большею частію мало расположенныхъ къ значительнымъ уступкамъ. Такимъ образомъ почти во всѣхъ безъ изъятія комитетахъ лица, вполнѣ согласныя съ видами правительства, находятся въ незначительномъ меньшинствѣ. Слѣдовательно, если избраніе обоихъ членовъ, имѣющихъ ѣхать въ С.-Петербургъ, будетъ предоставлено исключительно выборамъ самихъ комитетовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они почти повсемѣстно будутъ избраны изъ среды комитетскаго большинства, т.-е. изъ среды лицъ, хотя безъ сомнѣнія и весьма достойныхъ, но мало или и вовсе не сочувствующихъ намѣреніямъ правительства.

Можно бояться даже, что въ самой средѣ губ. комитетовъ желаніе удостоиться лестнаго избранія, котораго другимъ путемъ невозможно будетъ достичь, не склонило бы къ слишкомъ значительнымъ уступкамъ мнѣніямъ большинства даже лицъ, впрочемъ, преданныхъ цѣли преслѣдуемой правительствомъ.

Наконецъ, трудно представить себѣ, какую пользу можетъ принести въ Петербургѣ собраніе лицъ, хотя и опытныхъ и достойныхъ, но исключительно стоящихъ на одной точкѣ зрѣнія, враждебныхъ значительнымъ перемѣнамъ въ сельскомъ устройствѣ и заранѣе связанныхъ мнѣніемъ приславшаго ихъ въ С.-Петербургъ большинства.

Можно даже положительно сказать, что правительство, добровольно обрекши такимъ образомъ самого себя на исключительное выслушаніе однихъ только доводовъ противъ провозглашенной имъ мѣры и добровольно лишивши себя всякой поддержки со стороны сочувствующаго ему меньшинства, станетъ въ положеніе еще болѣе затруднительнѣйшее, чѣмъ, если бы оно не призвало на совѣтъ ровно никого...

Всѣ эти затрудненія легко могутъ быть устранены предоставленіемъ каждому комитету избранія изъ среды своихъ одного члена для отправки въ Петербургъ, а мѣстному губернатору назначенія другого члена. При этомъ можетъ быть разрѣшено губернатору не стѣсняться назначеніемъ этого члена непремѣнно изъ числа двухъ лицъ, первоначально приглашенныхъ имъ въ комитетъ, но выбирать онаго изъ числа всѣхъ вообще членовъ комитета, независимо отъ первоначальнаго способа ихъ избранія или назначенія.

Если предлагаемый способъ оказался бы по чему-либо неудобнымъ, или не подходящимъ буквально подъ смыслъ словъ Государя Императора, то можно было бы поступить еще иначе: предоставить комитетамъ избрать по два члена, а губернаторовъ уполномочить назначить третьяго. И при такомъ порядкѣ правительственное

мнѣніе получитъ себѣ въ С.-Петербургѣ представителей изъ мѣстныхъ опытныхъ хозяевъ, хотя и будетъ обречено на несомнѣнное меньшинство.

По крайней мѣрѣ, и въ томъ и другомъ случаѣ всѣ мнѣнія получатъ возможность быть выслушанными въ Петербургѣ прежде, чѣмъ окончательно разрѣшится вопросъ. Иначе же правительство услышитъ лишь одинъ только голосъ, и легко можетъ быть введено въ опасное заблужденіе насчетъ дѣйствительно существующаго въ губерніяхъ общественнаго мнѣнія.

Приложеніе № 8.

Мнѣніе чл. Кирѣева.

Милостивые Государи!

Вопросъ объ усадьбахъ такъ великъ, такъ важенъ и такъ много знаменателенъ въ своемъ значеніи, что я считаю для себя непремѣннымъ долгомъ, по разумѣнію моему, сказать о немъ нѣсколько словъ. Этотъ вопросъ составляетъ постоянное мышленіе дворянъ-помѣщиковъ со дня объявленія въ вѣдомостяхъ о новомъ государственномъ переворотѣ; онъ есть главная цѣль нашего избранія и нашего, здѣсь, чрезвычайнаго собранія.

Право собственности на всю землю помѣщикамъ подтверждается Высочайшимъ рескриптомъ, который, оставляя усадьбы крестьянамъ съ правомъ выкупа, не устраняетъ мысли, что это пріобрѣтеніе не иначе должно быть, какъ только на основаніи существующихъ законовъ, то-есть по обоюдному на то согласію обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые говорятъ, что правительство пріобрѣтаетъ собственности для государственныхъ потребностей безъ согласія владѣльцевъ, но эти случаи отнюдь не должны быть примѣняемы къ настоящему вопросу. Подобное толкованіе, увлекая многихъ въ свою пользу, даетъ и мнѣ нѣкоторое право объявить вамъ, милостивые государи, мои понятія объ этомъ важномъ предметѣ. Въ уступкѣ усадебъ съ принадлежащею къ нимъ землею я вижу не столько вещественную потерю для помѣщиковъ, сколько нравственный ущербъ для всего дворянства.

Съ нарушеніемъ права собственности, хранимой законами, непо-

средственно должны разрушиться и прочія права нашего благороднаго сословія. Съ уступкою усадебъ безъ нашего на то согласія, мы теряемъ многое, а можетъ-быть и все! Правда Царя исходитъ изъ правды Бога, а потому и думать себѣ не позволяю, чтобы законъ, поставленный для охраненія правъ собственности, повторяемый въ царствованіе каждаго Государя и, наконецъ, подтвержденный Высочайшимъ рескриптомъ, могъ имѣть дѣйствіе обратное, силу разрушительную для тѣхъ, которыхъ сами Цари учили считать его, какъ залогъ блаженства всѣхъ и каждаго. Власть правительства нашего не ограничена, и если бы оно желало поступить съ нами по своему произволу, оно повелѣло бы бывшему здѣсь товарищу министра внутреннихъ дѣлъ объявить эту волю въ присутствіи комитета, и тогда, съ покорностью вѣрноподданнаго, я отдалъ бы не только усадьбы крестьянъ, но и тотъ бѣдный кровъ, подъ которымъ надѣялся умереть покойно, думая, что живу подъ защитою законовъ моей родины. Если пробьетъ страшный часъ отнятія моей собственности, съ чувствомъ самодовольства буду смотрѣть, что отчужденіе ея совершается не отъ страха казни, а отъ покорности тому правительству, подъ властью котораго судилъ мнѣ жить Богъ!

Тайный совѣтникъ Левшинъ, не желая пріѣзду своему давать характеръ офиціальный, сообщилъ намъ о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ комитетовъ, не оставивъ и насъ своими совѣтами, но эти примѣры для меня не обязательны, а совѣты не поучительны, ибо избраніе меня въ члены нашего комитета я считаю не ниже той государственной ступени, на которую онъ поставленъ.

Итакъ, ни по собственному моему убѣжденію, ни по убѣжденію лицъ, меня избравшихъ, я на добровольную уступку усадебъ рѣшительно не согласенъ, и склонить меня на противное возможности не существуетъ.

Начальникъ нашей губерніи, при избраніи членовъ комитета, въ рѣчи своей назвалъ нѣкоторыхъ ревностными дѣятелями, а другихъ предостерегъ отъ указанія историка. Повторяя непремѣнное мое убѣжденіе, я первый считаю для себя достойнымъ избрать ту несчастную страницу, на которую исторія укажетъ.

Не удивляйтесь, мм. гг., что говорю все то, что чувствую. Дворяне Новосильскаго уѣдза почтили меня избраніемъ въ депутаты заочно, противъ моего желанія. Исполняя священный для меня долгъ благодарности за ихъ высокое мнѣніе обо мнѣ, въ защиту правъ моихъ собратій, ничѣмъ неизвѣстный и никѣмъ незнаемый, изъ бѣдной хижины, приношу на судъ Вашъ мои твердыя убѣжденія

и ничего не страшусь, ибо для истиннаго гражданина за убѣжденія свои погибнуть не стыдно; имена жертъ подобныхъ всегда незабвенны, и память о нихъ потомство хранитъ.

Приложеніе № 9.

(а).

Отъ Унковскаго — А. И. Кошелеву.

Тверь, 18 сентября 1858 г.

Пріѣхавъ изъ Торжка, гдѣ я производилъ довольно долго слѣдствіе о злоупотребленіи помѣщичьей власти и имѣлъ удовольствіе формально обличить ихъ, я нашелъ Ваше письмо у себя отъ 12-го сентября, а также письмо Селиванова и спѣшу Вамъ передать много радостныхъ извѣстій. Во-1-хъ, нашъ комитетъ 11-го сентября, большинствомъ 14 голосовъ противъ 13-ти, принялъ остальные пункты предложенія комиссіи, которое мною было Вамъ сообщено. Такимъ образомъ, это постановленіе сдѣлалось главною скрижалью тверского комитета. Во-2-хъ, изъ Петербурга нельзя ждать никакой помѣхи. Въ концѣ августа я видѣлся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и говорилъ съ нимъ о нашихъ предположеніяхъ. Онъ вполнѣ съ нами согласенъ, и даже отступалъ охотно отъ сдѣланнаго имъ предложенія усадебной осѣдлости. Отъ него я узналъ, что правительство, кажется, само приходитъ къ убѣжденію, что единственною развязкою дѣла можетъ быть только выкупъ земли въ собственность крестьянъ, и вслѣдствіе этого центральный комитетъ занимается обсужденіемъ разныхъ представленныхъ ему проектовъ финансовыхъ операцій. Вчера Ланской мнѣ прислалъ, частнымъ образомъ, для соображенія, финансовый проектъ, представленный банкиромъ Френкелемъ и Гашбергомъ. Такъ какъ онъ уже давно представленъ, то я думаю, что Вы его знаете. Если же нѣтъ, то я готовъ Вамъ прислать его. Сверхъ того, я слышалъ отъ него же, министра внутреннихъ дѣлъ, что проекты всѣхъ губерній, сколько ему извѣстно, будутъ разсматриватся вмѣстѣ, въ общемъ собраніи депутатовъ, но на всякій случай онъ совѣтывалъ мнѣ сдѣлать представленіе отъ комитета и ходатайствовать объ этомъ, изложивъ подробно всѣ соображенія, по которымъ это общее разсмотрѣніе необходимо. Хорошо было бы, если бъ и отъ Вашего комитета было сдѣлано то же и не позже

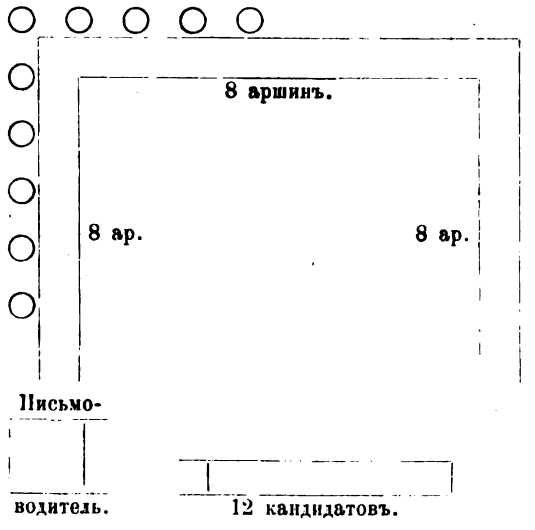
1-го декабря. Я Вамъ перешлю все, что мы намѣрены сдѣлать по этому предмету. Нельзя ли и Вамъ доставить ко мнѣ Ваши предположенія? Тогда мы ударили бы разомъ.

Теперь я могу положительно сообщить Вамъ свѣдѣнія о составѣ тверского комитета. У насъ людей единогласныхъ со мной 14, ретроградовъ — 9 и 4 члена, которыхъ мнѣнія еще не опредѣлились, но которые до сихъ поръ еще отрицали, изъ страха не угодить избирателямъ, требованія большинства. Но, все-таки, я долженъ Вамъ сказать, что наши ретрограды лучше Вашихъ. Получивъ наши журналы, Вы увидите изъ нихъ, что одинъ изъ нашихъ ретроградовъ предложилъ способъ г-на Офросимова, но я ему замѣтилъ на это, что предлагаемый имъ способъ освобожденія крестьянъ имѣетъ одинъ только недостатокъ, именно тотъ, что въ немъ не видно никакого способа. Вслѣдствіе этого, сей ретроградъ замолчалъ, и никто не поддержалъ его предложенія. Въ настоящее время, тверской комитетъ занимается опредѣленіемъ сущности срочно-обязаннаго положенія, котораго срокъ назначится впослѣдствіи, по обсужденіи финансовой операціи для выкупа усадебной осѣдлости, въ томъ размѣрѣ, какъ она обозначена въ постановленіи комиссіи, и потому этотъ срокъ будетъ зависѣть отъ того, къ какому времени мы признаемъ возможность устроить банки. Но сегодня въ комитетѣ было уже сдѣлано предложеніе объ уничтоженіи барщины даже и на время переходнаго состоянія и, замѣтьте, что это предложеніе сдѣлано *однимъ изъ членовъ меньшинства* и поддерживается многими. Завтра я буду отвѣчать А. К., потому что я велѣлъ справиться объ условіяхъ заказа металлографіи. Если Вы хотите выучить кого-либо употребленію этого станка, то у меня есть солдатъ изъ жидовъ, который выучитъ этому въ продолженіе одной недѣли рублей за 10 или 15. Моя металлографія теперь очень отстала. Вы получите еще три журнала, и печатаются теперь журналы конца августа. Слишкомъ много наговорили. 1-го октября комитетъ нашъ расходится, не надолго, для собранія остальныхъ свѣдѣній, и въ это время я думаю, что металлографія догонитъ.

Изъ комитетовъ сѣверныхъ 10 губерній, съ которыми я въ перепискѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ смоленскаго, откуда прислали 2 первыхъ журнала и то почти безъ содержанія. Тамъ только установили порядокъ засѣданій. Пожалуйста, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, не унывайте и дѣйствуйте настойчивѣе. Срамите Вашихъ противниковъ.

Преданный Вамъ и искренно уважающій Васъ *А. Унковскій*.

У насъ въ комитетѣ вотъ какъ сидятъ: предсѣдатель и по бокамъ его члены отъ правительства.



Сколько я замѣтилъ изъ Вашего письма, Вы слишкомъ уже умѣренны. Очень хочется знать, что Вы скажете, когда до Васъ дойдутъ мои отвѣты на сдѣланныя мнѣ возраженія. Я говорю на чистоту и постоянно обличаю своихъ противниковъ въ тайныхъ ихъ намѣреніяхъ удержать власть надъ крестьянами.

(б).

(Къ письму кн. Черкасскаго отъ 13 окт.)

Письмо Унковскаго отъ 10 окт. 1858 г., Тверь.

Милостивый Государь, князь Владиміръ Александровичъ! Спѣшу отвѣчать на Ваше письмо и принести Вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за сочувствіе Ваше къ занятіямъ тверского комитета. Не знаю, много ли пользы мы сдѣлаемъ, но могу поручиться, что составъ нашего комитета очень хорошъ. Въ пользѣ я сомнѣваюсь, потому что правительство начинаетъ намъ мѣшать, и не знаю, чѣмъ кончится наше дѣло. Изъ нашего журнала 18-го августа, Вы, вѣроятно, замѣтили, что комиссія желаетъ расширить понятіе усадебной осѣдлости, и это, можно сказать, единственный выходъ изъ всѣхъ затрудненій. Комитетъ принялъ предложеніе комиссіи, но нѣсколько дней тому назадъ, нѣсколько членовъ комитета, желающихъ исполнять букву предписаній въ противность

здравому смыслу и тѣмъ удержать крѣпостное право подъ другимъ именемъ, послали депутата къ министру внутреннихъ дѣлъ съ жалобою, что комитетъ отступилъ отъ его геніальныхъ соображеній, и сей послѣдній официально предписалъ комитету принять его опредѣленіе усадебной осѣдлости къ исполненію. Вслѣдствіе этого большинство комитета увѣдомило министра, что оно въ этомъ случаѣ ничего полезнаго сдѣлать не можетъ, просило его представить этотъ вопросъ на Высочайшее воззрѣніе и отправило депутацію къ Государю изъ трехъ членовъ: просить освобожденія отъ толкованій министра. Поэтому я, въ качествѣ депутата, завтра отправляюсь въ С.-Петербургъ.

Въ случаѣ же неблагопріятнаго отзыва, мы, въ числѣ 14 членовъ, собираемся подать въ отставку. Вотъ все, что у насъ дѣлается. Журналы я посылаю къ А. И. Кошелеву въ 10 экземплярахъ, и, вѣроятно, Вы получите отъ него на-дняхъ же послѣдніе до 1-го октября. Теперь нашъ комитетъ занимается составленіемъ свода свѣдѣній.

Желаю Вамъ отъ всей души успѣха. Мнѣ кажется, что надобно *дѣйствовать рѣшительнѣе*. Пожалуйста, сообщайте мнѣ, что у Васъ дѣлается, чѣмъ много обяжете.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою *А. Унковскій*.

На-дняхъ я имѣлъ удовольствіе прочесть Вашу прекрасную статью „О сельскомъ управленіи“ и надѣюсь ею воспользоваться во многомъ.

Хорошо было бы, если бъ удалось выхлопотать, чтобы одного депутата назначали губернаторы, и это, я думаю, легко можетъ осуществиться. (Подлинное въ арх. № 30.)

Приложеніе № 10.

(а) **Протестъ меньшинства противъ тайной балотировки.**

Признавая:

во-1-хъ, что доселѣ самимъ комитетомъ былъ принятъ, по всѣмъ донынѣ рѣшавшимся вопросамъ, способъ подачи мнѣній гласный;

во-2-хъ, что, сколько извѣстно, всѣ прочіе губернскіе комитеты постоянно держались той же гласности при подачѣ голосовъ гг. членами;

въ-3-хъ, что нѣтъ ни малѣйшей причины тульскому комитету отступать отъ подобнаго примѣра, въ высшей степени охранительнаго выгодъ дворянства;

въ-4-хъ, что одною только гласностью подачи своихъ мнѣній гг. члены комитета могутъ оградить себя предъ дворянствомъ, почтившимъ ихъ своимъ избраніемъ, отъ всякаго въ послѣдствіи времени недоразумѣнія насчетъ правильнаго выполненія ими своихъ обязанностей по комитету;

въ-5-хъ, что, сколько извѣстно подписавшимся, почти единодушное желаніе тульскаго дворянства состоитъ въ гласной подачѣ голосовъ гг. членами комитета;

въ-6-хъ, что дворянство Веневскаго уѣзда положительно выразило даже уѣзднымъ постановленіемъ своимъ отъ 25-го сентября нынѣшняго года желаніе, чтобы были сообщаемы ему постановленія комитета, съ обозначеніемъ мнѣній гг. членовъ;

въ-7-хъ, что законное желаніе это веневскаго дворянства можетъ быть вполнѣ достигнуто однимъ только принятіемъ полной и совершенной гласности при подачѣ своихъ мнѣній гг. членами комитета;

въ-8-хъ, что, по мнѣнію нижеподписавшихся, дворянство, довѣривъ рѣшеніе существеннѣйшихъ интересовъ своихъ членамъ, избраннымъ имъ для присутствія въ комитетѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта, имѣетъ полное несомнѣнное и безспорное право знать дѣйствія депутатовъ своихъ до послѣднихъ подробностей,

и, наконецъ, въ-9-хъ, что лестное довѣріе, дворянствомъ оказанное своимъ депутатамъ, тѣмъ самымъ налагаетъ на послѣднихъ священную обязанность дѣйствовать ясно, откровенно и гласно, не скрывая мнѣній своихъ ни отъ кого и ни въ одномъ изъ подлежащихъ ихъ обсужденію вопросовъ, какія бы для нихъ изъ этого ни могли произойти послѣдствія,—

нижеподписавшіеся отказались согласиться съ мнѣніемъ большинства гг. членовъ комитета насчетъ подачи голосовъ шарами и полагаютъ, что голоса могутъ и должны быть подаваемы гг. членами комитета никакъ не иначе, какъ гласно, въ чемъ и подали это отдѣльное мнѣніе за общею своею подписью.

(б) Рѣчь кн. Черкасскаго въ комитетѣ.

„Въ засѣданіи 16 октября комитетомъ была принята балотировка мнѣній шарами, вмѣсто гласной подачи голосовъ. Постановленіе это находится въ прямомъ непримиримомъ противорѣчіи съ буквою и смысломъ 153, 154, 156 и 157 ст. II т. Св. Законовъ, излагающихъ общія правила о производствѣ дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Несогласное съ этимъ постановленіемъ меньшинство гг. членовъ комитета, имѣло поэтому несомнѣнное право

не соглашаться даже на самое возбужденіе этого вопроса, и требовать безусловнаго принятія формъ, предписанныхъ закономъ для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ.

„Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ свободѣ мнѣній каждаго, уваженіе къ самимъ гг. членамъ большинства комитета, какъ представителямъ одного съ ними сословія, наконецъ твердое желаніе избѣгать даже внѣшняго вида всякаго правительственнаго насилія надъ чьею бы то ни было свободою, хотя бы даже во имя закона, побудило меньшинство не возставать противъ самаго возбужденія этого вопроса и принять участіе въ его разрѣшеніи, записавъ только свое отдѣльное мнѣніе въ журналъ.

„Нынѣ одинъ изъ гг. депутатовъ Чернскаго уѣзда, не довольствуясь сдѣланнымъ постановленіемъ, требуетъ безусловнаго запрещенія гг. членамъ комитета, не согласнымъ съ рѣшеніемъ большинства, представлять свои отдѣльныя мнѣнія для приложенія ихъ къ журналу.

„При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: какъ согласить подобное притязаніе съ ясно выраженнымъ нѣкогда мнѣніемъ большинства гг. членовъ комитета, что ими утверждена балотировка шарами, единственно съ цѣлью обезпечить полную свободу мнѣній всѣхъ и каждаго? И какая же доля этой свободы мнѣній будетъ предоставлена меньшинству, когда ему будетъ воспрещено даже выражать свое несогласіе подачею отдѣльнаго мнѣнія? Неужели же здѣсь не кроется самое вопіющее самопротиворѣчіе?...

„Спрашивается далѣе: если бы подобное постановленіе было возможно, то неужели рѣшеніе большинства гг. членовъ комитета пріобрѣтетъ бо́льшую нравственную силу, черезъ подобное насильственное заглушеніе свободнаго голоса меньшинства? И съ другой стороны, справедливо ли будетъ подобное нарушеніе свободы меньшинства членовъ комитета выражать свои мнѣнія, когда это самое меньшинство, первое, подало примѣръ миролюбиваго соглашенія и уваженія къ свободѣ каждаго, отказавшись настаивать во имя своего закона на гласной подачѣ голосовъ и предоставивъ большинству разрѣшеніе этого вопроса своимъ численнымъ превосходствомъ? Смѣемъ думать, что большинство гг. членовъ комитета не пожелаетъ пойти по этому скользкому пути. Наконецъ, если бы всѣ вышеприведенные доводы, внушенные намъ глубокимъ уваженіемъ ко всѣмъ нашимъ почтеннымъ товарищамъ, оказались безуспѣшными для убѣжденія гг. членовъ комитета, то мы должны будемъ, къ истинному своему прискорбію, напомнить имъ, что воспрещеніе членамъ комитета подавать отдѣльныя мнѣнія, въ несогласіи своемъ съ постановленными

большинствомъ присутствія рѣшеніями, ясно и прямо противорѣчитъ и смыслу, и духу, и буквѣ закона, выраженнымъ въ Св. Законовъ (томъ 2, ч. 1, кн. 1, ст. 160, 161, 167, 168; т. X., ч. 2, кн. 2, ст. 468, 474; т. 2, ч. 1, кн. 2, ст. 776 и 777, 1159, 1295, 1297, 1301; т. I, ч. 1, кн. 3, ст. 124 и 126).

„На основаніи совокупности всѣхъ этихъ статей, я выражаю мнѣніе, что мы не вправѣ подвергать балотировкѣ предложенія о томъ, чтобы запрещено было членамъ комитета, не согласнымъ съ рѣшеніемъ большинства, подавать отдѣльныя мнѣнія". (Изъ журн. засѣд. 4 ноября.)

Приложеніе № 11.

Отвѣтъ кн. Черкасскаго на полемику, направленную противъ него (Сельск. Бл. № 11).

Не знаю, существуетъ ли для публициста задача затруднительнѣе и неблагодарнѣе той, которая состоитъ въ пріисканіи и мелочномъ опредѣленіи переходныхъ формъ общественнаго устройства, призванныхъ служить посредствующими звеньями между отжившимъ, старымъ бытомъ и новыми желанными началами. Особенно затруднительною является задача тогда, когда писатель, самъ безусловный поклонникъ этихъ новыхъ началъ, самъ много и много лѣтъ надѣявшійся и жаждавшій ихъ полнаго торжества, ищетъ тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ практическаго имъ даваемаго обществу совѣта, взять отчасти во вниманіе не вдругъ вымирающія требованія стараго быта, боится отказать имъ въ нѣкоторомъ преходящемъ удовлетвореніи, и считаетъ себя вынужденнымъ сдѣлать тѣмъ болѣе уступокъ мнѣніямъ своихъ противниковъ, чѣмъ болѣе онъ расходится съ ними въ исходной точкѣ своего созерцанія. Очевидно, въ такихъ обстоятельствахъ ошибка слишкомъ легка и впасть въ нее бываетъ несравненно легче, чѣмъ съ полною откровенностію сознаться въ этой невольной ошибкѣ. Мысли эти напрашиваются на мое перо по случаю перваго и, по всѣмъ вѣроятіямъ, единственнаго отвѣта моего на полемику, возбужденную нѣкоторыми строками моей статьи въ 9-й книгѣ „Сельскаго Благоустройства". Мало расположенный къ полемическимъ состязаніямъ, считая вообще первою обязанностію всякаго писателя — отклонять отъ себя всякое, не предписываемое ему настоятельнѣйшею необходимостью, обращеніе къ публикѣ за собственнымъ, слишкомъ

мало для нея занимательнымъ дѣломъ,— я и теперь предпочелъ бы ограничиться такъ долго хранимымъ мною молчаніемъ, если бы не думалъ, что — какъ ни слабъ авторитетъ мой, какъ писателя, но самое это молчаніе можетъ подчасъ быть растолковано въ ту сторону, которая наименѣе можетъ быть мною допущена. Неторопливый отвѣтъ далъ мнѣ все время и всю возможность добросовѣстно провѣрить первыя впечатлѣнія и взвѣсить не только всѣ печатно высказанные доводы, но еще взять во вниманіе и множество другихъ данныхъ, доходившихъ до меня въ формѣ писемъ отъ лицъ, даже мало мнѣ знакомыхъ. Скажу съ полною откровенностью: одной этой переписки, съ ея несомнѣннымъ положительнымъ свидѣтельствомъ въ настоящемъ дѣлѣ, было бы вполнѣ достаточно, даже независимо отъ высказавшагося литературнаго единогласія по поводу мимоходомъ затронутаго мною вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, чтобъ убѣдить меня въ быстрыхъ шагахъ, пройденныхъ нашимъ общественнымъ развитіемъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ годовъ и въ совершенной, безусловной несвоевременности сохраненія за дворянствомъ права на тѣлесное наказаніе въ томъ видѣ, какъ оно предоставлено ему въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Скажу болѣе, безвозвратное минованіе этого права привѣтствуется мною съ радостію тѣмъ болѣе живѣйшею, что оно послужитъ лучшимъ ручательствомъ за неминуемость отмѣненія и всякой принудительной работы крестьянина, которая по существу своему есть не что иное, какъ смягченная форма того же рабства или крѣпостного состоянія. Къ великому счастію Россіи и само дворянство наше, какъ я могъ убѣдиться, мало озабочено желаніемъ сохранить за собою подобное право; едва ли, слѣдовательно, кто-нибудь возымѣетъ безумную мысль насильственно навязать его дворянству. Не касаюсь вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ вообще, на основаніи правильно произносимыхъ приговоровъ Приходскаго Суда. Охотно признаю, что и здѣсь цѣлыя категоріи случаевъ могутъ быть изъяты отъ подобной мѣры взысканія, всегда унизительной для человѣчества, даже тогда, когда законъ допускаетъ ее, вслѣдствіе какъ бы только вещественной необходимости; такъ напр.: могутъ быть вовсе отъ нея изъяты женщины; да и всѣ вообще виновные должны имѣть право освобождать себя отъ нея взносомъ опредѣленнаго штрафа. За симъ полное отмѣненіе тѣлеснаго наказанія по судебнымъ приговорамъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія народнаго богатства и учрежденія мѣстъ правильнаго тюремнаго заключенія. Въ этомъ отношеніи

отмѣна и преобразованіе должны, по всѣмъ вѣроятіямъ начаться не съ низшихъ, но съ высшихъ ступеней уголовнаго вмѣненія. Чѣмъ быстрѣе и полнѣе достигнутъ эти преобразованія низшихъ степеней полицейскихъ проступковъ, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ достигнута желанная цѣль и тѣмъ благотворнѣе будетъ вліять преобразованіе на общественную нравственность. Благо тѣмъ, кто водрузитъ благородное знамя реформы, и къ многочисленнымъ нынѣ совершающимся на нашихъ глазахъ перемѣнамъ присоединитъ еще одну — постепенное изгнаніе смертной казни и плети изъ нашего уголовнаго уложенія.

Передавая откровенно нашу исповѣдь, мы не можемъ не поблагодарить прежде всего самую редакцію „Сельск. Благоустр.“ за тѣ примѣчанія, которыми она снабдила нашу статью, и за то довѣріе, съ которымъ она отдѣлила наши личныя убѣжденія отъ несовершенствъ той практической сдѣлки, которую въ то время считали мы еще нужною для удовлетворенія требованій дворянства и отъ которой нынѣ отступаемся съ чувствомъ искреннѣйшей радости. Еще искреннѣе благодаримъ мы уже многочисленную у насъ, къ счастію, на Руси семью тѣхъ, кто начинаетъ въ ней живо вѣрить въ возможность и необходимость окончательнаго торжества новыхъ разумныхъ началъ и кто поспѣшилъ или печатно, или письменно обратиться къ намъ, то съ словомъ благороднаго, живо насъ тронувшаго и каждый разъ насъ радовавшаго укора, то съ искреннею просьбою взвѣсить еще разъ сказанное и не отрекаться отъ полнаго удовлетворенія встревоженной общественной мысли. Во всякомъ случаѣ, возбужденная полемика, безъ сомнѣнія, не будетъ лишена полезныхъ практическихъ послѣдствій для общественнаго дѣла; уже и этотъ, хотя, къ крайнему сожалѣнію, лишь косвеннымъ путемъ и какъ бы иными руками добытый результатъ можетъ насъ отчасти удовлетворить за многія несправедливо на насъ взведенныя обвиненія. Не эти обвиненія вызвали насъ изъ долговременнаго, упорнаго нашего молчанія, но единственно лишь желаніе дать въ возбужденномъ нами дѣлѣ рѣшительное, вполнѣ обдуманное, добросовѣстное свидѣтельство, воздерживаться отъ котораго мы долѣе не считали себя въ правѣ. Такимъ образомъ, оправдываются, быть можетъ, слова, сказанныя нами уже на первыхъ страницахъ той самой статьи, нѣкоторыя положенія которой возбудили столько споровъ. Позволимъ себѣ, въ заключеніе, повторить ихъ здѣсь: „Мы не льстимъ себя надеждой на полное удачное разрѣшеніе трудной, намъ предстоящей задачи; даже не безъ чувства невольной

робости приступаемъ мы къ ней. Но трудъ нашъ будетъ уже и тогда полезенъ, если онъ только вызоветъ болѣе дѣятельное состязаніе на этомъ поприщѣ: ибо всякое возбужденное имъ опроверженіе или дополненіе будетъ въ настоящую минуту, безъ сомнѣнія, драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для вопрошеннаго правительствомъ общественнаго мнѣнія.

Князь Владиміръ Черкасскій.

(Ноября 23. 1858 г. Тула.)

Приложеніе № 12.

Мнѣніе кн. В. А. Черкасскаго, поданное въ засѣданіи 2-го декабря и съ которымъ согласились гг. члены комитета Н. А. Елагинъ, баронъ И. И. Черкасовъ, М. А. Тихменевъ, П. Ѳ. Самаринъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. А. Ушаковъ, М. Д. Бибиковъ, И. Л. Пушкинъ.

Ваше Превосходительство!

Уже давно не упоминался въ нашемъ комитетѣ вопросъ объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ; такъ давно, что до послѣдняго засѣданія, мы могли считать его ко всеобщей пользѣ окончательно похороненнымъ. Въ послѣдній разъ одному изъ гг. депутатовъ Чернскаго уѣзда угодно было вновь вызвать этотъ вопросъ изъ того заслуженнаго забвенія, на которое, казалось, обрекала его самая сущность дѣла. Когда недѣли три тому назадъ, намъ предстоялъ тотъ же самый вопросъ, я высказалъ вамъ мои убѣжденія по этому предмету и могъ думать, что всѣ доводы къ убѣжденію товарищей нашихъ уже исчерпаны мною и гг. членами меньшинства.

Нынѣ, послѣ жалкаго трехнедѣльнаго бездѣйствія нашего комитета, не могу пропустить этотъ случай и по поводу внезапнаго возрожденія этого безплоднѣйшаго изъ всѣхъ въ средѣ комитета возникавшихъ донынѣ вопросовъ, не могу не обратиться къ Вашему Превосходительству и къ гг. членамъ комитета и не предложить вамъ нѣсколькихъ мыслей, внушенныхъ мнѣ искреннимъ желаніемъ видѣть память о нашихъ трехмѣсячныхъ занятіяхъ ознаменованною чѣмъ-либо другимъ, кромѣ одного только самаго явнаго и самаго неутѣшительнаго для дворянства бездѣйствія нашего. Не стану вновь представлять комитету и доказывать несомнѣнными печатными свидѣтельствами, что подача отдѣльныхъ мнѣній ни однимъ изъ дошедшихъ до насъ комитетскихъ уставовъ

не воспрещается членамъ, не согласнымъ съ мнѣніемъ большинства. Не стану также повторять, Вашему Превосходительству, многократно уже высказанной всѣми членами меньшинства комитета мысли, что мы, въ посягательствѣ на неотъемлемое, законное наше право – прилагать къ каждому журналу засѣданія наши отдѣльныя мнѣнія, видимъ явное стремленіе ограничить свободу нашихъ мнѣній и явное желаніе заглушить нашъ голосъ каждый разъ, когда голосъ этотъ можетъ показаться большинству или непріятнымъ, или неугоднымъ. Къ совершенному прискорбію нашему — все происходившее въ теченіе послѣдняго нашего засѣданія должно было разогнать на этотъ счетъ и послѣднія наши сомнѣнія, если бы сомнѣніямъ еще могло быть мѣсто въ нашемъ умѣ. Едва ли кто-нибудь посторонній въ силахъ будетъ повѣрить, что въ самой средѣ комитета нѣкоторыми членами большинства могло быть выражено желаніе ограничить насъ даже при внесеніи въ самый журналъ нашихъ собственныхъ словъ, заявленіе которыхъ въ журналѣ засѣданія мы считаемъ почему-либо необходимымъ. Не говорю уже о личномъ уваженіи къ мнѣнію и словамъ каждаго изъ насъ, на которое каждый изъ членовъ комитета имѣетъ несомнѣнное право, какъ помѣщикъ и дворянинъ, независимо отъ того, былъ ли онъ избранъ отъ дворянства, или назначенъ отъ правительства. Но спрашиваю откровенно,— неужели гг. члены большинства, говорившіе въ послѣдній разъ противъ свободнаго внесенія нами нашихъ словъ въ журналъ, мечтаютъ найти этой своей мысли оправданіе въ чувствѣ уваженія къ благородному дворянству, избравшему депутатовъ, приславшему ихъ сюда и тѣмъ обязавшему ихъ высказывать свои убѣжденія съ неограниченною свободою, не останавливаясь ни передъ чьимъ противорѣчіемъ? Неужели само дворянство Епифанское, Богородицкое, Бѣлевское, Одоевское и Веневское, объяснитъ особеннымъ къ себѣ уваженіемъ гг. членовъ большинства желаніе послѣднихъ остановить свободное слово на устахъ ихъ депутатовъ и не отвести даже этому слову скромнаго мѣста на страницахъ нашего журнала? Невольно приходитъ на мысль предостереженіе, мною нѣкогда высказанное гг. членамъ большинства, по поводу того же вопроса объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, предостереженіе, что путь насилія есть путь слишкомъ скользкій и что легко бываетъ на немъ оступиться...

Ваше Превосходительство, прежде чѣмъ мы приступимъ опять къ вопросу объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ и, быть можетъ, окончательно на немъ разъединимся, оглянемся еще одинъ разъ назадъ и окинемъ взоромъ тотъ путь, который мы до сихъ поръ прошли.

Неужель намъ невозможно было употребить наше время лучше и полезнѣе? Неужель меньшинство членовъ комитета не истощило всѣхъ средствъ къ тому, чтобы возбудить дѣятельность болѣе плодотворную, болѣе сообразную съ выгодами дворянства? Журналы наши свидѣтельствуютъ, какъ многократно предлагали мы назначить засѣданія чрезвычайныя, усилить число засѣданій еженедѣльныхъ, приступить къ составленію самаго проекта Положенія, дабы онъ 10-го декабря могъ быть подвергнутъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, на разсмотрѣніе и одобреніе дворянства, хотя бы только полуофиціальное. Но всѣ эти предложенія наши были постоянно отвергаемы съ самымъ полнымъ равнодушіемъ, или отстраняемы подъ предлогомъ очереди... И наконецъ, когда послѣ двукратныхъ настояній начальника губерніи, большинство рѣшилось прибавить одинъ день засѣданій, господинъ вице-президентъ, къ крайнему нашему удивленію, въ первую же середу не открылъ этого засѣданія по причинамъ, до сихъ поръ намъ неизвѣстнымъ.

За то, что и сдѣлали мы и съ чѣмъ мы предстанемъ передъ дворянствомъ? и какое извиненіе принесемъ мы ему въ своемъ бездѣйствіи?

Теперь предстоитъ намъ до выборовъ лишь только три или четыре засѣданія, послѣ чего мы, вѣроятно, разъѣдемся до начала будущаго года!

Эти четыре мѣсяца стоятъ дворянству около 20.000 руб. сер., за которыя мы заплатили ему сочиненіемъ одного только устава нашего, едва ли кѣмъ-либо внѣ этихъ стѣнъ одобряемаго, и самая замѣчательная и видная черта котораго, почти исключительно принадлежащая нашему комитету, заключается въ изгнаніи этого же самаго дворянства изъ той залы, куда всѣ мы, кромѣ г. Самарина и меня, призваны властію того же дворянства, и гдѣ мы такъ важно и такъ безплодно возсѣдаемъ. Поневолѣ приходитъ при этомъ на умъ, что не будь дворянство предварительно изгнано нами изъ этой залы, дѣла комитета, по всѣмъ вѣроятіямъ, приняли бы болѣе правильный и болѣе успѣшный ходъ!...

Впрочемъ счастливъ былъ бы комитетъ, если бы его бездѣйствіе обходилось дворянству только въ болѣе или менѣе значительную сумму денегъ и не имѣло бы для дворянства еще другихъ болѣе тяжкихъ нравственныхъ послѣдствій.

Взглянемъ дѣлу прямо въ лицо: на дворянство обращено теперь вниманіе всей Россіи; крѣпостное сословіе ждетъ отъ него обѣщаннаго ему улучшенія своего быта; правительство надѣется выслушать отъ него живое, практическое слово, тайна котораго донынѣ ни-

когда еще не изсякала въ дворянствѣ. Въ первый разъ со времени императрицы Екатерины II правительство рѣшилось обратиться къ самому обществу съ просьбою указать ему пути исхода изъ затруднительнаго положенія. Степень удачи этого опыта, мѣра соотвѣтствія дѣйствій дворянства и въ особенности дворянскихъ комитетовъ ожиданіямъ правительства и общества, безъ сомнѣнія, послужитъ мѣриломъ будущаго нравственнаго значенія дворянства. Спрашиваю, возвыситъ ли наше бездѣйствіе въ глазахъ правительства и всего русскаго общества то сословіе, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать? Не должно ли оно, напротивъ, радовать и тайныхъ, и явныхъ враговъ нашего сословія, доставляя имъ неожиданное оружіе противъ дворянства?

Напрасно станемъ мы извиняться въ своемъ бездѣйствіи намѣреніемъ вопросить дворянство 10-го декабря, узнать его желанія и цѣли! Желанія дворянства должны были мы стараться узнавать прежде, чѣмъ собрались сюда въ комитетъ. Мы имѣли случай вопросить дворянство 1-го сентября на чрезвычайномъ губернскомъ съѣздѣ; мы видѣли его и прежде того на съѣздахъ уѣздныхъ; наконецъ, нашъ журналъ 5-го сентября свидѣтельствуетъ, что цѣлый мѣсяцъ по 6-е октября (въ теченіе котораго однако не переставало расходоваться дворянское жалованье) предоставили мы себѣ на то, чтобы „пріобрѣсти необходимыя мѣстныя свѣдѣнія къ точному сознанію той цѣли, къ которой они призваны“.

Если выраженія эти понятны, если время это не безполезно нами было растрачено, то ясно мы должны были этимъ мѣсяцемъ воспользоваться, чтобы увидаться съ мѣстнымъ дворянствомъ и на мѣстѣ вопросить его объ его нуждахъ и желаніяхъ. Да и странно было бы депутату дворянства выйти изъ чрезвычайнаго собранія 1-го сентября, не справившись предварительно у дворянства объ его желаніяхъ, и рѣшиться три мѣсяца провести въ бездѣйствіи въ комитетѣ для того только, чтобъ имѣть случай вопросить дворянство именно 10-го декабря.

Едва ли дворянство оцѣнитъ подобную мистическую привязанность къ 10-му декабря и столько же мистическое отвращеніе отъ 1-го сентября и отъ всего сентября мѣсяца, включительно до 6-го октября.

Къ тому же и тогда, 1-го сентября, какъ и теперь, 2-го декабря, всѣ нынѣ насъ волнующіе вопросы уже были подняты и ясно поставлены. И тогда, какъ и теперь, всѣ мы знали, что дѣло идетъ объ избраніи обязательной работы или начала выкупа; это было

заявлено и всѣмъ извѣстною подпискою князя Долгорукова и Ив. С. Тургенева, и епифанскимъ проектомъ, и проектомъ графа А. П. Бобринскаго. Всѣ знали также, что, съ одной стороны, выполненіе задачи по программѣ неизбѣжно и что отъ нея уклониться невозможно, съ другой — что всѣ члены меньшинства комитета, безъ изъятія, лично сочувствуютъ началу земельнаго выкупа и охотно занялись бы въ комитетѣ разрѣшеніемъ вопроса и съ этой дополнительной точки зрѣнія, если бы только комитетомъ было бы положено начало своимъ существеннымъ занятіямъ.

Итакъ, съ какими же новыми вопросами, тогда намъ еще неизвѣстными, явимся мы теперь передъ дворянствомъ?...

Нѣтъ, Ваше Превосходительство, — скажу съ полнымъ несокрушимымъ убѣжденіемъ — не съ вопросами слѣдуетъ намъ теперь предстать передъ дворянствомъ, (оно довольно ихъ наслушалось), а съ черновыми проектами отвѣтовъ, которые оно могло бы выслушать, взвѣсить и оцѣнить.

Нѣтъ, мы слишкомъ многаго ожидаемъ отъ долготерпѣнія дворянства...

Вотъ почему, Ваше Превосходительство, я не только по чувству преданности своей неизбѣжному и давно созрѣвшему дѣлу упраздненія крѣпостного быта, но еще и на основаніи глубокаго сочувствія сословнымъ интересамъ дворянства, смѣю теперь возобновить свое давнишнее предложеніе — объ устраненіи вовсе нынѣ занимающаго насъ, столько же незаконнаго, сколько и несвоевременнаго, вопроса объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣю честь объявить Вашему Превосходительству, что возобновляю опять и другое мое предложеніе, сдѣланное мною уже и въ послѣднемъ нашемъ засѣданіи и которое обѣщался я повторять каждый разъ, когда мы ни будемъ собраны, покуда дѣло не увѣнчается успѣхомъ, а именно: оставить намъ въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и прямо приступить къ обсужденію 1-й главы программы.

Наконецъ, смѣю предложить еще Комитету воспользоваться послѣднею намъ остающеюся недѣлею, для назначенія ежедневныхъ чрезвычайныхъ засѣданій въ тѣ дни, которые по нашему Уставу изъяты отъ присутствія.

Надѣюсь, что Ваше Превосходительство не откажитесь эти три вопроса предложить на немедленное обсужденіе комитета; слова же мои имѣю честь передать въ Редакціонную Комиссію для внесенія ихъ въ журналъ.

Приложеніе № 13а.

Объяснительная таблица къ проекту Вольнаго Тульскаго земск. Кредитн. Общества. (Копія съ черновой кн. Черкасскаго въ арх. № 9.)

	Распредѣленіе земель по разрядамъ.	Однообразная цѣнность усадебной земли за десятину.	Цѣнность дес. земли, поступающей въ крестьянскій надѣлъ.	По-десятинный ежегодный платежъ помѣщиковъ съ господской земли.	Количество слѣдующаго помѣщику вознагражденія при надѣлѣ крестьянъ на каждую ревизскую душу.				Количество ежегоднаго оброка крестьянина съ души при надѣлѣ крестьянина на каждую ревизскую душу.					
					1 дес.[1]	1½ дес.	2 дес.	2½ дес.	1 дес.[2]	1½ дес.	2 дес.	2½ дес.	1¼[1]	1¼[2]
	Уѣзды:		Р.	К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
I	Богородицкій Епифанскій Ефремовскій Веневскій (правый берегъ Осетра)	Сто пятьдесятъ руб. серебромъ.	50	15	60.—	85. —	110.—	135.—	3.60	5.10	6.60	8.10	72.50	4.35
II	Чернскій Новосильскій Крапивенскій Тульскій		47	12½	57.30	80. 80	104.30	127.80	3.43⁸/₁₀	4.84⁸/₁₀	6.25⁸/₁₀	7.66⁸/₁₀	69.05	4.14³/₁₀
III	Веневскій (лѣвый берегъ Осетра) Каширскій Алексинскій Одоевскій Бѣлевскій		43	10	53.70	75. 20	96.70	117.20	3.23⁶/₁₀	4.51²/₁₀	5.80²/₁₀	7.03²/₁₀	64.45	3.86¹/₁₀

Примѣчанія. 1. Цѣна усадебной земли полагается по всей губерніи однообразная, а именно 150 р. сер. за десятину.

2. Для удобства расчета, въ вышеприведенныхъ исчисленіяхъ предполагалось, что среднимъ числомъ усад. земли приходится на каждую ревизскую душу ¹/₁₀ дес., которая также полагается въ число надѣла — десятиннаго, полуторадесятиннаго, двухдесятиннаго и 2½-десятиннаго на душу.

3. По-десятинный платежъ съ господской земли долженъ быть взимаемъ только съ того количества остающихся за крестьянскимъ надѣломъ господской земли, которая не превышаетъ 5-десятинной пропорціи на каждую отошедшую ревизскую душу.

Приложеніе № 13 (б).

Письмо кн. В. А. Черкасскаго къ Вел. кн. Еленѣ Павловнѣ.

Madame,[1]) V. A. I. ayez bien daigné autrefois m'autoriser à Lui soumettre quelques idées sur un plan financier quelconque applicable à l'émancipation de la classe agricole. J'ose profiter aujourd'hui de

[1]) „Ваше Императорское Высочество соблаговолили когда-то разрѣшить мнѣ представить Вамъ нѣкоторыя предположенія относительно какого-либо финансоваго плана, примѣнимаго къ освобожденію земледѣльческаго сословія. Осмѣливаюсь нынѣ воспользоваться этой драгоцѣнной милостью, чтобы доставить В. И. В. проектъ кредитнаго губернскаго банка, выработанный мною, и при немъ объяснительную записку. Въ высшей степени умѣренныя оцѣнки, положенныя въ основаніи его и подтверждаемыя свидѣтельствомъ 50-ти подписей, а также незначительность риска, сопряженнаго для правительства съ гарантіей подобной операціи, можетъ быть достаточны, чтобъ привлечь на этотъ трудъ высокое вниманіе В. И. В. Осмѣливаюсь прибавить, что оцѣнки эти должны бы, кажется, имѣть особенно своевременное значеніе въ такой моментъ, когда онѣ могутъ явиться противовѣсомъ противъ преувеличеній, которымъ въ этомъ направленіи предаются комитеты всѣхъ губерній и въ особенности тульскій.

„Печатаніе этого труда, который долженъ было появиться въ журналѣ, спеціально посвященномъ вопросу эмансипаціи „Сельское Благоустройство“ — было запрещено московской цензурой по причинамъ, доселѣ для меня непонятнымъ, вотъ почему я лишенъ возможности продставить его В. И. В. иначе, какъ въ формѣ пробнаго оттиска. По снисходительной добротѣ В. И. В. соблаговолите принять мои всенижайшія извиненія и перенесите вину не на автора, а на болѣе или менѣе разумное усердіе министра народнаго просвѣщенія.

„Осмѣлюсь ли въ концѣ привлечь вниманіе В. И. В. на ежедневно возрастающую, для дворянства и для страны, важность обсужденія системы выкупа, въ его различныхъ формахъ, а также на неминуемость глубокаго уныніи и усиленія оппозиціи въ сословіи землевладѣльцевъ, если къ несчастію онъ придетъ къ убѣжденію, что мысль о выкупѣ вполнѣ оставлена правительствомъ Е. И. В. и что даже обсужденіе этого вопроса не допускается къ печати. Отъ глубокой проницательности В. И. В. не могло ускользнуть, на сколько мысль эта пустила корни въ общественномъ мнѣніи, привыкшемъ считать ее естественнымъ спутникомъ реформы, которая, лишенная этого дополненія, можетъ привести къ самымъ бѣдственнымъ эноиомическимъ послѣдствіямъ. В. И. В. соблаговолитъ ли, наконецъ, разрѣшить мнѣ повергнуть къ стопамъ Вашимъ отъ меня и отъ жены моей выраженія нашего глубокаго уваженія и живѣйшей и глубочайшей благодарности за милостивое посланіе, которое В. И. В. поручили передать намъ черезъ зятя графа Баранова. Умоляю В. И. В. принять выраженіе нашей безграничной преданности и осмѣливаюсь назвать себя В. И. В. всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.

„Князь *Владиміръ Черкасскій*“.

cette présieuse faveur et faire parvenir à V. A. I. un projet de Banque hypothécaire provinciale élaboré par moi, suivi d'un mémoire explicatif. Les évaluations éminement moderées, qui lui servent de base et qui se trouvent confirmées par le témoignage d'une 50 de signatures, ainsi que le peu de risque que la garantie par le Gouvernement d'une opération pareille, pourrait lui faire concevoir, suffiraient peut-être pour attirer sur ce travail la haute attention de V. A. I. Me serait-il permis d'ajouter que ces évaluations acquièrent peut-être une importance particulièrement opportune dans un moment, où elles pourraient être appellées à contrebalancer les exagérations, auxquelles se livrent dans ce sens les Comités de tous les Gouvernements, et celui de Toula en particulier?

L'impression de ce travail destiné à paraitre dans une Revue spécialement vouée à la question de l'affranchissement le „Сельское Благоустройство", ayant été défendue par la censure de Moscou, pour des raisons dont jusqu'aujourd'hui il me serait impossible de me rendre compte, je me vois privé de la faculté de l'offrire à Votre A. I. autrement que sous la forme d'une épreuve préparatoire. L'indulgeante bonté de V. A. I. daignera bien Lui en faire agréer mes plus humbles excuses, et en reporter la faute non sur l'auteur, mais sur le zèle plus ou moins bien entendu du Ministre de l'Instruction.

Oserai-je avant de terminer attirer l'attention de V. A. I., tant sur l'importance tous les jours croissante qu'acquiera pour la noblesse et le pays la discussion du système de rachat, sous ses différentes formes, que sur l'imminence d'un profond découragement et d'une recrudescence d'opposition dans la classe des propriétaires, si elle finissait malheureusement par se persuader que l'idée du rachat est complètement abandonné par le Gouvernement de S. M. I. et que la discussion même en est close dans la presse. Il ne saurait échapper à la profonde pénétration de V. A. I., combien cette idée a pris racine dans l'opinion publique, habituée désormais à la considérer comme le corollaire naturel d'une réforme, qui dénuée de ce complément pourrait conduire aux conséquences économiques les plus désastreuses. Votre A. I. daignerait-Elle enfin me permettre de déposer à Ses pieds tant en mon nom qu'en celui de ma femme l'hommage de notre plus profond respect, et de notre plus vive et plus profonde gratitude du gracieux message dont V. A. I. avez daigné charger pour nous, mon beau-frère le Comte Baranoff. C'est en suppliant V. A. I. d'agréer l'expression de notre dévouement

sans bornes, que j'ose me dire Madame de V. A. I. le très humble et très obéissant serviteur *Prince Woldemar Tcherkasky.*

Приложеніе № 13 (в).

Отвѣтъ А. Абазы по порученію Вел. кн. Елены Павловны.

Mon cher Prince,

Madame la Grande Duchesse ayant reçu votre lettre et la brochure qui l'acompagne, a daigné me charger de vous remercier pour la communication de ce travail aussi complet qu'intéressant.

Son Altesse partage vos préoccupations sur la situation générale et pense comme vous que le rachat facultatif serait la seule solution définitive de la grande œuvre. Malgré une opposition des plus vives, et de nombreuses difficultés financières, cette mesure, par bonheur, ne semble pas encore entièrement écartée de la discussion.

Pour en revenir à votre travail, tout en admettant les principales idées qui servent de base au projet, Madame la Grande Duchesse appelle particulièrement votre attention sur les points suivants: Son Altesse croit que les banques locales présenteraient de graves inconvénients et qu'une opération générale en évitant des frais considérables d'administration et donnant plus d'uniformité aux titres de rente, émis exclusivement par l'Etat, paraîtrait préférable.—Madame la Grande Duchesse trouve également l'intérêt de 6%, qui serait prélevé sur la classe agricole, un peu exagéré; ce serait probablement une charge trop lourde pour les paysans, auxquels on devrait accorder, surtout au début, toutes les facilités compatibles avec le nouvel ordre de choses.

Vous répartiriez les 6% de la manière suivante: 4 1/2% au porteur de vente; ce chiffre devrait effectivement être admis, puisqu'il ressort clairement de la situation générale de notre marché,—1/2% d'amortissement; à cela Son Altesse vous fait observer que selon toute justice on pourrait léguer cette charge aux générations futures, auxquelles l'émancipation prépare d'ailleurs un si brillant avenir. Ecartant ainsi l'amortissement ce 1/2% pourrait être considéré comme une réserve destinée à couvrir les arriérés (недоимки). Cela représenterait le dixième du revenu total, et serait plus que suffisant comme prime d'assurance contre les arriérés présumables, qui ordinairement chez nous ne dépassent pas 4% pour la rentrée de l'impôt direct.

Quant au 6-ème % que vous destinez aux frais d'administration des banques locales et à la formation d'un capital de réserve, il deviendrait inutile du moment que l'on prélèverait les intérêts sous forme d'impôt direct, et que le capital même serait inscrit comme dette perpétuelle sur le Grand Livre de l'Etat.

Il résulterait de cet amendement, que les redevances des paysans ne dépasseraient pas le chiffre de 5% sur le capital avancé; or dans l'état de crise actuel on ne saurait trop craindre de surcharger la classe des cultivateurs, afin de ne pas entraver l'essor que le travail libre devra nécessairement donner à l'agriculture.

Pour ce qui est des banques provinciales, elles auraient leur raison d'être plus tard, non comme moyen de rachat, mais comme banques hypothécaires, où les propriétaires pourraient engager les terres sans paysans, afin d'obtenir un capital de revirement, indispensable au nouveau système d'exploitation agricole.

Les limites d'une simple lettre ne me permettent pas d'entrer dans tous les développements qu'exigerait un sujet aussi grave; — je termine donc en exprimant l'espoir que grâce aux zélés partisans que la question du rachat compte parmi le petit noyau d'hommes éclairés qui désirent ardemment une solution équitable, — cette grande mesure, après avoir été mûrement appreciée, et habilement élaborée, trouvera enfin son application.

Je saisis cette occasion, mon cher Prince, pour vous prier d'offrir mes hommages respectueux à M-me la Princesse et vous assurer en même temps de mon dévouement très sincère. *A. Abaza.*

P. S. Nous espérons vous voir arriver bientôt ici, comme membre de la commission centrale, qui a été formée sous la présidence du gén. Rostowtseff.

10 Mars 1859.

Дорогой князь,

Ея Высочество, получивъ письмо Ваше и брошюру, соблаговолила поручить мнѣ благодарить Васъ за сообщеніе ей труда этого, столь же полнаго, сколько и интереснаго.

Ея Высочество раздѣляетъ Ваши заботы насчетъ общаго положенія и думаетъ, такъ же какъ и Вы, что необязательный выкупъ былъ бы единственнымъ окончательнымъ разрѣшеніемъ великаго дѣла. Несмотря на сильную оппозицію и на многочисленныя финансовыя затрудненія, мѣра эта, по счастію, кажется не вполнѣ изъята изъ обсужденія.

Возвращаюсь къ труду Вашему: принимая главныя мысли, служащія основаніемъ проекту, Ея Высочество обращаетъ особенное вниманіе Ваше на слѣдующіе пункты: Ея Высочество полагаетъ, что мѣстные банки представили бы

серьезныя затрудненія, тогда какъ общая операція, избѣгая большихъ издержекъ на администрацію и давая болѣе однообразія процентнымъ бумагамъ, выпускаемымъ въ обращеніе исключительно государствомъ, казалась бы предпочтительнѣе. Ея Высочество находитъ также, что 6%, взимаемые съ земледѣльческаго класса, — нѣсколько высокій процентъ; онъ оказался бы вѣроятно слишкомъ тяжелымъ бременемъ для крестьянъ, которымъ слѣдовало бы даровать, особенно вначалѣ, всякія облегченія, совмѣстимыя съ новымъ порядкомъ вещей.

Вамъ слѣдовало бы разложить 6% слѣдующимъ образомъ: 4½ — владѣльцамъ закладныхъ листовъ; цифра эта должна была бы дѣйствительно быть принята, ибо она ясно опредѣляется общимъ положеніемъ нашего рынка, ½% погашенія; на это Ея Высочество ставитъ Вамъ на видъ, что, по всей справедливости, можно бы этотъ налогъ завѣщать будущимъ поколѣніямъ, которымъ къ тому же эманципація готовитъ столь блестящее будущее. Отбрасывая такимъ образомъ погашеніе, эти ½% можно было бы разсматривать какъ запасъ, предназначенный на покрытіе недоимокъ. Это представило бы десятую часть всего дохода и было бы вполнѣ достаточно какъ страховая премія для предполагаемыхъ недоимокъ, которыя обыкновенно не превышаютъ у насъ 4% прямого налога. Что же касается 6-го %, который вы предназначаете на расходы по администраціи мѣстныхъ банковъ и на составленіе запаснаго капитала, то таковой сталъ бы излишнимъ, разъ проценты стали бы взиматься въ формѣ прямого налога и самый капиталъ былъ бы записанъ какъ вѣчный долгъ въ книгѣ государственныхъ долговъ.

Результатомъ такого измѣненія было бы то, что подать крестьянъ не превышала бы цифры 5% на ссуженный капиталъ; а при положеніи настоящаго кризиса, нельзя достаточно опасаться отягощать классъ земледѣльцевъ, чтобы не препятствовать тому подъему, который свободный трудъ несомнѣнно дастъ земледѣлію.

Что же касается губернскихъ банковъ, то позже они могутъ стать нужными, но не какъ средства выкупа, но какъ кредитные банки, въ которые землевладѣльцы могли бы закладывать земли безъ крестьянъ, чтобы получить оборотный капиталъ, необходимый при новой системѣ земледѣльческаго хозяйства.

Границы простого письма не позволяютъ мнѣ входить въ подробное развитіе, требуемое такимъ важнымъ предметомъ; а потому кончаю, выражая надежду, что благодаря ревностнымъ сторонникамъ, которыхъ вопросъ о выкупѣ насчитываетъ среди избраннаго круга просвѣщенныхъ людей, пламенно желающихъ справедливаго рѣшенія вопроса, — эта важная мѣра — послѣ зрѣлой оцѣнки и правильной разработки — найдетъ наконецъ себѣ примѣненіе.

Пользуюсь случаемъ, дорогой князь, чтобы просить Васъ передать княгинѣ выраженіе моего глубокаго уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ вѣрьте искренней преданности моей.

А. Абаза.

P. S. Мы надѣемся скоро видѣть Васъ здѣсь въ качествѣ члена центральной коммисіи, составленной подъ предсѣдательствомъ ген. Ростовцева.

Приложеніе № 13(г).

(Письмо кн. Черкасскаго къ Ланскому.)

Ваше Высокопревосходительство!

Вамъ, какъ естественному защитнику дѣла освобожденія крестьянъ, беру смѣлость принесть жалобу на стѣсненіе, приносимое этому дѣлу цензурнымъ вѣдомствомъ, и просить ходатайства Вашего Высокопревосходительства для разрѣшенія напечатанія въ журналѣ „Сельскаго Благоустройства“ прилагаемыхъ при семъ въ корректурѣ и не пропущенныхъ московскою цензурою проекта кредитнаго общества и пояснительной къ нему записки. Изъ бѣглаго обзора ихъ В. В-во легко убѣдитесь, что и тотъ и другая написаны въ крайне безстрастномъ духѣ и съ искреннимъ желаніемъ найти разрѣшеніе этого дѣла, возможно близкое къ намѣреніямъ правительства, казалось имъ самимъ уже не скрываемымъ.

В. В-во, безъ сомнѣнія, усмотрите въ нихъ далѣе оцѣнку усадебной осѣдлости крестьянской и земель крестьянскаго надѣла, далеко отличающуюся своею умѣренностію не только отъ всѣхъ тѣхъ оцѣнокъ, которыхъ можно ожидать отъ комитетовъ, но даже и отъ всѣхъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ какимъ бы то ни было офиціальнымъ путемъ доходили до правительства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи оцѣнки эти, утвержденныя добровольнымъ подписомъ 50 тульскихъ дворянъ, составляютъ истинное пріобрѣтеніе для правительства, которое въ нихъ можетъ найти лучшее оружіе противъ всякаго рода преувеличенныхъ требованій дворянства въ близкомъ будущемъ. Несмотря, однако, на всю очевидную пользу этого проекта, печатаніе его не дозволено московскою цензурой. Не дозволяя себѣ судить, во сколько можетъ способствовать успѣху небезполезныхъ правительственныхъ изданій и во сколько можетъ подвинуть общее дѣло подобное стѣсненіе общественной мысли въ обсужденіи вопроса, не разрѣшимаго безъ сознательнаго примиренія общества съ видами и намѣреніями правительства, тѣмъ не менѣе я не могу не высказать В. В-ву, какое неблагопріятное вліяніе подобныя стѣснительныя мѣры не могутъ не имѣть на общественное мнѣніе. В. В-ву, безъ сомнѣнія, извѣстно, что главный источникъ сопротивленія, оказываемаго частью дворянства и комитетовъ видамъ правительства, заключается именно въ ихъ твердомъ и не лишенномъ основательности убѣжденіи, что

введеніе одного обязательнаго положенія, безъ надежды на окончательный выкупъ правительствомъ крестьянскихъ повинностей неминуемо повлечетъ за собою совершенное разореніе всего дворянскаго сословія. Противъ этихъ-то почти всеобщихъ опасеній старался я дѣйствовать въ совокупности съ нѣкоторыми другими членами тульскаго комитета, одновременно съ исполненіемъ Высочайше утвержденной программы пріискивая новыя примирительныя формулы для предстоящаго намъ дѣла, которыя изложены и развиты мною въ запрещенномъ для печатанія проектѣ.

Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія нынѣшніе дворянскіе выборы въ Тулѣ, 50 дворянъ охотно вызвались подписать этотъ проектъ, и до сихъ поръ мы еще продолжаемъ получать изъявленія согласій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что напечатаніе его въ повременномъ изданіи, пользующимся нѣкоторымъ вліяніемъ, еще болѣе содѣйствовало бы къ разсѣянію опасеній тульскаго дворянства и обращенію умовъ нерѣшительныхъ, и тѣмъ самымъ не только приготовило бы почву для мысли о выкупѣ, но пріучило бы даже постепенно и комитетъ, и дворянство взирать съ меньшимъ страхомъ на переходное состояніе, къ выходу изъ коего была бы заблаговременно подана надежда.

Къ крайнему сожалѣнію, запрещеніе печатать этотъ трудъ неминуемо должно будетъ убѣдить дворянство въ томъ, что правительство, уже многократно измѣнявшее свое направленіе въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно смотритъ теперь враждебно на мысль о крестьянскомъ выкупѣ и что всякія предположенія, основанныя на этомъ началѣ, заранѣе и безусловно имъ осуждены. Запрещеніе это, очевидно, должно подкосить вліяніе меньшинства комитета на ходъ его дѣлъ и притомъ не въ одномъ тульскомъ комитетѣ, но и во всѣхъ прочихъ. Съ другой стороны, оно ставитъ меньшинство членовъ комитета, и въ особенности насъ, принявшихъ званіе членовъ отъ правительства, въ отношенія самыя невыгодныя къ дворянству, отнимая у насъ всякую законную возможность доказать дворянству, что мы не только заботились объ осуществленіи видовъ правительства, но не забывали также и насущныхъ пользъ дворянскаго сословія всякій разъ, когда находили ихъ совмѣстимыми съ чувствомъ справедливости.

Смѣю думать, В. В-во, что искреннее содѣйствіе правительству людей независимыхъ заслуживаетъ и съ его стороны нѣкотораго къ нимъ довѣрія и снисходительнаго, по крайней мѣрѣ, разрѣшенія выражать свои убѣжденія, недвусмысленно, гласно и открыто всякій

разъ, когда убѣжденія эти облекаются въ серьезную форму и когда въ выраженіи ихъ тщательно избѣгается всякій неблагонамѣренный намекъ.

Въ надеждѣ на могущественное заступничество Вашего Высокопревосходительства, которое конечно всегда въ силахъ устранить подобныя грустныя явленія, я съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, В. В-во Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою.

Приложеніе № 13 (д.)

(Отвѣтъ С. Ланского.)

Милостивый Государь,
Князь Владиміръ Александровичъ!

При письмѣ отъ 13-го февраля Ваше Сіятельство доставили ко мнѣ въ корректурѣ статью: Проектъ „Вольнаго тульскаго кредитнаго общества". Не встрѣчая къ напечатанію ея никакихъ препятствій со стороны ввѣреннаго мнѣ министерства, я препроводилъ эту статью на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ.

Нынѣ господинъ министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомляетъ, что онъ не можетъ дать разрѣшенія на печатаніе Вашего проекта, такъ какъ по отзыву Господина Министра Финансовъ, на предварительное разсмотрѣніе котораго статья эта была препровождена, предлагаемый въ проектѣ способъ выкупа помѣщичьихъ земель посредствомъ выпуска закладныхъ листовъ не представляетъ достаточныхъ данныхъ для убѣжденія въ возможности осуществленія проекта на самомъ дѣлѣ и какъ обнародованіе его прежде утвержденія составленнаго Тульскимъ Дворянскимъ Комитетомъ положенія, которому онъ служитъ дополненіемъ, было бы въ настоящее время неудобно.

Вслѣдствіе сего, возвращая Вашему Сіятельству означенную статью, нужнымъ считаю присовокупить: не признаете ли Вы, Милостивый Государь, полезнымъ, представить свой проектъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ онъ будетъ принятъ въ соображеніе при обсужденіи общихъ финансовыхъ мѣръ по крестьянскому дѣлу.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

С. Ланской.

25 марта 1859 г. С.-Петербургъ.

Письмо кн. Черкасскаго къ Ковалевскому.

Ваше Высокопревосходительство
Евграфъ Петровичъ!

Милостивое расположеніе Ваше ко мнѣ во время пребыванія Вашего въ Москвѣ даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою и жалобою чуть ли не на Васъ самихъ. Предметъ жалобы — недопущеніе московскою цензурою прилагаемыхъ при семъ въ корректурѣ двухъ невиннѣйшихъ произведеній: проекта кредитнаго общества и пояснительной къ нему записки. Если Ваше Высокопревосходительство возьмете на себя трудъ пробѣжать ихъ, Вы легко убѣдитесь, что имъ не можетъ быть отказано въ полнѣйшей благонамѣренности въ смыслѣ правительственномъ. Если Вамъ угодно будетъ взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія нашей дворянской и помѣщичьей, В. В-во не откажетесь признать въ нихъ желаніе справедливаго удовлетворенія интересовъ помѣщичьихъ и мирнаго разрѣшенія всѣхъ насущныхъ затрудненій. Тщетно стараюсь я дать себѣ отчетъ въ тѣхъ причинахъ, которыя могли побудить цензуру такъ строго поступить съ мыслію, лишенною и по содержанію и по формѣ своей всякаго враждебнаго характера правительству, сословнымъ интересамъ или общественнымъ началамъ. Невольно спрашиваю себя, какое же преимущество имѣетъ въ глазахъ цензуры подобное направленіе передъ всякимъ инымъ непріязненнымъ направленіемъ; и не должно ли въ подобномъ безцеремонномъ обращеніи съ незаподозрѣнною мыслію писателя видѣть значительное и безцѣльное преувеличеніе мѣстною цензурою передаваемыхъ ей свыше и худо ею понимаемыхъ внушеній?...

В. В-во, состоящіе въ самомъ средоточіи государственнаго управленія, безъ сомнѣнія, сознаете иначе призваніе литературы и ясно усматриваете то невыгодное на общественное мнѣніе впечатлѣніе, которое неминуемо должны производить такія, ничѣмъ не вызванныя, строгія мѣры. Суровостію своею поражая людей, вѣрующихъ въ необходимость гласности, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ въ спеціальномъ дѣлѣ крестьянскаго вопроса, лишаютъ правительство нравственной опоры, находимой имъ въ свидѣтельствѣ въ его пользу передъ дворянствомъ людей равно независимыхъ и отъ него самого и отъ дворянства. Возьму смѣлость въ настоящемъ случаѣ указать, напримѣръ, Вашему В-ву хотя бы на оцѣночную таблицу усадебъ, земель и оброковъ, помѣщенную въ запрещенномъ къ печатанію проектѣ, и которая, безъ сомнѣнія, умѣренностію своею далеко пре-

восходитъ всѣ однородныя оцѣнки, не только составленныя дворянскими комитетами, но и какимъ-либо инымъ путемъ доходящія до правительства. Таблицы эти, какъ и самъ проектъ, подписаны 50-ю дворянами, и, вѣроятно, могли бы послужить въ значительной мѣрѣ къ обузданію произвола въ предстоящихъ и уже совершающихся всякаго рода оцѣнкахъ. Не очевидно ли, что запрещеніе ихъ цензурою, оскорбительное для авторскаго самолюбія, прежде и болѣе всего невыгодно для самого правительства?...

Въ заключеніе я долженъ просить Ваше Превосходительство, великодушно извинить какъ самые размѣры моего письма, такъ и откровенную смѣлость, съ которою имѣлъ честь обратиться къ Вамъ. Заранѣе убѣжденъ, что она не умалитъ милостивой ко мнѣ снисходительности Вашего Высокопревосходительства.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе того глубокаго уваженія и неограниченной преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга

Кн. В. Черкасскій.

Приложеніе № 14 (а.)

Въ 130-мъ нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1858 года г. Аксаковъ сказалъ, что князь Черкасскій, сотрудникъ „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“, состоя нынѣ членомъ Тульскаго крестьянскаго комитета, находится въ постоянной ежедневной борьбѣ. „Борьба, — говоритъ онъ, — трудная и томительная. Многое, что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти“.

Столь оскорбительныя указанія ясно направлены противъ дворянъ Тульской губерніи, ибо князь Черкасскій находится членомъ Тульскаго комитета. До сихъ поръ онъ офиціальнаго опроверженія противъ этой статьи не дѣлалъ.

Могутъ ли подобные поступки князя Черкасскаго быть терпимы дворянами Тульской губерніи и оставлены безъ вниманія тѣмъ оскорбленнымъ имъ обществомъ, въ средѣ котораго онъ до сего времени имѣлъ честь находиться.

Подлинное мнѣніе подписали предводитель Мининъ и *сорокъ* гг. помѣщиковъ Чернскаго уѣзда.

Приложеніе № 14 (б.)

Мы, нижеподписавшіеся, симъ покорнѣйше просимъ г-на исправляющаго должность Тульскаго губернскаго предводителя дворянства объявить намъ, силою какого постановленія или закона дворянству Тульской губерніи въ своемъ собраніи воспрещено разсуждать о своихъ нуждахъ и сдѣлать свое постановленіе по поданнымъ мнѣніямъ и прошенію дворянина статск. совѣтн. В. А. Норова, въ которыхъ упоминается о кн. В. А. Черкасскомъ. Неразрѣшеніе этихъ дѣлъ постановленіемъ дворянства можетъ повести къ заключенію, что дворянство лишено права разсуждать о своихъ нуждахъ и пользахъ безъ особаго правительственнаго распоряженія; безъ принятія же мѣръ противу распространеннаго литографированнаго мнѣнія кн. Черкасскаго, клонящагося къ подрыву всякаго довѣрія крѣпостныхъ людей къ избраннымъ разсуждать объ улучшеніи ихъ быта помѣщикамъ, могутъ истечь послѣдствія самыя пагубныя для семействъ дворянскихъ, потому что никто изъ среды нашей не можетъ поручиться, чтобы подобные литографированные экземпляры не были гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, кромѣ дома Дворянскаго Собранія, или дома частнаго дворянина, прочитаны простолюдиномъ крестьянину, довѣрчивому на всякій слухъ, а тѣмъ болѣе, подкрѣпленный литографированнымъ экземпляромъ съ подписью самого кн. В. А. Черкасскаго. Все же нами вышеприписанное покорнѣйше просимъ записать въ журналъ (въ копіи имѣющейся въ арх. кн. Черкасск. № 30 не указано, къ какому журналу должно быть отнесено это мнѣніе).

Приложеніе № 15.

(Изъ журн. № 23 отъ 8 янв. 1859 г.)

Мнѣніе члена Чижова относительно § 1-го 1-й главы программы заключало въ себѣ слѣд.:

Признавая обязательность Высочайшихъ рескриптовъ и отчасти циркуляровъ мин. вн. д., г. Чижовъ указывалъ, что „программа“ не принимаетъ на себя быть истолкователынницей Монаршей воли, почему не должно въ ней искать предрѣшенія вопроса. Высочайшій рескриптъ постановляетъ, что крестьяне должны быть распредѣлены на общества, помѣщикамъ же предоставляется „вотчинная полиція“. Останавливаясь на 2 первыхъ §§ министерскаго отношенія: о

переходномъ состояніи и о правахъ состоянія и выкупа усадебъ, г. Чижовъ приходитъ къ заключенію, что смыслъ переходнаго состоянія для помѣщика долженъ состоять въ томъ, чтобы предохранить его хозяйство отъ разстройства и поставить его доходы внѣ риска паденія. Онъ ставитъ вопросъ: что теряетъ помѣщикъ съ прекращеніемъ крѣпостного права? Въ данномъ случаѣ „право, даруемое одному лицу, есть прекращеніе части права другого", а потому вполнѣ справедливо „желаніе" этого лица получить вознагражденіе за лишеніе, и чтобы это лишеніе было для него какъ можно менѣе чувствительно. „Настоящая реформа съ экономической стороны не была подготовлена почти никакими ограничивающими учрежденіями". Отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ основывалось единственно на обычаѣ и преданіи, „законодательство позволяло помѣщику налагать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе раззоренія и чтобы положенное число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ ихъ работъ". (Св. Зак., т. IX, ст. 1045.) „Повинности ихъ не соразмѣрялись съ цѣнностью земли, отводимой имъ въ пользованіе; оцѣнивая то и другое, оказывается, что помѣщикъ имѣетъ нѣкоторый непосредственный доходъ отъ работъ своихъ крестьянъ, что въ законѣ называется личная повинность". Крестьянинъ какъ съ землею, такъ и безъ земли представляетъ капиталъ, соразмѣрный доходу, приносимому ихъ личною повинностью. Правительство въ Св. Зак. „о состояніяхъ" (ст. 1180, 1182, 1184, 1188 и 1195) оцѣнивало крестьянскую ревизскую душу м. п. отъ 100 до 114 р. $28^3/_4$ к. сер.; ежегодный доходъ, приносимый крестьяниномъ безъ земли, въ 5 р. $11^3/_4$ к. сер. за каждую ревизскую душу (ст.1195). Къ чему ссылаться на исторію и утверждать, что при царѣ Борисѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а не къ помѣщику, когда въ настоящее время имѣешь дѣло съ фактомъ существующимъ и закономъ признаннымъ,—„происхожденіе его не относится къ области нашихъ изысканій. Комитету необходимо обратить особенное вниманіе на личную повинность крестьянъ, на выдѣленіе ея изъ общихъ крестьянскихъ повинностей для того уже одного, чтобы отклонить отъ себя и отъ своего сословія заслуженное, но неизбѣжное нареканіе, могущее пасть на него; въ противномъ случаѣ, если комитетъ пренебрежетъ раскрытіемъ принципа личной крестьянской повинности, что же сдѣлаетъ онъ тогда съ самимъ фактомъ? Отказаться отъ него мы не можемъ, да отъ насъ и не требуютъ такой

жертвы, могущей печально отразиться на ходѣ хозяйства помѣщиковъ и на ихъ благосостояніи. Можетъ случиться одно: цѣнность личной повинности ошибочно смѣшается съ цѣнностью усадебъ, промышленныхъ или мѣстныхъ выгодъ, но это поведетъ къ обвиненію помѣщиковъ въ безмѣрной оцѣнкѣ ихъ и съ перваго шага на пути улучшенія быта крестьянъ поставитъ ихъ въ ложное и непріятное положеніе".

Въ циркулярѣ министра сказано, что срокъ переходнаго состоянія не долженъ длиться долѣе 12 лѣтъ и что при выкупѣ усадебной осѣдлости, долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими личныхъ правъ, но до окончательнаго выкупа своихъ усадебъ крестьяне не будутъ ихъ владѣльцами. „Но, — спрашиваетъ г. Чижовъ,— если личная повинность крестьянъ не будетъ снята съ нихъ выкупомъ въ теченіе переходнаго періода, какимъ образомъ пріобрѣтутъ они личныя права?" Если цифры, представляющія эту повинность, войдутъ въ оцѣнку усадебной осѣдлости, то это лишь поведетъ за собой чрезмѣрную оцѣнку послѣдней, и крестьяне предпочтутъ оставить ихъ. „Случится одно изъ трехъ: или правительство, щадя интересы помѣщиковъ, будетъ длить переходное состояніе, что, впрочемъ, сомнительно, да и не желательно; или при полноправіи крестьянъ, когда дозволится имъ переходъ, населеніе дворянскихъ имѣній оскудѣетъ; или, наконецъ, что для избѣжанія этого, помѣщики будутъ принуждены сдѣлать строгую переоцѣнку всѣхъ крестьянскихъ повинностей: т.-е. кончить тѣмъ, съ чего надо было начать". Чтобы крестьяне оцѣнили то, что имъ дается, нужно, чтобы всѣ части проекта были имъ ясны и особенно цифры точны и раздѣльны. „Если правительство откажется отъ участія въ выкупѣ личной повинности крестьянъ, и комитетъ, взамѣнъ того, продлитъ ее на переходное время, то крестьяне поймутъ справедливость этой мѣры, и съ благодарностью и спокойно будутъ ждать назначеннаго срока. Если, напротивъ, мы смѣшаемъ законное право на выкупъ личной повинности крестьянъ съ какимъ-либо другимъ правомъ, а личныя права свободныхъ обывателей дадимъ крестьянамъ безвозмездно, можетъ-быть, такое дѣйствіе и броситъ на нашъ проектъ лучъ великодушія и пожертвованія, но крестьяне не поймутъ насъ и скорѣе въ душѣ своей обвинятъ за тѣ цифры, которыя прибавятся къ оцѣнкѣ усадебъ или къ чему-либо иному".

Опредѣленіе цифры единовременнаго выкупа личной повинности, или, въ случаѣ отказа въ томъ, самой повинности до переходнаго періода, г. Чижовъ предлагалъ отложить до обсужденія VI главы

о повинностяхъ, теперь же, въ § 1 первой главы оговорить лишь право помѣщика на временное продолженіе этой повинности, редактируя § 1 слѣд. образ.: „Дворяне-помѣщики Тульской губерніи со времени Высочайшаго утвержденія и приведенія въ дѣйствіе сего Положенія отказываются отъ крѣпостного права на принадлежащихъ имъ крестьянъ. Право сіе прекращается со всѣми его послѣдствіями, какъ на дѣлѣ, такъ равно и во всѣхъ актахъ, но съ тѣмъ, что крестьяне, въ вознагражденіе своихъ помѣщиковъ, за прекращеніе выгодъ, которыя законно давало имъ сіе право, продолжаютъ въ теченіе срочно-обязаннаго ихъ состоянія отбывать помѣщикамъ часть лежавшей на нихъ личной повинности въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ VI главѣ сего Положенія".

Приводимъ дословно возраженіе кн. Черкасскаго на мнѣніе Чижова:

„Я намѣренъ послѣдовать примѣру г. Чижова и не вдаваться въ безплодное изслѣдованіе историческаго происхожденія крѣпостного права; я даже послѣдую этому совѣту болѣе, чѣмъ онъ самъ, и воздержусь даже отъ подробнаго разсмотрѣнія сущности условій крѣпостного состоянія въ томъ видѣ, какъ оно у насъ существовало до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, все это слишкомъ хорошо извѣстно каждому изъ насъ и не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія; если мы иногда въ теченіе нашихъ совѣщаній и будемъ упоминать о законахъ, на которыхъ доселѣ упиралось это учрежденіе, то намъ приличнѣе будетъ дѣлать это ради пріисканія лучшихъ средствъ къ скорѣйшему уничтоженію этихъ законовъ, чѣмъ съ цѣлью искать въ нихъ оправданія и подкрѣпленія личному крѣпостному состоянію. Г. Чижовъ приходитъ къ заключенію, что личность крестьянина должна быть выкуплена у помѣщиковъ, или если она не будетъ выкуплена, то эта личная его повинность должна быть продолжена на все время переходнаго состоянія. Онъ утверждаетъ, что, по крайней мѣрѣ, позволительно желать вознагражденія за личность. Но спрашиваю, что̀ толку въ желаніи, которое мы сами безъ всякаго сомнѣнія сознаемъ безплоднымъ? — ибо всѣ мы знаемъ, что за личность крестьянскую мы никогда и ни отъ кого не можемъ получить вознагражденія... Напрасно г. Чижовъ полагаетъ также, что можетъ пасть нареканіе на все дворянское сословіе, если оно добровольно отречется отъ личнаго крѣпостного права. Великодушіе, и притомъ только своевременное и благоразумное, никогда не навлекало нареканій на сословія, напротивъ, оно постоянно служитъ лишь къ возвышенію ихъ сословнаго политическаго положенія въ государствѣ. Скорѣе можно ожидать невыгодныхъ для дворянства результатовъ,

если бъ оно не согласилось добровольно сдѣлать благоразумныхъ уступокъ. Этихъ уступокъ явно ожидаетъ отъ насъ правительство, выставившее въ программѣ недвусмысленныя слова: „Прекращеніе личнаго крѣпостного права и дарованіе крестьянамъ правъ свободнаго состоянія“, замѣтьте мм. гг., *дарованіе,* а не продажа... Скажу болѣе, и дворянство 47 губерній единодушно въ адресахъ своихъ на Высочайшее имя, въ сущности, уже согласилось на все это, и никто изъ насъ, конечно, не имѣетъ права смѣть предполагать, чтобъ эта единодушно выраженная готовность всего русскаго дворянства была выраженіемъ чувствъ неискреннихъ. Какъ же станемъ мы спорить противъ желаній дворянства? Припоминая мысли г. Чижова, не могу однако не порадоваться искренно, что, по крайней мѣрѣ, вопросъ о вознагражденіи поставленъ имъ ясно и откровенно, и что онъ заранѣе осудилъ мысль связать вопросъ о вознагражденіи за личность съ вопросомъ объ оцѣнкѣ усадебъ. Таковой способъ обсужденія дѣла далеко предпочтителенъ двусмысленному скрытію вопроса о вознагражденіи за личность за непомѣрною оцѣнкою крестьянскихъ усадебъ и можетъ служить ручательствомъ удовлетворительнаго разрѣшенія, по крайней мѣрѣ, послѣдняго изъ двухъ вопросовъ. Но невозможно принять, съ другой стороны, что вслѣдствіе этого, и при невозможности получить капитальное вознагражденіе за крестьянскую личность, мы должны были бы продолжить самый срокъ переходнаго состоянія, которое для обѣихъ сторонъ будетъ непремѣнно равно тяжело и искусственное продолженіе котораго можетъ послужить только къ большему разоренію помѣщиковъ, а не къ возмѣщенію утраченныхъ имъ выгодъ. Замѣчу еще: не добросовѣстно было бы, конечно, отвергать въ крѣпостномъ правѣ, какъ оно у насъ нынѣ существуетъ, какъ имъ доселѣ пользовались, присутствіе личныхъ повинностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно не замѣтить, что наша губернія, по самому свойству и цѣнности почвы, къ счастью, поставлена въ такія обстоятельства, что у насъ присутствіе этой личной повинности постоянно было несравненно менѣе ощутительно, чѣмъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, что она въ благоустроенныхъ имѣніяхъ доходила почти до ничтожной цѣнности и что поэтому намъ менѣе еще приходится говорить о ней и объ ея выкупѣ, чѣмъ дворянству губерній сѣверныхъ. Наконецъ, не могу не прійти къ заключенію, что сама редакція, предлагаемая г. Чижовымъ, не достаточна и въ сущности и въ формѣ своей, ибо и въ мысли и въ выраженіяхъ ея заключается непримиримое самопротиворѣчіе: „Дворянство, — начинаетъ г. Чижовъ, — отказывается

отъ личной крѣпостной повинности, но,—продолжаетъ онъ,—съ тѣмъ, чтобы эта повинность продолжала существовать". Спрашиваю: какой же тутъ отказъ? гдѣ дарованіе? Стало-быть, все будетъ продолжаться по-старому, и мы запишемъ отказъ только въ протоколъ комитета. Напрасно возражаетъ мнѣ г. Чижовъ, что и теперь въ отпускныхъ часто прописываютъ условія отпущенія на волю, но, во-первыхъ, вольные хлѣбопашцы, не выполнившіе своихъ условій, могли по закону до сихъ поръ быть вновь возвращаемы въ крѣпостное состояніе, слѣдовательно не получили немедленно всѣхъ правъ свободнаго состоянія, которое мы теперь и безвозвратно обѣщаемъ нашимъ крестьянамъ, и, во-вторыхъ, при личномъ освобожденіи со взиманіемъ за это платы, никто не облекалъ подобныхъ дѣйствій въ форму великодушія и не имѣлъ притязанія выдавать это за дарованіе личныхъ правъ, по существу своему всегда логически предполагающее безвозмездность, пожертвованіе. Поэтому, если бы была принята мысль г. Чижова, комитетъ, смѣю думать, поступитъ откровеннѣе, если въ редакціи этой статьи не будетъ вовсе упоминать о не существующемъ на дѣлѣ отказѣ отъ личнаго крѣпостного права, и, напротивъ, прямо скажетъ, что дворянство сохраняетъ за собою это право и желаетъ имъ пользоваться попрежнему. По крайней мѣрѣ, откровенностью — мнѣніе будетъ выдержано до конца".

На это замѣчаніе кн. Черкасскаго, Чижовъ представилъ возраженіе *14-го января*, (см. журн., ст. 5) которое приводимъ дословно, такъ же какъ и послѣдовавшій затѣмъ отвѣтъ кн. Черкасскаго.

„Изъ замѣчаній кн. Черкасскаго, касательно правъ помѣщиковъ на вознагражденіе ихъ за прекращеніе личной крестьянской повинности, существенное то, что онъ признаетъ это право, но я полагаю, что признаніе права вознагражденія ведетъ за собою самое вознагражденіе. Кн. Черкасскій, напротивъ, находитъ, что дворянство 47 губерній единогласно отказалось отъ этого права, выразивъ это въ адресахъ на Высочайшее имя. Признаюсь, что усилія мои найти въ нихъ этотъ смыслъ остались безуспѣшны; тогда какъ я совершенно понимаю, почему всѣ комитеты одинъ за другимъ настаиваютъ на вознагражденіи за прекращеніе личной крѣпостной зависимости, признавая его единственнымъ, справедливымъ и правильнымъ исходомъ предстоящей реформы. Такое же разнорѣчіе происходитъ во взглядахъ нашихъ на 2-й пунктъ извѣстнаго циркуляра г. министра вн. дѣлъ отъ 5 декабря 1857 г., въ которомъ сказано, что права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ

устройствѣ, и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются уплатою владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. Я полагаю, что не должно смѣшивать вмѣстѣ два столь различныхъ предмета и привелъ на это мои доказательства; кн. Черкасскій также не признаетъ это смѣшеніе, но называетъ его двусмысленнымъ скрытіемъ вопроса о вознагражденіи за личность, тогда какъ (онъ) поставленъ г. министромъ ясно и опредѣлительно. Далѣе кн. Черкасскій приписываетъ мнѣ не читанныя мною слова, будто на дворянское сословіе падетъ нареканіе, если оно добровольно откажется отъ личнаго крѣпостного права. Я могу ошибаться, но нелѣпости говорить не могу. Въ мнѣніи моемъ сказано ясно, что нареканіе можетъ лечь на комитетъ, если онъ не отдѣлитъ личной повинности отъ оцѣнки усадебъ. Неужели не правда, что такое смѣшеніе разныхъ правъ никому не принесетъ пользы, а вреда всѣмъ надѣлаетъ много? Послѣднее замѣчаніе кн. Черкасскаго касается предположенія моего продлить на переходное время отбываніе части личной ихъ повинности, въ случаѣ, если по особымъ финансовымъ соображеніямъ будетъ отказано въ вознагражденіи за оную. Кн. Черкасскій въ этомъ предположеніи моемъ подозрѣваетъ желаніе продолжать крѣпостное состояніе и кромѣ того находитъ въ немъ противорѣчіе 1-му пункту программы, гдѣ говорится о дарованіи крестьянамъ правъ состоянія, а не о продажѣ ихъ, на это отвѣчаю: 1) я подробно изложилъ въ мнѣніи моемъ значеніе формы проекта, слѣдовательно, и термины ея словами программы; 2) дарованіе условное не противорѣчитъ смыслу закона; 3) оно согласно 2-му пункту вышеупомянутаго цирк. г. министра вн. дѣлъ; 4) срочно-обязанное состояніе по смыслу и принадлежностямъ своимъ не есть окончательный переходъ крестьянъ въ состояніе вполнѣ свободное, и не въ нашей воли сдѣлать его такимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ срочно-обязанное положеніе не есть уже и крѣпостное, а переходное отъ крѣпостного къ свободному, притомъ съ ограниченіемъ власти помѣщиковъ на личность и, слѣдовательно, трудъ крестьянина; они необходимо несутъ потери, и эти потери должны быть вознаграждены".

На это членъ *кн. Черкасскій*, обращаясь къ г. вице-президенту, сказалъ: „Ваше пр-во, не могу не отвѣчать прежде всего на обвиненіе г. Чижова, будто въ моемъ отвѣтѣ ему по поводу вопроса о выкупѣ личнаго крѣпостного права я исказилъ его слова или мысль. Слова его, на которыя я отвѣчалъ немедленно тогда же, переданы мною точно такъ же, какъ я слышалъ ихъ отъ самого г. Чижова. Конечно, въ силу нашего устава, всякій членъ комитета имѣетъ

полное право впослѣдствіи измѣнять редакцію своихъ словъ и вносить ихъ въ журналъ въ новой формѣ, и никто изъ насъ противъ этого никогда не споритъ; окончательная редакція мнѣнія г. Чижова намъ не была прочтена въ комитетѣ, и потому я не могу и не обязанъ знать, въ какомъ видѣ мнѣніе это приложено къ журналу нашему; тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что если въ этой редакціи и произошло какое-либо измѣненіе, то несправедливо было бы сѣтовать на меня за повтореніе словъ почтеннаго члена комитета въ томъ видѣ, какъ я ихъ слышалъ отъ него. Сдѣлавъ это краткое отступленіе въ оправданіе собственной добросовѣстности и не придавая, впрочемъ, этому случайному разногласію особенной важности, я прямо приступаю къ сущности дѣла. Въ отвѣтѣ моемъ г. Чижову я дѣйствительно не только призналъ существованіе у насъ доселѣ личнаго крѣпостного права, но прибавилъ еще, что недобросовѣстною счелъ бы попытку отвергать присутствіе этого элемента. Теперь готовъ опять повторить то же самое признаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я и тогда уже упоминалъ, что, впрочемъ, вслѣдствіе особенно счастливыхъ обстоятельствъ, элементъ этотъ далеко менѣе развитъ въ нашей губерніи, чѣмъ въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ. На этомъ должно остановиться и самое согласіе мое съ мыслями г. Чижова. Изъ присутствія элемента личнаго крѣпостного права, г. Чижовъ смѣло выводитъ заключеніе о необходимости его выкупить и ищетъ завлечь меня на эту почву. Къ сожалѣнію, я этого шага не могу, по убѣжденію своему, сдѣлать съ г. Чижовымъ и здѣсь окончательно расхожусь съ нимъ въ своихъ мысляхъ. Я не только не признаю вознагражденія за личное крѣпостное право, но, напротивъ, увѣренъ, что это начало, однажды допущенное нами, логически привело бы насъ къ самымъ страннымъ и ложнымъ заключеніямъ. Замѣчу, во-первыхъ, прежде всего, что, говоря о личномъ крѣпостномъ правѣ и, сожалѣя о неминуемой утратѣ его, мы слишкомъ легко и слишкомъ охотно забываемъ, что съ нашимъ пользованіемъ этимъ правомъ сопряжено множество тягостей, много тяжелыхъ и дорого намъ стоящихъ обязанностей, которыя исчезнутъ сами собою вмѣстѣ съ прекращеніемъ личнаго крѣпостного права, и снятіе которыхъ должно составить полное, весьма достаточное вознагражденіе наше за утрачиваемое нами право. Въ этомъ отношеніи я укажу вновь гг. членамъ комитета на тѣ статьи IX т. о помѣщичьихъ обязанностяхъ, на которыя недавно имѣли честь обращать ихъ вниманіе, и въ силу коихъ помѣщикъ обязанъ не только обстраивать, обсѣменять, прокармливать, лѣчить своего крестьянина

и пр., но ещё заботиться объ улучшеніи его состоянія. Очевидно, эта задача — огромная. Мы теперь забыли, къ сожалѣнію, уже тѣ отчаянные вопли дворянства, которые въ 1839 и 1840 гг. слышались въ 4 губерніяхъ, когда дворянству пришлось кормить своихъ крестьянъ, умиравшихъ съ голоду. Напрасно г. Чижовъ возражаетъ, что это временное несчастіе. Нѣтъ! то же самое повторялось въ губерніяхъ степныхъ въ 1833 и 1834 гг.; въ Псковѣ и Бѣлоруссіи — въ 1847 и 1848 гг. У насъ самихъ здѣсь, въ Тульской губерніи, сколько разъ со времени 1840 г. жаловались мы на необходимость помогать крестьянамъ при неоднократно повторявшихся съ тѣхъ поръ неурожаяхъ. Не слышимъ ли мы того же самаго и теперь? Не указывалъ ли на это обстоятельство весьма недавно въ самой средѣ комитета г. Коптевъ, и не предсказывалъ ли онъ неминуемость задолжанія намъ крестьянъ нашихъ въ теченіе предстоящаго лѣта? Не возбужденъ ли былъ этотъ вопросъ даже и въ дворянскомъ собраніи нѣсколько дней тому назадъ? Полно, слѣдуетъ ли еще далѣе останавливаться на этомъ, и не лучше ли мнѣ предоставить убѣждать г. Чижова тѣмъ изъ гг. членовъ комитета, которые такъ охотно, такъ краснорѣчиво говорятъ о пользахъ, извлекаемыхъ крестьянами изъ подчиненія своего помѣщикамъ... Обращусь теперь къ другой сторонѣ вопроса: личное крѣпостное право есть право на личность крестьянина и на часть труда его, которая превышаетъ сумму повинностей, имъ отбываемыхъ за наемъ угодій своихъ у помѣщиковъ. Очевидно, чѣмъ болѣе помѣщикъ взимаетъ съ него этого излишняго дарового труда, тѣмъ болѣе извлекаетъ онъ изъ него выгодъ, и тѣмъ дороже для помѣщика это право. Въ другихъ словахъ, хорошій и добрый помѣщикъ извлекаетъ изъ личнаго крѣпостного права менѣе, худой и взыскательный — болѣе. Для того и другого цѣнность личнаго крѣпостного права не одинакова; а слѣдовательно, и выкупъ этого права у того и другого не можетъ быть произведенъ по одинаковой цѣнѣ: чѣмъ хуже былъ помѣщикъ, тѣмъ онъ имѣетъ права на большее вознагражденіе, и наоборотъ... Милостивые государи! Достаточно будетъ только указать на подобныя логическія послѣдствія единожды принятаго ложнаго начала, дабы убѣдить каждаго въ полной несостоятельности самаго начала. На ваше собственное обсужденіе предоставляю я разсудить, можетъ ли законъ освятить такое начало, можетъ ли комитетъ его принять въ руководство и въ основаніе своего Положенія?... Напрасно г. Чижовъ возражаетъ мнѣ, что такой неравномѣрности въ расцѣнкѣ личнаго крѣпостного права не можетъ быть, потому что какая-то

статья Св. Зак. оцѣняетъ доходъ отъ личнаго крѣпостного права однообразно въ 5 р. 71 коп. сер. Смѣло отвѣчаю ему, что берусь найти ему въ Сводѣ Законовъ самыя разнообразныя расцѣнки личности крѣпостного человѣка отъ 85 руб. до 300 руб. сер. Не полагаю, что г. Чижову, однажды принявшему начало личнаго выкупа, было бы все равно видѣть его у себя выкупленнымъ по цѣнѣ за душу въ 85 руб. или 300 р. сер. Я, по крайней мѣрѣ, былъ бы къ тому далеко не равнодушенъ. Крѣпостная душа цѣнится казною въ высшей степени разнообразно, глядя по множеству условій, связанныхъ съ личностью крѣпостного человѣка или съ употребленіемъ, на которое его обрекаетъ казна. Помѣщикъ цѣнитъ его также различно, смотря по степени выгоды, имъ изъ него извлекаемой. Очевидно, и вознагражденіе должно въ строгомъ смыслѣ быть неравномѣрное каждому помѣщику и за каждаго крѣпостного. Въ другихъ словахъ: должно быть допущено и освящено начало самой странной неуравнительности..... Конечно, ни одинъ изъ гг. членовъ комитета не согласится на допущеніе ея".

На сіе г. членъ *Чижовъ* отвѣчалъ: „Дѣйствительно, въ нашемъ уставѣ положено, что слова членовъ, сказанныя въ засѣданіи изустно, вносятся въ журналъ подъ ихъ редакціею, но я въ засѣданіи 8-го января читалъ письменное мнѣніе, немедленно по прочтеніи поданное мною г. вице-президенту, и имъ тогда же помѣченное, слѣдовательно, я не могъ уже дѣлать въ немъ измѣненій. Въ этомъ мнѣніи, доказывая право помѣщиковъ на вознагражденіе за прекращеніе личной повинности и ссылаясь на ту статью Св. Зак., которая оцѣниваетъ ежегодный доходъ, приносимый помѣщику каждою ревизскою душою безъ земли, я въ то же время говорилъ, что въ этомъ случаѣ важна не цифра оцѣнки, а признаніе закономъ какъ существованія личной повинности, такъ и права помѣщиковъ на вознагражденіе въ случаѣ ея прекращенія. Какую бы оцѣнку ни сдѣлалъ комитетъ этой повинности, я не могу допустить мысли кн. Черкасскаго, чтобы худые, по выраженію его, получали противъ добрыхъ большее вознагражденіе; въ нашъ расчетъ не должны входить выгоды злоупотребленій; мы въ правѣ оцѣнивать только тѣ выгоды, которыя проистекали изъ законнаго права, а онѣ для всѣхъ помѣщиковъ должны быть приблизительно одинаковы, какъ по указанному числу рабочихъ дней въ недѣлю, такъ равно по цѣнности земли и заработной платы. Можетъ-быть, въ этомъ отношеніи случатся нѣкоторыя мѣстныя различія, но они не будутъ значительны, и притомъ въ общемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи

о крайне строгой соразмѣрности; примѣръ этому мы видимъ при оцѣнкѣ частныхъ земель, отходящихъ подъ шоссе и жел. дороги. Правительство не беретъ на себя классифицировать всѣ малѣйшія отмѣтки въ качествѣ земель, и самые владѣльцы ихъ не считаютъ себя въ правѣ требовать такого неудобоисполнимаго дѣла. Что касается до сѣверныхъ губерній, я не нахожу никакой надобности дѣлать изысканій и расцѣнокъ, гдѣ больше, — тамъ или у насъ, понесутъ денежныхъ потерь помѣщики съ прекращеніемъ крѣпостного права, — мое дѣло было доказать, что потери эти будутъ, и что поэтому онѣ должны быть вознаграждены. Въ заключеніе, не могу не отклонить отъ себя нареканія, взводимаго на меня кн. Черкасскимъ въ томъ, будто я сожалѣю о неминуемой утратѣ крѣпостного права. Можетъ-быть, такое обвиненіе было въ его расчетахъ, но для меня оно вовсе не лестно, а потому снова повторяю здѣсь въ комитетѣ, сказанное мною во всеуслышаніе, однажды, въ домѣ кн. Черкасскаго, при многихъ изъ нашихъ сочленовъ, что я исполненъ благоговѣнія къ особѣ нашего Государя, за то уже одно, что Онъ съ великодушною рѣшимостью указалъ намъ на прекращеніе крѣпостного состоянія въ Россіи".

Приложеніе № 16.

Мнѣніе князя Черкасскаго объ оцѣнкѣ усадебъ и пренія съ членомъ Новосельскимъ (журн. 44, 18-го февраля).

Ваше превосходительство! Считаю нужнымъ сообщить на обсужденіе гг. членовъ комитета нѣсколько мыслей, по поводу предстоящей имъ нынѣ къ разрѣшенію IV главы Положенія [1]) о срочно-обязанныхъ крестьянахъ. Замѣчанія мои будутъ относиться на этотъ разъ лишь къ немногимъ (въ особенности) вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ этою главою, и насчетъ которыхъ, если я не ошибаюсь, предвидится разногласіе между гг. членами. Скажу прежде всего, что я не счелъ бы удобнымъ поднимать здѣсь, въ средѣ комитета, вопросъ о возможности или невозможности для комитета установить обязательную для помѣщиковъ оцѣнку крестьянскихъ усадебъ, если бы, къ крайнему удивленію и къ неменьшему сожалѣнію, мысль эта не была представлена на обсужденіе комитета однимъ изъ гг. членовъ редакціонной комиссіи Д. Н. Коптевымъ. Я говорю о

[1]) IV гл. „Усадебное устройство крестьянъ". См. прилож. № 3.

5-мъ изъ раздробительныхъ вопросовъ[1]) на IV главу, разданныхъ намъ въ прошедшее засѣданіе. Я тогда же, немедленно, протестовалъ противъ самаго принятія къ обсужденію этого и двухъ другихъ вопросовъ[2]) (7-го и 8-го) и оговорилъ мнѣніе свое въ своей подписи къ журналу. Я совершенно убѣжденъ, что одно принятіе этихъ вопросовъ къ обсужденію, могущее повлечь за собою отвѣтъ на нихъ комитета утвердительный или отрицательный, есть уже само въ себѣ взятое дѣйствіе незаконное; ибо, какъ всѣми безъ изъятія Высочайшими рескриптами по сему предмету, такъ и самою программою, и притомъ какъ буквою, такъ и смысломъ ихъ, вопросъ объ обязательности для помѣщиковъ, возложенной на комитетъ оцѣнки крестьянскихъ усадебъ, заранѣе рѣшенъ утвердительно. Напомню гг. членамъ комитета подлинныя рубрики IV главы программы: „Въ чемъ заключается усадьба. 1) Усадебныя строенія и 2) усадебныя земли. Оцѣнка усадьбы. Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадьбы въ собственность черезъ выкупъ". Напомню имъ только подлинныя слова всѣхъ рескриптовъ: „Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа". Имѣю честь спросить у гг. членовъ комитета: неужели слова эти не такъ ясны, какъ день? Неужели ими на комитетъ не возлагается обязанность оцѣнить усадьбы? Неужели ими не дается крестьянамъ положительное право выкупать свои усадьбы по этой оцѣнкѣ? И неужели право это дѣйствительно существовало бы и неужели оно не было бы искажено и прямо уничтожено съ помощью самаго превратнаго толкованія, если бы право цѣнить усадьбы было комитетомъ предоставлено самимъ помѣщикамъ? Ибо какое же можетъ существовать серьезное право на выкупъ, если самая цифра выкупа не опредѣлена заранѣе точнымъ образомъ, если, напротивъ, опредѣленіе ея предоставляется тому самому лицу, у котораго предметъ долженъ быть выкупленъ?... Не смѣю предполагать, милостивые государи, чтобы въ средѣ нашего комитета даже самая отважная логика осмѣлилась принять начала, столь прямо про-

[1]) *Вопросъ 5-й:* „Можетъ ли быть опредѣлена самимъ комитетомъ оцѣнка усадебъ обязательно?"

[2]) *Вопросъ 7-й:* „Въ полную или неполную собственность имѣютъ быть выкуплены усадьбы?" — *8-й вопросъ:* „Должно ли быть предоставлено помѣщику право продать усадьбы крестьянамъ въ полную собственность?" (См. въ журн. 41 и 42.)

тиворѣчащія Высочайше утвержденнымъ началамъ. Точно такъ же не законны, по моему мнѣнію, и 7-й и 8-й вопросы; ибо вышеприведенными словами рескриптовъ и программы столько же ясно выражено, что крестьяне имѣютъ право пріобрѣсти свои усадьбы въ собственность, а употребленіе слова „собственность“ безъ всякой оговорки, постоянно обозначаетъ понятіе полной собственности, а не собственности ограниченной. А слѣдовательно и предложенные намъ 7-й и 8-й раздробительные вопросы суть совершенно излишніе и положительно вредны для хода дѣлъ, такъ какъ они могутъ вызвать отвѣты, прямо противорѣчащіе и буквѣ и духу ясно выраженной Высочайшей воли. Обращая, такимъ образомъ, вновь вниманіе вашего превосходительства и гг. членовъ комитета, на могущіе проистечь противозаконныя послѣдствія, изъ принятія къ обсужденію вышесказанныхъ трехъ вопросовъ, я не могу, на основаніи даннаго членамъ отъ правительства права и возложенной на нихъ обязанности, циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го декабря 1858 года, не напомнить комитету, что, принявши необязательность для помѣщиковъ комитетской оцѣнки, или уклонившись отъ нынѣ лежащей на комитетѣ обязанности самому оцѣнить эти усадьбы, или, наконецъ, не признавъ за крестьянами право выкупать свои усадьбы въ полную собственность, комитетъ ясно уклонился бы отъ Высочайше указанныхъ началъ устройства крестьянскаго быта. Въ заключеніе, я не могу не замѣтить, что независимо отъ прямой, въ силу закона, обязанности комитета произвесть оцѣнку крестьянской усадьбы, нѣтъ возможности въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ пріискать хотя малѣйшій поводъ для насъ къ тому, чтобъ намъ уклониться отъ этой прямой нашей обязанности. Несправедливо было бы ссылаться въ этомъ отношеніи на отзывы дворянъ, доставляющихъ свѣдѣнія о своихъ имѣніяхъ. Едва ли найдется самое ничтожное число ихъ, — не знаю даже, есть ли такіе отзывы, — въ которыхъ отвергалось бы право комитета цѣнить усадьбу, или выражалось бы желаніе уклониться отъ обязанности предоставленія ихъ сообразно Высочайшей волѣ крестьянамъ на выкупъ. Если бы даже нашлось незначительное число подобныхъ отзывовъ, то естественно возникаетъ заранѣе предрѣшенный уже вопросъ: можетъ ли комитетъ брать во вниманіе подобные отзывы, противорѣчащіе съ одной стороны закону, съ другой — торжественно выраженному самимъ дворянствомъ желанію — улучшить бытъ крестьянъ согласно Высочайше утвержденнымъ началамъ? И можетъ ли комитетъ, ради противо-

законныхъ и смѣшныхъ требованій нѣсколькихъ лицъ, отказаться отъ произведенія оцѣнки усадебъ, ожидаемой отъ нихъ въ силу закона всею совокупностію Тульскаго Дворянства? Уклонившись отъ обязанности своей цѣнить усадьбы, не поставитъ ли далѣе Комитетъ само дворянство въ невыгодное положеніе, вынудивъ, быть можетъ, чрезъ это само правительство произвесть эту оцѣнку своими собственными средствами, тогда какъ нынѣ оно желало предоставить это право избранному отъ Дворянства Комитету? Не поставитъ ли также Комитетъ въ самое затруднительное и непріятное положеніе тѣхъ самыхъ помѣщиковъ, которымъ онъ предоставитъ трудъ цѣнить самимъ свои усадьбы, заставивъ ихъ противъ собственной воли принять лично на себя отвѣтственность за оцѣнку усадебъ передъ тѣми самыми крестьянами, которымъ дано право выкупать эти усадьбы и которые, въ такомъ случаѣ, во всякой даже умѣренной оцѣнкѣ увидятъ противный себѣ и противорѣчащій Высочайшей волѣ произволъ помѣщичій? Благовидно ли будетъ для гг. членовъ комитета добровольно и не вынужденно принявшихъ на себя обязанности, заранѣе подробно очерченныя Высочайшими рескриптами и программою, стараться сложить съ себя отвѣтственность передъ нѣкоторыми наиболѣе взыскательными своими избирателями и свалить ее огульно на всѣхъ вообще помѣщиковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, огромное большинство надѣялось не быть поставленнымъ отъ комитета въ такое безвыходное и даже опасное отношеніе къ своимъ крестьянамъ? И, наконецъ, должно ли страшить комитетъ то разнообразіе оцѣнокъ, которое встрѣчается въ свѣдѣніяхъ, когда онъ возьметъ во вниманіе, что всѣ доставляемыя частными лицами данныя суть, какъ и самое названіе ихъ показываетъ, лишь свѣдѣнія, т.-е. матеріалы для комитетской оцѣнки, а не рѣшеніе вопроса, которое и самыя сужденія комитета по этому вопросу сдѣлало бы излишними?... Слова мои прошу ваше превосходительство благоволить внести въ журналъ...“

На это мнѣніе кн. Черкасскаго г. Новосельскій возражалъ, что князь сливаетъ двѣ мысли: обязанность произвести оцѣнку усадебъ,—съ дарованіемъ крестьянамъ права выкупа усадебъ въ полную собственность. Г. Новосельскій указывалъ, что кн. Черкасскій изъ словъ программы „оцѣнка усадебъ“ выводитъ законную обязательность для комитета цѣнить усадьбы, тогда какъ въ I т. Св. Зак., ст. 65, сказано, что „всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ, должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона“, на что указываетъ и Высочайшее повелѣніе мин. вн. дѣлъ 26 октября 1858 г. Основываясь на этомъ, комитету предстоитъ справиться въ законахъ о произведеніи оцѣнокъ.

Въ т. X, 1 ч., ст. 578 сказано, что мѣра вознагражденія за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія, предъявляется самимъ владѣльцемъ, а потому, по мнѣнію г. Новосельскаго, комитету предстоитъ опредѣлить не положительную, а среднюю оцѣнку усадебъ, основываясь на доставленныхъ помѣщиками свѣдѣніяхъ, которая затѣмъ, при составленіи акта, можетъ быть увеличена, если помѣщикъ представитъ для этого уважительныя причины. Переходя къ праву крестьянъ выкупать усадьбы въ собственность, Новосельскій доказывалъ, что если допустить аргументацію кн. Черкасскаго, то она окажется въ противорѣчіи со словами рескрипта: „помѣщикамъ сохраняется право собственности на *всю* землю" — слѣдовательно и усадебную. Въ рескриптѣ сказано тоже, что помѣщикамъ предоставляется *вотчинная полиція* надъ живущими крестьянами въ усадьбахъ. Ясно, что „право вотчинной полиціи истекаетъ изъ правъ собственности вотчинной и которую сохранить помѣщикамъ, при полной собственности крестьянъ на усадьбы, юридически нельзя, ибо тогда бы она была административная полиція, и имѣла бы названіе земской, сельской, деревенской, но не вотчинной". Выраженіе „усадебная осѣдлость" опредѣляетъ, что „назначеніе крестьянамъ въ выкупъ усадебной земли предоставляется для одной цѣли, именно: единственно подъ усадебную осѣдлость, т.-е. подъ строенія усадебныя и огороды. Назначеніе ограниченное". Наконецъ, право продажи крестьянами своихъ усадебъ ограничено программой (только однимъ членамъ сельскаго общества, или помѣщикамъ). Все это доказываетъ, что крестьяне выкупаютъ усадебную осѣдлость не въ полную, а ограниченную собственность. „Право на собственность безгранично, оно допущенное къ выкупу, насъ разъединитъ отъ крестьянъ и разорветъ вдругъ, а не „постепенно", какъ Высочайшимъ рескриптомъ указано, наши съ крестьянами отношенія". И въ заключеніе Новосельскій ссылается еще на ст. 515 X т. Св. Зак., гдѣ установлено различіе права владѣнія и пользованія отъ права собственности, на основаніи чего онъ заключаетъ, что „помѣщику можно сохранить право собственности на всю землю; а крестьянамъ въ то же время предоставить право владѣнія усадебною осѣдлостью, что прямо опредѣляетъ характеръ неполной собственности крестьянъ на усадьбы и не будетъ противорѣчить Высочайшему рескрипту".

На возраженія Новосельскаго *кн. Черкасскій сказалъ:*

„Не буду отвѣчать на первую часть возраженія г. Новосельскаго, ибо г. Новосельскій, вѣроятно, не менѣе меня самого убѣжденъ, что, установляя оцѣнку усадебъ по указанію Высочайше утвержденной программы, мы точно такъ же основываемся на законѣ, какъ того требуетъ упоминаемая имъ 65 ст. I т. Св. Зак., и онъ, вѣроятно, убѣжденъ сверхъ того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всякое спеціальное указаніе беретъ перевѣсъ надъ закономъ общимъ. Что касается до возраженія г. Новосельскаго противъ того, что усадьбы должны перейти въ полную собственность крестьянъ, я буду имѣть честь замѣтить: во-1-хъ, г. Новосельскій забываетъ, что вслѣдъ за приводимыми имъ словами Высочайшаго рескрипта: „помѣщикамъ

сохраняется право собственности на всю землю" прибавлено ограниченіе: „но крестьянамъ оставляется усадьба", и пр., гдѣ прямо выговорено право крестьянъ на выкупъ усадебъ; во-2-хъ: ограниченіе въ правѣ отчужденія усадебъ ничего не доказываетъ противъ полнаго права собственности крестьянъ на выкупленныя усадьбы. Точно такъ же и дворяне ограничены въ правѣ отчужденія населенныхъ имѣній лицамъ недворянскаго происхожденія; маіораты еще болѣе ограничены. Но неужели кто-либо станетъ утверждать, что мы владѣемъ населенными имѣніями или маіоратами не на правѣ полной собственности? Въ-3-хъ: рѣшительно нигдѣ нѣтъ указанія, чтобы крестьяне не могли усадьбы свои употребить не на что иное, какъ на огороды и подъ строенія; хотя, вѣроятно, такъ и будетъ на дѣлѣ, но единственно потому, что выкупаемое мѣсто такъ мало и ничтожно, что его съ лучшею охотою трудно употребить на что другое, особенно когда огородъ и усадебное мѣсто необходимы и нѣтъ другого мѣста для замѣны ихъ. Въ-4-хъ, наконецъ, изъ словъ „вотчинная полиція" вывести рѣшительно ничего нельзя даже и съ искусствомъ г. Новосельскаго. Г. Новосельскій забываетъ къ тому же, что крестьяне, даже выкупивъ свои усадьбы, продолжаютъ занимать полевыя угодья въ вотчинѣ помѣщика, и что уже одного этого обстоятельства достаточно для объясненія названія полиціи „вотчинной". Не могу не сказать въ заключеніе, что смыслъ узаконеній ясенъ, и что намъ слѣдуетъ держаться ихъ прямого смысла, а не произвольныхъ толкованій".

Доводы кн. Черкасскаго не убѣдили г. Новосельскаго, который возражалъ, что, по его мнѣнію, „спеціальныя узаконенія, какъ частные случаи, не перевѣсъ имѣютъ надъ общимъ закономъ, а только — объясненія общаго закона", въ подтвержденіе чего онъ опять ссылался на журн. Главнаго Комитета отъ 25-го октября, въ которомъ постановлено: „что проектъ Положенія, составленный комитетомъ, долженъ основываться не на спеціальныхъ узаконеніяхъ, проектируемыхъ въ комитетѣ, но на законныхъ основаніяхъ". Относительно усадебъ Новосельскій находилъ, что замѣчанія князя „болѣе говорятъ въ защиту мысли, что усадьбы по выкупѣ поступаютъ не въ полную собственность", и въ замѣчаніяхъ о вотчинной полиціи видитъ тоже подкрѣпленіе мысли, что она истекаетъ изъ права собственности помѣщика. Что она относится также къ усадьбамъ, видно въ 9-й гл. программы, „потому что въ ней объясняются права помѣщиковъ, не только на основаніи пользованія крестьянами полевыми угодьями, но и по „сельскому благоустройству", что не отчуждаетъ усадьбы крестьянъ отъ вліянія вотчинной полиціи, слѣдовательно и помѣщиковъ".

Князь Черкасскій возразилъ: „Не считаю нужнымъ слѣдить за г. Новосельскимъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ его мнѣнія, такъ какъ считаю

главный вопросъ уже рѣшеннымъ, происходившимъ обмѣномъ мыслей. Замѣчу только въ дополненіе къ сказанному: во-1-хъ, что начало преимущественнаго приложенія спеціальныхъ узаконеній передъ общими есть такое безспорное юридическое начало, которое вновь доказывать было бы излишне. Примѣръ мы можемъ найти, хотя бы, напримѣръ, въ приложеніи въ Остзейскомъ краѣ мѣстныхъ законовъ. Во-2-хъ: я долженъ возстановить смыслъ своихъ словъ въ томъ видѣ въ какомъ они мною высказаны: я не говорилъ и не могъ говорить о спеціальныхъ законахъ, сочиненныхъ комитетомъ, ибо комитетъ не сочиняетъ никакихъ законовъ, а только проектъ Положенія; я говорилъ о спеціальномъ для насъ вполнѣ обязательномъ узаконеніи, заключающемся въ Высочайше утвержденной программѣ, которая и по содержанію, и по цѣли, и по духу своему составляетъ исключеніе изъ общаго донынѣ дѣйствующаго законодательства".

Г. Новосельскій отвѣчалъ: „Не однѣ спеціальности нами руководить должны, ибо предостереженіе объ отступленіяхъ „вообще отъ духа государств. узаконеній" намъ указано въ журн. Главнаго Комитета, Высочайше утвержденнаго 26-го октября 1858 г."— Опредѣлили записать въ журналъ — что изъ числа 22 присутствующихъ гг. членовъ съ мнѣніемъ г. Новосельскаго согласились 14 голосовъ: слѣдуютъ подписи.

Приложеніе № 17.

Мнѣніе Кн. В. А. Черкасскаго „о надѣлѣ".

Ваше Превосходительство!

Считаю необходимымъ высказать въ средѣ комитета мысли по поводу предполагаемаго крестьянскаго надѣла, въ отвѣтъ на выразившіяся уже мнѣнія. Постараюсь представить ихъ въ возможно сжатомъ очеркѣ, будучи убѣжденъ, что при настоящемъ положеніи этого вопроса, когда онъ уже разсмотрѣнъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, достаточно будетъ ограничиться изложеніемъ однѣхъ существеннѣйшихъ его сторонъ и прослѣдить главнѣйшія послѣдствія, имѣющія проистечь изъ принятія въ дѣлѣ крестьянскаго земельнаго надѣла того или другого основанія.

Не льщу себя, конечно, надеждою заслужить то одобреніе большинства гг. членовъ комитета, котораго на-дняхъ удостоился мой почтенный другъ, И. А. Пушкинъ, защищая одно-десятинный надѣлъ

на душу. Тѣмъ не менѣе, заранѣе уже ободренный привычкою къ хроническимъ неудачамъ въ средѣ комитета, я не откажусь отъ удовольствія высказать мои мысли съ полной откровенностью.

Прежде чѣмъ приступить къ положительному разрѣшенію вопроса о размѣрахъ крестьянскаго надѣла, необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ условіяхъ, которымъ должно соотвѣтствовать новое учрежденіе и безъ тщательнаго соблюденія которыхъ, послѣднее не можетъ быть ни прочно, ни желательно. Необходимыя условія эти, безспорно, заключаются въ слѣдующемъ:

во-1-хъ, новый надѣлъ долженъ, согласно и собственному выраженію Высочайшихъ рескриптовъ и здравому смыслу, быть настолько достаточенъ, чтобъ онъ могъ обезпечить быть крестьянъ и выполненіе ихъ обязанностей къ правительству и помѣщику;

во-2-хъ, тщательно долженъ быть избѣгаемъ при утвержденіи его всякій внезапный и насильственный переломъ въ хозяйственномъ быту крестьянъ, какъ упрочившемся вѣковыми условіями, основанномъ на ихъ дѣйствительныхъ средствахъ и соотвѣтствующемъ ихъ дѣйствительнымъ нуждамъ, которыя ни въ какомъ случаѣ мгновенно измѣниться не могутъ и потому заслуживаютъ особеннаго изученія и вниманія;

въ-3-хъ, не менѣе тщательно должно быть избѣгаемо всякое сознательное поползновеніе или всякій безсознательно допускаемый поводъ къ искусственному порожденію пролетаріата и бобыльства и къ лишенію бѣднѣйшей части сельскаго народонаселенія выгодъ, порождаемыхъ самостоятельнымъ хозяйствомъ;

въ-4-хъ, новое учрежденіе должно имѣть цѣлію, естественными, имъ самимъ порождаемыми выгодами привязать крестьянина къ родной почвѣ, предотвратить въ немъ желаніе къ перемѣнѣ мѣстожительства и доставить въ его лицѣ обществу осѣдлаго гражданина, а землевладѣльцу постояннаго наемщика его земли, и, наконецъ,

въ-5-хъ, устанавливая нормальный размѣръ новаго надѣла, въ надеждѣ его ввести и осуществить на дѣлѣ, мы не должны ни въ какомъ случаѣ забывать, что приступаемъ къ самому щекотливому вопросу современнаго внутренняго устройства, существенно затрогивающему насущные интересы 20 милліоновъ жителей, ожидающихъ отъ насъ не легкомысленной игры ихъ судьбою и условіями ихъ жизни, но дѣйствительнаго ея улучшенія.

Всѣ эти первоначальныя, тѣсно связанныя между собою условія должны быть положены въ основаніе новаго учрежденія, нами нынѣ вырабатываемаго. Послѣднее только тогда будетъ заключать въ себѣ достаточные залоги успѣха и только тогда можетъ быть достойно

принятія и утвержденія своего правительствомъ, когда каждое изъ вышесказанныхъ условій будетъ, по мѣрѣ возможности, взято нами во вниманіе и взвѣшено, и когда ни одно изъ нихъ не будетъ принесено въ жертву близорукимъ требованіямъ сословнаго эгоизма.

Три главныхъ пути предстоятъ намъ къ разрѣшенію всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ этимъ вопросомъ. Ихъ можно назвать: системою существующаго нынѣ надѣла, системою надѣла недостаточнаго и, наконецъ, системою средняго надѣла. Разсмотримъ достоинства и недостатки каждой изъ нихъ.

Утвержденіе за крестьянами нынѣ существующаго земельнаго надѣла ихъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, наипростѣйшее и едва ли съ общей государственной точки зрѣнія не самое практическое разрѣшеніе вопроса.

Имъ утверждается за крестьянами то количество земли, которымъ они до сихъ поръ владѣли и которое по этому самому очевидно достаточно для обезпеченія за ними средствъ къ существованію и отправленію всякаго рода повинностей; имъ предотвращается далѣе обрѣзываніе помѣщиками у крестьянъ части надѣла, для послѣднихъ часто совершенно необходимой, и вмѣстѣ съ этимъ устраняется многотрудное дѣло регламентаціи этого обрѣзыванія; наконецъ, имъ устраняется главный поводъ къ враждебнымъ, на первый случай, столкновеніямъ между обоими сословіями, которыя слишкомъ легко могутъ возникнуть, если вопросъ о надѣлѣ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для крестьянъ, и дворянство пожелаетъ на дѣлѣ осуществить такое рѣшеніе. При сохраненіи существующаго надѣла, очевидно, можетъ возникнуть только, во-1-хъ, вопросъ объ образѣ производства обмѣна черезполосныхъ земельныхъ участковъ между помѣщиками и крестьянами; во-2-хъ, вопросъ о нормальномъ надѣлѣ крестьянъ въ имѣніяхъ оброчныхъ, гдѣ крестьяне владѣли до сихъ поръ всею землею и притомъ въ количествѣ, превышающемъ значительнѣйшіе надѣлы крестьянъ барщинскихъ. Очевидно поэтому, что сохраненіе существующаго надѣла значительно сократило бы трудъ и хлопоты законодателя и упростило бы всю его задачу.

Противъ принятія существующаго надѣла за общее правило дѣйствительно говорятъ два обстоятельства: во-1-хъ, увеличеніе черезъ это затрудненій въ пріисканіи способовъ къ справедливому вознагражденію дворянства, за убытокъ имъ понесенный; во-2-хъ, неизбѣжно возникающая также черезъ то для крестьянина трудность, вынести то возвышеніе подати, которое естественно влечетъ за собою выкупъ весьма значительнаго надѣла.

Считая добросовѣстное капитальное вознагражденіе дворянства и выкупъ крестьянскихъ земель единственнымъ удовлетворительнымъ и притомъ необходимымъ окончаніемъ предпринятаго преобразованія, я смѣю думать, что вышесказанныя два соображенія не могутъ не быть взяты во вниманіе, какъ равно оберегающія существеннѣйшія выгоды обоихъ сословій; а потому на основаніи ихъ, по моему мнѣнію, должно быть отступлено отъ основного начала существующаго надѣла съ тѣмъ однакоже, чтобы крестьянскій надѣлъ былъ назначенъ вполнѣ удовлетворительный и достаточный, и чтобы, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ и среднихъ степеняхъ надѣла послѣдній оставался количественно и качественно неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ установляется понятіе о среднемъ надѣлѣ,— мой взглядъ, на который я буду имѣть честь выразить въ заключеніе моего мнѣнія.

Самая распространенная, если не ошибаюсь, въ нашемъ комитетѣ мысль есть система недостаточнаго надѣла крестьянина землею. Такимъ надѣломъ сами защитники этого мнѣнія почитаютъ надѣлъ отъ 1 до $1^1/_2$ десятины на душу.

Мысль о такомъ надѣлѣ находитъ себѣ защитниковъ не только въ большинствѣ гг. членовъ комитета, но даже и въ меньшинствѣ его, заимствуя отъ тѣхъ и другихъ нѣкоторый особенный оттѣнокъ.

Основанія, общія тѣмъ и другимъ защитникамъ этого начала, могутъ, кажется, быть выражены слѣдующимъ образомъ: во-1-хъ, они полагаютъ, что опредѣленіе крестьянамъ надѣла достаточнаго, неминуемо поведетъ крестьянъ къ самой полной безпечности и лѣни и убьетъ въ нихъ всякую склонность къ труду; во-2-хъ, къ опредѣленію надѣла недостаточнаго ихъ побуждаетъ мысль, что при новомъ порядкѣ вещей взысканіе повинностей, за отводимый крестьянамъ земельный надѣлъ, окажется слишкомъ затруднительнымъ; наконецъ, въ-3-хъ, они видятъ въ недостаточномъ надѣлѣ лучшее средство привесть крестьянина къ вынужденному найму въ батраки въ помѣщичьи хозяйства.

Первая изъ этихъ трехъ мыслей была уже многократно опровергаема; тѣмъ не менѣе она, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ повторяться до тѣхъ поръ, покуда вопросъ не будетъ окончательно разрѣшенъ жизнью, ибо слишкомъ легко и удобно бываетъ почерпать доказательства изъ безотвѣтственной области гаданій, упорно отвергая явленія, уже теперь совершающіяся на нашихъ глазахъ, и облекая свои сужденія въ форму общихъ, всегда спорныхъ приговоровъ на

несовершенства человѣческой природы. Послѣдователямъ этой мысли достаточно будетъ указать на примѣры, слишкомъ мало подтверждающіе ихъ воззрѣніе: на всѣ промышленныя губерніи, гдѣ огромный и часто (при всемъ низшемъ качествѣ земли) весьма цѣнный надѣлъ оброчныхъ крестьянъ не мѣшаетъ имъ вести самую дѣятельную жизнь и постепенно итти впередъ на пути обогащенія и развивающейся промышленной дѣятельности; далѣе — на имѣнія оброчныя и достаточно надѣленныя землею въ самой нашей губерніи, каковыхъ считается нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, хотя бы, напримѣръ, на имѣніе графа А. А. Бобринскаго, пользующееся почти 4-десятинною пропорціею земли въ одномъ изъ лучшихъ уѣздовъ Тульской губ.; наконецъ, и на самыхъ казенныхъ крестьянъ, владѣющихъ въ Тульской губерніи въ средней сложности $3^{6}/_{10}$ десятинами на душу и во множествѣ мѣстностей еще принимающихъ себѣ земли въ значительномъ количествѣ, и вопреки мнѣнію большинства дворянства, стоящихъ далеко не на той низкой ступени развитія, какая имъ обыкновенно приписывается нашею братіею, помѣщиками. Трудно въ особенности понять, какимъ образомъ могутъ освоить себѣ подобную мысль о неминуемомъ, при достаточномъ земельномъ надѣлѣ, упадкѣ народной нравственности лица, видящія уже въ одной свободѣ человѣка лучшее ручательство за развитіе его въ будущемъ; ибо самыя здравыя начала экономической науки убѣждаютъ насъ, что если драгоцѣнна личная свобода, и свобода человѣческаго труда, то отъ дружнаго содѣйствія этой внутренней духовной силѣ другой вещественной силы, капитала, первая не только не должна ослабнуть, но развѣ лишь можетъ получить полное свое развитіе и совершенное приложеніе. Въ этомъ отношеніи послѣдовательный поклонникъ здравыхъ экономическихъ понятій долженъ развѣ лишь пожалѣть о томъ, что капиталъ или орудіе производства, въ видѣ земельнаго надѣла даваемый нами крестьянину, по необходимости еще слишкомъ ничтоженъ; а неотъемлемое у крестьянина чувство сознанія своей личной выгоды должно вполнѣ успокоить всякое сомнѣніе насчетъ правильнаго употребленія имъ этого капитала и извлеченія изъ него для себя возможно большей выгоды.

Говорятъ далѣе — повинности наши будутъ плохо обезпечены новымъ положеніемъ, слѣдовательно, лучше рисковать меньшимъ...

Но отчего не постараться скорѣе выработать такое положеніе, при которомъ повинности наши были бы лучше обезпечены? Зачѣмъ такъ равнодушно махать рукою на все то, что можетъ быть сдѣлано съ пользою? Конечно, легче и пріятнѣе довольствоваться одною кри-

тикою, объявлять дѣло совершенно невозможнымъ и вслѣдствіе этого потакать всеобщему направленію, требующему недостаточнаго надѣла крестьянина, не взирая на всю явную для государства и дворянства опасность подобнаго рѣшенія. Но не лучше ли было бы рѣшиться подать дворянству благой, хотя и непріятный ему совѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поискать средствъ къ предотвращенію будущихъ неисправностей въ отправленіи повинностей?

Средство это указано намъ самимъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ въ секретномъ отношеніи его къ Виленскому генералъ-губернатору отъ 21 ноября 1857 г. за № 36. Здѣсь именно указывается на право помѣщика, въ случаѣ неисправности крестьянина, „лишать его того участка земли, коимъ сей крестьянинъ пользуется“.

Право это, по моему мнѣнію, вполнѣ обезпечиваетъ помѣщика, и при существованіи этого права нѣтъ никакой причины такъ несоразмѣрно ограничивать крестьянскій земельный надѣлъ. Съ признаніемъ за помѣщикомъ этого права, отъ насъ самихъ зависитъ дальнѣйшее обезпеченіе полной исправности крестьянина: исправность эта будетъ отселѣ главнымъ образомъ зависѣть отъ благоразумной умѣренности налагаемыхъ на него повинностей и отъ утвержденія за нимъ достаточнаго надѣла земли, а не одного только, какъ бы образчика того чернозема, котораго мы въ дѣйствительности собираемся лишить его навсегда.

Напрасно скажутъ, что правительство не утвердитъ этого права за дворянствомъ. Уже одно ясное, недвусмысленное указаніе его въ вышесказанномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ естественно заставляетъ предполагать противное; тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой достаточной причины для правительства отказать дворянству въ этомъ необходимомъ обезпеченіи, которое весьма легко согласить съ неотъемлемымъ правомъ пользованія всего сельскаго общества на всю совокупность предоставленной ему въ надѣлъ земли. Если же можетъ настоять малѣйшее сомнѣніе въ видахъ на этотъ счетъ правительства, то лучше употребить на достиженіе этой возможной и законной цѣли ту энергію, которую большая часть комитетовъ, къ сожалѣнію, потрачиваетъ на исканіе цѣлей, столько же не осуществимыхъ, сколько онѣ и сами по себѣ вредны, если бъ онѣ могли когда-либо осуществиться.

Если къ тому же мы однажды станемъ на эту почву и захотимъ впередъ предугадывать, что правительствомъ будетъ принято изъ нашихъ предположеній и что имъ должно быть отвергнуто, то спрашиваю по совѣсти: неужели правительство можетъ согласиться

на явно недостаточный надѣлъ, на основаніи именно этой своей недостаточности избираемый и предлагаемый ему комитетомъ? Какое нужно ослѣпленіе, чтобы не видѣть всю несостоятельность предложенія, дѣлаемаго правительству съ такою непринужденною откровенностью? И если правительство, какъ необходимо должно ожидать того, отвергнетъ предлагаемый ему размѣръ столь явно недостаточнаго надѣла, то не рискуемъ ли мы видѣть, какъ по собственной нашей винѣ можетъ внезапно быть утвержденъ хотя бы надѣлъ нынѣ существующій, для правительства безхлопотный, для дворянства самый невыгодный. Плохая же услуга будетъ въ такомъ случаѣ оказана нами дворянству!...

Третье основаніе малаго надѣла, есть, какъ я сказалъ, самая его явная и очевидная недостаточность, долженствующая, по мнѣнію защитниковъ его, побудить крестьянъ искать постороннихъ заработковъ, а помѣщичьимъ хозяйствамъ доставить вольнонаемныхъ работниковъ.

Почтенный другъ мой, И. А. Пушкинъ, выразился съ полною откровенностью — онъ желаетъ малаго надѣла и пролетаріата. Г. Волоцкой въ прочитанномъ имъ на-дняхъ мнѣніи, къ которому пристали и гг. Левицкій, Игнатьевъ и Марковъ, выразился почти также ясно: „Наименьшій надѣлъ, вѣроятно, не удовлетворитъ всѣхъ потребностей крестьянина, но, конечно, поставитъ его въ необходимость работать за умѣренную плату“...

Читая послѣднія слова, невольно задаешь себѣ вопросъ, не ошибся ли г. Волоцкой и не хотѣлъ ли онъ сказать „за неумѣренно низкую плату?“ Таковъ, по крайней мѣрѣ, необходимый логическій выводъ всей его мысли.

Итакъ, намъ необходимъ пролетаріатъ; намъ необходимо отнять у крестьянина даже ту степень вещественной обезпеченности, которою онъ пользовался до сихъ поръ; намъ нужно оставить его безоружнымъ въ предстоящей ему борьбѣ съ капиталомъ; намъ нужно, въ видахъ обѣщаннаго ему улучшенія его быта, напередъ установить такой порядокъ вещей, который послужилъ бы къ немедленному, искусственному разоренію бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ, дабы изъ самостоятельныхъ домохозяевъ обратить ихъ въ разрядъ бобылей-батраковъ. Словомъ, при нашемъ многоземеліи и при всеобщемъ недостаткѣ у насъ рабочихъ средствъ, мы мечтаемъ утвердить наше благосостояніе на предварительномъ разореніи части крестьянъ и на искусственномъ сокращеніи части рабочихъ средствъ крестьянскихъ.

Мм. гг., довольно ли ясно я представилъ то несмѣтное множество экономическихъ несообразностей, которыя кроются въ этихъ немногихъ словахъ? О другой, нравственной сторонѣ этого вопроса, я умалчиваю: пусть каждый обратится къ собственной совѣсти....

И между тѣмъ, мм. гг., даже и тогда, когда бы теорія недостаточнаго одно-десятиннаго надѣла восторжествовала, и тогда, я увѣренъ въ томъ, не всѣ ожидаемые результаты осуществились бы на дѣлѣ. Бѣднѣйшая часть крестьянъ, безъ сомнѣнія, дѣйствительно обратится въ бобылей и будетъ вынуждена искать себѣ заработковъ. Но увы! она пойдетъ ихъ искать не столько въ нашихъ сельскихъ хозяйствахъ, сколько въ городахъ и дальнихъ промыслахъ, которые даже и въ густонаселенныхъ европейскихъ центрахъ преимущественно привлекаютъ къ себѣ сельское народонаселеніе, а у насъ ему еще долго будутъ представлять открытый и непрестанно развивающійся рынокъ и спросъ: ибо нигдѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, сельское хозяйство не можетъ предложить работнику той заработной платы, которую легко уплачиваютъ ему другіе промыслы. Итакъ, часть крестьянъ нами дѣйствительно будетъ обездомлена, искусственнымъ образомъ отвлечена отъ земледѣлія и направлена въ города и фабрики; мы же, добровольно лишившись части полевыхъ наемщиковъ, не пріобрѣтемъ батраковъ, и справедливо понесемъ наказаніе за легкомысленный нашъ эгоизмъ.

Тогда-то, мм. гг., мы догадаемся, но слишкомъ поздно, что для насъ былъ выгоднѣе достаточный надѣлъ, доставляющій каждому крестьянину съ самаго перваго дня новаго устройства способы къ поддержанію своихъ рабочихъ средствъ и къ ихъ постоянному употребленію, — надѣлъ, поощряющій каждаго изъ нихъ, даже бѣднѣйшаго, не переводить свое хозяйство, но усиливать и усовершенствовать его, — надѣлъ, доставляющій помѣщикамъ, по крайней мѣрѣ и во всякомъ случаѣ, непрестанно возрастающій спросъ на наемъ ихъ пустопорожнихъ земель, привязывающій, наконецъ, крестьянина къ его родной почвѣ, къ любимымъ бороздамъ и противодѣйствующій пагубному расположенію къ городской и фабричной жизни. Я убѣжденъ, мм. гг., что такое достаточнымъ надѣломъ естественно вызываемое сосредоточеніе всего народонаселенія въ деревняхъ, отвлекая крестьянъ отъ дальнихъ промысловъ, и намъ самимъ и нашимъ хозяйствамъ скорѣе доставитъ нѣкоторую необходимую часть вольнонаемныхъ работниковъ. Едва ли, мм. гг., результаты совершаемаго нами теперь опыта, въ какомъ бы смыслѣ онъ ни былъ предпринятъ, не должны будутъ убѣдить насъ въ глубокой

справедливости пословицы, изобрѣтенной самымъ практичнымъ и вмѣстѣ самымъ себялюбивымъ народомъ въ мірѣ, англичанами, что честность есть лучшая изъ политикъ — „honesty is best policy".

Защитники малаго надѣла скоро поняли всю слабость своей теоріи и невозможность для государства согласиться на принятіе ея. Г. Пушкинъ первый старался исправить ее, предложивъ, сверхъ первоначальнаго десятиннаго надѣла на общемъ основаніи, еще второго рода надѣлъ для отдачи его въ наемъ крестьянамъ по таксѣ, разсчитанной на постоянно возвышающуюся цѣну ржи, съ правомъ отбора этой земли у неисправнаго крестьянина. Г. Бибиковъ согласился съ нимъ. Г. Волоцкой предложилъ ту же мысль въ искаженномъ видѣ и потребовалъ отдачи крестьянину этого дополнительнаго надѣла исполу, и притомъ въ видѣ права помѣщика на отягощеніе крестьянина, но не въ видѣ права крестьянина на дополнительный надѣлъ.

Излишне было бы подробно разбирать здѣсь столь явно само себя осуждающее предложеніе г. Волоцкаго; странно только подумать, что г. Волоцкой не вспомнилъ, что въ Каширскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ живетъ, крестьянина нужно будетъ побуждать розгами брать запольную землю, по совершенной ея тамъ непроизводительности. Г. Волоцкому невозможно не знать, что половническая система, вездѣ и всюду крайне несовершенная въ экономическомъ смыслѣ, еще кое-какъ возможна лишь на богатой черноземной почвѣ лучшихъ уѣздовъ, въ Каширскомъ же уѣздѣ, и притомъ въ особенности на запольныхъ его земляхъ, она представляетъ верхъ хозяйственной несообразности.

Возвращусь къ предложенію гг. Пушкина и Бибикова. Основательный хозяйственный смыслъ ихъ, вѣроятно, безъ моего указанія оцѣнилъ уже экономическіе недостатки, неизбѣжно сопряженные съ предлагаемымъ ими по необходимости дополнительнымъ надѣломъ. Одинъ изъ первыхъ недостатковъ этого надѣла, недостатокъ существенный, какъ онъ ни плѣнителенъ на первый взглядъ, состоитъ именно въ опредѣленіи платы за него сообразно средней сложности измѣнчивыхъ, часто непомѣрныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Мысль подобнаго опредѣленія ренты, вмѣсто оброка денежнаго, можетъ быть почтена справедливою лишь тогда, когда она прикладывается къ землямъ, отдаваемымъ въ аренду для производства на нихъ хлѣба, который имѣетъ поступить въ продажу; въ такомъ случаѣ справедливо, чтобы фермеръ, дороже продающій свой хлѣбъ въ дорогой годъ, платилъ и арендную плату, постоянно и тѣсно соразмѣримую съ цѣною того самого товара, который имъ

производится на этой землѣ. Въ отношеніи къ крестьянину, получающему въ надѣлъ количество земли, едва-едва достаточное для его прокормленія, и произведенія коего, какъ всѣмъ намъ извѣстно, никогда не могутъ появиться на рынокъ, подобное учрежденіе было бы безусловно несправедливо и жестоко; ибо крестьянинъ, самъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ потребляющій произведенія даннаго ему земельнаго надѣла, очевидно, не выигрываетъ ничего чрезъ то, что потребляетъ хлѣбъ, стоющій не рубль, но два рубля за пудъ. Напротивъ, намъ всѣмъ хозяевамъ положительно извѣстно, что дорогой хлѣбъ отзывается на крестьянинѣ дешевыми заработками, очевидно, такимъ образомъ уменьшая доходъ крестьянина въ самомъ источникѣ его, а не усиливая этотъ доходъ. И притомъ чѣмъ ограниченнѣе крестьянскій надѣлъ, тѣмъ больше и тѣмъ разительнѣе несправедливость наложенія на него оброка, разсчитаннаго по хлѣбнымъ цѣнамъ, ибо такой скудный надѣлъ тѣмъ неизбѣжнѣе ставитъ крестьянина въ необходимость покупать соразмѣрно большую часть дорогого хлѣба на свое собственное пропитаніе.

Второй экономическій недостатокъ устройства, предлагаемаго г. Пушкинымъ и Бибиковымъ, есть то неизбѣжное хозяйственное сиротство, на которое, естественно, обрекается принадлежащая къ дополнительному надѣлу земля, не знающая себѣ настоящаго, постояннаго хозяина и, конечно, не унавоживаемая наемщикомъ, который владѣетъ рядомъ съ нею собственною ближайшею землею. Очевидно, наемщикъ предпочтетъ усердно вспахивать первую, а вторую обращать въ тучный огородъ или конопляникъ. Черезъ 10, 15, 20 лѣтъ, смотря по свойству почвы, истощенный дополнительный надѣлъ окажется никуда негодною землею; скупою рукою, повидимому, сбереженный дворянскій капиталъ утратитъ всю свою цѣнность, и помѣщикъ потерпитъ очевидный, значительный убытокъ. А между тѣмъ, въ-третьихъ, зло все-таки будетъ нанесено крестьянину, и бездомное бобыльство этимъ дополнительнымъ надѣломъ не будетъ предотвращено, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, помѣщикъ отъ произвола коего будетъ зависѣть отдача съ самаго начала этой земли въ наемъ тому или другому крестьянину, предпочтетъ отдать ее нѣсколькимъ богатымъ крестьянамъ, чѣмъ входить въ мелочные расчеты съ каждымъ крестьяниномъ порознь или разложить ее по тяглямъ на весь тотъ самый міръ, съ которымъ гг. Пушкинъ и Бибиковъ желаютъ именно избѣжать, по возможности, всякихъ сношеній; а съ поступленіемъ этой земли въ нѣсколько избранныхъ рукъ, она, очевидно, должна будетъ къ безвозвратному

ущербу бѣднаго крестьянина, оставшагося при первоначальномъ недостаточномъ своемъ клочкѣ, или сохраниться въ исключительномъ пользованіи этихъ сельскихъ богачей, или не иначе переходить отъ нихъ во вторую отдачу крестьянамъ бѣднѣйшимъ, какъ со взиманіемъ съ нихъ за это неизбѣжнаго и разорительнаго лихвеннаго роста. Такимъ образомъ постепенно водворится и у насъ правильное повтореніе уже испытанной на дѣлѣ ирландской системы!

Если, напротивъ, г. Пушкинъ приметъ за правило первоначальную раздачу этого дополнительнаго надѣла и разверстку его на тягла. съ правомъ отобранія земли лишь у неисправныхъ, то это двойственное устройство надѣла будетъ лишь повтореніемъ того, что. какъ уже сказано мною прежде, я считаю справедливымъ ввести въ отношеніи не къ одному только дополнительному надѣлу, но какъ общее правило для всей крестьянской земли, а потому и устройство это будетъ для помѣщика далеко не выгоднѣе того, которое предлагается мною.

Г. Пушкинъ не сообщилъ подробныхъ основаній своего предположенія. Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, онъ неминуемо долженъ будетъ встрѣтиться съ однимъ изъ трехъ слѣдующихъ результатовъ: или съ полнымъ произволомъ помѣщика въ дѣлѣ раздачи земель второго надѣла и, слѣдовательно, съ опасностью немедленно и искусственно отяготить участь крестьянъ и безъ того уже бѣднѣйшихъ; или со всѣми неудобствами крайне-подробной регламентаціи, неизбѣжно отдающей помѣщика въ руки чиновниковъ, назначенныхъ блюстителями за правильнымъ употребленіемъ дополнительнаго надѣла; или, наконецъ, съ принятіемъ для этого надѣла въ сущности тѣхъ же самыхъ правилъ, которыя постановлены будутъ для перваго коренного надѣла, а слѣдовательно, и съ убѣжденіемъ, что выгоднѣе всего остаться при однообразной организаціи всего крестьянскаго надѣла, единожды назначеннаго въ размѣрахъ достаточныхъ.

Мм. гг., до сихъ поръ опровергая теорію малаго надѣла, я постоянно имѣлъ въ виду, какъ необходимо ея дополненіе, предоставленіе при этомъ крестьянамъ возможно широкой свободы въ ихъ хозяйственномъ быту и промысловой дѣятельности. Именно такъ понимаютъ эту теорію и г. Пушкинъ и г. Бибиковъ. Не желая значительнаго надѣла, они вмѣстѣ съ тѣмъ съ совершенною послѣдовательностью требуютъ вознагражденія крестьянина предоставленіемъ ему, по возможности, полной личной свободы и свободнаго приложенія своего труда. Приписывая капиталу соразмѣрно меньшее участіе

въ обезпеченіи рабочаго человѣка, они полагаютъ всѣ надежды свои и устремляютъ всѣ свои усилія на совершенное освобожденіе труда отъ всякаго рода стѣснительныхъ оковъ.

Не вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ и считая его до нѣкоторой степени одностороннимъ, придавая вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно больше важности значенію капитала въ хозяйственномъ мірѣ, я тѣмъ не менѣе не могу не признать, что теорія эта имѣетъ въ ученомъ мірѣ многихъ за себя защитниковъ, и что съ исключительно экономической точки зрѣнія, она можетъ долго и удобно быть защищаема.

Но языкъ мой нѣмѣетъ, когда я принужденъ говорить о томъ же недостаточномъ надѣлѣ земельномъ, но только отрѣшенномъ отъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя неразрывно связаны съ свободнымъ трудомъ и съ личною самостоятельностью человѣка. Мнѣ трудно представить себѣ возможность, для кого бы то ни было, серьезно предложить крестьянину въ видахъ улучшенія, или хотя бы даже только устройства его быта, отобрать у него прежде всего большую часть (отъ $^1/_2$ до $^2/_3$) его надѣла, лишить его далѣе, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, права на прежнюю помощь помѣщика; его же собственное строеніе, оцѣнить ему въ выкупъ отъ 150 руб. сер. и выше, а усадебную землю до 960 руб. сер. за десятину, и вмѣстѣ съ тѣмъ не дать ему даже права ни выйти на оброкъ, ни отлучиться на промыселъ безъ согласія помѣщика, ни, даже устроить свою внутреннюю, домашнюю и общинную жизнь безъ постояннаго, неугомоннаго помѣщичьяго вмѣшательства. И неужель, мм. гг., вы, если примете недостаточный земельный надѣлъ, не отмѣните даже требуемаго вами отъ крестьянина черезъ 12 лѣтъ личнаго выкупа въ 114 руб. 28 коп. сер. съ души за право крестьянина освободиться наконецъ отъ дальнѣйшаго продолженія подобной каторги? А нѣтъ сомнѣнія, каждый крестьянинъ, у кого подобные порядки еще оставятъ по прошествіи 12 лѣтъ 114 руб. 28 коп. въ карманѣ,— каждый крестьянинъ поспѣшитъ вамъ заплатить эти деньги, чтобы разъ навсегда съ вами расчесться и откупиться навѣки отъ столь тщательнаго улучшеннаго вами его быта!...

И какъ согласить, мм. гг., такое пристрастіе къ малому надѣлу съ постоянно заявляемымъ вами убѣжденіемъ въ необходимости обязательнаго труда въ значительныхъ размѣрахъ для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ? Какую повинность можно, безъ явнаго обремененія, наложить на ничтожный однодесятинный надѣлъ, уже безъ того обремененный платежомъ казенныхъ податей и повинностей?...

Нѣтъ, мм. гг., мы точно говоримъ языкомъ другъ другу непонятнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что мы такъ часто споримъ о дѣйствительномъ значеніи самыхъ простыхъ, повидимому, выраженій? Удивительно ли, что еще такъ недавно, такъ ревностно изобличалъ меня одинъ изъ членовъ большинства въ разномъ съ нимъ пониманіи, если не ошибаюсь, слова „барщина“, которое ему представлялось уже въ радужномъ блескѣ мнѣ недоступной красоты вашего срочно-обязаннаго положенія?[1])

Итакъ, теорія малаго надѣла оказывается несостоятельною. Существующій надѣлъ въ видахъ обоюдной въ будущемъ пользы какъ помѣщика, такъ и крестьянина долженъ быть устраненъ, какъ ни удобно было бы сохраненіе его въ видахъ общихъ госу-

---

[1]) Въ журн. отъ *17-го февраля* находимъ слѣдующее курьезное мнѣніе, поданное членомъ Марковымъ:

„Въ прошедшее засѣданіе князь Черкасскій, возражая противъ мнѣнія г. Кирѣева, объяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ словомъ „барщина“ всякую обязательную работу, опредѣленную закономъ, а не взаимнымъ соглашеніемъ, и что онъ до тѣхъ поръ будетъ считать опредѣленіе этого слова вѣрнымъ, пока академическимъ словаремъ оно не будетъ выражено иначе, изъ чего слѣдуетъ заключить: что ямщики въ яму, на почтовыхъ дорогахъ, обязанные закономъ везти почту и проѣзжающихъ по подорожнымъ, за опредѣленные закономъ прогоны, по мнѣнію князя Черкасскаго, работаютъ на барщинѣ, и они крайне сожалѣютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объ устраненіи этой барщины съ тѣхъ поръ, какъ устроились желѣзныя дороги. Тульскіе оружейники, трудящіеся по закону на тульскомъ заводѣ и къ нему приписанные, по тому же мнѣнію, работаютъ на барщинѣ. Аптекаря, которые отпускаютъ лѣкарство, по установленной правительствомъ цѣнѣ; мясники, хлѣбники и т. п., ограниченные въ продажной цѣнѣ, въ относительномъ къ ней количествѣ и качествѣ продаваемаго, — всѣ они, по мнѣнію князя, трудятся на барщинѣ. Всѣ чиновники, служащіе по необходимости, получающіе жалованье, закономъ установленное, а не по добровольному съ ними соглашенію, тоже, слѣдовательно, работаютъ на барщинѣ. Храбрые солдаты, защитники отечества, получающіе жалованье и содержаніе по закону безъ всякаго добровольнаго съ ними соглашенія — и они, слѣдовательно, по мнѣнію князя Черкасскаго, на барщинѣ. Вы, мм. гг., были свидѣтелями, какъ князь Черкасскій бралъ на себя смѣлость дѣлать замѣчанія и понуждать насъ неоднократно, хотя неосновательно, несвоевременно и безъ всякаго на то права къ тому, чтобы приступить къ обсужденію вопросовъ по 1-й главѣ программы, но независимо отъ сего неумѣстнаго и несвоевременнаго предложенія князя, мы всѣ сами, я убѣжденъ въ томъ, были постоянно побуждаемы собственнымъ усердіемъ къ исполненію нашихъ прямыхъ обязанностей, — ужели кто-нибудь думалъ, что при этихъ понужденіяхъ мы трудимся на барщинѣ?

„Въ заключеніе скажу, что меня удивляетъ одно, какъ г. Аксаковъ, сотрудникъ князя Черкасскаго, напечаталъ, что князь борется съ невѣжествомъ (см. № 130 „Моск. Вѣд.“ 1858 г.), а самъ не зналъ, что князю Черкасскому

дарственныхъ цѣлей. По необходимости приходится ограничить его. Но на сколько именно?...

Я уже неоднократно имѣлъ честь въ средѣ комитета выражать мои личныя на этотъ счетъ убѣжденія: по моему личному мнѣнію, котораго я никогда не скрывалъ ни въ средѣ комитета, ни въ общемъ собраніи дворянства, существующій надѣлъ долженъ быть сохраненъ неизмѣннымъ вездѣ, гдѣ размѣръ его на каждую ревизскую душу, со включеніемъ не только пашни, но и усадьбы, выгона, луговъ и всѣхъ вообще угодій, нынѣ не достигаетъ $2^1/_2$ десятинъ; и отрѣзываніе его въ пользу помѣщиковъ должно бы быть допущено лишь тамъ, гдѣ размѣръ его превышаетъ вышесказанную пропорцію $2^1/_2$ десятинъ на душу.

Основаніемъ этого мнѣнія служитъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что таковъ вообще средній надѣлъ крестьянъ въ большей части тѣхъ имѣній Тульской губерніи, гдѣ крестьяне не обдѣлены землею и живутъ въ довольствѣ, съ другой — то, что при такомъ количествѣ земли можно считать крестьянина вполнѣ достаточно обезпеченнымъ, какъ въ отношеніи къ пропитанію его произведеніями собственной земли, такъ и въ отношеніи къ доставленію ему вѣрнаго употребленія своихъ рабочихъ средствъ въ собственномъ своемъ хозяйствѣ въ теченіе не менѣе трехъ дней въ недѣлю.

Обѣщанные намъ гг. членами комитета своды свѣдѣній по уѣздамъ, къ сожалѣнію, еще не готовы до сихъ поръ. Но когда они будутъ намъ сообщены, я охотно представлю комитету фактическія доказательства вѣрности этихъ положеній.

Между тѣмъ не могу не признаться, что мысль о $2^1/_2$-десятинномъ надѣлѣ на душу встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ средѣ комитета, даже со стороны тѣхъ изъ членовъ его, которые наиболѣе расположены къ обезпеченію крестьянъ надѣломъ достаточнымъ.

Во вниманіе къ ихъ доводамъ и притомъ на тотъ случай, если черезъ это успѣетъ составиться въ бывшемъ донынѣ меньшинствѣ комитета соединеніе нѣсколькихъ лицъ, готовыхъ принять за норму двухдесятинный на душу надѣлъ съ сохраненіемъ нынѣшняго

неизвѣстно значеніе столь общеупотребительнаго слова „барщина“, — значеніе котораго, по собственному сознанію, князь долго знать не будетъ, а именно до изданія новаго Россійскаго Академическаго Словаря“.

На замѣчанія г. Маркова кн. Черкасскій объяснилъ, что онъ не считаетъ достойнымъ себя отвѣчать на нихъ, а слишкомъ неблагодарнымъ трудомъ распутывать то странное смѣшеніе понятій, которыя заключаются во мнѣніи г. Маркова (журн. 43, ст. 7).

statu quo въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне теперь надѣлены меньшимъ количествомъ земли, я соглашусь и самъ подать голосъ въ пользу такого надѣла.

Двухъ-десятинный надѣлъ въ средней сложности составляетъ отъ 4 до 5 сороковыхъ осьминниковъ въ полѣ на каждое тягло пашенной земли, представляется мнѣ крайнимъ, нижайшимъ предѣломъ того, что я по совѣсти считаю нужнымъ для обезпеченія необходимѣйшихъ потребностей крестьянина. Это есть нижайшій, средній по уѣздамъ размѣръ надѣла казенныхъ крестьянъ нашей губерніи и притомъ только въ одномъ Алексинскомъ уѣздѣ; ибо во всѣхъ прочихъ уѣздахъ казенные крестьяне владѣютъ отъ 2 до $4^{3}/_{10}$ десят. на душу. Въ пользу этого же двухъ-десятиннаго надѣла, и притомъ въ лучшихъ мѣстностяхъ Тульской губ., уже гласно высказались опытнѣйшіе хозяева, не принадлежащіе ни къ той, ни къ другой сторонѣ нашего комитета, и потому судившіе объ этомъ дѣлѣ съ полною свободою и совершенною независимостью мысли; таковы, напримѣръ, Н. П. Шишковъ и г. Бахтіаровъ, нынѣшній ефремовскій уѣздный предводитель. Къ числу недавнихъ еще защитниковъ того же самаго мнѣнія мы должны причислить, наконецъ, и самого почтеннаго друга моего И. А. Пушкина, нынѣ столь горячо ратующаго за одно-десятинный надѣлъ, но не такъ давно еще въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ говорившаго о необходимости дать крестьянамъ по двѣ десятины на душу.

Въ заключеніе, мм. гг., я не могу не обратить вниманія вашего еще на одно обстоятельство, заслуживающее, конечно, самаго зрѣлаго обсужденія вашего; я говорю о настоятельнѣйшей практической сторонѣ этого вопроса, о самомъ приведеніи въ исполненіе того окончательнаго положенія о надѣлѣ, которое вами будетъ принято и утверждено. Позвольте напомнить вамъ, мм. гг., что мирное или несчастное окончаніе всего предпринятаго преобразованія почти исключительно зависитъ отъ васъ и отъ того надѣла, который вами будетъ принятъ. Ошибка въ слишкомъ скупомъ назначеніи его можетъ повлечь за собою для всего дворянства и для всего общества самыя горестныя послѣдствія; и тогда, мм. гг., несвоевременно будетъ всякое позднее раскаяніе и всякое оправданіе себя самымъ желаніемъ соблюсти выгоды дворянства, ибо дворянство, ввѣрившее разрѣшеніе этого вопроса своимъ депутатамъ и не связавшее ихъ никакими инструкціями, въ правѣ ожидать и требовать отъ нихъ счастливаго исхода всего дѣла. Несправедливо было бы намъ рѣшаться на положеніе, очевидно, скупое, лишь въ той надеждѣ, что

личный тактъ каждаго дворянина возмется исправить наши погрѣшности! Нѣтъ, мм. гг., мы не въ правѣ налагать на каждаго помѣщика это тяжелое бремя; мы должны сами взять рѣшеніе на свою собственную полную отвѣтственность и не должны прятаться ни за чью отвѣтственность. Иначе намъ не слѣдовало вовсе браться за это дѣло.

Большая часть дворянъ-помѣщиковъ находится въ постоянномъ отсутствіи и при лучшемъ желаніи не можетъ прибыть на мѣсто для введенія въ дѣйствіе новаго Положенія и смягченія тѣхъ частей его, которыя могутъ оказаться неудобоисполнимыми. Множество другихъ имѣній состоитъ подъ опекою.

Ни управляющіе, ни старосты, ни опекуны не будутъ имѣть ни возможности, ни власти исправлять на практикѣ наши ошибки, если ошибки вкрадутся въ сдѣланное нами дѣло. Не говорю уже о тѣхъ дворянахъ, которыхъ самое составленное нами Положеніе, по довѣрію ихъ къ намъ, можетъ ввести въ заблужденіе насчетъ степени его примѣнимости.

Вы знаете, мм. гг., что вопросъ о сохраненіи за крестьянами достаточнаго земельнаго надѣла есть для нихъ вопросъ существеннѣйшей важности. Недавніе опыты самостоятельной и обдуманной дѣятельности крестьянъ въ отношеніи къ винному откупу, даютъ вамъ мѣру того, что мы должны ожидать отъ единожды выработавшагося и созрѣвшаго въ нихъ сознанія. Берегитесь, чтобы, при назначеніи слишкомъ ничтожнаго надѣла и при попыткѣ привести въ исполненіе подобное рѣшеніе, не повторилось въ усиленныхъ размѣрахъ тоже самое явленіе сознательнаго сопротивленія цѣлыхъ массъ, ибо никому неизвѣстно, чѣмъ можетъ кончиться единожды возбужденный антагонизмъ сословій и къ чему можетъ повести народное отчаяніе!...

Слова мои прошу ваше пр—во велѣть внести въ журналъ.

Кн. *В. Черкасскій.*

27 февраля 1859 г.

Приложеніе № 18.

Письмо И. С. Аксакова къ Е. П. Ковалевскому.

Милостивый государь, Егоръ Петровичъ!

Долгое ожиданіе офиціальнаго разрѣшенія и потомъ болѣзнь были причиною того, что я не отвѣчалъ на Ваше благородное и честное письмо. Условія для изданія „Парохода“ или „Славянскаго Вѣстника“ были таковы, что принять ихъ могъ только спекуляторъ, ожидающій

отъ изданія какихъ бы то ни было выгодъ. Они убиваютъ всякую жизнь и всякое сочувствіе къ славянскому міру; по смыслу ихъ надобно было издавать какую-то славянскую газету и въ то же время подчиняться запрещенію, хотя сколько-нибудь касаться живыхъ славянскихъ вопросовъ. Дозволено было языкознаніе, археологія и пр., именно тѣ архивскія свѣдѣнія, которыя и когда-то-нибудь, не только въ настоящую минуту, настолько занимали и могли занимать читающихъ, насколько касались живыхъ ранъ настоящихъ. Есть, пожалуй, путь, подъ предлогомъ старины, въ маскарадномъ платьѣ археологическихъ изслѣдованій вводить безпрестанно намеки на настоящую горькую участь всѣхъ нашихъ собратій, — этому каждый изъ насъ можетъ случайно поддаваться невольно, увлеченный обстоятельствами, и найти единственный выходъ окованному слову, но сдѣлать это системою никто изъ насъ не подумаетъ ни на минуту и отвергнетъ съ отвращеніемъ. Въ Австріи, въ Турціи понятно говорить иносказательно о народности, но говорить намъ, русскимъ, и еще говорить передъ славянами обиняками и междустрочіями — значило бы прямо и безъ обиняковъ сдѣлать доносъ общественному мнѣнію славянъ на явное притѣсненіе у насъ нашей собственной народности, не разлучной въ своихъ основахъ съ народностію общеславянскою. Какъ же и чѣмъ же мы оправдали бы такое притѣсненіе? во имя чего оно дѣлается? Когда немногимъ изъ насъ понятенъ его источникъ, можемъ ли мы требовать и даже ожидать яснаго пониманія отъ славянъ? Они видятъ въ немъ гасильщика послѣдняго слабаго луча надежды, блеснувшаго имъ въ нашемъ славянскомъ къ нимъ сочувствіи. Славяне будутъ видѣть въ немъ, съ одной стороны, деспотизмъ, не нуждающійся ни въ какомъ объясненіи своихъ поступковъ, съ другой — умѣніе австрійскихъ и русскихъ нѣмцевъ убѣдить насъ, что намъ гибельно развитіе собственной нашей народности, — послѣдняя часть ихъ обвиненія тѣмъ будетъ болѣе удовлетворять ихъ, что въ ней есть сильная доля истины; если не постоянно, то по крайней мѣрѣ весьма часто, нельзя у австрійцевъ и пруссаковъ отнять большого дипломатическаго умѣнья. Мы ясно видимъ слабость и шаткость и безпрестанное колебаніе путей, избранныхъ колонновожатыми, и колебаніе началъ и внутренняго содержанія настоящей нашей жизни. Время и вызываемое имъ развитіе народа требуетъ самостоятельности, а мы, т.-е. общество руководящее, взявши на себя руководить народъ, привыкло дѣйствовать не иначе, какъ по совѣту и по предписанію извнѣ, сдѣлаемъ шагъ впередъ по внутреннему

влеченію, какъ орудіе времени и Провидѣнія, и отступимъ иногда на полтора назадъ; обхватитъ страхъ, какъ это мы рѣшаемся итти сами, что скажутъ наши европейскіе вожатые? Грустно, невыносимо грустно все это видѣть,— видѣть всю безсмыслицу, такъ хорошо переданную словами Св. писанія: тамъ видимъ страхъ, гдѣ нѣтъ страха; видѣть, какъ мы сами у себя отнимаемъ то нравственное вліяніе, какое могли бы имѣть надъ всѣми славянскими племенами, и оставаться безмолвнымъ и неподвижнымъ зрителемъ. Насъ пугаютъ поляками, — тогда какъ нашимъ полякамъ нѣтъ благороднѣйшаго, честнѣйшаго и благовиднѣйшаго выхода изъ узкаго польскаго патріотизма, какъ славянское соединеніе съ русскими. Какъ поляки, слѣдовательно и какъ католики, они вѣчно будутъ ненавидѣть русскихъ; не было примѣра, чтобы кого-либо и когда-либо искренно могла помирить власть, для этого у насъ нѣтъ, и не можетъ быть запаса ни любви, ни самоотверженія; какъ славяне, они могутъ спокойно и благородно подать руку собрату русскому, точно такъ же какъ они, терпящему отъ чужеземныхъ вліяній.

Простите, Егоръ Петровичъ, что письмо мое расширилось,— отъ избытка сердца уста глаголятъ, а сердце надсаживается тоскою при всемъ, что слышитъ и видитъ и чему подвергается. Выходитъ, что единеніе съ славянами останется болѣе личиною нежели оно было когда-то, видно

Вѣковать намъ вѣкъ въ разлукѣ,
Не пора очнуться намъ:
Не придется видѣть внукамъ
То, что снилося отцамъ.

Для насъ тутъ дѣло рѣшенное: для Петербурга непрямой путь возможенъ, для насъ москвичей, онъ рѣшительно невозможенъ, потому что, кромѣ его неблагородства, онъ въ высшей степени не ловокъ. Петербургъ можетъ колебаться между благороднымъ и неблагороднымъ, честнымъ и нечестнымъ; для тѣхъ началъ народности, которыхъ Москва является представительницею, нѣтъ ни выбора, ни колебанія. Какъ ни грустно писать такія строки, а во всемъ этомъ дѣлѣ для насъ здѣсь одно отрадное явленіе, что въ Васъ мы увидѣли искренняго, честнаго, благороднаго защитника славянскаго дѣла, слѣдовательно искреннюю, честную, благородную и безкорыстную любовь къ Россіи. Да споспѣшествуетъ Вамъ Богъ на Вашемъ трудномъ поприщѣ! (Въ арх. кн. Черкасск. № 30).

УКАЗАТЕЛЬ

писемъ изъ архива кн. В. А. Черкасскаго, напечатанныхъ полностью или въ выдержкахъ въ 1-й книгѣ 1-го тома.

Звѣздочками отмѣчены письма, подлинныя которыхъ сохранились; остальныя имѣются лишь въ копіяхъ.

— —

Письма кн. Черкасскаго къ Ю. Ѳ. Самарину.

		Стр.
1)	17 ноября 1855 г.	60
2)	18 іюля 1858 г.	126
3)	* 11 сентября „	154
4)	* 21 сентября „	161
5)	* 24 сентября „	166
6)	* 13 октября „	174
7)	* 13 ноября „	230
8)	* 8 января 1859 г.	278
9)	* 20 февраля „	305
10)	* 7 марта „	316

Письма кн. Черкасскаго къ А. И. Кошелеву.

		Стр.
1)	*22 августа 1854 г.	51
2)	13 іюня 1855 г.	55
3)	3 ноября „	56
4)	безъ числа „	61
5)	29 декабря „	63
6)	30 января 1856 г.	65
7)	18 февраля „	67
8)	20 мая 1856 г.	72
9)	8 іюля „	74
10)	17 іюля „	75
11)	10 октября „	78
12)	26 марта 1857 г.	80
13)	9/21 ноября „	81
14)	21 января / 2 февраля 1858 г.	93
15)	16/28 марта „	99
16)	12 апрѣля „	103
17)	13 іюня „	107
18)	29 іюня „	114
19)	11 іюля „	122
20)	18 іюля „	125
21)	18 августа „	130
22)	31 августа „	142
23)	* 11 сентября „	147
24)	21 сентября „	164
25)	* 7 октября „	172
26)	* 13 октября „	173
27)	16 октября „	175
28)	* 2 ноября „	208

		Стр.
29)	2 ноября 1858 г.	222
30)	12 ноября „	226
31)	Понед., ноября „	233
32)	27 ноября „	244
33) *	5 декабря „	259
34)	14 декабря „	262
35) *	25 января 1859 г.	283
36)	3 февраля „	284
37)	21 февраля	299
38)	(7) марта „	318
39)	14 марта „	323
40) *	27 марта „	327

Письма кн. Черкасскаго къ И. С. Аксакову.

1)	21 октября 1858 г.	188
2)	31 октября „	191
3)	2 ноября 1858 г.	195
4)	(27) ноября „	242
5)	февраль 1859 г.	295
6)	20 февраль „	—
7)	(15) марта „	321

Письма кн. Черкасскаго къ кн. Е. А. Черкасской.

1)	безъ числа 1851 г.	43
2)	„ „	44
3)	„ „	45
4)	„ „	46
5)	апрѣль 1858 г.	96 и 104
6)	28 апрѣля „	105
7)	сентябрь „	147
8)	19 декабря „	266

---

* Отъ кн. В. А. Черкасскаго кн. К. А. Черкасскому 26 октября 1846 г. 17

„ „ „ „ „ гр. П. Т. Баранову 15 іюня 1858 г. 156

„ „ „ „ „ бар. М.* } іюня 1849 г. 33

„ „ „ „ „ „ „ } „ 1859 г. 331

* „ „ „ „ „ Тульск. губ. Дараганъ апр. 1859 г. 330

Письма Ю. Ѳ. Самарина къ кн. В. А. Черкасскому и А. И. Кошелеву.

		Стр.
1)	21 сентября 1855 г.	60
2)	17 мая 1856 г.	72
3) *	18 ноября 1857 г.	84
4) *	9 іюля 1858 г.	111 и 151
5) *	18 іюля „	118
6)	16 августа „	128
7) *	28 августа „	157
8)	27 сентября „	158 и 169
9) *	9 октября „	163
10) *	9 октября (рапортъ)	180
11) *	12 октября 1858 г.	200
12) *	19 октября „	206
13) *	26 октября „	212
14) *	15 ноября „	247
15)	19 ноября „	219
16) *	22 ноября „	249
17) *	(?) декабря „	251
18) *	9 декабря „	252
19)	Записка „	283
20) *	21 января 1859 г.	279

		Стр.
21)	* 1 марта 1859 г.	309
22)	* 13 марта (къ Смирновой) „	313
23)	(?) марта 1859 г.	319
24)	* 25 марта „	325

Письма А. И. Кошелева къ кн. В. А. Черкасскому и Ю. Ѳ. Самарину.

1)	* 4 іюля 1853 г.	50
2)	2 сентября 1854 г.	52
3)	15 іюля 1855 г.	55
4)	6 сентября „	56
5)	* 16 ноября „	59
6)	* 12 декабря „	62
7)	* 21 декабря „	63
8)	* 6 января 1856 г.	65
9)	* 14 февраля „	67
10)	* 8 мая „	71
11)	* 1 мая „	71 и 82
12)	* 30 мая „	73
13)	* 27 іюня „	74
14)	* 12 іюля „	75
15)	* 30 іюля „	77
16)	* 23 октября „	80
17)	* 25 марта 1857 г.	80
18)	21 ноября „	82 и 96
19)	* 20 декабря „	91
20)	* 24 февраля 1858 г.	99
21)	* 17 апрѣля „	104
22)	4 іюля „	116 и 122
23)	8 Іюля „	118
24)	* 1 іюля „	121
25)	* 24 и 27 іюля „	126 и 128
26)	* 13 августа „	129
27)	* 2 сентября „	143, 145, 146
28)	2 сентября 1858 г.	153
29)	* 26 августа „	146
30)	19 сентября „	150
31)	9 сентября „	156
32)	14 іюля „	157
33)	* 12 октября 1858 г.	158
34)	28 сентября „	165
35)	30 сентября „	170
36)	22 октября „	177
37)	29 октября „	198
38)	октябрь „	205
39)	* 30 октября / 2 ноября „	210, 214
40)	5 ноября „	217
41)	9 ноября „	217
42)	9 ноября „	214
43)	19 ноября „	219
44)	* 10 ноября „	221
45)	* 11 ноября „	227
46)	11 ноября „	228
47)	* 15 ноября „	232
48)	* 21 ноября „	237
49)	25 ноября „	238
50)	* 1 декабря „	246
51)	* 7 декабря „	250
52)	* 10 декабря „	261
53)	* 17 декабря „	264
54)	* 21 января 1859 г.	282
55)	7 февраля „	286
56)	11 февраля „	293
57)	* 20 февраля „	301
58)	16 марта „	324
59)	5 апрѣля „	329

Письма И. С. Аксакова къ кн. В. А. Черкасскому.

1)	* 5 января 1852 г.	48
2)	* 17 іюля 1858 г.	124
3)	* 17 октября „	186
4)	* 25 октября „	189
5)	* 27 октября „	189
6)	* 28 октября „	190
7)	* 31 октября „	194
8)	* 11 ноября „	198 и 229
9)	* 28 ноября „	239

		Стр.
10) *	18 декабря 1858 г.	264
11) *	7 февраля 1859 г.	289
12) *	мартъ „	304
13) *	мартъ „	320

Письма А. И. Васильчиковой къ гр. Барановой.

1)	13 апрѣля 1850 г.	33
2)	Зима 1851 г.	34
3)	2 іюня „	41
4)	мартъ „	42
5)	31 марта „	42
6)	апрѣль „	46
7)	6 января 1852 г.	47
8)	25 января „	47
9)	25 апрѣля „	48
10)	7 сентября „	48
11)	мартъ 1853 г.	49
12)	20 сентября 1854 г.	52
13)	3 марта 1855 г.	53

Записки бар. Раденъ.

1) *	Январь 1858 г.	94
2) *	Февраль „	98
3) *	Мартъ „	99
4)	Ноябрь или дек. „	263
5)	9/21 марта 1859 г.	304

*	Отъ кн. К. Черкасскаго	кн. В. А. Черкасскому	1847 г. 25
*	„ кн. В. Голицына	„ „ „	„ 26 авг. „ 27
*	„ Болотова	„ „ „	„ 2 ноября „ 28
	„ ст.-секр. Блудова	кн. Конст. Черкасскому	21 февр. 1848 г. 30
	„ В. Олсуфьева	Оливье	января „ 31
*	„ Проф. Крылова	кн. В. А. Черкасскому (2 записки)	„ 34
*	„ Н. Я. Ростовцева	„ „ „	15 іюля 1858 г. 109
*	„ И. С. Тургенева	„ „ „	9 іюля „ 127
	„ кн. В. А. Черкасскаго	гр. П. Т. Баранову	15 іюня „ 156
*	„ Н. А. Елагина	кн. В. А. Черкасскому	25 сент. „ 168
*	„ кн. Черкасской	баронессѣ Раденъ	ноябрь „ 235
	„ Д. Философова	кн. Черкасскому	декабрь „ 265
	„ А. П. Елагиной	кн. Черкасской	13 февр. „ 297
*	„ Я. И. Ростовцева	кн. В. А. Черкасскому	9 марта 1859 г. 323
	„ Бар. М...	„ „ „ „	апрѣль 329 27 мая 330

Въ приложеніяхъ.

*	Отъ кн. В. А. Черкасскаго	гр. Орлову-Давыдову	1870 г. 7
	„ А. И. Кошелева	кн. Черкасскому и Ю. Ѳ. Самарину	сент. 1858 г. 10
	„ Эшмана	Ю. Ѳ. Самарину	12 сент. „ 104
*	„ кн. В. А. Черкасскаго	А. И. Левшину	„ 106
	„ Унковскаго	А. И. Кошелеву	18 сентября „ 111
	„ „	кн. Черкасскому	10 октября „ 113
	„ И. С. Аксакова	Ковалевскому	„ 157

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

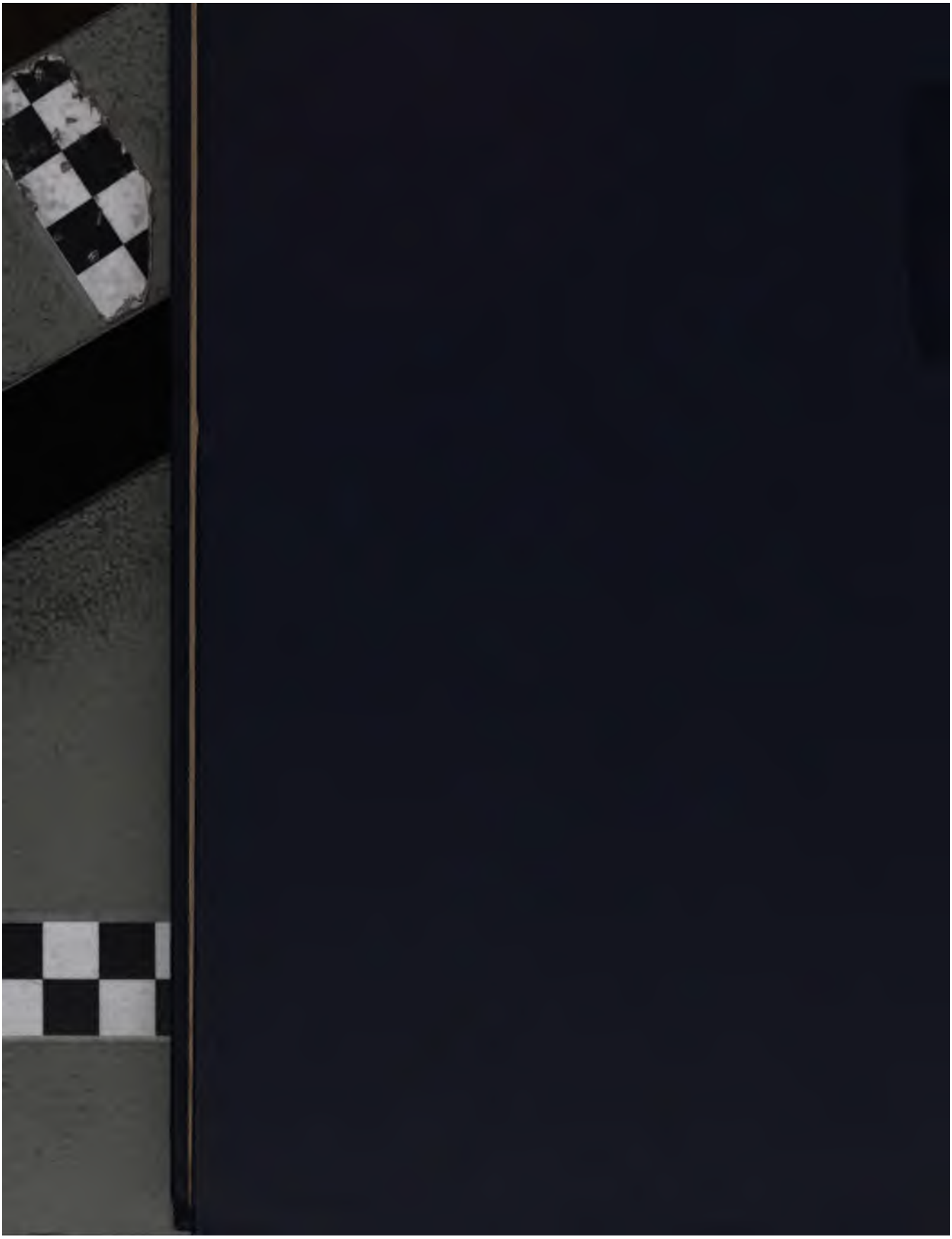
Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
13	5 снизу	находять	находятъ
—	11 „	дережное	денежное
47	12 сверху	prépâre	prépare
48	2 „	хлонотахъ	хлопотахъ
—	13 снизу	Черкесскимъ	Черкасскимъ
50	9 сверху	къ намъ пріѣхать	къ этому времени къ намъ пріѣхать
—	12 „	Etudes Evangéliques и Etudes sur B. Pascal	Etudes Evangéliques и Nouvelles Etudes рекомендую Вамъ весьма Etudes sur B. Pascal
—	20 „	разумъ	разсудокъ
—	23 „	Занимался науками положительными, но	Занимался науками положительными, считалъ чуть ли не все суевѣріемъ, но
51	17 „	удобраго	удобнаго
—	21 „	будетъ плохъ	будетъ вѣроятно плохъ
60	5 „	о русскомъ платьѣ и о русской точкѣ зрѣнія	и о русскомъ платьѣ, и о русскомъ языкѣ, и о русской точкѣ зрѣнія
61	4 „	томило бы въ кабинетѣ	томило бы Васъ въ кабинетѣ
—	5 „	сдѣлаетесь причастнымъ	сдѣлаетесь отчасти причастнымъ
—	17 „	это логическаго	это того логическаго
62	22 „	спокойно курить	спокойно продолжать курить
75	16 снизу	послѣ іюньскихъ	послѣ выхода іюньскихъ
84	12 „	вы пишете	вы мнѣ писали
—	7 „	для нашего	для теперешняго нашего
88	1 сверху	просондировать	прозондировать
—	12 „	интентарныя	инвентарныя
90	17 „	упрочненія	упроченія
92	19 „	пересматриваются	пересматриваются съ цѣлью расширить удобства всѣхъ сихъ учрежденій
—	5 „	пррвительства	правительства
94	22 „	баронъ	баронесса
106	13 „	Рачинскаго	Ровинскаго
134	11 „	обезпечиваетъ	обезпечиваютъ
138	9 „	наконецъ о предоставленіи	наконецъ предоставленіе
147	24 „	постановленія, то мы	постановленія, что мы
—	4 снизу	дурные или, лучше,	дурные, или лучше —
149	5 „	Кропивенскій	Крапивенскій

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
174	15 „	обнаруживается	обнаруживаться
276	16 сверху	началъ, которые	началъ, которыя
304	5 снизу	$^{2}/_{21}$ Mars	$^{9}/_{21}$ Mars
312	—	противъэ той	противъ этой
326	2 снизу	М. Л. Милютиной	М. А. Милютиной
327	13 „	Князь	Князь

Въ приложеніяхъ:

56	1 снизу	свемъ чувство двворія	своемъ чувство довѣрія
83	6 „	дѣйствіи	дѣйствія
92	11 „	ежемѣсячные	ежемѣсячные
100	1 сверху	жаловъ	жалобъ
104 / 106	—	А. Эсмондъ	А. Эшманъ
119	8 сверху	присоединить	присоединитъ
120	14 „	И. Л. Пушкинъ	И. А. Пушкинъ
137	17 „	раззоренія	разоренія
—	5 снизу	сословіяне	сословія не

60-00
482240

ОБМЕН

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000259228